Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2018 – № 4 (15)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 4 (15) – 307 с. – ISSN 2499-9679.
2018, № 4 (15). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова,** доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно, Чехия; **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-68454 от 27.01.2017 г.
Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2018
© Авторы статей, 2018

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2018. – № 4 (15). – 307 pages. – ISSN 2499-9679.

2018, № 4 (15). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU (Deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. I. Boichuk**, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, YSPU; **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **E. V. Bykova**, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations in Business of the St. Petersburg State University; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU: **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee**; G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **A. V. Ledenev**, Doctor of Philology, Professor of Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; **Li Xiaotao**, Doctor of Russian Language and Russian Literature, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chóngqìng, PRC; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **A. D. Petrenko**, Doctor of Philology, Professor, Director of Institute of Foreign Philology, Head of Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova,** Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **Ivo Pospishyl**, Doctor of Philology, Professor, Head of Institute of Slavic Philology of Philosophy Faculty of Masayk University, Brno, the Czech Republic; **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **I. B. Rubert**, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and Theory of Translation of Humanitarian Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance; **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of Center of Communicative Researches, Professor of Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University; **L. A. Trubina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Vice-Rector for Education of Moscow Pedagogical State University; **N. A. Fateeva**, Doctor of Philology, Professor, a chief research worker, Head of Scientific Center of Interdisciplinary Researches of Literary Text of Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences; **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **G. T. Khukhuni**, Doctor of Philology Professor, Head of Department of Language Theory and Anglistics of Moscow State Regional University; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

The magazine is included into the list of the leading reviewed scientific magazines and editions where the main scientific results of theses to get the academic degree of the Doctor and Candidate of sciences are published.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Certificate of mass media registration:
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

PI № FS 77-68454, 27.01.2017

Conditions for the Publishing Article in the Scientific Magazine
«Verhnevolzhski Philological Bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2018
© Authors of the articles, 2018

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 4 (15) – 2018

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Мокляк В. И. Поэтика фантастического в древнерусских житийных циклах ____ 8

Андреева В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX в. ____ 13

Иванов Н. Н., Макеева С. Г. Образы-архетипы творчества М. Пришвина ____ 22

Леденев А. В. Эффект фонетической иррадиации личного имени в рассказе В. Набокова «Первая любовь» ____ 28

Болдырева Е. М. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. ____ 34

Журналистика

Арбатская Е. О. Биологические метафоры в теории медиа ____ 45

Ермолин Е. А. Эмотивный и экспрессивный нарратив в транспарентном блогинге ____ 51

Джумайло О. А. Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании ____ 58

Малыгина Л. Е. «Виртуальные собеседники»: перспективы развития телевизионного промодискурса ____ 63

Юрьева Т. В., Тихомирова А. Л. Российские СМИ как площадка для разрешения градостроительных конфликтов ____ 71

Петрова М. В. Научно-популярная журналистика: традиции и современные реалии ____ 78

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

Белов В. А. Способы наивного толкования лексического значения существительных ____ 83

Цыбова И. А. О соотношении формы, значения и функций словообразовательных аффиксов ____ 92

Беглова Е. И. Фразеологические единицы как смысловое и эмоциональное ядро современного журнального текста ____ 98

Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания вариативности в современном художественном тексте ____ 105

Разумов Р. В. Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве ____ 112

Суханова И. А. Общие мотивы и языковые средства создания образов персонажей Пастернака и Достоевского ____ 120

Менькова Н. В. Диминутивы как речевая неудача ____ 127

Германские языки

Лукин О. В. Работы С. Г. А. Герлинга в парадигме немецкой рациональной грамматики и лингводидактики XIX века 137

Воронко Е. П., Нефедова, Л. А. Культурно-маркированная лексика швейцарского варианта немецкого языка: диатопическое измерение 144

Сосой О. А. Средства языковой объективации комического эффекта в немецких анекдотах 150

Бейм В. В. Рисунок темпоральной сетки гороскопа (на материале немецкого языка) 157

Кондратенко М. М. Славянские заимствования в южнонемецкой лексике традиционной культуры (на материале говоров немецких переселенцев) 161

Глебова Е. А. Концепт медийной глобализации на материале англоязычных СМИ 166

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теоретические аспекты культурных процессов

Воронина О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре 172

Тюкина Л. А. Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры 179

Лепехин Н. Н., Протанская Е. С. Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление 186

Можегов В. И. Открытие Пушкина-мыслителя в работах С. Франка 195

Лихоманова А. А. Национально-государственные идеи А. С. Пушкина в поэме «Медный всадник» 200

Хренов Н. А. Вождь и масса в ситуации романтической и термидорианской фазы в истории революции 207

Ерохина Т. И. Максим Горький: культурный герой и память культуры 217

Исторические аспекты культурных процессов

Бабурина Н. Ф., Полетаева В. В. Мода как отражение социальной структуры Российской империи XIX столетия (на примере дворянского сословия) 223

Пефтиев В. И. А. П. Чехов и его современники в контексте общественных дискуссий рубежа XIX–XX вв. 232

Розина О. В. Историко-культурологическая реконструкция мест ссылки Николая II 237

Осьмачко С. Г. Культурологические проблемы взаимодействия мифа и стереотипа в современном общественном сознании 244

Осьмачко С. Г., Артамонова О. А. Культура и идеология: некоторые проблемы взаимовлияния 251

Никифоров Ю. С. Роль «устной истории» в изучении региональных элит позднего социализма 260

Плуженская Л. В., Панова Е. А. Моделирование локального бренда исторического города 267

Гапонова Ж. К. Самоидентификация провинциала в массовом сознании современной России 274

Цветкова О. Л. Генезис общества потребления в постсоветской России и культурное влияние США 281

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Историческая прагматика. Использование языка во времени 293

Детская книга: издательские стратегии и актуальные читательские практики 297

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 302

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 4 (15) – 2018

"The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…"

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Moklyak V. I. Fantastic Poetics in Old Russian Hagiographic Cycles _____ 8

Andreeva V. G. The Person and Problem of Anthropocentrism in the Russian Novel of the second half of the 19th century _____ 13

Ivanov N. N., Makeeva S. G. Image-Archetypes of M. Prishvin's Works _____ 22

Ledenev A. V. The effect of phonetic irradiation of a proper name in V. Nabokov's short story «The First Love» _____ 28

Boldyreva E. M. Differentiation of Factual and Fictional Genres of Autobiographical Literature of the end of the XX – the beginning of the 21st century _____ 34

Journalism

Arbatskaya E. O. Biological Metaphors in the Theory of Media _____ 45

Ermolin E. A. Emotive and Expressional Narrative in Transparent Blogging _____ 51

Dzhumaiylo O. A. Concept of Intermediality and Its Evolution in Modern Scientific Knowledge_____ 58

Malygina L. E. «Virtual Interlocutors»: Prospects of TV-Promodiscourse Development _____ 63

Yurieva T. V., Tikhomirova A. L. The Russian Media as a Platform for Resolving of Town-Planning Conflicts _____ 71

Petrova M. V. Popular Scientific Journalism: Traditions and Modern Realities _____ 78

LINGUISTICS

Russian language

Belov V. A. Ways of Naive Interpretation of the Lexical Meaning of Nouns _____ 83

Tsybova I. A. About the Ratio of Form, Value and Functions of Word-Formation Affixes _____ 92

Beglova E. I. Phraseological Units as a Semantic and Emotional Kernel of the Modern Journal Text_____ 98

Kulakovsky M. N. Parenthetic Constructions as a Means to Make Variability in the Modern Art Text ___ 105

Razumov R. V. Onymic Conflicts in the Russian Urbanonymic Space_____ 112

Sukhanova I. A. Common Motifs and Language Tools in the Creation of the Characters in Works by Pasternak and Dostoyevski_____ 120

Menkova N. V. Diminutives as Speech Failure _____ 127

Germanic languages

Lukin O. V. The Works by S. H. A. Herling in the Paradigm of German Rational Grammar and Linguodidactics of the XIX century 137

Voronko E. P., Nefedova L. A. The Culturally Marked Vocabulary of the Swiss Option of German: Diatopic Measurement 144

Sosoi O. A. Means of Language Objectivization of a Comic Effect in the German Jokes 150

Beym V. V. The Drawing of a Temporal Network of a Horoscope (on the German material) 157

Kondratenko M. M. Slavic Borrowings in the South German Lexicon of Traditional Culture (on the material of German immigrants' dialects) 161

Glebova E. A. Concept of Media Globalization on the material of English-language media 166

CULTURAL SCIENCE

Theoretical aspects of cultural processes

Voronina O. A. Symbolism of Femininity and Masculinity in Russian Culture 172

Tyukina L. A. Individual and Collective Memoirs as a Basis for Forming Culture 179

Lepekhin N. N., Protanskaia E. S. Suggestology in the Context of Cultural Genesis as a Scientific Direction 186

Mozhegov V. I. Revealing of Pushkin the Thinker in S. Frank's Works 195

Likhomanova A. A. «The Bronze Horseman» by A. S. Pushkin: National and State Ideas of the Poet 200

Khrenov N. A. The Leader and the Masses in the Situation of the Romantic and Thermidorian Phase in the History of Revolution 207

Erokhina T. I. Maxim Gorky: a Cultural Hero and Memory of Culture 217

Historical aspects of cultural processes

Baburina N. F., Poletaeva V. V. Fashion as Reflection of the Social Structure of the Russian Empire in the XIX century (on the example of nobility) 223

Peftiev V. I. A. P. Chekhov and His Contemporaries in the Context of Public Discussions at the turn of the 19-20th century 232

Rozina O. V. Historical and Culturological Reconstruction of Places of Nicholas II's Deportation 237

Osmachko S. G. Culturological Problems in Interaction of the Myth and Stereotype in Modern Public Consciousness 244

Osmachko S. G., Artamonova O. A. Culture and Ideology: Some Problems of Interference 251

Nikiforov Yu. S. Role of «Oral History» in Study of Late Socialism Regional Elite 260

Pluzhenskaya L. V., Panova E. A. Modeling of a Local Brand of the Historic Town 267

Gaponova Zh. K. Self-Identification of the Provincial in Mass Consciousness of Modern Russia 274

Tsvetkova O. L. Genesis of Consumer Society in Post-Soviet Russia and US Cultural Influence 281

SCIENTIFIC LIFE

Historical pragmatics. Use of language in time 293

Children's book: publishing strategy and relevant reader's practices 297

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 305

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

УДК 82

В. И. Мокляк
https://orcid.org/0000-0002-2377-8646

Поэтика фантастического в древнерусских житийных циклах

Статья посвящена вопросам поэтики фантастического в древнерусских житийных циклах. Понятие «фантастическое» в статье дифференцируется на два близких, однако самостоятельных определения – чудесное и неправдоподобное. Основным критерием дифференциации данных понятий является христианский мотив спасения души. Категория чудесного, характерная для средневековой агиографии, тесно связана со световыми образами (столпы света). В статье прослеживается динамика фантастических мотивов от конца XI – до XV вв. В поле зрения статьи попадают три агиографических текста: Житие Феодосия Печерского, Сказание о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида, Житие Никиты Столпника Переславского. Рассматривая мотивы фантастического в данных текстах, исследователь отмечает процесс четкой переориентации традиционной средневековой системы ценностей от небесного, возвышенного, божественного в сторону земного мира, с его интересами и приоритетами, связывая это явление с экономическим и политическим развитием. Таким образом, в статье подчеркивается взаимосвязь чудесного мотива света с развитием средневекового мировоззрения. Важную роль играет проблема циклизации житийных текстов: перетекание фантастических событий, их взаимодействие и взаимосвязь указывают на процесс наращивания литературных качеств, разветвление сюжетных линий, трансформацию чудесных мотивов. В статье делается вывод о трансформации поэтики фантастического, о все большей дифференциации между фантастическим и неправдоподобным, что указывает на постепенный отказ от стиля монументального историзма в пользу новой своеобразной системы художественного видения мира, характеризующейся интересом к эфемерному, мимолетному, земному.

Ключевые слова: житие, агиография, монашество, поэтика фантастического, цикл, циклизация, иррациональность, чудесное, неправдоподобное.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

V. I. Moklyak

Fantastic Poetics in Old Russian Hagiographic Cycles

The article is devoted to questions of fantastic poetics in Old Russian hagiographic cycles. In the article the concept «fantastic» is differentiated into two relatives, however independent definitions: wonderful and improbable. In the article the main criterion for differencing these concepts is the Christian motive of rescuing soul. The category of wonderful, characteristic of medieval hagiography, is closely connected with light images (light pillars). In the article dynamics of fantastic motives is traced from the end of the XI – till the 15th century. In the articles there are three hagiographical texts: Theodosius of the Caves's life, Legend on miracles of Saint passion bearers of Christ Roman and David, Pereslavsky Nikita Stolpnik's Life. Considering motives of fantastic in these texts, the researcher notes the process of accurate reorientation of the traditional medieval system of values from heavenly, sublime, divine towards the terrestrial world, with its interests and priorities, connecting this phenomenon with economic and political development. Thus, in the article it is emphasized, interrelation of the wonderful motive of light with development of medieval outlook. An important role in the article has the problem of cyclization of hagiographic texts: overflowing of fantastic events, their interaction and interrelation indicate the process of accumulation of literary qualities, branching of subject lines, transformation of wonderful motives. In the article the conclusion about transformation of poetics fantastic, about the increasing differentiation between fantastic and improbable is drawn that indicates gradual refusal from the style of monumental historicism in favour of a new peculiar system of art vision of the world which is characterized by interest in ephemeral, fleeting, terrestrial.

Keywords: life, hagiography, monkhood, poetics fantastic, cycle, cyclization, irrationality, wonderful, improbable.

© Мокляк В. И., 2018

При анализе поэтики фантастического, особенно в средневековой агиографии, стоит отметить тесную связь со сферами воображения и символизма, предполагающую особую специфику отражения ценностных ориентаций эпохи, динамику их развития и взаимовлияния. Поэтика фантастического в житийных циклах не отличается перманентностью эксплицитного выражения, однако невозможно представить разговор о ней без анализа ее имплицитного содержания.

Нам представляется довольно неоднозначным само определение понятия «фантастического» относительно эпохи Средневековья. Принимая в расчет определение В. С. Соловьева: *«И вот отличительный признак подлинно фантастического: оно никогда не является, так сказать, в обнаженном виде. Его явления никогда не должны вызывать принудительной веры в мистический смысл жизненных происшествий, а скорее должны указывать, намекать на него. В подлинно фантастическом всегда оставляется внешняя, формальная возможность простого объяснения из обыкновенной, всегдашней связи явлений, причем, однако, это объяснение окончательно лишается внутренней вероятности. Все отдельные подробности должны иметь повседневный характер, и лишь связь целого должна указывать на иную причинность»* [6, с. 377], а также работы Ц. Тодорова [16] и Ю. Манна [4], мы считаем важным дифференцировать понятие фантастического применительно к средневековой агиографии.

Дело в том, что специфика мировоззрения средневекового человека предполагала высочайшую, первостепеннейшую роль христианских представлений, что ставит под сомнение возможность применения рассматриваемого нами понятия в полноте его смыслов относительно данного периода в истории развития литературы.

Таким образом, применительно к древнерусской агиографической литературе нами будут использоваться понятия «неправдоподобное» и «чудесное».

Понятие «неправдоподобное» предполагает иррациональные события, не соответствующие представлениям человечества об объективной реальности.

Понятие «чудесное» наделено религиозной коннотацией и коррелирует с представлениями о спасении души в христианской культурной традиции.

С данным вариантом дифференциации понятия фантастического как нельзя лучше соотносится довольно поэтическое, но тем не менее точное определение фантастики, данное Жаном Полем: «*Пусть чудо летит не как дневная и не как ночная птица, но как сумеречная бабочка*» [14, с. 76-77]. Отсылкой к данному высказыванию нам важно подчеркнуть крайнюю амбивалентность понятия «фантастическое».

В нашей работе особое внимание будет уделено категории чудесного в древнерусских житийных циклах. Стоит отметить, что важной составляющей чудес в рассматриваемых текстах нами будет считаться мотив света. Именно мотив света, лучезарности, светоносности является одним из центральных в средневековых повествованиях о чудесах святых.

Реализация фантастических мотивов в их динамическом развитии будет рассмотрена нами на материале трех текстов, связанных с разными историческими периодами: «Житии Феодосия Печерского» (конец XI в.), «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» (XII в.), и «Житии Никиты Столпника Переславского» (XV в.). Подобный выбор текстов мотивирован стремлением проследить процесс некоторых изменений в поэтике фантастического на разных этапах развития древнерусской письменности.

Ж. ле Гофф в своей работе «С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII веков)» [2] отмечает четкую взаимосвязь развития западноевропейской культуры с экономическим, технологическим прогрессом, повлекшим за собой «*…глубинное изменение основной совокупности ценностных ориентаций в западном обществе»* [2, с. 28]. *«Этот подъем,* – отмечает ле Гофф, – *затрагивает самые разные сферы: технологическую, экономическую, художественную, религиозную, социальную, интеллектуальную, политическую»* [2, с. 28]. По аналогии с данной работой мы намереваемся проследить динамику поэтики фантастического в ее взаимосвязи с развитием древнерусского общества.

Важнейшим моментом подобной переориентации ценностной парадигмы является изменение взглядов на сферы, относившиеся ранее исключительно к Богу. Ле Гофф отмечает: *«До XII в. искусство и литература имели лишь один сюжет – Бога. Ныне мирское, профанное отвоевывает себе место рядом и за его счет»* [2, с. 42].

Так, нами отмечено, что в древнерусской культуре замечаются культурные сдвиги, однако если на Западе, по мнению ле Гоффа, их основной толчок приходится на XIII в., то на Руси постепенное

восстановление экономики приходится на XIV в. (данное явление принято объяснять задержкой в экономическом развитии, связанной с монголо-татарским нашествием).

Одним из важнейших текстов агиографического наследия древнерусской письменности конца XI – начала XII вв. является житие Феодосия Печерского, игумена Киево-Печерского монастыря, написанное Нестором, монахом того же монастыря. С формальной точки зрения текст жития вполне соответствует стилю монументального средневекового историзма [3, с. 42], связанному с феодальным устройством общества. Однако стоит отметить, что категория «святых» в данном стиле предполагала промежуточную, пограничную позицию между земным и божественным. Таким и является образ Феодосия. В соответствии с требованиями жанра жития его жизнеописание содержит ряд «классических» мотивов: рождение в благочестивой семье, «прилежание» к церкви, побег от соблазнов мира, аскеза, подвижничество, победа над искушением дьявола, сотворение чудес. Феодосий, с одной стороны характеризующийся «небесным человеком» или «земным ангелом» [5], а с другой – деловитым наставником монастыря, влияющим на политическую жизнь страны в эпоху феодальной раздробленности, находится в состоянии между небом и землей. Подобное положение образа святого влияет на поэтику фантастического в тексте жития.

Дело в том, что в основе жития лежат раннехристианские легенды, находящиеся на уровне долитературного мифопоэтического синкретизма. Чудеса, характерные для данного жанра древнерусской письменности, в тексте жития присутствуют, однако их спасительная функция не выявлена до конца. Спасение в житии декларируется, но выражено не очевидно. Как известно, спасительная функция выявляется в «работе» святыни (мощей), которые в житии Феодосия не развернуты, то есть нет цепочки чудес, связанных с мотивом спасения (посмертных). Таким образом, в житии Феодосия Печерского реализуется скорее поэтика неправдоподобия, чем чудесного. Данную мысль подкрепляет и тот факт, что Нестор, описывая фантастические события и видения, старается создать иллюзию фактографичности и достоверности.

Кроме того, мотив света, реализуемый в тексте жития (в сиянии появляется отрок в воинской одежде, чудесный свет видят разбойники в церкви монастыря, столп света после смерти Феодосия), указывает на богоизбранность Феодосия, подчеркивая его связь с образом Христа (аз езмь свет миру (Ин. 8,12)), однако в совокупности мотив света (спасительности) и нагромождения характерных для данного жанра мотивов-клише указывают на неразличение в тексте данного жития чудесного и неправдоподобного, то есть его близость к поэтике синкретизма.

Совсем иначе представлены мотивы фантастического в «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» (1115 г.). В сказании совершенно четко прослеживается цепочка христианских чудес. Текст сказания представляет собой цикл посмертных чудесных, спасительных событий, связанных с движением мощей Бориса и Глеба: чудо о слепом, чудо о хромом, чудо о немом.

Важно отметить, что для средневекового сознания исцеление какой-либо неполноценности соотносится с мотивом спасения и победой над врагом человеческого рода, злыми силами тьмы, ада, дьявола. Данная мысль отчетливо педалируется в работах итальянского медиевиста Умберто Эко: *«Враг должен быть отвратительным, потому что прекрасное идентифицируется с хорошим (принцип калокагатии), и одной из основополагающих характеристик красоты всегда является то, что в Средние века назовут integritas, «целостность» (то есть обладание всеми свойствами, необходимыми для того, чтобы являться средним представителем своего вида, вот почему людям кажутся отвратительными нехватка конечности, глаза, не достающий до среднего рост или «нечеловеческий» цвет кожи) – и это дает нам самый простой способ идентификации любого врага…»* [10, с. 16].

Г. Ю. Филипповский [8] отмечает, что мотив движения мощей святых князей Бориса и Глеба соотносится с процессом консолидации Древней Руси эпохи феодальной раздробленности и четко указывает на христианское строительство Руси начала XII в. Это утверждение совпадает с нашим замыслом анализа взаимосвязи развития культуры и мировоззрения древнерусской книжности с политическими и экономическими процессами. Движение святых реликвий (в данном случае мощей), составляющие сюжетную основу цикла чудес, является одним из классических мотивов литературы рассматриваемого периода. Здесь уместно привести слова Ж. Ле Гоффа: «*Идея состоит в том, что среди всех возможных культурных осмыслений того вызова, которым являлся для традиционной системы ценностей Раннего Средневековья великий подъем, начавшийся около*

1000 г., центральным оказалось именно обращение к земному миру и его ценностям» [2, с. 29]

Особое место среди древнерусских агиографических текстов занимает «Житие Никиты Столпника Переславского». Любопытно, что житие было написано в XV в., хотя в основе его лежат христианские легенды XII в. Оно сохранилось во множестве списков, что указывает на непрерывный интерес к материалу жития на протяжении четырех сотен лет.

М. А. Федотова [7] считает, что текст жития возник на основе устного предания, на что указывает довольно большое количество вариантов жития (около 44) в различных списках. Мы придерживаемся данной точки зрения и считаем, что в основе жития лежат понятия раннехристианские и синкретические.

Сам тип святого углублен в первоначальное пространство истории святости. С этим связано несколько признаков. Во-первых, в отличие от Феодосия и, тем более, от Бориса и Глеба, Никита – столпник. Это один из наиболее ранних видов христианского подвижничества, традиция которого восходит к образу сирийского монаха Симеона Столпника. Во-вторых, Никита в житии носит каменную шапку. Мотив камня, с одной стороны, указывает на архаичность образа, а с другой – связан с историей апостола Петра: «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:18-19). Кстати, основным топосом жития является Петровский монастырь.

Возвращаясь к теме столпничества Никиты, считаем важным подчеркнуть, что в отличие от классического представления о столпничестве (непрерывной молитве на открытой площадке – камне или башне) Никита свой столп ископал, что может рассматриваться в качестве одного из примеров ценностной переориентации в средневековой культуре.

Кроме того, на ценностную переориентацию указывает уже упомянутые прижизненные чудеса: исцеление князя Михаила Черниговского, победа над бесом. Любопытно отметить, что трансформируется также и мотив света – он обретает утилитарность (именно при помощи столпа света находят вериги столпника после его гибели). Знаковым является и тот факт, что в житии появляется точная дата: «В лето 6694 месяца мая 16 индикта 8» [7, с. 327].

Лапидарность сюжета, трансформация чудесных мотивов, появление прижизненных чудес – все это указывает на наращивание литературных качеств и обращение интереса к земной жизни. Таким образом трансформируется поэтика фантастического: в ней все больше возрастает уровень дифференциации чудесного и неправдоподобного. Это говорит о постепенном отказе от стиля монументального историзма в пользу новой своеобразной системы художественного видения мира, характеризующейся интересом к эфемерному, мимолетному, земному.

Библиографический список

1. Жан Поль. Приготовительная школа Эстетики [Текст] / Поль Жан // Искусство, 1981. – С. 76-77.

2. Ле Гофф Жак. «С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.)» [Текст] / Жак ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. 1991. Культурно-антропологическая история сегодня. – М. : Наука, 1991. – 192 с.

3. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Текст] / Д. С. Лихачев. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2015. – 320 с.

4. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме [Текст] / Ю. В. Манн. – М. : «Coda», 1996. – 474 с.

5. Нестор. Житие Феодосия Печерского [Электронный ресурс] / Нестор. – URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4872/

6. Соловьев, В. С. Предисловие к «Упырю» графа А. К. Толстого [Текст] / В. С. Соловьев // А. К. Толстой Упырь. Рассказ графа А. К. Толстого с предисловием В. Соловьева. – СПб., 1900.

7. Федотова, М. А. Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция Жития) [Текст] // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 309-331.

8. Филипповский, Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы [Текст] / Г. Ю. Филипповский. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 420 с.

9. Филипповский, Г. Ю. Сказание о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида [Текст] / Г. Ю. Филипповский // Владимир Мономах: завещано потомкам: переводы с древнерусских текстов. – Ярославль : Изд.-во ЯГПУ, 1999. – 286 с.

10. Эко, У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю [Текст] / У. Эко. – М. : АСТ: CORPUS, 2014. – 352 с.

11. Bloch M. La societe feodale. – P. 1968.

12. Eco, Umberto; Sebeok, Thomas A., eds. (1984), The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce, Bloomington, IN: History Workshop, Indiana University Press.

13. Haskins Ch. H. The Renaissance of the 12-th century. – Cambridge (M.), 1927.

14. Jean Paul. Vorschule der Asthetik. – Leipzig,1923.

15. Le GoFF. La Civilisation de l'Occident medieval, 1977.

16. Todorov Tz. Introduction à la littérature fantastique. – P. 1970.

Reference List

1. Zhan Pol'. Prigotovitel'naja shkola Jestetiki = Preparatory school of Aesthetics [Tekst] / Pol' Zhan // Iskusstvo = Arts , 1981. – S. 76-77.

2. Le Goff Zhak. «S nebes na zemlju (Peremeny v sisteme cennostnyh orientacij na hristianskom Zapade XII–XIII vv.)» = «From the heaven to the earth (Changes in the system of valuable orientations in the Christian West of the 12-13th centuries)» [Tekst] / Zhak le Goff // Odissej. Chelovek v istorii. 1991. Kul'turno-antropologicheskaja istorija segodnja = Odysseys. Person in history. 1991. Cultural and anthropological history today. – M. : Nauka, 1991. – 192 s.

3. Lihachjov, D. S. Chelovek v literature Drevnej Rusi = The person in literature of Ancient Russia [Tekst] / D. S. Lihachjov. – SPb. : Azbuka-Attikus, 2015. – 320 s.

4. Mann, Ju. V. Pojetika Gogolja. Variacii k teme = Gogol's poetics. Variations to the subject [Tekst] / Ju. V. Mann. – M. : «Coda», 1996. – 474 s.

5. Nestor. Zhitie Feodosija Pecherskogo = Theodosius Pechersky's life [Jelektronnyj resurs] / Nestor. – URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4872/

6. Solov'jov, V. S. Predislovie k «Upyrju» grafa A. K. Tolstogo = The preface to «Ghoul» by Count A. K. Tolstoy [Tekst] / V. S. Solov'jov // A. K. Tolstoj Upyr'. Rasskaz grafa A. K. Tolstogo s predisloviem V. Solov'jova = A. K. Tolstoy Ghoul. The story by Count A. K. Tolstoy with V. Soloviov's preface. – SPb., 1900.

7. Fedotova, M. A. Zhitie Nikity Stolpnika Perejaslavskogo (rukopisnaja tradicija Zhitija) = Nikita Stolpnik Pereyaslavsky's life (hand-written tradition of Life) [Tekst] // Russkaja agiografija. Issledovanija. Publikacii. Polemika = Russian hagiography. Researches. Publications. Polemic. – SPb., 2005. – S. 309-331.

8. Filippovskij, G. Ju. Dinamicheskaja pojetika russkoj literatury = Dynamic poetics of the Russian literature [Tekst] / G. Ju. Filippovskij. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2008. – 420 s.

9. Filippovskij, G. Ju. Skazanie o chudesah svjatyh strastoterpcev Hristovyh Romana i Davida = Legend on miracles of Christ's Saint passion bearers Roman and David [Tekst] / G. Ju. Filippovskij // Vladimir Monomah: zaveshhano potomkam: perevody s drevnerusskih tekstov = Vladimir Monomakh: bequeathed to descendants: translations from Old Russian texts. – Jaroslavl' : Izd.-vo JaGPU, 1999. – 286 s.

10. Jeko, U. Sotvori sebe vraga. I drugie teksty po sluchaju = Create the enemy to yourself. And other texts on occasion [Tekst] / U. Jeko. – M. : AST: CORPUS, 2014. – 352 s.

11. Bloch M. La societe feodale. – P. 1968.

12. Eco, Umberto; Sebeok, Thomas A., eds. (1984), The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce, Bloomington, IN: History Workshop, Indiana University Press.

13. Haskins Ch. H. The Renaissance of the 12-th century. – Cambridge (M.), 1927.

14. Jean Paul. Vorschule der Asthetik. – Leipzig,1923.

15. Le GoFF. La Civilisation de l'Occident medieval, 1977.

16. Todorov Tz. Introduction à la littérature fantastique. – P. 1970.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10191

УДК 821.161.1.09

В. Г. Андреева

https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века

Автор статьи доказывает, что основой русского реализма стало особое, отличное от европейского, понимание человека русскими писателями. Персонажи нашей классической литературы не думают только о своей выгоде, а их духовное самосовершенствование не имеет смысла в отрыве от мира, от человечества. В. Г. Андреева отмечает, что русские классики считали спасительным для человека соборное единство, выводящее его из обособленности.

В статье констатируется, что разное отношение к личности в России и на Западе определяет и динамику художественных форм. Западноевропейские писатели второй половины XIX в. пытаются представить человечество как сложную систему, однако она не одухотворена изнутри. Они ставили человека в центр изображения, побуждали своего героя брать все новые вершины успешной жизни ради внешнего процветания. Русские писатели соотносили человека и народный мир, для них ценность жизненного пути заключалась в творческом преображении окружающего. Однако если человека, а значит, и героя литературного произведения, в Западной Европе удерживало в определенных рамках формально-юридическое отношение к жизни, то для русских персонажей часто не находилось меры и сдерживающих факторов. Именно поэтому они оказывались нередко на одном из двух полюсов: с трудом и верой шли вперед или забывали обо всем святом, о чести и совести.

Многие герои русских романистов показаны людьми ошибающимися, а потом встающими на путь исправления или осознающими ошибки; каждому такому герою присущи свои сомнения, слабости и недостатки. Однако русские писатели не судят персонажей, не выносят приговоров – они лишь формируют в нашем восприятии образ идеального человека, иногда даже от противного.

Ключевые слова: реализм, роман, русская литература, западноевропейская литература, человек, соборное единство, художественный мир, культурный эгоизм.

V. G. Andreeva

The Person and Problem of Anthropocentrism in the Russian Novel of the second half of the 19th century

The author of the article proves what fundamentals of the Russian realism became special, excellent from European understanding of the person by Russian writers. Characters of our classical literature do not think only of the benefit, and their spiritual self-improvement does not make sense in separation from the world, from mankind. V. G. Andreeva notes that the Russian classics considered the cathedral unity to be saving for the person as it brought him out of isolation.

In the article it is noted that the different attitude towards the personality in Russia and in the West defines also dynamics of art forms. The Western European writers of the second half of the 19th century try to present mankind as a difficult system, however it is not spiritualized inside. They put the person in the center of the image, induced the hero to take all new tops of successful life for the sake of external prosperity. The Russian writers correlated the person and the national world, for them the value of a course of life consisted in creative transformation of surrounding. However if the person, as well as the hero of the literary work in Western Europe were held in a certain framework by the legalistic relation to life, then for the Russian characters often there was no measure and limiting factors. For this reason they appeared quite often on one of two poles: with work and faith went forward or forgot about all Saint, about honor and conscience.

Many heroes of the Russian novelists are shown by the people who are mistaken, and then following a way of correction or realizing mistakes, doubts, weaknesses and shortcomings are inherent in each hero. However our writers do not judge characters, do not sentence, they only form in our perception the image of the ideal person, sometimes even by contradiction.

Keywords: realism, novel, Russian literature, Western European literature, person, cathedral unity, art world, cultural egoism.

Русская литература второй половины XIX в. подарила нам множество замечательных по силе воздействия реалистических романов, герои которых живут в памяти читателей и нередко сравниваются нами с живыми людьми. Ведущие персонажи русских романистов второй половины XIX в. не просто глубоко и психологически верно показаны – они решают на страницах произведений множество важнейших для человечества вопросов, иллюстрируя пути ошибок и поиск верной дороги, правильного направления.

© Андреева В. Г., 2018

Русские романы указанного времени представляют вниманию читателей разнообразие тем и проблем, гармонично дополняющих друг друга. Первостепенное внимание писателей уделяется человеку, а также сложным связям разных людей друг с другом и со всем человечеством. Перед русскими романистами второй половины XIX в. стояла важнейшая проблема: им необходимо было найти моменты, связующие людей в условиях все ускоряющейся, калейдоскопичной действительности, а также преодолеть стандартизацию духовной жизни.

Личность, выбирающая верный путь, воспринималась множеством писателей в то время как образцовая, стремящаяся к идеалу богочеловечности, преодолевающая крайности. С. Л. Франк прекрасно описал два полюса, которые в своей противоположности являются ошибочными, крайними: согласно первому, «самосознание человека определено сознанием его ничтожества, слабости, безусловной подчиненности и порабощенности безмерно превышающим его силам бытия»; согласно второму, «человек начал сознавать себя, напротив, неким самодержцем, верховным властителем и хозяином своего собственного и всего мирового бытия» [17, с. 308].

Представленные образы маленького, смиряющегося со всем персонажа и героя, претендующего на мировое первенство, определяются русскими писателями как два основных заблуждения. Русские романисты отмечают, что признание собственного ничтожества, самоумаление не дает личности осознать свою свободу, почувствовать способность к действиям, к самосовершенствованию и преображению, заложенную в него при рождении. А признание собственного мнения как единственно верного, самого авторитетного делает человека слепым эгоистом, самонадеянным в выборе.

Наши писатели второй половины XIX в. прекрасно проиллюстрировали на многочисленных примерах, что случается с тем человеком, который воспринимает окружающее в свете какого-либо рационалистического перекоса, к примеру, социального или персоналистического детерминизма. Русские классики считали, что восприятие человека как пассивного исполнителя воли общества, игрушки, маски, наделенной определенной ролью, противно православному пониманию личности, которое веками хранилось и оберегалось русским народом.

Главные герои романов русских писателей (к примеру, Константин Левин в романе «Анна Каренина», неустанно обращающийся к опыту народа, или полуаристократ Нежданов в романе И. С. Тургенева «Новь», не осознающий чаяний народа), невзирая на факт того, удачен их опыт или нет, не мыслят своего пути вне общественной жизни страны, судьбы России. Мы считаем, что очень ярко эту связь человека с остальными людьми во времени и пространстве (с предками и потомками, с близкими людьми и родственниками и людьми чужими, с находящимися рядом или очень далеко, за тысячи километров) показал Л. Н. Толстой. Б. И. Бурсов справедливо заметил, что «Толстой избирает своим героем человека, ищущего связь своей личности со своим народом, со всеми людьми своего времени, даже более того – со всем тем, что было в мире до него и что будет потом, впоследствии. Это один из коренных принципов мировоззрения и реализма Толстого» [9, с. 282].

Персонажи русских романов второй половины XIX в. удивляют нас своим потенциалом, который они еще не реализовали даже на треть. И этот потенциал во многих случаях направлен у них на искоренение своих пороков и работу над собой. Лучшие герои русских романистов показаны людьми ошибающимися, они не идеализированы, каждому такому герою присущи свои сомнения, слабости и недостатки. Наши романисты всегда остерегались выносить приговоры, судить жизнь и героев, и отчасти это было обусловлено именно незавершенностью пути героев. Вспоминая обвинения В. Г. Черткова, адресованные С. А. Толстой, Ю. И. Айхенвальд замечает о человеке в произведениях Толстого: «Ведь в своих произведениях наш великий художник всегда изображал человека существом нецельным, нестильным, незаконченным; и, тем не менее, человек с его суда неизменно уходил оправданным; в этом – один из важнейших моментов его творчества» [2].

Эти слова Ю. И. Айхенвальда очень значимы. Вспомним антропологию Н. А. Бердяева и его антроподицею. Как считал философ, любая личность несет в себе творчество и свободу, пусть иногда и потенциально. Берковский отмечал, что и тело человека сделано так, чтобы являть его свободную сущность, ведь каждому из нас с самого начала определено быть духовным существом. В то время как западноевропейские писатели устремляли своих героев все дальше, к новым рубежам успешной и сытой жизни, заставляли их проходить через все сложности ради процветания, обогащения, значимости и роли в обществе, русские классики, прежде всего, думали о духовном становлении человека, о его миссии на земле и ее исполнении. Если писатели Западной Европы сделали ставку на человека как центр мира, сделали его первостепенным в художественном про-

изведении, то русские писатели всегда соотносили интересы личности и народного мира. Писатели Западной Европы слишком сосредоточились на мелких проблемах отдельного человека, на материальных потребностях человека, его воле и способности пробиться, а русские классики смогли разыскать в человеке тайну бытия, именно через человека и его познание они выходили к большому миру.

Многие западноевропейские романы изобилуют вставными эпизодами, они как бы растекаются вширь, их единство держится на внешних связях, а все повествование предстает как совокупность картин и зарисовок. К примеру, объемный роман Дж. Элиот «Миддлмарч» изобилует множеством героев, событий, описаний быта, вещных деталей. Судьба главной героини Доротеи, ее заблуждения и ошибки, сомнения и метания позволяют нам понять нравственную основу произведения. Доротея перерастает свои же мечтания и утверждает роль женщины и матери: «Жизнь, не наполненная глубоким душевным волнением, для Доротеи была невозможна, теперь же ее жизнь протекала в постоянных благодетельных хлопотах, которые пришли к ней сами, без тревожных поисков и сомнений. <…> Доротея же только о том и мечтала, чтобы муж ее был в самой гуще борьбы против всяческих несправедливостей, коль скоро таковые существуют, а она сама служила бы ему в этой борьбе опорой. Многие знавшие ее сожалели, что столь исключительная личность целиком подчинила себя жизни другого человека и известна лишь немногим – просто как жена и мать» [19].

Именно различное отношение к личности определило динамику художественных форм у нас и в Западной Европе. Для писателей-европейцев все человечество казалось системой, которая сложена механически. Так как эта система не одухотворена, то писатели отстраненно рассматривали ее, констатируя особый состав и строение, но не обращали внимания на сложные процессы, проходящие внутри данной системы. В «Предисловии к „Человеческой комедии"» О. де Бальзак сообщает, что идея его произведения появилась благодаря сравнению человечества с животным миром: «Ведь общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире. Различие между солдатом, рабочим, чиновником, адвокатом, бездельником, ученым, государственным деятелем, торговцем, моряком, поэтом, бедняком, священником также значительно, хотя и труднее уловимо, как и то, что отличает друг от друга волка, льва, осла, ворона, акулу, тюленя, овцу и т. д. Стало быть, существуют и всегда будут существовать виды в человеческом обществе так же, как и виды животного царства» [4]. Важным делом западноевропейских писателей была передача естественной, неприкрашенной жизни героев, их самоцелью оказывалось правдивое изображение мира. А русские писатели отмечали многостороннее, разноплановое изменение окружающего, они фиксировали и экономическое развитие страны, и духовно-нравственные изменения жизни людей, повышение уровня образования, деградацию или развитие интеллектуальных способностей, возможность воспитания человека с учетом христианских ценностей.

Как правило, в центре художественных произведений наших писателей, особенно эпических романов, находится герой, с образом и дорогой которого писатель связывает определенные надежды. Читатель следит за становлением и работой такого человека. Однако подобного персонажа в художественном мире могло и не оказаться – в этом случае образ положительного героя приходится воссоздавать от противного.

В ряде второстепенных и третьестепенных романов автор часто намеренно сужает рамки повествования, обращаясь к какой-либо одной теме или проблеме. И как раз в таких произведениях мы видим немало «антигероев». К примеру, некоторые герои, в том числе и центральный персонаж в романе В. И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» (1858), являются опасными разрушителями, а при этом ничтожными и никчемными людьми. Интересен образ Федора Степановича Племянничкова, характерного молодого человека своего времени, который изображается как счастливая натура. Между тем счастье Племянничкова остаточно, ведь герой живет как бездумный повеса, единственным мигом. Не менее типичен в этом же романе молодой человек с характерной фамилией Пустовцев. Аскоченский не пытается создать какую-либо тайну: он скрупулезно описывает характеры героев, которые относятся еще к финалу первой трети XIX в. Сам Аскоченский отметил, что он выбрал героя, который уже был явлен читателю у крупнейших писателей: Пушкина, Лермонтова, Гончарова. Однако после его внешнего изображения настало время показать внутренний мир героя, чтобы читатель видел «страшное растление являемого ему типа», узнал бы «сокровенные изгибы его души» [3].

Аскоченский помещает своего героя в ряд персонажей предшествующего времени, первой половины XIX в. Одна из задач автора ясна – сыграть на контрасте, тем более что по сюжету роман приближен к произведениям указанных ранее классиков. Однако Пустовцев – это герой пере-

ходного, пореформенного времени, что очень хорошо заметно по его внутреннему миру. Аскоченский обращается к актуальной, но не новой теме обольщения девушки и корыстного обмана.

Это произведение не претендует на эпическую полноту, а в герое подчеркиваются исключительно отрицательные черты. Пустовцев настолько гадок, что писатель даже говорит о подозрениях читателей в «преувеличении набросанного образа». Пустовцев – человек без содержания, вот образ, который с опасениями за будущее русского героя изображали наши писатели. Пустовцев – это человек формы, он соблюдает исключительно внешние порядки, позволяющие ему оставаться к рамках условных приличий: «Как он честен! – говорит свет. – Да, честен, – но честен как язычник. Дайте такому человеку деньги – он возвратит их; сообщите ему ходячий секрет – он сохранит его; но не вверяйте ему ни вашей тайны задушевной, ни чувства любви и привязанности, ни имени вашего друга, ни чести вашей супруги, сестры и дочери. Он затопчет их в грязь, если только это нужно для его удовольствия и ненасытного эгоизма» [3].

Используя ветхозаветный образ демонического существа – Асмодея, по легенде умертвившего семерых женихов иудейской девицы Сарры, Аскоченский высвечивает коварство своего героя, «демона-соблазнителя», по отношению к которому соблазненная им Мари оказывается жертвой. Мари не выдерживает всего гнета: ее давит собственное падение, ее мучат издевательства супруга, не умеряющего собственной злости. Так, значима в романе одна из кощунственных выходок Пустовцева: он с «нечеловеческим остервенением» разбивает икону Божией Матери. Не случаен и финал Пустовцева: он кончает жизнь самоубийством в день похорон Мари.

В отличие от Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, ведущих своих центральных героев по пути возрождения, Аскоченский создает намеренно сгущенный образ персонажа. В романе «Асмодей нашего времени» не находится героя, который был бы антитетичен Пустовцеву. Никто не может противостоять его демонической силе. Образ Владимира Петровича Софьина, отчасти противопоставленный Пустоцветову, не обладает необходимой положительной возрождающей силой.

Аскоченскому удалось подробно рассмотреть ряд важнейших мотивов, а также создать образ полностью порабощенной женщины. Писатель показывает нам весь абсурд притяжения верующей и чуткой героини к эксцентричному герою-эгоисту. Аскоченский поясняет, что внутренняя сила и нравственность Мари, ее верность слову и принятому направлению стали причиной того, что героиня поверила Пустовцеву и потянулась к нему. Перед нами драматический конфликт совместной жизни двух абсолютно разных, полярных людей, психологические портреты которых удачно созданы автором. Пустовцев берет на себя роль ведущего человека, однако не справляется с ней в силу своей слабости и духовной немощи: «Да, она любила его, но любила как лицо страдательное, а не действующее без уничтожения своей особности, следовательно, и вся будущая участь ее и ожидаемое счастье зависели исключительно от того человека, владычеству которого подпала она всем существом своим» [3].

Особое понимание личности и ее места в мире и даже Вселенной является одной из основ русского реализма. Наши писатели, в отличие от писателей западноевропейских, считали, что отдельное доброе или злое дело, светлое желание или задуманная подлость влияют на состояние всего мира, всего живого. Изучению личности русские писатели готовы были отдать огромное количество времени и сил, они видели в человеке особый мир. Однако человек для них не значим как единица, в изоляции от общества. Ни один из положительных и образцовых героев русской литературы не думает исключительно о собственной выгоде и пользе. Путь самосовершенствования персонажа разворачивается именно в мире, полном искушений и грехов. И тем более ценится подвиг, чем большее сопротивление проходится выдерживать герою.

В понимании личности русскими писателями находит реализацию та же схема, которая оказывается в основе построения реализма как направления: *«обращенность к миру, стремление отобразить действительность с ее законами + сохранение идеала, образца праведного существования»*. Личность у наших мастеров слова живет не только своим замкнутым миром – она связана с предками и потомками, с прошлым и будущим. Несмотря на то, что человек живет всегда в настоящем, мечтая преобразить себя и изменить мир вокруг, он хранит вневременной образец праведности и справедливости, стремится к идеалу, данному Иисусом Христом. И сила героев наших романистов в том, что они осознают недостижимость идеала на этой земле, однако не перестают стремиться и приближаться к нему.

Несмотря на сомнения, множество противоречий и заблуждения, герои русских романов стойко ищут свой, правильный пусть. Именно выбор пути становится одним из самых значимых мотивов нашей классической литературы. Следуя соб-

ственным воззрениям и убеждениям, выбирает свой путь герой Л. Н. Толстого Константин Левин. В художественном мире романа дорога Левина оттеняется путями его братьев: Сергея Ивановича Кознышева, который пишет сочинения о народе, рассуждает о его свободе, но при этом сам не знаком с жизнью простых людей: крестьян, рабочих, мещан, – и брата Дмитрия. А Дмитрий, в свою очередь, вынашивает множество идей по облегчению народной жизни, пробует создать артель. Однако и он не знает народной правды и настоящего существования окружающих, более того, он не способен позаботиться о самом себе.

Человек, выбирающий свою дорогу, не может не проводить сопоставлений с направлением движения других людей. Личность в русских романах неотделима от судьбы народа, наличие «я» для русского человека всегда подразумевает другого, воспринимающего «ты». Это не эгоистическое противопоставление, другой значим тут не просто потому, что в его восприятии существует «я». Русские писатели понимают, что такой порядок является основой для единения во время кризиса, он становится поводом разделения радости и сознания включенности человека в «мы».

Идея единства русского народа, которым жила и держалась наша страна в самые тяжелые времена, которое подспудно живет в русских, прекрасно передано в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Рассуждая об общем благоденствии людей, о правде и истине, о приближении к нравственной, искренней, чуткой жизни без формализма, Вихров подчеркивает то лучшее, что есть у русских людей: «Гений нашего народа пока выразился только в необыкновенно здравом уме – и вследствие этого в сильной устойчивости; в нас нет ни французской галантерейности, ни глубокомыслия немецкого, ни предприимчивости английской, но мы очень благоразумны и рассудительны: нас ничем нельзя очень порадовать, но зато ничем и не запугаешь. Мы строим наше государство медленно, но из хорошего материала; удерживаем только настоящее, а все ложное и фальшивое выкидываем. Что наш аристократизм и демократизм совершенно миражные все явления, в этом сомневаться нечего; сколько вот я ни ездил по России и ни прислушивался к коренным и любимым понятиям народа, по моему мнению, в ней не должно быть никакого деления на сословия – и она должна быть, если можно так выразиться, по преимуществу, государством хоровым, где каждый пел бы во весь свой полный, естественный голос, и в совокупности выходило бы все это согласно» [13].

Русские романисты отмечают, что в сложные периоды жизни наш народ испытывает соборное единство, отчасти мистическое чувство, которое позволяет преодолеть человеческое одиночество. Это удивительное чувство соборности не проявляется в каждом действии героев, часто не осознается нами в обыденной жизни, но оно является частью идеала поведения и образа жизни. Один из великолепных примеров проявления соборности передал Л. Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир». При наступлении французских войск становится видно, как дополняют друг друга личное и общее, как складываются отношения совершенно другого типа, невозможные в мирное время: «Созидаются новые отношения между людьми, на совершенно иной основе, чем прежде, невозможной до этой войны, да и после нее, но такие отношения, которые должны были бы быть всегда, – „общая жизнь", человеческое единство во имя простой и ясной, не разделяющей разных людей, но связующей их задачи» [8, с. 17].

Русские классики смогли воплотить в своих художественных мирах христианское понимание человека, показать (пусть и не постоянное) столь страстно ожидаемое единство личности и мира. Нет в русских романах искусственно приукрашенных историй о счастливой народной жизни, наоборот, чаще мы видим картины страданий героя на фоне народных бедствий. Однако такая ситуация ни на минуту не обрывает мыслей писателей о счастье своей земли и ее народа.

Понятие «соборность» незнакомо западноевропейской литературе, поскольку нет его и в жизни европейцев, озабоченных своими значительными, а иногда и не очень делами и проблемами. Русские люди, по крайней мере современники писателей XIX в., были относительно свободны от культурного эгоизма, процветающего среди европейцев. До поры до времени сдерживая свой культурный эгоизм в рамках приличий, европейцы порою не могут его обуздать, ведь именно он является основой обеспеченной и роскошной жизни людей, приближенных к власти.

Эгоистические черты и отсутствие принципов богачей очень хорошо передает Э. Золя в романе «Его превосходительство Эжен Ругон». Герой Золя с легкостью отрекается от своих принципов, когда это оказывается ему на руку. Для русского человека неприемлема борьба, в которой все средства хороши, в которой ради собственного интереса можно поступиться честью и совершать подлости.

Примечательны рассуждения В. А. Маклакова о психологии европейцев, об их «культурном эгоизме». В письме к В. В. Шульгину из Парижа от 5 апреля 1921 г. он писал: «Как отдельный европеец, эгоист в собственной жизни, считает свою ко-

пейку, свое время, довольствуется собственными печалями, не тратя времени на заботу о других, как каждый европеец рассчитывает на себя, заботится о себе, ничего не делая для других, но зато ничего и не требуя и от других в момент крушения, так и европейские государства понимают, что они получают только то, что сами сумеют отстоять, и что на других рассчитывать не приходится. Этот эгоизм, который культурой сдерживается в рамках, признание за другими тех же самых прав есть основное правило их поведения, их морали и всех их оценок» [14, с. 74].

Русские романисты также обращали большое внимание на проблему нравственного упадка и духовной деградации, которая подстерегает человека в бегстве за презренным металлом и властью. Но наши классики смогли противопоставить жажде денег и власти веками хранимые нашей аристократией и нашим народом ценности.

Великие силы русских героев, примеры их терпения и выносливости обосновываются тем, что за ними стоит народ и идеал счастья. Большое значение в стойкости и мужестве имеет и вера: понять русского героя можно лишь в его отношении к Богу. В этом скрывается тайна истинного понимания многих персонажей русских романов.

Разумеется, мы не умаляем огромного этического и эстетического опыта и богатства, которые за долгое время приобрела Западная Европа, наследницей которых стала потом Россия. Именно из Европы пришло к нам просвещение, основы знаний и наук, искусства, ремесла. Однако во второй половине XIX в. западноевропейские художники не находили постоянной основы для противопоставления отрывочности, фрагментарности, драматичности действительности. А русские романисты нашли то эпическое единство, которое было забыто европейцами.

Нельзя переносить на историю отечественного романа кризис личностной культуры в Европе. У русских писателей было другое видение мира и жизни: «Все безмерные трагедии XX в. были в немалой степени обусловлены слишком буквальным, поверхностным пониманием новых идей и нового мировоззрения, из которого с легкостью извлекались выводы о всемогуществе человека и безграничности его возможностей, но почему-то отодвигались в сторону не менее важные выводы о его предельной ответственности перед бытием», – отмечает И. И. Евлампиев [10, с. 306].

Капитан Тушин из «Войны и мира» Л. Н. Толстого проявляет удивительный героизм, его батарея сдерживает неприятеля и продолжает сражаться в то время, когда все силы русской армии отступили: «Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло, по чьему-то приказанию, в середине дела; но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырех, никем не защищенных пушек. Напротив, по энергичному действию этой батареи он предполагал, что здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских, и два раза пытался атаковать этот пункт и оба раза был прогоняем картечными выстрелами одиноко стоявших на этом возвышении четырех пушек» [15, Т. 9, с. 233]. Вспомним почти подвиг, который совершает красавица Феоктиста в романе Н. С. Лескова «Некуда» во искупление своих грехов, а также героинь дилогии «В лесах» и «На горах» П. И. Мельникова-Печерского, мать Манефу и ее дочь Фленушку, жертвующих личным счастьем и обретающих высшую радость в сохранении своей веры.

Отличительной особенностью лучших персонажей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова является их возможность самосовершенствования, без которой, по мнению наших писателей, невозможна праведная жизнь. «Да, наше своеобразие – от нашей веры, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего. Оно дало нам больше всего: живое желание нравственного совершенства, стремление внести во все начало любви, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, открытую живую совесть, дар покаяния, искусство страдать и терпеть, неутолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира сверху донизу; и еще: неколебимую уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом в этой жизни и в будущей…», – отмечает И. А. Ильин [11, с. 401].

Когда на западе личность стала мерой всех вещей, а мир определялся во многом субъективными и эгоистическими убеждениями ряда людей, в русской литературе восторжествовал образ идеального героя, того, кто способен совместить принятие спокойной мудрости жизни, созерцание с активными действиями, борьбой во благо. «Русское чувство братства не следует путать с понятием стадности. Русский – это не человек толпы, он высоко ценит свободу человеческой личности. Но его понятие о личности не совпадает с европейским, скроенным по образцам Рима и Ренессанса. Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, на Востоке – всечеловек. Сверхчеловек стремится к возвышению из жажды к власти, всечеловек стремится к расширению из чувства любви. Сверхчеловек соответствует направлению вверх

его прометеевской культуры, всечеловек – широте своей души. Один все больше обособливается от своих сограждан, другой вбирает в себя все большую часть окружающего мира. Сверхчеловеческое ведет к скепсису и одиночеству, всечеловеческое – к таинству и сообществу. Сверхчеловек – совершенное воплощение безбожности, всечеловек – зеркало совершенного Бога. В опьянении возрастающего самодовольства пребывает сверхчеловек, в радости самоотдачи и возрождения пребывает всечеловек, проникаясь смыслом и глубиной жизни», – пишет В. Шубарт [18, с. 141].

В нашей литературе сразу же отвергаются все выступления и бунты, особенно личные. Вспомним, к примеру, Ивана Карамазова. По сути дела, истинным героем эпоса является только тот, кто смог смириться с условиями и определенным течением жизни, принял их: «Субъектом эпического произведения является всегда эмпирический человек из жизни, но в большой эпике его творческая дерзость, нацеленная на овладение жизнью, оборачивается смиренной созерцательностью, молчаливым изумлением перед лицом явленного ему смысла, столь неожиданно, то и столь естественно открывшегося его взору простого человека» [12].

В то время как герои западноевропейского романа выстраивают свою жизнь по определенному личному намеченному плану, герои русских романов соотносят каждый свой шаг с движением всего русского мира.

Наши писатели показали, как терпят крах персонажи, избирающие себе в руководство какую-либо модную идею, забывающие о тех, кто находится рядом. Рушатся иллюзии героини романа В. П. Авенариуса «Поветрие». Наденька Липецкая, восторженно принимающая идеи «новых людей», которые провозглашают натуральные отношения, теряет любимого человека, с позором оставляет родную семью. В. П. Авенариус иллюстрирует, как Наденька уходит от мудрого образца старой патриархальной жизни в сторону «рационального» ее понимания, проповедуемого Чекмаревым.

«У нас на Руси, слава Богу, не введена еще эта ехидная выдумка деспотизма. Гражданский брак только и имеет целью крепче закабалить нашего брата, мужчину: изволь обязаться формальной подпиской, что обеспечишь женину будущность да и в приданое ее не запустишь лапы. Остроумно, нечего сказать! Одно меня удивляет: как на западе еще находятся дураки, что решаются жениться на подобных условиях», – говорит Чекмарев, характерно отделяя жизнь русских людей от жизни европейцев. На заявление Наденьки об отсутствии у той пары, о которой она говорит, каких-либо письменных обязательств, Чекмарев замечает: «Так это брак натуральный. Один он-то и есть настоящий, брак предписанный нам природой. Понравились друг другу – сошлись, приелись – разошлись. Ни бессмысленных письменных уговоров, ни свадебных церемоний...» [1].

Если в западноевропейской литературе в это время процветали законные отношения: максимально четкие, упорядоченные внешними нормами, то русские отрицательные герои уходят в сплошное беззаконие: и гражданское, и нравственное.

Западноевропейская литература иллюстрировала зависимость личности от среды. Очень популярным и удачным в это время в Европе оказывается роман, сочетающий сложную интригу и политику. Яркими примерами этого сочетания являются романы Э. Троллопа. В романе «Леди Анна» наряду с чувствами и эмоциями персонажей главенствует размышление о самом выгодном и правильном поведении в обществе. В начале произведения мы видим тяжбы за наследство старого графа, которые, в отличие от борьбы за наследство умирающего Безухова в «Войне и мире», могут показаться художественной переделкой юридического документа. Примерно в той же тональности описана история о пропаже бриллиантов, об интригах высшего света в романе Э. Троллопа «Бриллианты Юстесов».

А наши классики показали те полюса русской действительности, от которых европейцев спасало формально-юридическое отношение к личности как к персоне. От крайностей, от пропастей и обрывов европейцев уберегал закон, а также принятый порядок вещей. Русские персонажи нередко оказывались на двух крайних точках: или с Богом и верой, с мыслью о спасении, или в бессмысленном забытьи, в забвении высшей жизни, в неспособности подняться над суетой.

Именно во второй половине XIX в. роман становится центральным жанром, сочетающим в себе элементы трех родов литературы, но при этом тяготеющим к эпическому. Центральной категорией поэтики оказывается автор, и как человек, и как творец, ведь «откровение творчества идет не сверху, а снизу, это – откровение антропологическое, не теологическое» [6, с. 329].

Н. Я. Берковский подчеркнул, что в русском романе «признается преобладание человека в мире, ценится его живая неповторимая индивидуальность» [7, с. 29]. Человек в романах наших писателей является действительным, живым, воипостазированным. Любой положительный герой русского романа отличается тем, что для него первостепенно то, что он думает и делает в отноше-

нии других, и второстепенно то, что он думает о себе. Это свойство, отличающее истинного христианина, является самой важной для понимания человека в русской литературе.

Если западноевропейская литература занималась развенчанием человека, изучением его ошибок и оплошностей, то русские классики показали героя, идущего по пути совершенствования. Тут очень близко соприкасаются и обусловливают друг друга особенности русского реализма и мысль о человеке в нашей литературе. Безбожная пустота и развенчание человека привели писателей Запада к катастрофическому сужению художественных миров, к противоборству человека и мира. Поэтому роман в западной Европе стал «продуктом распада эпоса», он потерял возможность соединения людей, мысль о том, что в аспекте общения личность – это предстояние, ответ.

Русский роман второй половины XIX в. поддерживал возможность творческого объединения людей. Вспомним косьбу с мужиками Константина Левина. Герою Л. Н. Толстого близко и дорого трудовое единение с косцами, которое он ощущает во время работы. Именно в моменты самого тяжелого труда на Левина снисходит благодать единения со всем окружающим живым миром: «В середине его работы на него находили минуты, во время которых он забывал то, что делал, ему становилось легко, и в эти же самые минуты ряд его выходил почти так же ровен и хорош, как и у Тита» [15, Т. 18, с. 265].

В нашем мире все построено вокруг человека, и искусство вне соотнесенности с человеком теряет свой смысл. Именно личность является главным выразителем смысла, мерилом достижений. Западноевропейские писатели попытались «разложить» человека на части, сердце его препарировать, а душу подвергнуть скрупулезному анализу. Именно поэтому выводы М. М. Бахтина о человеке в романном творчестве можно отнести в целом к описанию европейской литературы, в которой между романом и эпосом пролегла как раз непреодолимая пропасть. «Разрушение эпической дистанции и переход образа человека из далевого плана в зону контакта с незавершенным событием настоящего (а следовательно, и будущего) приводит к коренной перестройке образа человека в романе (а в последующем и во всей литературе)», – пишет М. М. Бахтин [5, с. 412-422].

Русские писатели-реалисты не ограничивались показом человека в пределах причинно-следственных связей. Наши писатели видели то незримое, что возвышается над суетой мира и направляет жизнь в сторону добра. По сути дела, насущная основа бытия тут корректируется идеальной правдой духа. «Воспринимая *личность* как социально-историческую данность, что само по себе справедливо, мы отвыкли думать о духовной стороне ее бытия, о человеческом житии, мы говорили о социально-исторической стороне характеров и обстоятельств и были правы, – утверждает В. Ю. Троицкий. – Но если бы мы смотрели шире и при этом были честнее в размышлении о России, воссозданной в произведениях русских писателей, нам нетрудно было бы признать, что душевное обаяние подавляющего большинства положительных характеров отечественной литературы в том, что они крепко связаны с православным мироощущением» [16, с. 91].

Противоречие между личным счастьем и стремлением героя к миру, между личным и родовым началом стало возможно снять благодаря религиозному сознанию русских классиков. Наша классическая литература одновременно и очень сложна, и притягательна именно потому, что она заставляет каждого идти путем самосовершенствования. Русская литература второй половины XIX в. прекрасна в своей неподражаемости.

Вот как Н. Я. Берковский описал поразительное действие русских романов на Европу: «Русская литература, когда ее впервые широко узнали, для Европы встала как контраст искусству и миропониманию Золя и Тэна. Перед Европой появились живые, полные мыслью о своем призвании, колоссально изваянные русские герои…» [7, с. 26].

Русские романисты верили в человека, в его внутренние силы и способности. Наши классики не опасались главенства личности, наоборот, все художественные миры русских романов находятся в равновесии, благодаря чутким, понимающим героям. В отличие от персонажей западноевропейских романов герои русского эпического романа вписаны и в общую жизнь своего рода, и в национальную жизнь. И, разумеется, наиболее реальный масштаб для изображения личности могло дать только эпическое искусство.

Библиографический список

1. Авенариус, В. П. Поветрие (Петербурская повесть) [Электронный ресурс] / В. П. Авеариус. – URL: http://az.lib.ru/a/awenarius_w_p/text_1867_povetrie.shtml

2. Айхенвальд, Ю. Две жены (Толстая и Достоевская) [Электронный ресурс] / Ю. Айхенвальд. – URL: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd _j_i/text_1925 _dve_zheny.shtml

3. Аскоченский, В. И. Асмодей нашего времени [Электронный ресурс] / В. И. Аскоченский. – URL: http://az.lib.ru/a/askochenskij_w_i/text_0030oldorfo.shtml

4. Бальзак, О. Предисловие к «Человеческой комедии» [Электронный ресурс] / О. Бальзак. – URL: http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/s_komedia.txt

5. Бахтин, М. М. Эпос и роман [Текст] / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.

6. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с.

7. Берковский, Н. Я. О мировом значении русской литературы [Текст] / Н. Я. Берковский. – Л. : Наука, 1975. – 184 с.

8. Бочаров, С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир» [Текст] / С. Г. Бочаров. – М. : Худ. лит., 1987. – 156 с.

9. Бурсов, Б. И. Национальное своеобразие русской литературы [Текст] / Б. И. Бурсов. – Л. : Сов. писатель, 1967. – 396 с.

10. Евлампиев, И. И. Метафизика человека в русской и западноевропейской философии конца XIX – начала XX века [Текст] / И. И. Евлампиев. – 2000.

11. Ильин, И. А. Собр. соч. : В 10 т. Т. 7 [Текст] / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1998. – 608 с.

12. Лукач, Г. Теория романа. Опыт историко-философского исследования форм большой эпики [Электронный ресурс] / Г. Лукач // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 9. – С. 19-78. – URL: http://mesotes.narod.ru/lukacs/teoriaromana/tr-2.htm

13. Писемский, А. Ф. Люди сороковых годов [Электронный ресурс] / А. Ф. Писемский. – URL: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0140.shtml

14. Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919-1939 гг. [Текст] / сост., автор вступ. ст. и примеч. О. В. Будицкий. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2012. – 439 с.

15. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. : В 90 т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М., 1928-1958.

16. Троицкий, В. Ю. Духовность слова [Текст] / В. Ю. Троицкий. – М. : ИТРК, 2001. – 184 с.

17. Франк, С. Л. Духовные основы общества [Текст] / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 512 с.

18. Шубарт, В. Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. – М. : Русская идея, 2000. – 446 с.

19. Элиот, Дж. Миддлмарч [Электронный ресурс] / Дж. Элиот. – URL: http://lib.ru/INPROZ/ELIOT/middlema.txt (дата обращения: 12.08.2017)

Reference List

1. Avenarius, V. P. Povetrie (Peterburskaja povest') = Pestilence (Petersburg story) [Jelektronnyj resurs] / V. P. Avearius. – URL: http://az.lib.ru/a/awenarius_w_p/text_1867_povetrie.shtml

2. Ajhenval'd, Ju. Dve zheny (Tolstaja i Dostoevskaja) = Two wives (Tolstaya and Dostoyevskaya) [Jelektronnyj resurs] / Ju. Ajhenval'd. – URL: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd _j_i/text_1925 _dve_zheny. shtml

3. Askochenskij, V. I. Asmodej nashego vremeni = Asmodey of our time [Jelektronnyj resurs] / V. I. Askochenskij. – URL: http://az.lib.ru/a/askochenskij_w_i/text_0030oldorfo.shtml

4. Bal'zak, O. Predislovie k «Chelovecheskoj komedii» = The preface to «The human comedy» [Jelektronnyj resurs] / O. Bal'zak. – URL: http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/s_komedia.txt

5. Bahtin, M. M. Jepos i roman = Epos and novel [Tekst] / M. M. Bahtin. – SPb. : Azbuka, 2000. – 304 s.

6. Berdjaev, N. A. Filosofija svobody. Smysl tvorchestva = Freedom philosophy. Sense of creativity [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : Pravda, 1989. – 608 s.

7. Berkovskij, N. Ja. O mirovom znachenii russkoj literatury = On world value of the Russian literature [Tekst] / N. Ja. Berkovskij. – L. : Nauka, 1975. – 184 s.

8. Bocharov, S. G. Roman L. Tolstogo «Vojna i mir» = Novel by L. Tolstoy «War and peace» [Tekst] / S. G. Bocharov. – M. : Hud. lit., 1987. – 156 s.

9. Bursov, B. I. Nacional'noe svoeobrazie russkoj literatury = National originality of the Russian literature [Tekst] / B. I. Bursov. – L. : Sov. pisatel', 1967. – 396 s.

10. Evlampiev, I. I. Metafizika cheloveka v russkoj i zapadnoevropejskoj filosofii konca XIX – nachala XX veka = Metaphysics of the person in the Russian and Western European philosophy of the end of the XIX – the beginning of the XX century [Tekst] / I. I. Evlampiev. – 2000.

11. Il'in, I. A. Sobr. soch. : V 10 t. T. 7 = Complete works: in 10 volumes. V. 7 [Tekst] / I. A. Il'in. – M. : Russkaja kniga, 1998. – 608 s.

12. Lukach, G. Teorija romana. Opyt istoriko-filosofskogo issledovanija form bol'shoj jepiki = Theory of the novel. Experience of a historical-philosophical research of forms of the big epics [Jelektronnyj resurs] / G. Lukach // Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review. – 1994. – № 9. – S. 19-78. – URL: http://mesotes.narod.ru/lukacs/teoriaromana/tr-2.htm

13. Pisemskij, A. F. Ljudi sorokovyh godov = People of the fortieth years [Jelektronnyj resurs] / A. F. Pisemskij. – URL: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0140.shtml

14. Spor o Rossii: V. A. Maklakov – V. V. Shul'gin. Perepiska 1919-1939 gg. = Dispute on Russia: V. A. Maklakov – V. V. Shulgin. Correspondence of 1919-1939. [Tekst] / sost., avtor vstup. st. i primech. O. V. Budickij. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2012. – 439 s.

15. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. : V 90 t. = Complete set of works: in 90 volumes. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M., 1928-1958.

16. Troickij, V. Ju. Duhovnost' slova = Spirituality of a word [Tekst] / V. Ju. Troickij. – M. : ITRK, 2001. – 184 s.

17. Frank, S. L. Duhovnye osnovy obshhestva = Spiritual bases of society [Tekst] / S. L. Frank. – M. : Respublika, 1992. – 512 s.

18. Shubart, V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and soul of the East [Tekst] / V. Shubart. – M. : Russkaja ideja, 2000. – 446 s.

19. Jeliot, Dzh. Middlmarch = Middlemarch [Jelektronnyj resurs] / Dzh. Jeliot. – URL: http://lib.ru/INPROZ/ELIOT/middlema.txt

Дата поступления статьи в редакцию: 15.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10192

УДК 821.161.1-93/930.253

Н. Н. Иванов

https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

С. Г. Макеева

https://orcid.org/0000-0002-9851-5971

Образы-архетипы творчества М. Пришвина

Целью работы является выявление роли мифопоэтики в формировании типа художественного мышления М. Пришвина. При этом решались задачи установления функциональных аспектов отражения мифа в философии, эстетике и поэтике, художественном языке писателя.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Рассмотрено влияние мифа, мифопоэтики на М. Пришвина в контексте развития русской художественной прозы начала XX в., русского неореализма, его художественно-онтологических и эстетических поисков. Обнаружено многообразное воплощение мифа в виде мотивов и архетипов в сочинениях Пришвина. Предпочтение отдано славянскому мифологизму, который, в силу понятийно-терминологической неоднозначности его интерпретации, нередко именуется мифологизмом языческим. Творчески воспринятый писателем традиционный мифологизм составил своеобразие мифологизма авторского, т. н. неомифологизма. Означенная тенденция, нечасто поднимаемая в научных литературоведческих трудах, расценивается как общее свойство русской прозы конца XIX – начала XX вв., но в индивидуальных авторских проявлениях. Функциональные аспекты мифопоэтики в творчестве Пришвина уточнены и конкретизированы с учетом русского литературного контекста. Обоснован тип художественного мышления с точки зрения поставленной проблемы. Намечены типологические сходства и различия Пришвина, обновлен взгляд на известные произведения литературы. Раскрытые в данной работе тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Пришвина с мифом позволили увидеть совсем другие, нежели было принято считать, мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять главное его устремление – ответить на вечные вопросы бытия, мироздания. Анализ такого характера, как кажется, определил истинное значение ряда произведений М. Пришвина.

Ключевые слова: русский неореализм, мифопоэтика, М. Пришвин, славянское язычество и культура, поэтика прозы, мотив, архетип, символ.

N. N. Ivanov, S. G. Makeeva

Image-Archetypes of M. Prishvin’s Works

The aim of the work is to identify the role of mythopoetics in the formation of the type of M. Prishvin’s artistic thinking. At the same time, the problems of establishing functional aspects of myth reflection in philosophy, aesthetics and poetics, the writer's artistic language were solved.

The most significant results were the following. The influence of myth, mythopoetics on M. Prishvin in the context of the development of Russian fiction of the early XX century, Russian neorealism, its artistic-ontological and aesthetic searches. The diverse embodiment of the myth in the form of motives and archetypes in Prishvin's works is revealed. Preference is given to Slavic mythologism, which, due to the conceptual and terminological ambiguity of its interpretation, is often referred to as pagan mythologism. Creatively interpreted by the writer traditional mythologism made up the originality of the author's mythologism, the so-called neonatologists. This tendency, which is not often raised in scientific literary works, is regarded as a General property of the Russian prose in the late XIX – early XX centuries, but in the individual author's manifestations. Functional aspects of mythopoetics in Prishvin's work are specified and concretized taking into account the Russian literary context. The type of artistic thinking from the point of view of the problem is substantiated. Typological similarities and differences of Prishvin are outlined, the view on the known works of literature is updated. Disclosed in this work, close and fruitful relationship of Prishvin’s attitude and creativity with the myth made it possible to see completely different than it was considered to be ideological and aesthetic guidelines of the writer, to understand his main ambition, to answer the eternal questions of existence, of the universe. The analysis of this character seems to have determined the true meaning of a number of works by M. Prishvin.

The work is addressed to philologists, literary critics, specialists in the field of Russian literature, culture and its connoisseurs.

Keywords: Russian neo-realism, mythopoetics, M. Prishvin, Slavic paganism and culture, poetics of prose, motif, archetype, symbol.

© Иванов Н. Н., Макеева С. Г., 2018

«В ренессансе начала XX в. было слишком много языческого» [1, с. 164], – такая экспрессивная оценка Н. Бердяевым русского модернизма справедлива и в адрес литературы реализма, точнее, неореализма. Русский неореализм запечатлел мощный поток чувственных влечений, мечты о «царстве небесно-земном, духовно-плотском», – так оценил его Д. С. Мережковский [13, с. 52]; художественное своеобразие русского неореализма в значительной степени объясняется апелляцией поэтов, писателей к мифу, активному использованию элементов мифопоэтики [10; 11]. Приведенные две принципиальные оценки русской литературы рубежа XIX–XX вв. требуют прояснения и конкретизации, когда речь идет о творчестве отдельных авторов. Попробуем сделать это на материале творчества М. М. Пришвина.

М. Пришвин был одним из творцов нового художественного мышления начала XX в. Двигаясь «из стороны в сторону» [18, Т. 4, с. 245], он искал «Бога живого», уходил в запутанную проблематику т. н. народного православия, увлекался демотеизмом, но и пытался соразмерить тип своего «творческого поведения» с глубинными архетипами на «границе души и тела», поклоняясь тайнам земли, «душе», «речи» природы. Романтический подтекст книг Пришвина: сначала «возвращение» к первобытному опыту, затем восхождение от него к человеческой духовности, однако завершенный образ последней ему так и не представился даже в последние минуты творческих озарений.

В современном пришвиноведении известны разные оценки наследия М. Пришвина; полярные заключаются в том, что писателя рассматривают в широком диапазоне – от язычества до христианства. Мы склоняемся к тому, что первая тенденция, не исключая вторую, объективнее, если охватывать Пришвина всесторонне. Язычество в начале XX в. представлялось неохватным материалом для художественной рецепции (вспомним Бердяева и Мережковского). В самой же проблеме рецепции (восприятия) Пришвиным языческой, мифопоэтической культурной традиции нас интересуют глубинные архетипы. Уточним, что ни отечественные [3; 4; 5; 6; 7; 8], ни зарубежные исследователи [23; 24; 25] означенную проблематику подробно не изучали.

Правомерно говорить о творческом преломлении Пришвиным глубинных архетипов. «Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда»; «Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел. Никакая наука не может открыть той тайны, которая вскрывается от воспоминаний детства и любви» [14, с. 238, 239].

На протяжении десятилетий Пришвин стремился разрешить противоречие между т. н. культурным человеком и той сущностью личности, которая определяется природой, уходящими к Зеленому царству стихиями мужского и женского. В этой же плоскости находятся и волновавшие его личностные комплексы несовершенства, тревожные ожидания, социальные и родовые тяготы. «У нас все было наоборот. Мы, вся интеллигенция <…> не жили, а мечтали» [14, с. 216]. Мир, о котором «культурный человек стонет и плачет» [18, Т. 1, с. 257], Пришвин искал в «далеких пространствах жизни» [14, с. 230] и, по совету А. Ремизова, изучал народную культуру изнутри.

Автор ранних циклов Пришвина, «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», – европейски образованный человек (Лейпцигский университет), приехавший из Петербурга. Петербург – исходная точка странствий персонажа-повествователя первых книг. В этот город он возвращался и после странствий по разным заповедным местам. За подобным мотивом ухода – возвращения скрывается настойчивое противопоставление так называемого культурного человека человеку естественному, личностное стремление автора ближе стоять «к жизни» [17]. Тем острее восприятие состояние душевной разбросанности. В пейзажах названных сочинений есть немало метафорических аналогий и соответствий тому, что он мыслил как культурное и природное, физическое и духовное, даже подсознательное. К таким соответствиям принадлежит, допустим, «разбросанное в лесу существо человека» [18, Т. 1, с. 256]. В чем же и как выражается разбросанность существа? Это «светлая, чистая правда» ощущений, но и инстинкты «убийства и любви», идущие «из самой природы» [18, Т. 1, с. 281]. Если же заглянуть за «черту в сердце», где «начинается бледный свет и особая радость и счастье» [18, Т. 1, с. 431], можно ощутить Бога. Он «родится на черте, отделяющей природу от человека. Тут он вечно рождается» [18, Т. 1, с. 459].

Другой попыткой снять ментальное глубинное противоречие между культурным человеком и природой является повесть «Черный Араб» (1910). Культурного человека как фигуру в тексте повести заместил психологически индивидуализированный, но смоделированный по законам мифологической типизации, странствующий по степи Черный Араб – духовная сущность автобиографического повествователя. Пришвин использовал легенду в легенде. Он, творческая личность, «поэт в душе», «бродяга», странствует на фоне

популярных в литературе начала XX в. народных легенд о Золотых горах, Белых водах, о переселениях на просторах земли. Он сам персонаж легенды: в степи «от оазиса к оазису несут дикие кони весть о Черном Арабе» [18, Т. 1, с. 532]. Рядом с ним находится представитель народной культуры, т. н. «народный мудрец», Исак, глазами которого и осуществляется постижение народного миросозерцания. Собственно, последнее – аналог того, о чем в 1910 г. С. Булгаков написал А. Белому: «Сокровенные тайны народной души – в ее натуралистической и <…> демонической стихии» [2, с. 238].

В повести «Черный араб» натуралистическая стихия представлена очень подробно. Эта повесть, как и очерки «Адам и Ева», «Соленое озеро», обобщила впечатления писателя от поездки в степи за Иртыш, в Среднюю Азию (1909). Повесть Пришвин считал «свободной», «праздничной», обсуждая с А. Ремизовым, хотел назвать ее «Степной оборотень» [17]. Пришвин открыл здесь «древний мир степи» [18, Т. 1, с. 811]. Степь как природа и образ жизни выписана здесь этнографически точно и поэтично; стихия степи имеет особый уклад, но главное в повести – не этнография и даже не пантеизм, не натуралистический анимизм, не натурфилософия. Отвергнутое название полнее выражало вектор постижения мира, осознание «своего родства <…> в мировом творчестве» [14, с. 658]. Главное: понимание первоестества, осознание перводвижений, общности человека и мира природы (птиц, волков, зверей), понимание не от головы, а увиденное, почти подсмотренное. Сотворчество понято как уподобление человеческого стихийно-природному.

И намеченный мотив у Пришвина очень стойкий. В 1927 г. он в шутку написал Горькому о себе, что он не «антропософ», а «собакософ», идет к человеку от собаки. Пришвин признавался, что его убеждения оседают в «без-человечных» писаниях о собаках и всяких зверях. «Бесчеловечным» писателем его называли не раз. Так, в рецензии журнала «Литературное обозрение» (1940) Ф. Человеков (А. Платонов) назвал Пришвина писателем «болотной экзотики».

Вернемся к повести «Черный араб». Пришвин и раньше думал о «примитивной, стихийной душе, какою она выходит из рук Бога» [18, Т. 1, с. 234], ценил стихийное начало в преображении человека и обыграл «звериный», Велесов мотив инициации. В славянской языческой традиции Велес – покровитель жрецов, знахарей, колдунов, то есть тех народных типов, которые влекли Пришвина на протяжении десятилетий. Проясняется семантика отвергнутого названия «Степной оборотень». В главе «Волки и овцы» бытовые сцены исполнены бытийным смыслом: повествование о людской и природно-звериной сущностях бытия строится на принципе зеркальности. Он дан относительно еды: подробно излагается поедание овцы людьми, затем – волками, менее подробно; по сюжету люди конкурируют с волками, и в этом есть понимание волков как равнозначной людям силы. Природа внешняя будто зеркальна природе внутренней. Художественный материал повести оправдывает следующие акценты: символизм животных (овца и волк), степь, мотив еды как инициационный, и первоначальное, отринутое название повести – «Степной оборотень».

Стилистика, образность «Черного Араба» обусловлены желанием автора открывать в природе «прекрасные стороны» души человеческой. Параллелизм людского мира и звериного царства есть и в цикле «Старые рассказы»: «Крутоярский зверь» (1911), «Птичье кладбище». Жизнь в них представлена как «творческий процесс органического целого» [18, Т. 6, с. 810, 811]. Звериный мотив передал эту согласованность.

Авторские образы концентрируют психологические ситуации, первичные структуры коллективной бессознательной фантазии и категории символической мысли. Охотники, пастухи непросвещенные, но мудрые степные люди (тип естественного человека), умеющие жить по Солнцу, выразили природный закон тождества, нравственный потенциал архаичного мифологического сознания.

В 1926 г. был написан очерк М. Горького «О М. М. Пришвине». Горький декларирует: «Не о природе пишете Вы, а о большем, чем она, – о Земле, Великой Матери нашей» [9, Т. 24, с. 266]. Далее Горький, оценив умение Пришвина видеть тайную связь человека с тем, что называется сегодня идеей Великой Матери, варьирует, по существу, один тезис: «Ощущение Земли как своей плоти <…> звучит для меня в книгах Ваших» [9, Т. 24, с. 267]. «Ваши слова о «тайнах земли» звучат для меня словами будущего человека, полновластного владыки и Мужа Земли, творца чудес и радостей ее» [9, Т. 24, с. 266]. «Рожденный Землею человек оплодотворяет ее своим трудом и обогащает красотою воображения своего» [9, Т. 24, с. 267]. Если искать аналог горьковским суждениям о Пришвине в научной терминологии, то наиболее удачными окажутся такие – «геофилия», «геооптимизм». Это концепты из современного Горькому учения В. И. Вернадского о ноосфере. Горький в предисловии к собранию сочинений Пришвина 1926 г. отметил новое, «пришвинское» искусство – не пейзажа, а «ощущение

Земли как своей плоти» [9, Т. 29, с. 267]; это чувство родственно установленному Вернадским взгляду на планету как созданную из «живого вещества». В одном из писем Горький признался Пришвину: «В чувстве и слове Вашем слышу я подлинное человеческое, идущее от сердца Сына Земли – Великой матери, боготворимой Вами» [9, Т. 29, с. 477].

В славянском язычестве Мужем Земли являются Небо или Солнце. Темные архаичные стихии Земли и Воды символизируют материнское начало жизни, неиссякаемое творчества природы. Почитание женского начала – древнейшее. «Женщина, старуха, мать, хозяйка, дарительница волшебных свойств – доисторична, чрезвычайно архаична» [20, Т. 2, с. 201]. Земля «осмыслялась как всеобщий источник жизни, мать всего живого»; «В заговорных формулах типа «З. – мать, небо – отец» <…> сохранились представления о небе и З. как супружеской паре»; «В заговоре из Нижегородской губернии З. представляется всеобщей матерью – и всего человечества в целом, и каждого человека в отдельности». «В фольклоре и древнерусской литературе постоянно подчеркивается страдание З. и одновременно сострадание ее к человеку <…> В духовных стихах З. содрогается, скорбит, плачет, обращается с мольбами к Богу и Богородице. В годины народных бедствий или перед кровопролитными битвами она, как мать или вдова, рыдает о погибших и о тех, кому еще суждено погибнуть. В других сюжетах З., наоборот, молит Бога наказать людей за грехи, а Бог в ответ просит ее потерпеть еще немного в надежде на то, что люди опомнятся и покаются перед ним» [21, с. 192, 193].

Сходным фольклорно-мифологическим значением исполнены многие женские образы в книгах Пришвина, подобные аллюзивные смыслы угадываются и в изображении им Земли. Люди облагораживают землю своим трудом. Разрыв между землей и человеком влечет трагедию: люди погибают, но и оскудевают невостребованные силы земли.

Созданная К. Г. Юнгом классификация архетипов удивительно соответствует основным типам пришвинских персонажей. В его художественной прозе, дневниках распознаются и очень точно соотнесенные с процессом индивидуализации архетипы: «дитя», «мать» и «дочь», «тень», «анима» и «анимус», «мудрый старик» и «мудрая старуха». «Дитя» обозначает бессознательный элемент и начальную попытку его преодоления. «Тень» – скрытые черты личности, они могут быть мрачными и демоническими. «Анима» и «анимус» символизируют черты противоположного пола, противопоставленные в душе, а «мудрый старик» и «мудрая старуха» – окончательную гармонизацию бессознательного и сознательного в человеческой личности.

Архетип как продукт коллективно-бессознательного появляется при интенсивно заниженном сознании. Юнг колебался в отношении точного определения архетипа. Для него это комплекс вне персонального опыта, а также образ, концентрирующий вокруг объекта психологические ситуации, и возможность представления некоего действия, и некоторые структуры первичных образов коллективной бессознательной фантазии, и, наконец, категория символической мысли, организующая приходящие извне представления. Для Юнга главный смысл мифа – пробуждение индивидуального сознания и его борьба против коллективного бессознательного, борьба, предшествующая их гармоническому синтезу. Этот процесс сопровождается отделением от матери, воплощающий элемент бессознательного, а затем от отца, представляющего внешний порядок, а также борьбой с драконом, символизирующим бессознательный элемент, и любовью к принцессе «анима».

В дневнике Пришвина: «Бабушка в «Детстве» Горького мне кажется самым удачным в русской литературе образом нашей родины. Думая о бабушке, понимаешь так ясно, почему родину представляют у нас всегда в образе женщины-матери» [19, с. 62]. Принципиальна художественная особенность автобиографической трилогии Горького – бабушка там явно «больше» матери, то есть образ бабушки заслоняет образ матери. В первом отразились и культ Матери-Сырой-Земли, и «мудрой старухи», и связь язычества с христианством (почитание Богородицы), и поэтизация женского начала бытия вообще.

Не без влияния В. В. Розанова сложилось убеждение Пришвина: личность создают стихии мужского и женского. Власть женщины – в ее тайне. Личность раскрывается в творчестве мужского и женского. Значимость женского начала – в его власти. «Я рождаюсь в женщине» (1913). В советскую же эпоху противоречие между культурным миром и природным только углублялось. Культура, которую символизирует дворянская усадьба, народу враждебна. «Обозначилось <…> направление революционного внимания к самому истоку собственности, в область пола и эроса», с «особенной ненавистью революция устремилась в дело разрушения женственного мира, любви, материнства»; «нащупала в этом женственном мире истоки различимости людей между собой» [15, с. 162].

Архетип Великой Матери вел писателя к муд-

рости, сокровенным сторонам русской души, к глубинам народной веры, к религиозным миросозерцаниям русского народа – язычеству и христианству. Поэтизируя творческую женскую сущность, Пришвин реализовал архетип Великой Матери в системе мотивов. Великая Матерь таилась за желанным краем «зеленой одежды мира». «Солнце взошло <…> Земля, казалось, ожидала такого мужа, который бы взял ее и просветлил до конца <…> может быть, оттого и рождает земля детей, что не до самого конца ею испытан любовный союз» [14, с. 230].

Любовь Земли и Солнца – это способность видеть «Великую Матерь нашу», стать «Мужем Земли», творцом «чудес и радостей» ее. Такой духовный опыт позволил ощутить связь «со всей славой земли», восчувствовать наработанные жизнью потенции. Женщина выразила творчество, познание прекрасных уголков Русской земли, зеленого царства, стихий земли и воды, и земли духовной, глубинных чувств, любви, постижение человека. В язычестве Маруха состоит в теснейшем родстве со стихиями земли и воды: женское темное начало восходит к земле и воде, «силам нижнего мира» [20, Т. 2, с. 144]. В центральном произведении М. Пришвина, автобиографическом романе «Кащеева цепь», юный Алпатов обронил в семейном кругу неожиданную фразу, вызвав замешательство собеседников: когда-нибудь женщина раскроет ему тайны мира. Роман построен так, что взаимодействие мужской и женской стихии, особенно во второй книге, регулирует направление авторского поиска. Торжество над чарами вечной невесты, им же и придуманной, знаменует победу личности в человеке.

Духовный опыт Пришвина вобрал мотив Священного брака – союза Земли и Солнца. «Земля, казалось, ожидала такого мужа, который бы взял ее и просветлил до конца <…> может быть, оттого и рождает земля детей, что не до самого конца ею испытан любовный союз» [14, с. 230]. Непрерывное творчество ритмично, вслед за солнцем вся природа, жизнь движутся кругами.

Когда человек любит, он проникает в суть мира» [14, с. 261]. Связь человека с миром через любовь – двигатель нравственного поведения. Для Пришвина важно проникнуть в любовь как источник жизни, потому это чувство рассмотрено как сила организации всего мира. Страдания извечны, но любовь одухотворяет жизнь.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии [Текст] / Н. А. Бердяев. – Париж, 1983.

2. Булгаков, С. Н. Моя Родина [Текст] / С. Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10.

3. Варламов, А. Н. Пришвин М. М. [Текст] / А. Н. Варламов. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 546 с.

4. Варламов, А. Н. Пришвин [Текст] / А. Н. Варламов – М. : Молодая гвардия, 2008. – 548 с.

5. Варламов, А. Гений пола. «Борьба за любовь» в дневниках Михаила Пришвина [Текст] / А. Н. Варламов // Вопросы литературы. – 2001. – № 6.

6. Варламов, А. Пришвин в восемнадцатом году [Текст] / А. Н. Варламов // Новый Журнал. – 2001. – № 225.

7. Варламов, А. Пришвин, или Гений жизни: Биографическое повествование [Текст] / А. Н. Варламов // Октябрь. – 2002. – № 1.

8. Варламов, А. Пришвин, или Гений жизни: Биографическое повествование: Окончание [Текст] / А. Н. Варламов // Октябрь. – 2002. – № 2.

9. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. [Текст] / М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1949-1955.

10. Иванов, Н. Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма [Текст] / Н. Н. Иванов // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – № 1. – С. 28-31.

11. Иванов, Н. Н. Мотивы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма [Текст] / Н. Н. Иванов // Вестник Костромского государственного университета : научно-методический журнал. – Кострома, РИО КГУ, 2017. – С. 101-104.

12. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : РАН, 2000. – 407 с.

13. Мережковский, Д. С. Пророк русской революции. К Юбилею Ф. М. Достоевского [Текст] / Д. С. Мережковский. – СПб., 1906.

14. Пришвин и современность [Текст] : сборник материалов. – М. : Современник, 1978. – 354 с.

15. Пришвин, М. Дневник [Текст] / М. Пришвин. – Октябрь. – 1989. – № 7.

16. Пришвин, М. Дневник [Текст] / М. Пришвин. – Октябрь. – 1990. – № 14.

17. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 12 апреля 1910г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Ф. 634.оп. 1.ед.хр. 175.л. 12, 17.

18. Пришвин, М. М. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1-8 [Текст] / М. М. Пришвин. – М. : Художественная литература, 1982-1986.

19. Пришвина, В. Д. Пришвин в Дунине [Текст] / В. Д. Пришвина. – М. : Московский рабочий, 1978. – 160 с.

20. Пропп, В. Я. Собрание трудов. Т. 1,2. Морфология. Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора [Текст] / В. Я. Пропп. – М., 1998.

21. Славянская мифология [Текст] / Энц. Словарь (Институт Славяноведения РАН). – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.

22. Трубецкой, Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке [Текст] / Е. Трубецкой. – М. : Лепта, 2000. – 320 с.

23. Kasack, Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezen-

sionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack. – Muenchen : Otto Sagner, 1991. – 283 s.

24. Kasack,Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917», London: Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 s.

25. Lauer, Reinhard : Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München: Auflage. C. H. Beck, 2008.

Reference List

1. Berdjaev, N. A. Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii = Self-knowledge. Experience of the philosophical autobiography [Tekst] / N. A. Berdjaev. – Parizh, 1983.

2. Bulgakov, S. N. Moja Rodina = My Homeland [Tekst] / S. N. Bulgakov // Novyj mir = Novy Mir – 1989. – № 10.

3. Varlamov, A. N. Prishvin M. M. = Prishvin M. M. [Tekst] / A. N. Varlamov. – M. : Molodaja gvardija, 2003. – 546 s.

4. Varlamov, A. N. Prishvin = Prishvin [Tekst] / A. N. Varlamov – M. : Molodaja gvardija, 2008. – 548 s.

5. Varlamov, A. Genij pola. «Bor'ba za ljubov'» v dnevnikah Mihaila Prishvina = Genius of gender. «Fight for love» in Mikhail Prishvin's diaries [Tekst] / A. N. Varlamov // Voprosy literatury = Voprosy literatury – 2001. – № 6.

6. Varlamov, A. Prishvin v vosemnadcatom godu = Prishvin in the eighteenth year [Tekst] / A. N. Varlamov // Novyj Zhurnal = Novy zhurnal – 2001. – № 225.

7. Varlamov, A. Prishvin, ili Genij zhizni: Biograficheskoe povestvovanie = Prishvin, or Genius of life: Biographic narration [Tekst] / A. N. Varlamov // Oktjabr' = Oktyabr. – 2002. – № 1.

8. Varlamov, A. Prishvin, ili Genij zhizni: Biograficheskoe povestvovanie: Okonchanie = Prishvin, or Genius of life: Biographic narration: End [Tekst] / A. N. Varlamov // Oktjabr' = Oktyabr. – 2002. – № 2.

9. Gor'kij, M. Sobranie sochinenij. V 30 t. = Complete works. In 30 volumes [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : GIHL, 1949-1955.

10. Ivanov, N. N. Mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennyh poiskov v literature russkogo neorealizma = Mythopoetic paradigm of art search in literature of the Russian neo-realism [Tekst] / N. N. Ivanov // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhevolzhsky philological bulletin – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – № 1. – S. 28-31.

11. Ivanov, N. N. Motivy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze russkogo neorealizma = Motives and images of national culture in prose of the Russian neo-realism [Tekst] / N. N. Ivanov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta : nauchno-metodicheskij zhurnal = Bulletin of Kostroma state university: scientific and methodical magazine. – Kostroma, RIO KGU, 2017. – S. 101-104.

12. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa = Myth poetics [Tekst] / E. M. Meletinskij. – M. : RAN, 2000. – 407 s.

13. Merezhkovskij, D. S. Prorok russkoj revoljucii. K Jubileju F. M. Dostoevskogo = Prophet of the Russian revolution. To F. M. Dostoyevsky's Anniversary [Tekst] / D. S. Merezhkovskij. – SPb., 1906.

14. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and present [Tekst] : sbornik materialov. – M. : Sovremennik, 1978. – 354 s.

15. Prishvin, M. Dnevnik = Diary [Tekst] / M. Prishvin. – Oktjabr'. – 1989. – № 7.

16. Prishvin, M. Dnevnik = Diary [Tekst] / M. Prishvin. – Oktjabr'. – 1990. – № 14.

17. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 12 aprelja 1910g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina = Letter to A. M. Remizov. April 12, 1910. Department of manuscripts of the State Public library named after M. E. Saltykov-Shchedrin. – F. 634.op. 1.ed.hr. 175.l. 12, 17.

18. Prishvin, M. M. Sobranie sochinenij. V 8 t. T. 1-8 = Complete works. In 8 volumes. V. 1-8.[Tekst] / M. M. Prishvin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1982-1986.

19. Prishvina, V. D. Prishvin v Dunine = Prishvin in Dunin [Tekst] / V. D. Prishvina. – M. : Moskovskij rabochij, 1978. – 160 s.

20. Propp, V. Ja. Sobranie trudov. T. 1,2. Morfologija. Istorich. korni volshebnoj skazki. Pojetika fol'klora = Collection of works. V. 1.2. Morphology. Historical roots of the magic fairy tale. Folklore poetics [Tekst] / V. Ja. Propp. – M., 1998.

21. Slavjanskaja mifologija = Slavic mythology [Tekst] / Jenc. Slovar' (Institut Slavjanovedenija RAN). – M. : Jellis Lak, 1995. – 416 s.

22. Trubeckoj, E. Inoe carstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = Other kingdom and its seekers in the Russian national fairy tale [Tekst] / E. Trubeckoj. – M. : Lepta, 2000. – 320 s.

23. Kasack, Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack. – Muenchen : Otto Sagner, 1991. – 283 s.

24. Kasack,Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917», London: Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 s.

25. Lauer, Reinhard : Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München: Auflage. C. H. Beck, 2008.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10193

УДК 82-3

А. В. Леденев

https://orcid.org/0000-0001-9069-9369

Эффект фонетической иррадиации личного имени в рассказе В. Набокова «Первая любовь»

В статье обсуждаются стилевые свойства имен собственных в произведениях Владимира Набокова. В прозе писателя звуковая фактура текста нередко предваряет появление того или иного значимого образа. Прежде чем пластически закрепиться, визуальный образ проявляется в тексте Набокова как мозаика все более и более плотных звуковых сцеплений. Так происходит, в частности, в романе «Дар» с именем Зины Мерц, впервые «мерцающим» в стихах главного героя Федора Годунова-Чердынцева – еще до его знакомства с будущей возлюбленной. В рассказе «Первая любовь» роль «звукового магнита», управляющего фонетическим составом текста, играет имя героини «Колетт». Слоги этого имени становятся в тексте носителями лирических ассоциативных значений, пробуждаемых контактным или дистантным повтором составляющих имя звуков и соответствующих им букв. В выборе конкретных слов и их сочетаний в «Первой любви» обнаруживается привязанность повествователя к комбинации согласных «к», «л» и «т». При этом в тексте ощутима «музыкальная» тенденция к конденсации, уплотнению «привилегированных» звуков, к постепенному сокращению расстояния между ними. Формирование «звукообраза» французской девочки начинается в тексте рассказа задолго до ее визуального описания, приостанавливается в сюжетных эпизодах с ее участием и завершается в финальной сцене рассказа – сцене расставания героя с Колетт. Специфика художнической памяти Набокова – в приоритете слуха над другими сенсорными реакциями. В этом отношении писатель непосредственно продолжает традицию восприятия «поэзии как волшебства», актуализированную поэтами Серебряного века.

Ключевые слова: алфавит, анаграмма, аллитерация, ассонанс, имя собственное, композиция, стиль, фоносемантика

A. V. Ledenev

The effect of phonetic irradiation of a proper name in V. Nabokov's short story «The First Love»

The article discusses the stylistic characteristics of proper names in literary works by Vladimir Nabokov. In the writer's prose, the acoustic specifics of the text often forestall the appearance of the relevant images. Before being plastically entrenched, a visual image appears in Nabokov's text in the form of a mosaic of gradually closer and closer **«**constellations» of sounds. In short story *The First Love*, the name of the character «Colette» functions as an acoustic lodestone which predetermines the phonetic composition of the text. In the text, the name's syllables serve as the carriers of lyrical associative meanings which are evoked by the close or distant repetitions of sounds and corresponding letters constituting the name. The formation of the acoustic image of the French girl in the text begins much earlier than the description of her appearance, it is suspended in the episodes where she acts and culminates in the final scene where the main character parts with Colette. The specificity of Nabokov's artistic memory corresponds to the priority of hearing over all other sensor reactions. In this respect the writer actually continues the tradition of perceiving poetry as magic brought into life by poets of the Silver Age.

Key words: alphabet, anagram, alliteration, assonance, proper name, composition, style, phonosemantics.

Самый знаменитый роман Владимира Набокова «Лолита» начинается и завершается именем героини. К подобной композиционной рамке писатель обращался не один и не два раза: мотив именования персонажа открывает (а часто и завершает) романы «Машенька», «Защита Лужина», «Подвиг» и некоторые рассказы писателя. Личное имя во всех этих случаях присутствует в сильных позициях текста, и это заставляет приглядеться к тому, как буквенно-звуковой состав имени соотносится с другими компонентами произведения. В то время как в жизненной практике собственное имя – всего лишь знак идентификации, контекст художественного произведения способен преобразовать имя, превратить его в символ, в идеальный коррелят того пластического образа, который явится под этим именем в рассказе или романе.

Вообще говоря, специфика функционирования имен собственных в художественных текстах давно обсуждается филологами [2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 18]. В начале XX в. Ф. де Соссюр обратил внимание на феномен анаграмматизма в древнеримской

© Леденев А. В., 2018

поэзии. Согласно его наблюдениям, отдельные слоги или фонемы разных слов в рамках сатурнова стиха передавали имя бога или героя [12, с. 639-645]. По мнению Вяч. Вс. Иванова, именно исследования ранних поэтических текстов на древних индоевропейских языках привели ученого к новому пониманию взаимоотношений звучания и значения в поэтическом тексте: «Звуковые повторы и звукопись оказываются не просто средствами достижения звуковой симметрии, но прежде всего связываются со словотемой стихотворения» [7, с. 638].

Пристальное внимание взаимодействию звука и смысла в художественном тексте уделял критик русского зарубежья Владимир Вейдле, высоко оценивавший «музыкальные» свойства прозы В. Набокова и обобщивший свои наблюдения над перипетиями «борьбы между музыкой и мыслью» в мировой литературе в книге «Эмбриология поэзии» [4, с. 56]. Набокова критик относил к числу писателей, которые «звуками повелевают смыслу» и одновременно «подбирают смыслы к звукам» [4, с. 73].

Подобная корреляция звука и смысла особенно отчетливо проявляется в том, как чуткие к акустическим эффектам словесности авторы используют в своих произведениях собственные имена. В конце XX – начале XXI вв. серьезные исследовательские усилия в изучении лингвистической природы имени собственного вообще и художественных эффектов, связанных с практикой употребления таких имен в поэзии и прозе в частности, были предприняты учеными Донецкой ономастической школы Е. С. Отиным, В. М. Калинкиным и их многочисленными последователями и учениками [10, 11].

Благодаря концентрации внимания на функциях имен собственных был собран и прокомментирован богатый материал, связанный с поэтонимологией (этим термином В. М. Калинкин предложил называть ту сферу ономастики, которая занимается поэтикой художественной литературы с точки зрения функционирования в ней личных имен) [11]. Были исследованы, в частности, стилистические свойства собственных имен в произведениях таких важных для становления творческой манеры Набокова предшественников, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. А. Блок, Н. С. Гумилев.

В контексте разговора о набоковской практике использования личных имен показательно, например, внимание к этой сфере Александра Блока, который, как свидетельствовал Ю. Анненков, не без иронии утверждал, что живет «в самых первых рядах алфавита». Поэт-символист упоминал при этом имена и отчества своих ближайших родственников – Блоков и Бекетовых, инициалы которых по судьбоносному совпадению почти всегда представляли собой комбинации А и Б [11, с. 62]. О том, что оборотной стороной блоковской иронии была вполне серьезная поэтическая практика, свидетельствуют недавние наблюдения А. А. Шульдишовой [19].

Перенявший символистское отношение к «знакам и символам» В. Набоков пошел по пути Блока и Белого намного дальше, чем его предшественники. В набоковедении сложилась устойчивая традиция фиксировать в текстах писателя целые серии анаграмм – чаще всего его собственных имени, фамилии или псевдонима, а также тех имен персонажей, которые получили в его произведениях статус заглавных [12, 13]. Но дело не только в анаграммировании личных имен, но и в особом характере влияния имени на общую композицию произведения, на соотношение в нем визуальных и звуковых компонентов формы.

В стихотворении 1928 г. «Толстой» Владимир Набоков перечисляет ряд окказиональных ассоциаций, которые вызывает у него фамилия величайшего из его русских предшественников:

…Пушкин: плащ,
скала, морская пена… Слово «Пушкин»
стихами обрастает, как плющом,
и муза повторяет имена,
вокруг него бряцающие: Дельвиг,
Данзас, Дантес, – и сладостно звучна
вся жизнь его – от Делии лицейской
до выстрела в морозный день дуэли [16, Т. 2, с. 592].

Не только Набоков-поэт, но и Набоков-прозаик явно небезразличен к звучанию и смысловому потенциалу собственных имен. В прозаических текстах Набокова нередко именно звуковая фактура текста предваряет появление того или иного значимого образа. Набоков словно реализует, художественными средствами утверждает лирическое предположение О. Мандельштама, высказанное им в стихотворении 1934 г. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме…»: «быть может, раньше губ уже родился шепот» [15, с. 200]. Прежде чем пластически закрепиться, тот или иной визуальный образ нередко проявляется в тексте Набокова как мозаика все более и более плотных звуковых сцеплений.

Звук последовательно и неутомимо ищет себе подходящую визуальную оболочку или – скажем об этом иначе – исполняет роль «первотолчка», начального импульса формирования образа. Особенно часто роль «звукового магнита», притяги-

вающего к себе пластические компоненты образа и попутно управляющего фонетическим составом текста, выполняет у Набокова женское имя. «Звездные» имена будто существуют в идеальной плоскости бытия сами по себе – как лирическое обещание, как возможность воплощения. Этот мотив звучит, например, в размышлениях героя «Подвига» Мартына: «По ночам он долго не мог забыться, представляя себе… всех тех женщин, которые ждут его в светающих городах, и, случалось, повторял вслух какое-нибудь женское имя – Изабелла, Нина, Маргарита, – еще холодное, нежилое имя, пустой гулкий дом, куда медлит вселиться хозяйка, – и гадал, какое из этих имен вдруг станет живым…» [16, Т. 3, с. 130].

Такое ожидание сбывается в жизни героя в том случае, если подкрепляется творческим усилием с его стороны. Самый яркий пример такого рода – «генеральная звуковая репетиция» образа Зины Мерц (еще до встречи с ней в сюжетном пространстве романа) в стихах Федора в «Даре»: «Как звать тебя? Ты полу-Мнемоз**ина**, полу**мерц**анье в имени твоем…» [16, Т. 4, с. 337-338]. При перечитывании новым смыслом обогащается поначалу кажущаяся малозначащей привязанность Федора к рифме «отчизна – признан».

На первой стадии создания стихотворения Федор отказывается от этого созвучия: «Звук „признан" мне, собственно, теперь и не нужен: от рифмы вспыхнула жизнь, но рифма сама отпала». Однако вскоре продолжающий сочинять стихотворение Федор замечает: «А странно – „отчизна" и „признан" опять вместе, и там что-то упорно звенит» [16, Т. 4, с. 216]. «Звенит», конечно же, «сама судьба», как об этом скажет в венчающем «Дар» стихотворении Федор [16, Т. 4, с. 541]: уже на начальном этапе сюжета роль ее «сигнальных звонков» выполняют настойчиво напоминающие о себе звуки (*и, з, н, а*), которые позднее соберутся вместе в имени возлюбленной главного героя.

Особенно показательный для набоковской манеры образец «истекания» реальности из звука являет собой рассказ «Первая любовь». Он был написан по-английски и впервые появился в журнале «Нью-Йоркер» под названием «Colette», затем – уже под названием «Первая любовь» («First Love») – он был включен в сборник англоязычных рассказов «Nabokov's Dozen» (1958). Русскоязычная версия произведения (с небольшими изменениями по сравнению с английским текстом) вошла в качестве седьмой главы в автобиографическую книгу «Другие берега» (1954).

Речь в этой главе идет о памятном автору путешествии на французское морское побережье в 1909 г. и о встрече там с французской девочкой Колетт. Принципиально важно, что имя заглавного персонажа подобрано по соображениям сугубо художественным: согласно изысканиям биографа Набокова Б. Бойда в действительности девочку звали Клод Депре (Claude Deprès) [20, p. 703].

Рассказ (и, соответственно, глава мемуаров) состоит из трех главок: в первой описано собственно путешествие из Петербурга – через Европу – в прибрежный Биарриц, во второй дана зарисовка Биаррица и описание морских купаний, наконец, в третьей рассказано о встрече и прощании (уже в Париже, на обратном пути в Россию) автобиографического героя с Колетт.

Центральная главка, посвященная «ритуалу купанья», завершается эпизодом «омовения ног» после пребывания на пляже: один из прислуживающих клиентам купальщиков приносит в купальную кабинку «таз с упоительно горячей водой». «От него я узнал, и навеки сохранил в стеклянной ячейке памяти, – сообщает повествователь, – что бабочка на языке басков „мизери***колет***ея"» [16, Т. 5, с. 240]. На самом деле, как указывает в примечаниях к мемуарам Б. Бойд, это слово звучит *«мизирикоте» («misirikote»).*

Финальным словом главки, намеренно неточной его транслитерацией Набоков фонетически предваряет появление уже в первом предложении следующей главки образа маленькой Колетт, повторяя тот же прием, что знаком нам по «Дару» («ты полу-Мнемозина, полумерцанье в имени твоем…»). Сама форма имени Колетт становится в тексте носителем лирических ассоциативных значений, пробуждаемых контактным или дистантным повтором составляющих имя звуков. Один из таких повторов, своего рода «внутренних рифм» к имени француженки, встречается в непосредственном соседстве с первым упоминанием Колетт: «Она важно обратила мое внимание на зазубренный ос***кол***ок фи***олет***овой раковинки, оцарапавшей ее узкую, длиннопалую ступню» [16, Т. 5, с. 241]. Здесь прием использован в наиболее наглядной форме, поскольку содержащие «звуковые частицы» имени слова стоят в непосредственном соседстве, к тому же оба слога имени «Колетт» попадают в этих словах в ударные позиции.

Однако формирование «звукообраза» французской девочки началось в тексте рассказа задолго до ее визуального описания. Эмблематическая бабочка, прозвучавшая на псевдобаскском языке увертюрой первому прямому именованию, – это не начало, а кульминация фонетической мимикрии текста, связанной с постепенным «порождением имени» из «звуковой туманности» повествования. Первые проблески «звукообраза» встреча-

ются в описании путешествия повествователя (тогда десятилетнего мальчика) в спальном вагоне «величественного Норд-Экспресса» [16, Т. 5, с. 234].

Если отвлечься от фонетической составляющей текста, он будет выглядеть тонко рассчитанным перебором «цветных фотографий» памяти, медитацией на тему взаимоотношений мечты и реальности. Рассказ о выставленной в витрине транспортного агентства модели спального вагона плавно соскальзывает в воспоминания о дорожных впечатлениях едущего на юг мальчика (уже в настоящем спальном вагоне экспресса). Однако во внешне сугубо ассоциативном сплетении этих впечатлений начинают мерцать повторяющиеся звуковые комбинации; поток визуальных образов получает пока еще робкую «музыкальную» подпитку.

Поначалу звуковые повторы могут восприниматься как всего лишь стилистическая аранжировка повествования, но по мере выявления читателем этой глубинной лирической мелодии композиционный статус и смысловая валентность звукописи повышаются – «звуки и буквы» претендуют на роль «знаков и символов», отсылающих к «подлиннику», лирическому источнику возводимой жизнеподобной декорации, на роль маркеров сверхреальности, символистской “realiora”. Кстати, в эксплицитной форме «иератичность», символически указующая роль звуков и букв утверждается Набоковым в знаменитом «длинном стихотворении» «Слава» 1942 г.: «Признаюсь, хорошо зашифрована ночь, / но под звезды я буквы подставил / и в себе прочитал, чем себя превозмочь, / а точнее сказать я не вправе» [16, Т. 5, с. 422].

В выборе конкретных слов и их сочетаний в «Первой любви» обнаруживается привязанность повествователя к комбинации согласных «к», «л» и «т»: упоминается о знаменитом перелете Блерио из **Кале** в Дувр, большая часть зрительных впечатлений связывается с оптическими эффектами отражений и в этой связи внимание фиксируется на вагонном **стекле**, задающем не только визуальную, но и фонетическую «рамку» повествования. Видно, как «**ка**ртежники играют на ни**кел**евые и **стекл**янные **ст**авки, ровно **ско**льзящие по **л**андшаф**ту**»; «в **ко**ридорное окно видны **тел**еграфные прово**лок**и»; в вагоне-ресторане взгляд повествователя останавливается на «**ко**нусах **сл**оженных **сал**ф**ет**ок» и «шо**кол**аде в **лил**овых обер**т**ках» [16, Т. 5, с. 235-237].

При этом в тексте ощутима «музыкальная» тенденция к конденсации, уплотнению «привилегированных» звуков, к постепенному сокращению расстояния между ними. И вот уже «пар**алл**ельная **кол**ея слива**ет**ся с другой», чтобы прозвучал наиболее интенсивно аллитерированный фрагмент: «С моей по**стели** под **ко**йкой брата (спа**л ли** он? бы**л ли** он там вообще?) я наб**л**юдал в по**л**умраке отде**л**ения, **ка**к опас**ли**во ш**ли** и никуда не доходи**ли** предме**т**ы, час**т**и предме**т**ов, **т**ени, час**т**и **т**еней» [16, Т. 5, с. 274]. Особенно выразителен в конце этой фразы многократный повтор финальных согласных «загаданного» имени («т» встречается в шести словах подряд). А вскоре о ночных бабочках будет сказано, что они вращаются вокруг фонаря, «**ка**к са**тел**литы огромной пла**нет**ы» [16, Т. 5, с. 238]. Звуковые компоненты еще не прозвучавшего целиком имени используются повествователем как спутники его заветного воспоминания, как «сателлиты» еще не явившегося на сцену образа.

В нужный повествователю и точно рассчитанный им момент степень конденсации «звукового созвездия» достигает апогея, более того, вниманию читателя предлагается не только акустика уже мерцающего в тексте имени, но и его визуально-графическая «партитура». Имя «Колетт» искусно анаграммировано в последнем абзаце первой главки: «На другое утро уже б**ел**елась и мчалась мимо мутная Б**ель**гия; **ка**фе-**о-ле** с от**вра**т**и**тельными пенками как-то шло виду в окне, мокрым по**ля**м, ис**кал**еченным ивам по радиусу канавы, шеренге **т**оп**ол**ей, перечеркну**т**ых по**ло**сой **т**умана» [16, Т. 5, с. 238]. Почти полностью прозвучавшее в названии напитка имя («к-о-ле») намеренно замыкается словом с тремя «т» («отвратительные»), а его омофонный дубликат в причастии «ис**кал**еченные» утыкается в шеренгу «тополей», столь же намеренно «перечеркнутых полосой тумана»: иконическая проекция повторяющейся французской буквы «t» завершает процесс собирания буквенно-звуковой мозаики имени Colett.

Во второй главке – той самой, которая закончится именем «бабочки на языке басков» – развернутой внутренней рифмой к имени девочки прозвучит сочетание «**ко**ро**л**евские апар**т**амен**т**ы в От**е**ль дю Пал**е**» с его очень длинной даже для прозы Набокова цепочкой ассонансов. Вспомнившаяся цветочница «на **ка**менном променаде у **ка**зино» получит фонетически мотивированные «**ли**лова**т**ые брови», «полоса песка» на пляже будет «у**ка**тана от**ли**вами» [16, Т. 5, с. 239-240], но в целом частотность повторов заветной для повествователя звуковой комбинации начнет понижаться, потому что на смену фонетической «репетиции» имени вскоре явится само имя.

В третьей главке, посвященной встречам маленького героя с Колетт, примеров подобного «звукотворчества» почти нет: собственное имя, получившее «жизнь» в результате звуковой «алхимии» предшествующих фрагментов, уже не подсвечивается фонетикой контекста. Звуковые предвестия уступают место конкретным визуальным впечатлениям, картинам непродолжительного общения героя с француженкой и рассказу о задуманном, но сорвавшемся побеге влюбленной парочки.

Но краски и линии лишь на время становятся формой «инобытия» звука. Как только намечается расставание героя с Колетт, вновь звучит мотив именования. Повествователь вдруг вспоминает кличку фокстерьера девочки: «С дальнего того побережья, с гладко отсвечивающих вечерних песков прошлого, где **ка**ждый вдав**ле**нный пяткой Пятницы сл**ед** заполняется водой и за**ка**том, доносится, **лет**ит, отзываясь в звонком воздухе: Флосс, Флосс, Флосс!» [16, Т. 5, с. 243]. Грамматическое время нарратива в последнем эпизоде, посвященном расставанию с Колетт, переключается с прошлого на «длящееся» настоящее, и в текст возвращается его главная музыкальная тема.

Последние визуальные впечатления повествователя – подаренная ему девочкой «**ко**робка …об**лит**ого крашеным сахаром миндаля»; листья «**ка**штанов и **кл**енов», которые смешиваются в памяти с «**ко**жей ее башмаков и перчаток», и еще одна «какая-то подробность… – **лент**очка, что ли… или узор на чулках». Наконец, «этот обрывок самоцв**ет**ности… рас**т**воря**ет**ся в **т**онких **т**енях…» [16, Т. 5, с. 244]. Частокол «т» в последних словах вносит последние буквенно-звуковые штрихи в уже завершенный образ. Его зрительные компоненты будто гаснут, чтобы оставить читателя с ощущением тонкого звукового «послевкусия».

Многоцветная реальность, изобилующая в прозе Набокова «милыми мелочами» подробностей, обогащенная игрой теней и отражений, рождается звуком и ритмом, чтобы обрести статус завершенного произведения и стать подлинной реальностью в «стеклянной ячейке памяти». Возможно, специфика художнической памяти Набокова – в приоритете слуха над другими сенсорными реакциями. Потому и название книги воспоминаний («Память, говори») звучит у него как апелляция прежде всего к звуковой, сверхпонятийной ипостаси творчества. В этом отношении Набоков – самый яркий из прозаиков XX в. наследник «серебряного века» с его завороженностью «поэзией как волшебством».

В записной книжке 1906 г. А. Блок метафорически уподобил стихотворение покрывалу, растянутому на остриях нескольких слов: «Эти слова светятся, как звезды. Ради них существует стихотворение» [4, с. 84]. Не только в поэзии, но и в прозе Набокова подобным свойством «звукового свечения», фонетической иррадиации нередко обладают собственные имена (помимо Колетт можно вспомнить об именах Светланы, Зины, Нины и, конечно, Лолиты). В значительной мере «ради них» существуют соответствующие стихотворения, рассказы и романы Владимира Набокова.

Библиографический список

1. Анненков, Ю. Александр Блок [Текст] / Ю. Анненков // Ю. Анненков. Дневник моих встреч: цикл трагедий. В 2 т. Т. 1. [вступ. ст. П. Николаева]. – М. : Художественная литература, 1991. – С. 56-96.

2. Белый, А. Глоссолалия [Текст] / А. Белый. – Томск : «Водолей», 1994. – 96 с.

3. Беем, А. Личные имена у Достоевского [Текст] / А. Бем // Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ. – София, 1933. – С. 245-286.

4. Блок, А. А. Записные книжки. 1901-1920 [Текст] / А. А. Блок [сост., подгот. текста, предисл. и прим. Вл. Орлова]. – М. : Худ. лит., 1965. – 664 с.

5. Вейдле, В. В. Эмбриология поэзии. Статьи по поэтике и теории искусства [Текст] / В. В. Вейдле. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 452 с.

6. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 656 с.

7. Григорьев, В. П., Колодяжная, Л. И., Шестакова, Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен (выставлен 24.12.2003). [Электронный ресурс] / В. П. Григорьев. – URL: http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si. 2003/

8. Иванов, Вяч. Вс. Об анаграммах Ф. де Соссюра [Текст] / В. В. Иванов // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 635-638.

9. Исупов, К. Г. Теоретические вопросы ономастики // «Λογος όνομαστική» (Международный ономастический журнал), 2008. – № 2. – [Электронный ресурс] / К. Г. Исупов. – URL: http://azbuka.in.ua/lo2-2008/

10. Калинкин, В. М. Поэтика онима [Текст] / В. М. Калинкин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.

11. Калинкин, В. М. Знакомьтесь: поэтонимология [Текст] / В. М. Калинкин // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2016. – Т. 2. – Вып. 4 (8). – С. 18-27.

12. Кравченко, Э. А. Поэтика имени автора в произведениях В. Набокова [Текст] / Э. А. Кравченко // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 10. – Донецк : Юго-Восток, 2006. – С. 83-97.

13. Кравченко, Э. А. Контекстная семантика и поэтика онима Лолита в романе В. Набокова «Лолита» [Текст] / Э. А. Кравченко // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 12. – Донецк : Юго-Восток, 2008. – С. 42-59.

14. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.

15. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений : В 4 т. Т. I. [Текст] / О. Э. Мандельштам. – М. : Терра, 1991. – 374 с.

16. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений : В 5 т. [Текст] / В. В. Набоков. – СПб. : Симпозиум, 2004.

17. Соссюр, Ф. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащие записи об анаграммах [Текст] / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 639-645.

18. Федотова, К. С. Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилева) [Электронный ресурс] / К. С. Федотова. – URL: http://vgpu.org/node/14768

19. Шульдишова, А. А. «Сердце в плену у Кармен»: литературно-музыкальный анализ поэтического цикла А. А. Блока [Текст] // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2016. – Т. 2. Вып. 4 (8). – С. 73-83.

20. Boyd, B. Notes / B. Boyd // Vladimir Nabokov. Novels and Memoirs 1941-1951. – New York : The Library of America, 1996. – pp. 703.

Reference List

1. Annenkov, Ju. Aleksandr Blok = Alexander Blok [Tekst] / Ju. Annenkov // Ju. Annenkov. Dnevnik moih vstrech: cikl tragedij. V 2 t. T. 1. [vstup. st. P. Nikolaeva]. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1991. – S. 56-96.

2. Belyj, A. Glossolalija = Glossolalia [Tekst] / A. Belyj. – Tomsk : «Vodolej», 1994. – 96 s.

3. Beem, A. Lichnye imena u Dostoevskogo = Personal names of Dostoyevsky [Tekst] / A. Bem // Sbornik# v# chest' na prof. L. Miletich# = Collection in honor on prof. L. Miletich – Sofija, 1933. – S. 245-286.

4. Blok, A. A. Zapisnye knizhki. 1901-1920 = Notebooks. 1901-1920 [Tekst] / A. A. Blok [sost., podgot. teksta, predisl. i prim. Vl. Orlova]. – M. : Hud. lit., 1965. – 664 s.

5. Vejdle, V. V. Jembriologija pojezii. Stat'i po pojetike i teorii iskusstva = Poetry embryology. Articles on poetics and the theory of art [Tekst] / V. V. Vejdle. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 452 s.

6. Vinogradov, V. V. O jazyke hudozhestvennoj literatury = On fiction language [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Goslitizdat, 1959. – 656 s.

7. Grigor'ev, V. P., Kolodjazhnaja, L. I., Shestakova, L. L. Sobstvennoe imja v russkoj pojezii XX veka: slovar' lichnyh imen = Proper name in the Russian poetry of the 20th century: dictionary of personal names [Jelektronnyj resurs] / V. P. Grigor'ev. – URL: http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si. 2003/

8. Ivanov, Vjach. Vs. Ob anagrammah F. de Sossjura = On F. de Saussure's anagrams [Tekst] / V. V. Ivanov // Sossjur F. Trudy po jazykoznaniju = Saussure F. Works on linguistics – M. : Progress, 1977. – S. 635-638.

9. Isupov, K. G. Teoreticheskie voprosy onomastiki = Theoretical questions of onomastics // «Λογος όνομαστική» (Mezhdunarodnyj onomasticheskij zhurnal), 2008. – № 2. – [Jelektronnyj resurs] / K. G. Isupov. – URL: http://azbuka.in.ua/lo2-2008/

10. Kalinkin, V. M. Pojetika onima = Poetics of an onym [Tekst] / V. M. Kalinkin. – Doneck : Jugo-Vostok, 1999. – 408 s.

11. Kalinkin, V. M. Znakom'tes': pojetonimologija = Get acquainted: poetonimology [Tekst] / V. M. Kalinkin // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Filologicheskie nauki i kul'turologija = Bulletin of Tambov university. Series Philological sciences and culturology. – Tambov, 2016. – T. 2. – Vyp. 4 (8). – S. 18-27.

12. Kravchenko, Je. A. Pojetika imeni avtora v proizvedenijah V. Nabokova = Poetics of of the author's name in V. Nabokov's works [Tekst] / Je. A. Kravchenko // Vostochnoukrainskij lingvisticheskij sbornik. Vyp. 10 = East Ukrainian linguistic collection. Issue 10– Doneck : Jugo-Vostok, 2006. – S. 83-97.

13. Kravchenko, Je. A. Kontekstnaja semantika i pojetika onima Lolita v romane V. Nabokova «Lolita» = Contextual semantics and poetics of the onym Lolita in the novel by V. Nabokov «Lolita» [Tekst] / Je. A. Kravchenko // Vostochnoukrainskij lingvisticheskij sbornik. Vyp. 12. = East Ukrainian linguistic collection. Issue 12. – Doneck : Jugo-Vostok, 2008. – S. 42-59.

14. Losev, A. F. Znak. Simvol. Mif = Sign. Symbol. Myth [Tekst] / A. F. Losev. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. – 480 s.

15. Mandel'shtam, O. Je. Sobranie sochinenij : V 4 t. T. I = Complete works: in 4 volumes. V. 1 [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam. – M. : Terra, 1991. – 374 s.

16. Nabokov, V. V. Russkij period. Sobranie sochinenij : V 5 t. = Russian period. Complete works: In 5 v. [Tekst] / V. V. Nabokov. – SPb. : Simpozium, 2004.

17. Sossjur, F. Otryvki iz tetradej F. de Sossjura, soderzhashhie zapisi ob anagrammah = The fragments from F. de Saussure's notebooks containing records about anagrams [Tekst] / F. de Sossjur // Sossjur F. Trudy po jazykoznaniju = Saussure F. Works on linguistics – M. : Progress, 1977. – S. 639-645.

18. Fedotova, K. S. Onimnaja leksika v jazyke pisatelja: pojetonimograficheskij aspekt (na materiale tvorchestva N. S. Gumileva) = Onymnic lexicon in the writer's language: poetonimographic aspect (on material of N. S. Gumilev's works) [Jelektronnyj resurs] / K. S. Fedotova. – URL: http://vgpu.org/node/14768

19. Shul'dishova, A. A. «Serdce v plenu u Karmen»: literaturno-muzykal'nyj analiz pojeticheskogo cikla A. A. Bloka = «Heart in captivity of Carmen»: literary and musical analysis of A. A. Blok's poetic cycle [Tekst] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Filologicheskie nauki i kul'turologija = Bulletin of Tambov university. Series Philological sciences and culturology. – Tambov, 2016. – T. 2. Vyp. 4 (8). – S. 73-83.

20. Boyd, V. Notes / B. Boyd // Vladimir Nabokov. Novels and Memoirs 1941-1951. – New York : The Library of America, 1996. – pp. 703.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10194

УДК 82-94

Е. М. Болдырева

https://orcid.org/0000-0003-2977-7262

Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в.

Статья посвящена решению проблемы *соотношения фактуальных и фикциональных жанров* автобиографической литературы, подробно анализируется концепция *автофикции,* дискуссии о которой сорок лет назад начались во французском литературоведении и продолжались в течение более чем 30 лет. Понятие автофикции выдвинуто в 1977 г. С. Дубровским как определение жанрового статуса его романа «Fils» («Сын»): «повествование, характеристики которого соответствуют характеристикам автобиографии, но который провозглашает свое тождество с романом, признавая, что включает в себя реальные элементы в сочетании с мнимыми, вымышленными, сочетает в себе знаки автобиографического обязательства и чистые романные стратегии». В статье рассматриваются проблемы, которые пытались решить французские исследователи автофикции: соотношение правды и вымысла в автобиографии, выявление парадоксального и противоречивого характера понятия «автобиографический пакт», появление термина автофикция обосновывается как в высшей степени закономерное для французской теории литературы, поскольку он терминологически закрепил существующие литературоведческие тенденции. В статье рассматриваются две концепции автофикции: стилистический подход С. Дубровского (метаморфоза автобиографии в автофикцию как изменение типа языка, фикционализация самого процесса письма, точнее, рассмотрение автобиографии прежде всего как языкового феномена, как приключения языка, запись бессознательного, способствующего подлинной самоидентификации) и референциальный подход В. Колонна, постулирующий процесс трансформации в плане изменения соотношения текстовой и экстратекстовой реальности, когда фикционализации подвергается содержание, сами воспоминания, а также тождество автор – рассказчик – персонаж. Данные типы автофикции рассмотрены на примере различных произведений французской литературы (М. Пруста, П. Лоти, П. Модиано, А. Роб-Грийе, Н. Саррот, Ж. Перека и др). Автофикция позиционируется как особый жанр, точнее, модус письма, существующий в поле интерференции мемуарно-автобиографической и собственно романной, фикциональной жанровых систем.

Ключевые слова: жанр, автофикция, автобиографический пакт, автофикциональный текст, метадискурсивность, нарративная идентичность, художественное, документальное.

E. M. Boldyreva

Differentiation of Factual and Fictional Genres of Autobiographical Literature of the end of the XX – the beginning of the 21st century

The article is devoted to a solution of the problem on *the ratio of factual and fictional genres* of autobiographical literature, the concept of *autofiction*, discussions about which began in the French literary criticism forty years ago is analyzed in detail and proceeded within more than 30 years. The concept of autofiction is put forward in 1977 by S. Dubrovsky as determination of the genre status of his novel «Fils» («Son»): «the narration which characteristics correspond to characteristics of the autobiography, but which proclaims the identity with the novel, recognizing that it includes real elements in combination with imaginary, fictional, combines signs of autobiographical obligation and pure novelistic strategy». In the article problems which the French researchers of autofiction tried to solve are considered: the ratio of the truth and fiction in autobiographies, identification of paradoxical and contradictory nature of the concept «autobiographical pact», emergence of the term autofiction is proved as extremely natural for the French theory of literature as it terminologically enshrined the existing literary trends. In the article two concepts of autofiction are considered: a stylistic approach of S. Dubrovsky (autobiography metamorphosis in autofiction as a change of a language type, fictionalization of the process of writing , more precisely, consideration of the autobiography first of all as a language phenomenon, as language adventures, record unconscious, promoting original self-identification) and a reference approach of V. Kolonn postulating the process of transformation in respect of change of the ratio of text and extratext reality when the contents, memoirs and also equivalence of the author – the story-teller – the character is exposed to a fictionalization. These types of autofiction are considered on the example of various French literature works (M. Proust, P. Loti, P. Modiano, A. Rob-Griye, N. Sarrot, Zh. Pereka and др). Autofiction is positioned as a special genre, more precisely, the mode of writing existing in the field of interference of memoirs and autobiographical and actually novelistic, fictional genre systems.

Keywords: genre, autofiction, autobiographical pact, autofictional text, metadiscourse, narrative identity, art, documentary.

© Болдырева Е. М., 2018

«Иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа. Имена действующих лиц заменены другими – эта условность сразу же переключает произведение в другой ряд, обеспечивая пишущему право на вымысел» [5, с. 133] – эти слова Л. Я. Гинзбург затрагивают важнейшую проблему разграничения фактуальных и фикциональных жанров в рамках автобиографической литературы. Необходимо определить, каковы различия автобиографических и фикциональных текстов, по каким критерием может быть произведена их дифференциация, есть ли разница в стратегии читательской рецепции и, наконец, в каких категориях возможно рассматривать произведения, представляющие собой синтез фактуального и фикционального дискурсов? Проблема осложняется тем, что на основании внутритекстовых структурных параметров практически невозможно отличить автобиографию (в строгом смысле термина) от фикциональных жанров, воспроизводящих ее основные черты и обозначаемых в отечественном литературоведении терминами «художественная автобиография», «беллетризованная автобиография», «автобиографический роман» и т. п. Так, М. Маликова, рассматривая природу автобиографического письма В. Набокова, замечает: «Все интратекстуальные черты автобиографии легко имитируются в литературных мистификациях – „Марбот" Вольфганга Хильдесхаймера, притворяющийся биографией некоего воображаемого писателя, строго соблюдает все правила историографического дискурса… Не только фактуальные нормы легко имитируются в беллетристике, но и, напротив, характерные приемы фикционализации широко используются в современном фактуальном повествовании» [8, с. 7-8]. Согласимся с М. Маликовой, что порой затруднительно отличить по интратекстуальным критериям аутентичную автобиографию от автобиографического романа, который ее полностью имитирует.

В отечественной литературоведческой традиции разграничение фактуальных и фикциональных текстов litterature intime осуществлялось преимущественно в категориях *«документальное» – «художественное»*. Не случайно в связи с этим появление термина «художественно-документальные жанры» как одного из вариантов общеродового понятия наряду с «мемуарно-автобиографической литературой». Однако разграничение фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы и рассмотрение специфики «промежуточных жанров» должно производиться с учетом следующих критериев:

1. Авторская интенция (установка на факт или его художественную трансформацию).

2. Соотношение событийных единиц, топонимов и антропонимов с реальными коррелятами.

3. Принципы организации художественной реальности.

4. Стратегия чтения, характер «пакта», «соглашения» между автором и читателем.

Все эти проблемы, на наш взгляд, пытались разрешить французские литературоведы в продолжающихся более тридцати лет дискуссиях вокруг понятия «автофикция». Практически сразу после взлета популярности леженовской концепции автобиографического пакта в западноевропейском литературоведении началась активная «антиавтобиографическая» кампания, цель которой – не столько ниспровергнуть автобиографию как жанр, сколько подвергнуть сомнению саму ее способность адекватно воспроизводить биографическую реальность. Объектом деконструкции стали практически все аспекты жанровой номинации Лежена и его концепция автобиографического пакта в целом.

Прежде всего, значительной проблемой для исследователей является соотношение правды и вымысла в автобиографии. Основным парадоксом жанрового статуса автобиографии стал вопрос о принципиальной несовместимости установки автобиографии на искренность и правдивое изложение событий собственной жизни – и невозможность достигнуть этого при помощи ограниченных возможностей письма. Деконструкции подвергается категория истинности и правдивости, поскольку любая автобиография есть не адекватное отражение реальности, а ее семиотизация, концептуализация, реконструкция собственного бытия и самого себя с точки зрения определенной задачи. Литературоведы однозначно заявляют о том, что в автобиографии фактическая достоверность вторична и подчинена правде личности, правде сознания автора и что при запечатлении в слове фактическая правда неизбежно деформируется под воздействием языка. Многие писатели прямо заявляли о невозможности рассказа о собственной жизни, так как она либо не сохранилась в памяти, либо потому что собственное Я, так или иначе, все равно проявляется в качестве самого письма. В качестве аргументов, подтверждающих существование этой проблемы уже в литературе прошлых эпох литературоведы использовали высказывания многих писателей XIX и XX вв. О

fictionnalisation самого себя в тексте писали Флобер с его знаменитой формулировкой «Madame Bovary, c'est moi» («мадам Бовари – это я»), и А. Мальро [33, с. 247]: «ni vrai, ni faux, mais vecu» («Это не правда и не подделка, а реально прожитое». Здесь и далее перевод мой – Е. Б.), и А. Жид [26, с. 280]: «Les Mémoires ne sont jamais qu'à demi sincères, si grand que soit leur souci de vérité: tout est toujours plus compliqué qu'on ne le dit. Peut-être même approche-t-on de plus près la vérité dans le roman» («Воспоминания являются всегда только наполовину искренними; как бы писатель ни заботился о правде, подлинная реальность всегда сложнее, чем мы о ней говорим. Может быть, большая правда содержится именно в романе?»). Очевидно, что известная формулировка А. Жида «Tityre, c'est moi et ce n'est pas moi» [25, с. 72] является подлинно автофикциональной задолго до появления самого термина.

Второй проблемой, связанной с критическим переосмыслением статуса автобиографии, стало выявление парадоксального и противоречивого характера понятия «автобиографический пакт». Уже в работе «Le pacte autobiographique» Ф. Лежен признает, что фикция, как ни парадоксально, оказывается надежнее, чем автобиография, поскольку она отражает значительные аспекты жизни писателя без явных претензий на правду и истинность и манифестирует подлинную правду личности, а не внешнюю правду событий и размышлений о них, определяя подобный феномен как фантазматический договор le pacte fantasmatique. Читатель приглашен действительно прочитать романы не только как фикции, отсылающие к правде «человеческой природы», а также как разоблачительные вымыслы индивида [30, с. 42]. Он должен понять в итоге, что любая фикция является неосознанной автобиографией. Лежен подчеркивает, наконец, что сторонники этого договора не стремятся действительно обесценивать автобиографический жест, который они сами осуществляют; а, напротив, пытаются извлечь из него дополнительный потенциал, открывая автобиографическое пространство и предлагая читателю автобиографическую стратегию чтения текста.

Понятие автофикции, таким образом, оказалось направленным против так называемой «наивной практики» автобиографии, когда возможность правды или искренности автобиографии оказалась радикально поставленной под сомнение, а определение жанрового статуса произведений автобиографического характера – неопределенным и подвижным. Можно сказать, что именно Ф. Лежен навел французского писателя и критика Сержа Дубровского [21, с. 63] на мысль о парадоксальности автобиографического пакта, и тот заявил о своем желании занять то «вакантное место», которое до сих пор остается пробелом в жанровой системе мемуарно-автобиографической прозы: «…je ne suis pas sur du statut théorique de mon enterprise, ce n'est pas a moi d'en décider, mais j'ai voulu trıs profondément remplir cette „case" que votre analyse laissait vide, et c'est un véritable désir qui a soudain lié votre texte critique et ce que j'étais en train d'écrire» («Я не уверен в теоретической значимости моего эксперимента, это не мне решать, но я хотел очень глубоко заполнить это место, которое ваш анализ оставлял пустым, и именно это желание вдруг связало ваш критический текст и то, о чем я стремился написать»). Именно отрицая реальное существование автофикции, автор «Автобиографического пакта» побудил Дубровского ввести и обосновать это понятие, реализовав автофикциональный проект в собственном творчестве. Так, в 1977 г. Дубровский выдвигает понятие «автофикция» как определение жанрового статуса своего романа «Fils» (*«*Сын»), написанного «hors syntaxe du roman traditionnel et nouveau» («Вне синтаксиса традиционного и нового романа») [20]. «Сын», повествование в котором ведется от первого лица и героем которого является сам Дубровский, получает жанровое обозначение «роман». Кроме того, опыт литературного критика побуждает Дубровского акцентировать проблему истинности в литературе. Дубровский определяет таким образом свое собственное «предприятие»: «Fiction d'événements et de faits strictement réels; si l'on veut, autofiction, d'avoir confié le langage d'une aventure à l'aventure du langage, hors sagesse et hors syntaxe du roman, traditionnel ou nouveau» («Фикция событий и строго реальных фактов; если хотите, автофикция превращает языковой рассказ о приключениях в приключения языка, перемещает акцент с событий на способ рассказывания. Это свободное языковое пространство вне мудрости и вне синтаксиса романа, традиционного или нового») [20, с. 15].

Публикация «Сына», конвенциональная природа которого ускользает от «автобиографического пакта», вызвала благосклонность Лежена [31, с. 69]: «les ruses machiavéliques de Doubrovsky m'ont fasciné», потому что его эксперимент располагался «dans une zone frontiére, a cheval entre deux systémes de communication : celui de la vie réelle [...] et celui de la littérature de fiction» («Макиавел-

левские хитрости Doubrovsky меня очаровали, потому что его эксперимент располагался в пограничной зоне, между двумя системами: реальной жизни и литературы фикции»). «Сын» изначально совмещает два типа дискурса: референциальный и фикциональный – и вводит в литературоведческий оборот новую теоретическую категорию автофикции, претендующую на право занять место в устоявшейся системе жанров автобиографической литературы.

Неологизм автофикция практически сразу же начинает активно обсуждаться в научных кругах, и постепенно вырисовывается три толкования этой категории, зафиксированных в Dictionnaire International des Termes Littéraires [17]. В узком смысле автофикция понимается как «Projection de soi dans un univers fictionnel où l'on aurait pu se trouver, mais où l'on n'a pas vécu réellement» *(«Прогнозирование самого себя в вымышленном, фикциональном мире,* где автор мог бы оказаться, но не находился в действительности»). В широком смысле автофикцией стали называть «Tout roman autobiographique, en considérant qu'il y a toujours une part de fiction dans la confession» («Любой автобиографический роман, учитывая что в любой исповеди всегда есть доля фикции»). Наконец, согласно определению самого Дубровского, автофикция – «Récit dont les caractéristiques correspondent à celles de l'autobiographie, mais qui proclame son identité avec le roman en reconnaissant intégrer des faits empruntés à la réalité avec des éléments fictifs. Combinaison des signes de l'engagement autobiographique et de stratégies propres au roman, genre qui se situe entre roman et journal intime» («Повествование, характеристики которого соответствуют характеристикам автобиографии, но который провозглашает свое тождество с романом, признавая, что включает в себя реальные элементы в сочетании с мнимыми, вымышленными, сочетает в себе знаки автобиографического обязательства и чистые романные стратегии») [20, с. 11]. Попытка терминологической кристаллизации была реализована также в программной работе Жака Лекарма « L'Autofiction: un mauvais genre» («Автофикция, низкий жанр»): « Récit dont un auteur, narrateur et protagoniste partagent la même identité nominale et dont l'intitulé générique indique qu'il s'agit d'un roman» («Повествование, в котором автор, рассказчик и главное действующее лицо образуют то же формальное тождество, но заглавие которого указывает, что речь идет о романе») [29, с. 227].

Неологизм Дубровского довольно быстро приобрел большую популярность и стал активно использоваться критиками и литературоведами, однако попытка концептуализации вызвала разнообразные дискуссии, многочисленные интерпретации и породила множество определений, порой радикально отличающихся.

Автофикции были посвящены такие работы, как «Autobiographie / Vérité / Psychanalyse» Сержа Дубровского [18], «Le Golem de l'écriture. De l'autofiction au Cybersoi» Режины Робин [35], «Est-il je ? Roman autobiographique et autofiction» («Он – это я? Автобиографический роман и автофикция») Филиппа Гаспарини [23], «Autofiction et autres mythomanies littéraires» («Автофикция и другие литературные мифомании») Венсана Колонна [14], «Défense de Narcisse» («В защиту Нарцисса») Филиппа Вилена [37], «Qui dit je en nous?» («Кто нам говорит «Я»?») Клода Арно [11], «L'autofiction, genre litigieux» («Автофикция – спорный жанр») Мишеля Конта [16]. Кроме того, появилось множество интернет-публикаций, где в рамках рубрики «Autofiction en question» заинтересованные в утверждении нового термина литературоведы, аспиранты и студенты высказывали свои суждения.

Можно утверждать, что появление термина автофикция оказалось в высшей степени закономерным, особенно для французской теории литературы, поскольку он, по сути, терминологически закрепил существующие литературоведческие тенденции. Уже в «Нулевой степени письма» Ролан Барт высказывает свой интерес к чистому повествовательному устройству автофикции. В работе о Пьере Лоти [13, с. 171], упоминая его роман «Aziyadé» («Азиаде»), написанный в 1892 г. (который, кстати, впоследствии будет позиционирован одним из исследователей автофикции Лораном Жени как автофикциональный текст), Барт замечает, что тождество Лоти-автора, члена Французской Академии и Лоти-героя, умершего в молодом возрасте, разрушено. В работе «Le Grain de la voix» Р. Барт утверждает: «Celui qui dit «je» dans le livre est le je de l'ecriture…» («Тот, кто говорит «Я» в книге есть «Я» только письма») и что писатель мог бы справедливо сказать «c'est moi et ce n'est pas moi» («это я и это не я») [12, с. 267]. Можно утверждать таким образом, что Барт – один из редких критиков, который заговорил об автофикции до появления самого термина; он обнаруживает ее существование, терминологически не определяя данный феномен. К тому же очевидно сходство автофикции с тем, что он называет «наглядным изображением», где «в тексте может

появиться его собственный автор (Жене, Пруст), но, разумеется, не как реальное биографическое лицо» (Барт 1994: 598), он говорит о возвращении к автобиографии при помощи автофикции: «И вот тогда-то, быть может, перед нами вновь предстанет субъект, но уже не как иллюзия, а как фикция. Удовольствие возникает за счет того, что человек воображает себя индивидом, создает последнюю, редчайшую фикцию – фикцию самотождественности» [13, с. 514].

Абсолютно радикальную позицию против автофикции занял Ж. Женетт, не принявший автофикцию как конструкцию между фикцией и реальностью. Для него это понятие не является ни новаторским, ни существенным, насколько оно соответствовало бы одному из существующих видов фикции. В «Fiction et diction» Жерар Женетт абсолютно игнорирует технику Дубровского и предлагает точку зрения, абсолютно отличную от автофикции. Основываясь на формальной фиксации тройного тождества, Genette разграничивает две категории: он упоминает, с одной стороны, «les vraies autofictions dont le contenu narratif est, si je puis dire, authentiquement fictionnel» («настоящие автофикции, повествовательное содержание которых, если я могу сказать, подлинно фикционально») [24, с. 87] и, чтобы иллюстрировать эту категорию, цитирует «Божественную комедию» Данте. С другой стороны, он выделяет «fausses autofictions» («неверные (ложные, искаженные) автофикции») в произведениях, которые, по его словам, «ne sont fictions que pour la douane: autrement dit, autobiographies honteuses» («являются фикциями только для таможни: иначе говоря, позорные автобиографии») [24, с. 87]. Женетт считает абсурдным колебания автора, бормочущего: «это я и это не я». Чтобы акцентировать гибридный статус этого «полумнимого, полуподлинного» договора, он говорит о «prothese boiteuse» («хромом (нескладном) протезе» [24, с. 87]). Но в противовес скептикам и оппонентам, называющим автофикцию «un mauvais genre», низким жанром (Жак Лекарм), «genre litigieux», спорным жанром (Мишель Конта), и объявляющим ее «двусмысленным и опасным жанром», «дурным тоном» [16, с. 22], появилось значительное количество тех исследователей, у которых понятие автофикции вызвало неподдельный интерес. Термин пришелся по вкусу издателям, критикам, преподавателям, так как он позволял им акцентировать внимание на литературной природе текста. Теоретическая рефлексия французских литературоведов по поводу термина автофикция позволила выявить связанные с ней проблемы и определить возможность «укоренения» термина в традиционном категориальном аппарате, степень его репрезентативности для исследования произведений автобиографической литературы и возможность его использования для дефиниции автобиографических текстов, созданных в предшествующей литературной традиции.

Прежде всего, рассматривая вопрос о том, является ли термин автофикция репрезентативным только для рассмотрения текстов автора неологизма Дубровского или он может быть использован для анализа других произведений автобиографической литературы, литературоведы закономерно осознали необходимость расширения границ понятия, чтобы определить его место в системе автобиографических жанров и установить его соответствие с другими жанрами. Термин активно стал применяться к произведениям, которые раньше определялись как автобиографии и автобиографические романы. Многие критики осознают, что с 70-х гг. французский роман буквально захвачен постоянно растущим количеством повествовательных текстов, где трудно отличить автобиографии от автофикций (таковы, например, романы Патрика Модиано) или где рассказчики (которые носят имена авторов) переживают фантастические и неправдоподобные приключения: «L'imprécateur» («Проклятый») Виктора-Рене Пиля (1974) или "W, ou le souvenir d'enfance» («W, или воспоминание детства») Жоржа Перека (1975). Поэтому появляется ряд работ, авторы которых применяют понятие автофикции к произведениям писателей как современных, так и прошлых эпох. Венсан Колонна, Жак Лекарм, Режин Робин и опять же Филипп Лежен пытаются объединять разнообразные типологически сходные тексты, позиционировав их как автофикции. Этим они преодолевают чересчур ограниченное и специфическое определение Дубровского. Филипп Гаспарини исследует автофикцию в произведениях Камю, Пруста, Селина, Лоти, Набокова, Соллерса, Модиано, Симона и Дубровского. С. Дубровский тоже применяет изобретенный им термин к произведениям писателей прошлых эпох, в частности к Прусту, даже до того, как он его терминологически обозначает.

Баптист Рукс разделяет концепцию Дубровского, утверждая, что двойственность автофикции обусловлена разнонаправленностью жанровой номинации и формального нарративного тождества: «Deux conditions doivent être remplies pour que le texte satisfasse aux critères de l'autofiction: le

livre doit être clairement désigné comme roman, c'est-à-dire comme histoire feinte ou fictive, et le même nom, de préférence conforme à l'état-civil, doit désigner l'auteur, le narrateur, le protagonist» («Чтобы текст соответствовал параметрам автофикции, необходимо два условия: книга должна быть жанрово позиционирована как роман, то есть как вымышленная история, и в то же время сам автор являлся повествователем и главным действующим лицом») [36].

Элен Жакомар говорит об «оксюморонном пакте» в автофикции и разнонаправленности péritextuel (внетекстового) критерия, формирующего горизонт автобиографического ожидания, и критерия onomastique, актуализирующего противоположное движение: «l'autofiction – monstre hybride qui échappe a l'éprouvette du poéticien – comme rencontre paradoxale entre un «protocole nominal» identitaire et un «protocole modal fictionnel». Le dispositif autofictionnel, nous l'aurons compris, s'origine dans un «pacte oxymoronique». Ce qui permet de définir l'autofiction, c'est l'allégation romanesque du péritexte (roman ou fiction) faisant contrepoids au critére onomastique de la triple identité (auteur = narrateur = personnage principal) («Автофикция – гибридное чудовище, которое отклоняется от поэтического образца как парадоксальная встреча между "самоопределяющим номинальным протоколом" и "фикциональным протоколом". Специфику и происхождение автофикционального устройства можно понять только через "оксюморонный пакт". Автофикцию позволяет определить жанровое обозначение текста (роман или фикция)», уравновешивающая ономастическое тождество (автор = рассказчик = главный персонаж) [28, с. 23].

В своей работе «Est-il je? Roman autobiographique et autofiction» [23, с. 26] Филипп Гаспарини рассматривает тексты с двойственной жанровой характеристикой. Он отмечает, что эти тексты отличаются двойственной индикацией чистых черт обоих жанров и предлагают читателю воспринимать и оценивать сложную семиотическую систему как результат противоположных авторских интенций. Он указывает на те аспекты, рассмотрение которых приоритетно для исследовательской интерпретации подобных текстов и которые демонстрируют специфику амбивалентного характера автофикции: способы ономастического и биографического соотношения героя и автора; жанровая номинация, данная автором, и прочие перитекстуальные элементы (заглавие, обращение к читателю, предисловие, вставные комментарии, критические заметки), внутренние фрагменты межтекстового и метадискурсивного характера; специфика повествовательных инстанций (нарратор, внутренний адресат, тип сообщения), временная организация и статус памяти и, наконец, пафос, предназначенный убеждать в искренности изложения (нейтральный, депрессивный, исповедальный, апологетический, разоблачающий, героизирующий). Подход Гаспарини во многом ориентируется на работы Жерара Женетта (относительно анализа соотношения текста и paratexte) и Филиппа Лежена (относительно специфичности автобиографической речи). Гаспарини, по сути, обосновывает метод прагматического изучения текстов, которые могут быть прочитаны на границе между фикцией и референциальной автобиографией.

Таким образом, очевидно, что во французском литературоведении конца XX – начала XXI в. отчетливо сформировалось два полюса, две концепции автофикции, по-разному интерпретирующие природу автофикционального синтеза. Определяя автофикцию как своего рода мутацию автобиографии под воздействием вымысла, литературоведы рассматривали эту трансформацию в двух аспектах. В плане стилистики, эта метаморфоза автобиографии в автофикцию есть изменение типа языка, фикционализация самого процесса письма, точнее, рассмотрение автобиографии прежде всего как языкового феномена. Референциальный же подход постулирует процесс трансформации в плане изменения соотношения текстовой и экстратекстовой реальности, когда фикционализации подвергается содержание, сами воспоминания.

Апологетом первой концепции стал создатель термина С. Дубровский. Он рассматривает автофикцию прежде всего как феномен исключительно языковой, для него автофикция – это автобиография, подчиненная не законам реальности, а законам языка. В статье, озаглавленной «Autobiographie / Vérité / Psychanalyse» («Автобиография / Правда / Психоанализ») [18], Дубровский дополняет свое определение данного жанра, которое он намеревается устанавливать, заявляя, что автофикция – это фикция, которой он решил в качестве писателя отдавать себя самого, инкорпорировав в полном смысле этого слова не только в плане тематики, но и в плане порождения текста. Этот пример наглядно демонстрирует различие определений автофикции, данных Венсаном Колонном и Дубровским, который постулирует свое собственное существование и свою собственную личность в тексте. Здесь заявлено о тождестве автора и рассказчика. Это очевидно в романах С. Дубровского, где повествователь появляется в тексте под ини-

циалами «J. S. D», затем под именами Julien Serge (Жюльен Серж), затем под именем Doubrovsky. Для Дубровского – как и для Барта, а также Фуко, Деррида и Лакана – Я есть не что другое, как продукт языка, существующий только в дискурсе, а если субъективная реальность существует только как продукт говорящего или пишущего субъекта, само понятие референциальности утрачивается, исчезает.

Еще А. Роб-Грийе высказывал свои претензии по отношению к формам и способам организации автобиографического материала, которыми вынужденно пользуется любой автор автобиографии, определяя автобиографическое письмо как фальсификацию. Повествовательный стиль автобиографии приводит к определенной редукции бытия. Ретроспективное видение и письмо, таким образом, неизбежно предстает перед нами как деформированное. Автобиографический рассказ не только отбирает необходимые элементы, но выстраивает прошлое согласно жесткой причинной логике, которая естественно не существовала во время событий, а была привнесена в материю извне. Именно в этом же направлении Дубровский критикует так называемый *beau style*, который используется в автобиографии для презентации эстетизированной версии своего бытия. Дубровский подвергает деконструкции «лживость» автобиографического письма, причем одновременно и его моделирование некоего жизненного образца-мифа, и выбираемые автором стилистические модусы. Автобиография – это всегда осознание тотальной условности вербализации, и создать автофикцию – значит отдаться логике языка, свободному лингвистическому приключению, вне романной логики и законов. Стилистически детерминированная автофикция – это свободное письмо, принципиально отказывающееся от существующих литературных условностей стиля. Но это отвержение формы влечет за собой проблемы с содержанием. Ассоциативное письмо с многочисленными бифуркациями, по мнению Дубровского, не может воспроизвести упорядоченный, связный рассказ о жизни автора, и напротив, традиционные языковые формы неспособны воссоздать все богатство и разнообразие психической жизни индивида с его заблуждениями и внутренними противоречиями. Обозначенная Дубровским оппозиция стиля автобиографии и автофикции проявляется и в двух антитетичных стратегиях повествующего субъекта. Если в автобиографии история своей жизни оказывается под контролем сознания, то автофикция, по сути, есть автобиография бессознательного, где автор отказывается от собственных намерений выстроить свою жизнь и позволяет говорить об этом бессознательному голосу: «…le mouvement et la forme même de la scription sont la seule inscription de soi possible. La vraie trace, indélébile et arbitraire, entièrement fabriquée et authentiquement fidèle» («Движение и форма самого письма есть единственная запись самого себя, настоящий след, нестираемый и подлинно верный») [22, с. 188]; иначе говоря, оригинальность письма есть единственная гарантия индивидуальности субъекта. Роль психоанализа Дубровский видит в том, чтобы способствовать более полному и комплексному раскрытию «Я» пишущего свою автобиографию, чтобы уловить и зафиксировать неуловимые и рационально невербализуемые смыслы и грани собственной сущности и собственного бытия, поэтому автофикциональное письмо неизбежно приводит к фрагментации самого пишущего Я.

Таким образом, автофикция для Дубровского – это приключение языка, запись бессознательного, способствующее подлинной самоидентификации. Маркеры автотеоретизирования собственного письма, попытки найти универсальный код присутствуют во всех его романах и являются неотъемлемой частью его автофикционального проекта. Это исследование и поиск способа самопрезентации в письме, включение в текст разнообразных метадискурсивных фрагментов («Сын»), рефлексия на страницах собственного произведения над возможностью при помощи автофикции преодолеть проблему неистинности автобиографии, как говорит Дубровский в работе «Автобиография. Правда. Психоанализ». Писатель при помощи автофикции способен достигнуть эффекта самоумножения, используя многочисленные ресурсы языка. Дубровский в своем непрерывном поиске правды вводит аналитические размышления в собственные тексты, которые превращаются в анализ собственного письма.

Между тем концепция автофикции, разрабатывающаяся уже в начале XXI в., существенно отличается от той, которую предложил Дубровский. Французский литературовед Венсан Колонна представил автофикцию как фикционализацию прожитого опыта, не прибегая к стилистическим критериям, подобно Дубровскому. В. Колонна в работе «Autofiction et autres mythomanies littéraires» («Автофикция и другие виды литературной мифомании») встраивает автобиографическую литературу в парадигму различных фикциональных традиций – от фантастической до биографической – и утверждает: «La généalogie de cet art de la mythomanie littéraire, né dans l'Antiquité et remis en lumière de manière partielle et ambiguë avec l'autofiction, restait à entreprendre» («Генеалогия

этого искусства литературной мифомании, рожденного в Древности и представшего в двусмысленном свете в связи с автофикцией, до сих пор недостаточно изучена») [14, с. 21]. Автофикция, по его мнению, играет своим сходством с романом от 1 лица, который никогда не заявляет о своей фикциональности, поскольку она есть априорное свойство жанра; автофикция же при этом представляется реальной историей, а не воображаемой, фактическим, а не фикциональным рассказом. Более точно было бы сказать, что автофикция – это автобиография, в которой автобиографический пакт искажен референциальными неточностями, которые касаются и событий реальной жизни автора, и нарративного тождества «автор – повествователь – персонаж», определенного Ф. Леженом в книге «Le pacte autobiografique». Можно выявить несколько типов автофикций в соответствии с теми инстанциями автобиографического пакта, которые подвергаются фикционализации.

Прежде всего, фикционализации может подвергаться тождество автор – рассказчик-персонаж. В этом типе автобиографии персонаж-рассказчик дистанцируется от автора некоторыми аспектами истории своей жизни. Так, эпопею М. Пруста «В поисках утраченного времени» принято называть романом, но, согласно определению Колонна, его жанр мог бы быть определен как автофикция. Однажды произнесенное имя персонажа – Марсель – идентично имени автора – Пруста. Существование триады автор – нарратор – персонаж, на первый взгляд, неоспоримо. Кроме того, имеется значительное сходство между Прустом-автором и его персонажем: оба учились профессии писателя, посетили аналогичные места в Иль-де-Франс и на нормандском берегу, обоим свойственен особый тип чувствительности и эмоциональной неустойчивости, аналогичен и круг семьи. (несмотря на то, что в романе, вопреки реальности, у Марселя нет брата). Но Пруст и не пытается убедить читателя в референциальности своего повествования. Напротив, ему нравится изменять имена реальных мест, заменяя их выдуманными именами: Cabourg стал Balbec, а Illiers – Combray, в отсутствии которых на географической карте несложно убедиться. Пруст намеренно импортировал таким образом фикциональные элементы в реальную автобиографическую историю. Иногда становится очевидным, что Марсель-персонаж-рассказчик не может быть идентичным Марселю-автору в силу различных анахронизмов. Действие последнего романа проходит во время войны 1914-1918 гг., в это время Марсель-персонаж еще не начал писать, а Марсель-автор уже опубликовал свой роман «По направлению к Свану» в 1913 г.

Кроме того, фикционализации может подвергаться тождество автора-персонажа и рассказчика. Можно обнаружить незначительное количество примеров данного типа, когда фикционализации подвергается фигура рассказчика. В 1933 г. Гертруда Стайн опубликовала книгу под заглавием «Автобиография Эллис Би Токлас». Название представляет текст как автобиографический, однако имя автора, Гертруды Стайн, отличное от рассказчицы, явно опровергает автобиографический статус текста. Эллис Би Токлас действительно существовала. Она была доверенным лицом и подругой Гертруды Стайн. Создавая автобиографию своей подруги, Гертруда Стайн воссоздала свою собственную за счет использования мнимо внешней точки зрения. Мы видим, что здесь автофикция не манипулирует мнимыми событиями, воспроизводя их довольно точно: фикционализации подвергается не история, а иенно повествовательная перспектива.

Наконец, фикционализация может затрагивать тождество персонажа и автора-рассказчика. В 1878 г. Жюль Валлэ публикует книгу, озаглавленную «Жак Венгтра» (в позднейшей редакции «Ребенок»). Речь идет об автобиографии, ограниченной детством Жюля Валлэ, и большей частью книга сообщает подлинные воспоминания Жюля Валлэ, но персонаж имеет вымышленное имя. В случае рассказа Жюля Валлэ автофикция, изменяя имя персонажа, появляется как стратегия автоцензуры автобиографии, которая не осмеливается называть имя автора и героя ввиду своего слишком большого критического потенциала текста.

Таким образом, становятся очевидны различия в понимании категории автофикции С. Дубровским и В. Колонна. Можно констатировать, что автобиографический проект Дубровского более сосредоточен все же на «авто», чем на «фикции», и затрагивает механизм психоанализа. Автобиографический проект Колонна радикально отличается от Дубровского перемещением акцента с «авто» на «фикцию» и определением каузальных доминант автофикционального акта. Согласно Колонна, автофикция – это «une pratique qui utilise le dispositif de la fictionnalisation auctoriale pour des raisons qui ne sont pas autobiographiques» («практика, которая использует аукториальное фикциональное устройство по причинам, которые не являются автобиографическими») [15, с. 46].

Наконец, центральной проблемой дискуссий вокруг автофикции стал вопрос о возможности позиционирования автофикции в качестве нового, особого, самостоятельного жанра автобиографи-

ческой прозы и ее месте в жанровой системе мемуарно-автобиографической литературы. Филипп Лежен не скрывает своего крайнего скептицизма по поводу жанропорождающего статуса автофикции: «Est-ce vraiment un genre? Comment peut-on englober sous le meme nom ceux qui promettent toute la vérité (comme Doubrovsky) et ceux qui s'abandonnent librement a l'invention?» («Действительно ли это жанр? Как можем объединить под одним и тем же именем тех, кто обещают всю правду (как Дубровский), и тех, кто свободно предается изобретению?») [32, с. 8].

Большинство критиков склоняются к тому, что автофикция не может претендовать на то, чтобы называться самостоятельным жанром, по ряду причин. Прежде всего, это незначительное на сегодняшний день количество произведений, созданных авторами сознательно как автофикция. На это указывает Режин Робин, замечая: «Nous savons peu de choses de ce que serait l'autofiction» («мы знаем малое количество вещей того, что можно было бы считать автофикцией») [34, с. 76]. Во-вторых, это отсутствие собственной литературной генеалогии: так, для Венсана Колонна [15, с. 502] эта текстовая категория не образует нового жанра главным образом по следующей причине: она «n'est pas reconnue par les lecteurs, n'a pas sa place dans le paysage littéraire; elle n'a pas d'enracinement historique» («не признана читателями, не имеет своего места в литературном пейзаже; у нее нет исторического укоренения»). Заметим, возразив Колонна, что история литературных форм не замыкается на XX в. и что перечень литературных жанров никогда не был герметичен; несколько веков назад личный дневник тоже не существовал в качестве рода, и если какие-либо литературы не знают каких-либо жанров, то это не означает, что данные жанры не могут развиваться в других литературных пространствах. Во всяком случае, несмотря на то, что «французские литературоведы отмечали, что пограничный и гетероморфный характер автофикции препятствуют ее интегрированию в литературном пейзаже, неологизм, использованный Дубровским, может быть принят как удачная дефиниция для тех произведений, жанровое определение которых до настоящего времени остается нерешенной проблемой» [3, с. 87]. Успех термина обусловлен, с одной стороны, признанием тотальной фикциональности всей литературы, и автобиографической в том числе, и, с другой стороны, логикой эволюции современного романа, все более возвращающемуся к автобиографическому письму. Не случайно в последние несколько лет термин «автофикция» успешно применяется отечественными литературоведами при анализе творчества как зарубежных авторов [1; 2; 4; 6; 9; 10], так и произведений новейшей отечественной литературы [7].

Библиографический список

1. Амирян, Т. Н. Графический роман: визуализация истории и фикционализация биографии в «Священной болезни» Давида Б» [Текст] // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе. Межвузовский сборник научных трудов. – М. : Изд-во МГОУ, 2016. – С. 197-203.

2. Амирян Т. Н. Автофикциональное письмо Амели Нотомб. «Сверхголод» как нарративный код письма [Текст] // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. – Серія «Філологічні науки». – 2014. – № 2 (8). – С. 69-74.

3. Болдырева, Е. М. Memini ergo sum: автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма [Текст] : монография / Е. М. Болдырева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007. – 500 с.

4. Боруруева, Н. В. Автофикция в «литературе пограничья»: автобиографические мотивы в романах Малики Мокеддем [Текст] // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2014. – № 4. – С. 35-42.

5. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1977. – 450 с.

6. Игнатьева, Д. Природа синтеза автобиографии, науки и вымысла в романе Ричарда Пауэрса «Галатея 2.2» [Текст] // Филология и культура. PHILOLOGY AND CULTURE. – 2016. – № 4 (46). – С. 193-198.

7. Кучина, Т. Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX – начала XXI века [Текст] : монография / Т. Г. Кучина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. – 269 с.

8. Маликова, М. Э. В. Набоков: Авто-био-графия [Текст] / М. Э. Маликова. – СПб. : Академический проект, 2002. – 237 с.

9. Новикова, С. Ю. Особенности автофикционального письма Т. Бернхарда: к трактовке финала повести «Подвал» (1976) [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 2. – Ч. 1. – С. 52-55.

10. Погодина, И. С. Автофикция в романах Даниеля Дефо [Текст] // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2016. – № 36. – С. 134-143.

11. Arnaud C. Qui dit je en nous? / C. Arnaud. – Paris : B. Grasset, 2006.

12. Barthes R. Le Grain de la voix / R. Barthes. – Paris, Seuil, 1981.

13. Barthes R. Pierre Loti: «Aziyade» // Nouveaux essais critiques. – Paris: Seuil, 1994. – P. 161-185.

14. ColonnaV. Autofiction et autres mythomanies littéraires / V. Colonna. – Auch : Tristram, 2004.

15. ColonnaV. L'Autofiction. Essai sur la fictionnalisation de soi en litterature, these inedite, dirigee par Gerard Genette / V. Colonna. – Paris : EHESS, 1989.

16. Contat M. L'autofiction, genre litigieux // Le Monde. – Samedi 5 avril. – 2003. – P. 20-25.

17. Dictionnaire International des Termes Littéraires. Mode Article AUTOFICTION / Autofiction – Режим доступа: http://ditl.academia.edu/DITLDictionnaireInternationaldesTermesLittérairesDictionaryofInternationalTermsofLiterature

18. Doubrovsky S. Autobiographie / Vérité / Psychanalyse // Autobiographiques / S. Doubrovsky. – Paris : P. U. F, 1988.

19. Doubrovsky S. La place de la Madeleine. Ecriture et fantasme chez Proust / S. Doubrovsky. – Paris : Mercure de France, 1974.

20. Doubrovsky S. Fils / S. Doubrovsky. – Paris : Galilée, 1977. – 468 p.

21. Doubrovsky S. Lettre du 17 octobre // Lejeune P. Moi aussi. – Paris : Galilée, 1986. – P. 56-65.

22. Doubrovsky S. Parcours critique / S. Doubrovsky. – Paris : Galilée, 1980.

23. Gasparini P. Est-il je? Roman autobiographique et autofiction [Texte] / P. Gasparini. – Paris : Seuil, 2004.

24. Genette G. Fiction et diction / G. Genette. – Paris : Seuil, 1991.

25. Gide A. Paludes / A. Gide. – Paris : Gallimard, 1973.

26. Gide A. Si le grain ne meurt / A. Gide. – Paris: Gallimard, 1991.

27. Jenny L. L'autofiction. – URL: http://www.unige.ch/lettres/framo/enseignements/methodes/autofiction/afintegr.html#afbiblio

28. Jaccomard H. Lecteur et lecture dans l'autobiographie francaise contemporaine : Violette Leduc, Francoise d'Eaubonne, Serge Doubrovsky, Marguerite Yourcenar / H. Jaccomard. – Genéve, Droz, 1993.

29. Lecarme J. L'Autofiction : un mauvais genre // Autofictions & Cie. – Paris : Université de Paris-X, 1993.

30. Lejeune P. Le pacte autobiografique / P. Lejeune. – Paris : Seuil, 1975.

31. Lejeune P. Moi aussi / P. Lejeune. – Paris : Seuil, 1986.

32. Lejeune P. Piéce en cinq actes // Autofictions & Cie. – Paris : Université de Paris-X, 1993. – P. 7-18.

33. Malraux A. La Condition humaine / A. Malraux. – Paris : Gallimard, 1990.

34. Robin R. L'autofiction. Le sujet toujours en defaut // Autofictions & Cie. – Paris : Université de Paris-X, 1993. – P. 71-84.

35. Robin R. Le Golem de l'écriture. De l'autofiction au Cybersoi / R. Robin – Montréal, XYZ éditeur, 1998.

36. Roux B. Une Occupation revue par les lois de l'autofiction. – URL: http://www.uhb.fr/alc/cellam/soi-disant/01Question/Modiano/P–Modiano.html

37. Vilain P. Défense de Narcisse / P. Vilain. – Paris : Grasset, 2005.

Reference List

1. Amirjan, T. N. Graficheskij roman: vizualizacija istorii i fikcionalizacija biografii v «Svjashhennoj bolezni» Davida B» = Graphic novel: visualization of history and fictionalization of the biography in "A sacred disease" of David B" [Tekst] // Hudozhestvennoe osmyslenie dejstvitel'nosti v zarubezhnoj literature. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov = Art judgment of reality in foreign literature. Interuniversity collection of scientific works. – M. : Izd-vo MGOU, 2016. – S. 197-203.

2. Amirjan T. N. Avtofikcional'noe pis'mo Ameli Notomb. «Sverhgolod» kak narrativnyj kod pis'ma = Autofictional letter of Amelie Notomb. "Superhunger" as a narrative code of the letter [Tekst] // Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelja. – Serija «Filologichni nauki». – 2014. – № 2 (8). – S. 69-74.

3. Boldyreva, E. M. Memini ergo sum: avtobiograficheskij metatekst I. A. Bunina v kontekste russkogo i zapadnoevropejskogo modernizma = Memini ergo sum: the autobiographical metatext of I. A. Bunin in the context of the Russian and Western European modernism [Tekst] : monografija / E. M. Boldyreva. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2007. – 500 s.

4. Borurueva, N. V. Avtofikcija v «literature pogranich'ja»: avtobiograficheskie motivy v romanah Maliki Mokeddem = Autofiction in «border zone literature»: autobiographical motives in novels by Malika Mokeddem [Tekst] // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = News of Southern Federal University. Philological sciences. – 2014. – № 4. – S. 35-42.

5. Ginzburg, L. Ja. O psihologicheskoj proze = On psychological prose [Tekst] / L. Ja. Ginzburg. – Leningrad : Hudozhestvennaja literatura. Leningradskoe otdelenie, 1977. – 450 s.

6. Ignat'eva, D. Priroda sinteza avtobiografii, nauki i vymysla v romane Richarda Paujersa «Galateja 2.2» = The nature of synthesis of the autobiography, science and fiction in the novel by Richard Powers «Galatea 2.2» [Tekst] // Filologija i kul'tura. PHILOLOGY AND CULTURE. – 2016. – № 4 (46). – S. 193-198.

7. Kuchina, T. G. Pojetika «ja»-povestvovanija v russkoj proze konca XX – nachala XXI veka = Poetics «I»-narrations in the Russian prose of the end of the XX – the beginning of the XXI century [Tekst] : monografija / T. G. Kuchina. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2008. – 269 s.

8. Malikova, M. Je. V. Nabokov: Avto-bio-grafija = V. Nabokov: Autobiography [Tekst] / M. Je. Malikova. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2002. – 237 s.

9. Novikova, S. Ju. Ocobennosti avtofikcional'nogo pis'ma T. Bernharda: k traktovke finala povesti «Podval» (1976) = Features of the autofictional letter by T. Bernhard: to interpretation of the final of the story "Cellar" (1976) [Tekst] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of the theory and practice. – Tambov : Gramota, 2016. – № 2. – Ch. 1. – S. 52-55.

10. Pogodina, I. S. Avtofikcija v romanah Danielja Defo = Autofiction in novels by Daniel Defoe [Tekst] // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroljubova = Bulletin of Nizhny Novgorod state linguistic university named after N. A. Dobrolyubov. – 2016. – № 36. – S. 134-143.

11. Arnaud C. Qui dit je en nous? / C. Arnaud. – Paris : B. Grasset, 2006.

12. Barthes R. Le Grain de la voix / R. Barthes. – Paris, Seuil, 1981.

13. Barthes R. Pierre Loti: «Aziyade» // Nouveaux essais critiques. – Paris: Seuil, 1994. – R. 161-185.

14. ColonnaV. Autofiction et autres mythomanies littéraires / V. Colonna. – Auch : Tristram, 2004.
15. ColonnaV. L'Autofiction. Essai sur la fictionnalisation de soi en litterature, these inedite, dirigee par Gerard Genette / V. Colonna. – Paris : EHESS, 1989.
16. Contat M. L'autofiction, genre litigieux // Le Monde. – Samedi 5 avril. – 2003. – R. 20-25.
17. Dictionnaire International des Termes Littéraires. Mode Article AUTOFICTION / Autofiction – Rezhim dostupa: http://ditl.academia.edu/DITLDictionnaireInternationaldesTermesLittérairesDictionaryofInternationalTermsofLiterature
18. Doubrovsky S. Autobiographie / Vérité / Psychanalyse // Autobiographiques / S. Doubrovsky. – Paris : P. U. F, 1988.
19. Doubrovsky S. La place de la Madeleine. Ecriture et fantasme chez Proust / S. Doubrovsky. – Paris : Mercure de France, 1974.
20. Doubrovsky S. Fils / S. Doubrovsky. – Paris : Galilée, 1977. – 468 r.
21. Doubrovsky S. Lettre du 17 octobre // Lejeune P. Moi aussi. – Paris : Galilée, 1986. – R. 56-65.
22. Doubrovsky S. Parcours critique / S. Doubrovsky. – Paris : Galilée, 1980.
23. Gasparini R. Est-il je? Roman autobiographique et autofiction [Texte] / R. Gasparini. – Paris : Seuil, 2004.
24. Genette G. Fiction et diction / G. Genette. – Paris : Seuil, 1991.
25. Gide A. Paludes / A. Gide. – Paris : Gallimard, 1973.
26. Gide A. Si le grain ne meurt / A. Gide. – Paris: Gallimard, 1991.
27. Jenny L. L'autofiction. – URL: http://www.unige.ch/lettres/framo/enseignements/methodes/autofiction/afintegr.html#afbiblio
28. Jaccomard N. Lecteur et lecture dans l'autobiographie fransaise contemporaine : Violette Leduc, Fransoise d'Eaubonne, Serge Doubrovsky, Marguerite Yourcenar / N. Jaccomard. – Genéve, Droz, 1993.
29. Lecarme J. L'Autofiction : un mauvais genre // Autofictions & Cie. – Paris : Université de Paris-X, 1993.
30. Lejeune P. Le pacte autobiografique / P. Lejeune. – Paris : Seuil, 1975.
31. Lejeune P. Moi aussi / P. Lejeune. – Paris : Seuil, 1986.
32. Lejeune P. Piéce en cinq actes // Autofictions & Cie. – Paris : Université de Paris-X, 1993. – R. 7-18.
33. Malraux A. La Condition humaine / A. Malraux. – Paris : Gallimard, 1990.
34. Robin R. L'autofiction. Le sujet toujours en defaut // Autofictions & Cie. – Paris : Université de Paris-X, 1993. – R. 71-84.
35. Robin R. Le Golem de l'écriture. De l'autofiction au Cybersoi / R. Robin – Montréal, XYZ éditeur, 1998.
36. Roux V. Une Occupation revue par les lois de l'autofiction. – URL: http://www.uhb.fr/alc/cellam/soi-disant/01Question/Modiano/P–Modiano.html
37. Vilain P. Défense de Narcisse / P. Vilain. – Paris : Grasset, 2005.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

Журналистика

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10195

УДК 070:001.12/.18

Е. О. Арбатская

https://orcid.org/0000-0002-7599-668

Биологические метафоры в теории медиа

В статье рассматриваются биологические метафоры, применяемые в теории медиа. Такие метафоры описывают вред и пользу медиа для «тела» общества и отдельных индивидуумов. Анализируются биологические метафоры, с помощью которых описываются механизмы распространения медиасообщений, применяемые Р. Докинзом и Д. Рашкоффым, а также их последователями и соавторами. Данные метафоры построены на сравнении механизмов распространения информации в медиа с распространением генов или вирусов. Метафоры «ген» и «вирус» высвечивают три свойства мемов и подобных им сообщений: репликация, конкуренция, независимость от воли носителя. Последнее означает, что в некоторых ситуациях люди являются только носителями и передатчиками мемов и других видов медиавирусов, а не сознательными пользователями таких видов контента.

Осознание таких особенностей некоторых видов медийных сообщений важно как для профессионалов, так и для потребителей медиа. В то же время существует опасность излишне алармистской интерпретации метафор, когда медиа представляются враждебными человеку сущностями, против которых он бессилен. В этом случае метафоры подкрепляют обоснование необходимости создания искусственных преград для определенных типов сообщений.

Персуазивные свойства метафоры требуют особого подхода как в академической практике, так и в медиаобразовании. Критическая позиция по отношению к метафоре подразумевает рефлексию в отношении «объективной истины», которую метафора формирует. Поэтому в процессе медиаобразования представляется продуктивным объединить изучение теорий, использующих метафоры, с изучением метафор как мощного инструмента познания и убеждения.

Ключевые слова: мем, медиавирус, метафора, научная метафора, биологическая метафора, социальные сети, распространение медиасообщений.

Journalism

E. O. Arbatskaya

Biological Metaphors in the Theory of Media

The article discusses biological metaphors that are used in the media studies. They describe the harm and benefits of media for «body» of society and individuals. Metaphors, used by R. Dawkins and D. Rushkoff, as well as their followers and co-authors, are analyzed. These metaphors are based on comparison of media messages with genes or viruses. These analogies highlight three main properties of memes and other similar media phenomena: replication, competition, and independence from the will of humans. The last one means that humans in some situations are hosts for memes and other kinds of media viruses rather than conscious users.

Awareness of these features of some kinds of media messages is important for media professionals and consumers. However, there is a danger of overly alarmist interpretation of metaphors, when the media appear to be some hostile entities, against which a person is powerless, and therefore the consumer of media information must be proactively protected.

The metaphor possesses powerful persuasiveness. It requires special treatment in academic usage as well as in media education. A critical stance on metaphor implies reflection towards «objective truth» which is determined. It seems productive to combine the study of theories that use metaphors with the study of metaphors as a powerful tool of knowledge and persuasion.

Keywords: meme, media virus, metaphor, scientific metaphor biological metaphor, social networks, spreading of media messages.

Метафора играет в познании особую роль. Находясь на стыке рационального и иррационального, она в силах компенсировать уязвимости классической рациональности. В то же время утверждения, построенные на метафоре, сами по себе уязвимы в силу иррационального компонента. Н. А. Мишанкина, суммируя позиции ряда философов и когнитивистов, относит метафору к базовой модели гносеологии и эпистемологии [7, с. 6]. Шмидт и Гроткоп (Schmitt, Grotkopp) отмечали, что феномен метафоричности «состоит из процесса возникновения, в котором создаются те самые отношения, которые сами порождают смысл» [27].

Маасен (Maasen), Мендельсон (Mendelsohn) и Вайнгардт (Weingart) выделяют иллюстративную, эвристическую и определяющую функцию мета-

© Арбатская Е. О., 2018

форы в науке [21, с. 2]. Н. В. Печерская пишет о том, что иллюстративная функция метафоры столетиями заслоняла остальные ее функции, подчеркивая, что «метафора – не только средство описания, но и способ создания социального знания» [8, с. 93]. О. С. Зубкова отдает приоритет эвристической функции, при этом, ссылаясь на собственные эмпирические исследования, утверждает, что «научная метафора развивается от более сильного утверждения к более слабому, от большего к меньшему. Она сначала утверждает полное тождество, затем его отрицает, сохраняя утверждение в силе только для некоторой части объекта» [5, с. 12]. То есть научная мысль движется от фиксации схожести явлений к уточнению сходства и различий. Рассуждая о роли понятия сходства для познания, Д. Ахапкин отмечает, что «на нем основаны такие базовые для человеческого сознания операции, как категоризация и оперирование прототипами» [1, с. 332]. По мнению основателей теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и Джонсона, метафора не просто имеет определяющую функцию, она самый сильный из существующих инструментов создания понятий. Утверждение о том, что «большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор [6, с. 94], авторы книги «Метафоры, которыми мы живем» назвали своим главным тезисом.

Дж. Лакофф (G. Lacoff) впервые обратил внимание на способность метафоры прояснять абстрактные сущности через более конкретные [20, с. 245]. «Обычно нефизическое концептуализируется в терминах физического, то есть мы концептуализируем то, что определено менее четко в терминах того, что определено более четко», – уточняет Лакофф в соавторстве с М. Джонсоном [6, с. 96]. Эти же авторы описали механизм переноса знания через метафору из одной области (источника) в другую (цели) [6].

В науке нередко в качестве источника выступает более разработанная область знания, а в качестве цели – менее разработанная. Биология – достаточно востребованный источник для производства метафор, в том числе и научных.

В данной статье мы рассмотрим биологические метафоры, которые используются в теории медиа. Начиная со Спенсера также употребляется понятие «органическая метафора». Г. С. Баранов выделял «органистические» метафоры как отдельную группу [3, с. 190]. Однако источники органистических (или органических) метафор (например, «растение»), как отмечали Лакофф и Джонсон, содержатся в естественном опыте человека [6, с. 148]. В данном же случае речь пойдет о переносе знания из одной науки, биологии, в другую – теорию медиа. Поэтому нам кажется более целесообразным пользоваться термином «биологические метафоры».

Биологические метафоры можно обнаружить в фундаменте таких направлений наук о культуре и обществе, как антропоморфизм, антропоцентризм, социальный дарвинизм. Важную роль для них играют концепты жизни, организма, эволюции, естественного отбора, борьбы за выживание, основывающиеся на трудах Спенсера и Дарвина. Как показывает Нисбет (Nisbet), метафоры роста, развития, эволюции, «природности», «естественности» сыграли важную роль в развитии истории [23].

Биологические метафоры достаточно популярны в базовых для media studies науках, таких как социология, лингвистика, социолингвистика. «Проблематика биологического обоснования социального поведения занимает в социологии маргинальное, но вместе с тем устойчивое положение», – констатирует И. А. Шмерлина[12, с. 136].

Одно из первых сравнений языка и живого организма принадлежит Августу Шлейхеру, утверждавшему, что «законы, установленные Дарвином для видов растений и животных, применимы, по крайней мере, в главных чертах своих и к организмам языков»[10, с. 116].

Экстраполяцию теории эволюции в лингвистику мы видим и у Эйнара Хаугена (Einar Haugen), автора термина «Экология языка», утверждавшего, что языки конкурируют друг с другом, как животные и растения, и постоянно изменяются [18].

Евгений Головко в ходе лекции о биологических метафорах в социолингвистике [13] приводит ряд метафор, в которых отражены аналогии между наукой о жизни и наукой о языке: эволюция языка, семья родственных языков, экология языка, смерть языка, языковое разнообразие, родословное древо, морфология, язык – организм и другие.

Для описания реальности медиа нередко используются метафоры, в том числе и биологические, родившиеся в ходе развития самых разных гуманитарных течений, например важный для философии постмодерна концепт ризомы. При этом media studies активно производит собственные метафоры. Можно отнести к метафорам понятия адаптации (например, к инновациям), саморегуляции (применительно к этике: саморегуляция журналистского сообщества).

Среди биологических метафор можно выделять группы метафор. Одна из самых заметных таких групп – экологические метафоры. На их основе родилось целое направление в изучении медиа – экология медиа. Вклад экологической метафоры в теорию медиа изучался К. Сколари (C. Scolari) [27].

А. Надлер (A. Nadler) критикует перенос понятия экосистемы на систему новостей: «Традицион-

ное использование экосистемной метафоры в дебатах о цифровой журналистике фреймирует динамику новостных экосистем как воплощение конкурирующих и симбиотических отношений между производителями новостей. Это снимает с поля зрения социальные, политические и экономические решения и нормы, которые создают основу для цифрового медиаландпшафта [22, с. 1].

Другая группа метафор описывает вред и пользу медиа для общественного «организма» и отдельных людей, в частности, это метафоры болезни и лечения, сравнение медиа с «таблетками», лекарствами или наркотиками, антидепрессантами или релаксантами. Популярна также метафора жизни и смерти – применительно к медиапроектам, темам, технологиям, мемам и т. д. Эти метафоры можно объединить в группу «медицинские» – именно этим термином пользуется Л. В. Балашова [2], исследуя персуазивные свойства такого рода сравнений.

В теории медиа популярно сравнение особых типов культурных единиц с генами (Р. Докинз), которое в дальнейшем было экстраполировано на медиасообщения (и, в частности, интернет-мемы), а также метафора «медиавируса» Д. Рашкоффа.

Первая метафора, о которой пойдет речь, впервые упомянута в книге Р. Докинза «Эгоистичный ген». Будучи биологом, Докинз увидел в окружающем мире аналогию: подобно генам, за возможность передать себя потомкам конкурируют культурные единицы – мемы (или, как часто транскрибируют изначальный термин Докинза, – мимы).

«Мне думается, что репликатор нового типа недавно возник именно на нашей планете. Он пока еще находится в детском возрасте, все еще неуклюже барахтается в своем первичном бульоне, но эволюционирует с такой скоростью, что оставляет старый добрый ген далеко позади. Новый бульон – это бульон человеческой культуры» [4, с. 66].

Идея Докинза критиковалась как его коллегами-биологами, так и культурологами. В том числе критике подвергалась и сама метафора «заразности мысли»: по утверждению Д. Газезера (D. Gatherer), она тормозит прогресс меметики, поскольку на ней строится концепция передаваемого убеждения (а не информации) [17].

Метафорическая природа мема привлекла внимание такого исследователя, как Марк Джеффрис (Mark Jeffreys): «С одной стороны, она открывает мучительную перспективу элегантной, универсальной теории культурной эволюции; с другой – она уклоняется от генетического детерминизма, предлагая параллельный культурный процесс с собственными интересами» [19, с. 227].

Конкурирующей метафорой для метафоры Докинза является метафора «медиавируса», принадлежащая Дугласу Рашкоффу. «Если мы хотим понять инфосферу как расширение планетарной экосистемы или хотя бы как питательную среду, в которой развиваются новые идеи нашей культуры, тогда мы должны признать тот факт, что медиасобытия, вызывающие подлинные социальные перемены, – это не просто троянские кони. Это медиа-вирусы» [9, с. 14].

Автор понятия отвергал сам факт, что понятие медиавирус является метафорой: «Данный термин не является метафорой. Нельзя сказать, что эти медиасобытия «похожи» на вирусы. Они и есть вирусы» [9, с. 14].

Свой подход Рашкофф развивает, развивая метафору. В 2018 г. Дуглас Рашкофф (Douglas Rushkoff), Джейк Донаган (Jake Dunagan) и Дэвид Песковиц (David Pescovitz) опубликовали отчет о проекте «Биология дезинформации» [25]. Авторы прямо указывают, что «понимание передачи культурной информации моделируется по образцу эволюционной биологии» [25, с. 5].

В отчете проводятся аналогии между структурой вируса и структурой медиасообщения (прежде всего, медиамема) – наличие ядра и вирусной оболочки. Аналогичными авторам также представляются и механизмы заражения: «Вирус должен быть упакован сенсационно, уникально, с нарушением правил, так, что мы не можем его не распространять [25, с. 14].

Авторы доклада подчеркивают, что сегодня пропагандисты понимают социальные медиа как «the breeding pool and lifeblood for its most contagious constructs» – «среду для размножения и жизненная сила (кровь) для своих наиболее заразных построений». Метафора *breed* также применяется применительно к новым технологиям: *a new breed of high-tech tools.*

Описывая существующие подходы по снижению вредоносного воздействия пропаганды, авторы доклада не находят среди них тех, которые могли бы «build collective immune systems more resistant to infection» (сделать коллективную иммунную систему более устойчивой к инфекции) [25, с. 10] и предлагают заимствовать санитарные подходы к контролю над вирусами – «эпидемиологический подход». «Актуальный вопрос, с которым мы все сталкиваемся, заключается не в том, каков современный ландшафт социальных сетей, но как мы можем иммунизировать себя от медиа-вирусов, поддельных новостей и пропаганды?» [25, с. 3]. Рашкофф и соавторы дают ответ на этот вопрос, предлагая научить пользователей опознанию искусственных вирусов («выработать антитела»).

При этом используются такие метафоры, как inoculate, infect, treat (прививать, инфицировать, лечить).

Сравнение медисообщений с вирусами положено и в основу книги Ричарда Броуди (Richard Brodie), при этом также используется и техническая метафора. Медиавирус у Броуди заражает людей, «как компьютерный вирус Микеланджело заражает компьютеры саморазрушительными инструкциями» [17, с. 14].

Метафора «вирусности» достаточно популярна в отечественной теории медиакоммуникаций. Так, Светлана Шомова пишет в книге «Мемы как они есть»: «Обладая вирусной природой (то есть способностью быстрого заражения аудитории, ретранслируемостью, легкостью перехода от одного «хозяина»-коммуникатора к другому), интернет-мем не просто «инфицирует» сознание человека, но и – что важно, например, в контексте политической коммуникации – способен поменять его поведение и ментальные установки [11, с. 3].

В случаях сравнения мемов или идей, распространяемых через медиа, с генами или вирусами мы имеем дело с однонаправленностью метафоры: гены и вирусы в биологии описаны лучше, знание о них лучше структурировано. В то же время авторы идут дальше простого описания. Ьак, в своем проекте 2018 г. Рашкофф с соавторами предлагает заимствовать и «биологический» подход к контролю за вирусами.

Приведенные выше аналогии высвечивают три главных свойства мемов и других подобных им медиафеноменов: репликация, конкуренция и независимость от воли носителя или даже способность навязать ему собственную программу.

Способность медиасообщений приобретать вышеупомянутые свойства – важный феномен современных коммуникаций. Знание об этом – необходимый элемент медиаобразования, как профессионального, так и направленного на широкий круг потребителей медиа. Метафора как «феномен, обеспечивающий понимание», [6, с. 208] – мощный инструмент популяризации этого знания, прежде всего, для иллюстрации тезиса о «небезобидности» медиасообщений, выработки критического к ним отношения.

Однако здесь видится опасность чрезмерно алармистской интерпретации метафор, когда медиасообщения определенных типов представляются некими враждебными сущностями, против которых человек бессилен, и поэтому потребителя медиаинформации необходимо превентивно ограждать от них. Такое одушевление – побочный эффект метафоризации, при этом в области источника – биологии – такие эффекты тоже наблюдаются. В частности, Ваном Регенмортелем (Van Regenmortel) выявлены бытующие в обороте естественных наук «метафора интенциональности, «обычно используемая для атрибуции целей и намерений организмам», и метафора живого вируса, «которая рассматривает вирусы как фактически живые организмы» [24, с. 117].

Предложение об «эпидемиологическом подходе», высказанное в проекте Рашкоффа–Песковица–Донагана, может быть проинтерпретировано и как призыв поставить заградительные санитарные отряды, хотя сам Рашкофф – за «вакцинацию», то есть знакомство потребителей с природой вирусных медиасообщений.

Двойственность природы метафоры требует особого к ней отношения. Это означает, что иррациональный компонент метафоры должен быть уравновешен аналитическим разбором как самой метафоры, так и позиции авторов, предлагающих ее или строящих теорию на ее основе. Кроме «иррациональности» метафора также обладает мощной персуазивностью. Критическое отношение к метафоре предполагает рефлексию по отношению к «объективной истине», которую метафора определяет. Лакофф и Джонсон, рассуждая об условиях истинности метафор и зависимости истины от понимания («а метафора является важнейшим средством понимания»), напоминают о том, что определение того, что считать абсолютно или относительно истинным, зависит от людей, навязывающих свои метафоры культуре» [6, с. 187]. К этому можно добавить только то, что не только метафоры, но и контекст их употребления, интерпретация также могут быть навязаны.

Библиографический список

1. Ахапкин, Д. Когнитивное литературоведение: От порядка к хаосу и обратно [Текст] / Д. Ахапкин // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1 (143). – С. 332-345.

2. Балашова, Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) [Текст] / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2 (68). – С. 10-17.

3. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 184-193.

4. Докинз, Р. Эгоистичный ген [Текст] / Ричард Докинз; перевод с англ. Н. Фоминой. – М. : Corpus (АСТ), 2017. – 512 с.

5. Зубкова, О. С. Процесс метафоризации в научном дискурсе как проявление метафорического парадокса абстрактного в конкретном [Текст] / О. С. Зубкова // Язык. Образование. Культура: сборник научных трудов по материалам XII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием,

посвященной 83-летию КГМУ (23-28 апреля 2018 г.) – Курск : КГМУ, 2018. – С. 12-16.

6. Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

7. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? [Текст] / Н. А. Мишанкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с.

8. Печерская, Н. В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания [Текст] / Н. В. Печерская // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 93-105.

9. Рашкофф, Д. Медиавирус! [Текст] / Дуглас Рашкофф; перевод с англ. Д. Борисова. – М. : Ультра. Культура, 2003. – 368 с.

10. Шлейхер, А. Теория Дарвина в применении к науке о языке: публичное послание доктору Эрнстую Геккелю, э. о. профессору зоологии и директору зоологического музея при йенском университете (Извлечения) [Текст] / А. Шлейхер // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях; сост. В. А. Звегинцев. – 3-е изд. – М., 1964. – Ч. I. – С. 116-121.

11. Шмерлина, И. А. Биологическая метафора в социологии [Электронный ресурс] / И. А. Шмерлина // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – URL: http: // www.nationalism.org/library/digest/shmerlina-sj-2001.htm.

12. Шомова, С. А. Мемы как они есть [Текст] : учеб. пособие / С. А. Шомова. – М. : Издательство Аспект-пресс, 2018. – 136 с.

13. Экология языка и языковая смерть. О биологических метафорах в социолингвистике [Электронный ресурс] / Евгений Головко. – Европейский университет. – URL: https: // www.youtube.com/watch?v=6fOfMKI4oxk / EUSPchannel/

14. Blackmore, S. The power of the meme / S. Blackmore // Skeptic. – 1997. – V. 5. – № 2. – P. 43-49.

15. Brodie, R. Virus of the Mind / R. Brodie. – Seattle : Integral Press, 1996.

16. Dawkins, R. Memes: The New Replicators. The Selfish Gene / R. Dawkins. – Oxford: Oxford UP, 2006 (first ed. 1976). – 192 p.

17. Gatherer, D. Why the «thought contagion» metaphor is retarding progress of memetics / D. Gatherer // A memetics compendium. – 2008. – 673 p.

18. Haugen, E. I. The Ecology of language: Essays by Einar Haugen. Brodie / Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford. – Stanford : Stanford University Press, 1972. – 368 p.

19. Jeffreys, M. The meme metaphor / M. Jeffreys // Perspectives in Biology and Medicine. – 2000. – V. 43. – № 2. – P. 227-242.

20. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought. Ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 532 p.

21. Maasen, S., Mendelsohn, E., Weingart, P. Biology as society, society as biology: metaphors / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart – Luxembourg : Springer Science & Business Media, 2001. – V. 18.

22. Nadler, A. Nature's Economy and News Ecology: Scrutinizing the news ecosystem metaphor / A. Nadler // Journalism Studies. – 2018. – P. 1-17.

23. Nisbet, R. Metaphor and history: The western idea of social development / R. Nisbet. – UK : Routledge, 2017 – 355 p.

24. Regenmortel, V. The metaphor that viruses are living is alive and well, but it is no more than a metaphor / V. Regenmortel // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. – 2016. – V. 59. – P. 117-124.

25. Rushkoff, D., Pescovitz, D. ,Dunagan, J. The biology of disinformation: memes, media viruses, and cultural inoculation // In Institute for the Future [=INSTITUTE FOR THE FUTURE «IFTF»] available at: www.iftf.com.–Access mode: http: // www.iftf.org/fileadmin/user_upload/images/DigIntel/SR-2002_IFTF_Biology_of_disinformation_tk_042618.pdf (accessed 08.09.2018).

26. Schmitt, C., Grotkopp, M. Metaphor in the Arts, in Media and Communication / C. Schmitt, M. Grotkopp // Mediaesthetics-Journal of Poetics of Audiovisual Images. – 2017. – № 2. // available at: http://www.mediaesthetics.org/index.php/mae/article/view/72/152

27. Scolari, C. A. Media ecology: Exploring the metaphor to expand the theory / C. A. Scolari // Communication theory. – 2012. – V. 22. – № 2. – P. 204-225.

Reference List

1. Ahapkin, D. Kognitivnoe literaturovedenie: Ot porjadka k haosu i obratno = Cognitive literary criticism: From order to chaos and back [Tekst] / D. Ahapkin // Novoe literaturnoe obozrenie = Novoe literaturnoe obozrenie. – 2017. – № 1 (143). – C. 332-345.

2. Balashova, L. V. Medicinskaja konceptual'naja metafora v politicheskom mediadiskurse XX–XXI vv. (dinamicheskij aspekt) = Medical conceptual metaphor in political media discourse of the 20-21st centuries (dynamic aspect) [Tekst] / L. V. Balashova // Politicheskaja lingvistika = Politicheskaya lingvistika – 2018. – № 2 (68). – C. 10-17.

3. Baranov, A. N. Ocherk kognitivnoj teorii metafory = Essay of the cognitive theory on the metaphor [Tekst] / A. N. Baranov, Ju. N. Karaulov // Russkaja politicheskaja metafora: materialy k slovarju = Russian political metaphor: materials to the dictionary. – M. : Institut russkogo jazyka AN SSSR, 1991. – S. 184-193.

4. Dokinz, R. Jegoistichnyj gen = Selfish gene [Tekst] / Richard Dokinz; perevod s angl. N. Fominoj. – M. : Corpus (AST), 2017. – 512 s.

5. Zubkova, O. S. Process metaforizacii v nauchnom diskurse kak projavlenie metaforicheskogo paradoksa abstraktnogo v konkretnom = Process of metaphorization in scientific discourse as manifestation of metaphorical paradox of abstract in concrete [Tekst] / O. S. Zubkova // Jazyk. Obrazovanie. Kul'tura: sbornik nauchnyh trudov po materialam HII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj jelektronnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 83-letiju KGMU (23-28 aprelja 2018 g.) = Language. Education. Culture: the collection of scientific works on materials

of the XII All-Russian scientific and practical electronic conference with the international participation devoted to the 83 anniversary of KSMU (on April 23-28, 2018). – Kursk : KGMU, 2018. – S. 12-16.

6. Lakoff, D., Dzhonson, M. Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors which we live [Tekst] / per. s angl. A. N. Baranova i A. V. Morozovoj / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. – M. : Editorial URSS, 2004. – 256 s.

7. Mishankina, N. A. Metafora v nauke: paradoks ili norma? = Metaphor in science: paradox or norm? [Tekst] / N. A. Mishankina. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. – 282 s.

8. Pecherskaja, N. V. Znat' ili nazyvat': metafora kak kognitivnyj resurs social'nogo znanija = To know or to name: metaphor as a cognitive resource of social knowledge [Tekst] / N. V. Pecherskaja // Polis. Politicheskie issledovanija = Policy. Political researches – 2004. – № 2. – S. 93-105.

9. Rashkoff, D. Mediavirus! = Media virus! [Tekst] / Duglas Rashkoff; perevod s angl. D. Borisova. – M. : Ul'tra. Kul'tura, 2003. – 368 s.

10. Shlejher, A. Teorija Darvina v primenenii k nauke o jazyke: publichnoe poslanie doktoru Jernstuju Gekkelju, je. o. professoru zoologii i direktoru zoologicheskogo muzeja pri jenskom universitete (Izvlechenija) = Darwin theory in application to science about language: public message to Doctor Ernstuyu Gekkel, to professor of zoology and the director of the Zoological Museum at Jena university (Extraction) [Tekst] / A. Shlejher // Istorija jazykoznanija HIH–HH vekov v ocherkah i izvlechenijah = History of linguistics of the 19-20th centuries in essays and extractions; sost. V. A. Zvegincev. – 3-e izd. – M., 1964. – Ch. I. – S. 116-121.

11. Shmerlina, I. A. Biologicheskaja metafora v sociologii = Biological metaphor in sociology [Jelektronnyj resurs] / I. A. Shmerlina // Sociologicheskij zhurnal = Sociologichesky zhurnal– 2001. – № 4. – URL: http: // www.nationalism.org/library/digest/shmerlina-sj-2001.htm.

12. Shomova, S. A. Memy kak oni est' = Memes as they are [Tekst] : ucheb. posobie / S. A. Shomova. – M. : Izdatel'stvo Aspekt-press, 2018. – 136 s.

13. Jekologija jazyka i jazykovaja smert'. O biologicheskih metaforah v sociolingvistike = Ecology of language and language death. About biological metaphors in sociolinguistics [Jelektronnyj resurs] / Evgenij Golovko. – Evropejskij universitet. – URL: https: //www.youtube.com/watch?v=6fOfMKI4oxk / EUSP-channel/

14. Blackmore, S. The power of the meme / S. Blackmore // Skeptic. – 1997. – V. 5. – № 2. – P. 43-49.

15. Brodie, R. Virus of the Mind / R. Brodie. – Seattle : Integral Press, 1996.

16. Dawkins, R. Memes: The New Replicators. The Selfish Gene / R. Dawkins. – Oxford: Oxford UP, 2006 (first ed. 1976). – 192 p.

17. Gatherer, D. Why the «thought contagion» metaphor is retarding progress of memetics / D. Gatherer // A memetics compendium. – 2008. – 673 p.

18. Haugen, E. I. The Ecology of language: Essays by Einar Haugen. Brodie / Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford. – Stanford : Stanford University Press, 1972. – 368 p.

19. Jeffreys, M. The meme metaphor / M. Jeffreys // Perspectives in Biology and Medicine. – 2000. – V. 43. – № 2. – P. 227-242.

20. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought. Ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 532 p.

21. Maasen, S., Mendelsohn, E., Weingart, P. Biology as society, society as biology: metaphors / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart – Luxembourg : Springer Science & Business Media, 2001. – V. 18.

22. Nadler, A. Nature's Economy and News Ecology: Scrutinizing the news ecosystem metaphor / A. Nadler // Journalism Studies. – 2018. – P. 1-17.

23. Nisbet, R. Metaphor and history: The western idea of social development / R. Nisbet. – UK : Routledge, 2017 – 355 p.

24. Regenmortel, V. The metaphor that viruses are living is alive and well, but it is no more than a metaphor / V. Regenmortel // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. – 2016. – V. 59. – P. 117-124.

25. Rushkoff, D., Pescovitz, D. ,Dunagan, J. The biology of disinformation: memes, media viruses, and cultural inoculation // In Institute for the Future [=INSTITUTE FOR THE FUTURE «IFTF»] available at: www.iftf.com.–Access mode: http: // www.iftf.org/fileadmin/user_upload/images/DigIntel/SR-2002_IFTF_Biology_of_disinformation_tk_042618.pdf (accessed 08.09.2018).

26. Schmitt, C., Grotkopp, M. Metaphor in the Arts, in Media and Communication / C. Schmitt, M. Grotkopp // Mediaesthetics-Journal of Poetics of Audiovisual Images. – 2017. – № 2. // available at: http://www.mediaesthetics.org/index.php/mae/article/view/72/152

27. Scolari, C. A. Media ecology: Exploring the metaphor to expand the theory / C. A. Scolari // Communication theory. – 2012. – V. 22. – № 2. – P. 204-225.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10196

УДК 070

Е. А. Ермолин

https://orcid.org/0000-0001-9249-4551

Эмотивный и экспрессивный нарратив в транспарентном блогинге

Публицистический дискурс в эпоху социальных сетей тяготеет к форме блогинга, который приобретает значимость универсальной повествовательной матрицы, нацеленной на постоянное авторское присутствие и радикальный интерактив. Эволюция блогинга сближает его с традиционными сферами журналистики и литературы, размывая границу между ними, привлекая литературные жанры и жанры прессы и интернета и синтезируя их в метаиндивидуальное, полиавторское повествование. Блогинг стремится к транспарентности. В практике широкого круга авторов русскоязычного Фейсбука искренность концептуализируется как норма. Это среда профессиональных журналистов и литераторов, но в ней есть и люди, которые пришли в блогинг из сферы, лишь косвенно связанной с задачами самовыражения. Транспарентный блогинг в его идейных истоках связывают с концепцией основателя движения радикальной честности Брэда Блэнтона. В современном блогинге тотальная искренность, максимальная информационная открытость сочетается с трендом в сторону эмотивности и экспрессии. Эмоциональное отношение к предмету, нацеленность на эмоциональные реакции, особая чувствительность – популярный язык блогинга. Форсирующий средства выразительности экспрессионизм, как показывает опыт текущей словесности, в наше время может быть как авторским приемом, так и симптомом специфического самоощущения. Это связано и со стремлением к убедительности, и с полнотой самовыражения, проживания жизни онлайн. Другой ракурс эмотивности делает ее маркером пост-правды: аудиторию объединяют эмоции, а разъединяют логические аргументы. Пространством правды в контексте транспарентного блогинга парадоксальным образом становится мир эмоций и экспрессии, корреспондирующих с душевной аурой собеседника-соавтора.

Ключевые слова: метаиндивидуальное, полиавторское повествование; транспарентный блогинг; эмотивность и экспрессия как ресурсы убедительности, полноты самовыражения и как маркеры пост-правды.

E. A. Ermolin

Emotive and Expressional Narrative in Transparent Blogging

Publicistic discourse in the age of social networks is a form of blogging, which becomes an important universal narrative matrix, aimed at the author's constant presence and radical interactive. The evolution of blogging brings it closer to traditional areas of journalism and literature, blurring the line between them, attracting literary genres and genres of the press and the Internet and synthesizing them into metaindividual, polyauthor narrative. Blogging is committed to transparency. In the practice of a wide range of authors of the Russian-speaking Facebook, sincerity is conceptualized as the norm. This is environment of professional journalists and writers, but there are people there who have come to blogging from a field that is only indirectly related to the tasks of self-expression. Transparent blogging in its ideological origins is associated with the concept of the founder of the radical honesty movement Brad Blanton. In modern blogging, total sincerity, maximum informational openness is combined with a trend towards emotivity and expression. Emotional attitude to the subject, focus on emotional reactions, special sensitivity – a popular language of blogging. Expressionism, which forcing means of expression, as the experience of current literature shows, nowadays can be both the author's method and a symptom of a specific sense of self. This is associated with the desire for persuasiveness, and with the fullness of expression, living life online. Another aspect of emotiveness makes it a post-truth marker: the audience is united by emotions, and logical arguments are separated. The space of the truth in the context of transparent blogging paradoxically becomes the world of emotions and expression, corresponding to the emotional aura of the interlocutor co-author.

Keywords: metaindividual, multi-author narrative; transparent blogging; emotivity and expression as resources of persuasiveness, completeness of self-expression and as markers of post-truth.

Современный публицистический дискурс все более очевидно тяготеет к тому, чтобы принять форму блогинга, в эпоху социальных сетей он реализуется как перманентно обновляемый постинг, в системе «пост – комментарий – лайк». Традиционные средства и формы публицистики отступают на задний план, теряют аудиторию и лишаются нарративного целеполагания (если исходить из того, что нарратив преследует цель «не просто донести информацию до слушателя, но произвести впечатление, заинтересовать, заставить слушать, вызвать определенную реакцию» [7]). Наоборот, блогинг приобретает значимость универсальной повествовательной матрицы, нацелен-

© Ермолин Е. А., 2018

ной на постоянное авторское присутствие (блог-пост) и радикальный интерактив (полиавторство). Традиционная колонка в газете, журнале, на сайте зачастую выглядит теперь частным случаем постинга в социальной сети, несовершенным преддверием технологий и возможностей блогосферы.

Характерно и такое наблюдение о судьбе читательских комментариев на сайтах профессиональных медиа: «Близится закат периода комментариев. Множество мировых СМИ убрали возможность комментирования, ссылаясь на то, что теперь роль канала для высказывания мнений играют соцсети. Комментарии убрали и крупные блоги, например Huffington Post и Copyblogger. По мнению последних, 90 % всех комментариев – это спам и троллинг, а остальные 10 % заслуживают того, чтобы стать поводом для авторского контента, который читатель может разместить у себя в соцсетях со ссылкой на материал блога. Принцип такой: если вам есть что сказать – говорите это у себя, а не у нас» [3].

Характеристики блогинга очень сильно зависят от личностным качеств и намерений его автора (разумея под таковым инициатора интерактива, создателя исходного поста). Блогинг персонален. Оказывается первостепенным акцент на прямое высказывание от первого лица. Сетевой авторский продукт максимально персонифицирован. Личность автора является гарантом качества в смыслопроизводстве. Глобальные коммуникации переходят в персонифицированные коммуникации конкретного автора с конкретной аудиторией, состоящей из реальных людей.

В то же время блогинг экстраиндивидуален, то есть направлен на внешний мир, нацелен на коммуникацию и реализуется в итоге как коммуникативный процесс. (Концепция экстра- и метаиндивидуальности в аспекте психологии была развернута Л. Я. Дорфманом [28], ее понятийный аппарат, как представляется, применим и в нашем случае). Спецификой этого процесса является его полиавторская текучесть, часто сродни аморфности, но и с элементами жесткой смысловой фокусировки. Блог – метаиндивидуальный феномен, он открыт соучастию. В нем реализуются интенции «Авторства», «Обладания», «Принятия» и «Зависимости». «Эти области функционируют по принципу «и» (а не по принципу «или»); они дополняют (а не исключают) друг друга» [5, 29].

Эволюция блогинга в социальных сетях сближает его с традиционными сферами журналистики и литературы, по ходу дела практически размывая границу между ними, привлекая и переваривая и литературные жанры (письмо, дневник), и жанры прессы и интернета (газетная статья чат, интернет-форум) и синтезируя их в повествование нового типа: метаиндивидуальное, полиавторское, тотально импровизационное, имеющее условное начало (то есть пост, катализирующий процесс) и потенциально бесконечное (non finito как техническая возможность, перерабатываемая в творческий принцип) в ситуации максимальной публичности.

В какой-то степени здесь в новой среде работает и эффект метафикшн, который прежде находили [19, 29, 31] преимущественно в постмодернистской пост-борхесовской прозе. Читатель оказывается «поставлен в положение со-участника творческой игры», но, впрочем, не только наблюдая, как было прежде, за «процессом конструирования и реконструирования» текста, но и легко меняя роль читателя на роль соавтора [13, с. 46-47]. Журналистика и литература приходят к эффективному блогингу. Их отличают готовность к коммуникации, диалогу/полилогу в режиме диалогичности (в традиции Сократа и Дени Дидро), сетевой резонанс. Блогер выступает полиагентом: и как писатель, и как журналист, и как «пользователь сети».

В своей парадоксальной гиперактуальности блогинг уверенно тяготеет к тому качеству, которое с недавних пор определяют как транспарентность. Теоретические основы транспарентного блогинга не вполне осмыслены, чаще о нем говорят в контексте практических рекомендаций для блогеров, занимающихся катализом тем, сюжетов и проблем.

Ключевое определение транспарентного блогинга – прозрачность. О чем речь?

Первое. Верно замечено, что монетизация, коммерциализация блогинга (как синоним профессионализма) завязала проблемный узел. Как замечает отечественный теоретик Е. Н. Иванова, ключевым вопросом, разделяющим блогосферу, «является не аудитория и не содержательный компонент, – основным аргументом является превращение медиа в товар. <…> Дискурс деградирует в паблисити. <…> В Рунете насчитывается порядка 180 корпоративных блогов и трудно поддающееся подсчету количество блогеров, не декларирующих себя как корпоративные, но, тем не менее, либо на постоянной, либо на заказной основе работающих на определенного заказчика. Этот сегмент блогосферы развивается в рамках культурных индустрий, где средства массовой информации рас-

сматриваются как продукт фильтрации, дизайна и упаковки для потребителей, базирующийся на маркетинговой статистике, которая создает медиакультуру. <…>. Коммерциализация публичной сферы, распространение культурного производства, включая рекламу и паблик рилейшнз, приводит к рефеодализации публичной сферы, когда публика в одночасье утрачивает статус наблюдателя, очевидца, а мнение экспертов вновь превращается в «истинное» общественное мнение» [8, с. 187-188]. Особенно это относится к персональным блогам вне социальных сетей. Они выглядят качественно, технически выполнены умело, красиво, но «чистая честность и неподдельный интерес к теме во многих случаях уже не единственная причина для ведения блога <…> в настоящее время очень сложно увидеть разницу между подлинным содержанием и тем, что спонсировалось или контролировалось рекламодателем» [27]. Появление неафишируемого «спонсорского контента» как рефлекса адверториала подрывает доверие аудитории к блогеру. Поэтому в сети мы и находим призывы к блогерам легализовать факт спонсорства [27].

Однако это лишь один из аспектов прозрачности. В понимании практиков и теоретиков транспарентного блогинга она приобретает гораздо более общий смысл. Это тотальная искренность блогера, максимальная информационная открытость, упразднение личных секретов, тайн, многоаспектный аутинг.

Когда-то В. Померанцев требовал искренности от литератора, зажатого идеологической цензурой: «Я хочу, чтобы тоска моя, жажда моя по большому правдивому слову тебя подняла... Ни в каком случае не производи „переоценку ценностей”, не думай, что, например, ценность любви должна заступить для меня ценность труда. Но решительно измени, пересмотри, улучши твое отношение ко мне как человеку... Ни от чего не отрекайся во мне, ничего мне не навязывай и ищи новый синтез, центром которого стал бы я, мой труд, мои думы и все то в моем жизнеощущении, чего сам я не знаю и что новые высоты тебе помогут открыть. А главное, поднимай меня к себе на эти высоты, чтобы мир стал мне виднее» [17]. Полвека с лишним спустя на новом витке исторической спирали искренность снова стоит во главе угла, но уже как знак отторжения от давления рынка (а иногда по-прежнему и как показатель авторской отваги в противостоянии диктату среды, будь то властное принуждение или сила общественного мнения). Альтернативные отсылу к искренности средства письма (недоговоренности, подтексты, знаточеские намеки, «постмодернистские» ирония, стеб, гуру-стиль и пр.) оказываются не востребованы.

Круг авторов русскоязычного Фейсбука, которые постоянно решают эту задачу, довольно велик. Упомяну здесь Алексея Белякова, Максима Горюнова, Андрея Десницкого, Владимира Ермолина, Николая Кащеева, Александра Морозова, Валерию Пустовую, Андрея Ракина, Александра Самарцева, Диляру Тасбулатову, Марину Шаповалову, ярославцев Людмилу Дискову, Людмилу Шабуеву. Это среда профессиональных журналистов, литераторов, но в ней есть и люди, которые пришли в блогинг из сферы, лишь косвенно связанной с задачами самовыражения.

Искренность, радикальное самовыговаривание, «выворачивание себя наизнанку» концептуализирует как норму американский блогер и предприниматель Джеймс Альтушер, связав эту практику с перманентным выбором себя, необходимым для успешной самореализации в новой исторической ситуации. «Я должен перечислить те вещи, которые дали изобилие моей жизни. Пересчитать их. Если я не буду этого делать – они начнут исчезать. Я уже видел, как они исчезали. Я не хочу этого снова» [1].

Транспарентный блогинг в его идейных истоках связывают с концепцией американского психотерапевта и эксперта по стресс-менеджменту Брэда Блэнтона, основателя движения радикальной честности. По Блэнтону, выговаривание правды является необходимым и естественным фундаментом для психического здоровья [26]. Он выделяет три ракурса правдоговорения: демаскировка, раскрытие фактов и действий (обманов и недосказанности); выражение своих чувств и мыслей в режиме реального времени», честность перед собой (развенчание фантазий) [11]. С одной стороны, по Блэнтону, самый действенный способ изменить свою жизнь к лучшему – это всегда, невзирая ни на какие обстоятельства, говорить правду. По его утверждению, ложь оставляет негативный эмоциональный след. Нужно проговаривать каждую эмоцию и каждое ощущение – даже если речь идет о гневе, недовольстве или простой и яркой ненависти [25]. С другой стороны, Блэнтон предлагает исходить из интенции доброжелательности. Как пишет участница его семинара, «в момент разговора важно поддерживать человека своим теплом и участием, чтобы он понял, что ты, говорящий ему болезненную вещь, принимаешь его с его недостатками и все равно, по большом

счету, любишь и готов ему помочь, и в любом случае не отталкиваешь от себя, а наоборот, искренне хочешь, чтобы он преодолел эту проблему быстро и сразу, чтобы в дальнейшем вы могли стать более открытыми и близкими. Нужна теплота и открытое сердце» [20, ср.: 9].

Такая открытость сочетается с эмотивностью и экспрессивностью как ресурсами убедительности, как выражением спонтанной органичности творческого блогинга на грани гонзо-стиля.

Эмоциональное отношение к предмету, открытая эмоция, нацеленность на эмоциональные реакции; как вариант – особая чувствительность, которую находит у эмотивной личности Карл Леонгард, – это едва ли не самый популярный язык блогинга. «Искренний блоггер делится с аудиторией личными взглядами и эмоциями. Его открытость заставляет читателя сопереживать, критиковать, опровергать, спорить. Главное, искренность заставляет аудиторию читать материал <…>. Если вы манипулируете информацией, не делитесь секретами, боитесь потерять монополию на важные сведения, ваши публикации не привлекут внимания потребителей. Дело даже не в фальши. Ее можно спрятать без особых усилий. Без эмоциональной и/или информационной откровенности в ваших публикациях не будет добавленной стоимости, которая делает ваши посты заметными и востребованными» [4].

В журналистике вопрос о допуске эмоций в ткань повествования дебатировался, как известно, в связи с проблемой объективности. Чаще казалось, что эмоции хороши там, где целью является сообщение не фактов, а мнений. Хотя на уровне высокой абстракции против них никто не возражал и в принципе. Теоретик публицистики советского времени М. С. Черепахов писал, что «эмоциональное, неразрывно связанное с процессом познания, выступает чаще всего в составе понятий, как их элемент, дающий то тепло, без которого понятия журналистики были бы мертвы. Любое понятие, возникшее в процессе познания, непременно содержит в себе эмоциональный элемент» [23, с. 148].

Форсирующий средства выразительности экспрессионизм, как показывает опыт текущей словесности, в наше время может быть как авторским приемом, так и симптомом специфического самоощущения (напр., блог Dmitry Shipilov).

Современный тренд в сторону эмотивности и экспрессионизма связывает это как со стремлением к убедительности, так и с полнотой самовыражения, проживания жизни онлайн [12]. Вторую сторону характеризует Андрей Мирошниченко: «Управление своим персонажем в Сети насыщает оператора такими переживаниями, которые – с такой концентрацией – в реальной жизни ему недоступны. Офлайн слишком неуклюж, чтобы дать человеку столько эмоций от общения и самовыражения. Делегируя свои личные качества виртуальному персонажу, мы преодолеваем свои физические ограничения – примерно так же, как преодолевал свою инвалидность спецназовец, переселявшийся в аватар нави в одноименном фильме. Там можно гораздо больше, там полнота ощущений. Новый мир действительно дивный. Ведь офлайновая обыденность новых авторов <…> сера и неказиста. А вот их персонажи могут участвовать в каких угодно политических, романтических и прочих событиях. Небывалая полнота ощущений, концентрация переживаний, доступность недоступных событий – вот что стимулирует человека раз за разом переселяться в аватар, досадуя при этом на еду, работу и сон, все еще необходимые физическому телу, покуда оператор сидит в нем» [15].

Другой важный ракурс движения к эмотивности связан с парадигмой пост-правды: аудиторию объединяют эмоции, а разъединяют логические аргументы. Пространством правды парадоксальным образом становится мир эмоций и экспрессии, корреспондирующих с душевной аурой собеседника-соавтора в контексте транспарентного блогинга. Переживание этого парадокса порождает разные, в том числе и критические реакции, вроде принадлежащей блогеру Марине Шаповаловой: «…бурление деструктивных чувств, которым в реальности люди не находят канализации. Поэтому максимум перепостов – у текстов типа «эмоциональный выплеск». Не всегда искренних, потому что на этом легко паразитировать, привлекая к себе массы фрустрированных, благо – они все здесь. Раньше им негде было подпитываться или спускать бессильную злобу – кошку, разве что, пнуть да оторваться на близких дома. Теперь для этой цели у них – перепосты и срач в комментах. Или же связь есть, но она – в возможности ничего не делать и не думать. Прокричал тут что-то буквами о своем, тревожащем, болезненно волнующем, забанил очередного врага (как бы убил), и – полегчало. Можно идти спать. Фейсбучные страсти, наверно, показывают вырезанный и изъятый из реальности кусок. Растет он подобно раковой опухоли, его клетки в метаболизме живого организма не участвуют и никакой функции не исполняют» [24].

Библиографический список

1. Альтушер Альтушер, Д. Выбери себя. Введение [Электронный ресурс] / Джеймс Альтушер. – URL: http://jamesaltucher.ru/knigi-dzhejmsa-altushera/vyberi-sebja-dzhejms-altusher-avtorskij-perevod-na-russkij/vyberi-sebja-dzhejms-altusher-vvedenie/

2. Базикян, С. А., Фильченкова, А. А. Гонзо-журналистика в России [Электронный ресурс] / С. А. Базикян, А. А. Фильченкова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2015. – № 2. – URL: http://www.novsu.ru/file/1165963

3. Войтович, М. Пора вырасти. Подростковые болезни российского блогинга [Электронный ресурс] / М. Войтович. – URL: https://texterra.ru/blog/pora-vyrasti-podrostkovye-bolezni-rossiyskogo-bloginga.html

4. Дементий, Д. Что такое транспарентный блоггинг и как его использовать [Электронный ресурс] / Дмитрий Дементий. – URL: https://texterra.ru/blog/chto-takoe-transparentnyy-blogging-i-kak-ego-ispolzovat.html

5. Дорфман, Л. Я. Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние [Текст] / Л. Я. Дорфман // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. – № 3. – С. 3-34.

6. Дорфман, Л. Я. Метаиндивидуальный мир. Методологические и теоретические проблемы [Текст] / Л. Я. Дорфман. – М. : Смысл, 1993. – 456 с.

7. Заречнева, М. Нарратив – что это такое? Нарративные источники и техники [Электронный ресурс] / М. Заречнева. – URL: http://fb.ru/article/192513/narrativ---chto-eto-takoe-narrativnyie-istochniki-i-tehniki

8. Иванова, Е. Н. Профессионализация новых медиа и этос публичной сферы [Текст] / Е. Н. Иванова // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – № 2. – Т. 9. – С. 169-195.

9. Каптерев, А. Радикальная честность (не наш метод) [Электронный ресурс] / А. Каптерев. – URL: https://kapterev.livejournal.com/562610.html

10. Копов, С. Практика радикальной честности [Электронный ресурс] / С. Копов. – URL: https://snob.ru/selected/entry/36596

11. Курапов, А. Радикальная честность [Электронный ресурс] / А. Курапов. – URL: https://kurapov.ee/rus/lab/control/psycho/radical_honesty/

12. Леонгард, К. Акцентуированные личности [Электронный ресурс] / К. Леонгард. – URL: https://psy.wikireading.ru/58095

13. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики [Текст] / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : УрГУ, 1997. – 317 с.

14. Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности [Текст] / В. С. Мерлин. – М. : Педагогика, 1986. – 256 с.

15. Мирошниченко, А. Франкенштейны интернета [Электронный ресурс] / А. Мирошниченко. – URL: http://www.chaskor.ru/article/frankenshtejny_interneta_22016

16. Плетнева, Н. С. Эмотивный компонент медиапространства [Электронный ресурс] / Н. С. Плетнева // Коммуникация в современном поликультурном мире: прагматика лингвистического знака. – М., 2015. – С. 253-263. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23913197

17. Померанцев, В. Об искренности в литературе [Электронный ресурс] / В. Померанцев // Новый мир. – 1953. – № 12. – URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/MEMO/POMER. HTM

18. Попов, А. А. Кожемякин, Е. А. Журналистский блоггинг как новая форма профессиональной журналистики: опыт сравнения с традиционной журналистикой [Текст] / А. А. Попов, Е. А. Кожемякин // Журналистика и медиаобразование-2010: сб. тр. IV междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22-24 сент. 2010 г. / под ред. А. П. Короченского, М. Ю. Казак. – Белгород, 2010. – С. 89-94.

19. Сегал, Д. М. Литература как вторичная моделирующая система [Текст] / Д. М. Сегал // Slavica Hierosolymitana. – 1979. – № 4. P. 1-35.

20. Терентьева, И. Радикальная честность (Radical Honesty by Brad Blanton) [Текст] / Ирина Терентьева. – URL: https://irater.livejournal.com/483052.html

21. Тулупова, К. В. Публицистический и художественный тексты: общее и различное [Текст] / К В. Тулупова // Журналистика, реклама, СО: новые подходы: Мат-лы всеросс. науч.-практ. конф. «Коммуникация в современном мире» (Воронеж, 12-13 ноября 2002 г.). – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 196-198.

22. Удалова, Н. А., Удалова, Л. В. Стиль «гонзо» в современной журналистике [Текст] / Н. А. Удалова. Л. В. Удалова. – URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015015379

23. Черепахов, М. С. Таинства мастерства публициста [Текст] / М. С. Черепахов. – М.: Мысль, 1984. – 150 с.

24. Шаповалова, М. [Текст] / Марина Шаповалова. – URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1695304767258131&id=100003358718259

25. Шульман, Н. Радикальная честность [Текст] / Нелли Шульман. – URL: https://www.dp.ru/a/2010/10/01/Radikalnaja_chestnost

26. Blanton, Brad. Radical Honesty, The New Revised Edition: How to Transform Your Life by Telling the Truth [Текст] / Brad Blanton. – Sparrow Hawk Publications; Revised edition, 2005. – 310 p.

27. Blueloafers. Transparency is key – sponsored content on blogs. 5.April 2017 [Текст] / Blueloafers. – URL: http://blueloafers.com/blogging/transparency-key-sponsored-content-blogs/

28. Dorfman L. A metaindividual model of creativity [Текст] / L. Dorfman // P. Locher, C. Martindale,

L. Dorfman (eds.). New directions in aesthetics, creativity, and the arts. – Amityville, New York: Baywood Publishing Co, 2005. – P. 105-122.

29. Hutcheon, Linda. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox [Текст] / Linda Hutcheon. – Ontario: Willford UP, 1981. – 188 p.

30. Jacobs, A. J. I Think You're Fat [Текст] / A. J. Jacobs. – URL: https://www.esquire.com/news-politics/a26792/honesty0707/

31. Waugh, P. Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction [Текст] / Patricia Waugh. – New York / London: Methuen, 1984. – 175 p.

Reference List

1. Al'tusher, D. Vyberi sebja. Vvedenie = Choose yourself. Introduction [Jelektronnyj resurs] / Dzhejms Al'tusher. – URL: http://jamesaltucher.ru/knigi-dzhejmsa-altushera/vyberi-sebja-dzhejms-altusher-avtorskij-perevod-na-russkij/vyberi-sebja-dzhejms-altusher-vvedenie/

2. Bazikjan, S. A., Fil'chenkova, A. A. Gonzo-zhurnalistika v Rossii = Gonzo journalism in Russia [Jelektronnyj resurs] / S. A. Bazikjan, A. A. Fil'chenkova // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Jaroslava Mudrogo = Scientific notes of Novgorod state university named after Yaroslav the Wise. – 2015. – № 2. – URL: http://www.novsu.ru/file/1165963

3. Vojtovich, M. Pora vyrasti. Podrostkovye bolezni rossijskogo bloginga = It is time to grow up. Teenage diseases of the Russian blogging [Jelektronnyj resurs] / M. Vojtovich. – URL: https://texterra.ru/blog/pora-vyrasti-podrostkovye-bolezni-rossiyskogo-bloginga.html

4. Dementij, D. Chto takoe transparentnyj blogging i kak ego ispol'zovat' = What is transparent blogging and how to use it [Jelektronnyj resurs] / Dmitrij Dementij. – URL: https://texterra.ru/blog/chto-takoe-transparentnyy-blogging-i-kak-ego-ispolzovat.html

5. Dorfman, L. Ja. Koncepcija metaindividual'nogo mira: sovremennoe sostojanie = Concept of the metaindividual world: current state [Tekst] / L. Ja. Dorfman // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki = Psychology. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki. – 2006. – T. 3. – № 3. – S. 3-34.

6. Dorfman, L. Ja. Metaindividual'nyj mir. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy = Metaindividual world. Methodological and theoretical problems [Tekst] / L. Ja. Dorfman. – M. : Smysl, 1993. – 456 s.

7. Zarechneva, M. Narrativ – chto jeto takoe? Narrativnye istochniki i tehniki = Narrative – what is it? Narrative sources and techniques [Jelektronnyj resurs] / M. Zarechneva. – URL: http://fb.ru/article/192513/narrativ---chto-eto-takoe-narrativnyie-istochniki-i-tehniki

8. Ivanova, E. N. Professionalizacija novyh media i jetos publichnoj sfery = Professionalizing of new media and ethos of the public sphere [Tekst] / E. N. Ivanova // Zhurnal issledovanij social'noj politiki = Zhurnal issledovani socialnoi politiki – 2011. – № 2. – T. 9. – S. 169-195.

9. Kapterev, A. Radikal'naja chestnost' (ne nash metod) = Radical honesty (not our method) [Jelektronnyj resurs] / A. Kapterev. – URL: https://kapterev.livejournal.com/562610.html

10. Kopov, S. Praktika radikal'noj chestnosti = Practice of radical honesty [Jelektronnyj resurs] / S. Kopov. – URL: https://snob.ru/selected/entry/36596

11. Kurapov, A. Radikal'naja chestnost' = Radical honesty [Jelektronnyj resurs] / A. Kurapov. – URL: https://kurapov.ee/rus/lab/control/psycho/radical_honesty/

12. Leongard, K. Akcentuirovannye lichnosti = Accentuated persons [Jelektronnyj resurs] / K. Leongard. – URL: https://psy.wikireading.ru/58095

13. Lipoveckij, M. N. Russkij postmodernizm: ocherki istoricheskoj pojetiki = Russian postmodernism: essays of historical poetics [Tekst] / M. N. Lipoveckij. – Ekaterinburg : UrGU, 1997. – 317 s.

14. Merlin, V. S. Ocherk integral'nogo issledovanija individual'nosti = Essay of the integrated research of the identity [Tekst] / V. S. Merlin. – M. : Pedagogika, 1986. – 256 s.

15. Miroshnichenko, A. Frankenshtejny interneta = Frankensteins of the Internet [Jelektronnyj resurs] / A. Miroshnichenko. – URL: http://www.chaskor.ru/article/frankenshtejny_interneta_22016

16. Pletneva, N. S. Jemotivnyj komponent mediaprostranstva = Emotive component of media space [Jelektronnyj resurs] / N. S. Pletneva // Kommunikacija v sovremennom polikul'turnom mire: pragmatika lingvisticheskogo znaka = Communication in the modern polycultural world: pragmatics of the linguistic sign. – M., 2015. – S. 253-263. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23913197

17. Pomerancev, V. Ob iskrennosti v literature = On sincerity in literature [Jelektronnyj resurs] / V. Pomerancev // Novyj mir = Novy mir – 1953. – № 12. – URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/MEMO/POMER. HTM

18. Popov, A. A. Kozhemjakin, E. A. Zhurnalistskij blogging kak novaja forma professional'noj zhurnalistiki: opyt sravnenija s tradicionnoj zhurnalistikoj = Journalistic blogging as a new form of professional journalism: experience of comparison with traditional journalism [Tekst] / A. A. Popov, E. A. Kozhemjakin // Zhurnalistika i mediaobrazovanie-2010: sb. tr. IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Belgorod, 22-24 sent. 2010 g. = Journalism and media education-2010: collection of works of the IV International scientific practical conference, Belgorod, September 22-24, 2010./ pod red. A. P. Korochenskogo, M. Ju. Kazak. – Belgorod, 2010. – S. 89-94.

19. Segal, D. M. Literatura kak vtorichnaja modelirujushhaja sistema = Literature as the secondary modeling system [Tekst] / D. M. Segal // Slavisa Hierosolymitana. – 1979. – № 4. R. 1-35.

20. Terent'eva, I. Radikal'naja chestnost' = Radical honesty (Radical Honesty by Brad Blanton) [Tekst] /

I. Terent'eva. – URL: https://irater.livejournal.com/483052.html

21. Tulupova, K. V. Publicisticheskij i hudozhestvennyj teksty: obshhee i razlichnoe = Publicistic and art texts: general and various [Tekst] / K. V. Tulupova // Zhurnalistika, reklama, SO: novye podhody: Mat-ly vseross. nauch.-prakt. konf. «Kommunikacija v sovremennom mire» (Voronezh, 12-13 nojabrja 2002 g.) = Journalism, advertizing, SO: new approaches: Materials of the All-Russian scientific practical conference «Communication in the modern world» (Voronezh, on November 12-13, 2002). – Voronezh: VGU, 2002. – S. 196-198.

22. Udalova, N. A., Udalova, L. V. Stil' «gonzo» v sovremennoj zhurnalistike = Gonzo style in modern journalism [Tekst] / N. A. Udalova. L. V. Udalova. – URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015015379

23. Cherepahov, M. S. Tainstva masterstva publicista = Sacraments of the publicist's skill [Tekst] / M. S. Cherepahov. – M. : Mysl', 1984. – 150 s.

24. Shapovalova, M. Facebook [Tekst] / Marina Shapovalova. – URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1695304767258131&id=100003358718259

25. Shul'man, N. Radikal'naja chestnost' = Radical honesty [Tekst] / Nelli Shul'man. – URL: https://www.dp.ru/a/2010/10/01/Radikalnaja_chestnost

26. Blanton, Brad. Radical Honesty, The New Revised Edition: How to Transform Your Life by Telling the Truth / Brad Blanton. – Sparrow Hawk Publications; Revised edition, 2005. – 310 p.

27. Blueloafers. Transparency is key – sponsored content on blogs. 5.April 2017 [Tekst] / Blueloafers. – URL: http://blueloafers.com/blogging/transparency-key-sponsored-content-blogs/

28. Dorfman L. A metaindividual model of creativity [Tekst] / L. Dorfman // P. Locher, C. Martindale, L. Dorfman (eds.). New directions in aesthetics, creativity, and the arts. – Amityville, New York: Baywood Publishing Co, 2005. – P. 105-122.

29. Hutcheon, Linda. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox [Tekst] / Linda Hutcheon. – Ontario : Willford UP, 1981. – 188 p.

30. Jacobs, A. J. I Think You're Fat [Tekst] / A. J. Jacobs. – URL: https://www.esquire.com/news-politics/a26792/honesty0707/

31. Waugh, P. Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction [Tekst] / Patricia Waugh. – New York / London : Methuen, 1984. – 175 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10197

УДК 7.06

О. А. Джумайло

https://orcid.org/ 0002-002-1217-5567

Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании

Статья обращена к трудностям формулировки универсального определения интермедиальности в связи с эволюцией понятия в современном гуманитарном знании. Систематическое исследование интермедиальных феноменов, в 1980-1990 гг. получившее общее «зонтичное» название Intermediality Studies, сопровождается двумя тенденциями, предлагающими весьма разные объекты, подходы и контексты изучения: с одной стороны, интермедиальность в искусстве исследуется в русле Interarts Studies, с другой, интертекстуальность в медиа преподносится с позиций Media Studies. На современном этапе наблюдается смыкание этих тенденций, что обусловливается рядом факторов, среди которых: разрушение эстетических иерархий; расширение аудитории потребителей медиа; новые формы производства, дистрибуции и потребления культурных объектов, ассоциируемые с конвергентной культурой и цифровой эпохой; возникновение медиапространства, стимулирующего гибридизацию, мультимодальность, ремедиацию и пр.; возрастающий показатель способности к распространению современных медиа; проблематизация (и саморефлексия) привычных медиа в отношении конвенций использования распространенных инструментов медиакоммуникации. Понятие интермедиальность может использоваться при обращении к объектам, проявляющим активное взаимодействие, но не слияние различных медиа. При этом в настоящее время наблюдается присутствие как традиционных медиа, так и многообразных квазиформатов медийного взаимодействия. Кроме того, в статье подчеркивается предложенное Ю. Херкманом понятийное, функциональное и институциональное различие близких, но не синонимичных друг другу понятий конвергентность и интермедиальность, а также необходимость использования междисциплинарных подходов при исследовании интермедиальных феноменов, обязательное включение в анализ системы локальных социальных и культурных контекстов, провоцирующих появление того или иного интермедиального объекта.

Ключевые слова: эволюция понятия интермедиальности, медиапространство, конвергентность, конвергентная культура, ремедиация, исследования интермедиальности.

O. A. Dzhumaiylo

Concept of Intermediality and Its Evolution in Modern Scientific Knowledge

The paper addresses difficulties in making the universally accepted notion of intermediality, which stem from the evolution of this notion in contemporary research practices. Systematic investigations of intermedial phenomena, which got an umbrella name Intermediality Studies in 1980-1990, are accompanied by two tendencies, which suggest different material, approaches, and contexts for study: on the one hand, intermediality in arts is approached through Interararts Studies, and on the other, – intermediality in media is viewed through optics of Media Studies. At the moment we are witnessing these tendencies as complementary, which can be the effect of the following: breaking up of aesthetic hierarchies; widening of the media audience; new forms of production, distribution, and consumption of cultural objects, which are associated with the convergence culture and digital era; appearance of the so called mediascape, which stimulates hybridization, multimodality, remediation, etc.; growing spreadability of contemporary media; problematization (and reflexivity about) traditional media and conventions of their use in the process of mediacommunication. The notion of intermediality can be used in relation to objects, which are involved into active interaction, but which are not the product of media merge. Apart from that, at present there are both traditional medias and various quasi forms of media interaction. The paper also underlies the terminological difference, offered by J. Herkman, between convergence and intermediality in terms of meaning, pragmatics, institutional and research areas. Besides, the conclusive remark states interdisciplinary and historically grounded premises as starting points for contemporary intermediality research.

Keywords: evolution of intermediality concept, mediascape, convergence, convergence culture, remediation, Intermediality Studies.

Понятие интермедиальности в его самом широком значении относится к любым взаимодействиям между различными медиа [4, p. 3] и, таким образом, используется для описания значительного количества культурных феноменов, в которых задействованы более одного традиционного медиа. Трудность формулировки единого и универсального понятия интермедиальности связана с двумя причинами: во-первых, с течением времени явления, воспринимаемые как интермедиальные, становятся органичными в своем синтезе формами культуры и творчества; во-вторых, понятие интермедиальность активно используют в литературоведческих, культурных, искусствоведческих

© Джумайло О. А., 2018

исследованиях, музыковедении, философии, социологии, киноведении, не говоря уже об исследованиях новейших медиа в журналистике. Во всех этих дисциплинарных полях, в силу разных сочетаний медиа-участников, используются свои подходы и методологии, близкие, но не тождественные друг другу.

«Попросите социолога или культуролога перечислить медиа, и он ответит: телевидение, радио, кино, интернет. Арт-критик даст другой список: музыка, живопись, скульптура, литература, театр, опера, фотография, скульптура, архитектура. Философ-феноменолог разделит медиа на визуальные, аудиальные, словесные и, возможно, вкусовые и ольфакторные (кулинария и парфюмерия – это медиа?). В списке художника окажутся глина, бронза, масло, акварель, ткань и, возможно, в его конце мы найдем экзотические включения из коллажей, такие как трава, перья, банки из-под пива. Исследователь теории информации или историк письма подумает о звуковых волнах, свитках папируса, рукописных книгах-кодексах и силиконовых чипах. Теоретики «новых медиа» будут утверждать, что компьютеризация создала новые медиа из старых: фотопленка против цифровой фотографии; целлулоидная пленка против кино, снятом на видеокамеру; фильмы, созданные на основе традиционной обработки изображений, против фильмов, созданных с использованием компьютерных технологий. Компьютер также может оказаться в ответе за появление абсолютно нового медиа – виртуальной реальности» [12, p. 15-16].

Известные центры изучения интермедиальности – Centre for Intermediality Studies in Graz (Austrian University of Graz), Forum for Intermediality Studies (Swedish Linnaeus University), Centre de recherché sur l'intermedialite, CRI (Universities of Montreal and Quebec), International Society for Intermedial Studies (ISIS), Intermedia studies (Interarts studies) at Kulturvetenskapliga Institutionen of Lund University – имеют различные традиции исследования данного феномена. Кроме того, на следующие вопросы, встающие перед исследователем понятия интермедиальности, даются разные ответы: Что выступает субъектами взаимодействия: медиа и искусство? медиа и медиа? искусство и искусство? Синонимичны ли конвергентность и интермедиальность? Всегда ли цифровая среда обеспечивает интермедиальность? Какова суть взаимодействия: всегда ли это семиозис? Насколько важен контекст возникновения отдельных интермедиальных феноменов: каковы экономические, социокультурные, исторические, технические параметры в анализе явления?

Обозначим самые общие подходы к поставленным вопросам.

Как систематически исследуемый объект в отношении продуктивного взаимодействия медиа интермедиальность изучается сравнительно недавно. Исследования интермедиальности начали развиваться с 1980 гг., а само понятие в академической науке распространилось лишь в 1990 гг. При этом интермедиальность как феномен взаимодействия различных искусств, каналов передачи информации, эстетических впечатлений и эмоционального опыта осмысляется еще со времен античности. Размышления об экфрасисе (словесной репрезентации объекта пластического искусства) существовали с античности и рассматривали его как упражнение в риторике, жанр и форму повествования. Уже Квинтилиан и Лонгин подчеркивали значение визуальных образов в создании особых эмоций и чувства возвышенного. Начиная с «Ars poetica» Горация, сквозь века сближений и соперничества живописи и поэзии в эпоху Ренессанса и барокко, к классическим разборам Лессинга и Пейтера, критическая мысль обращалась к феномену взаимовлияния искусств и их автономии.

Любопытно, что еще в 1940 г. в своем эссе «Towards a Newer Laocoon» крупнейший эстетик XX в. Клемент Гринберг продолжает настаивать на уникальности отдельных видов искусства и отрицает их гибридные формы [3, p. 32]. Но уже в 1960 гг. происходит введение в критический обиход термина *интермедиа* (intermedia), который связывают с Диком Хиггинсом (1938-1998, член Fluxus group). Художник понимает под ним арт-проекты, в которых традиционные виды искусства и медиа комбинируются для создания новых форм (например, визуальной поэзии, объединившей поэзию и графический дизайн) [6]. Кроме того, немного позже термин *интермедиа* начинает использоваться в связи с развитием цифровых технологий, часто применительно к гипертекстам.

Так, еще недавно можно было выделить два магистральных направления исследования интермедиальности (Intermedial Studies):

− Интермедиальность в искусстве (в русле Interarts Studies) – исследования взаимодействия литературы и других искусств, а также отдельных форм взаимодействия искусств, в которых словесное начало не доминирует (изобразительные искусства, музыка, танец, исполнительское искусство, перформанс, театр, кинематограф, архитектура и др.). В фокусе внимания оказываются эстетически значимые объекты (высокая культура).

− Интермедиальность в медиа (в русле Media Studies) – исследования интермедиальных форм в

контексте современных процессов коммуникации, производства, распространения, функционирования и потребления культурной продукции (радио, популярный кинематограф и адаптация классических текстов, телевидение, печатные издания, видео и др.). В фокусе внимания оказываются любые объекты современной культуры, в том числе популярной и массовой.

Однако в настоящее время оба направления смыкаются. Современные исследования интермедиальности обращены как к материалу «высокого искусства», так и к «низким» жанрам, нехудожественным объектам, которые предстают в разнообразных конфигурациях, включая продукты популярной культуры или новые медиа. Данная ситуация стала следствием нескольких тенденций, среди которых:

− Разрушение эстетических иерархий. Все более привычным становится представление о том, что оценка искусства – результат работы культурных конструктов: мы называем искусством то, что принято считать искусством. С момента демонстрации рэди-мейдов Дюшана искусство осмысляется как практика интерпретации, а распространенные представления о художественности весьма условны. Иными словами, искусством становится то, что называется таковым интерпретирующим сообществом, в том числе и весьма демократичных вкусов. Таким образом, все, что ранее мыслилось искусством, а также все, чему отказывали в «высоком эстетическом предназначении», ныне именуется медиа, а проблема эстетической ценности в ее традиционном звучании снимается сама собой. Участники взаимодействия: медиа и искусство? медиа и медиа? искусство и искусство? Все они представляют собой ряд отдельных, «условно различаемых» типов медиа [10, p. 61], а значит, можно говорить о любых комбинациях.

− Расширение аудитории потребления медиа. Разрушение барьеров между высокой и низкой культурой в 1970-1980 гг. (под влиянием поп-арта, развития телевидения и пр.) и возникновение гигантской диверсифицированной аудитории, потребляющей медиа, открывает простор для проникновения в сферу условно художественного ряда неоднозначных форм (к примеру, хэппенинга или комикса). Масштабные шоу, традиционно открывающие Олимпийские игры, – один из ярких примеров интермедиальности в ее современной форме, вынесенной за скобки «высокого» и «популярного» искусства, ориентированного на широкую аудиторию и обладающего мощным коммуникативным зарядом.

− Новые формы производства, дистрибуции и потребления культурных объектов, ассоциируемые с конвергентной культурой (convergence culture) [7] и цифровой эпохой. К примеру, поисковая система Google вполне может считаться «самой продвинутой интермедиальной системой» [по 13, p. 310]. Еще более заметен сдвиг от эстетики к экономике ремедиации в 2000 гг., интересу к рецептивной стороне, ориентации на широкую аудиторию и ее запросы. Экономические и собственно медийные контексты для осмысления современных процессов (охарактеризованные в терминах concentration, marketization, commercialization, segmentation, fragmentation, similarization, tabloidization, computarization, digitalization) входят в широкий спектр значений конвергентности.

− Возникновение медиапространства (mediascape) – цифрового потока, сформированного разветвленной сетью образов, повествовательных структур, дискурсивных элементов [1]. Размывание границ медиа обозначается терминами *гибридизация* (hybridization) или *мультимодальность* (multimodality) культурных форм [9]. Распространение отдельных параметров медиаэстетики одного медиа на другое в цифровую эпоху получило название *ремедиации* (remediation). Понятие ремедиации, по мнению современных исследователей, может также использоваться при обращении к вопросу возникновения новых медиа в исторической перспективе. Например, отдельные приемы театральной практики и романного повествования не отвергаются, а заимствуются в раннем кинематорафе. Иными словами, в данном случае медиа выступает как инструмент, с помощью которого трансформируются формы и практики других медиа. Так, в случае создания виртуальной реальности видеоигр ремедиации подвергаются кино и живопись с использованием перспективы; в случае современных фильмов и телесериалов ремедиация представлена включением текстовых элементов в экранное изображение – в сериале «Шерлок» (2010) буквально изображается текст мысли героя; любопытные примеры разнообразной ремедиации – фильмы Линклейтера «Пробуждение жизни» (2001), Алмерейды «Гамлет» (2000), Уинтерботтома «Тристрам Шенди» (2005). Обнаруживается тенденция к *трансмедиальности (transmediality)* и трансмедиальному сторителлингу, проявлению различных функций текстовых нарративных элементов (сюжет, система персонажей, характеристики времени и пространства) в разнообразных медиа. Примером могут стать сюжет и персонажи диснеевских мультфильмов, перекочевавших на страницы комиксов, сцену мюзиклов, вирту-

альные платформы видеоигр, концепции тематических парков и т. д. Однако не только коммерциализация успешного продукта в форме трансмедиальной франшизы является источником возникновения данного феномена. Концептуальным отличием трансмедиальности от простой адаптации и ремедиации является появление значительно большего объема возможностей для развития сюжета и системы персонажей (например, в формате игр). В этом отношении интересны медиапродукты, связанные с фильмом «Матрица» (игры, анимированные слайды, проясняющие фильм) и серией фильмов об Индиане Джонсе (игры, телесериал как приквелы и сиквелы). Наблюдения над сюжетами комиксов «Город грехов» Миллера отсылает к одноименному фильму Родригеса, а фильм «Лара Крофт» – к одноименным видеоиграм. Радикальным случаем, изначально продуманным в формате трансмедиального сторителлинга, стала игра Pokemon GO.

− Возрастающий показатель способности к распространению (spreadability) современных медиа – «продолжительность процесса, в течение которого объект наделяется новыми целями и начинает циркулировать в новом качестве» [8, p. 27]. В этот процесс вовлечены разнообразные потребители медиаконтента, становящиеся в свою очередь активными создателями частично нового контента на Facebook, Twitter, YouTube. Быстрота конвертируемости из одного формата в другой создает разнообразные возможности для новой «экспозиции» художественного или нехудожественного объекта, например, в виде лонгрида. Так, к примеру, книжная страница цифрового устройства представляет собой нечто иное, нежели бумажная, так как предлагает не только сам текст, но и встроенный словарь, опции составления дневника чтения, подключения к информации о других «подобных» продуктах или других медиа (киноадаптации, музыки к кино, постерам, интервью автора и пр.), связанных с книгой, а также возможность комментирования и распространения информации о чтении в социальных сетях.

− Проблематизация (и саморефлексия) привычных медиа: новый интермедиальный объект будто подталкивает к размышлениям о конвенциях использования распространенных инструментов медиакоммуникации. Как известно, медиация (mediation) – это феномен передачи сообщения, которое может быть подвержено репликации, реконфигурации или иным манипуляциям. В отличие от упрощенного представления о медиаканале (medium) как физической «капсуле», в которую вкладывается сообщение, современная наука после революционных трудов Маклюена видит сам канал как смыслопорождающую инстанцию. Таким образом, нет и не может быть непосредственной передачи сообщения, оно оказывается включенным в процесс медиации. Примечательно, что новые медиа не только иначе конфигурируют сообщение, но и выступают как рефлексивные устройства в отношении уже бытующих каналов медиа [2, p. 65], поглощая форму и содержание старых медиа, перерабатывая их специфическим образом и создавая принципиально новое сообщение. Медиация как взаимодействие между разными и отчетливо различаемыми в данном феномене медиа качественно меняет их, создавая новый объект искусства. Так, акцентуация специфики материала или канала того или иного медиа обладает *рефлексивным началом*. Произведения современного неоавангарда часто привлекают внимание к «материальности» медиа (мейл-арт, лэнд-арт, стритарт, кинетическое искусство, голографическая поэзия, музыка, создаваемая бытовыми приборами, и пр.), но при этом рассчитаны на широкую аудиторию. Возникают различные взгляды на границы медиа и гибридизацию, что приводит к «гораздо более осознанному отношению к материальной и медийной составляющей как в художественной практике, так и в культурной практике в целом» [11, p. 44].

Таким образом, интермедиальность понимается как активное взаимодействие (но не слияние) между различными медиа, а также как специфическая форма их существования в современных технических, социокультурных и экономических условиях. Понятие тем более актуально, что как такового слияния (конвергенции) всех медиа в единый медийный ресурс не происходит ни в ситуации продукции медиаконтента, ни в отношении его дистрибуции и потребления. Иначе говоря, при всем значении сферы технологической и изменения среды на цифровую современная культурная продукция продолжает существовать и в традиционных формах, и в поразительном многообразии квазиформатов. Речь идет не столько о технологической неизбежности подчинения медиа неким универсальным формам, сколько о динамичной картине взаимодействия разнообразных медиа в меняющихся социальных и культурных контекстах.

Употребление понятий конвергенция и интермедиальность отсылает и к разным методологическим подходам к явлению синтеза медиа, и к разной его трактовке. Согласно Херкману, в сравнительной перспективе соотношение понятий выглядит следующим образом [5, p. 17].

	Конвергентность	Интермедиальность
Общее значение термина	Объединиение и/или уподобление друг другу различных медиа	Взаимодействие между различными медиа
Научный контекст	Технические и экономические науки	Гуманитарные науки, исследования литературы и медиа
Теоретическое основание	Теория коммуникаций, экономика	Теории текста, теории искусства
Социальный контекст	Политика и экономика информационного общества	Изменение культурных форм и институтов
Отношение к современным технологическим процессам	Ориентация на изменение технологий, детерминистская позиция	Ориентация на изменение культурной сферы, детерминистская позиция
Изменение медиа	Революционные сдвиги, разрывы	Эволюция, преемственность
Перспективы медиа	Возникновение одной supermedia	Сохранение различных медиа в условиях (возможно) иных форм их взаимодействия

Таким образом, на современном этапе в методологическом плане интермедиальные исследования (в отличие от исследований конвергенции) требуют создания точной *исторической* «реконструкции» того или иного конкретного медиаявления (учета его новизны или степени ассимиляции культурой, его рефлексивного потенциала и пр.). Иными словами, ответы на вопросы, поставленные нами в начале статьи, предполагают:

− обращение не к отдельным медиа как составным элементам феномена интермедиальности, а к эффектам их взаимодействия, что требует разбора «медиаидентичностей», согласно уже укоренившимся в науке параметрам анализа того или иного медиа, будь то жанры словесного искусства или видео, графики, искусства музыкального, пластического и пр. на определенном временном отрезке;

− обязательное включение в анализ системы локальных социальных и культурных контекстов, провоцирующих появление того или иного интермедиального объекта;

− использование методической триангуляции: анализ разнообразных эмпирических данных, обращение к источникам, которые собраны исследователями, принадлежащими другим дисциплинарным сферам; свободное комбинирование разных методов для создания объемной стереоскопической интерпретации; стремление к многоуровневым построениям;

− пристальное внимание к значению восприятия интермедиального феномена, его специфической перформативности, материальной модальности в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Appardurai, Arjun. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Econmy / Public Culture (1990) 2 (2). – P. 1-24.

2. Bolter, J. David, and Richard Grusin, eds. Remediation. Understanding New Media. – Cambridge, Madssachusetts : The MIT Press, 2000.

3. Greenberg, Clement. The Collected Essays and Criticism. Vol. 1. Ed. John O'Brian. – Chicago and London : University of Chicago Press, 1993. – P. 23-38.

4. Grishakova, Marina and Marie-Laure Ryan, eds. Intermediality and Storytelling. – Berlin and New York : De Gruyter, 2010.

5. Herkman, Juha. Introduction: Intermediality as a Theory and Methodology. In Intermediality and Media Change. Ed. by Juha Herkman, Taisto Hujanen, Paavo Oinonen Tampere : Tampere University Press, 2012. – P. 10-29.

6. Higgins, Dick, and Hannah Higgins. 'Intermedia', Leonardo (2001) 34(1). – P. 49-54.

7. Jenkins, Henry. Convergence Culture. Where Old and New Media Collide. Second Edition. – New York : New York University Press, 2008.

8. Jenkins, Henry, and Sam Ford, and Joshua Green. Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. – New York : New York University Press, 2013.

9. Kress, Gunther, and Theo van Leeuwen. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. – London : Arnold, 2001.

10. Rajewsky, Irina O. 'Border Talks: The Problematic Status of Media Borders in the Current Debate about Intermediality.' Media Borders, Multimodality and Intermediality. Ed. Lars Ellestrom. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. – P. 51-68.

11. Rajewsky, Irina O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // Intermedialites (2005) 6. – P. 43-64.

12. Ryan, Marie-Laure. Narrative Across Media: The Languages of Storytelling. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2004.

13. Voigts, Eckart. Literature and Television (after TV) In Rippl G. Handbook of Intermediality: Literature – Image – Sound – Music. Berlin / Boston, MA: De Gruyter, 2015. – P. 306-324.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10198

УДК 811.161.42

Л. Е. Малыгина

https://orcid.org/0000-0002-0056-8160

«Виртуальные собеседники»: перспективы развития телевизионного промодискурса

В статье рассматриваются различные направления использования виртуальных собеседников (чат-ботов) и автоматической генерации осмысленных текстов в телевизионном промодискурсе, анализируются ситуации, в которых использование чат-ботов оказывается эффективным, выявляются задачи, которые виртуальные собеседники решить не в состоянии; описываются способы обучения чат-ботов, а также сам процесс проектирования личности виртуального собеседника, в том числе проектирование эмоций, присвоение человеческих мотиваций, убеждений и чувств боту. Подобный антропоморфизм при проектировании виртуального собеседника не означает воссоздание разработчиком всех нюансов человеческой личности, а предполагает проектирование только тех черт, которые необходимы для эффективного взаимодействия пользователя и робота. Специалисты, разрабатывающие дизайн личности виртуального собеседника, привлекают к совместной работе профессиональных сценаристов, драматургов, филологов, психологов, поэтов и писателей, способных выстраивать диалоги человека и компьютера, а также создавать эффективные сценарии общения.

Автор анализирует риски и возможности использования виртуальных собеседников и искусственного интеллекта в образовании (на примере обучения телевизионных журналистов), средствах массовой информации и бизнесе.

Для достижения поставленной цели автор применяет методы дедуктивного и индуктивного логического анализа, описательный метод, метод стилистического анализа, метод сравнительного анализа, метод опроса информантов и метод глубинного интервью.

Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку, анализируя использование автоматической генерации осмысленных текстов и виртуальных собеседников в телевизионном промодискурсе, автор затрагивает актуальные проблемы медиапсихологии, психологии восприятия, коммуникативной стилистики и медиастилистики. Междисциплинарный подход помогает решить сложные вопросы взаимодействия психических процессов и их языковых коррелятов в деятельности телевизионных журналистов. Теоретические выводы, сделанные в ходе исследования проблемы использования виртуальных собеседников и автоматической генерации осмысленных текстов в телевизионном промодискурсе, могут найти широкое применение в курсах преподавания таких дисциплин, как медиалингвистика, культура речи, язык телевидения, гуманитарные исследования искусственного интеллекта и др. Представленные автором результаты исследования будут также полезны практикующим телевизионным журналистам.

Ключевые слова: автоматическая генерация осмысленных текстов, виртуальные собеседники, искусственный интеллект, чат-боты, телевизионный промодискурс, адресант, адресат.

L. E. Malygina

«Virtual Interlocutors»: Prospects of TV–Promodiscourse Development

In the article various directions to use virtual interlocutors (chatbots) and automatic generation of intelligent texts in television promodiscourse are considered, situations are analyzed where the use of chatbots is effective, tasks are revealed, which virtual interlocutors are not able to solve; ways of training chatbots are described and also a process of making the identity of the virtual interlocutor, including design of emotions, assignment of human motivations, beliefs and feelings in a bot. The similar anthropomorphism at making of the virtual interlocutor does not mean reconstruction of all nuances of the human person by the developer, and assumes design only of those lines which are necessary for effective interaction of the user and the robot. The experts developing design of the identity of the virtual interlocutor cooperate with professional screenwriters, playwrights, philologists, psychologists, poets and writers capable to build as much as possible dialogues of the person and the computer and also to create effective scenarios of communication.

The author analyzes risks and possibilities of the use of virtual interlocutors and artificial intelligence in education (on the example of training of television journalists), in mass media and in business.

To achieve the goal the author applies methods of the deductive and inductive logical analysis, a descriptive method, a method of stylistic analysis, a method of comparative analysis, a method of polling informants and a method of deep interviews.

The research is of a cross-disciplinary character as, analyzing the use of automatic generation of intelligent texts and virtual interlocutors in television promodiscourse, the author touches upon current problems of media psychology, psychology of perception, communicative stylistics and media stylistics. A cross-disciplinary approach helps to resolve difficult questions of interaction of mental processes and their language correlates in television journalists' activity. The theoretical conclusions, drawn during the research of the problem of use of virtual interlocutors and automatic generation of intelligent texts in television promodiscourse, can

© Малыгина Л. Е., 2018

find broad application in courses of teaching such disciplines as media linguistics, the standard of speech, television language, humanitarian researches of artificial intelligence, etc. The results of the research presented by the author will be also useful to practicing television journalists.

Keywords: automatic generation of intelligent texts, virtual interlocutors, artificial intelligence, chatbots, television promodiscourse, addresser, addressee.

Введение. Современный телевизионный медиабизнес в России готовится работать в принципиально новых технологических условиях [7; 9; 10]. Это во многом связано с ориентацией медиаменеджеров на нового адресата телевизионного промодискурса – «цифровую молодежь» как перспективную целевую аудитории российских телевизионных каналов. Данная аудитория интуитивно ориентируется в современных цифровых технологиях, в отличие от представителей «поколения адаптации», которые вынуждены специально осваивать, например, автоматическую генерацию осмысленных текстов и виртуальных собеседников, примеры использования которых рассматриваются в настоящей статье.

Виртуальные собеседники, или чат-боты, – компьютерные программы, предназначенные для автоматизации коммуникации и процесса общения, способны поддерживать диалог с человеком, используя технологии распознавания речи либо работая по заранее настроенным сценариям «вопрос – вариант ответа». Активное внедрение телевизионными каналами технологии искусственного интеллекта, например, применение виртуальных собеседников, способных персонально общаться с адресатом (зрителем) от лица медиабренда, относится к экстралингвистическим факторам, оказывающим существенное влияние на трансформацию телевизионного промодискурса.

Методы. В работе применяются такие методы исследования, как метод дедуктивного и индуктивного логического анализа промотекста как продукта промодискурса для выявления механизма воздействия на массового адресата; описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация); стилистический анализ, сравнительный анализ, метод опроса информантов (пользователей виртуальных собеседников) и метод глубинного интервью с разработчиками виртуальных собеседников и руководителями отделов промоушна телевизионных каналов.

Обзор литературы. Фактор массовости в направленности текстов телевизионного промодискурса способствует реализации не только информационной, рекламной, творческой, но и семиотической, оценочной, интертекстуальной и др. функций дискурса СМИ, а также пропагандистской и суггестивной функций, доминирующих в настоящее время в коммуникативном пространстве [22-24]. При рассмотрении ТВ-промодискурса как разновидности дискурса СМИ и частного случая телевизионного дискурса [8] существенным оказывается *фактор адресанта* (непрямое, разделенное в пространстве и во времени воздействие адресанта на адресата; однонаправленность воздействия от адресанта к адресату); и *фактор адресата (*публичность – неограниченный, надперсональный круг потребителей; массовая разнородная и анонимная аудитория; непостоянный характер аудитории телевизионного канала; немедленное восприятие информации аудиторией; быстрая реакция на воспринятый креолизованный текст) [3].

Анализу проблем коммуникации, вопросам эффективного взаимодействия адресанта и адресата посвящено большое количество лингвистических исследований [1-5; 7-16; 18-20; 23 и др.]. В таких специфических характеристиках телевизионного промодискурса, как диалогичность, оценочность, агональность, инсценированность, заложены основания для осуществления сильного воздействия на адресата [25], проявления суггестивности [3;7], причем методы речевого воздействия [4], которые были эффективными для традиционной аудитории телевизионных каналов в возрастной группе 45 + , оказываются неэффективными для «цифровой молодежи», не испытывающей стресса от вербального общения с виртуальными собеседниками в процессе решения бизнес-задач, обучения и потребления медиапродукта.

Результаты и дискуссия.

История возникновения и развития чат-ботов. История развития виртуальных собеседников началась в 1950 г., когда появился тест Тьюринга, позволяющий определять способность машины мыслить. На эту тему в журнале Mind была опубликована статья Computing Machinery and Intelligence. В 1961 г. был создан первый виртуальный голосовой ассистент Shoebox от IBM. В 1961 г. увидел свет первый виртуальный собеседник Элиза (Eliza), в 1972 году – Парри (Parry) – чат-бот, имитирующий собеседника с психическим расстройством. В 1984 г. был отмечен появлением бота Mark V. Shaney (Марк В. Шейн), созданного по технологии «цепь Маркова». В 1988 г.

появился чат-бот Джаббервоки (Jabberwacky) по кличке «Бот –Болтун». В 1990 г. была учреждена Премия Лебнера (Loebner Prize) для виртуальных собеседников. В 1995 г. был разработан виртуальный собеседник A. L. I. C. E. – первый чат-бот на основе обработки естественного языка (natural language processing, NLP). В 1996 г. компания Microsoft выпустила виртуального помощника Клиппи (Clippy, Clippit). Конкурирующая компания Apple в 2010 г. представила бота Сири (Siri) для системы iOS. В 2014 г. на рынке чат-ботов появляются все более совершенные новинки: виртуальные помощники Алекса и Кортана от Amazon и Microsoft. В 2015 г. создается API для разработчиков ботов в Facebook Messenger. В 2017 г. появляются Бикси (Bixby) от Samsung и Алиса от Яндекса, а в мае 2018 г. – технология для добавления человеческого голоса виртуальному ассистенту Google Assistant.

Термин «виртуальный собеседник» возник еще в 1994 г., но только через двадцать лет эта технология стала трендом. В 2018 г. уже существует множество виртуальных помощников, с которыми можно сыграть в шахматы, поговорить, заказать доставку продуктов питания на дом или обед в офис, вызвать такси. Виртуальные собеседники помогают подобрать тур, забронировать гостиницу, купить билеты на поезд или самолет. Роботы-дикторы заменяют ведущих информационных программ на телевидении и «пишут» финансовые новости в деловых онлайн-СМИ. Все более популярными становятся обучающие чат-боты. С их помощью можно пройти курс дистанционного обучения, изучить необходимые материалы, выполнить тесты и сдать выпускной экзамен. Основная «среда обитания» чат-ботов – мессенджеры (Viber, Telegram, Facebook Messenger), а также веб-чаты на интернет-сайтах.

Проектирование личности чат-бота. На данном этапе развития технологий создание и полноценное функционирование чат-ботов, то есть программ, разработанных на основе технологий машинного обучения и нейросетей для достижения человеком определенных целей, требует значительного вмешательства человека (например, для подготовки корпуса, для прямого задания определенных шаблонов поведения, в том числе ответов на вопросы) [9; 10].

Отдельную проблему представляет проектирование (дизайн) личности чат-бота. Кандидат экономических наук, ректор КУ DreamStudy Юрий Белоножкин считает, что лучшей стратегией для создания чат-бота является наделение робота чертами языковой личности человека, обладающего собственным стилем разговора. Специалисты, разрабатывающие дизайн личности чат-бота, занимаются в том числе проектированием эмоций, присвоением человеческих мотиваций, убеждений и чувств неодушевленным вещам. Но подобный антропоморфизм не означает учета всех нюансов человеческой личности, а предполагает использование только тех черт, которые будут необходимыми и полезными для взаимодействия человека и робота (компьютера).

Специалисты, разрабатывающие дизайн личности чат-бота, нуждаются в помощи профессиональных филологов, психологов, писателей, сценаристов и драматургов, способных выстраивать максимально эффективные диалоги человека и машины [1-6; 24].

Стандартная подготовка к созданию диалогового интерфейса включает создание личности чат-бота (сравните: образ оратора в античном риторическом каноне), определение цели диалога и особенностей диалога (сравните: этап инвенции в риторике), построение общей логики процесса общения (сравните: выбор риторической стратегии и речевых тактик), написание детального сценария диалога.

При создании «одушевленного» бота общие рекомендации практиков, специализирующихся на продвигающей коммуникации, сводятся к необходимости обращаться к адресату от имени бренда (например, телеканала), требованию приватного общения, требованию лаконичности диалога, требованию выдавать советы адресату частями, требованию соблюдать рамки приличия в шутках, а также требованию не пропускать реакцию персонажа (чат-бота) на слова и действия человека. Важно допускать изящное признание чат-ботом собственных ошибок, все сообщения бота, которые звучат как написанный текст, необходимо переписывать в разговорном стиле, живым человеческим языком. Кроме того, бот не должен слишком долго притворяться, что он печатает ответ на вопрос.

Говоря о перспективе использования чат-ботов и искусственного интеллекта в телевизионном промодискурсе [8], целесообразно рассмотреть различные направления использования искусственного интеллекта в обучении, бизнесе и средствах массовой информации, чтобы проанализировать ситуации, в которых использование виртуальных помощников оказывается эффективным, а также выявить задачи, которые чат-боты решить не в состоянии.

Использование чат-ботов в обучении (на примере корпоративного обучения телевизионных журналистов)

Самой сильной чертой обучающего бота является индивидуализация. Вместо традиционного потока информации сверху вниз от преподавателя к ученикам чат-бот создает эффект «индивидуального внимания каждому ученику», то есть направленности коммуникации на учащегося, создает иллюзию облегчения процесса обучения вместо усиления стресса от постоянного контроля преподавателя, обещает сформировать и закрепить новые навыки учащегося во время самого процесса обучения вместо обычного оценивания, осуществляет контроль нарушения цикла обучения и препятствует забыванию изученного материала.

К самым распространенным заблуждениям, касающимся использования чат-ботов и искусственного интеллекта в процессе обучения, например, телевизионных журналистов, относится миф о том, что искусственный интеллект обязательно сократит объем работы. Это утверждение справедливо только в ситуациях, когда происходит массовое обращение, например телевизионных журналистов, учащиеся задают одни и те же вопросы, на которые необходимо оперативно отвечать, а время специалиста (преподавателя) ограничено. Кроме того, распространен миф о том, что при массовом внедрении чат-ботов в процесс обучения потребность в формировании новых навыков отпадет. Создание сценариев для чат-ботов, анализ данных учащихся и создание самого обучающего контента останется необходимым даже при использовании искусственного интеллекта, кроме того, чат-боты не заменят саму необходимость обучения как такового.

Примерами чат-ботов, описанных в данном исследовании, являются Эффектикус, который способен рассказать об основах эффективного онлайн-обучения, а также робот Продуктикус (для директора, например, телевизионного канала). Продуктикус для тележурналиста или менеджера телекананала и Продуктикус для инженера/технического специалиста телеканала помогают менеджерам разных уровней изучать основы повышения производительности труда. Примечательно, что в процессе обучения для генерального директора телеканала создают одни темы и примеры, для руководителя отдела маркетинга – другие, а для главного редактора и журналистов – третьи, но сам бот при этом один и тот же.

К предварительным результатам использования ботов в корпоративном обучении телевизионных журналистов относятся: во-первых, успешное создание аналога тренера (на любые вопросы, касающиеся обучения, бот отвечает гораздо быстрее, чем специалисты, его создавшие); во-вторых, если бот обучен как тренер, то отпадает необходимость дополнительно планировать обучение; в-третьих, доступ к образовательным материалам и сам процесс обучения происходит так же, как и в системах дистанционного обучения (LMS), но без сложных интерфейсов или подписок на курс; в-четвертых, у учащихся возникает ощущение более персонализированного и эффективного обучения.

В практике применения виртуальных собеседников в обучении (на примере корпоративного обучения телевизионных журналистов) можно выделить три важнейшие составляющие эффективности процесса обучения. К ним относятся: цель – сделать процесс обучения захватывающим, запоминающимся и более эффективным; метод – дизайн личности чат-бота приближен к человеку, бот визуален и конструктивен; технология – готовность к мультимодальному (голос + текст) общению с функциями искусственного интеллекта и продуктивной аналитики.

Использование виртуальных собеседников для решения бизнес-задач

Виртуальные собеседники активно использоваться в различных сферах бизнеса (в страховых компаниях, банках, интернет-магазинах), в службах технической поддержки, в тех ситуациях, когда у клиента компании есть типовой вопрос (например, чат-боты осуществляют круглосуточную информационную поддержку клиентов, обращающихся в колл-центры крупных компаний). Из любой точки земного шара клиент может обратиться в мессенджере к чат-боту и мгновенно получить ответ на запрос, исходя из заранее подготовленных вариантов ответа. Если в сценарии бота нет подходящего ответа на вопрос, то робот переключает клиента на дежурного оператора.

Благодаря чат-ботам также происходит автоматизация процессов бэк-офиса компании, что упрощает и ускоряет коммуникации между сотрудниками внутри компании (например, сотрудник может оперативно выяснить, сколько осталось дней до отпуска, каков статус заявки на ремонт ноутбука, спросить о дате пролонгации контракта).

Виртуальные собеседники в юриспруденции, образовании, здравоохранении, системе безопасности

Внедрении искусственного интеллекта приводит к тому, что сферы образования, здравоохранения, бытовых услуг, юриспруденции, логистики, индустрия развлечений (например, кинематограф и массмедиа) существенно модернизируются (частотными становятся соответствующие специальные обозначения: edutech, legaltech и medtech и т. п.): появляются виртуальные системы безопасности, внедряется 5D-сканирование, для нужд здравоохранения разрабатываются виртуальные доктора-консультанты и приложения-диагносты, роботы-юристы для судов, чат-боты уже заменяют преподавателей в дистанционном обучении.

Правоохранительные органы используют современные беспилотные аппараты, системы прогнозирования поведения и распознавания лиц. Это приводит к снижению влияния «человеческого фактора» в экстремальных ситуациях и позволяет высококвалифицированным специалистам сосредоточить внимание на решении более глобальных задач.

Благодаря искусственному интеллекту (ИИ-системам) виртуальное пространство становится более киберустойчивым и безопасным (повышается эффективность борьбы с хакерством и пиратством), доступ к мультимедийным ресурсам в интернете регулируется автоматически, релевантность информации, выдаваемой по запросу пользователя, растет и т. д.

В сфере здравоохранения внедряются виртуальные доктора-консультанты и приложения-диагносты (например, сервис, позволяющий контролировать сердечный ритм Coremergy; ассистент хирурга ARiadna - AR/MR), которые уже успешно осуществляют первичный осмотр. Технологии искусственного интеллекта позволяют мгновенно проанализировать список симптомов, внесенных пациентом, и после тестирования поставить предварительный диагноз, выдать рекомендации по дальнейшей диагностике заболевания, предложить возможные варианты лечения.

С 2016 г. в США искусственный интеллект активно внедряется в сферу юриспруденции (например, робот-юрист, работающий на основе искусственного интеллекта, используется в юридической компании «Baker & Hostetler», а робот Росс, созданный компанией IBM на базе компьютера Watson, управляет отделом по делам банкротства). Другой пример роботизации правовой системы – разработанный американскими программистами алгоритм, позволяющий в 70 % случаев верно предсказывать решение Верховного суда США. В Великобритании сайт donotpay.co.uk, позволяет автовладельцам после получения квитанции о штрафе автоматически составить и направить апелляцию в суд. Данная технология, разработанная 18-летний программистом, позволила гражданам Великобритании в течение шести месяцев сэкономить почти 3 млн долларов.

Современные технологии позволяют конструировать чат-боты без привлечения программистов. Например, бот-конструктор Beesender дает возможность преподавателям автоматически оценивать уровень знаний слушателей дистанционных курсов обучения, принимать решение о зачислении, распределении, отчислении, переводах слушателей на другие курсы. Современные технологии распознавания речи уже позволяют создавать речевые бот-конструкторы, которые подходят для обучения детей, не любящих печатать в мессенджерах, предпочитая разговор с ботом.

По данным основателя компании Beesender Олега Чаевского, 30 % пользователей, общающихся с самообучающимся ботом, пытаются его «троллить», то есть задавать вопросы таким образом, чтобы бот сдался, затем сделать скрин-шот переписки и выложить ее в Сеть. В случае с rule-based-ботами это невозможно. Данные боты являются более простыми, но они не обладают изъянами обучающихся ботов: у них отсутствует погрешность в реакции бота на реплику пользователя, кроме того, подобные боты создаются значительно быстрее и требуют меньших финансовых затрат.

Применение чат-ботов на телевидении

Чат-боты могут использоваться в любых сферах деятельности, коммуникации, в которых можно описать с помощью алгоритма, поэтому в ближайшее десятилетие чат-боты могут найти активное применении в том числе и на телевидении. Это может быть не только контроль медиаменеджером исполнения поручений сотрудниками телеканала, но и регистрация участников рекламных игр (телезрителей) в целях продвижения телевизионного продукта, аутентификация зрителей на сайте телеканала, напоминание о выходе в эфир долгожданной программы или анонс премьеры сериала.

Наиболее ценным преимуществом использования чат-ботов на современном телевидении является возможность сохранить и проанализировать историю каждого диалога с телезрителем. Таким образом телекомпания формирует архив со всеми вопросами и ответами по каждому чату, касаю-

щемуся той или иной промокампании. Подобная информация позволяет на основании цифровых показателей анализировать структуру коммуникаций телевизионного канала в разных аспектах. У медиаменеджеров появляется дополнительная возможность видеть рейтинги наиболее популярных тем обращений телезрителей, списки самых активных телезрителей или самых востребованных телевизионных программ и сериалов. Кроме того, чат-боты могут использоваться для проведения опросов телезрителей и оценки удовлетворенности зрителей просмотренными программами.

Автоматическая генерация осмысленных текстов в СМИ как средство привлечения внимания адресата

Рассматривая проблему автоматической генерации осмысленных текстов, следует отметить, что первый в истории русскоязычной журналистики текст о любовных отношениях, целиком написанный роботом, был опубликован в журнале Elle в октябре 2017 г. После этого появилась колонка робота Дженни на главную тему номера (материалы «Elle колонки Дженни»: «Толерантность как понятие негативной свободы», «Семья будущего – какая она?», «Что такое фанатизм?»). «Работа» бота заключалась в том, чтобы на заданную тему найти в интернете тексты с ключевыми словами, проанализировать их и передать содержание данных текстов методом рерайтинга («своими словами»). Создание текста в 4 500 знаков (стандартная журнальная полоса текста) занимало около 30 минут. О результатах эксперимента научному сообществу рассказал Виктор Шкулев – президент компании Hearst Shkulev Publishing, издающей и распространяющей в России журналы Elle, Psychologies, Maxim: «Оказалось, что робот может только генерировать текст, но не в состоянии сделать самостоятельный вывод».

Активное использование роботов в творческих видах деятельности (например, в журналистике) связано с модой и является, скорее, инструментом промоушна, средством привлечения внимания аудитории, а не производственной необходимостью. «В 2018 г. все силы технологических компаний брошены на исследования в области ИИ, и мы не можем игнорировать глобальное внедрение систем машинного обучения во все сферы жизни. В то время как робот София ходит на свидания с Уиллом Смитом, а гуманоид Атлас Boston Dynamics овладевает сальто, мы можем лишь начать осваивать автоматическую генерацию осмысленных текстов. Пока что они выглядят угловато и не совсем по-человечески, но даже на примере четырех колонок очевиден прогресс» [14], –- говорится на сайте журнала Elle в материале Сергея Смицкого «В Elle появилась колонка, которую пишет робот. Зачем это происходит?».

Заключение. На настоящем этапе развития технологии искусственного интеллекта робот не может заменить человека (например, телевизионного журналиста, копирайтера) при решении задач, требующих творческого подхода. Кроме того, виртуальные собеседники (помощники) пока не способны распознавать иронию в речи и самостоятельно делать оригинальные выводы в созданном ими тексте.

Активное совершенствование технологий искусственного интеллекта и постоянное взаимодействие представителей «цифровой молодежи» с виртуальными собеседниками в повседневной жизни приводит к тому, что у людей формируется привычка общения с роботами, но из-за постоянных односложных ответов на стандартные вопросы чат-ботов речь человека становится все более «шаблонной» (примитивной и предсказуемой) в то время, как робот в процессе развития технологий приобретает все больше различных черт языковой личности человека – роботы «очеловечиваются», люди «роботизируются».

Библиографический список

1. Бессер-Зигмунд, К. Магические слова [Текст] / К. Бессер-Зигмунд. – СПб. : Питер Пресс, 1997. – 224 с.

2. Буянова, Л. Ю., Зеленская, В. В. Эмоция, коммуникация, текст: Линии взаимокорреляции [Текст] // Вербальные аспекты семантических архитектоник языка. Краснодар : КубГУ, 1998. – С. 69-91.

3. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкоз. РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2-е изд., стер. [Текст] / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.

5. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2015. – 432 с.

6. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1969. – 307 с.

7. Малыгина, Л. Е. Современный телевизионный анонс: информирование или манипулирование? [Текст] // Национальный психологический журнал. – М. : Факультет психологии МГУ, 2011. – № 2 (4). – С. 60-63.

8. Малыгина, Л. Е. Телевизионный анонс: лингвостилистическая трансформация жанра [Текст] : монография / Л. Е. Малыгина. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2013. – 311 с.

9. Никитинский, Н. С. Чат-боты: обзор и состояние технологий в отрасли [Электронный ресурс] // NLPx Tales of Data Science. – URL: http://nlpx.net/archives/425

10. Носов, Н. Ю., Соколов, М. Д. Тенденции развития искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 5. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/05/68404

11. Поберезникова, Е. В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения [Текст] / Е. В. Поберезникова. – М. : Аспект-пресс, 2004. – 224 с.

12. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики [Текст] / Г. Г. Почепцов. – Киев : Вища школа, 1987. – 131 с.

13. Почепцов, Г. Г. О коммуникативной типологии адресата [Текст] // Речевые акты в лингвистике и методике. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 10-17.

14. Смицкий, С. А. В Elle появилась колонка, которую пишет робот. Зачем это происходит? [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elle.ru/stil-zhizni/auto/elle-robot-id6770141/

15. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления [Текст] // Вопросы языкознания, 2005. – № 6. – С. 115-123.

16. Сорокин, Ю. А. Зоны риска в средствах массовой коммуникации [Текст] // Реальность, язык и сознание: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 51-58.

17. Эко, У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения [Текст] / У. Эко. – М. : Прогресс, 1988. – С. 103-121.

18. Grieswelle D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. – München : Minerva, 1978. – 155 p.

19. Hudson K. The Language of Modern Politics. – L.; Basingstoke : Macmillan, 1978. – 167 p.

20. Keyes D. Flowers for Algernon. – London : Gollancz, 2006. – 238 p.

21. Kress G., Hodge R. Language as Ideology. L. etc.: Routledge a. Kegan Paul., 1979. – 163 p.

22. Repina E. A., Zheltukhina M. R., Kovaleva N. A., Popova T. G., Garcia Caselles C. International media image of Russia: trends and patterns of perception // XLinguae, 2018. – Vol. 11, no. 2. – P. 557-565.

23. Zheltukhina M. R., Busygina M. V., Merkulova M. G., Zyubina I. A., Buzinova L. M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae, 2018. Vol. 11, no. 2. – P. 639-654.

24. Zheltukhina M. R., Klushina N. I., Ponomarenko E. B., Vasilkova N. N., Dzyubenko A. I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication // XLinguae Journal, 2017. Vol. 10. Issue 4. – P. 96-105.

Reference List

1. Besser-Zigmund, K. Magicheskie slova = Magic words [Tekst] / K. Besser-Zigmund. – SPb. : Piter Press, 1997. – 224 s.

2. Bujanova, L. Ju., Zelenskaja, V. V. Jemocija, kommunikacija, tekst: Linii vzaimokorreljacii = Emotion, communication, text: Lines of mutually correlation [Tekst] // Verbal'nye aspekty semanticheskih arhitektonik jazyka = Verbal aspects of semantic very techtonics of language . – Krasnodar : KubGU, 1998. – S. 69-91.

3. Zheltuhina, M. R. Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI = Tropologic suggestiveness of massmedia discourse: about the problem of speech influence of tropes in mass media language [Tekst] / M. R. Zheltuhina. – M. : In-t jazykoz. RAN; Volgograd : Izd-vo VF MUPK, 2003. – 656 s.

4. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 2-e izd., ster. = Communicative strategies and tactics of the Russian speech. the 2nd edition., stereotipcal. [Tekst] / O. S. Issers. – M. : Editorial URSS, 2002. – 284 s.

5. Karasik, V. I. Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy = Language spiral: values, signs, motives [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd : Paradigma, 2015. – 432 s.

6. Leont'ev, A. A. Psiholingvisticheskie edinicy porozhdenija rechevogo vyskazyvanija = Psycholinguistic units for generating a speech statement [Tekst] / A. A. Leont'ev. – M. : Nauka, 1969. – 307 s.

7. Malygina, L. E. Sovremennyj televizionnyj anons: informirovanie ili manipulirovanie? = Modern television announcement: informing or manipulation? [Tekst] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = Natsionalny psihologicheski zhurnal. – M. : Fakul'tet psihologii MGU, 2011. – № 2 (4). – S. 60-63.

8. Malygina, L. E. Televizionnyj anons: lingvostilisticheskaja transformacija zhanra = Television announcement: linguostylistic transformation of the genre [Tekst] : monografija / L. E. Malygina. – M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2013. – 311 c.

9. Nikitinskij, N. S. Chat-boty: obzor i sostojanie tehnologij v otrasli = Chatbots: review and condition of technologies in the industry [Jelektronnyj resurs] // NLPx Tales of Data Science. – URL: http://nlpx.net/archives/425

10. Nosov, N. Ju., Sokolov, M. D. Tendencii razvitija iskusstvennogo intellekta = Trends of artificial intelligence development [Jelektronnyj resurs] // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii = Modern scientific research and innovations. – 2016. – № 5. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/05/68404

11. Pobereznikova, E. V. Televidenie vzaimodejstvija: interaktivnoe pole obshhenija = Television of interac-

tion: interactive field of communication [Tekst] / E. V. Pobereznikova. – M. : Aspekt-press, 2004. – 224 s.

12. Pochepcov, G. G. Kommunikativnye aspekty semantiki = Communicative aspects of semantics [Tekst] / G. G. Pochepcov. – Kiev : Vishha shkola, 1987. – 131 s.

13. Pochepcov, G. G. O kommunikativnoj tipologii adresata = On communicative typology of the addressee [Tekst] // Rechevye akty v lingvistike i metodike. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov = Speech acts in linguistics and technique. Interuniversity collection of scientific works. – Pjatigorsk : Izd-vo PGPIIJa, 1986. – S. 10-17.

14. Smickij, S. A. V Elle pojavilas' kolonka, kotoruju pishet robot. Zachem jeto proishodit? = In Elle there is a column which is written by the robot. Why does it happen? [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.elle.ru/stil-zhizni/auto/elle-robot-id6770141/

15. Sonin, A. G. Jeksperimental'noe issledovanie polikodovyh tekstov: osnovnye napravlenija = Pilot study of polycode texts: main directions [Tekst] // Voprosy jazykoznanija = Voprosy yazykoznaniya, 2005. – № 6. – S. 115-123.

16. Sorokin, Ju. A. Zony riska v sredstvah massovoj kommunikacii = Risk zones in mass media [Tekst] // Real'nost', jazyk i soznanie: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 1 = Reality, language and consciousness: Interuniversity collection of scientific works. Release 1. – Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 1999. – S. 51-58.

17. Jeko, U. K semioticheskomu analizu televizionnogo soobshhenija = To the semiotics analysis of the television message [Tekst] / U. Jeko. – M. : Progress, 1988. – S. 103-121.

18. Grieswelle D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. – München : Minerva, 1978. – 155 p.

19. Hudson K. The Language of Modern Politics. – L.; Basingstoke : Macmillan, 1978. – 167 p.

20. Keyes D. Flowers for Algernon. – London : Gollancz, 2006. – 238 p.

21. Kress G., Hodge R. Language as Ideology. L. etc.: Routledge a. Kegan Paul., 1979. – 163 p.

22. Repina E. A., Zheltukhina M. R., Kovaleva N. A., Popova T. G., Garcia Caselles C. International media image of Russia: trends and patterns of perception // XLinguae, 2018. – Vol. 11, no. 2. – P. 557-565.

23. Zheltukhina M. R., Busygina M. V., Merkulova M. G., Zyubina I. A., Buzinova L. M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae, 2018. Vol. 11, no. 2. – P. 639-654.

24. Zheltukhina M. R., Klushina N. I., Ponomarenko E. B., Vasilkova N. N., Dzyubenko A. I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication // XLinguae Journal, 2017. Vol. 10. Issue 4. – P. 96-105.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10199

УДК 82

Т. В. Юрьева

https://orcid.org/0000-0002-1874-5487

А. Л. Тихомирова

https://orcid.org/0000-0002-0328-8885

Российские СМИ как площадка для разрешения градостроительных конфликтов

Статья посвящена отражению в российских средствах массовой информации актуальной для сегодняшнего дня темы сохранения культурного наследия. В современной действительности вопросы охраны памятников обрели острый характер, вызревают и разгораются градостроительные конфликты на почве чрезмерной застройки достопримечательных мест многоэтажными домами и разрушения памятников культурного наследия. Авторы статьи считают, что различные средства массовой информации могут быть хорошей площадкой для разрешения этих конфликтов, и рассматривают уже имеющийся опыт взаимодействия гражданского общества и СМИ по данной тематике. Проанализированы градозащитные инициативы следующих изданий: сайтов «Rus2web», «globalsib», «OTP» (Томск), «Хранители Наследия», «Новая Самара», интернет-журнала «Другой город» (Самара), информационного портала «76.RU» (Ярославль). Активисты-градозащитники ряда российских городов вместе со СМИ работают над решением местных проблем по сохранению исторического и культурного облика своих территорий, проводят акции в их защиту, пишут о незаконной застройке, приглашают волонтеров на субботники по ремонту и реставрации зданий, отчитываются о проделанной работе. Авторами отмечается, что наибольшего эффекта в этой сфере достигает гражданская журналистика. Активными гражданами в социальных сетях создаются сообщества, тематика которых направлена на охрану памятников культуры, блоги в социальных сетях или в «Живом журнале» используются как способ популяризации проблемы. Это становится более продуктивным, чем официальные СМИ, способом защиты достопримечательностей. Именно в гражданской журналистике встречается объективный профессиональный взгляд, предполагающий размышления по поводу содержания проблемы. Авторы приходят к выводу, что особенно это показательно в регионах, так как именно в провинции это может стать наиболее действенным инструментом для улучшения различных сторон жизни людей.

Ключевые слова: средства массовой информации, гражданская журналистика, охрана памятников, градостроительные конфликты.

T. V. Yurieva, A. L. Tikhomirova

The Russian Media as a Platform for Resolving of Town-Planning Conflicts

The article is devoted to presenting of a subject of cultural heritage preservation, relevant for today in the Russian mass media. In modern reality questions on protection of monuments are urgent, the town-planning conflicts appear and erupt because of excessive building of noteworthy places by multi-storeyed buildings and destruction of monuments of cultural heritage. Authors of the article consider that various mass media can be a good platform to resolve these conflicts, and consider already available experience of interaction of civil society and media on this subject. Town protecting initiatives of such editions as the websites «Rus2web», «globalsib», «OTR» (Tomsk), «Khraniteli Naslediya (Keepers of Heritage)», «Novaya Samara (New Samara)», the online magazine «Drugoy Gorod» (Samara), the information 76.RU portal (Yaroslavl) are analysed. Activist-town protectors of a number of Russian cities together with media work on solution of local problems on maintaining historical and cultural appearance of territories, carry out actions in their protection, write about illegal building, invite volunteers to community workdays on repair and restoration of buildings, report on the done work. The authors note that the greatest effect in this sphere is reached by civil journalism. Active citizens on social networks create communities their subject is directed to protect cultural monuments, blogs on social networks or in «LiveJournal» are used as a way of promoting the problem. It becomes more productive, than official media, way of protection of sights. In civil journalism the objective professional view meets, assuming reflections concerning the problem subject-matter. The authors come to the conclusion, that it is especially indicative in regions as in the province it can become the most effective tool for improving various aspects of people's life.

Keywords: mass media, civil journalism, protection of monuments, town-planning conflicts.

Помимо различных функций, которые выполняют средства массовой информации в современном обществе, СМИ – это еще и площадка для разрешения и обсуждения конфликтных ситуаций.

© Юрьева Т. В., Тихомирова А. Л., 2018

Как справедливо отмечено в статье А. С. Савицкой, «часто СМИ играют роль прямых или косвенных участников конфликта посредством осуществления информационного сопровождения конфликтной ситуации» [15, с. 85]. Деятельность средств массовой информации при освещении конфликта способствует формированию общественного мнения в двух ракурсах. С одной стороны, СМИ удовлетворяют потребность граждан в получении социально значимой информации, следовательно, способствуют возникновению общественного мнения. С другой стороны, общественное мнение, сформулированное в СМИ, может иметь определяющее значение в решении социально-значимых проблем.

Следовательно, средства массовой информации очень часто становятся главным действующим лицом, участником конфликта, обладающим правом и возможностью прекратить конфликтное противоборств, либо усилить его до опасного предела.

Один из незатухающих конфликтов сегодня – градостроительный, который разворачивается между гражданами и представителями власти и бизнеса. Проблема надлежащего сохранения и реставрации памятников возникла не сегодня [21], но современная ситуация становится все более острой. И здесь не последнюю роль играют средства массовой информации, которые могут сами формировать градозащитные инициативы. В этом ключе нельзя не отметить слова О. В. Коханой: «Одним из основных средств трансляции и популяризации традиционной и современной подлинной культуры ныне являются те средства массовой информации, которые, качественно освещая культурно-образовательные и развивающие программы, художественные выставки, реставрационные биенале и т. д., привлекают различные социальные группы к восприятию и осмыслению культурного опыта нашей страны, народа, а значит, и к самоидентификации личности и определения ею своего места и роли в обществе и мире» [9, с. 79].

Проблема чрезмерной застройки достопримечательных мест многоэтажными домами и разрушения памятников культурного наследия часто встречается в текстах российских журналистов. К примеру, социолог Петр Иванов [4] в своей статье пытается разобраться, почему в Москве так много подобных конфликтов. Он рассматривает события, которые произошли в течение полутора лет, начиная с октября 2015 и заканчивая маем 2016 гг. К ним относятся попытки застройки парков Дружбы, «Дубки» и «Торфянка», точечная застройка в Тропареве, строительство апартаментов в Теплом Стане, застройка сквера у гостиницы «Спутник» и другие. П. Иванов рассказывает о методах, которыми пользуется московская власть в борьбе с активистами, и делает вывод, что вся система градостроительства располагается вне правового поля. То есть, несмотря на то, что инициативные граждане ходят на митинги, организуют сообщества в защиту памятников архитектуры, борются с точечными застройками путем составления и написания петиций, обращаются к специалистам (юристам, архитекторам, геологам и экологам) для поддержки и отстаивания общественной позиции, это не предотвращает градостроительные конфликты в Москве, которые были всегда, но за последнее время их число угрожающе выросло, так же как и масштабы самоорганизации горожан.

Эта статья показательна тем, что в ней автор дает полный ответ на вопрос, почему из года в год возникают подобного рода конфликты. Главная из проблем, которую выделяет социолог, – отсутствие правил землепользования и застройки, а также согласования документов на строительство градостроительно-земельной комиссией, деятельность которой не описана никакими регламентами и не имеет под собой никаких правовых оснований. Вторая не менее важная причина заключается в том, что общественные слушания по градостроительным вопросам проводятся по инициативе мэрии и, зачастую, без согласования граждан. Корнем всех проблем, по мнению автора, является, безусловно, нарушение законодательства со стороны чиновников. Они всячески стараются придумывать уловки, благодаря которым трансформируют законы и аргументы в пользу застройщика.

На фоне перечисленных П. Ивановым проблем можно привести конкретные случаи противоправных действий со стороны властей, а также то, как активисты и журналисты, освещающие злободневную тему в отечественных СМИ и в социальных сетях, способствуют предотвращению подобных правонарушений.

Градостроительные конфликты встречаются как в столице России, так и в ее провинции. Примером может быть ситуация, которая развивалась в Томске с 2012 г. Надо отметить, что местные и федеральные СМИ активно освещали эту проблему. На сайте «Rus2web», который является платформой для независимых журналистов и гражданских репортеров, подробно описаны детали происходящего, все то, что послужило образова-

нию конфликта между активными гражданами и правительством Томской области.

В своей статье координатор регионального общественного движения по сохранению культурно-исторического наследия «Исторический Томск» Марина Бокова объяснила, почему местные власти продолжают уничтожать старый Томск. Она назвала главную проблему градостроительного конфликта: несмотря на то, что в 2015 г. Министерство культуры включило Томск в программу сохранения древних городов России, в городе на территории исторических мест ведется строительство многоквартирных домов. По ее мнению, существующий «Проект зон охраны объектов культурного наследия» в Томске не работает, так как этот документ постоянно меняется под интересы застройщиков. Свои слова М. Бокова подкрепляет примерами. На сегодняшний день доступ к этому ресурсу ограничен [1].

В этом же году уникальный исторический район Томска Татарская слобода, претендующий на включение в список объектов всемирного наследия «ЮНЕСКО», пострадал от застройки. По проектной документации, в зоне слободы было заявлено о строительстве одного объекта – трехэтажного здания блокированной застройки, но на самом деле застройщик ООО «Управляющая компания “Томскреставрация”» начал строительство большого жилого дома. При этом нормы по высоте здания, которые должны соответствовать усадебной застройке, соблюдены не были. В марте этого года по данному делу прошли публичные слушания, по результатам которых местная администрация отозвала разрешение на строительство. Но из-за первоначального возведения новостроек соседние здания, которые простояли больше века, начали разрушаться.

Этой проблемой сразу же заинтересовались средства массовой информации. На сайте «ОТР» [7] появился видеорепортаж, в котором освещалась деятельность общественной организации «Исторический Томск». В сюжете корреспондент поделился со зрителями проблемой, которая уже год волнует томских градозащитников, и показал представителей организации и экспертов, которые разумно и аргументированно объяснили аудитории, чем же важен вопрос о сохранении памятников архитектуры. Большинство архитекторов считают, что нужно сохранять как объекты, находящиеся под защитой государства, следовательно, имеющие статус культурного наследия, так и красивые деревянные дома, которые еще не приобрели такого статуса.

Как и московские активисты, томские градозащитники неоднократно обращались в местный департамент по культуре. 18 апреля 2015 г. в международный день защиты памятников они провели акцию в защиту Татарской слободы и других объектов культурного наследия. Мероприятие активно освещали журналисты сайта «Хранители Наследия» [16] и сайт «globalsib» [14].

Томским активистам все же удалось преобразовать облик родного города. Из материала интернет-журнала «Другой город» становится ясно, что ставится в заслугу организаторам, волонтерам, журналистам и губернатору Томской области. В интервью «Это была настоящая война» от 14 марта 2016 г., которое было взято журналистом Евгением Нектаркиным у Никиты Кирсанова, активного участника общественного движения за сохранение деревянного Томска, активист отметил: «Нас поддержали томские СМИ. В течение полугода в Томске было организовано более ста информационных поводов, по сути, шла настоящая информационная война между общественностью и администрацией города» [10].

В итоге градозащитники добились ощутимых результатов: «за последние 9 лет в Томске было отреставрировано более 70 объектов деревянной архитектуры на общую сумму 550 миллионов рублей, причем основная часть – 52 объекта – восстановлена на средства областного и городского бюджетов» [10].

Следующий пример – ежегодный форум в поддержку восстановления старинных деревянных домов «Том Сойер Фест» в Самаре. Фестиваль восстановления исторической среды стал традицией города. Впервые эта акция стартовала в 2015 г., а ее инициатором является редакция самарского интернет-журнала «Другой Город». Каждый год силами волонтеров и на деньги спонсоров планируется восстановить несколько деревянных и кирпично-деревянных зданий XIX и начала XX вв.

Началом всего стал небольшой материал в «Другом Городе», где было аргументированно изложено, с какой целью редакция решила запустить этот проект: «Мы хотим создать еще один привлекательный уголок Самары, которым смогут любоваться жители и туристы. Вместо облупленных фасадов на одной из главных улиц исторического центра появятся ухоженные стены с прекрасной выделяющейся резьбой. Кроме того, нашим проектом мы хотим показать, что в городе есть люди, любящие старую Самару, способные не только справлять по ней поминки в интернете, но и гото-

вые своими силами поучаствовать в ее судьбе в реальности» [17].

Помимо текста, в материале помещены три фотографии тех домов, которые планируется отреставрировать. Ниже в формате 3-D представлены те же дома, которые к сентябрю 2015 г. будут преобразованы. В самом конце указан номер куратора фестиваля и адрес электронной почты для волонтеров.

Стоит отметить важный факт: самарские постройки рубежа позапрошлого и прошлого столетий официально не являются памятниками истории и культуры. «Последнее обстоятельство помогает нам избежать огромной волокиты, связанной с реставрацией памятников, внесенных в реестр», – пишут журналисты.

В обновляющемся сюжете «Том Сойер Фест» [8] все того же интернет-издания журналисты отчитались о проделанной работе. К выходу огромного отчета-репортажа, датированного 21 сентября 2015 г., все цели, поставленные в предыдущем материале, были достигнуты. На этом редакция «Другого Города» не прощается с читателями, а напротив, призывает их к содействию, но уже в следующем году.

«За четыре дня, прошедших с момента размещения анонса, 55 человек связались с нами, предложив помочь своим трудом и временем, 14 000 рублей перечислено желающими помочь средствами. Это здорово, но нам нужны еще помощники и средства», – говорится в статье на сайте «Новая Самара» [8], который также поддержал акцию.

Это редкий, но наглядный пример того, как СМИ эффективно борется за сохранение как памятников архитектуры, которые внесены в реестр особо охраняемых, так и за те деревянные дома, которые по разным причинам не внесены в реестр, но эта условность не влияет на красоту исторического здания. Организация акций и форумов – отличный способ в разрешении градостроительных конфликтов. Такого рода мероприятия способствуют популяризации той темы или проблемы, которую пытаются максимально освещать как СМИ, так и общественные организации.

Город Ярославль относится к разряду тех городов России, исторические центры которых признаны всемирным наследием. На его территории сконцентрировано различное множество храмов, церквей и усадеб. Среди отличительных качеств Ярославля можно выделить сохранность исторической планировки и основной части старинной застройки. Государство обязалось заботиться о внешнем облике тысячелетнего города, но, тем не менее, действия властей нередко идут вразрез с поставленной задачей. Поэтому Ярославль стал нуждаться в общественном контроле; возникло движение градозащитников, которое также нуждается в информационной поддержке.

Среди особо обсуждаемых конфликтов можно выделить строительство высоких зданий в Бутусовском парке, застройка Петропавловского парка, одновременно с разрушением трех зданий архитектурного ансамбля парка – усадьбы управляющего, богадельни Карзинкиных и казарм XVIII в., которые там находятся. Начиная с 2013 года в центре внимания градостроительных конфликтов находится комплекс церкви Николы Мокрого, рядом с которым планировалась точечная застройка многоэтажных домов.

Очевидно, что преодолеть негативные тенденции, грозящие стать необратимыми, во многом возможно благодаря правильной оценке происходящего со стороны ярославских журналистов. Такую цель поставили перед собой сотрудники информационного ярославского портала «76.RU». Именно журналисты данного СМИ проявили себя активнее, чем другие ярославские интернет-издания. О теме охраны памятника культурного наследия, храме Николы Мокрого, писали журналисты Э. Исаева, А. Елкина, А. Нечаев и Д. Хромых [3, 6, 5, 11,12]. Однако стоит сразу же отметить, что все материалы относятся к исключительно информационно-публицистическим жанрам.

Главной целью журналистов было рассказать о событии, назвать проблемы, изредка пути их решения. Сравнив тексты журналистов информационного портала «76.RU», можно сделать вывод, что все материалы, в первую очередь, несут функцию информирования о ходе конфликта; каждый материал наделен прямой или косвенной речью либо депутата, либо эксперта. Но, тем не менее, за этой, казалось бы, аргументацией, названием причин и последствий, почему ни в коем случае нельзя разрешить строительство высотного дома, не стоит главного – ответа на вопрос, как бороться с беспринципными застройщиками и коррумпированными чиновниками. Ярославским журналистам не хватает в текстах призыва и новых идей, как можно улучшить состояние и охрану памятников культурного наследия. В целом тексты всех журналистов представляют собой повторение одних и тех же событий, но в разное время и с различными деталями.

Гораздо эффективнее оказывается появившаяся в последнее время на просторах интернета гражданская журналистика. Напомним, что это современная «разновидность журналистики или форма альтернативных медиа, возникшая в связи с развитием интернета и новых цифровых технологий, которая подразумевает под собой деятельность непрофессиональных авторов. Гражданская журналистика основывается на том, что обычные граждане принимают активное участие в процессе сбора, анализа и распространении информации» [2, с. 27].

Гражданский журналист в основу своей деятельности вкладывает общепринятые принципы этики и морали, так же как и принципы этики и нормы, принятые журналистскими сообществами [20].

Людей, которые пишут о проблеме охраны памятников культуры, достаточно много. Среди них и уже упомянутая М. Бокова из Томска, и О. Смирнова, историк-краевед из Санкт-Петербурга. Блог О. Смирновой полностью посвящен теме охраны памятников как культурного, так и природного значения. С 2012 года она пишет о незаконной застройке в Деминском саду Санкт-Петербурга.

Ярославль тоже стал нуждаться в общественном контроле, возникло движение градозащитников, ярким представителем которого является архитектор Ольга Мазанова. С 2013 г. она занимается освещением этой проблемы. Градозащитница ведет ежедневный блог на странице в социальной сети «Facebook» [13]. Ее работа не хуже профессиональных СМИ способствует освещению культурной и градозащитной проблематики. Во-первых, благодаря частоте постов и перепостов: в среднем за один день количество достигает от 10 до 15 записей; во-вторых, большое число друзей и подписчиков, среди которых чиновники, журналисты и известные лица города, увеличивает шанс на вынесение проблемы на более высокий уровень обсуждений как в социальных сетях, так и в медиа.

Руководствуясь критериями гражданской журналистики, которые выделяла Г. В. Чевозерова [19], и проведя мониторинг страницы О. Мазановой, можно предположить, что деятельность последней – наглядный пример гражданской журналистики. Она оперативно подходит к освещению событий, связанных с градозащитной деятельностью, является активным человеком, лидером мнений, так как ее цитаты часто употребляются в ярославских СМИ. Ее деятельность в социальных сетях способствует налаживанию диалога с властью. Результаты ее гражданской работы можно оценить по достоинству. По ряду вопросов ярославским градозащитникам удалось достичь взаимопонимания с мэрией города. Удалось сохранить от разрушений Петропавловский парк, детскую больницу по улице Володарского (№ 107 а), от точечной застройки – Бутусовский поселок, а также получить очень большую поддержку от департамента архитектуры и земельных отношений мэрии в борьбе против строительства гостиницы на Стрелке в 2012-2013 гг., застройщиком которого является «Интер-Отель».

На сегодняшний день системы эффективного противодействия градостроительным конфликтам на федеральном уровне по факту нет. Регионам в той или иной степени приходится предпринимать собственные шаги, которые проявляются в создании активными гражданами сообществ в социальных сетях, тематика которых направлена на охрану памятников культуры, в желании отдельных личностей вести блоги в социальных сетях или в «Живом журнале», используя их как способ популяризации проблемы. Это перетекает в явление гражданской журналистики, как более продуктивный способ защиты достопримечательностей, чем официальные СМИ. Именно в гражданской журналистике встречается объективный профессиональный взгляд, так как гражданская журналистика требует другого типа мышления, предполагая размышления по поводу содержания проблемы, а не подборку цитат, что превалирует в профессиональных СМИ. Особенно это показательно в регионах, так как именно в провинции это может стать наиболее действенным инструментом для улучшения различных сторон жизни людей.

Библиографический список

1. Бокова, М. В Томске разрушают исторический центр города [Электронный ресурс] / М. В. Бокова // «Rus2web». – URL: http://rus2web.ru/mneniya/v-tomske-razrushayut-istoricheskij-czentr-goroda.html

2. Боумен, С., Уиллис, К. Мы СМИ: как зрители формируют будущее новостей и информации [Текст] // Медиа-центр Американского института прессы. – 2003. – С. 1-66.

3. Елкина, А. Ольга Мазанова, член кафедры ЮНЕСКО в Ярославле: «В историческом центре появляются спорные монументы, пока рушатся памятники истории, архитектуры и культуры» [Электронный ресурс] / А. Елкина // «76.ru». 23.05.2016. – URL: http://76.ru/text/person/169579376791552.html/ Проверено 09.10.2018.

4. Иванов, П. Здесь будет город-суд: почему в Москве стало больше градостроительных конфликтов

[Электронный ресурс] / П. Иванов // Forbes. 31.05.2016. – URL: http://www.forbes.ru/mneniya/gosplan/321605-zdes-budet-gorod-sud-pochemu-v-moskve-stalo-bolshe-gradostroitelnykh-konflikt/ Проверено 10.10.2018

5. Исаева, Э. Депутаты вступились за храм Николы Мокрого / Э. Исаева // «76.ru». 02.10.13. – URL: https://76.ru/text/gorod/707994.html /

6. Исаева, Э. У церкви Николы Мокрого на набережной построят многоэтажку/ Э. Исаева // «76.ru». 27.09.13. – URL: https://76.ru/text/gorod/706133.html/ Проверено 09.10.2018.

7. Как активисты движения «Исторический Томск» защищают уникальный архитектурный ландшафт родного города [Электронный ресурс]. – URL: https://otr-online.ru/programmi/bolshaya-strana-1262/kak-aktivisti-dvizheniya-54044.html

8. Как идет фестиваль восстановления домов в старой Самаре: обновляющийся сюжет [Электронный ресурс] // «Другой город». Интернет-журнал. 21.09.2015. – URL: http://drugoigorod.ru/tom-sawyer-fest-online/

9. Коханая, О. В. Роль региональных СМИ в сохранении культурного наследия страны [Текст] / О. В. Коханая // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – С. 74-81.

10. Нектаркин, Е. Это была настоящая война [Электронный ресурс] / Е. Нектаркин // Интернет-журнал «Другой город». 14.03.2016. – URL: http://drugoigorod.ru/tomsk/

11. Нечаев, А. Мэрия Ярославля разрешила строительство жилого дома у церкви Николы Мокрого / А. Нечаев // «76.ru». 02.10.14. – URL: https://76.ru/text/gorod/839119.html/

12. Нечаев, А. Стройка у Николы Мокрого может начаться в любой момент/ А. Нечаев // «76.ru». 13.04.15. – URL: https://76.ru/text/gorod/22518509588480.html/

13. Ольга Мазанова [Электронный ресурс]. – URL: https://www.facebook.com/olga.mazanova.33?fref=ts/

14. Пикетом с хороводами поддержат томскую деревянную архитектуру [Электронный ресурс]. – URL: http://globalsib.com/21335/

15. Савицкая, А. С. СМИ в ситуации конфликтного взаимодействия [Текст] / А. С. Савицкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб. – С. 84-88.

16. С Международным днем охраны памятников! [Электронный ресурс] // Сайт «Хранители наследия». – URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/s-mezhdunarodnym-dnem-okhrany-pamyatnikov/

17. ТОМ СОЙЕР ФЕСТ: В Самаре начинается фестиваль восстановления домов в старом городе [Электронный ресурс] // «Другой город». Интернет-журнал. 15.07.2015. – URL: http://drugoigorod.ru/tom-sawyer-fest-intro/

18. Фомина, Н. Я хочу, чтоб мыслящее тело превратилось в улицу, в страну [Электронный ресурс] / Н. Фомина // «Новая Самара». 22.06.2016. – URL: http://novayasamara.ru/events/11746

19. Чевозерова, Г. В. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества в России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dissercat.com/content/sredstva-massovoi-informatsii-kak-faktor-formirovaniya-grazhdanskogo-obshchestva-v-rossii

20. Юрьева, Т. В. Гражданская журналистика как условие существования гражданского общества [Текст] / Т. В. Юрьева // Современные медиа: процессы и контексты. Материалы конференции. – Ярославль, 2017. – С. 140-145.

21. Юрьева, Т. В. Проблемы сохранения культурного наследия в Ярославском крае в середине XIX – начале XX в. [Текст] / Т. В. Юрьева // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 156-165.

Reference List

1. Bokova, M. V Tomske razrushajut istoricheskij centr goroda = In Tomsk they destroy the historic center of the city [Jelektronnyj resurs] / M. V. Bokova // «Rus2web». – URL: http://rus2web.ru/mneniya/v-tomske-razrushayut-istoricheskij-czentr-goroda.html

2. Boumen, S., Uillis, K. My SMI: kak zriteli formirujut budushhee novostej i informacii = We are mass media: how the audience forms the future of news and information [Tekst] // Media-centr Amerikanskogo instituta pressy. – 2003. – S. 1-66.

3. Jolkina, A. Ol'ga Mazanova, chlen kafedry JuNESKO v Jaroslavle: «V istoricheskom centre pojavljajutsja spornye monumenty, poka rushatsja pamjatniki istorii, arhitektury i kul'tury» = Olga Mazanova, the member of UNESCO department in Yaroslavl: "In the historic center disputable monuments are appearing, while historical, architectural and cultural monuments are being destroyed" [Jelektronnyj resurs] / A. Jolkina // «76.ru». 23.05.2016. – URL: http://76.ru/text/person/169579376791552.html/ Provereno 09.10.2018.

4. Ivanov, P. Zdes' budet gorod-sud: pochemu v Moskve stalo bol'she gradostroitel'nyh konfliktov = Here will be a city court: why in Moscow there were more town-planning conflicts [Jelektronnyj resurs] / P. Ivanov // Forbes. 31.05.2016. – URL: http://www.forbes.ru/mneniya/gosplan/321605-zdes-budet-gorod-sud-pochemu-v-moskve-stalo-bolshe-gradostroitelnykh-konflikt/ Provereno 10.10.2018

5. Isaeva, Je. Deputaty vstupilis' za hram Nikoly Mokrogo = Deputies stood up for the Church of Nikola the Wet [Jelektronnyj resurs] / Je. Isaeva // «76.ru». 02.10.13. – URL: https://76.ru/text/gorod/707994.html /

6. Isaeva, Je. U cerkvi Nikoly Mokrogo na naberezhnoj postrojat mnogojetazhku = There will be built a many-storeyed building near the Church of Nikola the Wet on the embankment [Jelektronnyj resurs] / Je. Isaeva // «76.ru». 27.09.13. – URL:

https://76.ru/text/gorod/706133.html/ Provereno 09.10.2018.

7. Kak aktivisty dvizhenija «Istoricheskij Tomsk» zashhishhajut unikal'nyj arhitekturnyj landshaft rodnogo goroda = How activists of the movement «Historical Tomsk» protect unique architectural landscape of the hometown [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://otr-online.ru/programmi/bolshaya-strana-1262/kak-aktivisti-dvizheniya-54044.html

8. Kak idjot festival' vosstanovlenija domov v staroj Samare: obnovljajushhijsja sjuzhet = How the festival on restoration of houses in old Samara is going on: a renewing plot [Jelektronnyj resurs] // «Drugoj gorod». Internet-zhurnal. 21.09.2015. – URL: http://drugoigorod.ru/tom-sawyer-fest-online/

9. Kohanaja, O. V. Rol' regional'nyh SMI v sohranenii kul'turnogo nasledija strany = Role of regional media in preserving cultural heritage of the country [Tekst] / O. V. Kohanaja // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2014. – S. 74-81.

10. Nektarkin, E. Jeto byla nastojashhaja vojna = It was a real war [Jelektronnyj resurs] / E. Nektarkin // Internet-zhurnal «Drugoj gorod». 14.03.2016. – URL: http://drugoigorod.ru/tomsk/

11. Nechaev, A. Mjerija Jaroslavlja razreshila stroitel'stvo zhilogo doma u cerkvi Nikoly Mokrogo = The mayor's office of Yaroslavl allowed to build a house near the Church of Nikola the Wet [Jelektronnyj resurs] / A. Nechaev // «76.ru». 02.10.14. – URL: https://76.ru/text/gorod/839119.html/

12. Nechaev, A. Strojka u Nikoly Mokrogo mozhet nachat'sja v ljuboj moment = Building near the Church of Nikola the Wet can begin at any time [Jelektronnyj resurs] / A. Nechaev // «76.ru». 13.04.15. – URL: https://76.ru/text/gorod/22518509588480.html/

13. Ol'ga Mazanova = Olga Mazanova [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.facebook.com/olga.mazanova. 33?fref=ts/

14. Piketom s horovodami podderzhat tomskuju derevjannuju arhitekturu = They will support the Tomsk wooden architecture by a picket with round dances [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://globalsib.com/21335/

15. Savickaja, A. S. SMI v situacii konfliktnogo vzaimodejstvija = Media in a situation of conflict interaction [Tekst] / A. S. Savickaja // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = News of Herzen Russian state pedagogical university .. – SPb. – S. 84-88.

16. S Mezhdunarodnym dnem ohrany pamjatnikov! = The International day of protection of monuments! [Jelektronnyj resurs] // Sajt «Hraniteli nasledija» = Website «Keepers of Heritage». – URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/s-mezhdunarodnym-dnem-okhrany-pamyatnikov/

17. TOM SOJER FEST: V Samare nachinaetsja festival' vosstanovlenija domov v starom gorode = TOM SAWYER FESTIVAL: In Samara the festival of restoration of houses in the old city begins [Jelektronnyj resurs] // «Drugoj gorod». Internet-zhurnal. 15.07.2015 = «Drugoi gorod». Online magazine. 15.07.2015. – URL: http://drugoigorod.ru/tom-sawyer-fest-intro/

18. Fomina, N. Ja hochu, chtob mysljashhee telo prevratilos' v ulicu, v stranu = I want that the conceiving body turned into the street, into the country [Jelektronnyj resurs] / N. Fomina // «Novaja Samara». 22.06.2016 = «Novaya Samara». 22.06.2016. – URL: http://novayasamara.ru/events/11746

19. Chevozerova, G. V. Sredstva massovoj informacii kak faktor formirovanija grazhdanskogo obshhestva v Rossii = Mass media as a factor of formation of civil society in Russia [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.dissercat.com/content/sredstva-massovoi-informatsii-kak-faktor-formirovaniya-grazhdanskogo-obshchestva-v-rossii

20. Jur'eva, T. V. Grazhdanskaja zhurnalistika kak uslovie sushhestvovanija grazhdanskogo obshhestva = Civil journalism as a condition of civil society existence [Tekst] / T. V. Jur'eva // Sovremennye media: processy i konteksty. Materialy konferencii = Modern media: processes and contexts. Conference materials – Jaroslavl', 2017. – S. 140-145.

21. Jur'eva, T. V. Problemy sohranenija kul'turnogo nasledija v Jaroslavskom krae v seredine XIX – nachale HH v. = Problems of preserving cultural heritage in the Yaroslavl region in the middle of the XIX – the beginning of the XX century. [Tekst] / T. V. Jur'eva // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhsky philological bulletin – 2016. – № 2. – S. 156-165.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10200

УДК 070

М. В. Петрова

https://orcid.org/0000-0003-2847-6441

Научно-популярная журналистика: традиции и современные реалии

В статье выявляются и анализируются традиции формирования научно-популярной журналистики. Зарождение способов подачи научной информации выявляются начиная с истоков журналистики в России, с традиции формирования отраслевых и академических изданий.

Важной точкой отсчета является привнесение каждым периодом в истории отечественной журналистики своих приоритетов, которые были обобщены и успешно реализованы в традициях популяризации научного знания в журналистике в советский период.

Научно-популярная журналистика в советский период пережила свой расцвет, достигнув максимальных успехов у аудитории как в сфере периодической печати, так и в области телевизионного и документального произведения. Именно на этом этапе сформировались основные критерии профессиональных требований к подачи научно-популярной информации.

Современные реалии демонстрируют кризис, в результате которого был потерян интерес массовой аудитории к научной информации и в полной мере не реализуется связь с яркими учеными, способными подавать научную информацию ярко и доступно. Необходима государственная поддержка для продвижения научного знания в современном информационном пространстве.

В рамках отдельных информационных каналов можно отметить стремление привлечь внимание молодой аудитории к науке с помощью новых форм подачи. Научный стенд-ап является одной из новых для российского телевидения форм привлечения внимания аудитории к научной информации.

На фоне актуализации новых способов подачи научной информации в современных СМИ телевизионные каналы становятся платформой для распространения псевдонаучного знания. Низкий образовательный статус аудитории, разнообразие приемов манипулирования сознанием аудитории становятся причинами успешного продвижения лженаучных проектов.

Ключевые слова: научно-популярная журналистика, документальное кино, научный стенд-ап, псевдонаучное знание.

M. V. Petrova

Popular Scientific Journalism: Traditions and Modern Realities

The article identifies and analyzes the traditions of the formation of popular science journalism. The origin of the methods of presenting scientific information comes to light from the beginnings of journalism in Russia, from the tradition of the formation of industry and academic publications.

An important point of reference is the introduction by each period in the history of national journalism of its priorities, which were summarized and successfully implemented in the traditions of scientific knowledge popularization in the Soviet period journalism.

Popular science journalism in the Soviet period experienced its heyday, reaching maximum success with the audience both in the field of periodicals and in the field of television and documentary works. It was at this stage that the main criteria for professional requirements for the submission of popular science information were formed.

Modern realities demonstrate a crisis, as a result of which the mass audience lost interest in scientific information and does not fully realize communication with bright scientists who are able to provide scientific information vividly and easily. State support is needed to promote scientific knowledge in the modern information space.

Within individual information channels, one can note the desire to attract the attention of young audience to science with the help of new forms of presentation. Scientific stand-up is one of the new forms for Russian television to attract the attention of the audience to scientific information.

Against the background of the actualization of new ways of presenting scientific information in modern media, television channels are becoming a platform for spreading pseudoscientific knowledge. The low educational status of the audience, the variety of methods of manipulating the consciousness of the audience are the reasons for the successful promotion of pseudoscientific projects.

Keywords: popular science journalism, documentary films, scientific stand-up, pseudoscientific knowledge.

Формирование научно-популярной журналистики связано с периодом зарождения самого понятия журналиста и появлением первых печатных изданий в отечественной журналистике XVII в.

© Петрова М. В., 2018

Сама концепция просветительства выдвигается как одна из основополагающих в области государственной политики, главным организатором которой становится Петр I. И хотя появление первого печатного издания, «Ведомости», было продиктовано несколько другими, политическими, целями, просвещение по самым разным вопросам становится важной функцией, которой наделялись печатные издания.

Первые научно-литературные журналы («Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям», «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», «Академические известия», «Новые ежемесячные сочинения») воспринимаются современниками как прорыв к научного знанию и образец для подражания. Особый вклад как в популяризацию знания, так и в развитие печатных изданий внес Н. И. Новиков. Деятельность журналиста и издателя в этом направлении была разнообразной. Благодаря усилиям Новикова была возвращена популярность «Московским ведомостям», где помимо улучшения качества содержания самого издания выпускается целый ряд приложений (прибавлений). Цель приложений была не только в том, чтобы расширить знания подписчиков, но и давать практические советы.

Н. И. Новиков был одним из первых, кто предложил специализированные издания для новой тогда аудитории: женщины и дети. Так в 1779 г. стал выпускаться журнал «Модное ежемесячное издание или Библиотека для дамского туалета», а для детей в качестве все того же приложения к «Московским ведомостям» появился журнал «Детское чтение для сердца и разума».И хотя в этих издания ставка была сделана на развлечение, но обязательно через воспитание и образование.

Следующее столетие в развитии журналистики сделало акцент на развитие толстого энциклопедического журнала, который прочно занял свои позиции на протяжении всего XIX в. Журнал «Вестник Европы» Н. М. Карамзина делает существенные шаги в этом направлении, но концепцию организации такого издания в полной мере реализует в журнале «Московский телеграф» Н. А. Полевой. Энциклопедичность журналов реализуется как возможность компенсировать недостаток специальной литературы по разным направлениям научного знания. И хотя в этот период времени активно формируется отраслевая периодика, она более напоминала научные сборники, поэтому и аудитория у этих изданий значительно скромнее.

Но к концу XIX в. толстый энциклопедический журнал литературной направленности постепенно утрачивает свои лидирующие позиции. Меняется общество, формируется массовый читатель с иными запросами и иным образовательным статусом. И не смену толстому журналу приходит тонкий иллюстрированный еженедельник.

Большое внимание привлекали журналы научно-популярной направленности и для самообразования. Научно-популярные журналы «Вокруг света» И. Д. Сытина, «Природа и люди» П. П. Сойкина и журналы для самообразования «Вестник знания», «Знание для всех», «Хочу все знать», «Помощь самообразованию» и т. д. сформировали свои традиции подачи научной информации. В первом случае, вокруг журналов группировались известные русские ученые, которые любили и умели работать как популяризаторы. Так в журнале «Природа и люди» работал Я. И. Перельман – автор известной «Занимательной физики», который по образованию был лесоводом, но обладал глубокими знаниями, что позволило ему писать под разными псевдонимами научно-популярные очерки по физике, математике, астрономии.

Журналы для самообразования продвигали идею народных университетов, которая была распространена среди интеллигенции в этот период времени, – стремление к знанию в широком смысле слова, отражение жизни и духовных запросов общества. В. В. Битнер, редактор и издатель журнала «Вестник знания», организовал при издании Союз подписчиков «Вестника знания». Союз проводил массовые общественные чтения, воскресные лекции с участием известных профессоров и педагогов.

XX в. с учетом политических изменений в стране внес свои коррективы в популяризацию научного знания. Сложившаяся система популяризации науки поставила задачу повышения уровня знаний советского человека до научного.

«В советский период популяризация науки достигла наиболее высокого уровня развития, – отмечает А. А. Тертычный. – В 1947 году с целью распространения научных знаний в стране было создано Всесоюзное общество „Знание”. Члены этого общества вели преподавательскую деятельность в народных университетах (с общим числом слушателей более 9 млн чел.). За время существования общества свыше 370 тысяч ученых, специалистов народного хозяйства, деятелей культуры прочитали слушателям несколько десятков миллионов лекций. В распоряжении общества были: Центральный лекторий, Политехнический музей, Центральная политехническая библиотека, Опытно-экспериментальная фабрика демонстрационной аппаратуры и наглядных пособий, Московский планетарий, типография. Обществом выпускались такие периодические издания, как "Международ-

ная жизнь", „Наука и жизнь", „Знание – сила", „Наука и религия", „Слово лектора", „Наука и человечество", „Будущее науки", „Наука сегодня", „Знания – народу"» [4].

В 1960-1970-х гг. в стране издаются большими тиражами журналы «Земля и Вселенная», «Русская речь», «Здоровье», «Юный натуралист», «Химия и жизнь», «Квант» и т. д. «В целом к концу 1970-х и началу 1980-х гг. в СССР издавалось 46 научно-популярных журналов, тиражи которых были очень высокими. В тройку лидеров входили издания «Химия и жизнь» (300 000 экз.), «Знание и сила» (700 000 экз.), «Наука и жизнь» (3 400 000 экз.).

Отдельно нужно сказать о специфике популяризации научного знания в советский период посредством телевидения и кинематографа.

Виталий Антонович Трояновский указывает на тот факт, что уже «в 10-20-х гг. XX в. сформировалась разветвленная тематическая структура научно-популярного кино...уже в период немого кино складываются основные специфические черты научно-популярного кино: его конструктивную основу образует система логических доказательств, подтвержденных ссылками на авторитеты науки, опирающихся на фотографически достоверное воспроизведение внешнего мира, на документальный показ научных опытов и экспериментов» [5]. Эти наработки и получают свое продолжение на советском телевидении и в документальном кино.

В 1951 г. создается Центральная студия телевидения, включающая редакцию научно-популярных и учебных программ. Наиболее популярными программами этого периода становятся «Здоровье» с Ю. В. Белянчиковой, «Очевидное-невероятное» с С. П. Капицей, «Клуб путешественников» с Ю. Сенкевичем, «В мире животных» с В. Песковым.

В этот период и формируются основные принципы качественной научно-популярной телепередачи, согласно которым она должна обладать:

− «значимостью для аудитории;

− высокой степенью достоверности, опираться на документальные источники и непосредственные наблюдении ;

− изложение должно быть ярким, зрелищным, динамичным, драматичным, интеллигентным;

− автор должен обладать авторитетом известного ученого или профессионала – журналиста;

− автор должен быть свидетелем или участником событий, о которых идет речь в данной передаче» [4].

Этим требованиям подчиняется и документальное кино научно-популярной направленности. При этом практический каждый автор вырабатывает свой оригинальный авторский почерк подачи научного знания: А. Згуриди снимает драматические сюжеты о животных, Б. Долин драматические сюжеты реализует в области микробиологии, С. Райтбург нашел убедительную замену кинолекции драматургической постановкой с использование анимации и привлечением к постановкам профессиональных актеров.

В постсоветский период, когда все виды СМИ переживали кризис, особенно разрушительные потери испытала научно-популярная журналистика. Резко уменьшилось количество и тираж печатных научно-популярных изданий. Изменилось и телевизионное пространство, оправдывая свои кардинальные изменения требованиями формата и рейтинга.

Анна Андриевская в своей статье доказывает, что вопреки устойчивому мнению о том, что бум научно-популярной журналистики прошел, сегодня ситуация кардинально поменялась в лучшую сторону: «Рост интереса к науке наблюдается в разных форматах. В 2014 г. в российском прокате успешно прошли показы документального фильма об ученых-математиках „Чувственная математика" берлинского режиссера Екатерины Еременко. Большой популярностью пользуются научно-популярные издания, как, например, книга научного журналиста Аси Казанцевой „Кто бы мог подумать! Как мозг заставляет нас делать глупости". Также появляются научные паблики, видеоблоги и мероприятия с различными концепциями. «Кажется, что еще 3-4 года назад ничего подобного не было, это продукт последних двух лет. Связано это с тем, что некоторые люди – скажем, несколько десятков или сотен тысяч человек – поняли, что ничего хорошего от политики и экономики ждать не приходится и нашли утешение в науке и образовании», – уверен популяризатор науки и автор блога metkere.com Илья Кабанов» [1].

На этом фоне формат федеральных телевизионных каналов предлагает себя зачастую в несколько другом качестве – как популяризатора псевдонаучных знаний. Серию популяризации неких новых научных знаний положил Первый канал, когда 9 апреля 2006 г. состоялась премьера фильма «Великая тайна воды» (режиссер Анастасия Попова, сценаристы: Михаил Вайгер, Андрей Медведев, Всеволод Лисовский). Псевдонаучной фильм в научно-популярном жанре предлагал ряд мистических и псевдонаучных взглядов о свойствах воды. Оказалось, по версии создателей фильма, вода обладает памятью и способностью удерживать разнообразные эмоции.

Свои суждения о «структурировании воды» высказали авторы неакадемических исследований из Англии, Израиля, Китая, России, США, Японии и

других стран. В фильме также принимали участие богословы различных вероисповеданий, высказавшие мнения о воде с позиции своих конфессий. 17 ноября 2006 г. фильм получил три премии ТЭФИ в номинациях: «Документальный фильм», «Режиссер телевизионного документального фильма/сериала», «Оператор телевизионного документального фильма/сериала», в том числе за лучший документальный фильм – и премию «Лавр» в номинации «Лучший научно-популярный фильм». Фильм вызвал резкую критику научной общественности, в том числе со стороны Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской академии наук. Несмотря на это, спустя короткий промежуток времени у фильма появляется продолжение под названием «Вода-2. Тайна живой воды».

Но авторы и создатели не остановились на этом тематическом направлении. В 2008 г. состоялась премьера еще одного псевдонаучного продукта – фильма «Плесень», к которому зрителя уже планомерно готовили на протяжении недели, интригуя и анонсируя наиболее шокирующие фрагменты из фильма.

Сегодня абсолютным лидером по производству псевдонаучного документального материала является канал РЕН ТВ, в частности Игорь Прокопенко, ведущий и руководитель таких программ, как «Самые шокирующие гипотезы», «Военная тайна», «Территория заблуждений», да еще и выпускающий книги в аналогичной программе стилистике. При этом анонсирование печатного продолжения концепции научно-популярного вещания регулярно можно наблюдать в рамках вышеобозначенных программ.

Создатели подобных проектов эксплуатируют один и тот же набор приемов, где главное – предъявить экспертов в сочетании с самыми экстравагантными версиями, а далее идти от интриги к запугиванию зрителей. При этом рефреном на всем протяжении программы становится повторение фраз: *«В это с трудом можно поверить», «Слабонервных просим не смотреть», «Вы будет шокированы»*. И как не быть шокированным, если, к примеру, в программе «Самые шокирующие гипотезы» от 15 ноября 2017 г. (выпуск 367) речь идет об убийце-еде – колбасе, содержащей фрагменты человеческого ДНК в целях усиления притягательного для человека вкуса (дескать, природа человека так устроена, что каннибализм у него заложен на генетическом уровне), о молоке, вызывающим рак печени, об игрушках, ломающих и подчиняющих психику ребенка, о тотальном контроле и влиянии на человека (как пример приводится американское общество, которое, якобы, все сидит на антидепрессантах) и как итог вырождение человечества.

И хотя программы, которые ведет Игорь Прокопенко, да и сам ведущий, удостаивались премии академии ВРАЛ за распространение псевдонаучного знания, количество и регулярность программ не только не сокращается, но к ним добавляются творческие встречи, одна из которых с ведущим рейтинговых программ анонсируется и в Ярославле.

А что до содержания, то об этом весьма иронично высказались представители научного сообщества в Фейсбуке на странице научно-просветительского портала «Антропогенез.РУ», где было опубликовано шутливое письмо каналу РЕН ТВ и его сотрудникам – Анне Чапман и Игорю Прокопенко, ведущим программ «Тайны мира» и «Территория заблуждений» [3], призывая уже как-то определиться авторов лженаучных программ с версией происхождения человека, поскольку в каждой программе предлагается новая версия, каждая абсурднее предыдущей.

С 19 января 2018 г. на телеканале «Россия К» появилась новая программа – «Научный стенд-ап». Ее идею подсказала популярная во многих странах, необычная по форме практика общения молодых ученых и широкой аудитории – Science slam. Причем, совсем не обязательно, чтобы слушатели были из научной среды. Генеральный партнер проекта – Фонд инфраструктурных и образовательных программ. Группа РОСНАНО. Программа «Научный стенд-ап» намерена придать этому своеобразному диалогу телевизионный формат. Каждому из выступающих отводится не более 10 минут, чтобы покорить слушателей. А как будет строиться общение – по-научному строго или под музыку – это должен решить сам оратор. Финалистов выбирают зрители, присутствующие в зале. Победителя первого сезона определит жюри: доктор биологических наук Константин Северинов, доктор психологических наук Мария Фаликман, кардиолог и участник международных научных стендапов Йоханнес фон Борстель, заместитель директора ГМИИ им. А. С. Пушкина по IT Владимир Определенов, председатель правления ОАО «РОСНАНО» Анатолий Чубайс.

Ведущие программы – Владимир Раевский, Никита Белоголовцев.

Никита Соловьев, директор Science Slam Россия, охарактеризовал уникальность формата популяризации науки, выделив три причины:

– «Он приносит науку туда, где ее никогда не было, – в бары и рок-клубы. Именно это создает ту неформальную атмосферу, которая привлекает сотни людей по всей России.

− Молодые ученые – это лучшие евангелисты научного взгляда на мир. Они остроумны, говорят с аудиторией на одном языке и занимаются реальным делом.

− Проект изначально строился на принципах социального предпринимательства – он всегда окупался за счет привлечения спонсоров и продажи билетов. Это позволило сделать проект устойчивым в долгосрочной перспективе и распространить его в 25 регионах России. Все это позволяет заниматься тем, что нам кажется особенно важным – продвигать здравый смысл и «экспертность» [6].

Современная научно-популярная журналистика уходит корнями в советское прошлое. Популярность научных программ и журналов в этот период была бесспорна. Сегодня популяризация научного знания приобретает противоречивый характер, когда телевизионные СМИ федерального уровня (за редким исключением) делают ставку на сенсационные проблемы, сомнительные с точки зрения науки знания, при этом интернет-пространство предлагает разнообразные форматы для тех, кто серьезно интересуется популярными способами изложения научного знания.

Е. Г. Константинова в своем исследовании предлагает ряд мер для решения проблем существования научно-популярной информации на современном телевидении:

«Ключевыми направлениями деятельности современных популяризаторов науки на телевидении, направленной на оптимизацию кадрового потенциала научно-популярного вещания, должны стать:

− участие в разработке эффективных программ подготовки и повышения квалификации журналистов и управленцев научных СМИ;

− участие в подготовке теоретической базы для обеспечения высокого образовательного уровня журналистов-популяризаторов науки;

− организация специализированных мастер-классов, лекций, семинаров и обучение принципам научной популяризации в рамках подобных мероприятий;

− участие в российском ежегодном фестивале “Мир знаний”, организация аналогичных конкурсов и фестивалей, отбор авторов научно-популярных телевизионных проектов в ходе их проведения;

− организация перспективных схем оплаты труда занятых в производстве научно-популярного телепроекта журналистов и медиаменеджеров» [2].

Библиографический список

1. Андриевская, А. Тренды: научно-популярная журналистика / Портал Европейской обсерватории журналистики. 30 апреля, 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: ru.ejo.ch›nashi-novie-statyi/nauchno…zhurnalistika

2. Константинова, Е. Г. Научно-популярное телевидение [Электронный ресурс]. – URL: dissercat.com›…nauchno-populyarnoe-televidenie

3. Петровская, И. Территория бреда. телевидение чуть не сгорело со стыда / Новая газета № 84, 2 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: novayagazeta.ru›columns/59336.html

4. Тертычный, А. А. Быть ли научно-популярной журналистике?/Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – 2013. – № 2 // [Электронный ресурс]. – URL: vestnik.vsu.ru›pdf/phylolog/2013/02/2013-02-49.pdf

5. Трояновский, В. А. Как нужно популяризировать науку в современном обществе? [Электронный ресурс]. – URL: documentarycinema. 5bb.ru›viewtopic.php?id=2497

6. Щербаков, М. Правила научного стендапа [Электронный ресурс]. – URL: newtonew.com›Наука›Science Slam

Reference List

1. Andrievskaja, A. Trendy: nauchno-populjarnaja zhurnalistika / Portal Evropejskoj observatorii zhurnalistiki. 30 aprelja, 2016 g. = Trends: popular scientific journalism / Portal of the European observatory of journalism. April30, 2016. [Jelektronnyj resurs]. – URL: ru.ejo.ch›nashi-novie-statyi/nauchno…zhurnalistika

2. Konstantinova, E. G. Nauchno-populjarnoe televidenie = Popular scientific television [Jelektronnyj resurs]. – URL: dissercat.com›…nauchno-populyarnoe-televidenie

3. Petrovskaja, I. Territorija breda. televidenie chut' ne sgorelo so styda = Territory of nonsense. Television was about to burn down because of shame / Novaja gazeta № 84, 2 avgusta 2013 g. [Jelektronnyj resurs]. – URL: novayagazeta.ru›columns/59336.html

4. Tertychnyj, A. A. Byt' li nauchno-populjarnoj zhurnalistike? = Should there be a popular scientific journalism? [Jelektronnyj resurs] // Vestnik VGU. Serija Filologija. Zhurnalistika = VSU bulletin. Series Philology. Journalism. – 2013. – № 2. – URL: vestnik.vsu.ru›pdf/phylolog/2013/02/2013-02-49.pdf

5. Trojanovskij, V. A. Kak nuzhno populjarizirovat' nauku v sovremennom obshhestve? = How should science be popularized in modern society? [Jelektronnyj resurs]. – URL: documentarycinema. 5bb.ru›viewtopic.php?id=2497

6. Shherbakov, M. Pravila nauchnogo stendapa = Rules of scientific stand-up [Jelektronnyj resurs]. – URL: newtonew.com›Nauka›Science Slam

Дата поступления статьи в редакцию: 13.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10201

УДК 81'373

В. А. Белов

https://orcid.org/0000-0002-4173-200

Способы наивного толкования лексического значения существительных

В статье предложена классификация способов наивного толкования лексического значения на основе характера семантической близости стимула и реакции (толкования). Исследование проводится с опорой на результаты психолингвистического эксперимента на толкование заданных слов, в котором приняли участие 166 испытуемых. Кроме того, для анализа употребления в высказываниях стимулов и реакций используется Национальный корпус русского языка. Материалом исследования выступили слова разных лексико-грамматических разрядов имен существительных. По результатам исследования было выделено 6 способов толкований: синонимический, описательно-гиперонимический, описательный, логический (компонентный), семантический и ассоциативный способы. Наиболее частотным в эксперименте стал синонимический способ, который представлен в 30 % случаев и который был дополнительно разделен на 4 подтипа. Было установлено, что выбор способа толкования зависит от типа стимула: на решение испытуемых влияет отнесенность стимула к лексико-грамматическому разряду и характер его синонимических связей. Конкретные и вещественные имена существительные прежде всего толкуются с помощью логического (компонентного) способа; а абстрактные и собирательные имена существительные предполагают использование синонимического способа. Для двух последних лексико-грамматических разрядов имен существительных нехарактерно применение логического (компонентного) способа толкования. Выбор способа определяется статусом стимула в синонимическом ряду. Предъявление субдоминантного синонима, который семантически зависит от доминанты синонимического ряда, предполагает использование доминантного подтипа синонимического способа, а предъявление доминанты синонимического ряда – гиперонимический подтип синонимического способа и описательный способ толкования. Практическая ценность исследования заключается в разработке принципов создания словаря антропоцентрического типа, который ориентирован на существующие в лексиконе носителя языка способы толкования.

Ключевые слова: лексическая семантика, лексикология, лексикография, способы наивного толкования, синонимия, словарь антропоцентрического типа, лексико-грамматические разряды имен существительные.

LINGUISTICS

Russian language

V. A. Belov

Ways of Naive Interpretation of the Lexical Meaning of Nouns

The paper is devoted to the naive interpretation of the lexical meaning. Based on semantic features here are proposed 6 methods of naive interpretation. The research is based on the psycholinguistic experiment data. 166 subjects took part in the experiment: they were given 20 words in which they could define stimuli. Also Russian National Corpus data are used for the functional analysis of stimuli and their interpretation. The research is held by materials of different lexical-grammatical categories nouns. The research shows that there are 6 methods of naive interpretation: synonymic, descriptive-hyperonymic, descriptive, logical (component), semantic and associative methods. The most frequent (according to the experiment) is a synonymic method which is divided into 4 subtypes; it is represented in 30 % of all cases. It is argued the choice of the method of interpretation depends on the type of stimulus: lexical-grammatical characteristics of stimulus and its synonymic relations influence the choice of interpretation. The logical (component) method is used often for concrete and material nouns; synonymic method is used often for abstract and collective nouns. It is significant that the logical (component) method is not used for abstract and collective nouns. The choice of the method is

© В. А. Белов, 2018

determined by the status of the stimulus in its synonymic group. The synonymic method (headword subtype) is the most frequent for subdominant synonyms (non-headwords); synonymic (hyperonymic subtype) and descriptive methods are the most frequent for headwords. The practical value of the research is that it can help to make an anthropocentric type dictionary. This type of dictionary is focused on the methods of naive interpretation.

Keyword: lexical semantics, lexicology, lexicography, method of naive interpretation, synonymy, anthropocentric type dictionary, lexical-grammatical categories of nouns.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию наивных способов толкования значения слова, которые могут быть использованы в современных толковых словарях.

Принципы толкования значения слов, используемые в словарях, неоднократно становились предметом научных дискуссий ([2; 10; 11; 14; 19; 25; 27; 28]). Можно выделить два основных подхода к словарным толкованиям: системоцентрический и антропоцентрический. Они характерны не только для лексикографии, но прослеживаются и в подходах к изучению языка в целом (см. [1; 17]).

Антропоцентрический подход стремится создать понятные для читателя словарные статьи, используя наивные толкования. Способы наивных толкований или стратегии наивной семантизации, то есть «закономерные способы мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и толкование значений» [18, с. 120], отражают метаязыковую способность носителей языка. С помощью них словари антропоцентрического типа пытаются описывать «живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников» [19, с. 130], и представить «объективное содержание лексикона человека» [10, с. 11]. Как следствие, в них распространены синонимический способ и описательные, развернутые толкования [24].

Обзор литературы

Возрастающий в последние десятилетия интерес к изучению представлений говорящего о родном языке нашел выражение в классификациях стратегий наивной семантизации.

В исследованиях Н. Д. Голева предложено 6 типов наивной семантизации: дефиниционный (выделение родового слова и перечисление видовых свойств стимула), описательный (перечисление разнообразных признаков и свойств стимула), ассоциативный (приведение ассоциаций, при этом признаки не дифференцируются), контекстный (использование контекстов употребления), мотивационный (выяснение внутренней формы), отсылочный (употребление синонимов) [6; 19]. Стратегии семантизации также описаны в работах [12; 13; 18]. В частности, в исследовании [13] предлагается следующая классификация: идентифицирующая стратегия, которая включает логический (указание на родовое понятие и отличительные признаки стимула) и денотативный (указание только на отличительные признаки стимула) типы; иллюстрирующая стратегия (указание на прототипическую ситуацию); классифицирующая стратегия (подбор синонимов); дескриптивная стратегия (описание условий употреблений); остенсивная стратегия (использование средств наглядности), ассоциативная стратегия (перечисление ассоциаций). По данным этого исследования, самыми распространенными стратегиями являются первые две, при этом встречаются и смешанные типы. В целом варьирование классификаций семантизации в разных исследованиях объясняется вариативностью метаязыковой деятельности человека, на которую влияют множество факторов [12].

Регистрируемые стратегии наивной семантизации во многом похожи на способы толкования слов, используемые при составлении словарей; они описаны в работах [2; 3; 7; 19]. Отличия словарных толкований и толкований испытуемых, прежде всего, касаются использования ассоциативного способа, который не используется в словарях, но (хотя и нечасто) отмечается в ответах испытуемых.

На способы наивного толкования также могут указывать толкования, используемые в газетных текстах при описании незнакомых (или мало знакомых) слов. Пример исследования таких толкований представлен в работе [9]: автором выделяются описательный, синонимический, эпидигматический способы и способ калькирования иноязычного элемента (буквальный перевод слова по частям).

В настоящей работе предложена классификация стратегий толкований с семантической точки зрения: в ее основе лежит представление о характере семантической близости стимула и реакции. Типы отношений семантической близости описаны нами в предшествующей работе (см. [4]); были сделаны выводы о том, что синонимы в синонимических рядах (СР) большей частью организованы иерархически: доминанта СР семантически подчиняет другие, субдоминантные синонимы, входящие в СР.

Методы исследования

Настоящее исследование проводится с опорой на результаты психолингвистического эксперимента на толкование заданных слов. Он относится к направленным ассоциативным экспериментам, где испытуемому предъявляется слово-стимул с заданием дать реакцию-толкование. Считается, что данная методика «позволяет проследить развитие произвольного осознания субъективного содержания значения слова» [22, с. 148].

В эксперименте приняло участие 166 человек, студентов Череповецкого государственного университета в возрасте от 18 до 21 года. Анкета содержала 20 слов-стимулов, в задании испытуемых просили объяснить значение данных слов. Эксперимент был разделен на два этапа, в каждом из которых использовалась своя стимульная таблица. В качестве стимулов были использованы имена существительные (ИС), относящиеся к разным лексико-грамматическим разрядам (см. подробно Таблицу 1).

Таблица 1

Распределение по лексико-грамматическим разрядам ИС стимулов первого и второго эксперимента

Разряд ИС	Абстрактные	Конкретные	Вещественные	Собирательные
Количество стимулов	12	20	3	3

В исследовании использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (www.ruscorpora.ru), который послужил источником примеров употреблений анализируемых лексем.

Результаты и дискуссия

По результатам эксперимента было выделено 6 способов толкований:

- синонимический;
- описательно-гиперонимический;
- описательный;
- логический (компонентный);
- семантический;
- ассоциативный.

При этом синонимический способ, который стал наиболее распространенным, был дополнительно разделен на несколько подтипов. Ниже дана характеристика каждого способа толкования.

1. Синонимический способ предполагал использование синонимов для пояснения значения стимула. Этот способ, который наиболее распространен (его частотность 30 %), представлен следующими подтипами:

− Доминантный – использование доминанты СР для толкования субдоминантного синонима: например, для синонима *хворь* самой частотной реакцией в эксперименте оказываются реакция *болезнь* (это слово является доминантой СР; 39 реакций; 65 % от общего количества реакций) и различные сочетания со словом *болезнь (*например, сочетание *болезнь очень серьезная),* которые употребляются испытуемыми 19 раз (32 %). На долю этого подтипа приходится более 12 % всех ответов.

− Горизонтально-синонимический – употребление синонима одного семантического уровня: например, для толкования субдоминантного синонима *недуг* используются другие субдоминантные синонимы *хворь* и *недомогание* (доминантой для них служит слово *болезнь*). Синонимы *недуг, хворь, недомогание* имеют одинаковый семантический статус в СР и находятся в горизонтальных отношениях, потому что семантически подчинены доминанте. Использование горизонтальных синонимов здесь вызвано тем, что доминанта в отличие от субдоминантных синонимов лишена коннотативного (оценочного) значения. Этот тип представлен в 8 % случаях.

− Субдоминантный – толкование доминанты СР с помощью субдоминантного синонима: например, употребление слов *малыш, дитя* для стимула *ребенок.* Отличие этого подтипа от предыдущего заключается в том, что он предполагает использование стимула-доминанты. Этот способ толкования представлен нешироко (всего 2 % ответов), что связано с тем, что доминанта, как правило, имеет более широкое значение по сравнению с субдоминантными синонимами [16, с. XII].

− Гиперонимический – толкование с помощью отсылки к гипероним (слову с более широким, родовым значением). Гипонимы и гиперонимы обычно не рассматриваются как языковые синонимы, но их относят к ситуативным синонимам. Данный подтип толкований, представленный в эксперименте в 9 % случаях, характерен для стимулов-доминант: так, стимул *судьба* толкуется с помощью реакции *жизнь*, а также сочетаний с этим словом.

2. Описательно-гиперонимический способ, отмеченный в 5 % случаях, предполагает использование описательного сочетания с гиперонимом (типа *ребенок – маленький человек*). Данный тип синкретичен, так как совмещает свойства синонимического и логического способов. С синонимическим способом его сближает использование

гиперонимов в сочетаниях: часто они сближаются с синонимами и могут быть взаимозаменяемы в текстах. Так, между лексемами *ребенок* (гипоним) и *человек* (гипероним) имеется выраженная семантическая связь. Хотя слова *ребенок* и *человек* нельзя назвать в полной мере синонимичными (они обладают различными значениями, а в некоторых употреблениях противопоставляются), в большом количестве примеров в НКРЯ они сближаются за счет выражения одного референта (см. высказывание (1)).

(1) *Прав Магомед-Расул:* ***ребенка, маленького человека*** *надо беречь еще во внутриутробном состоянии, не нанося травм физических и психических* [Р. Ибрагимова, 2004].

Испытуемый стремится выразить, передать конкретное значение и акцентирует внимание на важном признаке ребенка – *маленький.* Это сближает анализируемый способ с логическим, который также предполагает выбор родового гиперонима и перечисление отличительных признаков стимула: например, стимул *болезнь* толкуется с помощью логического способа как *плохое самочувствие человека*.

3. Описательный способ, характерный для наивной семантизации, представлен несколькими вариантами. Во-первых, когда в толковании отсутствует родовой индентификатор, а его функции выполняет, как правило, анафорическое местоимение; подобный тип выделен в работе [3]. Например, с помощью сочетания *то, что едят* толкуется стимул *еда*. Во-вторых, представление значения через описание ситуации: толкование *показывает температуру* используется для стимула *термометр*. В отличие от Н. Д. Голева, который к описательному способу относил перечисление разнообразных признаков и свойств [6], мы к этому способу относим все случаи, когда испытуемые представляли характеристику действия и/или участников ситуации. Подобный способ толкования называется в работе [13] иллюстрирующим, то есть предполагающим указание на прототипическую ситуацию. Как правило, такие толкования носят поверхностный характер. Описательный способ представлен в результатах эксперимента в 6 % реакций.

4. Логический (компонентный) способ использует логические операции, предполагающие компонентное выделение значения. Для него свойственен вертикальный анализ семантических единиц: во-первых, отнесение слова к иерархическому понятию более высокого ранга (родовому идентификатору) и, во-вторых, последующее выявление отличительных и общих признаков [15]. Например, для стимула *родник* испытуемые представляют толкование *водный поток с чистой водой*: роль иерархического понятия выполняет сочетание *водный поток*, которое также может относиться к лексемам *река, озеро, ручей*; отличительными признаками становится уточнение *с чистой водой*. Общее количество подобных ответов велико: способ представлен в 21 % толкованиях. Это неслучайно, поскольку, как отмечает Т. И. Вепрева, наивным дефинициям свойственна тенденция к выражению конкретного смысла [5]. Однако толкования, полученные с помощью этого способа, не повторяются у разных испытуемых. Для стимула *родник* логический способ оказался самым распространенным (24 реакции, 41 %), однако большинство (за исключением двух примеров) реакций испытуемых единичны: *источник какой-либо силы* (4 реакции, 7 %), *свежий поток воды, чувств* (2 реакции, 3 %), *источник с подземной водой* (1 реакция, 2 %), *небольшой источник воды* (1 реакция, 2 %), *источник воды, бьющей из земли* (1 реакция, 2 %). Подобная ситуация также характерна для наивных толкований и связана с субъективным опытом носителя языка, который он вкладывает в дефиницию. Еще один вопрос, который необходимо обсудить в связи с использованием логического способа, насколько предложенные толкования адекватно передают значение стимула. Например, толкование *водный поток с чистой водой* или *небольшой источник воды для родника* источник едва ли можно назвать удачным: в случае проведения обратного эксперимента (где бы испытуемых просили соотнести слово и его толкование) испытуемые, скорее всего, не смогут написать слово по представленному толкованию.

Данный способ толкования Н. Д. Голев называет дефиниционным. Он предполагает выделение родового слова и перечисление его видовых свойств [6]. Отличие этого способа от синонимического и описательно-гиперонимического способов состоит в том, что стимул и толкование не могут быть взаимозаменяемыми в тексте и, следовательно, синонимами. Так, невозможна замена слова *родник* на логическое толкование: ср. пример (2), взятый из НКРЯ.

(2) *Где-то вверху бил* ***родник [*источник какой-либо силы]****, и по тропинке катилась прозрачная тонкая струйка* [Ю. О. Домбровский «Хранитель древностей», 1964].

5. Семантический способ толкования отсылает к семантически связанному слову, то есть к слову, которое принадлежит к одному семантическому полю, но не является синонимом или гиперонимом. Таким образом, для стимула и реакции характерно некоторое семантическое сходство:

например, стимул *болезнь* и реакция-толкование *смерть* имеют семантические связи, что выражается в наличии общего компонента *жизнедеятельность* в словарном толковании; вместе с тем различия определены тем, что *смерть* предполагает прекращение жизнедеятельности, в то время как *болезнь* – лишь нарушение. См. словарные толкования из МАС.

Болезнь – нарушение нормальной жизнедеятельности организма [22, Т. I, с. 104].

Смерть – 1. Прекращение жизнедеятельности организма и гибель его. 2. Прекращение существования человека, животного [22, Т. IV, с. 152].

При этом болезнь может приводить к смерти, поэтому слова часто употребляются вместе (см. высказывание (3) из НКРЯ). Однако в корпусе не представлены случаи контекстной взаимозаменяемости этих слов, поэтому их нельзя назвать ни синонимами, ни гиперонимами.

(3) *Неожиданная* ***болезнь*** *и* ***смерть*** *Александра III потрясли Россию* [Юлия Кудрина, «Знание – сила», 2010].

Семантический способ достаточно часто встречается при толковании конкретных ИС: например, на стимул *чашка* представлены такие реакции, как *стакан, чакушка;* на стимул *ладонь* – реакции *рука, кисть*. Они обозначают смежные понятия и имеют функциональное сходство.

6) К ассоциативному способу отнесены следующие случаи. Во-первых, примеры, когда между стимулом и реакцией отсутствовала ощутимая семантическая связь. Ассоциативные реакции вызваны совместной сочетаемостью стимула и реакции в речи, а также фонетическим подобием. Примером ассоциативной синтагматической реакции является слово *водный* на стимул *источник*, звукового подобия – реакция *мох* на слово *хворь*. Напомним, синтагматические ассоциативные реакции представляют случаи языкового автоматизма [26]. Во-вторых, реакции типа *ребенок – маленький*, так как являются представлением достаточно распространенного сочетания типа *маленький ребенок;* хотя такие реакции являются пограничными с синонимичными, потому что происходит субстантивация. Ассоциативные реакции представлены единичными и неповторяющимися примерами (всего 2 %).

В Таблице 2 представлены результаты эксперимента с точки зрения использования способов толкований для разных типов стимулов. В эксперименте было представлено 4 типа стимулов – различных разрядов ИС.

Таблица 2

Использование способов толкования в эксперименте по толкованию слов

Разряд ИС	**Абстрактные**		**Конкретные**		**Вещественные**		**Собирательные**		**Итого**	
Способы толкования	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%
Отказ от толкования	5	1	31	2	5	2	2	1	43	1
Синонимический способ, в том числе	530	63	582	31	123	38	210	69	1445	30
гиперонимический	49	6	226	12	73	23	73	23	421	9
субдоминантный	46	5	55	3	0	0	0	0	101	2
горизотально-синонимический	168	20	146	8	4	1	46	14	364	8
доминантный	267	32	155	8	46	14	91	28	559	12
Логический способ	89	11	817	44	91	28	15	5	1012	21
Описательный способ	122	15	116	6	15	5	29	9	282	6
Описательно-гиперонимический способ	66	8	96	5	29	9	43	13	234	5
Семантический способ	10	1	136	7	43	13	46	14	235	5
Ассоциативный способ	19	2	65	4	16	5	12	4	112	2

Эксперимент продемонстрировал то, что испытуемые выбирают способ толкования в зависимости от типа предъявляемого стимула. Для конкретных ИС в большей степени характерен логи-

ческий (компонентный) способ. Это, вероятно, объясняется тем, что у них недостаточно развиты синонимические отношения, поэтому у носителей языка возникают затруднения с поиском синонима, который бы адекватно передавал значение конкретного ИС. Для толкования конкретных ИС также достаточно часто используется гиперонимический способ. Так, стимул *рука* толкуется с помощью слов *конечность, часть тела* и пр. Отметим, что подобные гиперонимы являются составной частью логических толкований.

При предъявлении абстрактных ИС чаще всего используется синонимический способ толкования. Эта закономерность объясняется, во-первых, развитостью их синонимических связей; во-вторых, высокой сложностью толкования значения абстрактного ИС с помощью логического способа.

Несмотря на то, что в исследовании было представлено небольшое количество вещественных и собирательных ИС, можно сделать некоторые выводы об их толковании. Так как вещественные ИС по своей семантике ближе к конкретным ИС (они также представляют феномены материального мира), наиболее продуктивными способами оказываются гиперононимический и логический. Собирательные ИС, напротив, оказываются по значению более схожи с абстрактными ИС, что проявляется в том, что наиболее распространенным способом толкования становится синонимический (доминантный подтип).

Таким образом, на выбор того или иного способа толкования, в первую очередь, влияют семантические свойства стимула. Однако выбор способа толкования не ограничивается только разрядами ИС; также оказывает влияние характер синонимических отношений, в которые входит стимул.

Во-первых, при предъявлении субдоминантого синонима чаще всего реакцией становится доминанта этого СР: примером могут стать стимулы *хворь, недуг*, на которые испытуемые в подавляющем количество случаях дают реакцию *болезнь*.

Во-вторых, если стимулом является доминанта, то чаще всего испытуемые используют гиперонимический подтип синонимического способа (то есть отсылку к синониму более высокого уровня) или описательный способ. Примерами использования гиперонима для толкования является реакция *человек* (36 реакций, 58 %) на стимул *друг*. Также эта закономерность характерна для стимула *ребенок* (тоже используется отсылка к слову *человек*). Напротив, для стимулов-доминант *источник, судьба* наиболее распространен описательный способ: 28 реакций (49 %) для стимула *судьба,* 25 подобных реакций (41 %) для стимула *источник*. Примерами толкований могут стать реакции *то, что происходит с человеком в течение всей жизни; что-то предначертанное свыше; то, что заранее предначертано человеку в жизни* для стимула *судьба* и реакции *то, откуда что-то появляется; оттуда берется информация; то, откуда что-либо начинает* для стимула *источник*. Особенностью реакций описательного способа является то, что они не повторяются дословно, хотя общий (ситуативный) смысл можно определенным образом типизировать: так, для слова *судьба* ключевой является идея о предначертанном существовании человека. Отмечаются отдельные примеры толкования доминанты с помощью субдоминантных синонимов: например, при объяснении доминанты *болезнь* испытуемые 24 раза (38 %) используют субдоминантные синонимы *недуг, хворь, недомогание*. Как представляется, для толкования доминанты наиболее типичен гиперонимический подтип, однако иногда возможны исключения, которые, вероятно, связаны с трудностями выбора гиперонима.

Другой важный результат исследования связан с металингвистическими процедурами описания значения. В системноцентрическом направлении языкознания описание лексического значения строится на основе компонентного метода толкования. Эксперимент показывает, что этот метод характерен только для конкретных и вещественных ИС. Скорее всего, неиспользование синонимического способа для подобных стимулов объясняется тем, что у этих типов ИС ограничены синонимические связи, что отмечалось в научной литературе [2; 23].

Заключение

В работе были выделены и описаны 6 способов толкования лексического значения, которые испытуемые используют в условиях эксперимента. Предложенная классификация основывается на характере семантической близости стимула и доминанты.

Анализ результатов позволил сделать вывод о том, что выбор способа толкования зависит от типа стимула: нами были изучены два параметра – отнесенность к лексико-грамматическому разряду и характер синонимических отношений стимула. Таким образом, конкретные и вещественные ИС преимущественно толкуются с помощью логического способа или гиперонимического подтипа синонимического способа; а абстрактные и собирательные ИС, напротив, предполагают использо-

вание синонимического способа, при этом отмечается редкое использование логического способа. Предъявление субдоминантного синонима повышает вероятность использования доминантного подтипа синонимического способа, а предъявление доминанты предполагает гиперонимический подтип синонимического способа или описательный способ толкования.

Практическая ценность данного исследования связана с принципами создания словаря антропоцентрического типа, который выражает существующие в лексиконе носителя языка способы толкования. Главным результатом исследования в этом аспекте стало выявление особой роли синонимических связей при толковании лексического значении.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. О двух подходах к выделению единиц языка [Текст] / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15-26.

2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 768 с.

3. Арбатский, Д. И. Основные способы толкования значения слов [Текст] / Д. И. Арбатский // Русский язык. – 1970. – № 3. – С. 26-31.

4. Белов, В. А. Об иерархическом и неиерархическом строении синонимических рядов [Текст] / В. А. Белов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. –№ 1. – С. 5-10.

5. Вепрева, И. Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии [Текст] / И. Т. Вепрева // Русский язык сегодня: проблемы русской лексикографии. – М., 2004. – Вып. 3. – С. 55-64.

6. Голев, Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации [Текст] / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 48-64.

7. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / [Текст] П. Н. Денисов. – М. : Рус. яз., 1980. – 253 с.

8. Касевич, В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности [Текст] / В. Б. Касевич. – 2013. – 192 с.

9. Козлова, Е. Е. Способы толкований иноязычных заимствований в газетном дискурсе [Текст] / Е. Е. Козлова // Известия Томского политехнического университета. 2009. – Т. 314. – № 6. – С. 108−113.

10. Козырев, В. А. Современные ориентации отечественной лексикографии / [Текст] В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1. – С. 5-14.

11. Козырев, В. А., Современная лексикография: традиции и тенденции развития [Текст] / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 32-38.

12. Кузнецова, Т. Ю. Стратегии семантизации слова и факторы, детерминирующие их выбор [Текст] / Т. Ю. Кузнецова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 343. – С. 15-18.

13. Левенталь, И. В. Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии / [Текст] И. В. Левенталь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8. – Ч. 2. – С. 77-81.

14. Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл-текст» / [Текст] И. А. Мельчук. – М.; Вена : Языки русской культуры, 1995. – 682 с.

15. Найда, Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения [Текст] / Ю. А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – М. : Прогресс, 1983. – С. 61-74.

16. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.

17. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.

18. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания: (На материале русских говоров Сибири) / [Текст] А. Н. Ростова. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2000. – 193 с.

19. Скляревская, Г. Н. «Нормативный толковый словарь живого русского языка»: основные постулаты и типологические признаки [Текст] / Г. Н. Скляревская // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 17-41.

20. Словарь обыденных толкований русских слов: Лексика природы: в 2 т. – Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) [Текст] / под. ред. Н. Д. Голева. – Кемерово : Издательство Кемеровского государственного университета, 2011. – 500 с.

21. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985-1988.

22. Фрумкина, Р. М. Психолингвистические методы изучения семантики [Текст] / Р. М. Фрумкина // Психолингвистические проблемы семантики. – М. : Наука, 1983. – С. 46-85.

23. Черняк, В. Д. Семантика частей речи и ресурсы русской синонимии [Текст] / В. Д. Черняк // Язык. Функции. Жизнь: Сборник статей в честь профессора А. В. Бондарко. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – С. 173-179.

24. Atkins, B. The Oxford Guide to Practical Lexicography / B. Atkins, M. Rundell. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 540 p.

25. Jackson, H. Lexicography: An Introduction. – London, New York : Routledge, 2002 – 190 p.

26. Miller, G. The organization of lexical memory: Are words associations sufficient? / G. Miller // The Pathology of memory / Eds. E. Talland, N. Waugh. – New York : Academic Press. 1969. – P. 223-236.

27. Svensén Bo. Practical Lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making / Bo. Svensén. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 285 p.

28. Wieribicka, A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wieribicka. – Ann Arbor: Karoma, 1985. – 390 p.

Reference List

1. Alpatov, V. M. O dvuh podhodah k vydeleniju edinic jazyka = On two approaches for allocating language units [Tekst] / V. M. Alpatov // Voprosy jazykoznanija = Voprosy yazykoznaniya. – 1993. – № 3. – S. 15-26.

2. Apresjan, Ju. D. Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaja semantika = Selected works. V. 1. Lexical semantics [Tekst] / Ju. D. Apresjan. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1995. – 768 s.

3. Arbatskij, D. I. Osnovnye sposoby tolkovanija znachenija slov = Main ways to interpret a word meaning [Tekst] / D. I. Arbatskij // Russkij jazyk = Russki yazyk. – 1970. – № 3. – S. 26-31.

4. Belov, V. A. Ob ierarhicheskom i neierarhicheskom stroenii sinonimicheskih rjadov = On hierarchical and non-hierarchical structure of synonymic rows [Tekst] / V. A. Belov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and cross-cultural communication. – 2016. –№ 1. – S. 5-10.

5. Vepreva, I. T. O nekotoryh osobennostjah naivnoj leksikografii = On some features of naive lexicography [Tekst] / I. T. Vepreva // Russkij jazyk segodnja: problemy russkoj leksikografii = Russian language today: problems of the Russian lexicography. – M., 2004. – Vyp. 3. – S. 55-64.

6. Golev, N. D. Slovar' obydennyh tolkovanij slov: koncepcija i opyt realizacii = Dictionary of ordinary oneiromancy: concept and experience of realization [Tekst] / N. D. Golev // Voprosy leksikografii = Voprosy leksikografii. – 2013. – № 2 (4). – S. 48-64.

7. Denisov, P. N. Leksika russkogo jazyka i principy ee opisanija = Lexicon of Russian and principles of its description / [Tekst] P. N. Denisov. – M. : Rus. jaz., 1980. – 253 s.

8. Kasevich, V. B. Kognitivnaja lingvistika: V poiskah identichnosti = Cognitive linguistics: in search of identity [Tekst] / V. B. Kasevich. – 2013. – 192 s.

9. Kozlova, E. E. Sposoby tolkovanij inojazychnyh zaimstvovanij v gazetnom diskurse = Ways for interpreting foreign-language borrowings in newspaper discourse [Tekst] / E. E. Kozlova // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta = News of Tomsk Polytechnic University. 2009. – T. 314. – № 6. – S. 108−113.

10. Kozyrev, V. A. Sovremennye orientacii otechestvennoj leksikografii = Modern orientations of domestic lexicography / [Tekst] V. A. Kozyrev, V. D. Chernjak // Voprosy leksikografii = Voprosy leksikografii. – 2014. – № 1. – S. 5-14.

11. Kozyrev, V. A. Sovremennaja leksikografija: tradicii i tendencii razvitija = Modern lexicography: traditions and trends of development [Tekst] / V. A. Kozyrev, V. D. Chernjak // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets state university. – 2015. – № 1. – S. 32-38.

12. Kuznecova, T. Ju. Strategii semantizacii slova i faktory, determinirujushhie ih vybor = Strategies of semantization of a word and factors determining their choice [Tekst] / T. Ju. Kuznecova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk state university. – 2011. – № 343. – S. 15-18.

13. Levental', I. V. Strategii tolkovanija slov obydennogo metajazykovogo soznanija i ih primenenie v uchebnoj leksikografii = The strategy of oneiromancy of ordinary metalanguage consciousness and their application in educational lexicography / [Tekst] I. V. Levental' // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – № 8. – Ch. 2. – S. 77-81.

14. Mel'chuk, I. A. Russkij jazyk v modeli «Smysl-tekst» = Russian language in the model “Sense-text” / [Tekst] I. A. Mel'chuk. – M.; Vena : Jazyki russkoj kul'tury, 1995. – 682 s.

15. Najda, Ju. A. Procedury analiza komponentnoj struktury referencionnogo znachenija = Procedures of the analysis of the component structure of referential meaning [Tekst] / Ju. A. Najda // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 14. Problemy i metody leksikografii = New in foreign linguistics. Issue 14. Problems and methods of lexicography. – M. : Progress, 1983. – S. 61-74.

16. Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka = New explanatory dictionary of synonyms in the Russian language [Tekst] / pod obshh. rukovodstvom Ju. D. Apresjana. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 1488 s.

17. Rahilina, E. V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost' = Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility [Tekst] / E. V. Rahilina. – M. : Russkie slovari, 2008. – 416 s.

18. Rostova, A. N. Metatekst kak forma jeksplikacii metajazykovogo soznanija (na materiale russkih govorov Sibiri) = The metatext as a form of metalanguage consciousness explication (on material of the Russian dialects of Siberia)/ [Tekst] A. N. Rostova. – Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. – 193 s.

19. Skljarevskaja, G. N. «Normativnyj tolkovyj slovar' zhivogo russkogo jazyka»: osnovnye postulaty i tipologicheskie priznaki = «Standard explanatory dictionary of live Russian»: main postulates and typological signs [Tekst] / G. N. Skljarevskaja // Normativnyj tolkovyj slovar' zhivogo russkogo jazyka: teoreticheskie problemy i prakticheskie trudnosti = Standard explanatory diction-

ary of live Russian: theoretical problems and practical difficulties. – SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2007. – S. 17-41.

20. Slovar' obydennyh tolkovanij russkih slov: Leksika prirody: v 2 t. – T. 1: A–M (ABRIKOS – MURAVEJ) (478 slov-stimulov) = Dictionary of ordinary interpretation of the Russian words: lexicon of the nature: in 2 v. – V. 1: A–M (Abrikos – muravei) (478 word- incentives) [Tekst] / pod. red. N. D. Goleva. – Kemerovo : Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. – 500 s.

21. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. = Dictionary of Russian: in 4 v. [Tekst] / pod red. A. P. Evgen'evoj. – M. : Russkij jazyk, 1985-1988.

22. Frumkina, R. M. Psiholingvisticheskie metody izuchenija semantiki = Psycholinguistic methods to study semantics [Tekst] / R. M. Frumkina // Psiholingvisticheskie problemy semantiki = Psycholinguistic problems of semantics. – M. : Nauka, 1983. – S. 46-85.

23. Chernjak, V. D. Semantika chastej rechi i resursy russkoj sinonimii = Semantics of parts of speech and resources of the Russian synonymy [Tekst] / V. D. Chernjak // Jazyk. Funkcii. Zhizn': Sbornik statej v chest' professora A. V. Bondarko = Language. Functions. Life: The collection of articles in honor of Professor A. V. Bondarko. – SPb. : RGPU im. A. I. Gercena, 2000. – S. 173-179.

24. Atkins, B. The Oxford Guide to Practical Lexicography / B. Atkins, M. Rundell. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 540 p.

25. Jackson, H. Lexicography: An Introduction. – London, New York : Routledge, 2002 – 190 p.

26. Miller, G. The organization of lexical memory: Are words associations sufficient? / G. Miller // The Pathology of memory / Eds. E. Talland, N. Waugh. – New York : Academic Press. 1969. – P. 223-236.

27. Svensén Bo. Practical Lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making / Bo. Svensén. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 285 p.

28. Wieribicka, A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wieribicka. – Ann Arbor: Karoma, 1985. – 390 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10202

УДК 81

И. А. Цыбова

https://orcid.org/0000-0003-1640-8054

О соотношении формы, значения и функций словообразовательных аффиксов

В статье делается попытка показать соотношение формы, значения и функций словообразовательных аффиксов. Форма как материальная сущность противопоставляется значению и функциям. Словообразовательные значения (мутационные, транспозиционные, модификационные) неоднородны, поскольку словообразование, как отмечает академик В. В. Виноградов, занимает промежуточное место между грамматикой и лексикой. Транспозиционные значения по своей регулярности и обобщенности ближе к грамматическим значениям, а мутационные – к лексическим. Словообразовательные аффиксы выполняют когнитивную функцию, объединяя концепт производящего слова с более абстрактным концептом аффикса и создавая новый концепт – концепт производного слова. Словообразовательные суффиксы функционируют в синтаксической, лексической и лексико-синтаксической деривации. Суффиксы, выражающие эмоции или оценку адресанта, выступают в эмоционально-экспрессивной функции, обслуживая прагматику словообразования. Аффиксы не могут выполнять коммуникативную функцию. В связи с вопросом соотношения формы и значения словообразовательных аффиксов в статье с когнитивных позиций рассматриваются вопросы вариантности, синонимии и синкретизма. Синонимы, как отмечает Е. С. Кубрякова, занимают в едином ментальном пространстве разные места, соответствуя в нем разным образом обозначаемой действительности. Варианты при когнитивном подходе представляют собой единицы одного ментального пространства, занимающие в этом пространстве смежные места и соответствующие в нем смежным образом обозначаемой или описываемой действительности. Поскольку под синкретизмом понимается совпадение означающих при разных означаемых, ментальное пространство синкретичных форм неоднородно.

Ключевые слова: словообразовательные аффиксы, форма, значение, функции, когнитивный подход, вариантность, синонимия, синкретизм, синтаксическая, лексическая, лексико-синтаксическая деривация, прагматическая функция суффиксов, ментальное протранство.

I. A. Tsybova

About the Ratio of Form, Value and Functions of Word-Formation Affixes

The article is an attempt to show the correlation between a form, meaning and functions of derivational affixes. The form as a material essence is opposed to the meaning and functions. Derivational meanings (mutational, transpositional, modificational) are not homogeneous, because the word-formation, according to academician V. V. Vinogradov, occupies an intermediate place between grammar and vocabulary. Transpositional meanings by their regularity and generalization approach grammatical meanings while mutational meanings are more close to lexical meanings. Derivational affixes fulfill a cognitive function when they join the concept of the underlying word together with the concept of the affix in order to create a new concept of the derivative word. Derivational affixes function in syntactical, lexical and lexico-syntactical derivation. Suffixes expressing emotions or estimation of addresser fulfill a pragmatic function. Affixes can not fulfill a communicative function. In the article the questions of variation, synonymy and syncretism are considered from the cognitive point of view. According to E. S. Kubryakova, synonyms occupy different places in the same mental space corresponding with different ways of reality representation. From the cognitive point of view, variants occupy adjacent places in the same mental space and represent the reality by adjacent ways. As the syncretism means coincidence of signifyings in different signifieds, mental space of syncretical forms is not homogeneous.

Keywords: derivational affixes, form, meaning, functions, cognitive point of view, variation, synonymy, syncretism, syntactical, lexical, lexico-syntactical derivation, pragmatic function, mental space.

Введение

В данной статье принимается следующее понимание **формы**. «Форма – внешняя, наблюдаемая, связанная со слуховым (или зрительным) восприятием сторона языка» [1, с. 557], план выражения, материальная сторона языкового знака, его означающее. Главное в этом понимании – **материальность** формы. Форма противопоставляется значению и функциям.

Словообразовательные значения (СЗ): «мутационные (например, носителя признака, производителя действия), транспозиционные (например, опредмеченного действия или признака), модификационные (например, градационные, указывающие на ту или иную степень проявления при-

© Цыбова И. А., 2018

знака)» [2, с. 116]. Поскольку статус словообразования промежуточный (между грамматикой и лексикой) [3, с. 155-156], то СЗ неоднородны: так, транспозиционные значения по своей регулярности и обобщенности ближе к грамматическим значениям, а мутационные – к лексическим.

Словообразовательные аффиксы не могут выполнять все **функции** языка (аффиксы не выполняют коммуникативную функцию). **Функцией** словообразовательного аффикса является производство нового слова или воспроизводство готового слова. Тем самым он выполняет **когнитивную функцию**, объединяя концепт производящего слова с более абстрактным концептом аффикса и создавая новый концепт – концепт производного слова. Кроме того, некоторые суффиксы могут выполнять **эмоционально-экспрессивную функцию,** обслуживая тем самым **прагматику словообразования**.

Цель статьи – показать соотношение **формы, значения** и **функций** словообразовательных аффиксов в слове.

Что касается соотношения **формы** и **значения аффиксов**, хотелось бы остановиться на следующих проблемах: **вариантность, синонимия** и **синкретизм**.

Вариантность плана выражения исследовалась неоднократно [4; 5]. Внутриязыковая вариантность – следствие асимметрии языкового знака. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «отношения вариантности могут связывать между собой только однородные элементы» [6, с. 38]. В данной статье рассматривается вариантность на морфемном уровне. В. В. Виноградов видел варианты суффиксов в русском языке внутри словообразовательного типа, например: *–ия/ –зия, –ция, –сия* (*гармония/ редакция*) [3, с. 163; 7, с. 112]. В статье вслед за В. В. Виноградовым рассматриваются варианты аффиксов, а не лишенные семантического значения интерфиксы [см.: 8, с. 113-133], или субморфы [9, с. 84-104]. Примеры комбинаторных **вариантов аффиксов** во французском языке: а) **суффиксов**: *–ier/ –tier, –erie/ –terie* (ср.: *poisson → poissonnier, poissonnerie/ bijou → bijoutier, bijouterie*); *–ien/ éen: Vietnamien/ Coréen*; б) **префиксов**: *in-/ im-, il-, ir-* (*indirect/ impossible, illisible, irréel*); *dé-/ dis- (décharger/ disparaître); en-/ em- (encoder/ embarquer), re-/ r-, ré- (remettre/ rentrer/ réélire)*.

Как соотносятся **вариантность** и **синонимия**? Е. С. Кубрякова отмечает: «В рамках когнитивного подхода синонимы будут скорее рассмотрены как единицы одного ментального или концептуального пространства, но занимающие в этом пространстве **разные места**, а главное, соответствующие в нем **разным образом** обозначаемой или же описываемой действительности» [10, с. 432]. Следовательно, «**варианты** можно определить как единицы одного ментального пространства, занимающие в этом пространстве **смежные места** и соответствующие в нем **смежным образом** обозначаемой или описываемой действительности» [11, с. 127]. Примеры **синонимичных суффиксов** во французском языке: а) суффиксы этнических имен: *–ien* (Italien), *–ais* (Français), *–ois* (Chinois), *–ain* (Américain), среди которых *–ien* можно считать прототипом, а также б) суффиксы, выражающие словообразовательную категорию действия и, или его результата/ состояния: *–age* (éclairage), *–ement* (arrangement), *–ation* (augmentation). Например:

Je n'hésiterais pas non plus à vous faire payer cher toute tentative de *sabotage*. (Mauriac)

L'*éclairage* était assuré par des lampes à pétrole. (Pagnol)

Il la regarda avec un *étonnement* réprobateur. (R. Deforges)

Vers la fin des années 40, une course effrénée aux *armements* commence. (Nouvelle Revue Interntionale, далее – NRI)

Manifestations anti-syriennes à Beyrout. (YAHOO, 28. 02. 2005)

Примеры **синонимичных префиксов**: а) префиксы отрицания: *non-* (non-aligné), *in-* (incroyable); б) префиксы, выражающие некоторые пространственные отношения (*на-, над-*): *super-* (superposer), *sur-* (survoler); в) высокое качество, высокая интенсивность: *super-* (superpuissance), *sur-* (surdoué), *hyper-* (hyperfin), *extra-* (extraordinaire), *archi-* (archicomble), *ultra-* (ultramoderne). Например:

Jean-Georges avait la voix enrouée. *Impossible* d'en placer une. (Beigbeder)

Parmi les pays en voie de développement, beaucoup participent au mouvement des États *non-alignés*. (NRI).

Les congresssistes ont signalé le danger que renferment deux extrêmes: une sous-estimation des forces de guerre, qui engendrerait la passivité, et une *sur-estimation* de leurs possibilités, qui ferait naître le pessimisme. (NRI)

Et sur la Seine il y a une péniche qui va vers Paris. Et qui accepte de nous prendre bien qu'elle soit déjà *archi-bourrée* de Parigots dans notre genre.

La *super-base* U. S de Cam Ramh bombardée. (Humanité)

Il se croit *extra-lucide*, en réalité , il est bourré de préjugés. (Curtis)

Je vis *hyper-mal*. (Humanité)

Ultraconservateur religieux Roy Moor partageait avec le président ses idées populistes. (Le Figaro, 13. 12. 20017)

Под **синкретизмом** понимается «совпадение означающих при различении означаемых» [12, с. 406], «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме» [13, с. 446] (см. также: «Le syncrétisme est le phénomène par lequel des éléments distincts à l'origine ou que l'analyse conduit à dissocier se trouvent mêlés en une forme unique, de mannière apparemment indissociable » [14, с. 475]). Таким образом, ментальное пространство синкретических форм **различно**. Имеются основания говорить о функциональном **синкретизме** таких французских суффиксальных морфем, как *–iste, –ien, –ois, –ard, –eur,* поскольку они могут образовывать как прилагательные, так и существительные (о подсчетах, сделанных по обратному словарю Жюйяна [15]), *gaulliste* (при обозначении деятелей по профессии *–iste* образует лишь существительные: *bouquiniste*), *Egyptien, Chinois, pleurard, travailleur*.

Несколько примеров:

Les *chavistes* ont placardé les rues du centre de la capitale des affiches simulant les avis de recherches des principaux gérants "*terroristes*"< > et dénonçant leurs confortables salaires. (Le Figaro, 16. 12 . 2002)

L'opposition a déposé lundi ses signatures en faveur d'un référendum pour révoquer le président *chaviste* Nicolas Maduro. (Le Figaro, 03.05.2016) Les deux Français tués < > seraient originaires du XIX-e arrondissement de Paris où les enquêteurs estiment être en présence d'une "poussée *djichadiste* de quartier". (YAHOO, 26.01. 2005)

Les cellules de *djihadistes* opéreraient toujours en différents points du territoire (Le Figaro 11. 12. 2017)

Écosse: succès limité des *indépendentistes*. (Le Figaro, 06.05. 2016)

Les élections régionales au Royaume-Uni voient vendredi le succès en demi-teinte pour le parti écossais *indépendentiste* au pouvoir. (ibid.)

Laurent Fontaine "coache" les élus *macronistes* pour 156000 euros les quatre heures. (Le Figaro 10. 12. 2017)

Рассмотрим, как функционируют суффиксальные морфемы в процессе словообразования. В основе предложенного Е. Куриловичем разделения производных на синтаксические и лексические дериваты лежат идеи Ш. Балли о функциональной транспозиции [17, с. 130-131]. Производные разделяются по функциональному принципу: изменяется/ не изменяется синтаксическая функция и лексическое значение (ЛЗ) производного по сравнению с синтаксической функцией и ЛЗ производящего [18, с. 61-63]. Однако классификация Куриловича не охватывает производных с изменением не только синтаксической функции, но и ЛЗ. Такие производные предложено было называть **лексико-синтаксическими дериватами,** а само явление **лексико-синтаксической деривацией**; это, например, отглагольные существительные со значением производителя действия (лицо или орудие): *laveur* (мойщик; моющая машина), *simulateur* (симулянт; тренажер) [19, с. 16-18]. Эти соотношения представлены в таблице.

	Лексическое значение	Функция Категориальное значение
Синтаксическая деривация	Не изменяется	Изменяется
Лексическая деривация	Изменяется	Не изменяется
Лексико-синтаксическая деривация	Изменяется	Изменяется

Примеры синтаксической деривации:

En Égypte, pour la première fois depuis la révolution de 1952, sont marqués avec une telle netteté les pôles de la *différenciation* de classe, avec la *domination* de la clique des spéculateurs et des grands bourgeois d'une part, et la misère, la *privation* des masses laborieuses de tous les droits, de l'autre. (NRI)

Arrestation, chômage, refoulement, Arezki ne s'indignait de rien. (Etcherelli)

Примеры лексической деривации:

Mon père prit l'enveloppe et en découpa le bord avec une habilité de *chirurgien*. (Pagnol)

Mais il existait à côté d'eux, tout autour d'eux, tout au long des rues où ils ne pouvaient pas ne pas marcher, les offres fallacieuses et si chaleureuses pourtant, des *antiquaires*, des *épiciers*, des *papetiers*. (Perec)

Примеры лексико-синтаксической деривации:

Ce sexagénaire massif entourait d'égards son père, Siegfried Schoudler, l'ancêtre, le *fondateur* de la banque Schoudler, un grand vieillard maigre. (Druon)

…devenu *tricoteur, emballeur, livreur*, je suis encore le contremaître que vous haïssez. (Aymé)

Суффиксы *–et (-ette), –ard (-arde), –oche, –ail* могут выступать в **прагматической функции**,

выражая **эмоции** или **оценку** адресанта. Так, диминутивный суффикс *–et (-ette)* может придавать производным значение положительно-ласкательной (*soeurette*) или, наоборот, отрицательно-пренебрежительной оценки (*musiquette*) [20, 21]. Суффиксы *–ard, –ail, –oche* придают производным уничижительно-отрицательное значение, если: а) имеется другое слово нейтрального значения: *chauffeur/ chauffard, écrire/ écrivailler, valise/ valoche* (следует отметить, что суффикс *–oche* характеризует слова сниженного, просторечного стиля (français populaire); см., например: Il saisit la *valoche* à Zazie. (Queneau)); или б) в производящем слове имеется сема отрицательной оценки: *capituler → capitulard.*

Что касается **префиксов**, то, как известно, при префиксации синтаксическая функция производящего и производного слов одинакова.

C'était même *incroyable* qu'avec un tel regard elle ait jamais pu pleurer pour quelque chose. (Courtade)

Hector, vous avez fourni ces dernières semaines un effort *surhumain* et vous êtes exténué. (Aymé)

Казалось бы, исключение представляют весьма активные в современных СМИ префиксы *anti-* и *pro-*. Однако, по мнению некоторых исследователей [22, с . 26; 23, с. 205], в данном случае имеет место не префиксация, а парасинтез с нулевым суффиксом. Таким образом, в производных может наблюдаться **синкретизм** этих префиксов:

Manifestations *anti-guerre* réunissant plusieurs centaines de personnes ont eu lieu mercredi aux États-Unis. (YAHOO, 19. 03. 2003)

Jacques Chirac, chef de file des "*anti-guerre*", a ainsi déploré "le désordre" régnant en Iraq. (YAHOO, 05. 06. 2004)

Des bombardements *antidjihadistes* américains débutent le 8 août. (Le Figaro 11. 12. 2017)

Égypte: les *anti-Morsi* maintiennent la pression. (Le Figaro, 08. 12. 2012)

De jeunes *pro-Poutine* dénoncent "l'opéra d'un pornographe" devant le Bolchoï. Un mouvement de jeunesse *pro-Kremlin* a manifesté mercredi devant le théâtre Bolchoï à Moscou pour protester contre la première représentation d'un opéra écrit par un auteur russe, qualifié par les protestataires de "pornographe". (YAHOO, 23. 03. 2005)

L'opposition libanaise et le pouvoir *pro-syrien* s'acheminent vers une épreuve de force. (YAHOO, 28. 02. 2005)

Manifestations *anti-syriennes* à Beyrout. (ibid)

Plus de 300 Iraqiens ont été tués dans les affrontements entre troupes américaines et rebelles *anti-coalition*. (YAHOO, 09. 04. 2004)

Les *anti-Assad* peinent aplanir leurs divergences.(Le Figaro, 25. 11. 2017)

Les *pro-russes* n'insistent pas sur le départ d'el Assad au début de la transition. (ibid.)

La publicité faite au combat *anti-emprunt* a entraîné comme première conséquence la prise de conscience de l'américanisation du monde… (La Banque des mots, N 27, 1984, p. 7)

La révolte *anti-Le Pen*. (Le Monde, 24. 04. 2002)

Les *anti-Brexit* en ordre dispersé . (Le Figaro, 10. 09. 2017)

Заключение

В статье рассматривается с когнитивных позиций соотношение вариантных и синонимичных словообразовательных аффиксов, показано их различное место в едином концептуальном пространстве. Синкретичные образования занимают другое ментальное пространство. На конкретных примерах показано, как функционируют французские суффиксы и префиксы, роль суффиксов в синтаксической, лексической и лексико-синтаксической деривации, а также роль диминутивно-оценочных и стилистически окрашенных суффиксов в прагматике словообразования.

Библиографический список

1. Булыгина, Т. В., Крылов, С. А. Форма [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 557-558.

2. Лопатин, В. В. Грамматическое значение [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 116-117.

3. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. – М., 1975.

4. Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов), части 1, 2 [Текст]. – М. : АН СССР ордена Трудового Красного Знамени Институт Востоковедения, 1982.

5. Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой картине мира [Текст] : сб научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – М., 2014.

6. Арутюнова, Н. Д. О минимальной единице грамматической системы [Текст] // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969.

7. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове), изд. 2-е. [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972.

8. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование [Текст] : учеб. пособие для студентов

пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз и литература» / Е. А. Земская. – М., «Просвещение», 1973.

9. Чинчлей, Г. С. Вопросы тождества морфемы и супплетивизм [Текст] / Г. С. Чинчлей. – Кишинев : «Штиинца», 1980.

10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

11. Цыбова, И. А. О словообразовательной вариантности и синонимии [Текст] // Когнитивные исследования языка, выпуск XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – Москва-Тамбов, 2014. – С. 127-130.

12. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966

13. Бабайцева, В. В. Синкретизм [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 446.

14. Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C., Marcellesi J.-B., Mevel J.-P. Dictionnaire de linguistique. – P. : Larousse, 1973.

15. Juillland A. Dictionnaire inverse de la langue française. – London. – The Hague. – Paris : Mouton and Co, 1965.

16. Цыбова И. А. Du syncrétisme de quelques morphèmes suffixaux du français contemporain // Actes du XIIIe Congrès international de Linguistique et de Philologie Romanes. – Québec, Canada, 1976. – P. 641-646.

17. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Перевод с третьего французского издания Е. В. и Т. В. Вентцель. Редакция, вступительная статья и примечания Р. А. Будагова. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955.

18. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Текст] / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962.

19. Цыбова, И. А. Проблемы словообразовательного анализа и синтеза (на материале суффиксации в современном французском языке [Текст] / И. А. Цыбова. – М., 1990.

20. Hasselrot B. Étude sur la vitalité de la formation diminutive française au XX-ème siècle. – Uppsala, 1972.

21. Tsybova I. A. Perspective de l'étude confrontative de la formation de mots en français et en italien // Ученые записки МГПИ. Том 6. – М., 2008. – С. 497-507.

22. Чинчлей, Г. С. Некоторые вопросы теории парасинтеза [Текст] / Г. С. Чинчлей. – Кишинев, 1972.

23. Guilbert L. La créativité lexicale. – P. : Larousse, 1975.

Reference List

1. Bulygina, T. V., Krylov, S. A. Forma Form [Tekst] // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. – M., 1990. – S. 557-558.

2. Lopatin, V. V. Grammaticheskoe znachenie Grammatical meaning [Tekst] // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. – M., 1990. – S. 116-117.

3. Vinogradov, V. V. Issledovanija po russkoj grammatike: Izbrannye trudy = Researches on the Russian grammar: Selected works [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M., 1975.

4. Variantnost' kak svojstvo jazykovoj sistemy (tezisy dokladov), chasti 1, 2 = Alternativeness as property of a language system (theses of reports), Parts 1, 2 [Tekst]. – M. : AN SSSR ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Institut Vostokovedenija, 1982.

5. Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v jazykovoj kartine mira = Cognitive researches of language. Issue XIX. Cognitive variation in a linguistic view of the world [Tekst] : sb nauchnyh trudov / otv. red. vyp. V. Z. Dem'jankov. – M., 2014.

6. Arutjunova, N. D. O minimal'noj edinice grammaticheskoj sistemy = About the minimum unit of a grammatical system [Tekst] // Edinicy raznyh urovnej grammaticheskogo stroja jazyka i ih vzaimodejstvie = Units of different levels of a grammatical system of the language and their interaction. – M., 1969.

7. Vinogradov, V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove), izd. 2-e. = Russian (the grammatical doctrine about a word), the 2nd edition. [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Vysshaja shkola, 1972.

8. Zemskaja, E. A. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie = Modern Russian. Word formation [Tekst] : ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po special'nosti № 2101 «Rus. jaz i literatura» / E. A. Zemskaja. – M., «Prosveshhenie», 1973.

9. Chinchlej, G. S. Voprosy tozhdestva morfemy i suppletivizm = Questions of identity of a morpheme and suppletion [Tekst] / G. S. Chinchlej. – Kishinev : «Shtiinca», 1980.

10. Kubrjakova, E. S. Jazyk i znanie: na puti poluchenija znanij o jazyke. Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge: on the way of knowledge acquisition about language. Parts of speech from the cognitive point of view. A language role in knowledge of the world [Tekst] / E. S. Kubrjakova. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

11. Cybova, I. A. O slovoobrazovatel'noj variantnosti i sinonimii = About word-formation alternativeness and synonymy [Tekst] // Kognitivnye issledovanija jazyka, vypusk XIX. Kognitivnoe var'irovanie v jazykovoj interpretacii mira: sbornik nauchnyh trudov = Cognitive researches of language, issue XIX. Cognitive variation in language interpretation of the world: collection of scientific works / otv. red. vyp. V. Z. Dem'jankov. – Moskva-Tambov, 2014. – S. 127-130.

12. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms [Tekst] / O. S. Ahmanova. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1966

13. Babajceva, V. V. Sinkretizm = Syncretism [Tekst] // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. – M., 1990. – S. 446.

14. Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C., Marcellesi J.-B., Mevel J.-P. Dictionnaire de linguistique. – P. : Larousse, 1973.

15. Juillland A. Dictionnaire inverse de la langue française. – London. – The Hague. – Paris : Mouton and Co, 1965.

16. Cybova I. A. Du syncrétisme de quelques morphèmes suffixaux du français contemporain // Actes du XIIIe Congrès international de Linguistique et de Philologie Romanes. – Québec, Canada, 1976. – P. 641-646.

17. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka. Perevod s tret'ego francuzskogo izdanija E. V. i T. V. Ventcel' = General linguistics and questions of the French language. Translation from the third French edition by E. V. and T. V. Venttsel [Tekst] / redakcija, vstupitel'naja stat'ja i primechanija R. A. Budagova. – M. : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1955.

18. Kurilovich, E. Ocherki po lingvistike = Essays on linguistics [Tekst] / E. Kurilovich. – M. : Izd-vo inostrannoj literatury, 1962.

19. Cybova, I. A. Problemy slovoobrazovatel'nogo analiza i sinteza (na materiale suffiksacii v sovremennom francuzskom jazyke = Problems of the word-formation analysis and synthesis (on material of suffixation in modern French [Tekst] / I. A. Cybova. – M., 1990.

20. Hasselrot B. Étude sur la vitalité de la formation diminutive française au XX-ème siècle. – Uppsala, 1972.

21. Tsybova I. A. Perspective de l'étude confrontative de la formation de mots en français et en italien // Uchenye zapiski MGPI. Tom 6. – M., 2008. – S. 497-507.

22. Chinchlej, G. S. Nekotorye voprosy teorii parasinteza [Tekst] / G. S. Chinchlej. – Kishinev, 1972.

23. Guilbert L. La créativité lexicale. – P. : Larousse, 1975.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10203

УДК 811. 373.47

Е. И. Беглова

https://orcid.org/0000-0002-3208-0549

Фразеологические единицы как смысловое и эмоциональное ядро современного журнального текста

Исследуются тексты журналов 2017-2018 гг. с точки зрения специфики использования фразеологических единиц. Объектом явились журналы «Загадки истории» и «Русская история», содержащие тексты, отражающие исторические факты, лица и пр. Предметом нашего внимания стали фразеологические единицы, формирующие смысл текста, а также его стилевую особенность и эмоциональный тон. Задачами исследования явились: выявление особенностей использования ФЕ в современных журнальных текстах, передающих исторические факты и сведения; установление специфики трансформирования ФЕ адресантом текста, а также определение уровня языковой компетентности современного журналиста как современной языковой личности. Цель работы – провести анализ роли фразеологических единиц в создании актуального смысла и эмоционального тона журнального текста на материале журналов 2017-2018 гг., отражающих историческую, фактическую и научную информацию. Основные выводы, к которым мы пришли: используются ФЕ преимущественно с разговорно-просторечной окраской, что способствует «оживлению» текста, содержащего историческую информацию. В результате такого употребления ФЕ эта информация воспринимается адресантом эффективно. Выявлено, что в журнальном тексте наблюдается особый прием подачи информации адресантом – смешение публицистических и разговорно-просторечных слов и фразеологических единиц с целью придания «живости» тексту в жанре статьи, свойственной жанру рассказа в разговорном или художественном стилях. В журнальных текстах используются фразеологические единицы преимущественно с разговорно-просторечной окраской, отражающие народную русскую культуру, ментальность русского человека, демонстрирующую смеховое начало, то есть отношение к трудностям с шуткой, иронией, сарказмом, что также придает «живость» в передаче смысла текста, облегчающую восприятие адресантом исторических сведений. Все это имеет большое значение для изучения языка современных СМИ, а также для поднятия уровня языковой компетентности не только современных журналистов, но и адресата их текстов.

Ключевые слова: журнальный текст, фразеологическая единица, приемы трансформирования фразеологических единиц, функция, языковая компетентность, жанр текста, язык СМИ.

E. I. Beglova

Phraseological Units as a Semantic and Emotional Kernel of the Modern Journal Text

The article examines the texts of 2017-2018 journals in terms of the specifics of use of phraseological units. The object of the study is the magazines «Zagadki istorii» and «Russkaja istorija» which contain texts that reflect historical facts, persons, etc. The subject of the article is phraseological units which form the meaning of the text and its style feature and emotional tone. The research objectives are as follows: identification of the features of use of phraseological units in modern journal texts that reflect historical facts and information; description of the specifics of transformation of the phraseological units, as well as detection of the level of language competence of a modern journalist as a modern linguistic personality. The purpose of the work is to analyze the role of phraseological units in the expression of the actual meaning and the defining emotional tone of the journal text on the material of the 2017-2018 journals that reflect historical factual and scientific information. The main conclusion that we have come to is that phraseological units with colloquial-vernacular coloring are primarily used. It helps to «revive» the text containing historical information. As a result of such use of phraseological units the information is perceived by the addressee effectively. It is revealed that in the journal text there is a special method of submitting information by the addresser – mixing publicistic, colloquial words and phraseological units with the purpose of giving «liveliness» to the text in the genre of the article that is peculiar to the genre of the story in colloquial or artistic styles. In the journal texts phraseological units with colloquial-vernacular coloring are mainly used which reflect the Russian folk culture, the mentality of the Russian person demonstrating laughing principles, i.e. the attitude to difficulties with a joke, irony, sarcasm; it also gives «liveliness» in conveying the meaning of the text in order to facilitate the perception of historical information by the addressee. All this is of great importance for studying the language of modern media, as well as for raising the level of language competence not only of modern journalists, but also of the addressee of their texts.

Keywords: journal text, phraseological unit, methods of transformation of phraseological units, function, language competence, genre of text, language of the media.

Фразеологические единицы (ФЕ) отражают не только богатство русского языка, но и мировоззрение русского народа, его отношение к окружающему миру. В своей семантике они запечатлева-

© Беглова Е. И., 2018

ют жизненный опыт русского человека, в целом особенности русской культуры, в частности народной культуры. ФЕ являются изобразительно-выразительным, образным, аксиологическим средством русского национального и русского литературного языка. Большое количество работ посвящено изучению функций и приемов их использования в текстах художественной литературы [6; 10], текстах СМИ [2; 11; 13], в разговорной речи. Интерес для лингвистов представляют фразеологизмы и специфика их использования в СМИ разных стран, например, в немецкой прессе [1; 13], исследование фразеологических единиц в сравнительном аспекте [1, с. 77-87; 5]. Отметим тот факт, что фразеологизмы в журнальных текстах изучены недостаточно, имеются единичные работы, обращенные к особенностям языка современных журналов [9, с. 193]. Цель нашей статьи заключается в анализе роли фразеологических единиц в создании актуального смысла и доминирующего эмоционального тона журнального текста 2017-2018 гг., отражающего историческую фактическую и научную информацию. Для реализации цели нами были изучены тексты журналов «Тайны XX века» и «Загадки истории», что позволило выявить особенности употребления ФЕ, а также уровень языковой компетентности конкретных журналистов как языковых личностей XXI в., когда наблюдается кризис культуры русской речи, низкий уровень языковой компетентности большей части журналистов, как и современного человека, предпочитающих разговорный стиль как в устной, так и в письменной форме, что выражается в стилистических, лексических, грамматических ошибках, допускаемых в публичной устной и письменной речи [3, с. 89-94].

Следует учесть тот факт, что язык современных СМИ оказывает определяющее влияние на формирование речевого вкуса нашего современника, что усиливает кризис культуры русской речи, если в текстах содержатся разного рода ошибки, или, наоборот, формируется ответственное отношение к выбору языковых средств, интерес к нормам языка и стилям речи.

Объектом данного исследования послужил журнальный текст, а предметом – фразеологические единицы, являющиеся основным средством передачи не только смысла, но и доминирующего эмоционально-оценочного тона текста. Задачи нашей статьи заключаются в следующем: выявить особенности использования фразеологических единиц, функционирующих в журнальных текстах 2017-2018 гг. (исследованы журналы, содержащие исторический материал: «Загадки истории» и «Русская история»); определить приемы использования фразеологических единиц в роли рациональных и эмоционально-оценочных единиц текста; оценить языковую компетентность современного журналиста как современной языковой личности.

Известно, что ФЕ часто играют смыслообразующую роль в тексте, о чем мы уже говорили ранее [2, с. 257-261]. Чтобы более четко показать смыслообразующую роль ФЕ в современном журнальном тексте, считаем необходимым напомнить о том, что в текстах малых речевых жанров ФЕ выполняют одновременно смыслообразующую и текстообразующую функции, подвергаясь различным приемам трансформирования, как и в художественном тексте. Приемы изменения адресантом ФЕ в текстах СМИ изучались ранее, например, на материале газетных статей К. С. Корюкаевой [7; 8]. В этих случаях автор художественного текста или адресант текста малого речевого жанра (афоризма, мини-анекдота) выступает как языковая личность с высоким уровнем речевой культуры и языковой компетентности. Обратимся к одностишиям В. Чхана [17]. Например: *Запятые и точки жили препинаючи.* З*наки препинания – препинаючи,* то есть знаки препинания приводят к преградам в речи – паузам; используется прием паронимической аттракции слов *препинаючи – припеваючии* и наблюдается языковая ассоциация с ФЕ *жить припеваючи*. *Забыл заречься от сумы и спохватился лишь на зоне.* Смысл одностишия порождается на основе языковой пресуппозиции адресанта и адресата – паремии *От сумы да от тюрьмы не зарекайся. Зона* – это *тюрьма*, *сума* – это нищета, приводящая к воровству и другим преступлениям. Аналогичный прием языковой пресуппозиции – фразеологической единицы – используется в следующих одностишиях В. Чхана: *Были бы ребра, а бес нужное найдет.* ФЕ *бес в ребро*, имеющая разговорную окраску и значение «волокита, бабник» [15, с. 21], создает текстуальный иронический смысл «легко поддаться искушению». Или: *Клиент был* ***послан*** *на очень* ***подальше.*** ФЕ *послать подальше* с просторечной окраской в значении «выругать кого-либо» [15, с. 412]. Благодаря приему разрыва компонентов ФЕ и вставкой наречия *очень*, передающего высокую степень действия, выраженного глаголом *послать*, в тексте получает коннотацию «отказать клиенту в чем-либо в грубой форме». Следует отметить, что не только в данных выше одностишиях, но и в журнальных текстах традиционные приемы трансформирования фразеологических единиц, вызывающие ассоциации адресата разного плана на основе общих фоновых знаний адресанта и адресата, обусловливают появле-

ние нового смысла и эмоциональной тональности текста, например, в данных выше одностишиях – шутливого или иронического тона.

Наши наблюдения за использованием ФЕ в журнальных текстах позволяют утверждать, что подобную смыслообразующую функцию ФЕ выполняют в журнальном тексте, имеющем большой объем по сравнению с одностишием или форизмом. Проанализируем несколько журнальных текстов разных жанров с точки зрения создания нового актуального смысла текста благодаря употреблению ФЕ и паремий. Например, текст в жанре мини-анекдота, данный в рубрике «Исторические анекдоты»: заголовок «***Неприятель на носу»***. Текст: *У князя Багратиона был довольно-таки выдающийся нос. Как-то Денис Давыдов явился к князю и доложил: «Ваше сиятельство, неприятель* ***на носу****». «На чьем носу? – уточнил Багратион. – Если на вашем, то неприятель действительно близко, а если на моем, так мы с вами еще успеем отобедать»* (Русская история. 2018. № 6. С. 39). Просторечная ФЕ *на носу* как вариант ФЕ *под носом* имеет значение «очень близко, в непосредственной близости» [15, с. 335]; в тексте значение ФЕ подвергается деметафоризации, в результате чего порождается новый смысл текста, ориентированный на большую величину носа персонажа. Или аналогичное употребление ФЕ: заголовок ***«Последние защитники».*** *Лид. «На вершине крутой скалы, на высоте 450 метров над уровнем Мертвого моря, в Иудейских горах стоит мощное укрепление (именно так переводится с иврита слово* ***«мецада»****), со всех сторон окруженное крутыми обрывами и пропастями. Это остатки великой крепости под названием* ***Масада,*** *о которую в свое время едва* ***не обломал зубы*** *воинственный Рим* (Стрекалова И. Последние защитники Масады // Загадки истории. 2018. № 3.). Значение ФЕ *обломать зубы* «терпеть неудачу в каком-либо деле» [16, с. 232] частично деметафоризируется, усиливая величие и неприступность крепости Масада, то есть создается выразительный образ крепости. Прием деметафоризации значений компонентов ФЕ частотен в текстах малых речевых жанров и в художественных текстах. Как показали наши наблюдения за употреблением ФЕ в современном журнальном тексте, этот прием трансформирования ФЕ в нем также актуален. Продемонстрируем сказанное еще одним примером: *До момента его женитьбы (известного российского изобретателя XX в. Льва Сергеевича Термена. – Е. Б.) на балерине Лавинии Уильямс (мулатке), когда этот союз не одобрила большая часть расистов-толстосумов, органы КГБ «довольные его деятельностью, не вмешивались в жизнь Льва Сергеевича. Но после того, как, женившись на мулатке, он лишился поставщиков секретных сведений, Термена срочно вызвали на родину и принялись* ***«шить дело»*** *по* ***известным лекалам****. …» …В 1947 году Льва Сергеевича Термена освободили. В 1993 году, в нищете и безвестности, он скончался* (Бутман И. Безвестная знаменитость // Загадки истории. 2018. № 3). Фразеологическая единица «*шить дело»* автор берет в кавычки, демонстрируя ненормированный характер этого словосочетания, частотного в уголовной речи. Однако это словосочетание фиксируется во фразеологических словарях русского языка: *пришивать (шить) дело* – «просторечное, ложно обвинять кого-либо в каком-либо преступлении» [16, с. 360]. В уголовной речи глагол *шить* имеет ряд значений, одно из которых «необоснованно обвинять кого-либо в чем-либо» [10, с. 691]. Компонентный состав ФЕ *шить дело* расширяется компонентами *по известным лекалам,* являющимися синонимической заменой компонентов ФЕ *шить на свой покрой*, отмечающейся в словаре как *устаревшая* в значении «делать что-либо на свой образец» [15, с. 596]. Или: *Лид. Середина XIII века на Руси выдалась временем тревожным. Страна была разорена междоусобицами и набегами. С востока – Орда, с запада – крестоносцы и Литва. Казалось,* ***между двух огней*** *не устоять* (Шаров Б. Александр Невский: между Востоком и Западом // Русская история. 2018. № 2). Орда и Литва – это два огня, которые воспринимаются как реальные огненные места, между которыми находятся люди. ФЕ *между двух огней* «оказаться или быть в таком положении, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон [16, с. 294], являющаяся фразеологическим единством по степени семантической слитности компонентов, образовавшаяся в результате метафорического переноса значения, частично деметафоризируется.

Мы наблюдали редкий прием трансформирования ФЕ в текстах исследуемых журналов: наделение одного из компонентов ФЕ конкретным значением, что приводит к порождению журнального текста с таким же конкретным смыслом. Например, заголовок ***«Рука руку моет».*** Далее текст начинает раскрывать текстовое значение заголовочной ФЕ: *Казалось, что скопинские купцы* ***попали в точку.*** *У Рыкова обнаружился настоящий талант финансиста. … Настораживало одно обстоятельство. Почему-то Рыков не принимал вклады от жителей Рязанской губернии и родного Скопина. … Впрочем, жители Скопина были на Рыкова не в обиде. Он, как и обещал, треть прибыли тратил на нужды города. Благодаря этому скромный уездный городок стал про-*

цветать. В нем появилась железная дорога, связавшая его со столицей, как грибы росли новые учебные и общественные учреждения. ... Он помогал не бедным, а нужным людям. Практически все чиновники города были ему обязаны. ***Мировой судья*** *Скопина регулярно получал от банка по 500 рублей. Получали квартирные деньги* ***уездный исправник*** *и его* ***помощник****. Получал добавочное жалование* ***секретарь городской управы****. А также* ***телеграфисты, полицейские и почтмейстер.*** *Большинство депутатов городской думы взяли кредиты в банке, которые не торопились возвращать.*

В должниках оказались не только скопинские власти, но и рязанские: ***вице-губернатор, предводитель дворянства, советник губернского управления, прокурор*** *и другие важные лица. В результате все местные чиновники работали в интересах скопинского банкира. Прокурор рязанского суда пекся о назначении в Скопин угодных Рыкову лиц, а скопинский судья сажал в тюрьму ему неугодных. Почтмейстер просматривал корреспонденцию, чтобы не пропустить за пределы губернии жалобы на любимого банкира. В общем,* ***все*** *и везде у Рыкова было* ***схвачено****. Однако это требовало больших финансовых затрат. А банк вместо прибыли приносил одни убытки* (Логинов О. Первая финансовая пирамида // Русская история. № 46/С. 2017. С. 8-9). Устаревшая ФЕ *мыть рукой руку* (в тексте вариант *рука руку моет*) имеет значение «не выдавать, покрывать друг друга» [СФ, с. 306]. В тексте конкретизируется значение фразеологического компонента *рука*: с одной стороны, *рука* – это мошенник Рыков, с другой – чиновники, государственные служащие: вице-губернатор, мировой судья, уездный исправник, предводитель дворянства, секретарь городской управы, прокурор и др. В результате приема наделения компонента ФЕ рука конкретным значением через метафорическое значение порождается текст с конкретным содержанием. ФЕ *рука руку моет* в данном тексте выполняет смысловую функцию, являясь смысловым ядром текста в целом.

Иногда большой по объему текст порождается повтором ФЕ, при этом ФЕ является заголовком, а затем в конце текста она используется как выразительное, эмоциональное средство, усиливающее смысл и эмоции, оценки текста в целом. Например, заголовок ***«У разбитого корыта».*** Текст. *Началом краха Рыкова (скопинского банкира) стала проверка ревизором Хросницким его угольного дела, который объехал скопинские угольные месторождения (уголь был обнаружен, но в недостаточном количестве для промышленной его добычи) и обнаружил, что никто там уголь не добывает и не собирается этого делать, в то время как молва шла об успешной добыче угля. Окончательно его добили газетчики, которые прознали, что 12 миллионов вкладов в Скопинском банке реально обеспечены лишь миллионом рублей. Немного не дотянув до своего 20-летнего юбилея, банк в 1882 году* ***лопнул с треском****.*

Рыкова взяли под стражу. Судили его в Москве. Судебный процесс вызвал огромный ажиотаж, а город Скопин стал известен всей России, в том числе благодаря публикациям присутствовавшего на процессе молодого и пока еще мало известного журналиста Антона Чехова. ... На суде выяснилось, что миллионы доверенных рублей Рыков не украл. Жил он скромно, два-три его имения были заложены-перезаложены. Не было у него ни вилл на Лазурном берегу, ни счетов в швейцарских банках. Огромные средства он просто ***разбазарил****, пускаясь в рисковые финансовые операции. Рыкова отправили отбывать наказание в Сибирь. Интересы вкладчиков банка на суде защищал известный адвокат Федор Плевако, только добиться чего-либо существенного для своих клиентов он не сумел. Те оказались* ***у разбитого корыта*** *так же, как и вкладчики российских финансовых пирамид XX века* (Логинов О. Первая финансовая пирамида // Русская история. № 46/С. 2017. С. 9). ФЕ *у разбитого корыта* (оказаться) в значении «оказаться ни с чем, потерять все имевшееся» [15, с. 257] является смысловым ядром данного текста и ассоциируется с литературной пресуппозицией «разбогатеть внезапно, а потом неожиданно разом все приобретенное потерять» (литературная пресуппозиция «Сказка о рыбаке и рыбке», послужившая источником появления ФЕ *оказаться у разбитого корыта*). Усиление смысла и отрицательной оценки потери приобретенного в тексте создается словами-синонимами *крах, разбазарил*, а также ФЕ *лопнуть с треском*.

Или используется повтор ФЕ для усиления отрицательной характеристики героя текста, когда этот повтор является цитатой из другого текста, то есть интертекстуальность как свойство современного медиатекста расширяется от ассоциаций с языковыми пресуппозициями до текстовых пресуппозиций. Например, подзаголовок ***«Негде пробы ставить».*** Текст. *Николай Савин считается* ***выдающимся мошенником****, который и итальянское правительство обманул, и Зимний дворец доверчивому иностранцу* ***втюхал****, и чуть было королем Болгарии не стал. Его вспоминает даже Остап Бендер в романе «Золотой теленок»: «Возьмем, наконец, корнета Савина.* ***Аферист***

выдающийся, как говорится, ***негде пробы ставить****». Но, вероятно, громкая слава и есть главная* ***афера*** *в жизни корнета Савина, пускавшего о себе байки в духе барона Мюнхаузена. Он действительно был* ***талантливым мошенником*** *и ловким* ***прохиндеем****, но и заплатил за свои проделки немало – двадцатью пятью годами свободы. Этот внушительный срок сложился из множества маленьких, поскольку аферы Савина в действительности не были столь уж значительными. Тем не менее, Николай Герасимович до глубокой старости занимался* ***обманом****.* …(Логинов О. Великий комбинатор // Русская история. 2018. № 2.). Значение ФЕ *негде пробы ставить* раскрывается в самом тексте, в частности в цитате поясняется синонимом *аферист.* Прецедентные литературные тексты «Золотой теленок» и «Приключения барона Мюнхаузена» усиливают отрицательную характеристику корнета Савина, являющегося хитрым обманщиком, но одновременно и эвфемизируют его преступные действия, так как это не просто мошенник, а *талантливый мошенник*. В тексте используется лексика с семой *«обманывать»*. Во-первых, это слова и выражения, характеризующие корнета как асоциальную личность, образующие синонимический ряд: слово *мошенник,* которое определяется лексемами *выдающийся* и *талантливый*, что эвфемизирует преступные действия Савина как исторической личности; *аферист, прохиндей*; во-вторых, лексика, отражающая преступные действия, которая в тексте представлена синонимами: глаголами *втюхал* (просторечное), *обманул*; а также синонимами-существительными *афера* и *обман*. В тексте создается эмоция приятного удивления, вызванного исторической личностью корнета Савина.

Анализируемый нами текст журналиста О. Логинова «Великий комбинатор» (Речь идет о русском корнете Николае Герасимовиче Савине. – Е. Б.) включает, по нашим подсчетам, 10 ФЕ с разговорной и просторечной окраской, эксплицирующих иронию и отрицательную оценку действий известного мошенника XIX – начала XX вв., вошедшего в историю как международный аферист именно благодаря обману: *в казне Болгарии в то время* ***гулял ветер****, такого гусарский корнет* ***не мог представить*** *себе* ***даже во сне,*** *фантастическая перспектива стать князем Болгарии* ***рассыпалась в прах****; Набрав изрядно денег, сел на пароход и* ***был таков****; … дурача всех, кто оказывался у него на пути, с помощью фальшивых ценных бумаг и* ***хорошо подвешенного языка****; Савин уже не отваживался* ***пудрить мозги*** *министрам и зарабатывал на жизнь более мелкими проделками; Жизнь Савина* ***покатилась по наклонной*** *в 1902 году, В 1937 году Николай Герасимович Савин* ***отдал богу душу*** *в больнице для бедных.* Подобные приемы употребления ФЕ в журнальных статьях и исторических анекдотах частотны у журналистов О. Логинова, Б. Шарова, И. Бутмана, Б. Сарпинского, Л. Макаровой. Можно утверждать, что фразеологические единицы в текстах исследуемых журналов являются частотным языковым средством для создания смысла, а также выражения оценок и эмоций.

Выводы. Таким образом, с одной стороны, журналист как языковая личность, представляя историческую информацию адресату в тексте, придает этому тексту живой разговорный оттенок с помощью употребления фразеологических единиц с разговорной и просторечной окраской, а также разговорно-просторечной лексики, в том числе синонимичной ФЕ в пределах одного текста, усиливающей «живость» стиля изложения. С другой стороны, разговорно-просторечные ФЕ способствуют эвфемизации жестоких или преступных явлений, деяний конкретных исторических лиц, о которых идет речь в журнальных текстах. Создается иронический тон или эмоции удивления, недоумения.

Особую роль ФЕ играют в некоторых жанрах, в частности в текстах малых речевых жанров, которые встречаются и в журналах: одностишиях, афоризмах, исторических анекдотах; последним в названных журналах посвящены рубрики «Байки из прошлого» (Загадки истории), «Исторические анекдоты» (Русская история). Благодаря «оживлению» текста фразеологическими единицами и разговорно-просторечной лексикой, содержащего историческую информацию, эта информация воспринимается адресантом с большим интересом, лучше воспринимается и запоминается. В этом смысле можно говорить об особом приеме подачи информации адресантом современного журнального текста – смешении публицистических и разговорно-просторечных слов, фразеологических единиц с целью придания «живости» тексту в жанре статьи, свойственной жанру рассказа в разговорном или художественном стилях.

Особо следует отметить тот факт, что в журнальных текстах используются фразеологические единицы преимущественно с разговорно-просторечной окраской, отражающие народную русскую культуру, ментальность русского человека, демонстрирующие их смеховое начало, то есть отношение к разного рода трудностям с шуткой, иронией, сарказмом, что также придает «живость» в передаче смысла текста, облегчающую восприятие адресантом исторических сведений.

Результаты нашего исследования важны прежде всего для изучения языка современных СМИ, а также для поднятия уровня языковой компетентности современных журналистов и адресата их текстов. Например, журналисты, обладающие высоким уровнем языковой компетентности, владеющие нормой современного русского языка и отступающие от нее мотивированно, создающие свои тексты с помощью приемов особой организации и употребления средств языка, создают свой индивидуальный стиль, обогащая русскую речь, совершенствую языковую и жанровую природу публицистического стиля. Их идиостили достойны внимания исследователей не только с точки зрения особенностей языка современных СМИ, но и с позиций словесного творчества журналиста как языковой личности.

Библиографический список

1. Баташева, А. А. Лингвистические способы интерпретации медиасобытия (на примере освещения конфликта в Сирии в изданиях «Коммерсант» и «Die Zeit») [Текст] / А. А. Баташева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2017. – № 5 (61). – Якутск : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова». – С. 77-87.

2. Беглова, Е. И. Фразеологизмы и паремии как средство оценки и акцентуации смысла в современных печатных СМИ [Текст] / Е. И. Беглова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: материалы II междунар. научн.-практ. конференции; г. Пенза, 26-28 октября 2017 г. / под ред. Г. И. Канакиной, И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – 292 с. – С. 257-261.

3. Бочкарева, А. С. Языковая норма и печать [Текст] / А. С. Бочкарева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 8. – С. 89-94.

4. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 1993. – 537 с.

5. Ильющенко, Н. С. Функционально-стилистический компонент коннотации антропоморфных фразеологизмов в английском и русском языках [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2016. – № 3. – С. 246-253.

6. Кашпар, М. С. Новаторство В. М. Шукшина в использовании фразеологизмов [Текст] / М. С. Кашпар // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. научн. статей по материалам докладов и сообщений конференции / сост. Л. Ф. Копосов. – Вып. XVII. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – С. 131-139.

7. Корюкаева, К. С. Традиционные исконные фразеологизмы в журналистских текстах [Текст] / К. С. Корюкаева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – № 11-12. – М. : ООО «Научные технологии». – С. 162-166.

8. Корюкаева, К. С. Устойчивые выражения и фразеологизмы в современной политической речи / К. С. Корюкаева // Общественные науки. – 2015. – № 6. – М. : Издательство АНО «Международный исследовательский институт», 2015. – С. 88-96.

9. Кулакова, Е. М. Прецедентные феномены в текстах журнала «Ровесник» [Текст] / Е. М. Кулакова // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. научн. статей по материалам докладов и сообщений конференции / сост. Л. Ф. Копосов. – Вып. XVII. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – С. 190-194.

10. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русского жаргона [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.

11. Петрашевская, В. В. Проблемы функционирования разеологических единиц в текстах печатных СМИ [Электронный ресурс] / В. В. Петрашевская. – URL: https://infourok.ru/statya-problemi-funkcionirovaniya-frazeologicheskih-edinic-v-tekstah-pechatnih-smi-1187378.html

12. Степаненкова, Т. В. Процессуальные фразеологические единицы церковно-библейского происхождения в художественном пространстве А. С. Пушкина / Т. В. Степаненкова [Текст] // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. научн. тр. по итогам междунар. научн. конф., посв. 75-летию проф. К. А. Войловой (г. Москва, 1 марта 2018 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – С. 304-307.

13. У Тин. Употребление фразеологизма в современном газетном заголовке [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 1294-1297. – URL: https://moluch.ru/archive/113/29367/

14. Фомичева, М. П., Перекалин, М. С. Особенности использования фразеологизмов в современной немецкой прессе [Электронный ресурс] / М. П. Фомичева, М. С. Перекалин // Филологический аспект. – 2017. – № 5 (25). – URL: http://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-ispolzovaniya-frazeologizmov-v-tekstakh-sovremennoj-nemetskoj-pressy.html

15. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. [Текст] / под. ред. А. И. Федорова. – М. : Топикал, 1995. – 608 с.

16. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под. ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.

17. Чхан, В. Стихи.РУ [Электронный ресурс] / В. Чхан. – URL: http://www.stihi.ru/avtor/vladi8

Reference List

1. Batasheva, A. A. Lingvisticheskie sposoby interpretacii mediasobytija (na primere osveshhenija konflikta v Sirii v izdanijah «Kommersant» i «Die Zeit») = Linguistic ways of interpretation of a media event (on the example of covering the conflict in Syria in the «Kommersant» and «Die Zeit» editions) [Tekst] / A. A. Batasheva // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Amosova = Bulletin of Northeast federal university

named after M. K. Ammosov. – 2017. – № 5 (61). – Jakutsk : Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Severo-Vostochnyj federal'nyj universitet imeni M. K. Ammosova». – S. 77-87.

2. Beglova, E. I. Frazeologizmy i paremii kak sredstvo ocenki i akcentuacii smysla v sovremennyh pechatnyh SMI = Phraseological units and paremias as means of assessment and accentuation of sense in modern printed media [Tekst] / E. I. Beglova // Jazykovaja politika i voprosy gumanitarnogo obrazovanija: materialy II mezhdunar. nauchn.-prakt. Konferencii = Language policy and questions of arts education: materials of the II International scientific practical conference; g. Penza, 26-28 oktjabrja 2017 g. / pod red. G. I. Kanakinoj, I. G. Rodionovoj. – Penza : Izd-vo PGU, 2017. – 292 s. – S. 257-261.

3. Bochkarjova, A. S. Jazykovaja norma i pechat' = Language norm and press [Tekst] / A. S. Bochkarjova // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Vyatka state humanitarian university. – 2014. – № 8. – S. 89-94.

4. Zhukov, V. P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok = Dictionary of Russian proverbs and sayings [Tekst] / V. P. Zhukov. – M. : Russkij jazyk, 1993. – 537 s.

5. Il'jushhenko, N. S. Funkcional'no-stilisticheskij komponent konnotacii antropomorfnyh frazeologizmov v anglijskom i russkom jazykah = Functional and stylistic component of connotation of anthropomorphous phraseological units in the English and Russian languages [Tekst] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika = Bulletin of Moscow state regional university. Series Linguistics. – 2016. – № 3. – S. 246-253.

6. Kashpar, M. S. Novatorstvo V. M. Shukshina v ispol'zovanii frazeologizmov = V. M. Shukshin's innovation in use of phraseological units [Tekst] / M. S. Kashpar // Russkij jazyk: istorija, dialekty, sovremennost': sb. nauchn. statej po materialam dokladov i soobshhenij konferencii = Russian: history, dialects, present: collection of scientific articles on materials of the conference reports and messages / sost. L. F. Koposov. – Vyp. XVII. – M. : IIU MGOU, 2018. – S. 131-139.

7. Korjukaeva, K. S. Tradicionnye iskonnye frazeologizmy v zhurnalistskih tekstah = Traditional primordial phraseological units in journalistic texts [Tekst] / K. S. Korjukaeva // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki = Modern science: current problems of the theory and practice. Series Humanities. – 2015. – № 11-12. – M. : OOO «Nauchnye tehnologii». – S. 162-166.

8. Korjukaeva, K. S. Ustojchivye vyrazhenija i frazeologizmy v sovremennoj politicheskoj rechi = Set expressions and phraseological units in modern political speech / K. S. Korjukaeva // Obshhestvennye nauki = Obshchestvennye nauki. – 2015. – № 6. – M. : Izdatel'stvo ANO «Mezhdunarodnyj issledovatel'skij institut», 2015. – S. 88-96.

9. Kulakova, E. M. Precedentnye fenomeny v tekstah zhurnala «Rovesnik» = Case phenomena in texts of the magazine «Rovesnik» [Tekst] / E. M. Kulakova // Russkij jazyk: istorija, dialekty, sovremennost': sb. nauchn. statej po materialam dokladov i soobshhenij konferencii = Russian: history, dialects, present: collection of scientific articles on materials of conference reports and messages / sost. L. F. Koposov. – Vyp. XVII. – M. : IIU MGOU, 2018. – S. 190-194.

10. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona = Great dictionary of the Russian slang [Tekst] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. – SPb. : Norint, 2001. – 720 s.

11. Petrashevskaja, V. V. Problemy funkcionirovanija razeologicheskih edinic v tekstah pechatnyh SMI = Problems of functioning of phraseological units in printed media texts [Jelektronnyj resurs] / V. V. Petrashevskaja. – URL: https://infourok.ru/statya-problemi-funkcionirovaniya-frazeologicheskih-edinic-v-tekstah-pechatnih-smi-1187378.html

12. Stepanenkova, T. V. Processual'nye frazeologicheskie edinicy cerkovno-biblejskogo proishozhdenija v hudozhestvennom prostranstve A. S. Pushkina / T. V. Stepanenkova = Procedural phraseological units of church and bible origin in art space of A. S. Pushkin/T. V. Stepanenkova [Tekst] // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauchn. tr. po itogam mezhdunar. nauchn. konf., posv. 75-letiju prof. K. A. Vojlovoj = Russian in Slavic cross-cultural communication: collection of scientific works following the results of the International scientific conference devoted to the 75 anniversary of Professor K. A. Voilova (g. Moskva, 1 marta 2018 g.) / otv. red. O. V. Shatalova. – M. : IIU MGOU, 2018. – S. 304-307.

13. U Tin. Upotreblenie frazeologizma v sovremennom gazetnom zagolovke = The use of a phraseological unit in modern newspaper heading [Jelektronnyj resurs] // Molodoj uchjonyj = Molodoj uchyonyi. – 2016. – № 9 (113). – S. 1294-1297. – URL: https://moluch.ru/archive/113/29367/

14. Fomicheva, M. P., Perekalin, M. S. Osobennosti ispol'zovanija frazeologizmov v sovremennoj nemeckoj presse = Features of use of phraseological units in the modern German press [Jelektronnyj resurs] / M. P. Fomicheva, M. S. Perekalin // Filologicheskij aspekt = Filologicheski aspekt. – 2017. – № 5 (25). – URL: http://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-ispolzovaniya-frazeologizmov-v-tekstakh-sovremennoj-nemetskoj-pressy.html

15. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII–XX vv. = Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of the 18-20th centuries. [Tekst] / pod. red. A. I. Fjodorova. – M. : Topikal, 1995. – 608 s.

16. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of Russian [Tekst] / pod. red. A. I. Molotkova. – M. : Russkij jazyk, 1986. – 543 s.

17. Chhan, V. Stihi.RU = Verses.RU [Jelektronnyj resurs] / V. Chhan. – URL: http://www.stihi.ru/avtor/vladi8

Дата поступления статьи в редакцию: 16.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10204

УДК 81

М. Н. Кулаковский

https://orcid.org/0000-0001-8826-0883

Вставные конструкции как средство создания вариативности в современном художественном тексте

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций как средства создания вариативности в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения современной русской литературы последних десятилетий (романы и рассказы Ю. Буйды, Е. Водолазкина, М. Елизарова, А. Кабакова, П. Крусанова, С. Носова, В. Пелевина, М. Петросян, Ю. Полякова, А. Рубанова, Д. Рубиной, И. Сахновского, А. Снегирева, С. Соколова, Т. Соломатиной, М. Степновой, А. Терехова, Т. Толстой). В работе определяются наиболее характерные функции вставок в плане создания вариативности текста, их связь с различными информативными уровнями (в рамках предложения и текста в целом), роль в общей структуре художественного текста. Подробно рассмотрена связь вариативности с различными текстовыми уровнями (что отражает общую тенденцию к «многоголосию» и внутренней диалогизации текста). Описаны основные аспекты информативной вариативности текста (ситуативная вариативность, предлагающая возможное альтернативное развитие событий; вариативность персонажей, актуализирующая типичность передаваемой ситуации; актуализация определенной детали; объяснение определенной детали зрительного образа, представленной в основном контексте) и вариативности оценочной (отражение категоричности авторской оценки, вариативности логических отношений, сопоставление реального (внешне объективного) восприятия и восприятия ситуации с точки зрения персонажа, сопоставление авторского восприятия с моделируемым восприятием читателя). Выделены основные аспекты языковой игры с читателем, основанной на модификации (вариативность лексическая, словообразовательная, грамматическая, орфоэпическая и графическая), описана вариативность, наблюдающаяся у вставок-рефренов. Проведенный анализ показывает функциональное многообразие вставок, модифицирующих определенную информацию, и позволяет говорить о важной роли вставных конструкций при создании вариативности художественного текста.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, вариативность текста, информативная вариативность, оценочная вариативность, лексическая вариативность, словообразовательная вариативность, грамматическая вариативность, орфоэпическая вариативность, графическая вариативность, коммуникация с читателем, языковая игра с читателем, комический эффект.

M. N. Kulakovsky

Parenthetic Constructions as a Means to Make Variability in the Modern Art Text

In the article features of use of parenthetic constructions as a means for variability in the art text are considered. The research material was works of modern Russian literature of the last decades (novels and stories by Yu. Buyda, E. Vodolazkin, M. Elizarov, A. Kabakov, P. Krusanov, S. Nosov, V. Pelevin, M. Petrosyan, Yu. Polyakov, A. Rubanov, D. Rubina, I. Sakhnovsky, A. Snegirev, S. Sokolov, T. Solomatina, M. Stepnova, A. Terekhov, T. Tolstaya). In the work the most characteristic functions of parenthesis are defined in the aspect of making variability of the text, their links with various informative levels (within the sentence and the text in general), a role in the general structure of the art text. Here is considered in detail the link of variability with various text levels (that reflects the general tendency to «polyphony» and internal dialogization of the text). The main aspects of informative variability of the text are described (the situational variability offering possible alternative succession of events; the variability of characters updating typicality of the presented situation; updating of a certain detail; explanation of the certain detail of the visual image presented in the main context) and estimated variability (reflection of categoriality of the author's assessment, variability of the logical relations, comparison of real (externally objective) perception and perception of the situation from the character’s point of view, comparison of the author's perception to the reader’s modelled perception). The main aspects of the language game with the reader based on modification are marked out (lexical, word-formation, grammatical, orthoepic and graphic variability), the variability is described which is observed in parenthesis refrains. The carried-out analysis shows functional variety of the parenthesis modifying certain information and allows us to speak about an important role of parenthetic constructions during creation of the art text variability.

Keywords: parenthetic constructions, the art text, variability of the text, informative variability, estimated variability, lexical variability, word-formation variability, grammatical variability, orthoepic variability, graphic variability, communication with the reader, a language game with the reader, comic effect.

© Кулаковский М. Н., 2018

Вставные конструкции являются одним из важных элементов экспрессивного синтаксиса. Следует отметить, что в последнее время значительно повысился интерес к изучению вставок в различных аспектах. В частности, они рассматриваются как показатель расчленения текста (О. В. Марьина) [12], нарушения линейности речи. Так, Е. И. Гаврилова отмечает, что «нарушение линейности речи является определяющим существенным признаком вставки» [5, с. 108]. Анализируются вставные конструкции и в аспекте гендерной лингвистики «по функциональной активности, структуре, «частеречной принадлежности» и семантике» [11, с. 175].

В качестве материала исследования традиционно выступают классические тексты. Так, анализ поэзии Н. М. Карамзина позволяет сделать вывод, что автор «расширяет жаровую палитру вставок» [1, с. 11]. Анализ идеостиля М. И. Цветаевой выявляет важную особенность ее прозы – активное использование вставных конструкций, «компоненты которых вступают в паронимические, синонимические и антонимические отношения» [2, с. 35]. Особенности идеостиля Б. Л. Пастернака рассматриваются на материале художественного и эпистолярного текстов [6].

Повышается интерес и к изучению роли вставок в современном художественном тексте, в частности – в прозе Д. Рубиной [9], Д. Быкова [29], Л. Петрушевской [13], Б. Акунина [30]. Выявляются новые тенденции функционирования вставок. Так, А. А. Элатик отмечает, что в прозе Б. Акунина «с помощью вставных конструкций писателем создается общее коммуникативное пространство, в котором повествование приобретает черты диалога рассказчика с самим собой или с читателем» [30, с. 182].

В художественном произведении вставные конструкции могут выполнять различные функции, в том числе – создавать вариативность текста. Этому в значительной степени способствует информативная и позиционная факультативность вставок.

Вариативность может быть связана с различными аспектами текста. Так, вставная конструкция может передавать ситуативную вариативность, предлагая возможное альтернативное развитие событий.

Каждая вторая хозяйка рванула в магазин, покупать новую стиральную машину. Старая выбрасывалась ***(вариант: отвозилась бабушке)*** (А. Рубанов. Стыдные подвиги) [19].

Вариативность персонажей, представленная во вставке, может актуализировать типичность передаваемой ситуации.

– Ни в коем случае! – говорю я. – Кондрат! А ну, отвали! Щас получишь раза! Немедленно отстань от Саши ***(Иры, Маши, Игоря)****!* (Д. Рубина. Я и ты под персиковыми облаками) [20].

В других случаях уточняющая информация во вставке обращает внимание читателя на вариативность информации основного контекста.

Итак, Николай Богданович Анке. Анковский пирог. Рецепт, продиктованный Любови Александровне Берс, теще Толстого ***(Льва Николаевича, разумеется, два других не в счет)*** (М. Степнова. Безбожный переулок) [26].

Достаточно часто формальным поводом для появления подобных вставных конструкций является сомнение повествователя в объективности и точности передаваемой информации. Наиболее характерна актуализация во вставке определенной (часто внешне незначимой) детали.

Ни черешня, ни тем более вишня действительно еще не поспели, зато хозяева утешили Катю первой клубникой ***(или это была земляника?)****, и та утешилась в три горла (хозяйка дважды ходила в огород за добавкой)* (П. Крусанов. Бом-бом, или Искусство бросать жребий) [10].

При этом появляющаяся во вставной конструкции альтернатива может подчеркивать авторскую иронию.

Хорошо, везу мою ненаглядную, один раз надеванную и уже столько претерпевшую блузочку ***(или считать ее кофточкой? вот вопрос)*** *прямо на проволочных плечиках в чемодане* (Т. Толстая. Кофточка) [28].

Актуализация сомнения в определенной детали позволяет создать внутреннюю диалогичность текста, смоделировать коммуникацию автора (или повествователя) с читателем.

Да, контрапункт старик Вебер ***(или он не был стариком?)*** *изучал весьма усердно. Хор резко замолчал, чтобы после нескольких аккордов клавесина вступил «Хисторикус»* (Д. Рубина. Русская канарейка. Желтухин) [21].

В некоторых случаях автор намеренно подчеркивает свою неосведомленность (тем самым приближая себя к читателю).

И, как это иногда случается, сработал принцип «не доставайся же ты никому» – в этот момент очень удачно родилась я, и исполком ***(или кто там этим ведал)*** *воспользовался случаем и не стал создавать себе врага и выбирать из двух зол, а отдал жилплощадь многодетным, ведь де-*

ти у нас – это святое, и камень никто не бросит (Т. Толстая. На малом огне) [28].

Вариативность вставной конструкции может быть связана с объяснением определенной детали зрительного образа, представленной в основном контексте.

Тащу сумки. Под козырьком «Перекрестка» небольшая бригада людей в красных спецовках ***(уборка мусора? разгрузка товаров?)*** *продает друг другу, судя по движениям и выкрикам, голубую джинсовую куртку за полцены* (Т. Толстая. Адамово ребро) [28].

Подобные вставки позволяют актуализировать зрительное восприятие читателя, заставляя обратить внимание на детали, а в некоторых случаях – самостоятельно «дорисовать» образ.

...Наконец, полутемная комната, посреди которой на тигровой шкуре лежит нагая женщина с темным пятном под левой грудью ***(родинка? рана?)****, а глубже, в тени, – нагая мужская фигура ничком, неподалеку от него валяется на полу то ли распятие, то ли кинжал…* (Ю. Буйда. Ермо) [3].

Достаточно характерной особенностью современного художественного текста является передача с помощью вставки оценочной вариативности.

Как он восходил от продажи флажков к продаже акций и опционов – мне неведомо, в те времена я сам безуспешно пытался куда-то взойти ***(или опуститься, как посмотреть)*** (А. Рубанов. Стыдные подвиги) [19].

Подобная вариативность может определяться степенью категоричности авторской оценки.

Или я последняя дура? И не будь я лицемерно-тактичной ***(честнее сказать: мелочно обидчивой)****, мы бы и не спали вовсе* (Т. Соломатина. Одесский фокстрот) [25].

В некоторых случаях вставные конструкции оформляют переход от информативного плана к оценочному.

Они с Конем по-прежнему очень близки, хотя Конь так и остался в общине ***(секте, говоря откровенно)****, основанной уехавшими в автобусе и Приобщившимися* (М. Петросян. Дом, в котором …) [16].

Речевая игра, представленная в рамках вставки, может основываться на вариативности логических отношений (например, целевых и причинных).

Ко всеобщей пастернаковской травле подключилась моя иногородняя вторая половина – та, ради ***(из-за?)*** *которой я уехал на заморозки* (М. Елизаров. Мы вышли покурить на 17 лет…) [7].

Оценочная вариативность может базироваться на сопоставлении реального (внешне объективного) восприятия и восприятия ситуации с точки зрения персонажа.

Арсению больше не было холодно, ибо не может же быть холодно пребывающему в чужом теле. Напротив, он явно чувствовал, как ***(не)*** *его тело наполнилось силой и уверенно двигалось навстречу рассвету* (Е. Водолазкин. Лавр) [4].

Так, прочтение основного контекста («его тело») отражает внешний информативный план восприятия, а прочтение с учетом вставки («не его тело») оказывается связанным с внутренним восприятием персонажа.

Аналогичным образом может строиться и временная модификация.

После этого разговора он начал брать у купца уроки ***(древне)****русского. Флеккиа-старший даже не подозревал, на что тратятся его деньги* (Е. Водолазкин. Лавр) [4].

При этом основное предложение отражает ситуацию с точки зрения персонажа, а вставная конструкция актуализирует восприятие с точки зрения современного читателя (из другого временного плана).

В некоторых случаях вставка позволяет сопоставить противоположные оценки.

Ральфу в свое время повезло ***(или не повезло)*** *попасть в Дом накануне выпуска, так что подобного рода высказывания не преследовали его годами, как остальных* (М. Петросян. Дом, в котором…) [16].

При этом представленная оценочная антонимия может определяться вариативностью ситуативной.

Находились «критики», которые грешили многословием и неспособностью остановиться. Такие обычно начинали с «я буду краток», после чего пускались в пространные рассуждения о том, как ему (ей) понравились ***(не понравились)*** *произведения коллеги* (А. Снегирев. Тщеславие) [23].

Варианты оценки могут отражать различные точки зрения, в частности – сопоставлять авторское восприятие с моделируемым восприятием читателя.

Иногда одно слово может испортить весь текст ***(для меня; а для вас, например, нет)*** (Т. Толстая. Фу) [28].

Значимым атрибутом современного художественного текста является языковая игра с читателем. Элементы подобного взаимодействия мы можем последовательно наблюдать и в рамках вставных конструкций.

Наиболее последовательно представлена лексическая вариативность.

Дает по газам. Видавшая виды древняя красная «восьмерка» ***(она же «зубило»)*** *– шик комсомольской номенклатуры времен «ЧП районного масштаба»* (Т. Соломатина. Одесский фокстрот) [25].

Вставные конструкции могут содержать и несколько вариантов лексической замены (представляющие различные стилевые пласты).

Ничто так не влияло на поведение современников Адмиралова, как наличие в кармане мобильного телефона. Мобильными телефонами ***(иначе – сотовыми телефонами, мобильниками, мобилами, трубками)*** *называли приемно-передающие устройства, с помощью которых разнесенные на расстоянии лица могли вести более или менее продолжительный разговор* (С. Носов. Франсуаза, или Путь к леднику) [14].

Кроме того, автор может актуализировать определенную лексическую единицу через сопоставление с лексемой, традиционно употребляемой в данном контексте или характерной для языка современных писателей.

В сущности, если посмотреть трезво, физическое упражнение это довольно ***(современный автор непременно написал бы «достаточно»)*** *скучное, абсолютно однообразное и не сулящее даже в конце ничего такого, что было бы присуще именно этому(-й) партнеру(-ше)* (А. Кабаков. Старик и ангел) [8].

Подобная замена может содержать элемент уступки, отражающий моделируемую коммуникацию с читателем. При этом уступительное значение выражается обычно с помощью вводной единицы, находящейся внутри вставной конструкции.

Правильнее всего назвать эту повесть реконструкцией ***(или, если вам больше нравится, выдумкой)*** *с вкрапленными в нее кусочками правды* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам) [15].

Достаточно часто лексическая замена, связанная с языковой игрой (например, перестановкой элементов, наблюдающейся в следующем примере), служит основой для создания комического эффекта.

Однако через год случилось чудо: один поэт-полуклассик ***(точнее сказать, классик-полупоэт)****, оказавшийся после четвертого развода без крова, осмотрел и гневно отверг двухкомнатную квартирешку в панельном доме да еще рядом с гремучим Ярославским шоссе* (Ю. Поляков. Гипсовый трубач, или конец фильма) [17].

Интересной представляется намеренная актуализация с помощью вставки «нежелания» автора выбрать необходимую для данного контекста лексическую единицу (автор предлагает варианты, заставляя читателя самостоятельно принять решение).

И затем долго ждали его на причале, наблюдая, как высокая, похожая на норвежку женщина – курчавая, с орлиным профилем, блондинка – встречает пароходы, хватает на бегу брошенный ей с борта канат, набрасывает его петлей на ***(бакены? швартовы? – мне лень заглядывать в словарь)****...* (Д. Рубина. Вилла «Утешение») [20].

Речевая игра может быть основана и на взаимодействии прямого и переносного значения слова. Так, в следующем примере автор предостерегает читателя от метафорического прочтения предлагаемого контекста.

Главное тут вот что: зрелище одиноко стоящей в ночи украинской степи «Тоска! Ны!» по степени экзистенциального ужаса несравнимо даже с морем огня ***(не метафора!)*** *в ночи невадской, увиденного нами как-то на подъезде к Лас-Вегасу* (Т. Соломатина. Одесский фокстрот) [25].

Менее характерным является использование для передачи языковой игры окказионализма или потенциального слова.

У меня фонарик, Аня светит мобильником. Карабкаемся. Лестница шириной в 90 сантиметров, каждый пролет ***(точнее, прополз)*** *– пятнадцать крутых ступеней* (Т. Толстая. Ураган) [28].

Лексическая вариативность во вставке может основываться на вариативности словообразовательной.

Поэтому все уменьшительные, связанные с едой, отзвучивают не слюнявым сюсюканьем, а поиском безопасного укрытия, огонька избушки в лесу ***(да, огонька избушки, а не огня избы!)****, какой-то просьбой о перемирии, снисхождении, дружбе.* (Т. Толстая. Яичечко) [28].

Как словообразовательный вариант может быть рассмотрена и представленная во вставной конструкции аббревиатура. В некоторых случаях она также используется для создания комического эффекта.

Оказывается, чтобы попасть на жительство в «Ипокренино», пожилому деятелю нужно было обладать, во-первых, как минимум, званием «Заслуженный работник культуры» ***(сокращенно – «Засрак»)****, а во-вторых, собственной жилплощадью* (Ю. Поляков. Гипсовый трубач, или конец фильма) [17].

Текстовая модификация может быть связана и с трансформацией фразеологизма.

Ну, Обама победил, но точно так же мог победить и Ромни; я не буду говорить, к кому склонялись мои симпатии. Все равно деньги выброшены на ***(ураганный)*** *ветер, спущены в* ***(неработающий)*** *унитаз* (Т. Толстая. Ураган) [28].

Вставная конструкция в этом случае формально разрушает фразеологизм, трансформируя его в свободное словосочетание и предлагая читателю «буквальное прочтение» контекста.

Менее характерным является создание с помощью вставок вариативности грамматической. Она может определяться модификацией форм наклонения или времени глаголов.

… Ты говоришь, что меловая девочка у вас перед школой стоит ***(стояла)*** *и смотрит* ***(смотрела)*** *на пустырь, где мы бегаем* ***(бегали)*** *укрепляющие кроссы* (С. Соколов. Школа для дураков) [24].

В других случаях наблюдается вариативность, связанная с категорией рода.

Находились «критики», которые грешили многословием и неспособностью остановиться. Такие обычно начинали с «я буду краток», после чего пускались в пространные рассуждения о том, как ему ***(ей)*** *понравились (не понравились) произведения коллеги* (А. Снегирев. Тщеславие) [23].

При этом подобная модификация может определяться не только ситуацией (как в предыдущем примере), но грамматическими характеристиками конкретной лексемы.

И вы поднимаетесь и лезете в джинсы, путаясь в штанинах, с трудом разлепляя глаза и не попадая ногой в кроссовки, тем более что один кроссовок ***(одну кроссовку?)*** *этот негодяй куда-то уволок и яростно треплет, рыча и скалясь в экстазе* (Д. Рубина. Я и ты под персиковыми облаками) [20].

Вставные конструкции способны актуализировать и орфоэпическую вариативность, которая может быть представлена акцентологическими вариантами слова.

Пролито столько пота и крови за полторы тысячи дней-ночей. Это их дом. Хозяева ***(«а» – ударное)****. Разогнуться и все кроить по себе (то есть – жить). Жить* (А. Терехов. Бабаев) [27].

Графическая вариативность, представленная в рамках вставок, обычно строится на противопоставлении слов, оформленных с прописной или строчной буквы.

А я стою, держась, как за последнюю соломину, за свою придурошную сигарету, и точно знаю, что бог случайностей ***(напишу его с маленькой буквы)*** *такого не прощает* (И. Сахновский. Ревнивый бог случайностей) [22].

При этом чаще всего во вставной конструкции автор объясняет причину выбора предложенного написания.

И старинная книга с закладкой-фантиком на восемнадцатой странице, двойной талисман ***(ах, ее надо бы с заглавной буквы писать: Книга! – если б заглавная буква уже не была отдана другой великой Книге)****, станет тем тайником, тем гениальным дуплом, через которое с ним будут сообщаться два его самых ценных агента* (Д. Рубина. Русская канарейка. Желтухин) [21].

Интересной особенностью современной художественной прозы является использование вставок-рефренов, которые также могут подвергаться модификации.

Точно такой гобелен – семья оленей, спустившихся к водопою, мельница на ручье, далекие зовущие горы и…

(Стоп! Не хватало еще описывать гобелен с бахромой, который фигурирует у всех, без исключения, писателей.) (Д. Рубина. Гобелен) [20].

Солнечные снопики искрятся в смеженных ресницах, вот уже верхний правый край гобелена, где матово сияет густая красно-зеленая крона высокого дерева с узловатым стволом, где оленёнок, заблудившийся в кустах...

(Нет-нет, вот только не это! Только не пускаться в описания гобелена с ветвисторогими оленями, явившимися к водопою!..) (Д. Рубина. Гобелен) [20].

При этом в одних случаях вариативность определяется разной степенью категоричности требований.

Они мне напоминают ходячих мертвецов, не отбрасывающих тени. ***(Запомнить!)*** (Ю. Поляков. Козленок в молоке) [18].

Я закусил корочкой хлеба и увидел Надюху, несущую над головами всей этой литературной сволочи судок с моей солянкой – серебряную чашу, почетный приз за несуетную жизнестойкость! ***(Обязательно запомнить!)*** (Ю. Поляков. Козленок в молоке) [18].

А в других случаях модификация может строиться на отрицании.

Писать настоящую книгу, когда на тебе висит пионерское приветствие съезду профсоюзов, – то же самое, что, не залечив случайный триппер, добиваться благосклонности Прекрасной Дамы, которую искал всю жизнь... ***(Фу! Пошло. Не запоминать!)*** (Ю. Поляков. Козленок в молоке) [18].

Таким образом, проведенный анализ показывает функциональное многообразие вставок, модифицирующих определенную информацию, и позволяет говорить о важной роли вставных конструкций при создании вариативности художественного текста.

Библиографический список

1. Афанасьева, Е. А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н. М. Карамзина [Текст] / Е. А. Афанасьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 11. – С. 3-12.

2. Ашимова, А. Ф., Юсуфов, М. Г., Юсуфова, Л. О. Расчлененные синтаксические структуры со вставной конструкцией в художественной прозе М. Цветаевой [Текст] / А. Ф. Ашимова, М. Г. Юсуфов, Л. О. Юсуфова // Вестник Социально-педагогического института. – 2017. – № 3. – С. 30-36.

3. Буйда, Ю. В. Ермо [Текст] / Ю. В. Буйда. – М. : Эксмо, 2013. – 288 с.

4. Водолазкин, Е. Г. Лавр [Текст] / Е. Г. Водолазкин. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2013. – 448 с.

5. Гаврилова, Е. И. Вставка и линейность речи [Текст] / Е. И. Гаврилова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 104-109.

6. Губарь, И. А. Вставные конструкции в идеостиле Б. Л. Пастернака (на материале художественного и эпистолярного текстов) [Текст] / И. А. Губарь // Общественные науки. – 2017. – № 6. – С. 125-132.

7. Елизаров, М. Мы вышли покурить на 17 лет… [Текст] / М. Елизаров. – М. : Астрель, 2012. – 285 с.

8. Кабаков, А. А. Старик и ангел [Текст] / А. А. Кабаков. – М. : АСТ, 2013. – 315 с.

9. Клепикова, В. И. Вставные конструкции в произведениях Д. Рубиной: специфика функционирования [Текст] / В. И. Клепикова // Актуальные проблемы филологии. – 2017. – № 14. – С. 84-91.

10. Крусанов, П. В. Бом-бом, или Искусство бросать жребий [Текст] / П. В. Крусанов. – М. : Эксмо, 2012. – 336 с.

11. Кучмезова, Л. О. Вставные колнструкции в аспекте гендерной лингвистики [Текст] / Л. О. Кучмезова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 2. – Том. 17. – С. 175-179.

12. Марьина, О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-2000-х годов) [Текст] / О. В. Марьина // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 61-67.

13. Марьина, О. В. Вставные конструкции как структурный компонент жанра мениппеи в тексте Л. Петрушевской «Три путешествия, или возможность Мениппеи» [Текст] / О. В. Марьина // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2017. – № 3. – Том 2. – С. 114-116.

14. Носов, С. А. Франсуаза, или Путь к леднику [Текст] / С. А. Носов. – М. : Астрель, 2013. – 380 с.

15. Пелевин, В. О. Любовь к трем цукербринам [Текст] / В. О. Пелевин. – М. : Эксмо, 2014. – 448 с.

16. Петросян, М. Дом, в котором… [Текст] / М. Петросян. – М. : Livebook, 2014. – 960 с.

17. Поляков, Ю. Гипсовый трубач, или конец фильма [Текст] / Ю. Поляков. – М. : Астрель, 2012. – 381 с.

18. Поляков, Ю. Козленок в молоке [Текст] / Ю. Поляков. – М. : Астрель, 2009. – 444 с.

19. Рубанов, А. В. Стыдные подвиги [Текст] / А. В. Рубанов. – М. : Астрель, 2012. – 346 с.

20. Рубина, Д. Полное собрание рассказов в одном томе [Текст] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2011. – 736 с.

21. Рубина, Д. Русская канарейка. Желтухин [Текст] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2014. – 480 с.

22. Сахновский, И. Ф. Нелегальный рассказ о любви [Текст] / И. Ф. Сахновский. – М. : Астрель, 2009. – 381 с.

23. Снегирев, А. Тщеславие [Текст] / А. Снегирев. – М. : АСТ, 2010. – 255 с.

24. Соколов, С. Школа для дураков [Текст] / С. Соколов. – М. : Азбука, 2009. – 256 с.

25. Соломатина, Т. Одесский фокстрот, или Черный кот с вертикальным взлетом [Текст] / Т. Соломатина. – М. : АСТ, 2013. – 317 с.

26. Степнова, М. Л. Безбожный переулок [Текст] / М. Л. Степнова. – М. : АСТ, 2014. – 384 с.

27. Терехов, А. М. Это невыносимо светлое будущее [Текст] / А. М. Терехов. – М. : Астрель, 2009. – 510 с.

28. Толстая, Т. Н. Легкие миры [Текст] / Т. Н. Толстая. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2014. – 480 с.

29. Туранова, А. Ю. Вставные конструкции в биографической прозе Д. Быкова (на материале биографии В. Маяковского) [Текст] / А. Ю. Туранова // Philology. – 2017. – № 1. – С. 72-74.

30. Элатик, А. А. Структурно-семантические особенности вводных и вставных конструкций в прозе Б. Акунина [Текст] / А. А. Элатик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-1. – С. 173-183.

Reference List

1. Afanas'eva, E. A. Struktura i funkcii vstavnyh konstrukcij v pojezii N. M. Karamzina = Structure and functions of parentheses in N. M. Karamzin's poetry [Tekst] / E. A. Afanas'eva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 11. – S. 3-12.

2. Ashimova, A. F., Jusufov, M. G., Jusufova, L. O. Raschlenennye sintaksicheskie struktury so vstavnoj konstrukciej v hudozhestvennoj proze M. Cvetaevoj = The segmented syntactic structures with parentheses in art prose by M. Tsvetaeva [Tekst] / A. F. Ashimova, M. G. Jusufov, L. O. Jusufova // Vestnik Social'no-pedagogicheskogo instituta = Bulletin of Social teacher training college. – 2017. – № 3. – S. 30-36.

3. Bujda, Ju. V. Ermo = Yoke [Tekst] / Ju. V. Bujda. – M. : Jeksmo, 2013. – 288 s.

4. Vodolazkin, E. G. Lavr = Laurus [Tekst] / E. G. Vodolazkin. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2013. – 448 s.

5. Gavrilova, E. I. Vstavka i linejnost' rechi = Insertion and linearity of the speech [Tekst] / E. I. Gavrilova // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News of Volgograd state pedagogical university. – 2016. – № 1. – S. 104-109.

6. Gubar', I. A. Vstavnye konstrukcii v ideostile B. L. Pasternaka (na materiale hudozhestvennogo i jepistoljarnogo tekstov) = Parentheses in B. L. Pasternak's ideostyle (on material of art and epistolary texts) [Tekst] / I. A. Gubar' // Obshhestvennye nauki. – 2017. – № 6. – S. 125-132.

7. Elizarov, M. My vyshli pokurit' na 17 let… = We left to smoke for 17 years … [Tekst] / M. Elizarov. – M. : Astrel', 2012. – 285 s.

8. Kabakov, A. A. Starik i angel = Old man and angel [Tekst] / A. A. Kabakov. – M. : AST, 2013. – 315 s.

9. Klepikova, V. I. Vstavnye konstrukcii v proizvedenijah D. Rubinoj: specifika funkcionirovanija = Parentheses in works by D. Rubina: specifics of functioning [Tekst] / V. I. Klepikova // Aktual'nye problemy filologii = Aktualnye problemy filologii. – 2017. – № 14. – S. 84-91.

10. Krusanov, P. V. Bom-bom, ili Iskusstvo brosat' zhrebij = Bom-bom, or Art to draw lots [Tekst] / P. V. Krusanov. – M. : Jeksmo, 2012. – 336 s.

11. Kuchmezova, L. O. Vstavnye kolnstrukcii v aspekte gendernoj lingvistiki = Parentheses in aspect of gender linguistics [Tekst] / L. O. Kuchmezova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova = Bulletin of Kostroma state university named after N. A. Nekrasov. – 2011. – № 2. – Tom. 17. – S. 175-179.

12. Mar'ina, O. V. Vstavnye konstrukcii kak pokazatel' raschlenenija teksta (na materiale russkih prozaicheskih tekstov 1980-2000-h godov) = Parentheses as an indicator of partitioning the text (on material of the Russian prosaic texts of the 1980-2000-s) [Tekst] / O. V. Mar'ina // Filologija i chelovek = Filologiya i chelovek – 2009. – № 4. – S. 61-67.

13. Mar'ina, O. V. Vstavnye konstrukcii kak strukturnyj komponent zhanra menippei v tekste L. Petrushevskoj «Tri puteshestvija, ili vozmozhnost' Menippei» = Parentheses as a structural component of a menippea genre in L. Petrushevskaya's text «Three travel, or a possibility of Menippea» [Tekst] / O. V. Mar'ina // Novaja nauka: Problemy i perspektivy = Novaya nauka: Problemy i perspektivy. – 2017. – № 3. – Tom 2. – S. 114-116.

14. Nosov, S. A. Fransuaza, ili Put' k ledniku = Francoisa, or Way to a glacier [Tekst] / S. A. Nosov. – M. : Astrel', 2013. – 380 s.

15. Pelevin, V. O. Ljubov' k trem cukerbrinam = Love to three tsukerbrins [Tekst] / V. O. Pelevin. – M. : Jeksmo, 2014. – 448 s.

16. Petrosjan, M. Dom, v kotorom… = The house, in which … [Tekst] / M. Petrosjan. – M. : Livebook, 2014. – 960 s.

17. Poljakov, Ju. Gipsovyj trubach, ili konec fil'ma = Plaster trumpeter, or the end of the movie [Tekst] / Ju. Poljakov. – M. : Astrel', 2012. – 381 s.

18. Poljakov, Ju. Kozlenok v moloke = Kid in milk [Tekst] / Ju. Poljakov. – M. : Astrel', 2009. – 444 s.

19. Rubanov, A. V. Stydnye podvigi = Shameful feats [Tekst] / A. V. Rubanov. – M. : Astrel', 2012. – 346 s.

20. Rubina, D. Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome = Complete collection of stories in one volume [Tekst] / D. Rubina. – M. : Jeksmo, 2011. – 736 s.

21. Rubina, D. Russkaja kanarejka. Zheltuhin = Russian canary. Zheltukhin [Tekst] / D. Rubina. – M. : Jeksmo, 2014. – 480 s.

22. Sahnovskij, I. F. Nelegal'nyj rasskaz o ljubvi = Illegal story about love [Tekst] / I. F. Sahnovskij. – M. : Astrel', 2009. – 381 s.

23. Snegirev, A. Tshheslavie = Vanity [Tekst] / A. Snegirev. – M. : AST, 2010. – 255 s.

24. Sokolov, S. Shkola dlja durakov = School for fools [Tekst] / S. Sokolov. – M. : Azbuka, 2009. – 256 s.

25. Solomatina, T. Odesskij fokstrot, ili Chernyj kot s vertikal'nym vzletom = The Odessa foxtrot, or Black cat with vertical take-off [Tekst] / T. Solomatina. – M. : AST, 2013. – 317 s.

26. Stepnova, M. L. Bezbozhnyj pereulok = Godless Lane [Tekst] / M. L. Stepnova. – M. : AST, 2014. – 384 s.

27. Terehov, A. M. Jeto nevynosimo svetloe budushhee = This insufferably bright future [Tekst] / A. M. Terehov. – M. : Astrel', 2009. – 510 s.

28. Tolstaja, T. N. Legkie miry = Easy worlds [Tekst] / T. N. Tolstaja. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2014. – 480 s.

29. Turanova, A. Ju. Vstavnye konstrukcii v biograficheskoj proze D. Bykova (na materiale biografii V. Majakovskogo) = Parentheses in biographic prose of D. Bykov (on material of V. Mayakovsky's biography) [Tekst] / A. Ju. Turanova // Philology. – 2017. – № 1. – S. 72-74.

30. Jelatik, A. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti vvodnyh i vstavnyh konstrukcij v proze B. Akunina = Structural-semantic features of introductory and parenthetical constructions in B. Akunin's prose [Tekst] / A. A. Jelatik // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 6-1. – S. 173-183.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10205

УДК 811.161.1’373.2

Р. В. Разумов

https://orcid.org/0000-0001-9878-2271

Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве

Статья выполнена в рамках социоономастики – нового гибридного направления, формирующегося на стыке ономастики и социолингвистики. Автор считает, что влияние общества на системы собственных имен можно проанализировать на примере городского онимического пространства, поскольку в нем быстрее и ярче отражаются любые политические, экономические и культурные изменения. Статья посвящена рассмотрению онимических конфликтов, прослеживается история данного термина в российской и зарубежной ономастике, приводятся примеры аналогичных работ, проведенных другими исследователями. Автор отмечает, что обычно ученые рассматривают этот вопрос на примере коммерческих названий. В статье предлагается собственное определение данного термина. Под *онимическим конфликтом* автор понимает разногласия между социальными группами или их представителями из-за несходства во взглядах, мнениях, оценке относительно восприятия какого-либо собственного имени или группы собственных имен, а также осознанное или неосознанное нарушение права на владение собственным именем или на его использование. В основе статьи лежит рассмотрение онимических конфликтов в урбанонимическом пространстве российских городов. Автор анализирует периоды появления конфликтов, указывает типы городских онимов, их продуцирующих, приводит примеры онимических конфликтов, зафиксированных во время работы автора в городской межведомственной комиссии по наименованию объектов улично-дорожной сети Ярославля. В статье рассмотрены три публичных конфликта, связанных с увековечиванием памяти А. А. Кадырова, Б. Е. Немцова и В. С. Высоцкого. В завершении исследования делается вывод о том, что урбанонимические споры редко приводят к устранению их причины; продолжительность противостояния обусловлена характером созданного урбанонима, местом его расположения, историей объекта. Исследование онимических конфликтов поможет выработать рекомендации по их предотвращению и разрешению.

Ключевые слова: ономастика; социолингвистика; социоономастика; онимический конфликт; городское онимическое пространство, урбаноним.

R. V. Razumov

Onymic Conflicts in the Russian Urbanonymic Space

The article is made within socioonomastics – a new hybrid direction which is being formed on the border of onomastics and sociolinguistics. The author considers that influence of society on the systems of own names can be analysed on the example of city onymic space as there are reflected any political, economic and cultural changes quicker and more brightly. The article is devoted to consideration of the onymic conflicts, the history of this term in the Russian and foreign onomastics is traced, examples of the similar works, which are carried out by other researchers, are given. The author notes that usually scientists consider this question on the example of commercial names. In the article own definition of this term is offered. The author understands disagreements between social groups or their representatives because of dissimilarity in views, opinions, assessment of perception of any own name or group of own names as the onymic conflict and also conscious or unconscious violation of the right for possession of own name or on its use. Consideration of the onymic conflicts in urbanonymic space of the Russian cities is a cornerstone of the article. The author analyzes the periods of emergence of the conflicts, specifies types of the city onyms producing them, gives examples of the onymic conflicts recorded during the author’s work in the city interdepartmental commission on naming objects of Yaroslavl street road network. In the article three public conflicts connected with perpetuation of memory of A. A. Kadyrov, B. E. Nemtsov and V. S. Vysotsky are considered. In completion of the research the conclusion is drawn that urbanonymic disputes seldom lead to elimination of their reason; duration of opposition is caused by the nature of the created urbanonym, the place of its arrangement, object history. The research of the onymic conflicts will help to develop recommendations about their prevention and permission.

Keywords: onomastics; sociolinguistics; socioonomastics; onymic conflict; city onymic space, urbanonym.

1. Введение

Начало XXI в. в российской ономастике ознаменовалось появлением целого ряда пограничных направлений, в которых для исследования собственных имен стали привлекаться данные других наук: психологии, культурологии, когнитивистики и т. д. Одной из новых «гибридных» наук стала *социоономастика* – наука, формирующаяся на стыке ономастики и социолингвистики.

Точки соприкосновения ономастики и социолингвистики, выделение в первой особого

© Разумов Р. В., 2018

подраздела «*социальной ономастики*» были намечены еще в 1970 г. В. Д. Бондалетовым в статье «Ономастика и социолингвистика» [2]. Однако и до сегодняшнего дня многие вопросы этого взаимодействия не рассмотрены должным образом, хотя, как справедливо было отмечено, «имена собственные – это тесно связанный с функционированием общества языковой пласт, поэтому вполне закономерно пересечение ономастики с социолингвистикой в области постановки проблем, заимствования терминологии и методов анализа» [10, с. 30].

В настоящее время относительно подробно изучено лишь влияние общества на развитие антропонимических систем. Показательно, что на первой Всероссийской научной конференции «Ономастика и общество: язык и культура» [12], проведенной в 2010 г. в Тамбове, различным аспектам изучения антропонимии было посвящено около 16 докладов, в то время как к вопросам исследования городских онимов ученые обратились всего в трех сообщениях. Аналогичную картину мы наблюдаем и в сборнике материалов 25 конгресса ономастических наук, один из томов которого содержит раздел «Социоономастика» [20]. Больше половины докладов и тезисов в нем также посвящены антропонимам.

На наш взгляд, для исследования влияния общества на системы собственных имен широкие возможности предоставляет анализ городского онимического пространства, ведь именно в нем быстрее и ярче отражаются любые политические, экономические и культурные изменения. Первые подобные работы уже стали появляться в российской ономастике. Отметим среди них работы Т. В. Шмелевой [17], М. В. Голомидовой [4], И. В. Крюковой и ее учеников [3], [5]. Появились и первые зарубежные публикации на эту тему [21], [23].

2. Понятие *онимического конфликта*

Одним из вопросов, затрагивающим интересы и ономастики, и социолингвистики, является исследование *онимических конфликтов*, разработка методики их предупреждения и разрешения. Данный вопрос практически не изучен в отечественной ономастике, хотя актуальность обращения к нему, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Впервые в нашей стране к изучению онимических конфликтов обратилась И. В. Крюкова (см.: [9], [10], [19]). В своих статьях она употребляет термин *ономастический конфликт*, который рассматривает как вариант *языкового конфликта*: «как результат особого типа коммуникации, при котором наблюдается противостояние именующего субъекта и потенциального адресата (организации, социальной группы или отдельное личности) относительно нового названия» [9, с. 127]. Мы согласны с этим определением И. В. Крюковой, однако считаем необходимым, скорректировав этот термин, предложить собственное его толкование.

На наш взгляд, прилагательное *ономастический* в этом определении следует заменить, поскольку оно является производным от слова *ономастика* (ср.: *ономастический* – ‘прил. к ономастика’ [14, с. 98]), *ономастика* – «раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [14, с. 96]), то есть *ономастический конфликт* – это конфликт, возникший в ономастике как науке. В данном случае логичнее употребить прилагательное *онимический* – «прил. к оним, онимия» [14, с. 92] (ср. оним – «слово, сочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» [14, с. 91]). По этому пути пошли, например, болгарские ономатологии, включив в свой словарь термин *онимен конфликт* («форма на езиков конфликт, при която борба, конкуренция по различни причини: мода, пуризъм, естетика, глотофагия, онимофагия се очертава налагането на едно име вм. друго, на един именен тип вместо друг, на една именна система вместо друга и под» [1, с. 309]), также восходящий к данному термину.

Требует корректировки и значение термина *онимический конфликт*. Очевидно, что он может возникнуть из-за разногласий по поводу не только нового онима, но и давно существующего, в связи с произошедшей переоценкой его в обществе. Под термином *онимический конфликт* мы понимаем разногласия между социальными группами или их представителями из-за несходства во взглядах, мнениях, оценке относительно восприятия какого-либо собственного имени или группы собственных имен, а также осознанное или неосознанное нарушение права на владение собственным именем или на его использование.

В настоящее время в российской ономастике в основном исследуются онимические конфликты, связанные с осознанным или неосознанным нарушением права на владение собственным именем (брендом) или на его использование (см., например, работы: [13], [17] и др.). Начинают появляться и работы, связанные с исследованием

городских онимов, не всегда регистрируемых в качестве бренда. Например, И. В. Крюкова в своих статьях анализировала конфликт между владельцами эргонимов *ресторан «Сбербар»* и *«Сбербанк»* [9], противостояние создателей эргонима *шашлычная «Антисоветская»* и ветеранами [9], [10]. Появились и первые работы, связанные с экспертизой конфликтов в области урбанонимии. В своей монографии и статьях Т. П. Соколова приводит примеры экспертизы названия станции метро *Братеево / Алма-Атинская* [17, с. 109-113], наименований жилых комплексов [16].

В рамках настоящей статьи мы намерены рассмотреть особенности онимических конфликты в области урбанонимии. Наши наблюдения носят предварительный характер и призваны обозначить существующую проблему, наметить возможные типы конфликтов.

3. Онимические конфликты в урбанонимии

Онимические конфликты могут возникать на разных этапах существования собственного имени.

Первые разногласия, как правило, появляются уже на стадии создания онима в процессе его обсуждения на заседаниях городских топонимических комиссий. Как правило, конфликты возникают в тех случаях, когда заявителям отказывают в их просьбах об увековечивании памяти о каком-либо лице. С этим неоднократно приходилось сталкиваться автору настоящей статьи во время заседаний городской межведомственной комиссии по наименованию объектов улично-дорожной сети в городе Ярославле. Например, подобная ситуация сложилась при принятии решения о создании в городе урбанонима в честь ярославцев, выпускников школы юнг ВМФ, организованной в годы Великой Отечественной войны на Соловецких островах. Несмотря на то, что мнение членов комиссии об отказе в создании названия было аргументировано несколькими обстоятельствами: отсутствием в городе новых объектов для номинации и средств для проведения переименования существующих улиц; трудностями в произношении предлагаемого урбанонима и его употреблении, вызванной многословностью онима, – представители инициативной группы через средства массовой информации продолжали продвигать свою идею, обвиняя членов комиссии в отсутствии исторической памяти и патриотизма. Комиссия неоднократно в течение нескольких лет вынуждена была обращаться к рассмотрению этого вопроса. Итогом этого конфликта стало появление неадресного объекта *аллея Соловецких юнг*, созданного в заволжской части города.

Новые разногласия могут появиться после принятия решения о присвоении того или иного названия, а также после появления в публичной сфере любых предложений о наименовании или переименовании объектов.

В отличие от конфликтов в эргонимии, где его участниками являются либо юридические лица, либо юридическое лицо и отдельный человек или группа людей, в урбанонимии мы наблюдаем иную картину: одной из сторон противостояния всегда являются средства массовой информации. Именно от их активности во многом зависит распространение информации о наличии конфликта, поддержка той или иной точки зрения.

Онимические конфликты возможны при создании любых типов имен собственных. Обозначим некоторые виды онимов, появление которых приводит к спорам между горожанами.

Во-первых, конфликтогенны любые предложения о переименовании объекта или о возвращении ему исторического названия. Заметим, что эти два противоположных процесса не дифференцированы в сознании обычного горожанина. Предложения о возвращении исторического названия воспринимаются многими жителями как забвение исторической памяти, попытку переписать советский период истории нашей страны: «*ИМХО 80 лет истории не стоит выкидывать из памяти людей»* (Aksel, 20.12.2012); «*Ну вот, и до нашего города дошла мода затирать историю. Не надо превращать историю страны в проститутку, а горожан – в не помнящих родства*» (akaStargazer, 20.12.2012) и др. Другим поводом для возникновения конфликта являются финансовые проблемы городов, а также те трудности, с которыми сталкиваются жители: «*А я против переименования... Слишком *** денег придется потратить, чтобы туристам потрафить. Это, что месть БД такая изощренная что ли, тогда что уж мелочиться, давайте и Нахимсона с Андроповым улицы тоже переименуем!*» (Геральт из Ривии, 20.12.2012); «*апологетам переименования хочется сказать: а не взяли бы они лично на себя все материальные, временные и др. затраты по переименованию? в том числе документы людям – чтоб сбегали, поменяли, и причем все из своего кармана? еще раз повторюсь – лично мне переименование улицы, на которой находился мой гаражный кооператив встало в 1000 р и 2 дня (учитывая, что сами там, ес-но прописаны не были. меняли только св-во о собственности)*»

(Nord, 22.12.2012). Подробнее о существующих точках зрения на возвращение исторических названий мы писали ранее [15].

Во-вторых, онимические конфликты часто возникают в связи с неоднозначной оценкой многих мемориальных и идеологических названий, созданных в советскую эпоху. Примером подобных разногласий могут служить многолетние дискуссии о названии станции метро «*Войковская*» в Москве. Заметим, что формальных причин устранить это название не существует, поскольку это название у объекта является первым и единственным, к тому же оно не является мемориальным.

В-третьих, конфликты возникают в тех случаях, когда увековечивается память о личностях, чья деятельность неоднозначно воспринимается в обществе. Примером подобной реакции на предлагаемое присвоение названия могут служить попытки создания мемоpативов в честь Ахмата Кадырова и Бориса Немцова. К рассмотрению этого вопроса мы обратимся в следующей части нашей статьи.

В-четвертых, конфликт может возникнуть из-за появления любого, даже идеологически нейтрального названия. При создании урбанонима в новом микрорайоне Ярославля, в котором отсутствуют яркие запоминающиеся особенности, члены городской межведомственной комиссии по наименованию объектов улично-дорожной сети рекомендовали присвоить одной из улиц наименование *Технопарковая улица*, поскольку на этой территории планировалось строительство технопарка. Заметим, что это предложение было поддержано большинством членов комиссии. Неожиданно один из участников обсуждения, несогласный с принятым решением, опубликовал в одном из средств массовой информации свое особое мнение: «*Но ведь мнение большинства не всегда является правильным. В данном случае топоним Технопарковая во Фрунзенском районе созвучен с топонимами в Заволжском районе, где девять Парковых улиц и семь Парковых переулков. По принципам топонимики недопустимо наличие созвучных названий в разных частях города, так как это вносит путаницу, затрудняет поиск нужного адреса. <…> Что ж, еще одной ошибкой в ярославской топонимике будет больше. Напомню о прошлых: улица Комсомольская – в центре, площадь Комсомольская – в Краснoперекопском районе, улица Юности на «пятерке» и площадь Юности в центре. Ну а с Октябрьскими площадями и улицами вообще неразбериха. Идет ненужное тиражирование одинаковых названий, причем в разных концах города*» [6]. Заметим, что предположение автора о возможной путанице из-за созвучия названий является, на наш взгляд, надуманным, поскольку начальные элементы этих онимов не совпадают, а именно они, традиционно, являются наиболее сильным различительным средством. Не совсем корректным нам видится и первое предложение этого фрагмента, сразу формирующее негативное отношение к решению комиссии. Впоследствии на странице этой газеты вышла еще одна заметка, критикующая рассматриваемое решение. Несмотря на возражения, предложение комиссии было утверждено мэром города.

4. Три случая онимических конфликтов

Как мы уже указывали выше, онимические конфликты возникают при создании мемоpативов – названий, увековечивающих память о каких-либо исторических личностях. В данной части статьи мы рассмотрим три конфликта, происходившие примерно в одно и то же время.

4.1. Мост Кадырова

В 2016 г. в Санкт-Петербурге безымянному мосту через Дудергофский канал в Красносельском районе было присвоено название *Мост Ахмата Кадырова* (постановление Правительства Санкт-Петербурга № 495 от 15.06.2015). Несогласие части общества с присвоением одной из улиц в Москве в 2004 г. названия *улица Кадырова*, увековечивавшей память о погибшем в результате теракта президенте Чечни, позволяло предположить появление аналогичной реакции при присвоении этого имени объектам в других населенных пунктах. Подобную картину мы и смогли наблюдать в Санкт-Петербурге.

Первые предложения о создании мемоpатива в честь президента Чечни появились еще в 2015 г., однако тогда они не были воплощены в жизнь и даже не выносились для рассмотрения топонимической комиссией города. Обсуждение этого вопроса происходило на двух заседаниях этого консультативного органа в 2016 г. С инициативой о присвоении названия выступил председатель межрегиональной общественной организации «Совет Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Санкт-Петербурга и Ленинградской области» генерал-майора Г. Д. Фоменко. Его обращение содержало также ссылки на ходатайства Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, участников боевых действий на Северном Кавка-

зе, а также Командующего Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе генерал-полковника В. П. Баранова, получившего тяжелое ранение при взрыве, в результате которого погиб А. А. Кадыров. После нескольких голосований комиссия приняла решение о присвоении имени Ахмата Кадырова безымянному мосту.

Одновременно с заседанием комиссии конфликт был вынесен в публичное пространство. Сторонами противостояния выступили, с одной стороны, представители общественности города, творческой и научной интеллигенции, а с другой – городские чиновники. Приведем примеры заголовков статей в средствах массовой информации и интернет-ресурсах, комментирующих данное предложение: «*Петербуржцы не захотели называть мост через Дудергофский канал именем Кадырова*» («Лента.ру», 31.05.2016), «*Синдаловский о присвоении мосту в Петербурге имени Кадырова: Теперь Неву надо переименовать в Терек*» («Росбалт, 30.05.2016), «*Сокуров выступил против присвоения мосту в Петербурге имени Кадырова*» (*«Лента.ру*», 31.05.2016), «*Петербургские депутаты ополчились против присвоения мосту имени Кадырова*» («Лента.ру», 30.05.2016) и др. Впоследствии было проведено несколько публичных акций противников переименования, о которых также сообщали СМИ.

Несмотря на возражения общественности, решение о присвоении названия было принято и, по нашим данным, не отменено до настоящего времени. Основное развитие конфликта происходило в течение мая-июня 2016 г., после этого времени он постепенно исчез из публичной сферы. Возможно, причиной этого стало присвоение названия новому безымянному объекту, к тому же расположенному не в центре города.

4.2. Немцов мост

27 февраля 2015 г. на Большом Москворецком мосту в Москве был застрелен Б. Е. Немцов. Уже 1 марта этого года в средствах массовой информации появились сообщения о предложении сопредседателя партии «РПР-Парнас» Михаила Касьянова переименовать этот объект в честь оппозиционера. На следующий день партия «Гражданская инициатива» разместила в интернете петицию, в которой просила мэра столицы в ускоренном порядке переименовать одну из улиц Москвы в улицу Бориса Немцова (или назвать его именем новую улицу), переименовать Москворецкий мост в Немцовский. Авторов этих предложений не смутило то, что предлагаемый к устранению урбаноним является историческим названием.

Предложения о переименовании моста вызвали бурную дискуссию в интернете, практически под каждым новостным сообщением были оставлены комментарии пользователей, которые чаще всего негативно комментировали эту идею. Приведем пример одного из таких суждений, довольно точно объясняющих причину невозможности изменения названий: «*Граждане оппозиционеры, гибель человека – всегда трагедия, но неужели нельзя было ограничиться табличками на домах? Не кажется ли вам, что узурпация целого моста, да еще в самом центре Москвы, – это уже слишком? «Переименован по инициативе москвичей» – каких-таких москвичей?! Что, референдум на тему сего переименования в Москве проводился или как?.. Борис Ефимович имеет «в глазах общества» неоднозначную репутацию (есть сторонники-поклонники, есть противники-ненавистники), и всенародным достоянием – в отличие от Большого Москворецкого моста – он не является. Умерьте свой «немцовский» пыл: перегибание палки ни к чему хорошему не приводит, удар неумолимо наносится по авторитету самих же инициаторов – как и по авторитету их кумира. Пожалейте Немцова!*» (Владимир, 30.06.2016) [7]. Поддержку изменению названия часто оказывали люди, которые во время дискуссий второй половины 1980-х гг. критиковали советский опыт посмертного увековечивания памяти в географических названиях.

Очевидно, что ситуация с переименованием моста не могла не привести к появлению в комментариях параллелей с петербургским случаем. Приведем пример еще одного сообщения, оставленного под ником Владимир (мы не знаем, являлся ли он автором предыдущего сообщения, или это послание оставлено его тезкой): «*Как думаете, есть разница между большим, историческим, широко известным объектом в самом центре Москвы и только что открытым – и изначально безымянным – новеньким мостом через один из питерских каналов?.. Вот и я полагаю, что есть, и немалая! Сам считал и считаю, что «мост Ахмата Кадырова» – не лучший вариант названия, что наименование, связанное с Великой Отечественной войной и обороной Ленинграда, более уместно, и сейчас такие альтернативные варианты питерцами уже предлагаются (например, в честь другого чеченца, Героя Советского Союза снайпера А. Идрисова). А самовольное переименование Большого Москворецкого моста группой предприимчивых «немцовцев» – якобы по инициативе москвичей (опять же – каких?) и с водруже-*

нием там соответствующей таблички (больше смахивающей на полномасштабную аннотационную плиту) – вызов не столько «кремлевской власти», сколько самой Москве. Иными словами, неуважение к ней и к ее жителям, откровенный псевдополитический авантюризм, выдаваемый за преклонение перед личностью убитого на этом мосту человека» (Владимир, 2.07.2016) [7]. Процитированные сообщения, на наш взгляд, обстоятельно объясняют, почему переименование Большого Москворецкого моста было невозможно. Активная дискуссия по данному вопросу продолжалась в течение марта-июня и не привела к каким-либо результатам.

4.3. Улица Высоцкого

Неоднозначную реакцию может вызвать и создание названий, увековечивающих деятелей культуры и искусства. Например, неожиданной для многих оказалась реакция ряда журналистов и общественных деятелей на присвоение двум таганским переулкам имени В. С. Высоцкого. Заметим, что подобное предложение появлялось неоднократно (например, партия «Яблоко» предлагала переименовать в его честь Ленинский проспект, муниципальные депутаты Таганского района – Верхнюю Радищевскую улицу и др.), но окончательным толчком к созданию урбанонима на карте Москвы стал вопрос главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктова, прозвучавший во время прямой линии с президентом России В. В. Путиным.

После принятия решения о переименовании *Нижнего* и *Верхнего Таганских тупиков* в *улицу Высоцкого* на страницах ряда средств массовой информации появились заметки, критикующие это решение. Одним из мотивов недовольства была несоразмерность личности актера и поэта присваиваемым объектам: «*Но пока чиновник жив – чуткость его удивительна (даже не знаем, какое русское слово в этом случае точнее: чуткость или чутье). Когда не стало Ахмата Кадырова, Москва через три месяца назвала улицу его именем. Хорошая улица, 1200 метров. Через 35 лет после смерти Высоцкого Москва (так и хочется сказать «с барского плеча») сует два тупика. Оба вместе – 380 метров. Что тут сказать, сравнивая исторический масштаб?*» [11]. Заметим, что довольно странно измерять память о человеке в длине улицы, которая названа в его честь. К тому же, на наш взгляд, предложенный вариант является очень удачным, поскольку непосредственно связан с театром, в котором работал актер. Активной дискуссии по этому предложению не получилось и возможный конфликт быстро разрешился.

5. Заключение

Исследование и изучение природы онимических конфликтов, выработка рекомендаций по их предотвращению и разрешению – актуальная задача, стоящая перед российскими ономатологами, которая, несомненно, должны быть решена. Как показывают приведенные нами примеры, поводом для споров может стать присвоение любого названия, в том числе нейтрального. В отличие от конфликтов в эргонимии урбанонимические споры редко приводят к устранению их причины: присвоенное название, как правило, остается на карте города. На продолжительность противостояния может влиять характер созданного урбанонима, место его расположения, история объекта. Активная фаза обсуждений продолжается в течение одного-двух месяцев, после чего конфликт выходит из информационного поля.

Библиографический список

1. Балкански, Т. Енциклопедия на българската ономастика [Текст] / Т. Балкански, К. Цанков. – Велико Търново, 2016. – 576 с.

2. Бондалетов, В. Д. Ономастика и социолингвистика [Текст] / В. Д. Бондалетов // Антропонимика. – М. : Наука, 1970. – С. 17-23.

3. Врублевская, О. В. Языковая мода в русской ономастике [Текст] / О. В. Врублевская. – Волгоград : Издательство ВГСПУ «Перемена», 2017. – 329 с.

4. Голомидова, М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения [Текст] / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185-200.

5. Городской ономастикон [Текст] : материалы Междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И. В. Крюкова. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 100 с.

6. Землянская, Н. С. Парковых мало, нужна Технопарковая? [Электронный ресурс] // Северный край. – 09.12.2011. – URL: https://yarreg.ru/articles/sk_news_5_58413_/

7. Игроков, Н. Мемориальные знаки в местах, связанных с именем Бориса Немцова [Электронный ресурс]. – URL: https://nemtsov-most.org/2016/06/30/memorial-signs-in-places-connected-with-the-name-of-boris-nemtsov/

8. Крюкова, И. В. Имена собственные в макро- и микросоциуме [Текст] / И. В. Крюкова, О. В. Врублевская, О. В. Кирпичева. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. – 168 с.

9. Крюкова, И. В. Русская эргонимия как предмет языкового конфликта [Текст] / И. В. Крюкова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Пе-

ремена», 2013. – С. 127-135.

10. Крюкова, И. В. Социолингвистические аспекты ономастических исследований: постановка проблемы [Текст] / И. В. Крюкова // Вопросы филологии. – 2014. – № 2. – С. 30-35.

11. Минкин, А. Тупик бесстыдства (письма президенту) [Электронный ресурс] / А. Минкин. – URL: http://echo.msk.ru/blog/minkin/1553512-echo/

12. Ономастика и общество: Язык и культура [Текст] : материалы Первой Всерос. науч. конф. (14-15 окт. 2010 г.) / отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – 222 с.

13. Плотникова, А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики [Текст] / А. М. Плотникова. – Екатеринбург ; М. : ТХТ, 2018. – 197 с.

14. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

15. Разумов, Р. В. Языковая рефлексия на возвращение исторического названия (Ильинская площадь) [Текст] / Р. В. Разумов // Культура. Литература. Язык: материалы междунар. конф. «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 53-64.

16. Соколова, Т. П. Коммерческие урбанонимы в России в аспекте нейминговой экспертизы [Текст] / Т. П. Соколова // Ценности и смыслы. – 2016. – № 6. – С. 79-86.

17. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство [Текст] / Т. П. Соколова. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 208 с.

18. Шмелева, Т. В. Ономастикон российского города [Текст] / Т. В. Шмелева. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 138 с.

19. Kryukova, I. Russian Brand Names as a Matter of Linguistic Conflict / I. Kryukova // Onoma. – 2012. – № 47. – P. 247-261. – DOI: 10.2143/ONO. 47.0.3085148

20. ‘Names and Their Environment’: Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25-29 August 2014). Volume 4 : Theory and Methodology. Socio-onomastics / Edited by Carole Hough, Daria Izdebska. – Glasgow : University of Glasgow, 2016

21. Naming in different areas of communication field: Collective monograph / Editors: Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova. – Ottawa : Carleton University, Centre for Governance and Public Policy, 2018.

22. Sokolova, T. Examination of Trade Marks, Company Names and Trade Names as the Means of Individualisation in Russia: Theoretical and Methodological Approaches to the Problem / T. Sokolova // Onoma. – 2012. – № 47. – P. 263-279. – DOI: 10.2143/ONO. 47.0.3085149

23. Urban place names: International symposium (13-16 August 2009, Helsinki) / Compiled by Terhi Ainiala & Jani Vuolteenaho. – Helsinki : Research Institute for the languages of Finland, 2009.

Reference List

1. Balkanski, T. Enciklopedija na b#lgarskata onomastika = The encyclopedia on Bulgarian onomastics [Tekst] / T. Balkanski, K. Cankov. – Veliko T#rnovo, 2016. – 576 s.

2. Bondaletov, V. D. Onomastika i sociolingvistika = Onomastics and sociolinguistics [Tekst] / V. D. Bondaletov // Antroponimika = Anthroponymics. – M. : Nauka, 1970. – S. 17-23.

3. Vrublevskaja, O. V. Jazykovaja moda v russkoj onomastike = Language fashion in the Russian onomastics [Tekst] / O. V. Vrublevskaja. – Volgograd : Izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2017. – 329 s.

4. Golomidova, M. V. Sovremennaja urbanonimicheskaja nominacija: strategicheskie podhody i prakticheskie reshenija = Modern urbanonymic nomination: strategic approaches and practical solutions [Tekst] / M. V. Golomidova // Voprosy onomastiki = Voprosy onomastiki. – 2017. – T. 14. – № 3. – S. 185-200.

5. Gorodskoj onomastikon = City onomasticon [Tekst] : materialy Mezhdunar. nauch.-teor. onlajn-seminara molodyh issledovatelej / otv. red. prof. I. V. Krjukova. – Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. – 100 s.

6. Zemljanskaja, N. S. Parkovyh malo, nuzhna Tehnoparkovaja? = Isn’t it Park enough, is it necessary Technopark? [Jelektronnyj resurs] // Severnyj kraj = Severnyj kraj. – 09.12.2011. – URL: https://yarreg.ru/articles/sk_news_5_58413_/

7. Igrokov, N. Memorial'nye znaki v mestah, svjazannyh s imenem Borisa Nemcova = Memorial signs in the places connected with the name of Boris Nemtsov [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://nemtsov-most.org/2016/06/30/memorial-signs-in-places-connected-with-the-name-of-boris-nemtsov/

8. Krjukova, I. V. Imena sobstvennye v makro- i mikrosociume = Proper names in macro – and microsociety [Tekst] / I. V. Krjukova, O. V. Vrublevskaja, O. V. Kirpicheva. – Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2016. – 168 s.

9. Krjukova, I. V. Russkaja jergonimija kak predmet jazykovogo konflikta = Russian ergonymy as subject of the language conflict [Tekst] / I. V. Krjukova // Jemotivnaja lingvojekologija v sovremennom kommunikativnom prostranstve = Emotive linguoecology in modern communicative space. – Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. – S. 127-135.

10. Krjukova, I. V. Sociolingvisticheskie aspekty onomasticheskih issledovanij: postanovka problemy = Sociolinguistic aspects of onomastic researches: statement of a problem [Tekst] / I. V. Krjukova // Voprosy filologii = Voprosy filologii – 2014. – № 2. – S. 30-35.

11. Minkin, A. Tupik besstydstva (pis'ma prezidentu) = Deadlock of shamelessness (letters to the President) [Jelektronnyj resurs] / A. Minkin. – URL: http://echo.msk.ru/blog/minkin/1553512-echo/

12. Onomastika i obshhestvo: Jazyk i kul'tura = Onomastics and society: Language and culture [Tekst] : ma-

terialy Pervoj Vseros. nauch. konf. (14-15 okt. 2010 g.) / otv. red. A. S. Shherbak. – Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2010. – 222 s.

13. Plotnikova, A. M. Konfliktnaja kommunikacija v aspekte sudebnoj lingvistiki = Conflict communication in aspect of judicial linguistics [Tekst] / A. M. Plotnikova. – Ekaterinburg ; M. : THT, 2018. – 197 s.

14. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii = Dictionary of the Russian onomastic terminology [Tekst] / N. V. Podol'skaja. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Nauka, 1988. – 192 s.

15. Razumov, R. V. Jazykovaja refleksija na vozvrashhenie istoricheskogo nazvanija (Il'inskaja ploshhad') = Language reflection on return of the historical name (Ilyinskaya Square) [Tekst] / R. V. Razumov // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy mezhdunar. konf. «Chtenija Ushinskogo» = Culture. Literature. Language: materials of the International conference «Ushinsky Readings». – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – S. 53-64.

16. Sokolova, T. P. Kommercheskie urbanonimy v Rossii v aspekte nejmingovoj jekspertizy = Commercial urbanonymy in Russia in aspect of naming examination [Tekst] / T. P. Sokolova // Cennosti i smysly = Tsennosti i smysly – 2016. – № 6. – S. 79-86.

17. Sokolova, T. P. Nejmingovaja jekspertiza: organizacija i proizvodstvo = Naming examination: organization and production [Tekst] / T. P. Sokolova. – M. : Jurlit-inform, 2016. – 208 s.

18. Shmeleva, T. V. Onomastikon rossijskogo goroda = Onomasticon of the Russian city [Tekst] / T. V. Shmeleva. – Saarbrjukken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 138 s.

19. Kryukova, I. Russian Brand Names as a Matter of Linguistic Conflict / I. Kryukova // Onoma. – 2012. – № 47. – P. 247-261. – DOI: 10.2143/ONO. 47.0.3085148

20. ‘Names and Their Environment’: Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25-29 August 2014). Volume 4 : Theory and Methodology. Socio-onomastics / Edited by Carole Hough, Daria Izdebska. – Glasgow : University of Glasgow, 2016

21. Naming in different areas of communication field: Collective monograph / Editors: Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova. – Ottawa : Carleton University, Centre for Governance and Public Policy, 2018.

22. Sokolova, T. Examination of Trade Marks, Company Names and Trade Names as the Means of Individualisation in Russia: Theoretical and Methodological Approaches to the Problem / T. Sokolova // Onoma. – 2012. – № 47. – P. 263-279. – DOI: 10.2143/ONO. 47.0.3085149

23. Urban place names: International symposium (13-16 August 2009, Helsinki) / Compiled by Terhi Ainiala & Jani Vuolteenaho. – Helsinki : Research Institute for the languages of Finland, 2009.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10206

УДК 81'42

И. А. Суханова

https://orcid.org/0000-0003-4000-0112

Общие мотивы и языковые средства создания образов персонажей Пастернака и Достоевского

Продолжаем рассматривать интертекстуальные связи романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В данной статье мы обратим внимание на переклички, связанные с двумя, на первый взгляд, непохожими персонажами – успешным «дельцом» адвокатом Комаровским и ничтожным «приживальщиком» Фомой Опискиным. Общими оказываются ситуации, определяемые этими персонажами, и их влияние на судьбу главных героев обоих произведений. Выявить интертекст позволяет обращение к интратексту – параллелям прозаических глав «Доктора Живаго» стихотворной главе, в нашем случае, стихотворению «Сказка», дающему архетипическую формулу для прозаической части романа. Текст Достоевского прочитан Пастернаком через проекцию на отраженный в «Сказке» архетип, о чем позволяет говорить тот факт, что сходство двух текстов выражается не только в этой проекции и совпадении некоторых деталей, но и в совпадении – в основном – трансформаций составляющих этот сюжет мотивов. Юрий Андреевич Живаго и Егор Ильич Ростанев, носящие варианты одного имени, отсылающие к образу Егория Храброго – Георгия Победоносца, вступают в открытый конфликт соответственно с Комаровским и Фомой Опискиным, при этом «змееборчество» обоих героев не приводит их к полной и окончательной победе над противниками. Переклички обнаруживаются и на чисто формальном уровне при сопоставлении фрагментов текста. Так, многочисленные сравнения Фомы Опискина с животными отзываются в характеристиках Комаровского; Амалия Карловна обнаруживает черты сходства с Крахоткиной; а отношения семьи Гишар с Комаровским напоминают зависимость обитателей Степанчикова от Фомы, причем и мадам Гишар, и генеральша Крахоткина оказываются карикатурными аналогами молодых «пленниц» – Лары и Насти. При этом проявляется такая особенность поздней прозы Пастернака, как дробление и повторение мотивов – интертекст становится своеобразным маркером, помогающим увидеть структуру текста романа.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, роман «Доктор Живаго», стихотворение «Сказка», Ф. М. Достоевский, повесть «Село Степанчиково и его обитатели», интертекст, интратекст, архетипический сюжет, трансформации мотивов.

I. A. Sukhanova

Common Motifs and Language Tools in the Creation of the Characters in Works by Pasternak and Dostoyevski

We continue to examine the intertextual relations of Boris Pasternak's novel «Doctor Zhivago» with F. M. Dostoyevski's story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» («Selo Stepanchikovo i yego obitateli»). In this article we pay attention to the intertexts between two unlike (for the first glance) characters: a succeeding lawyer Komarovski and a contemptible and stray Foma Opiskin. Though the situations connected with these two characters and their influence on the main heroes' fates have much in common. The appeal to the intratext helps to reveal the intertext: the poem « A Tale» («Skazka») from the last part of «Doctor Zhivago» gives an archetypical formula for the prosaic chapters of the novel. Dostoyevski's story is read by Pasternak through the projection of this archetype because the resemblance of the two texts is connected not only with the fact of this projection and roll calls of some details but in coincidence – in general – of transformations of the motifs forming the plot. Yuri Andreyevich Zhivago and Yegor Ilyich Rostanev, whose names are the variants of one and the same referring to Yegori the Brave – St.George, enter in open conflict against Komarovski and Foma Opiskin correspondingly. But the «dragon-fighting» of the both heroes does not bring them complete and final victory upon their opponents. The intertext is revealed also formally by comparing of fragments of the two texts. So, the numerous comparisons of Foma Opiskin with animals are responded in characteristics of Komarovski, Amalia Karlovna has much in common with Krakhotkina and the relations of Guishar family with Komarovski resembles the dependence of the inhabitants of Stepanchikovo from Foma, moreover madame Guishar and the general's widow Krakhotkina become a grotesque parallel to the young girls-»prisoners» Lara and Nastya. Such peculiarity of Pasternak's late prose as subdivision and repetition of the motifs is also appears and the intertext becomes a sort of marker helping to see the structure of the text of the novel.

Key words: B. L. Pasternak, the novel «Doctor Zhivago», the poem «A Tale» («Skazka»), F. M. Dostoyevski, the story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» («Selo Stepanchikovo i yego obitateli»), intertext, intratext, archetypical plot, transformations of the motifs.

В нашей предыдущей работе [12] мы обращались к перекличкам романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» и рассмот-

© Суханова И. А., 2018

рели несколько случаев интертекстуальных связей разного характера. Отправной точкой для поиска интертекста явилось определенное сходство тех эпизодов двух совершенно непохожих друг на друга произведений, где главные герои изгоняют из дома своих противников, соответственно, полковник Ростанев – Фому Опискина, Юрий Живаго – Комаровского. При рассмотрении интертекста с повестью Достоевского был учтен также интратекст между эпизодом прозаической части «Доктора Живаго» и стихотворением «Сказка» из «Стихотворений Юрия Живаго», так как внешние и внутренние переклички в романе Пастернака, как правило, тесно переплетены.

Особенностью текста Пастернака, как известно, является то, что ситуации реального плана, фигурирующие в прозаических главах, приводятся к архетипической формуле в стихотворной главе (Нам случалось сравнивать этот прием с музыкальным приемом обращенных вариаций [13]). Так и мотивы, связанные с сюжетом змееборчества, оказываются «собранными» в стихотворении «Сказка», занимающем центральное место в «Стихотворениях Юрия Живаго». Возникает, таким образом, своего рода «удвоение» сюжета. (Б. М. Гаспаров называет «Сказку» «поэтическим контрапунктом к романному повествованию» [4, с. 66].)

В настоящей работе мы учтем формулу, данную в стихотворении «Сказка», для рассмотрения неожиданных, на первый взгляд, перекличек в образах двух персонажей: Комаровского в прозаических главах романа Пастернака и Фомы Опискина в повести Достоевского. Учет интратекста позволяет обнаружить общее в образах Комаровского и Фомы Опискина помимо тех эпизодов, где того и другого сбрасывают с лестницы персонажи, носящие варианты одного и того же имени, недвусмысленно отсылающего к *Егорию Храброму – Георгию Победоносцу*: *Юрий* Андреевич Живаго и *Егор* Ильич Ростанев.

В «Докторе Живаго» момент спускания с лестницы не описан, и читатель только в следующей главе, как бы мимоходом, узнает, чем кончился визит Комаровского к Ларе и доктору в части 14, гл. 1-2. («*Я все время хочу спросить и все забываю. Где Комаровский? Он еще тут или уже уехал? С моей ссоры с ним и после того, как я спустил его с лестницы, я больше ничего о нем не слышал*» – гл. 3 [8, с. 476].) Мы отмечали здесь параллель со стихотворением «Сказка», в котором вместо описания поединка *Конного* с *Драконом* (*Змеей, Змеем, Чудищем*) стоит прочерк [9], [12], [13] (Поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые указывают в качестве источника стихотворения иконописный канон «Чудо Георгия о змие» [1, с. 625] или даже конкретные картины [14, с. 59-60] – ведь на иконах и картинах изображен именно момент поединка. Мы обращались к этому вопросу в работах [10], [11, с. 128-131].) И хотя в стихотворении фигурирует *труп дракона*, однако герои отнюдь не торжествуют победу: «*В обмороке конный,/ Дева в столбняке*» [8, с. 594-595]. Изгнание же Комаровского из дома Лары никак не влияет на течение событий – он все равно приедет в Варыкино и увезет Лару.

Стихотворение «Сказка», упомянутое в прозаическом тексте романа как «легенда о Егории Храбром», находится в самой середине стихотворной главы – это 13-е из 25 стихотворений Юрия Живаго. По выражению Ким Юн Ран, «Сказка» «является как бы главной осью не только цикла стихотворений, но и всего романа» [7, с. 9]. Давно стало общим местом проведение параллели между героем романа и героем стихотворения (*Всадником, Конным*). Отмечаются обычно и некоторые черты сходства с *Конным* Стрельникова – антипода и «двойника» Юрия Живаго. Суть этих параллелей, на наш взгляд, наиболее удачно определила Л. Л. Горелик: «…образ героя в «Сказке» принципиально множествен: герой не только Георгий-воин, но и любой, кто вступает в схватку со Змеем» [5, с. 321].

Как отмечает В. С. Баевский, «Сказка» по жанру – «типичная баллада. Фабула, положенная в ее основу, в полном виде (известном в мифологии, фольклоре, религии, духовном и светском изобразительном искусстве, литературе) держится на трех определяющих мотивах: змей (дракон) приобретает власть над женщиной; воин побеждает змея (дракона); воин освобождает женщину. <…> В «Сказке» начальный мотив разработан очень подробно <…> Два других мотива несколько изменены и осложнены. Враг побежден <…> и воин, и девушка полной свободы так и не обрели» [2, с. 43]. Мысль Баевского развивает А. С. Власов: «Именно в этом, на наш взгляд, и заключается главная особенность «Сказки». Очевидно, что перед нами индивидуально-авторская трансформация сюжета, в основе которого лежит указанный выше архетипический мотив змееборчества, соотнесенный с отдельными эпизодами и сюжетными линиями романа и являющийся по отношению к ним как бы вторым – символическим – планом, собственно «ключом», позволяющим выявить их подлинный смысл» [3, с. 6].

Если рассматривать эпизод сбрасывания с лестницы как аналог поединка *Конного* с *Драконом*, то главный герой романа проецируется на змееборца, а Комаровский – на фольклорное чу-

дище, держащее в своей власти некое сообщество и стремящееся погубить деву-пленницу.

Параллель «Лара во власти Комаровского/Пленница в пещере Змея» очевидна и общепризнана (со стихотворением «Сказка» сопоставляется обычно сцена в гостинице – ч. 2, гл. 21: «*…словно он был кукольником, а она послушною движениям его руки марионеткой*» [8, с. 71], далее: «*Зрелище порабощения девушки…*» ([8, с. 71]); ср. в «Сказке»: «*…В три кольца вкруг девы/ Обмотав хребет. <…> Змей обвил ей руку/ И оплел гортань, /Получив на муку /В жертву эту дань*» [8, с. 594] (мы обращались к этому интратексту в работах [9], [13]).

Но не только Лара оказывается пленницей Комаровского: ситуация в ее семье после переезда в Москву (ч. 2) такова, что распоряжается в ней именно Комаровский – человек, для семьи посторонний: «*Мадам Гишар сделала это* [купила швейную мастерскую – И. С.] *по совету адвоката Комаровского, друга своего мужа и своей собственной опоры <…> он же уговорил отдать Родю в корпус, а Лару в гимназию, которую он порекомендовал …*» [8, с. 27]. Мать Лары характеризуется таким образом: «*Амалия Карловна была полная блондинка лет тридцати пяти, у которой сердечные припадки сменялись припадками глупости*» [8, с. 27]. Комаровский же предстает не только как ее *опора*, но подчас представляет для нее опасность – мадам Гишар иногда вынуждена спасаться от него у соседа по гостинице: «*Скоро мадам Гишар так свыклась с его* [Тышкевича] *самопожертвованием, что несколько раз в слезах стучалась к нему, прося у него защиты от своего покровителя*» [8, с. 28]. Опасен Комаровский и для несовершеннолетней Лары, испытывавшей *робость* и *страх* перед *властностью* Комаровского и его *богатством*. Комаровский совращает Лару, а мадам Гишар, заподозрив истину, пытается покончить с собой.

Зависимость от Комаровского с самого начала их отношений в высшей степени тягостна для Лары: «*Он был ее проклятием, она его ненавидела*» [8, с. 56]. «*Он очень ловко пользовался ее подавленностью…*» [8, с. 81]; при этом «*… все было шиворот-навыворот и противно логике <…> и руку мучителя покрывали поцелуями благодарности*» [8, с. 82].

Лара неоднократно совершает попытки избавиться от этой зависимости и даже сама берет на себя «подвиг змееборчества» – стреляет в Комаровского (что можно рассматривать как параллель схватке доктора с ним – то есть имеет место трансформация мотива в плане его раздвоения или повтора и в самой прозаической части романа). Однако после покушения Лары происходит парадокс: «*Лара хотела убить человека <…> а потом очутилась под покровительством этого человека, жертвы своего неудавшегося убийства*» [8, с. 108]. Дело в том, что «[с]*лучай подрывал его* [Комаровского] *репутацию*» [8, с. 104], и, чтобы не спровоцировать нового эксцесса, Комаровский «[*н*]*ичего не требовал, не напоминал о себе и даже не показывался. И постоянно, держась на расстоянии, благороднейшим образом предлагал свою помощь*» [8, с. 106]. То есть Комаровский как будто идет на уступки (держится на расстоянии) и в то же время играет роль «спасителя» – избавляет Лару от судебного преследования.

Показателен эпизод (ч. 4, гл. 4), когда Комаровский оказывается на вечеринке по поводу отъезда Лары и Паши на Урал. Судя по реакции Лары на его разглагольствования, он здесь определенно нежелателен, однако приглашен, видимо, потому, что Лара теперь ему обязана и от него некуда деться, как от неизбежности: «*Он просил Антиповых позволения переписываться с ними и наведаться к ним в Юрятин <…>. – Это совершенно лишнее, – громко и невнимательно отозвалась Лара.- И вообще это ни к чему – переписываться <…>. А приезжать туда и не думайте*» [8, с. 112].

В ч. 13 гл. 12 доктор (в Юрятине, после бегства от партизан) говорит Ларе: «Каким-то уголком своего отвращения ты, может быть, в большем подчинении у него, чем у кого бы то ни было другого, кого ты любишь по доброй воле, без принуждения» [8, с. 449]. Вскоре Лара вынуждена будет принять помощь Комаровского, предлагающего вывезти ее с дочерью из Юрятина, где им опасно оставаться, за границу, принимает потому, что иного выхода у нее нет. Уже после эпизода с лестницей доктор и Лара сожалеют, что не согласились на то, что «предлагал этот сведущий и трезвый, хотя и противный, человек» [8, с. 486]. «Мы жалели, что этот человек уехал и что мы не ухватились за его предложения …» [8, с. 500] – говорит Лара при появлении Комаровского в Варыкине. Могущество Комаровского вынуждает Лару подчиниться и на этот раз, а доктора – согласиться с этим. Собственно, получается так, что решить проблемы героев оказывается некому, кроме этого «противного человека».

В результате случается именно то, от чего Лара пыталась уйти еще в гимназические годы: ею распоряжается «*это чужое, ненужное ничтожество, превратившее ее жизнь в цепь ей самой неведомых преступлений*» [8, с. 559].

Отметим, что Комаровский является «наследственным» злым гением не только семьи Гишаров,

но также отца и сына Живаго: Юрий Андреевич «унаследует» его от своего отца, находившегося, видимо, не только в психологической, но и в материальной зависимости от Комаровского, который способствовал его разорению. «*Нельзя было отделаться от ощущения, что постоянное возбуждение его клиента в каком-то отношении ему на руку»* [8, с. 21], – говорится о Комаровском и отце Живаго, еще не названных по именам, в эпизоде в поезде (ч. 1, гл. 7). Позже, в сцене в гостинице (ч. 2, гл. 21), Миша Гордон скажет Юре: «– *Это тот самый, который спаивал и погубил твоего отца*» [8, с. 71]. Далее Юра видит его после выстрела Лары у Свентицких (ч. 3, гл. 14): «*И снова этот седоватый. Но теперь Юра знает его. Это видный адвокат Комаровский, он имел отношение к делу об отцовском наследстве.*» [8, с. 97]. Заметим, что Комаровский уверяет, что был другом отца Живаго: « – *Я ведь так хорош был с вашим отцом – вы, наверное, знаете. На моих руках дух испустил …* » [8, с. 471].

Сам Юрий Андреевич под моральное влияние Комаровского не попадает и старается избегать общения с ним, однако не может сделать этого в полной мере, так как Комаровский ловко играет на его любви к Ларе и стремлении избавить ее от смертельной опасности. «*Благодарю вас за внимание к моей судьбе, но неужели вы думаете, что я дам вам устраивать ее?*» [8, с. 473]; «*Я никогда не помышлял о поездке с вами. Другое дело Лариса Федоровна*» [8, с. 501]. Таким образом, сам герой все-таки оказывается во власти «змея», а «змею» оставляют роль «спасителя», на которую он и претендует – еще одна трансформация мотива.

Теперь посмотрим, что из всего упомянутого может быть «унаследовано» из повести Достоевского. Подчеркнем, что мы говорим здесь не об авторских интенциях Достоевского, а о том, что в тексте Достоевского могло быть значимо для Пастернака.

Не только социальное положение Комаровского, «*хладнокровного дельца, знавшего деловую жизнь в России как свои пять пальцев*» [8, с. 27], совсем иное, нежели положение «*приживальщика*» Фомы Опискина – персонажи также имеют мало общего как в характере (пожалуй, только способность с бесконечным разглагольствованиям у них общая; см. [12]), так и во внешности (за исключением одной детали – «*седоватый*», «*седеющий*» – о Комаровском / «*с проседью*» – о Фоме): «*плотный*», «*осанистый*» и даже «*красивый*» адвокат не похож на «*плюгавенького человечка*» без определенного рода занятий. Комаровский богат и успешен, непотопляем при любых общественных катаклизмах, к тому же имеет странную способность не стареть и не умирать – он вполне активен и тогда, когда, по словам Лары, в конце романа, «*никого из близких и нужных не осталось*» [8, с. 559] (вскоре безвестно исчезнет и сама Лара). Фома Опискин неимущ и закомплексован от жизненных неудач и обид, причина которых – в его необоснованных и непомерных амбициях; как и всякий человек, он в конце концов умирает, и его смерть освобождает, наконец, героев повести Достоевского от зависимости.

Показательно, впрочем, слово «ничтожество», встречающееся в обоих произведениях как характеристика рассматриваемых персонажей: «Фома Фомич есть олицетворение самолюбия самого безграничного. Но вместе с тем самолюбия особенного, именно: случающегося при самом полном ничтожестве…» [6, с. 15] – рассказчик о Фоме; «это чужое, ненужное ничтожество» [8, с. 559] – Лара о Комаровском.

Но, тем не менее, сходными оказываются ситуации, связанные с этими непохожими персонажами, в двух произведениях практически совпадают трансформации мотивов, определяющих архетипический сюжет.

Так, мотив «посторонний человек распоряжается жизнью некоего семейства» выражен у Достоевского в еще большей степени, чем у Пастернака. «*Завела*», по выражению одного из персонажей «Села Степанчикова», Фому в доме Ростанева его мать, переехавшая к нему после смерти второго мужа генеральша Крахоткина: «…*из ума совсем выжила: не надышит на Фомку треклятого. Всему она и причиной: она-то и завела его в доме*» [6, с. 30]. Крахоткиной Фома достался «в наследство» от мужа, при котором фактически исполнял роль шута. Фома же после смерти генерала уверяет, однако, что был его другом: «…*если он, Фома, и изображал собою, по генеральскому востребованию, различных зверей и иные живые картины, то единственно, чтобы развлечь и развеселить удрученного болезнями страдальца и друга*» [6, с. 10]. Здесь ситуация напоминает претензии Комаровского на дружбу со старшим Живаго, но в перевернутом виде – в отношениях с Крахоткиным зависимой стороной был Фома. Вспомним также, что Комаровский назван «*другом*» покойного мужа Амалии Карловны, то есть отца Лары.

Генеральша Крахоткина постоянно характеризуется рассказчиком как «*идиотка*», например: «*Все подобострастие этой бедной идиотки перед Фомой Фомичом выступило теперь наружу*» [6, с. 81]. То есть Крахоткина глупа, как и мадам Гишар, к тому же подвержена обморокам, как Амалия Карловна – сердечным припадкам («*В омрак упали*» [6, с. 99], – сообщает о генеральше камер-

динер Гаврила). Если в повести Достоевского пущенный Мизинчиковым слух о том, «*что, по его глубочайшему убеждению, генеральша находилась в непозволительной связи с Фомой Фомичом*» [6, с. 14], кажется абсурдным, то Комаровский – действительно любовник Амалии Карловны: мотив так или иначе присутствует в обоих произведениях. И, подобно мадам Гишар, иногда вынужденной спасаться от своего покровителя, генеральша не только благоговеет, но и трепещет перед Фомой: «*…трепетала как мышка перед прежним своим приживальщиком. Фома Фомич заворожил ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрела его глазами.*» [6, с. 14]. Дошло до того, что «[м]*ало-помалу Фома стал вмешиваться в управление имением и давать мудрые советы. Эти мудрые советы были ужасны*» [6, с. 20]. Вспомним: семья Гишар живет по «мудрым советам» Комаровского.

Фома, «заведенный в доме» генеральшей, полностью подчиняет себе ее сына, Егора Ильича; о влиянии Фомы на ее дочь, Прасковью Ильиничну, готовую «*совершенно уничтожаться перед теми, кого она полюбила*» [6, с. 203], говорится мало, но достаточно того момента, когда она дрожит перед Фомой: «*бедная Прасковья Ильинична заметно дрожала от страха*» [6, с. 81]. (Вспомним: Лара, робеющая перед Комаровским и им соблазненная еще «*невзрослою гимназисткой*», попадает в полную психологическую зависимость от него).

Фома «*…был полновластным владыкою всего дома …*» [6, с. 53]; то есть, подобно фольклорному чудовищу, обложил своего рода «данью» семейство полковника, не только материальной, но и данью преклонения, восхваления и послушания. Более того, в плену у «змея» оказывается и сам «змееборец»; особенно же власть Фомы опасна для молодой особы – Настеньки, которую любит Егор Ильич и которая любит его (хотя опасность эта иного рода, нежели та, что грозит Ларе; опасность же совращения Насти Фома приписывает именно Ростаневу): *«… наконец, обе умные головы, генеральша и Фома Фомич, воздвигли страшное гонение на бедную, беззащитную гувернантку детей дяди …*» [6, с. 24]. Настя рассказывает: «*… они меня съесть хотят…*» [6, с. 98].

Трансформация мотива приобретения змеем власти над женщиной в обоих произведениях, в частности, в том, что роль плененной женщины принадлежит соответственно не только Насте и Ларе, но – в карикатурно-сниженном виде – генеральше Крахоткиной и Амалии Карловне Гишар. Впрочем, две последние попеременно оказываются то жертвами, то сообщницами «*чудища*».

Гонений на Настю не выдерживает даже «*на все согласный*» Ростанев и совершает попытку удалить Фому «по-хорошему», но в результате попадает в еще большую зависимость от него. Двойственность же в отношении доктора к Комаровскому – и до, и уже после спускания с лестницы – может напоминать колебания Ростанева, долго не решавшегося прогнать Фому, наконец, выбросившего его из дома, но почти сразу пустившегося в погоню за ним, чтобы его вернуть.

После изгнания Фомы в доме поднимается переполох, генеральша Крахоткина в обмороке, на девицу Перепелицыну нашел «*столбняк*» (ср.: «*Дева в столбняке*» – «Сказка»), кричат и причитают другие приживалки, ревет дурачок Фалалей (ср.: «*Слезы в три ручья*» после поединка – «Сказка»). Рассказчик, племянник Ростанева, выражает уверенность: *«… по крайней мере, прогнали Фомича и уж не воротят*» [6, с. 171]. Действительно, возвращение после такого изгнания немыслимо, однако не в случае с Фомой Фомичом Опискиным: он не только вернет свое положение тирана в чужом доме, но еще и укрепит его, сориентировавшись в обстановке и приняв на себя роль «*созидателя всеобщего счастья*»: «*Торжество Фомы было полное и непоколебимое. Действительно, без него ничего бы не устроилось, и совершившийся факт подавлял все сомнения и возражения*» [6, с. 193]. В последней главе повести сообщается, что в дальнейшем «*… Фома Фомич мог делать в этом смиренном доме все, что ему вздумается*» [6, с. 200]. И он до конца жизни, без всяких на то оснований, пользуется в Степанчикове не только материальными благами, но и всеобщим поклонением, и неограниченным правом всех поучать и воспитывать.

То есть в обоих произведениях наблюдается трансформация мотива: «в результате попытки избавиться от «змея» герои оказываются ему «обязанными».

Обитатели Степанчикова – по глупости, как генеральша Крахоткина, или по чрезмерной доброте и доверчивости, как ее сын, полковник Ростанев, – поставили себя в такое положение, что избавиться от Фомы было уже нельзя: без одобрения и благословения этого совершенно постороннего человека, не имеющего, по сути дела, никакого права вмешиваться в семейные дела, в доме ничего не могло состояться. Даже женитьба полковника на Настеньке была бы немыслима, так как мать не давала ему благословения, а Настя не хотела быть причиной раздора. Противостоять «*нахальному самовластию*» Фомы оказалось невозможно, и в сложившейся ситуации, как ни парадоксально, только он – единственный авторитет для гене-

ральши – мог благословить брак Егора Ильича и Насти. «*Никто не понимал еще, как это все вдруг так скоро и просто устроилось. Знали только одно, что все это сделал Фома Фомич и что этот факт насущный и непреложный*» [6, с. 185]. Поэтому «*Благодарность осчастливленных была безгранична*» [6, с. 193].

Между тем Фома («змей») сам претендует на роль «*рыцаря средних веков*», героя и мученика типа Егория Храброго, рассказывает «*свою жизнь и подвиги*» [6, с. 11]. Фома требует «*подвигов*» от полковника, подразумевая под этим очередное перед ним же, Фомой, унижение: «*Эта жертва с вашей стороны будет первым шагом вашего подвига, потому что – не забудьте это – вы должны сделать целый ряд подвигов, чтоб сравняться со мною…*» [6, с. 107]. После возвращения в дом Фома ораторствует: «*Избитый, униженный, подозреваемый в оскорблении девицы, за честь которой я, как рыцарь средних веков, готов был пролить до капли всю кровь мою…* » [6, с. 183]. «*-Почему, – кричал Фома, – почему я готов сейчас же идти на костер за мои убеждения? А почему из вас никто не в состоянии пойти на костер? Почему, почему?*» [6, с. 194]. Таким образом, в обоих произведениях «змей», претендуя на роль «змееборца», пытается поменяться с ним местами.

В повести Достоевского Фома Опискин сопоставим с фольклорным чудищем и тем, что постоянно сравнивается и сопоставляется с животными, причем не только в речи других персонажей, но и в своей собственной: «*…изображал собою, по генеральскому востребованию, различных зверей*» [6, с. 10] (косвенная речь Фомы); « *…ведь он ему, для его генеральской потехи, различных зверей из себя представлял!*» [6, с. 31]; «*Да он на всех зверей похож…*» [6, с. 31] (рассказ Бахчеева Сергею).

Сергей, увидев воочию ситуацию в доме дяди, называет Фому «*проклятой тварью*» [6, с. 114]. Когда изгнанного под дождь Фому начинают жалеть, Бахчеев объясняет причину своего внезапного сочувствия так: «*Ведь не собака*» [6, с. 175]. Сам возвратившийся в дом Фома вопрошает: «*Скажите: правда ли, что меня изгнали отсюда, как шелудивейшую из собак?*» [6, с. 179]. «*Или я крокодил, который бы только сожрал вас, а не дал бы вам полезного совета? Или я какой-нибудь отвратительный жук …*» [6, с. 182], – упрекает он полковника, влюбившегося без спросу. Ранее, в главе «Ваше превосходительство», упоминаются и «*сети*», и «*волчья яма*», которые якобы готовил на Фому «*змеиными речами*» полковник: «*Зачем же вы таинственно сплетали мне эти сети, в которые я попал, как дурак? Зачем же во мраке копали вы мне эту волчью яму, в которую теперь вы сами втолкнули меня? Зачем не поразили вы меня разом, еще прежде, одним ударом этой дубины?*» [6, с. 104]. «*Удар дубины*», которым следовало «*поразить*» Фому, также ставит последнего на место объекта змееборчества.

С многочисленными сравнениями Фомы с животными перекликается определение Комаровского при его первом появлении в романе: «*плотный и высокомерный адвокат, породистое животное в вымокшей от пота рубашке*» [8, с. 20]. «*Буйвол*» [8, с. 29], – шепчут ему вслед мастерицы в мастерской Амалии Карловны. В этом контексте приобретает особое значение и такое, на первый взгляд, банальное сравнение: «*Он* [Комаровский] *метался, как зверь, по комнате …*» [8, с. 53]. В конце романа (ч. 15, гл. 14) Комаровский прямо назван «*чудищем*» и «*страшилищем*»: «*И это чудище заурядности мотается и мечется по мифическим закоулкам Азии <…> а никого из близких и нужных не осталось. // Ах, да ведь это на Рождестве, перед задуманным выстрелом в это страшилище пошлости …*» [8, с. 559]. Сравним: в «Сказке» – «*Отдавал в добычу /Чудищу в лесу*» [8, с. 594]; а в прозаическом тексте, где речь идет о замысле «Сказки» – «*Идея этой враждебности, развиваясь, достигла к вечеру такой силы, точно в Шутьме открылись следы допотопного страшилища и в овраге залег чудовищных размеров сказочный, жаждущий докторовой крови и алчущий Лары дракон*» [8, с. 493]. Эта перекличка (интратекст) не оставляет сомнения в параллельности образа Комаровского в прозаических главах образу дракона в «Сказке», а применительно к рассматриваемым перекличкам (интертекстам) убеждает лишний раз в правомерности наших предположений о связи текста Пастернака с текстом Достоевского.

Библиографический список

1. Баевский, В. С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма [Текст] / В. С. Баевский. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – 736 с.

2. Баевский, В. С. Темы и вариации. Об историко-культурном контексте поэзии Б. Пастернака [Текст] / В. С. Баевский // Вопросы литературы, 1987. – № 10. – С. 30-59.

3. Власов, А. С. «Стихотворения Юрия Живаго». Значение поэтического цикла в общем контексте романа Б. Л. Пастернака [Текст] / А. С. Власов // Литература в школе, 2001. – № 8. – С. 2-8.

4. Гаспаров, Б. М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт) [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 272 с.

5. Горелик, Л. Л. «Миф о творчестве» в прозе и стихах Бориса Пастернака [Текст] / Л. Л. Горелик. – М. : РГГУ, 2011. – 370 с.

6. Достоевский, Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635 с.

7. Ким Юн Ран. «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака как «текст в тексте» [Текст] / Ким Юн Ран // Филологические науки, 2000. – № 2. – С. 3-13.

8. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго [Текст] : роман / Б. Л. Пастернак. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 702 с.

9. Суханова, И. А. Внешние и внутренние интертексты в стихотворении Б. Л. Пастернака «Сказка» [Текст] / И. А. Суханова // Ярославский педагогический вестник, 2004. – № 4. – С. 15-21.

10. Суханова, И. А. Интермедиальные источники стихотворения Б. Пастернака «Сказка» [Текст] / И. А. Суханова // Человек в информационном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 20-22 ноября 2003 г.) – Воронеж-Ярославль : изд-во «Истоки», 2004. – С. 215-217.

11. Суханова, И. А. Любите живопись, поэты! (Интермедиальные связи поэтического текста) [Текст] : монография / И. А. Суханова. – Дюссельдорф : Lambert Academic Publishing, 2016. – 221 с.

12. Суханова, И. А. Своеобразие текстовых перекличек романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» [Текст] / И. А. Суханова // Верхневолжский филологический вестник, 2018. – № 3. – С. 107-113.

13. Суханова, И. А. Структура текста романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» [Текст] : монография / И. А. Суханова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2005. – 147 с.

14. Bodin P.–A. Nine Poems from Doktor Živago. A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry [Текст] / P.–A. Bodin. – Stockholm, 1976. – 155 p.

Reference List

1. Baevskij, V. S. Pushkinsko-pasternakovskaja kul'turnaja paradigma = Pushkin-Pasnernak cultural paradigm [Tekst] / V. S. Baevskij. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2011. – 736 s.

2. Baevskij, V. S. Temy i variacii. Ob istoriko-kul'turnom kontekste pojezii B. Pasternaka = Subjects and variations. About a historical and cultural context of B. Pasternak's poetry [Tekst] / V. S. Baevskij // Voprosy literatury = Voprosy literatury, 1987. – № 10. – S. 30-59.

3. Vlasov, A. S. «Stihotvorenija Jurija Zhivago». Znachenie pojeticheskogo cikla v obshhem kontekste romana B. L. Pasternaka = «Poems by Yury Zhivago». Value of a poetic cycle in the general context of B. L. Pasternak's novel [Tekst] / A. S. Vlasov // Literatura v shkole = Literatura v shkole, 2001. – № 8. – S. 2-8.

4. Gasparov, B. M. Boris Pasternak: po tu storonu pojetiki (Filosofija. Muzyka. Byt) = Boris Pasternak: on that side of poetics (Philosophy. Music. Life) [Tekst] / B. M. Gasparov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 272 s.

5. Gorelik, L. L. «Mif o tvorchestve» v proze i stihah Borisa Pasternaka = «The myth about creativity» in prose and verses by Boris Pasternak [Tekst] / L. L. Gorelik. – M. : RGGU, 2011. – 370 s.

6. Dostoevskij, F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli = Village of Stepanchikovo and its inhabitants [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. – 635 s.

7. Kim Jun Ran. «Doktor Zhivago» B. L. Pasternaka kak «tekst v tekste» = «Doctor Zhivago» by B. L. Pasternak as «text in the text» [Tekst] / Kim Jun Ran // Filologicheskie nauki = Filologicheskie nauki 2000. – № 2. – S. 3-13.

8. Pasternak, B. L. Doktor Zhivago = Doctor Zhivago [Tekst] : roman / B. L. Pasternak. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – 702 s.

9. Suhanova, I. A. Vneshnie i vnutrennie interteksty v stihotvorenii B. L. Pasternaka «Skazka» External and internal intertexts in the poem by B. L. Pasternak "Fairy tale" [Tekst] / I. A. Suhanova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik Yaroslavl pedagogical bulletin, 2004. – № 4. – S. 15-21.

10. Suhanova, I. A. Intermedial'nye istochniki stihotvorenija B. Pasternaka «Skazka» = Intermedial sources of B. Pasternak's poem «Fairy tale» [Tekst] / I. A. Suhanova // Chelovek v informacionnom prostranstve: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = The person in information space: Materials of the International scientific and practical conference (Jaroslavl', 20-22 nojabrja 2003 g.) – Voronezh-Jaroslavl' : izd-vo «Istoki», 2004. – S. 215-217.

11. Suhanova, I. A. Ljubite zhivopis', pojety! (Intermedial'nye svjazi pojeticheskogo teksta) = Love painting, poets! (Intermedial communications of the poetic text) [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova. – Djussel'dorf : Lambert Academic Publishing, 2016. – 221 c.

12. Suhanova, I. A. Svoeobrazie tekstovyh pereklichek romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» s povest'ju F. M. Dostoevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» = Originality of text musters of the novel by B. L. Pasternak «Doctor Zhivago» with the story by F. M. Dostoyevsky «The village of Stepanchikovo and its inhabitants» [Tekst] / I. A. Suhanova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhsky philological bulletin, 2018. – № 3. – S. 107-113.

13. Suhanova, I. A. Struktura teksta romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» = Structure of the text in B. L. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2005. – 147 s.

14. Bodin P.–A. Nine Poems from Doktor Živago. A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry [Tekst] / P.–A. Bodin. – Stockholm, 1976. – 155 r.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

УДК 81

Н. В. Менькова

https://orcid.org/0000-0002-2137-1711

Диминутивы как речевая неудача

В статье обсуждается вопрос об отрицательном отношении некоторых носителей русского языка к использованию в речи диминутивных форм, о чем они активно пишут в интернете. Однако большинство носителей языка широко использует диминутивные формы в своей речи. Активность диминутивов проявляет себя в том, что 1) диминутивы захватывают в русском языке все большие слои лексики – абстрактной, терминологической, заимствованной, 2) широко представлены в речи мужчин, несмотря на свою закрепленность за женским гендером, и 3) широко используются в целях языковой игры. В статье предпринята попытка понять причины отрицательного отношения к диминутивам, являющимся яркой особенностью лексической системы русского языка. Указывается, что причины этого могут быть разные и далеко не всегда отрицательное отношение к диминутивам представляется оправданным. Чаще всего отрицательное отношение к диминутивам порождается неправильным коммуникативным поведением говорящего, когда он неверно определяет социально-ролевой статус участников коммуникации и, как следствие, неверно выбирает стратегию и тактику своего речевого поведения. Помимо этого, оценивать употребление диминутивов как речевую неудачу следует в двух случаях: во-первых, когда диминутивами злоупотребляют, и, во-вторых, когда их употребляют не в соответствии с их семантикой (без учета оценочного компонента значения). В статье приводятся примеры неправильных употреблений. В заключение делается прогноз относительно будущего диминутивных форм в русском языке.

Ключевые слова: диминутив, речевая неудача, коммуникативное поведение, детоцентрическая коммуникация, просторечие, фольклор, фатическая функция языка.

N. V. Menkova

Diminutives as Speech Failure

In the article the question of goodness of speech when using diminutives is discussed. Some of the native speakers of Russian express their negative attitude to the use of diminutive forms in speech (which they actively write on the Internet). However the majority of the native speakers widely use the diminutive forms in their speech, which is manifested in the fact that 1) diminutives capture in Russian ever larger layers of vocabulary – abstract, terminological, borrowed, 2) are actively used in male speech, in spite of their female adherence, and 3) used for the purpose of language play. The article makes an attempt to understand the reasons for the negative attitude to using diminutives, which are a striking feature of the Russian lexical system. It is pointed out that the reasons may be various, and far from always the negative attitude towards diminutives seems justified. Most often the negative attitude is generated by an incorrect communicative behavior of the speaker, when they incorrectly determine the social and role status of participants of communication and, as a result, make a wrong choice of strategy and tactics of their speech behavior. Besides this the use of diminutives may be regarded as a verbal failure in two cases: first, when diminutives are abused and, secondly, when they are used not in accordance with their semantics (without taking into account the estimated value component of the meaning). The article gives the examples of misuse. In conclusion a forecast of the future of diminutive forms in Russian is made.

Keywords: diminutives, verbal failure, communicative behavior, babycentric communication, highly colloquial, folk discourse, phatic function of language.

Многие носители русского языка негативно относятся к использованию в речи диминутивных форм. На сайтах интернета по этому поводу развернулась целая дискуссия, в ходе которой противники диминутивов – активные пользователи Сети – выражают свое неприятие диминутивных форм в достаточно категоричной форме. Самые безобидные – это реплики типа: *это* ***сюсюканье*** *какое-то*; но часто встречаются и более «крепкие» выражения, например: ***Ненавижу*** *любые уменьшительно-ласкательные слова;* ***терпеть ненавижу*** *уменьшительные суффиксы;* ***Отвратительно****!; Это* ***отстой****; Меня* ***коробит*** *от солнышек, зайчиков…; Прямо* ***передергивает****, когда слышу;* ***Бесит****…; Как слышу кремик, вкусняшки, мамик, Димик – так* ***стукнуть хочется****; За слова вроде «платьишко»* ***могу убить****!* и пр.

Отрицательное отношение к диминутивам можно услышать и из уст отнюдь не рядовых носителей языка, мастеров русской речи – писателей. Так, в работе [6, с. 11-12] приводится следующее высказывание русского писателя А. И. Куприна: *«…говорила она постоянно уменьшительными словами, входившими в обиход*

© Менькова Н. В., 2018

обитательниц Вдовьего дома. Это был язык богаделок и приживалок около «благодетельниц»: кусочек, чашечка, вилочка, ножичек, яичко, яблочко и т. д. Я ***питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам****, признаку нищенства и приниженности» (цитируется по Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. – М., 1966. – С. 86).*

Пристрастие к диминутивам признается предосудительным и экспертами русской речи – авторитетными лингвистами. Так, академик В. В. Виноградов, как об этом пишет в уже упомянутой работе И. Б. Голуб (см. [6, с. 11]), считал, что насыщение речи диминутивами создает «приторность» речи, в чем проявляется «речевое мещанство».

Схожую позицию занимает и Г. А. Золотова – ученица В. В. Виноградова, – которая пишет по поводу этикетного употребления диминутивов следующее: *«Еще более* ***претит*** *стилистической норме пристрастие к „ласковым" словечкам некоторых людей, стремящихся быть подчеркнуто вежливыми. У прилавка, в кафе, в поликлинике, у канцелярского стола, в телефонных разговорах то и дело приходится слышать: Будьте добры, колбаски полкило!; Два билетика, прошу вас; Будьте любезны, подайте два салатика и двое сосисочек; Мне справочку…; Дежурненькая! Номерочек не подскажете?; В понедельничек позвоните… Становится ли речь, уснащенная уменьшительными суффиксами, более вежливой? Вряд ли.* ***За ними чувствуется*** *не столько вежливость, сколько* ***заискивающий тон, желание быть угодным****, не натолкнуться на отказ…»* [7, с. 68-69]. На сайтах интернета можно также найти упоминания о рекомендациях преподавателей-филологов, адресованных студентам-журналистам, не прибегать в речи к диминутивным формам.

Несмотря на неприятие диминутивных форм со стороны определенной части носителей языка, подавляющее большинство русскоговорящих людей не испытывает отрицательных эмоций по поводу употребления диминутивов и нерефлексивно широко используют их в речи. Да и категорично высказанное отрицательное отношение часто является всего лишь проявлением гиперболизации эмоций, характерной для обыденной речи.

Активность диминутивных форм в современной русской речи проявляет себя в следующем. Во-первых, есть сферы речи (причем очень важные в жизни каждого человека), для которых использование диминутивных форм является обязательным. Такова, например, сфера коммуникации с детьми – исходная сфера функционирования диминутивов: для русскоговорящей матери общение со своим младенцем без уменьшительно-ласкательных форм практически невозможно. Было бы весьма странным слышать реплики матери, обращенные к своему младенцу, типа: **Иди к маме* ***на руки****, **Давай в* ***кровать*** *ляжем, *******Глаза*** *закрывай, **Давай* ***ложку*** *за маму,* ***ложку*** *за папу, **Давай* ***подгузники*** *наденем* и т. п.

В некоторых исследованиях, посвященных изучению коммуникации с детьми, высказываются иные оценки относительно обязательности диминутивных форм в речи матери. Так, в работе [4] со ссылкой на работу [5] приводится следующая точка зрения: *«Уменьшительно-ласкательные имена (диминутивы) являются одним из признаков специального „языка нянь" – того речевого регистра, который взрослые используют для общения с детьми и в детоцентрических ситуациях. Обилие диминутивов в речи маленьких детей обычно объясняют тем, что взрослые, которые говорят с ребенком, злоупотребляют уменьшительно-ласкательными именами. Это свойство можно отнести к особенностям семейного общения, т. к. не в каждой семье принято использовать такой стиль. Существует также мнение, что обилие диминутивов скорее свойственно старшему поколению, в то время как родители, особенно молодые, избегают специального „языка нянь"».* Реагируя на изложенное мнение, следует сказать, что если отказ от диминутивной формы коммуникации и практикуется в некоторых молодых семьях, то такое речевое поведение все-таки нельзя признать типичным для матери, общающейся со своим младенцем. На наш взгляд, при оценке обязательности диминутивов в речи матери необходимо поменять акценты – не «язык нянь» является индивидуальной особенностью той или иной отдельной семьи – это как раз тот стиль общения, который все-таки обычно практикуется в реальной детоцентрической коммуникации, – а, наоборот, отказ некоторых молодых матерей от использования в речи диминутивов следует считать некоторым отклонением от общепринятого речевого поведения и признать индивидуальной особенностью той или иной семьи, которая, однако, в условиях современного социума получает все большее распространение. И если посмотреть на состав носителей языка, которые негативно относятся к диминутивам, то обнаружится, что это в первую очередь молодые люди, еще не вступившие в брак и не имеющие соб-

ственных детей, а соответственно, далекие от детоцентрической коммуникации.

В общении с детьми диминутивы используются с двумя целями: во-первых, как фатическое средство – употребляя диминутивные формы, мать выражает свое любовно-умилительно-ласковое отношение к своему младенцу, и, во-вторых, (со времен архетипической древности) как способ социализации ребенка – задает ему его личную сферу, то есть тот ближний круг, который создает зону безопасного существования в социуме – диминутивному означиванию подлежит все, что, по мнению матери, должно осознаваться как свое и не представляет для малыша угрозы (см. об этом [15, с. 238-246]). Умилительно-ласкательная тональность детоцентрической коммуникации создается целым комплексом средств: языковыми средствами – диминутивами, в не меньшей степени интонацией и в целом характерным речевым поведением,– а также тактильно (языком прикосновений). И если диминутивные формы исключить из перечня фатических средств языка, к которым прибегает мать ребенка, то, для того чтобы сохранить заданную эмоциональную тональность речи, говорящему потребовалось бы приложить слишком много интонационных усилий, чтобы компенсировать лексические потери, а это в свою очередь существенно осложнило бы исполнение (actio) коммуникации и нарушало бы сложившийся узус.

Детоцентрическая коммуникация как исходная сфера функционирования диминутивов обусловливает появление их и в других сферах – во взрослой коммуникации. Все они объединены единым концептом – «тело человека»: детоцентрическое общение в семье, гастрономическая сфера, общение с людьми пожилого возраста (исходно – престарелыми членами семьи), общение с домашними животными, сфера медицины (и близкие ей – например, «В парикмахерской»), сфера рукоделия, этикетной коммуникации в социуме и некоторые другие (более подробно об этом см. [13, с. 83-100]). Так же, как и в общении с детьми, во взрослой коммуникации диминутивные формы являются средством фатики – диминутивному означиванию подлежит все, что говорящий включает в свое личное пространтство, и это позволяет ему устанавливать и поддерживать контакт с собеседником в акте коммуникации. Ю. Д. Апресян по этому поводу пишет: «…когда мы говорим *Выпей молочка*, *Съешь кашки*, мы испытываем (или выражаем) положительные эмоции не столько по отношению к пищевым продуктам, сколько по отношению к своему адресату… В таких случаях ласкательные слова – это непрямой способ включения адресата в личную сферу говорящего. С другой стороны, они служат для демонстрации доброжелательства по отношению к адресату; ср. обращение к продавцу *Взвесьте мне колбаски*» [1, с. 146].

Говоря об активности диминутивных форм в современной русской речи, следует указать и на то (и это во-вторых), что уменьшительно-ласкательные суффиксы, в силу своего фатического потенциала, легко осваивают нехарактерные для себя именные основы:

1) заимствованную абстрактную лексику, чуждую идее уменьшительности; например: – *Да, думаю, там у них обстановочка. – Я чувствую, у вас* ***тандемчик***; или (говорящий рассуждает о фильмах Параджанова) *Либо мы верим, либо не верим – вот простая* ***дилеммка***; или (оперная певица Хибла Герзмава говорит о своей премьере в опере «Дон Карлос») *Это новая для меня партия, так сказать* ***эксклюзивчик****. Я люблю* ***эксклюзивчики***; или *Только тут небольшой* ***форсмажорчик*** и т. п. Способность заимствованной лексики образовывать диминутивные формы является одним из показателей обрусевания слова;

2) термины, например: (певица просит аккомпаниатора подыграть ей) *Давайте,* ***фа-минорчик***; или (шутливое название лингвистической статьи Н. А. Еськовой (под псевдонимом Н. Йот) в сборнике [18, с. 105-108]) *«Печальная повесть о* ***j-ике****»*; или (в научно-популярной телепередаче, посвященной сверхпроводникам, молодой человек демонстрирует физический опыт, сопровождая его следующим комментарием: *Берем батареечку и подносим к ней металлическую губку… и замкнем* ***плюсик с минусиком****…*). Подобные примеры свидетельствуют о том, что диминутивные формы от терминов могут проникать в научно-популярный и даже устный научный дискурс, что позволяет терминам осваивать более широкое языковое пространство и переходить в разряд общеупотребительной лексики;

3) иностранные имена собственные – фамилии; ср.: (реплики из политических ток-шоу на ТВ о президентах США и Турции) *Мы-то* ***Обамушке*** *ничего не сделали* (т/к «Россия», ток-шоу В. Соловьева)*; …лучше, чем* ***Эрдаганчика*** *из себя строить…* (т/к НТВ, ток-шоу «Место встречи») и др. лексика.

В-третьих, будучи характерной чертой женской речи, диминутивы, несмотря на свою гендерную маркированность, широко используются и в речи

мужчин – для выражения иронии, а ироническая модальность бывает востребована в практике коммуникации очень часто; ср. последние два из приведенных выше примеров.

В-четвертых, диминутивы широко используются носителями языка как средство языковой игры, которая, как мы попытались показать в [14, с. 152-157], реализуется на всех уровнях языка и направлена на удовлетворение эстетических потребностей homo loquens.

Востребованность диминутивов у носителей языка свидетельствует о высоком языковом потенциале этих форм, и не исключено, что даже те из носителей языка, которые в интернете пишут о своей «ненависти» к диминутивам, в действительности, не замечая этого, нерефлексивно используют их в речи. Поэтому утверждение об отказе от употребления диминутивов со стороны их противников требует своего подтверждения в виде мониторинга частоты употребления этих форм, который бы учитывал коммуникативную ситуацию, пол и возраст собеседников, а критика должна быть направлена не столько на сами диминутивы, сколько на общее речевое и, шире, коммуникативное поведение говорящих, которое не всегда может представляться правильным.

Каковы же причины отрицательного отношения носителей русского языка к диминутивам? Этот вопрос уже поднимался в работе Т. Л. Козловской [10, с. 425-436], где отмечается, что негативная оценка уменьшительно-ласкательных форм обусловлена в первую очередь их социальной маркированностью. Развивая тему, можно назвать следующие причины негативной оценки диминутивной формы речи.

Первая причина связана с психологическими особенностями говорящего – с его коммуникабельностью (экстравертностью/интравертностью, контактностью/дистанцированностью в общении). Поскольку в речи диминутивы выполняют в первую очередь фатическую функцию, то вполне очевидно, что закрытый человек, не склонный к тесному контакту с партнером в акте коммуникации, диминутиных форм сам не будет употреблять и будет воспринимать их в устах собеседника как вторжение в свое личное пространство.

Во-вторых, отрицательное отношение часто вызывают не собственно диминутивы, а так называемая «мимишная» лексика («новомодные словечки» типа *печеньки, вкусняшки* и пр., внешне схожие с диминутивными формами). Вот что по этому поводу пишет, солидаризируясь с мнением д. ф. н. Валерия Ефремова, колумнист Ксения Туркова (и с мнением обоих трудно не согласиться): *«В современной России рулит «мимишный» новояз: слово «пичалька» говорят все от мала до велика, мальчики и девочки постят в «Инстаграм» «вкусняшки», дамы в положении называют себя «беременяшками». Мимишная (или няшная) лексика свидетельствует об инфантилизации общества, но, скорее всего, часы ее сочтены»* [18].

В-третьих, приятие/неприятие диминутивных форм может определяться принадлежностью говорящего к той и ли иной социальной группе (члены которой объединены полом, возрастом, образованием, профессией, кругом общения, образом жизни), а соответственно, и приобщенностью к тому или иному типу речевой культуры. Так, на интернет-сайте все той же Ксении Турковой [19] приводится следующее высказывание радиоведущего и продюсера Михаила Козырева: *«Я приехал из Америки в середине 90-х годов делать здесь радио и абсолютно* ***офигел*** *от того, как люди разговаривали в эфире. „Сейчас поставлю вам песенку одной девчонки!" Почему, если ты ставишь Мадонну, надо говорить, что ты ставишь „песенку одной девчонки"*?

Для меня эти суффиксы всегда были элементом какого-то панибратского, уничижительного отношения к действительности. Когда я стал руководить радиостанцией „Максимум" – а это было тогда звездное время – я всем запретил категорически под страхом штрафов употреблять уменьшительно-ласкательные суффиксы.

И они стали надо мной ***стебаться*** *в эфире: они стали изымать суффиксы из всех слов, причем брутально. „У нас сегодня была летуча, закручивают гаи. На планере решено, что некоторые пластины в эфир лучше не ставить". Это было умопомрачительно смешно!».* Критикуя радиоведущего за использование диминутивных форм, которые очевидным образом направлены на создание непринужденной, игриво-веселой атмосферы общения с радиослушателями, сам говорящий прибегает к просторечному эвфемизму *офигел* и сленговой номинации *стебаться*, что, с его точки зрения, является более приемлемой формой общения с радиослушателями, чем общение с помощью диминутивов, но что, на наш взгляд, отнюдь не выглядит более предпочтительным, если не ограничивать радиоаудиторию исключительно носителями молодежно-тусовочного сленга.

Говоря о социальной окраске речи, будет уместно сделать одно замечание относительно

принадлежности диминутивов к просторечному слою лексики. В работе [11, с. 53-68] автор раздела «Просторечие» Л. П. Крысин относит диминутивные формы к так называемому *просторечию-2*. Однако такая оценка может вызывать сомнения, так как социальной базой *просторечия-2* признаются малообразованные люди молодого и среднего возраста (в первую очередь мужчины), речь которых во многом жаргонизирована. Сленг же не приемлет диминутивных форм. На наш взгляд, у диминутивов имеется значительно больше связей с *просторечием-1*, носителями которого являются люди пожилого возраста – выходцы из сельской местности, обнаруживающие в своей речи устойчивые связи с диалектами, что вполне объясняет отношение к диминутивам как к «языку нянь». Да и в целом отнесение диминутивов к просторечному слою лексики представляется не столь очевидным: если исходить из общепринятого представления о просторечии как той разновидности русского языка, где регулярно наблюдается отступление от литературной нормы, то диминутивные формы вряд ли можно признать признаком просторечия. С просторечной лексикой диминутивы сближает устная форма и обиходно-бытовая сфера функционирования, но, как отмечает и сам автор: «…диминутивы могут рассматриваться не только как принадлежность просторечия, но и более широкого речевого употребления» [19, с. 67]. Ср., например, проникновение диминутивной формы в устный научно-учебный дискурс (телелекция о генетике профессора МГУ Н. К. Янковского на т/к «Культура»): *Сочетание вот этих* ***фрагментиков*** *у всех разное…*

Еще одна (в-четвертых) причина отрицательного отношения к диминутивам – это усиление речевой агрессии, которая наблюдается в современной городской коммуникации. Вполне очевидно, что речевая агрессия является следствием стресса, в состоянии которого постоянно пребывает современный горожанин (о речевой агрессии см. [20]). Если быть более точным, то в городской коммуникации можно наблюдать действие двух противоположно направленных тенденций – доброжелательно-ласковая тональность речи зачастую сочетается с речевой грубостью, которые постоянно сталкиваются в актах коммуникации, отнюдь не уравновешивая друг друга. Поэтому отрицательное отношение к диминутивам у сердито-агрессивного человека может быть реакцией на эмоциональный диссонанс с собеседником, который пребывает в спокойном, умиротворенном состоянии и проявляет свое доброжелательное отношение к окружающим в диминутивной форме речи. В этом случае диминутивы могут выступать как смягчающее речь средство – эвфемизмы,– нейтрализуя даже отрицательную энергетику «ругательных» слов; ср. (реплика известного телеведущего А. Гордона в одной из его телепередач): *Нет, нет, нет,* ***хренушки*** *вам!*

Можно назвать и еще одну – в-пятых (the last but not the least) – причину неприятия диминутивов – это негативная оценка той формы коммуникативного поведения, когда говорящий неверно определяет социально-ролевой статус участников коммуникации и, как следствие, неверно выбирает стратегию и тактику своего речевого поведения. В зависимости от соотношения социально значимых характеристик коммуникантов – гендерных, возрастных, этнических, ролевых, – определяющих статусные позиции коммуникантов в акте коммуникации, диминутивные формы в разных коммуникативных ситуациях могут получать разное прагматическое прочтение – быть показателями как статусного доминирования (в первую очередь в речи мужчин – по отношению к женщинам и детям), так и статусной зависимости говорящего (например, в речи женщины – по отношению к мужчине, в речи пожилого человека – по отношению к более молодому, в сфере деловых отношений в речи рядового сотрудника – по отношению к руководителю и т. п.). И именно проявление статусной зависимости обычно воспринимается как результат заниженной самооценки и самоуничижения говорящего и вызывает активное неприятие диминутивной формы речи со стороны ее противников; ср. приведенное выше высказывание писателя А. И. Куприна о языке *приживалок около «благодетельниц»* (хотя тактика самоуничижения получает свою реализацию не только в выборе лексики – диминутивах, но в не меньшей и даже большей степени в особом интонационном оформлении высказывания, а также невербальном поведении говорящего).

Несмотря на то что неприятие диминутивных форм со стороны некоторых носителей языка имеет свои причины, их вряд ли можно признать достаточными, чтобы считать диминутивы речевой, точнее коммуникативной, неудачей и полностью отказаться от их употребления. Тем не менее случаи некорректного употребления диминутивов, когда их следует признавать речевой погрешностью, вполне возможны и в практике коммуникации встречаются не так уж редко. Речевые «неправильности» могут носить количественный и качественный характер.

Количественный аспект употребления диминутивов. Многие противники диминутивных форм выступают не столько против самих форм, сколько против злоупотребления ими, отмечая эффект приторности речи при их чрезмерном употреблении.

Как известно, в одном и том же высказывании может появиться целая цепочка диминутивных форм, ср.: (персонаж фильма армейский старшина по-отечески учит новобранцев, получивших наряд на кухню, чистить картошку) ***Картошечку*** *в левую* ***ручку****, а* ***ножичек*** *в правую, и* ***аккуратненько, аккуратненько****…* Уснащение речи диминутивными формами не представляется чем-то противоестественным для носителей русского языка. Корни этого явления лежат в фольклорной речи, для которой нанизывание диминутивов – явление характерное и для некоторых жанров (плача, лирической песни (см. [9, с. 115-120]), частушки и некоторых др.) практически обязательное; ср. жанр плача: *Веют* ***ветрышки*** *на* ***уличке буйнешенько****, Как* ***погодьице*** *теперь* ***холоднешенько****… Заболят да наши резвы эты* ***ноженьки****, Со* ***крылечка*** *на* ***крылечико*** *ставаючи…*[16, с. 21].

Построение диминутивных цепочек в пределах одного высказывания и в фольклорной, и в современной обыденной речи решает одну и ту же задачу – позволяет задать общению определенную эмоциональную тональность (по выражению А. Вежбицкой, «эмоциональную температуру текста» [2, с. 55]) и поддерживать ее на всем протяжении акта коммуникации. Поэтому представляется вполне справедливой высказанная в работе [12] мысль о том, что «употребление нескольких диминутивов в одном и том же высказывании может показаться семантически избыточным, но всегда прагматически оправдано».

Об избыточности диминутивных форм, а соответственно, и их неуместности, можно говорить только тогда, когда их появление не является прагматически оправданным, то есть когда конситуация не требует от говорящего по-домашнему ласкового сближения с собеседником. Ср., например, реплику из телеинтервью известного актера Виктора Сухорукова, который, отвечая на вопросы журналиста, рассуждает о печальном положении актеров в старческом возрасте следующим образом: *Открываешь* ***газеточку*** *и смотришь* ***заметочку*** *вот с такой фотографией* ***актрисочки*** *или* ***артистика****…* Использование в медийном дискурсе множественных, да еще и рифмующихся (что подчеркивает их множественность) диминутивных форм в силу публичного характера медийного общения не представляются уместным. Да и с точки зрения семантики диминутивные формы ***актрисочки*** и ***артистика***, использованные для номинации людей преклонного возраста, также нельзя признать удачными, поскольку диминутивные формы от имен профессий развивают в своем лексическом значении сему «возраст» и закрепляются за референтами молодого (но не преклонного) возраста. Так что использование многочисленных диминутивных форм в приведенном высказывании нельзя признать ни прагматически оправданным, ни семантически точным и следует считать проявлением чрезмерного пристрастия говорящего к диминутивам как индивидуальной черте (возможно, не самой привлекательной) отдельной языковой личности. Чрезмерное стремление к диминутивизации речи во взрослой коммуникации свидетельствует, видимо, о том, что говорящий в силу тех или иных причин психологически продолжает оставаться в плену детоцентрической коммуникации.

Таким образом, возможность злоупотребления диминутивными формами со стороны некоторых носителей языка не должно быть поводом для полного отказа от диминутивов в случае их уместностого употребления (ср. латинские поговорки *Ab abūsu ad usum non valet consequentia / Abūsus non tollit usum / Abūsu non est contra rationem usŭra*, означающие «злоупотребление не является доводом против употребления»).

Качественный аспект употребления диминутивов. Как собственно речевую ошибку следует рассматривать такое употребление диминутивов, которое не соответствует их семантике – в первую очередь это касается оценочной составляющей лексического значения диминутивов, а это в ситуации спонтанной устной речи может случиться даже с человеком высокой речевой культуры. Приведем примеры.

Не представляется удачным такое метафорическое употребление диминутива в целях иронии в высказывании известного телеведущего Сергея Соловьева (телевизионное ток-шоу «Поединок» на т/к «Россия»): *Нужно поставить заслон наркотрафику хотя бы на внешних границах, чтобы эту* ***речку*** *остановить*. Известно, что ирония всегда строится на перевертывании у языкового выражения оценочного знака, но положительные коннотации у диминутива *речка* столь сильны, что не позволяют ему перевернуть оценку с положительной на отрицательную, чего требуют исходные отрицательные презумпции, имеющиеся у номинации *наркотрафику*. Ср. аналогичный случай: *Тюбики, из которых вытекали струйки*

краски… разноцветная ***речка****, превращающаяся в доллары…* [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)] (*речка – доллары*).

Не представляется удачным ироническое употребление и другого диминутива-метафоры из той же диминутивной парадигмы – *речушка* в таком контексте: *После матча* ***речушка*** *болельщиков (тысяч 20 пришло на стадион), катящаяся к метро, была на удивление спокойной* [НКРЯ – Горлов Виктор. Тишь в Лужниках // Труд-7, 2001.05.22]. Диминутив *речушка*, по сравнению с *речка*, имеет ослабленную оценочность, что также мешает перевертыванию оценки, так что метафорический потенциал этого диминутива невелик.

Не соответствует семантике, а соответственно, не представляется удачным и такое употребление диминутива: (вторая реплика диалога двух персонажей из известного фильма «Место встречи изменить нельзя») – Глеб Жеглов угрожает Ручечнику): Г. Ж. – *Снимешь ты свой костюмчик и наденешь телогреечку лагерную.* Р. – *Я вор в законе и* ***дружков*** *не продавал.* Диминутив *дружок* как номинация взрослого человека развил в языке устойчивое отрицательное значение (что наиболее заметно в форме мн. ч.), которое вступает в конфликт с положительным значением контекста, создаваемым за счет отрицательной формы глагола *не продавал* (отрицание меняет оценочное значение метафорически употребленного глагола с минуса на плюс), что в высказывании от 1-ого лица ведет к т. н. «иллокутивному самоубийству» (= саморазоблачению), которое не позволяет говорящему выражать отрицательную оценку в отношении самого себя (об иллокутивном самоубийстве см. [3, с. 238-250]). (Попутно заметим, что в исходном тексте – в произведении Братьев Вайнеров «Эра милосердия», по которому снят фильм С. Говорухина, – такой погрешности нет: на месте диминутива использона другая лексема – *кореш*, того же стилистического регистра (разговорно-просторечного), но лишенная отрицательной оценки – *Я вор в законе,* ***корешей*** *не продавал…*; не исключено, что такая замена в тексте сценария во времена эпохи застоя могла иметь цензурно-идеологическую подоплеку).

Употребление диминутива не в соответствии с его семантикой можно продемонстрировать и таким примером – наименование магазина женской одежды (эмпороним) *Стильные* ***вещички***. Судя по контекстам, размещенным в НКРЯ, диминутив *вещички* употребляется преимущественно в форме мн. ч. со значением собирательности, развивает устойчивые отрицательные коннотации и имеет значение ‘старая, поношенная одежда’; ср. характерные контексты: *Разобрав его* ***вещички****, тетя Рая долго плакала – все было ношеное, старое и какое-то нищенское* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)]; *Геня пополнела, как полнеют необеспеченные женщины с детьми, от хлеба и картошки, носила, видимо, чьи-то старые* ***вещички****, зашитые колготки, стоптанные туфли* [Людмила Петрушевская. Два бога (1998-1999)]. Положительные коннотации, на которые рассчитан диминутив *вещички* в составе эмпоронима и которые у него отсутствуют, видимо, навеяны другим членом той же словообразовательной парадигмы – диминутивом *вещица*, который, однако, в отличие от первой формы, лишен родовой семы «одежда», имеет дискретное мн. ч. и фиксируется в словаре (МАС) со значением – ‘небольшая искусно или художественно сделанная вещь’ [17, с. 160]. Поэтому выходом из сложившегося номинативного противоречия могла бы стать, на наш взгляд, форма эмпоронима *Стильная* ***одежда***, которая утрату игривой установки в выборе номинации компенсировала бы номинативной точностью словоупотребления.

Возможные речевые погрешности в употреблении диинутивов, связанные с их лексической семантикой, по сути, ничем не отличаются от других лексических ошибок и так, же как и последние, требуют от говорящих развитого чувства языка и привычки к языковой рефлексии. Ратуя за лексическую правильность и точность речи, не стоит, однако, впадать в пуристическую крайность и чрезмерно строго относиться к языковому оформлению спонтанной устной речи, для которой трудности в выборе номинативного средства при наличии альтернативных возможностей передачи того или иного смысла являются естественным проявлением процесса порождения речи (вспомним шутливые строчки А. С. Пушкина: *Как уст румяных без улыбки, без грамматической* [а равно и лексической – Н. В. М.] *ошибки я русской речи не люблю* («Евгений Онегин», Гл. 3, строф. 28).

Неприятие диминутивной формы речи со стороны молодых носителей русского языка заставляет задуматься над тем, есть ли будущее у диминутивов в русском языке (равно как и других языках, обладающих лексико-словообразовательной категорией диминутивности)? Смогут ли они сохраниться в языке? Вопрос не кажется праздным, если посмотреть на историю категории диминутивности в западноевропейских языках, где диминутивные формы, в прежние эпохи имевшиеся в этих языках, в большинстве из них подверглись

лексикализации, утратив оценочный компонент значения и став чисто размерными номинациями. Уменьшительно-ласкательные формы сохраняются в этих языках лишь как остаточное явление, проявляющее себя на ограниченном круге лексики – терминах родства и именах собственных (личных именах); ср. англ. *mammy, daddy, granny*; *Nickie, Lizzie* и т. п. Ожидает ли перспектива утраты ласкательного элемента значения и русские диминутивы?

Ответ на вопрос о будущем диминутивных форм зависит от того, в каком направлении будет развиваться русскоязычный социум. Язык порожден социумом – возник как средство взаимодействия его членов в процессе жизнедеятельности – и отражает изменения, в нем происходящие. И если иметь в виду, что первичная сфера функционирования диминутивов – речевое общение матери с младенцем, являющееся первотолчком для последующего их использования в актах взрослой коммуникации, то вполне очевидно, что будущее категории диминутивности напрямую будет зависеть от того, как будет развиваться социальный институт материнства и семьи – будут ли дети появляться на свет естественным путем, будет ли мать вскармливать свое дитя грудью, когда телесных контакт задает ребенку его личную сферу, будет ли мать осуществлять социализацию ребенка и формировать его личную сферу посредством диминутивных форм, как это делали наши предки на протяжении многих веков и тысячелетий. А опасения на этот счет имеют под собой основания, если учесть общее направление развития современного социума – усиление процессов глобализации во всех сферах жизни, разрушение института семьи, стирание различий между биологическими полами (что получает отражение в том числе и в языке – ср. развитие феномена *gender neutral language* в английском языке, суть которого состоит в замене третьеличных местоимений единственного числа he/she, дифференцирующих пол, на местоимение множественного числа they (them/their(s)) в случае отсутствия у говорящего информации о поле номинируемого лица), научный прогресс в области создания искусственного интеллекта, развитие генной инженерии, разработки технологий инкубирования и клонирования живых существ – все это может сделать диминутивную форму речи неактуальной для ведения коммуникации. И такие радикальные перспективы заставляют качаться почву под ногами современного исследователя. И можно надеяться только на то, что у человечества не хватит материальных ресурсов для осуществления столь радикальной перестройки человеческой природы и человек, испугавшись невозможности просчитать все последствия научного прогресса (а научную мысль остановить невозможно), будет сознательно прилагать усилия для того, чтобы остаться в лоне Природы и сохранить свое естество. Но на сегодняшний день диминутивные формы продолжают сохранять свои позиции в русском языке, оставаясь ярким и востребованным средством коммуникации по-русски.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

3. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство [Текст] / З. Вендлер; перевод с англ. А. А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей. Выпуск 16: Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – С. 238-250.

4. Воейкова, М. Д. Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребенком [Электронный ресурс] / М. Д. Воейкова. – URL: http://iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html

5. Гаврилова, Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка) [Текст] / The register of communication with children: structural and sociolinguistic aspects (based on Russian language). – Unpublished doctoral dissertation. SaintPetersburg, 2002. – 181 с.

6. Голуб, И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка [Текст] / И. Б. Голуб – М. : Высшая школа, 1989. – 208 с.

7. Золотова, Г. А. Как быть вежливым? [Текст] / Г. А. Золотова // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 67-73.

8. Йот, Н. Печальная повесть о j-ике [Текст] / Н. Йот (псевдоним Н. А. Еськовой) // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 105-108.

9. Кожаева, Ю. А. «Душечка-сударушка и миленький дружок…» Диминутивы в лирической песне [Текст] / Ю. А. Кожаева // Русская речь. – 2017. – № 3. – С. 115-120.

10. Козловская, Т. Л. Общественно-групповая оценка употребления уменьшительно-ласкательных образований в речи носителей современного русского языка [Текст] / Т. Л. Козловская // Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – С. 425-436.

11. Крысин, Л. П. Просторечие [Текст] / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 53-68.

12. Макарова, А. Б. Кому нужна избыточность? Случай русских диминутивов [Электронный ресурс] / А. Б. Макарова. – URL: http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2015/abstracts/makarowa.pdf

13. Менькова, Н. В. Сферы функционирования диминутивов в актуальной речи [Текст] / Н. В. Менькова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. В 2 ч. Ч. 2. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 83-100.

14. Менькова, Н. В. Диминутивы как средство языковой игры [Текст] / Н. В. Менькова // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. –Ярославль : Изд-во ЯГПУ. – Том 1, 2014. – № 3. – С. 152-157.

15. Протасова, Е. Ю. Овладение категорией свое vs чужое в детской речи [Текст] / Е. Ю. Протасова // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб. : Наука, 2001. – С. 238-246.

16. Причитания Северного края Собранные Е. В. Барсовым. Том 1. Похоронные причитанья [Текст]. – СПб. : Наука, 1997.

17. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А. П. Евгеньевой; 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1. А – Й. – С. 160.

18. Туркова, К. Колоночка про диминутивчики [Электронный ресурс] / Газета «Московские новости» от 29.05.2012, Мнения, Колумнисты. – URL: http://www.mn.ru/oped/columns/81654

19. Туркова, К. Утром мажу бутербродик – сразу мысль: а как народик? [Электронный ресурс] / Православие и мир. 3 июля 2015 г. – URL: http://www.pravmir.ru/utrom-mazhu-buterbrodik-srazu-myisl-a-kak-narodik/

20. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды [Текст] : учебное пособие / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2014. – 400 с.

Reference List

1. Apresjan, Ju. D. Izbrannye trudy: Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija = Selected works: Integrated description of language and system lexicography [Tekst] / Ju. D. Apresjan. – M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. – 767 s.

2. Vezhbickaja, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Knowledge [Tekst] / A. Vezhbickaja; per. s angl., otv. red. M. A. Krongauz, vstup. st. E. V. Paduchevoj. – M. : Russkie slovari, 1996. – 416 s.

3. Vendler, Z. Illokutivnoe samoubijstvo = Illocutionary suicide [Tekst] / Z. Vendler; perevod s angl. A. A. Zaliznjak // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sbornik statej. Vypusk 16: Lingvisticheskaja pragmatika = New in foreign linguistics: collection of articles. Issue 16: Linguistic pragmatics / obshh. red. E. V. Paduchevoj. – M. : Progress, 1985. – S. 238-250.

4. Voejkova, M. D. Sistemno-grammaticheskie funkcii diminutivov v usvoenii russkogo jazyka rebenkom = System and grammatical functions of diminutives in learning Russian by the child [Jelektronnyj resurs] / M. D. Voejkova. – URL: http://iling.spb.ru/grammatikon/child/vo.html

5. Gavrilova, T. O. Registr obshhenija s det'mi: strukturnyj i sociolingvisticheskij aspekty (na materiale russkogo jazyka) [Tekst] / The register of communication with children: structural and sociolinguistic aspects (based on Russian language). – Unpublished doctoral dissertation. SaintPetersburg, 2002. – 181 s.

6. Golub, I. B. Grammaticheskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka = Grammatical stylistics of modern Russian [Tekst] / I. B. Golub – M. : Vysshaja shkola, 1989. – 208 s.

7. Zolotova, G. A. Kak byt' vezhlivym? = How is it to be polite? [Tekst] / G. A. Zolotova // Russkaja rech' = Russkaya rech. – 1985. – № 5. – S. 67-73.

8. Jot, N. Pechal'naja povest' o j-ike = The sad story about j-er [Tekst] / N. Jot (psevdonim N. A. Es'kovoj) // Semiotika. Lingvistika. Pojetika. K stoletiju so dnja rozhdenija A. A. Reformatskogo = Semiotics. Linguistics. Poetics. To the century since the birth of A. A. Reformatsky. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – S. 105-108.

9. Kozhaeva, Ju. A. «Dushechka-sudarushka i milen'kij druzhok…» Diminutivy v liricheskoj pesne = «Dushechka-sudarushka and the pretty friend …» Diminutive in the lyrical song [Tekst] / Ju. A. Kozhaeva // Russkaja rech' = Russkaya rech. – 2017. – № 3. – S. 115-120.

10. Kozlovskaja, T. L. Obshhestvenno-gruppovaja ocenka upotreblenija umen'shitel'no-laskatel'nyh obrazovanij v rechi nositelej sovremennogo russkogo jazyka = Public and group assessment of the use of diminutive-hypocoristic formations in the speech of modern Russian carriers [Tekst] / T. L. Kozlovskaja // Kul'tura russkoj rechi i jeffektivnost' obshhenija = Culture of the Russian speech and efficiency of communication. – M. : Nauka, 1996. – S. 425-436.

11. Krysin, L. P. Prostorechie = Popular speech [Tekst] / L. P. Krysin // Sovremennyj russkij jazyk: Social'naja i funkcional'naja differenciacija = Modern Russian: Social and functional differentiation. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – S. 53-68.

12. Makarova, A. B. Komu nuzhna izbytochnost'? Sluchaj russkih diminutivov = Who needs redundancy? Case of the Russian diminutives [Jelektronnyj resurs] / A. B. Makarova. – URL: http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2015/abstracts/makarowa.pdf

13. Men'kova, N. V. Sfery funkcionirovanija diminutivov v aktual'noj rechi = Spheres of functioning of diminutive in the relevant speech [Tekst] / N. V. Men'kova // Semantika i funkcionirovanie jazy-

kovyh edinic v raznyh tipah rechi: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 1000-letiju g. Jaroslavlja. V 2 ch. Ch. 2. = Semantics and functioning of language units in different types of the speech: the collection of articles on materials of the International scientific conference devoted to the 1000 anniversary of Yaroslavl. In 2 parts. P2. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. – S. 83-100.

14. Men'kova, N. V. Diminutivy kak sredstvo jazykovoj igry = Diminutives as a means of a language game [Tekst] / N. V. Men'kova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki: nauchnyj zhurnal = Yaroslavl pedagogical bulletin. Humanities: scientific magazine. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU. – Tom 1, 2014. – № 3. – S. 152-157.

15. Protasova, E. Ju. Ovladenie kategoriej svoe vs chuzhoe v detskoj rechi = Mastering category svoe vs chuzhoe in the children's speech [Tekst] / E. Ju. Protasova // Teoreticheskie problemy funkcional'noj grammatiki = Theoretical problems of functional grammar. – SPb. : Nauka, 2001. – S. 238-246.

16. Prichitanija Severnogo kraja Sobrannye E. V. Barsovym. Tom 1. Pohoronnye prichitan'ja = The lamentations of the Northern region Collected by E. V. Barsov. Volume 1. Funeral lamentations [Tekst]. – SPb. : Nauka, 1997.

17. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. = Dictionary of Russian: In 4 v. [Tekst] / AN SSSR, In-t rus.jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj; 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Russkij jazyk, 1981. – T. 1. A – J. – S. 160.

18. Turkova, K. Kolonochka pro diminutivchiki = Colomn about diminutives [Jelektronnyj resurs] // Gazeta «Moskovskie novosti» ot 29.05.2012, Mnenija, Kolumnisty = Newspaper «Moskovskiye Novosti» dated from 29.05.2012, Opinions, Columnists. – URL: http://www.mn.ru/oped/columns/81654

19. Turkova, K. Utrom mazhu buterbrodik – srazu mysl': a kak narodik? = I butter a sandwich in the morning – at once there is a thought: and how is people? [Jelektronnyj resurs] // Pravoslavie i mir = Orthodoxy and world. 3 ijulja 2015 g. – URL: http://www.pravmir.ru/utrom-mazhu-buterbrodik-srazu-myisl-a-kak-narodik/

20. Shherbinina, Ju. V. Rechevaja agressija. Territorija vrazhdy = Speech aggression. Territory of hostility [Tekst] : uchebnoe posobie / Ju. V. Shherbinina. – M. : Forum, 2014. – 400 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

Германские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10207

УДК 81-11

О. В. Лукин

https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Работы С. Г. А. Герлинга в парадигме немецкой рациональной грамматики и лингводидактики XIX в.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17–04–00200–ОГН

В представленной статье дается оценка вклада С. Г. А. Герлинга (Simon Heinrich Adolf Herling, 13.10.1780–1.04.1849) в развитие науки о языке. В статье кратко описан жизненный путь ученого в контексте развития немецкого языкознания XIX в. и перечислены его основные труды. Получив богословское образование в Геттингенском университете, С. Г. А. Герлинг преподавал богословие, математику и немецкий язык, занимая долгое время должность профессора гимназии Франкфурта на Майне. Его занятия лингвистикой и лингводидактикой были связаны с Франкфуртским ученым обществом по изучению немецкого языка. Практическая преподавательская деятельность и научная работа профессора взаимно дополняли друг друга. В результате этого его синтаксическая теория приобрела практическую направленность. Особое внимание автор статьи уделяет тому, какое значение труды этого относительно малоизвестного грамматиста, стилиста и лингводидакта имели для развития немецкой грамматики и лингводидактики. В работе перечислены наиболее важные работы, которые интерпретируют синтаксическую теорию С. Г. А. Герлинга. В статье приводятся и анализируются мнения исследователей как XIX, так и конца XX – начала XXI вв. о месте трудов ученого в парадигме немецкой рациональной грамматики и лингводидактики XIX в.. Большое внимание уделено вопросам разработки С. Г. А. Герлингом теории синтаксиса, в первую очередь, теории сложноподчиненного предложения. Работы ученого во многом были оригинальными для своего времени и предвосхитили некоторые синтаксические теории современности. Анализ и интерпретация творческого наследия С. Г. А. Герлинга начались при его жизни и продолжаются по настоящее время.

Ключевые слова: лингвоисториография, С. Г. А. Герлинг, рациональная грамматика, лингводидактика, преподавание немецкого языка, грамматика немецкого языка, Германия, XIX век.

Germanic languages

O. V. Lukin

The Works by S. H. A. Herling in the Paradigm of German Rational Grammar and Linguodidactics of the XIX century

The article presents an attempt to estimate the contribution made by S. H. A. Herling (Simon Heinrich Adolf Herling, 13.10.1780–1.04.1849) to the development of the science of language. The article briefly describes the life path of the scientist in the context of the development of German linguistics of the XIX century and presents a list of his main works. After receiving theological education at the University of Göttingen, S. H. A. Herling taught theology, mathematics and German, serving for a long time as a professor at the Frankfurt Gymnasium on the Main. His study of linguistic and linguodidactics related to the Frankfurt learned body for the study of the German language. Practical teaching and scientific work of the professor complemented each other. As a result his syntactic theory became more practice oriented. The author of the article highlights the importance of the works of this relatively little-known grammarian, stylist and linguodidact for the development of the German grammar and linguodidactics. The paper lists the most important research papers making interpretation of S. H. A. Herling's syntax theory. The article presents and analyses the opinions of the researchers of the XIX and the late XX – the early XXI centuries on the place of the scientist' works in the paradigm of the German rational grammar and linguodidactics of the XIX century. Much attention is paid to the creation of the theory of syntax by S. H. A. Herling, in particular, to the theory of a complex sentence. The works of the scientist were in many ways innovative for his time and anticipated some syntactic theories of today. The analysis and interpretation of S. H. A. Herling's creative heritage began during his lifetime and are still going on.

Keywords: linguistic historiography, S. H. A. Herling, rational grammar, linguodidactics, instruction in the German language, German grammar, Germany, 19th century.

© Лукин О. В., 2018

С. Г. А. Герлинг (Simon Heinrich Adolf Herling, 13.10.1780–1.04.1849) родился в Детмольде в семье коммерсанта (биографические данные приводятся по: [4, S. 117]). По окончании гимназии в родном городе он поступил в Геттингенский университет, где изучал богословие. В 1804 г. стал воспитателем в доме крупного франкфуртского банкира И. Ф. Гейдера (Johann Friedrich Heyder), затем становится учителем в гимназии г. Франкфурт на Майне, получает должность профессора древних языков в лицее, где наряду с религией, математикой и физикой он преподает немецкий язык. После того, как в связи с 300-летней годовщиной Реформации в 1817 году известный немецкий филолог Г. Ф. Гротефенд (Georg Friedrich Grotefend; 9.07.1775–15.12.1853) основал Франкфуртское ученое общество по изучению немецкого языка (Frankfurter Gelehrtenverein für deutsche Sprache) (здесь и далее перевод с немецкого языка на русский наш – О. Л.), С. Г. А. Герлинг становится одним из самых деятельных его членов, а впоследствии – его руководителем. Членом общества был К. Ф. Беккер, с которым С. Г. А. Герлинга связывали дружеские отношения: свою книгу «Немецкий язык» (1829) К. Ф. Беккер посвящает С. Г. А. Герлингу, тот, в свою очередь посвящает К. Ф. Беккеру первый том своего «Синтаксиса немецкого языка» (1830).

Будучи практикующим учителем – профессором гимназии Франкфурта на Майне, С. Г. А. Герлинг все свои научные труды связывал с практикой преподавания немецкого языка. Вопросы теории языка, теории немецкого языка и методики его преподавания были теснейшим образом связаны в научном творчестве ученого и преподавателя-практика. В этом смысле следует говорить о его значительном вкладе не только в изучение синтаксиса и стилистики немецкого языка, но и методики преподавания немецкого языка.

В 1821 г. в Трудах общества публикуются две первые статьи сорокалетнего ученого: «Об употреблении временных форм немецкого коньюнктива» (Ueber den Gebrauch des deutschen Conjunctivs in seinen Zeitformen) [10] и «О топике в немецком языке» (Ueber die Topik der deutschen Sprache) [11]. Во второй статье ученый уже формулирует некоторые из положений своей синтаксической теории, которые получат свое развитие в его последующих работах. По мнению С. Г. А. Герлинга, естественная последовательность основных частей главного предложения при образовании суждения соответствует правилам нашего мышления [11, S. 279].

В 1823 году выходит первая книга С. Г. А. Герлинга – «Основные правила немецкого стиля или построение периодов немецкого языка: учебник для обучения стилистике» (Grundregeln des deutschen Stils oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stilistischen Unterricht) [12]. Забегая вперед, можем сказать, что впоследствии при жизни автора эта работа с отдельными изменениями выходила как второй том «Синтаксиса немецкого языка» (Die Syntax der deutschen Sprache) [13], [16] (соответственно второе и третье издания).

В предисловии к книге ученый обращает внимание на явный недостаток, свойственный современным ему учебникам: они в большей степени содержат этимологические главы, нежели синтаксические, при этом все синтаксические правила, изложенные в них, ограничиваются образованием простого предложения; об отношении отдельных предложений в их связи к целому можно найти только отдельные примечания [12, S. 1]. В этой работе С. Г. А. Герлинг дает дефиниции придаточным предложениям (*Nebensätze*) в соответствии с частями речи (*Sprachtheile*), которые они «заменяют»: субстантивные, адъективные и адвербиальные [12, S. 11].

В 1828 г. свет увидела крупная лингводидактическая работа С. Г. А. Герлинга «Первый курс научного преподавания немецкого языка для немцев по методу, основанному на законах образования языков» (Erster Cursus eines wissenschaftlichen Unterrichtes in der deutschen Sprache für Deutsche, nach einer neuen auf die Bildungsgesetze der Sprachen gegründeten Methode) [14], которую он посвящает своим коллегам по учительскому цеху и Франкфуртскому ученому обществу по изучению немецкого языка, Г. Крюгеру (G. T. A. Krüger), И. Мюллеру (Joh. Christ. Müller) и Л. Тило (L. Thilo). В этой работе ученый сетует на распространенную ошибку учителей немецкого языка, которые стремятся преподавать родной язык как иностранный, так что преподавание немецкого языка построено по привычному покрою преподавания латыни [14, S. 1]

Первый том «Синтаксиса немецкого языка» (Die Syntax der deutschen Sprache), названный автором «Синтаксис простого предложения» (Syntax des einfachen Satzes), появился уже после второго

издания второго тома в 1830 г. [15]. В 1837 г. были опубликованы отдельными томами две части его учебника «Теоретико-практический учебник стилистики: для старших классов средних школ и для самообразования» (Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik: für obere Classen höherer Schulanstalten und zum Selbstunterricht): первая часть «Теория стиля» (Theorie des Styls) [17] и вторая часть «Практический анализ способов стилистического изображения» (Praktische Zergliederung der stylistischen Darstellungsweisen) [18].

Последним крупным трудом шестидесятилетнего ученого стала работа «Сравнительное изложение учения о времени и залоге: Сообщение с целью более простого и правильного рассмотрения этого учения в грамматиках греческого, немецкого, латинского, французского и еврейского языков» (Vergleichende Darstellung der Lehre vom Tempus und Modus: Ein Beitrag zur einfachern und richtigern Behandlung dieser Lehre in den Grammatiken der griechischen, deutschen, lateinischen, französischen und hebräischen Sprache) [19].

Работы С. Г. А. Герлинга нашли высокую оценку среди его современников и ученых XIX столетия. Автор появившейся в 1831 г. в критическом издании «Jahrbücher fur wissenschaftliche Kritik» рецензии на оба тома «Синтаксиса немецкого языка» Р. Г. Гике (Robert Heinrich Hiecke) подчеркивает, что «заслуга г-на Герлинга состоит прежде всего в том, что он, хотя и не первый, но с гораздо большим везением, чем до него Бернарди и независимо от последнего Тирш, в упорядочивание и членение синтаксиса в основу кладет только грамматические, а не логические различия» [20, S. 592].

Известный немецкий филолог, профессор Эрлангенского университета Р. Раумер (Rudolf von Raumer; 14.04.1815–30.08.1876) называет его среди самых крупных специалистов в области нововерхненемецкого языка наряду с И. Г. Радлофом (Johann Gottlieb Radlof, 1775-1827), Ф. Шмиттенером и М. В. Гетцингером (об этих ученых см. наши работы [2], [4]), хотя и после Гейзе (см. также [3], [24]) и К. Ф. Беккера [26, S. 632]. О необходимости использования работ С. Г. А. Герлинга в преподаваниия немецкого языка, особенно этимологии и синтаксиса, наряду с трудами Гейзе, Рота (Roth), Гарниша (Harnisch), Дистервега (Diesterweg), Штерна и Герсбаха (Stern und Gersbach), Шмиттенера (Schmitthenner) и Беккера (Becker) писал в своей статье Б. Г. Керн [22, S. 15].

Известный отечественный языковед XIX столетия Н. И. Греч ставит С. Г. А. Герлинга в один ряд с Я. Гриммом и К. Ф. Беккером, ср.: «Но в новейшее время Германия обогатилась прекраснейшими в сем роде произведениями. Важнейшее из них есть Немецкая Грамматика Якова Гримма, удивительный памятник германского глубокомыслия, учености и трудолюбия. Еще достойны особенной похвалы сочинения Герлинга и Беккера: первый создал новые правила синтаксиса, которые можно приложить ко всем языкам; последний обработал, с большим успехом, начала организации языков» [1, с. 177].

Интерес к научному творчеству С. Г. А. Герлинга не ослабевал как в последние десятилетия XX в., так и в XXI в. В монографии немецкого исследователя М. Эльменталера «Логико-семантические штудии в области грамматики в начале 19 века. Исследования в области учения о категориях Симона Генриха Адольфа Герлинга» (Logisch-semantische Studien in der Grammatik des frühen 19. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Kategorienlehre von Simon Heinrich Adolf Herling) особое внимание обращается на то, что в работах по истории языкознания и немецкой филологии традиция школьной грамматики остается без внимания, так как ее авторы исходят из преобладания в лингвистической парадигме XIX столетия сравнительно-исторического языкознания [7, S. 3]. При этом сам М. Эльменталер подчеркивает, что в историографии лингвистики С. Г. А. Герлинг считается прежде всего основателем теории сложного предложения. Меньше внимания исследователи уделяют его подходу к описанию логико-семантических структур в области синтаксиса и его более точного определения отношений формы и содержания. С. Г. А. Герлинг признается наряду с К. Ф. Беккером и Ф. Шмиттеннером крупнейшим представителем рациональной грамматики, которая в начале XIX столетия дала решающие импульсы для создания нового традиционного синтаксиса [7, S. 149-150].

В своей статье о сопоставлении грамматических теорий Я. Гримма и К. Ф. Беккера немецкая исследовательница Р. Люр указывает, в частности, на то, что С. Г. А. Герлинг в «Синтаксисе немецкого языка» повторял отдельные положения последнего, хотя и не пользовался его терминологией [29, S. 147-148].

В публикациях самых последних лет значительное внимание уделяется анализу и современной интерпретации синтаксической теории ученого (см., например: [5], [6]). В своей статье о топо-

логических полях немецкий исследователь Т. Н. Геле детально анализирует терминосистему С. Г. А. Герлинга, касающуюся главных членов предложения как частей логического суждения: предикат – это то, что высказывается относительно предмета, который называется субъектом [21, S. 22-23]. Он сравнивает синтаксическую теорию С. Г. А. Герлинга с теорией Дж. Гринберга (ср. [21, S. 25], [21, S. 39].)

Работы С. Г. А. Герлинга, несомненно, оставили значительный след в развитии языкознания. По мнению К. Кноблоха, труды К. Ф. Беккера, С. Г. А. Герлинга и К. В. Гейзе синтезировали новое общеграмматическое знание, которое по меньшей мере претендовало на то, чтобы включить в себя и теоретически синтезировать накопленные материалы сравнительно-исторического языкознания [23, S. 1665]. К.-Э. Фушгрен особо отмечает грамматическую проницательность С. Г. А. Герлинга, а его стиль называет относительно свободным от спекуляций и философских приукрашиваний. В соответствии с «рациональной парадигмой» своего времени ученый уделял большое внимание «логической», то есть семантической интерпретации грамматических феноменов [9, S. 644].

Библиографический список

1. Греч, Н. И. Чтения о русском языке Ч. 1. [Текст] / Н. И. Греч. – СПб. : в типографии Н. Греча, 1840. – 336 с.

2. Лукин, О. В. Профессор гимназии М. В. Гетцингер в парадигме немецкого языкознания XIX века [Текст] / О. В. Лукин, Н. Ю. Лукина // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – № 4. – С. 82-86.

3. Лукин, О. В. Семья Гейзе: два поколения в немецкой педагогике и филологии [Текст] / О. В. Лукин // Ярославский педагогический вестник. Серия «Психолого-педагогические науки». – Ярославль : Изд-во Ярославского государственного педагогического университета. – 2013, № 3. – С. 74-78.

4. Лукин, О. В. Фридрих Шмиттеннер как грамматист, лингвофилософ и лексикограф [Электронный ресурс] / О. В. Лукин // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». – М. : Изд-во МГОУ, 2017. – № 4. – URL: http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/ 846.

5. Лядова, Ю. В. Учение о сложном предложении в современном русском языке [Текст] / Ю. В. Лядова // Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов / МГИМО(У) МИД России; отв. ред. Г. И. Гладков. – М. : МГИМО-Университет, 2006. – С. 39-50.

6. Толстова, Г. Г. Функциональный синтаксис английского языка и проблема перевода [Текст] / Г. Г. Толстова // Дискуссионные вопросы теории английского языка и сравнительной типологии: учебное пособие для бакалавров направления «Лингвистика» / отв. ред. О. Г. Минина. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2013. – С. 39-64.

7. Elmentaler, M. Logisch-semantische Studien in der Grammatik des frühen 19. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Kategorienlehre von Simon Heinrich Adolf Herling (Reihe Germanistische Linguistik; 160) / M. Elmentaler. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – 164 S.

8. Franck, J. Herling, Simon Heinrich Adolf / J. Franck // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band 12. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1880. – S. 117.

9. Forsgren, K.-Å. Herling, Simon Heinrich Adolf / K.-Å. Forsgren // Lexicon Grammaticorum. A Bio-Bibliographical Companion to the History of linguistics. V. 1. Second Edition, Revised and Enlarged. General Editor: Harro Stammerjohann. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2009. – P. 643-644.

10. Herling, S. H. A. Ueber den Gebrauch des deutschen Conjunctivs und seiner Zeitformen / S. H. A. Herling// Abhandlungen des frankfurtischen Gelehrtenvereines für deutsche Sprache. Drittes Stück. – Frankfurt/Main : Franz Varrentrapp, 1821. – S. 33-62.

11. Herling, S. H. A. Ueber die Topik der deutschen Sprache / S. H. A. Herling// Abhandlungen des frankfurtischen Gelehrtenvereines für deutsche Sprache. Drittes Stück. – Frankfurt/Main : Franz Varrentrapp, 1821. – S. 296-362.

12. Herling, S. H. A. Grundregeln des deutschen Stils oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stilistischen Unterricht / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Hermann, 1823. – XII, 328 S.

13. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache. Theil 2. Grundregeln des deutschen Styls oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stylistischen Unterricht. Zweite, sehr vermehrte und verbesserte Ausgabe / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Verlag der Hermannschen Buchhandlung, 1827. – XVIII, 410 S.

14. Herling, S. H. A. Erster Cursus eines wissenschaftlichen Unterrichtes in der deutschen Sprache für Deutsche, nach einer neuen auf die Bildungsgesetze der Sprachen gegründeten Methode / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Joh. Chr. Hermannsche Buchhandlung G. F. Kettembeil, 1828. – 368 S.

15. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache. Band 1: Syntax des einfachen Satzes / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Joh. Chr. Hermannsche Buchhandlung G. F. Kettembeil, 1830. – VIII, 480 S.

16. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache. Band 2: Grundregeln des deutschen Styls oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stylistischen Unterricht. Dritte, wesentlich sehr verbesserte und vermehrte Ausgabe / S. H. A. Herling. –

Frankfurt am Main : Joh. Chr. Hermannsche Buchhandlung G. F. Kettembeil, 1832. – XII, 374 S.

17. Herling, S. H. A. Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik: für obere Classen höherer Schulanstalten und zum Selbstunterricht. Erster Theil: Theorie des Styls / S. H. A. Herling. – Hannover : Im Verlage der Hahn'schen Hof-Buchhandlung, 1837. – XVI, 322 S.

18. Herling, S. H. A. Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik: für obere Classen höherer Schulanstalten und zum Selbstunterricht. Zweiter Theil: Praktische Zergliederung der stylistischen Darstellungsweisen / S. H. A. Herling. – Hannover: Im Verlage der Hahn'schen Hof-Buchhandlung, 1837. – XII, 444 S.

19. Herling, S. H. A. Vergleichende Darstellung der Lehre vom Tempus und Modus: Ein Beitrag zur einfachern und richtigern Behandlung dieser Lehre in den Grammatiken der griechischen deutschen, lateinischen, französischen und hebräischen Sprache / S. H. A. Herling. – Hannover : Im Verlage der Hahn'schen Hof-Buchhandlung, 1840. – VI, 170 S.

20. Hiecke, R. H. Die Syntax der Deutschen Sprache. Von S. H. A. Herling. Erster Theil (Syntar des einfachen Satzes) 1830. – Zweiter Theil (der Periodenbau der Deutschen Sprache) 1823. Zweite, sehr vermehrte und verbesserte Ausgabe 1827. – Frankfurt am Main, Verlag der Hermannschen Buchhandlung / R. H. Hiecke // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Herausgegeben von der Societät für wissenschaftliche Kritik. Jahrgang 1831. Zweiter Band.

21. No. 74; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 589-592.

22. No. 75; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 593-599.

23. No. 76; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 601-608.

24. No. 77; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 609-612.

25. Höhle, T. N. Topologische Felder / T. N. Höhle // S. Müller, M. Reis & F. Richter (Hrsg.) Beiträge zur deutschen Grammatik: Gesammelte Schriften von Tilman N. Höhle. – Berlin : Language Science Press, 2018. – S. 7-89.

26. Kern, B. G. Ueber die Notwendigkeit, höhere Bürgerschulen zu errichten, und über die Organisation derselben / B. G. Kern // Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht mit besonderer Berücksichtigung des Volksschulwesens. Herausgegeben von Dr. F. A. W. Diesterweg. Juli und August 1834. Des zehnten Bandes der neuen Folge Erstes Heft. Essen, bei O. D. Bädeker. 1834. – S. 3-27.

27. Knobloch, C. Die Beziehungen zwischen Sprache und Denken: Die Ideen Wilhelm von Humboldts und die Anfänge der sprachpsychologischen Forschung / C. Knobloch // History of the Language Sciences / Geschichte der Sprachwissenschaften / Histoire des sciences du langage. 2. Teilband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK). – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. – S. 1663-1679.

28. Lukin, O. W. Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur / O. W. Lukin // Пути развития немецкого языка: российско-немецкие инициативы. Материалы Международной научно-практической конференции (27-31 марта 2013 г.) / Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Лекторат Германской службы академических обменов в Архангельске (отв. ред. и сост. Щипицина Л. Ю.). – Архангельск : КИРА, 2013. – С. 79-84.

29. Lühr, R. Bemerkungen zur Grammatiktheorie Jakob Grimms und Karl Ferdinand Beckers / R. Lühr // Sprachwissenscahft. In Verbindung mit H. Kolb und K. Matzel herausgegeben von R. Schutzeichel. Band 14 (1989) Heft 1. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1989. – S. 126-160.

30. Raumer, R. von Geschichte der Germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschland / R. von Raumer. – München : Oldenbourg-Verlag, 1870. – XII, 744 S.

Reference List

1. Grech, N. I. Chtenija o russkom jazyke Ch. 1. = Readings about the Russian language Part 1. [Tekst] / N. I. Grech. – SPb. : v tipografii N. Grecha, 1840. – 336 s.

2. Lukin, O. V. Professor gimnazii M. V. Gjotcinger v paradigme nemeckogo jazykoznanija XIX veka = Professor of a gymnasium M. V. Gyottsinger in a paradigm of the German linguistics of the 19th century [Tekst] / O. V. Lukin, N. Ju. Lukina // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal = Verkhnevolzhsky philological bulletin: scientific magazine. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. – № 4. – S. 82-86.

3. Lukin, O. V. Sem'ja Gejze: dva pokolenija v nemeckoj pedagogike i filologii = The Heises: two generations in the German pedagogics and philology [Tekst] / O. V. Lukin // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Serija «Psihologo-pedagogicheskie nauki» = Yaroslavl pedagogical bulletin. Psychological and Pedagogical Sciences series. – Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013, № 3. – S. 74-78.

4. Lukin, O. V. Fridrih Shmittenner kak grammatist, lingvofilosof i leksikograf = Friedrich Schmittenner as a grammatist, linguophilosopher and lexicographer [Jelektronnyj resurs] / O. V. Lukin // Jelektronnyj zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta» = «Bulletin of Moscow State Regional University» online magazine. – M. : Izd-vo MGOU, 2017. – № 4. – URL: http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/ 846.

5. Ljadova, Ju. V. Uchenie o slozhnom predlozhenii v sovremennom russkom jazyke = The doctrine about a compound sentence in modern Russian [Tekst] / Ju. V. Ljadova // Filologicheskie nauki v MGIMO: Sbornik nauchnyh trudov = Philological sciences in MGIMO: Collection of scientific works / MGIMO(U) MID Rossii; otv. red. G. I. Gladkov. – M. : MGIMO–Universitet, 2006. – S. 39-50.

6. Tolstova, G. G. Funkcional'nyj sintaksis anglijskogo jazyka i problema perevoda = Functional syntax of English and problem of translation [Tekst] / G. G. Tolstova // Diskussionnye voprosy teorii anglijskogo jazyka i sravnitel'noj tipologii: uchebnoe posobie dlja bakalavrov napravlenija «Lingvistika» = Debatable questions of the theory of English and comparative typology: book for bachelors of the Linguistics direction/ otv. red. O. G. Minina. – Syktyvkar : Izd-vo Syktyvkarskogo gosuniversiteta, 2013. – S. 39-64.

7. Elmentaler, M. Logisch-semantische Studien in der Grammatik des frühen 19. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Kategorienlehre von Simon Heinrich Adolf Herling (Reihe Germanistische Linguistik; 160) / M. Elmentaler. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – 164 S.

8. Franck, J. Herling, Simon Heinrich Adolf / J. Franck // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band 12. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1880. – S. 117.

9. Forsgren, K.-Å. Herling, Simon Heinrich Adolf / K.-Å. Forsgren // Lexicon Grammaticorum. A Bio-Bibliographical Companion to the History of linguistics. V. 1. Second Edition, Revised and Enlarged. General Editor: Harro Stammerjohann. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2009. – R. 643-644.

10. Herling, S. H. A. Ueber den Gebrauch des deutschen Conjunctivs und seiner Zeitformen / S. H. A. Herling// Abhandlungen des frankfurtischen Gelehrtenvereines für deutsche Sprache. Drittes Stück. – Frankfurt/Main : Franz Varrentrapp, 1821. – S. 33-62.

11. Herling, S. H. A. Ueber die Topik der deutschen Sprache / S. H. A. Herling// Abhandlungen des frankfurtischen Gelehrtenvereines für deutsche Sprache. Drittes Stück. – Frankfurt/Main : Franz Varrentrapp, 1821. – S. 296-362.

12. Herling, S. H. A. Grundregeln des deutschen Stils oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stilistischen Unterricht / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Hermann, 1823. – XII, 328 S.

13. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache. Theil 2. Grundregeln des deutschen Styls oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stylistischen Unterricht. Zweite, sehr vermehrte und verbesserte Ausgabe / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Verlag der Hermannschen Buchhandlung, 1827. – XVIII, 410 S.

14. Herling, S. H. A. Erster Cursus eines wissenschaftlichen Unterrichtes in der deutschen Sprache für Deutsche, nach einer neuen auf die Bildungsgesetze der Sprachen gegründeten Methode / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Joh. Chr. Hermannsche Buchhandlung G. F. Kettembeil, 1828. – 368 S.

15. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache. Band 1: Syntax des einfachen Satzes / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Joh. Chr. Hermannsche Buchhandlung G. F. Kettembeil, 1830. – VIII, 480 S.

16. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache. Band 2: Grundregeln des deutschen Styls oder der Periodenbau der deutschen Sprache: ein Lehrbuch für den stylistischen Unterricht. Dritte, wesentlich sehr verbesserte und vermehrte Ausgabe / S. H. A. Herling. – Frankfurt am Main : Joh. Chr. Hermannsche Buchhandlung G. F. Kettembeil, 1832. – XII, 374 S.

17. Herling, S. H. A. Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik: für obere Classen höherer Schulanstalten und zum Selbstunterricht. Erster Theil: Theorie des Styls / S. H. A. Herling. – Hannover : Im Verlage der Hahn'schen Hof-Buchhandlung, 1837. – XVI, 322 S.

18. Herling, S. H. A. Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik: für obere Classen höherer Schulanstalten und zum Selbstunterricht. Zweiter Theil: Praktische Zergliederung der stylistischen Darstellungsweisen / S. H. A. Herling. – Hannover: Im Verlage der Hahn'schen Hof-Buchhandlung, 1837. – XII, 444 S.

19. Herling, S. H. A. Vergleichende Darstellung der Lehre vom Tempus und Modus: Ein Beitrag zur einfachern und richtigern Behandlung dieser Lehre in den Grammatiken der griechischen deutschen, lateinischen, französischen und hebräischen Sprache / S. H. A. Herling. – Hannover : Im Verlage der Hahn'schen Hof-Buchhandlung, 1840. – VI, 170 S.

20. Hiecke, R. H. Die Syntax der Deutschen Sprache. Von S. H. A. Herling. Erster Theil (Syntar des einfachen Satzes) 1830. – Zweiter Theil (der Periodenbau der Deutschen Sprache) 1823. Zweite, sehr vermehrte und verbesserte Ausgabe 1827. – Frankfurt am Main, Verlag der Hermannschen Buchhandlung / R. H. Hiecke // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Herausgegeben von der Societät für wissenschaftliche Kritik. Jahrgang 1831. Zweiter Band.

a. No. 74; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 589-592.

b. No. 75; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 593-599.

c. No. 76; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 601-608.

d. No. 77; Oktober 1831. – Stuttgart und Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1831. – Sp. 609-612.

21. Höhle, T. N. Topologische Felder / T. N. Höhle // S. Müller, M. Reis & F. Richter (Hrsg.) Beiträge zur deutschen Grammatik: Gesammelte Schriften von Tilman N. Höhle. – Berlin : Language Science Press, 2018. – S. 7-89.

22. Kern, B. G. Ueber die Notwendigkeit, höhere Bürgerschulen zu errichten, und über die Organisation derselben / B. G. Kern // Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht mit besonderer Berücksichtigung des

Volksschulwesens. Herausgegeben von Dr. F. A. W. Diesterweg. Juli und August 1834. Des zehnten Bandes der neuen Folge Erstes Heft. Essen, bei O. D. Bädeker. 1834. – S. 3-27.

23. Knobloch, C. Die Beziehungen zwischen Sprache und Denken: Die Ideen Wilhelm von Humboldts und die Anfänge der sprachpsychologischen Forschung / C. Knobloch // History of the Language Sciences / Geschichte der Sprachwissenschaften / Histoire des sciences du langage. 2. Teilband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK). – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. – S. 1663-1679.

24. Lukin, O. W. Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur / O. W. Lukin // Puti razvitija nemeckogo jazyka: rossijsko-nemeckie iniciativy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (27-31 marta 2013 g.) / Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M. V. Lomonosova, Institut filologii i mezhkul'turnoj kommunikacii, Lektorat Germanskoj sluzhby akademicheskih obmenov v Arhangel'ske (otv. red. i sost. Shhipicina L. Ju.). – Arhangel'sk : KIRA, 2013. – S. 79-84.

25. Lühr, R. Bemerkungen zur Grammatiktheorie Jakob Grimms und Karl Ferdinand Beckers / R. Lühr // Sprachwissenscahft. In Verbindung mit H. Kolb und K. Matzel herausgegeben von R. Schutzeichel. Band 14 (1989) Heft 1. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1989. – S. 126-160.

26. Raumer, R. von Geschichte der Germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschland / R. von Raumer. – München : Oldenbourg-Verlag, 1870. – XII, 744 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10208

УДК 81'373/81'374

Е. П. Воронко

https://orcid.org/0000-0002-4339-6848

Л. А. Нефедова

https://orcid.org/0000-0002-2871-895X

Культурно-маркированная лексика швейцарского варианта немецкого языка: диатопическое измерение

Лексика швейцарского варианта немецкого языка обладает ярко выраженным культурным своеобразием. Цель данной работы заключается в описании культурно-маркированной лексики немецкоязычной Швейцарии. В результате проведенного исследования было установлено, что лексика немецкого языка швейцарцев представляет собой диатопически обусловленный феномен единого поликультурного и полиязыкового пространства страны. На примере описания отдельных слов-реалий в статье показывается, что культурно-маркированная лексика немецкого языка Швейцарии гетерогенна: это лексика с национально-культурным компонентом в структуре лексического значения, обозначающая общие поликультурные реалии страны, и лексика, обладающая регионально-культурной семантикой, репрезентирующая реалии немецкоязычного региона Швейцарии. В лексическом составе швейцарского немецкого языка выявлена также локально- и микролокально маркированная культурно-специфическая лексика, которая обозначает реалии, характерные только для отдельных кантонов и общин (для одного города и даже одной деревни). Помимо этого, отмечен особый пласт культурно-маркированной лексики с транснационально-культурным компонентом семантики для номинации общих швейцарско-, баварско-, австро-, южнотирольских реалий, характерных для всего альпийского региона Швейцарии, Баварии, Австрии и Южного Тироля северной Италии. Кроме того, в работе обращается внимание на интернациональную лексику в составе немецкого языка Швейцарии, к которой относятся обозначения предметов и явлений, представлявших собой когда-то швейцарские реалии, но распространившихся со временем во всем мире.

В заключение отмечается, что для описания функционирования культурно-маркированной лексики в поликультурном и полиязыковом пространстве необходимо учитывать особую роль фактора диатопического (регионального) измерения и возможность влияния факторов диастратического (социального) и диафазического (стилистического) измерений.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, диатопическое измерение, поликультурное и полиязыковое пространство, реалия, поликультурная реалия, лексика с национально-, регионально-, транснационально-культурным компонентом в структуре лексического значения, локально- и микролокально маркированная культурно-специфическая лексика.

E. P. Voronko, L. A. Nefedova

The Culturally Marked Vocabulary of the Swiss Option of German: Diatopic Measurement

Swiss German vocabulary has a distinct cultural identity. The goal of this paper is to describe the culturally marked vocabulary of German-speaking Switzerland. The study found that the vocabulary of Swiss Germans is a diatopically entrenched phenomenon within the single polycultural and polylingual space of the country. The article provides a description of certain realia words to illustrate the heterogeneity of culturally-marked Swiss German vocabulary: it includes vocabulary with a national-cultural component in the structure of lexical meaning denoting general polycultural realia of the country and vocabulary with regional-cultural semantics representing realia of the German-speaking region of Switzerland. The study also identified locally and microlocally-marked culture-specific vocabulary in the Swiss German language which denotes realia, only typical of specific cantons and communities (e.g. a single city and even a single village). In addition, the article deals with special culturally-marked vocabulary with a transnational-cultural semantic component denoting general Swiss, Bavarian, Austrian, South Tirol realia, common for the whole Alpine region of Switzerland, Bavaria, Austria and South Tirol of North Italia. This paper also focuses on international vocabulary in the Swiss German language that refers to objects and phenomena which were used to be Swiss realia, but became internationally known over time.

Finally, it is noted that the special role of the diatopic (regional) dimension factor and the possible influence of the factors of diastratic (social) and diaphasic (stylistic) dimensions must be taken into account when describing the functioning of culturally marked vocabulary in the polycultural and polylingual space.

© Воронко Е. П., Нефедова Л. А., 2018

Keywords: culturally marked vocabulary, diatopic dimension, polycultural and polylingual space, realia, polycultural realia, vocabulary with national-, regional-, transnational-cultural component in the structure of the lexical meaning, locally- and microlocally-marked culturally-specific vocabulary.

Введение. Лексический состав каждого языка включает единицы, которые представляют собой общее культурное наследие всего человечества (интернациональная лексика), и единицы, отражающие культуру носителей языка той или страны, то есть лексику с национально-культурной спецификой. Такую лексику принято называть культурно-специфической, или культурно-маркированной, обладающей экстралингвистическим фоном, аккумулировавшей культурно-специфическую информацию о стране, то есть являющейся источником социокультурной информации о стране.

Таким образом, культурно-маркированные слова традиционно понимаются как слова с национально-культурным компонентом в структуре лексического значения, отражающие национальную самобытность культуры страны. Еще в 80-е гг. XX в. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечали национальную специфику семантики лексической единицы, которая, по их мнению, обеспечивается содержанием в ней национально-культурных семантических долей. Под национально-культурными семантическими долями авторы понимают те семантические признаки, которые «формируются, складываются в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности» [2, с. 67].

Такая лексика, как считает, В. Н. Телия, фиксирует национальные и культурные особенности и потому связана с культурным самосознанием как отдельного субъекта, так и сообщества в целом [4, с. 14]. Ученый различает лексические единицы, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном значении (культурные семы) и в коннотативном (культурные коннотации) [5]. *Самовар, матрешка, балалайка, казачок* – культурно-маркированные слова, отражающие культуру носителей русского языка.

В последнее время объектом исследования становится регионально-маркированная лексика, или лексика с регионально-культурным компонентом в структуре лексического значения, то есть лексика, отражающая культуру отдельного региона страны [3]. Германисты обращают внимание на то, что особенно диалект тесно связан с региональной культурной идентичностью [13]. В современных работах по германистике обращается внимание на проблему взаимодействия языка и культуры на материале диалектной лексики немецкого языка. Это обусловлено тем, что исследование поликультурного немецкоязычного пространства целесообразно через изучение лексических особенностей немецкого языка в различных регионах, отражающих их культурное своеобразие [1]. Таким образом, культурно-маркированная лексика – это лексика, употребляемая не только в границах определенной национально-языковой общности, но и лексика, употребление которой «привязано» к территории распространения отдельных диалектов. Однако регионально и локально маркированная лексика остается по-прежнему мало исследованной в аспекте взаимодействия языка и культуры. И совсем не исследована в лингвокультурологическом аспекте лексика немецкоязычной Швейцарии, страны, которая является многоязычной, обладающей широким культурным разнообразием. Согласно автору словаря немецкой культуры Швейцарии Ласло Одору, Швейцария – это страна с поликультурным характером [12]. Причиной этому послужила история образования страны. Швейцарский федерализм произошел от нескольких разных, независимых и очень непохожих сообществ, которые по своей структуре представляли сельские общины, небольшие демократические государства, аристократические или экономические олигархии [7, с. 16]. Они сформировали одно государство, состоящее из разных региональных общностей, кантонов, развивающих свой язык и свою культуру. В стране 17 немецкоговорящих кантонов, 4 франкоговорящих и один италоговорящий кантон. Кроме того, в трех кантонах употребляются два языка (немецкий и французский) и в одном – три языка (немецкий, рето-романский и итальянский).

Каждый кантон жил и развивался в согласии со своей собственной культурой, историей, языком и религией. Швейцарский поликультурализм уходит своими корнями в вековую историю сообществ, живших в стране [9]. В настоящее время в Швейцарии значимы четыре лингвокультурные общности (культурно-языковые общины): немецко-, франко-, итало- и рето-романоговорящая. Каждая лингвокультура находит отражение в специфических разнообразных языковых средствах, которые охватывают элементы всех уровней структуры языка. Наиболее заметно различие культур разных кантонов и народов в целом проявляется в лексике. В связи с этим важную роль играет анализ безэквивалентной лексики (наименования реалий,

обозначающие своеобразные черты культуры, религии, быта, общественной жизни, характерные для одной лингвокультуры и чуждые другой).

Под реалиями, по мнению Кристианы Норд, следует понимать предметы или явления, характерные только для одной культуры и поэтому незнакомые или малопонятные для представителей других культур: «Unter ‚Realien' oder ‚Realia' versteht man traditionell Gegenstände oder Phänomene, die nur in einer bestimmten Kultur vorkommen und daher für Angehörige anderer Kulturen oft unbekannt oder schwer verständlich sind» [...] [11].

Диатопически обусловленные культурные компоненты в структуре значения лексики швейцарского варианта немецкого языка

В немецкоязычной лингвокультурной общности Швейцарии помимо лексики с этнокультурным, или национально-культурным, компонентом семантики можно выделить лексику с регионально-культурным, локально-культурным и микролокально-культурным компонентами семантики. Таким образом, основным методом, используемым для классификации культурно-маркированной лексики немецкого языка Швейцарии, предпринятой в данной работе, является диатопический, или пространственный признак. В структуре лексического значения слова или словосочетания выявляется культурный компонент, позволяющий соотнести лексические единицы с культурой, характерной для определенного ареала: всей страны, немецкоязычного региона Швейцарии, немецкоязычных отдельных кантонов или отдельных общин.

Под термином «лингвокультура» понимается совокупность массива информации культуры, получившего объективацию в языке [6]. Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках языках, явленная нам в языке и через язык. Встречается также уточняющий термин, например «русскоязычная лингвокультура», то есть культура, связанная с русским языком, которая находит отражение в русском языке. В данной работе под лингвокультурой мы понимаем культуру, закрепленную в том или ином языке.

Таким образом, особенность Швейцарии как многоязычной и поликультурной страны заключается в том, что лексика, отражающая национальную культуру страны, – это лексика носителей четырех государственных языков страны, какими являются немецкий, французский, итальянский и ретороманский и, соответственно, четырех объединенных лингвокультур. Так, немецкое слово *Bundesversammlung* ‘федеральное собрание’ является поликультурной реалией Швейцарии. Федеральное собрание Швейцарии – это высший орган законодательной власти, парламент страны, состоящий из двух палат: Совета кантонов (46 членов) и Национального совета (200 членов). При этом обе палаты имеют, согласно конституции страны, равные права в процессе законотворчества. Этим Швейцария отличается от большинства федераций мира, в которых полномочия верхней палаты парламента ограничиваются, как правило, вопросами, затрагивающими интересы субъектов федерации. В Швейцарии при голосовании по любому вопросу необходимо одобрение обеих палат Федерального собрания [8]. Таким образом, слово *Bundesversammlung* ‘федеральное собрание’ относится к лексике с национально-культурным компонентом значения, то есть значение слова содержит культурно-специфический семантический признак ‘равные права палат парламента в процессе законотворчества’, сформированный в границах швейцарской поликультурной многоязычной общности. У этого немецкого слова есть эквиваленты в других языках: франц. *Assemblée fédérale*, итал. *Assemblea federale*, ромш. *Assamblea federala*.

В Большом толковом словаре немецкого языка ДУДЕН слово *Bundesversammlung* представлено как многозначное. Второе значение слова указывает на то, что в Швейцарии в значение слова включается особый семантический признак, который и представляет собой национально-культурный компонент семантики.

1. Versammlung aus Parlamentariern und anderen Personen, die den Präsidenten bzw. die Präsidentin der Bundesrepublik Deutschland wählt (собрание парламентариев и других лиц, которые выбирают президента ФРГ).

2. Parlament des Schweizer Bundes (парламент Швейцарского союза).

3. (im Deutschen Bund 1815-1866) Versammlung der Reichsstände (собрание имперских сословий/чинов в Германском союзе) 1815-1866 [10].

Следовательно, к лексике с этнокультурным (национально-культурным) компонентом семантики относятся наименования объектов и явлений, характерных для всех лингвокультур Швейцарии. Такие объекты, например: спортивная игра *Hornussen* (франц. *hornuss*) *хорнусс*ен, гибрид хоккея с бейсболом или блюдо для фондю, обозначаемое словом французского языка *Caquelon* (франц. *caquelon*) *какелон*.

Лексика с регионально-культурным компонентом семантики представляет собой лексические

единицы, значение которых включает семантические признаки, которые формируются в границах определенного региона как специфической языковой и культурной общности. В центре нашего внимания находится немецкоязычный регион Швейцарии, представляющий собой кантоны, в которых употребляется немецкий язык.

Лексика с регионально-культурным компонентом семантики содержит наименования объектов и явлений, в которых содержится информация, отражающая культурные особенности немецкоязычного региона Швейцарии, например, слова *Rösti решти* и *Röstigraben рештиграбен*.

Слово *Rösti решти* – немецкоязычное обозначение классического блюда из тертого картофеля, характерного для кухни немецкой Швейцарии. Исторически *решти* являлись традиционным крестьянским завтраком в кантоне Берн. Это блюдо известно и у романских народов как *«pommes de terre fricassées»*, но они переняли более короткое немецкое слово.

Шутливым словом *Röstigraben рештиграбен* (буквально «ров решти») в немецкоязычных кантонах обозначают границу между немецко- и франкоговорящими частями Швейцарии. Это один из символов культурных различий между двумя культурно-языковыми общинами, между германошвейцарцами и франкошвейцарцами. Языковая и культурная граница пролегает по реке Зане, поэтому во французской Швейцарии употребляется словосочетание *outre-Sarine* («по ту сторону Зане», то есть в немецкой Швейцарии). Франкошвейцарцы по аналогии со словосочетанием «железный занавес» употребляют словосочетание *Rideau de rösti* («занавес решти») или *Barrière de rösti* («забор решти»). В данном случае речь идет о реалии, значимой для немецко- и франкоговорящих кантонов Швейцарии.

Только в кантонах Аппенцелль Иннерроден и Гларус сохранилось общее законодательное собрание *Landsgemeinde* – одна из старейших форм прямой демократии. Имеющие право голоса граждане собираются в определенный день под открытым небом, чтобы принять законы, внести изменения в конституцию и т. п. Это слово относится, таким образом, к лексике с локально-культурным компонентом семантики: его значение включает сему «характерный для кантонов Аппенцелль Иннерроден и Гларус». Такие лексические единицы отражают культурные особенности отдельных кантонов Швейцарии.

Только в кантоне Аппенцелль Иннерроден на общем собрании выбирают правительство и только в кантоне Гларус общее собрание устанавливает ставку налога *Steuerfuss*. Из этого следует, что некоторые культурные особенности характерны для отдельных кантонов. При голосовании, которое обозначается словом *Mehren*, в Гларусе поднимают удостоверение на право голосования, называемое *Stimmausweis* или *Stimmrechtsausweis*. В кантоне Аппенцелль Иннерроден принято голосование поднятием руки *das offene Handmehr*. Подсчет голосов происходит «на глаз» и никаких подтасовок числа голосов не происходит. Наряду с удостоверением на право голосования можно показать полученную в наследство шпагу, называемую *Seitengewehr*. Таким образом, словосочетание *das offene Handmehr* относится к лексике с локально-культурным компонентом, оно отражает культуру кантона Аппенцелль Иннерроден.

В немецком языке швейцарцев встречается лексика, характерная для одной территориальной общины, например, города или деревни. Так, несколько реалий репрезентируют культуру деревни Аппенцелль, административного центра кантона Аппенцелль Иннерроден, например: *Appenzeller Löffel*, или *Ohreschuefle, аппенцелльская серьга в форме ложки*, украшение, являющееся символом жизни и смерти, которое носят мужчины. Даже маленьким мальчикам прокалывают ухо и вешают длинную серьгу, такая традиция издавна существует у аппенцелльских пастухов. Следовательно, обозначения реалии *Appenzeller Löffel* и *Ohreschuefle* относятся к лексике с микролокальным компонентом семантики.

Особенностью лексического состава немецкого языка Швейцарии является наличие в нем лексики с транснационально-культурным компонентом семантики (то есть с культурным компонентом, который включают лексические единицы, употребляемые в Швейцарии и за ее пределами). Такая лексика представляет собой обозначения реалий, характерных для Швейцарии и соседних немецкоязычных стран и регионов, например: южной Германии (Бавария), Австрии, северной Италии (южный Тироль). Это общая швейцарско-, баварско-, австро-, –южнотирольская лексика. К такой лексике относится большое количество реалий общего альпийского региона, например: *Alpung содержание скота на альпийских пастбищах* или *Jodeln йодль, особая манера пения без слов с характерным быстрым переключением голосовых регистров.*

К интернациональной лексике немецкого языка Швейцарии относятся обозначения реалий, которые исконно являются швейцарскими, но уже

настолько распространились во всем мире, что стали восприниматься как интернационализмы, например: *Müesli мюсли, Fondue фондю.*

Диатопически обусловленные культурные компоненты в структуре значения лексики швейцарского варианта немецкого языка могут быть представлены как многоуровневая система в форме таблиц (расположение ниже и выше уровня лексики с национально-культурным компонентом семантики).

Таблица 1

Структура значения лексики немецкого языка Швейцарии: уровни 1 порядка

Диатопически обусловленные культурные компоненты в структуре значения лексики немецкого языка Швейцарии			
национально-культурный компонент семантики: *Bundesversammlung федеральное собрание Hornussen хорнуссен*	регионально-культурный компонент семантики: *Rösti решти, Röstigraben рештиграбен*	локально-культурный компонент семантики: *Landsgemeinde общее законода-тельное собрание das offene Handmehr голосование поднятием рук*	микролокально-культурный компонент семантики: *Appenzeller Löffel*, или *Ohreschuefle, аппенцелльская серьга в форме ложки*

Таблица 2

Структура значения лексики немецкого языка Швейцарии: уровни 2 порядка

Диатопически обусловленные культурные компоненты в структуре значения лексики немецкого языка Швейцарии		
национально-культурный компонент семантики: *Bundesversammlung федеральное собрание, Hornussen хорнуссен*	транснационально-культурный компонент семантики: *Alpung* содержание скота на альпийских пастбищах, *Jodeln* йодль.	слабо выраженный культурный компонент семантики: Müesli мюсли, Fondue фондю

Выводы. Таким образом, благодаря проведенному исследованию можно утверждать, что лексика швейцарского варианта немецкого языка является культурно многообразной в зависимости от диатопического признака. Это интернациональная лексика и лексика с различными видами культурного компонента семантики: с транснационально-, национально-, регионально-, локально- и микролокальным культурным компонентом.

Наиболее значимый лексический пласт швейцарского варианта немецкого языка представляет собой лексика, которая является обозначениями реалий немецкоязычного региона Швейцарии, то есть лексика с регионально-культурным компонентом в структуре лексического значения, а также обозначениями реалий страны, общих для всех лингвокультур конфедерации. Локально- и микролокально маркированная лексика, являющаяся обозначениями реалий отдельных кантонов и общин, составляет культурное своеобразие немецкого языка Швейцарии.

Следовательно, можно сделать вывод, что культурно-маркированная лексика швейцарского варианта немецкого языка обозначает не только культурные реалии немецкоязычной Швейцарии, но и, с одной стороны, реалии отдельных немецкоязычных кантонов и общин, а с другой стороны, реалии поли(мульти)культурного пространства страны.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении особенностей репрезентации основных культурных концептов Швейцарии лексикой с национально- и регионально-культурным компонентом в структуре лексического значения, а также локально- и микролокально маркированной лексикой. Перспективным аспектом исследования культурно-маркированной лексики, функционирующей в поликультурном и полиязыковом пространстве, является наряду с диатопическим (региональным) измерением диастратическое (социальное) и диафазическое (стилистическое) измерения.

Библиографический список

1. Блохина, Е. Н. О лингвокультурологическом подходе к изучению прецедентных текстов как феномен региональной культуры [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 11(53): в 3-х ч. – Ч. I.

2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е. М. Костомаров, В. Г. Верещагин. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.

3. Лановая, Т. В. Лингвострановедческие особенности регионально маркированной лексики (на материале номинативных единиц с региональным компонентом значения «Крым») [Текст] / Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 3-2. – Т. 9. – С. 346-356.

4. Телия, В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии [Текст] // Филология и культура: материалы II Международной конференции, 12-14 мая 1999 г. : в 3 частях / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 1999. – Ч. 3. – С. 14-15.

5. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

6. Федоров, М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры [Текст] / Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6 (2). – С. 83-86.

7. Фляйнер, Т. Швейцария: субсидиарность и разнообразие [Текст] // Федерализм: российское и швейцарское измерения. – М., 2001. – 256 с.

8. Швейцария // Особенности законодательной власти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hyno.ru/tom1/1905.html

9. Ammon, U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt / Ulrich Ammon. – Berlin/München/Boston: de Gruyter, 2015. – 1314 s.

10. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: http://www.duden.de

11. Nord, Ch. Fertigkeit Übersetzen: ein Kurs zum Übersetzenlehren und-lernen / Christiane Nord. – Berlin : BDÜ Service Verlag (Schriftenreihe des BDÜ 38), 2010. – 245 S.

12. Ódor L. Helvetismen. Deutsches Kulturwörterbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft / Laszlo Odor. – München : Martin Meidenbauer, 2010. – 159 S.

13. Scharioth, Claudia. Regionales Sprechen und Identität. Eine Studie zum Sprachgebrauch, zu Spracheinstellungen und Identitätskonstruktionen von Frauen in Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern / Claudia Scharioth. – Hildesheim, Zürich, New York : Georg Olms Verlag, 2015. – 373 S.

Reference List

1. Blohina, E. N. O lingvokul'turologicheskom podhode k izucheniju precedentnyh tekstov kak fenomen regional'noj kul'tury = About linguoculturological approach to study case texts as a phenomenon of regional culture [Tekst] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2015. – № 11(53): v 3-h ch. – Ch. I.

2. Vereshhagin, E. M. Lingvostranovedcheskaja teorija slova = Linguo-cultural theory of a word [Tekst] / E. M. Kostomarov, V. G. Vereshhagin. – M. : Russkij jazyk, 1980. – 320 s.

3. Lanovaja, T. V. Lingvostranovedcheskie osobennosti regional'no markirovannoj leksiki (na materiale nominativnyh edinic s regional'nym komponentom znachenija «Krym») = Linguocultural features of regionally marked lexicon (on material of nominative units with a regional component of the meaning «Crimea») [Tekst] // Sovremennye issledovanija social'nyh problem = Sovremennye issledovaniya socialnyh problem.. – 2017. – № 3-2. – T. 9. – S. 346-356.

4. Telija, V. N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii = Main postulates of cultural linguistics [Tekst] // Filologija i kul'tura: materialy II Mezhdunarodnoj konferencii, 12-14 maja 1999 g. : v 3 chastjah = Philology and culture: materials of the II International conference, dated from May 12-14, 1999: in 3 parts / otv. red. N. N. Boldyrev. – Tambov : Izd-vo TGU, 1999. – Ch. 3. – S. 14-15.

5. Telija, V. N. Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatical and linguoculturological aspects [Tekst] / V. N. Telija. – M. : Jaz. rus. kul'tury, 1996. – 288 s.

6. Fedorov, M. A. Termin «lingvokul'tura» v aspekte teorii kul'tury = The term «culture of language» in aspect of the theory of culture [[Tekst] / Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat state university. – 2014. – № 6 (2). – S. 83-86.

7. Fljajner, T. Shvejcarija: subsidiarnost' i raznoobrazie = Switzerland: subsidiarity and variety [Tekst] // Federalizm: rossijskoe i shvejcarskoe izmerenija = Federalism: Russian and Swiss measurements. – M., 2001. – 256 s.

8. Shvejcarija = Switzerland // Osobennosti zakonodatel'noj vlasti = Features of legislature [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.hyno.ru/tom1/1905.html

9. Ammon, U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt / Ulrich Ammon. – Berlin/München/Boston: de Gruyter, 2015. – 1314 s.

10. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.duden.de

11. Nord, Ch. Fertigkeit Übersetzen: ein Kurs zum Übersetzenlehren und-lernen / Christiane Nord. – Berlin : BDÜ Service Verlag (Schriftenreihe des BDÜ 38), 2010. – 245 S.

12. Ódor L. Helvetismen. Deutsches Kulturwörterbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft / Laszlo Odor. – München : Martin Meidenbauer, 2010. – 159 S.

13. Scharioth, Claudia. Regionales Sprechen und Identität. Eine Studie zum Sprachgebrauch, zu Spracheinstellungen und Identitätskonstruktionen von Frauen in Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern / Claudia Scharioth. – Hildesheim, Zürich, New York : Georg Olms Verlag, 2015. – 373 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10209

УДК 811.112.2

О. А. Сосой

https://orcid.org/0000-0002-5984-1184

Средства языковой объективации комического эффекта в немецких анекдотах

Статья посвящена семантическому потенциалу немецкого языка, являющемуся источником немецких языковых анекдотов и вызывающему комический эффект у читателей или слушателей. Комическое рассматривается как отступление от нормы, противоречие общепринятым представлениям. Примеры лексикографического описания юмора, как одной из форм существования комического, взяты из словаря Duden и Энциклопедии Брокгауза. Дефиниции анекдота, как одного из жанров юмористических текстов, даются на основе отечественных словарей и сравниваются с определением этого понятия в немецкой языковой культуре. Объектом рассмотрения выступают языковые (лингвистические) анекдоты, в которых комический эффект связан с языковым оформлением, игрой слов. Из всего тематического многообразия анекдотов анализируются немецкие этнические анекдоты, персонажами которых являются жители Германии. Материал исследования, обнаруженный на интернет-сайтах, свидетельствует о том, что предметом высмеивания немцев становятся: ситуация в Германии с иностранцами, история страны, связанная с нацизмом и существованием двух немецких государств, коррупция, этнические группы – носители диалектов и некоторые другие. Анализируемый материал содержит игру слов, строящуюся на основе творческого обыгрывания многозначных лексем, смысловом сближении сходных по звучанию слов, трансформации фразеологических единиц. Данное исследование позволило сделать вывод о том, что лингвистические анекдоты опираются на индивидуальное или «народное» речетворчество и связаны с лингвокреативным типом мышления их создателей. Использование языкового потенциала для творческого отступления от стандарта интересно для изучения. Языковой код, зашифрованный в лингвистических анекдотах, будет декодирован при условии наличия у читателей или слушателей подобных анекдотов лингвокреативного мышления и фоновых знаний о реалиях другой культуры.

Ключевые слова: комическое, юмор, анекдот, языковой анекдот, игра слов, лингвокреативное мышление.

O. A. Sosoi

Means of Language Objectivization of a Comic Effect in the German Jokes

The article is devoted to the semantic potential of the German language, which is the source of German language anecdotes and causes a comic effect in readers or listeners. The comic is seen as a deviation from the norm, a contradiction to generally accepted ideas. Examples of the lexicographical description of humor as one of the forms of comic existence are taken from Duden dictionary and Brock's Encyclopedia. Definitions of anecdote as one of the genres of humorous tests are given on the basis of Russian dictionaries and compared with the definition of this concept in the German language culture. The object of consideration are linguistic anecdotes in which the comic effect is associated with language design, word play. Of all the thematic diversity of anecdotes are analyzed the German ethnic jokes, the characters which are residents of Germany. The material of the study found on the Internet sites shows that the subject of ridicule of the Germans is the situation in Germany with foreigners, the history of the country associated with Nazism and the existence of two German States, corruption, ethnic groups – speakers of dialects and some others. The analyzed material contains the play of words, which is based on the creative playing of polysemous lexemes, semantic convergence of similar-sounding words, the transformation of phraseological units. This study led to the conclusion that linguistic jokes based on the individual or «national» speech production and are associated with the linguistic and creative type of their creators' thinking. Using language potential for creatively deviate from the standard is interesting to learn. The language code encrypted in linguistic anecdotes will be decoded provided that readers or listeners have similar anecdotes of linguistic creative thinking and background knowledge about the realities of another culture.

Keywords: comic, humor, anecdote, language anecdote, wordplay, linguocreative thinking.

Комическое как категория эстетики возникла в древности, но до сих пор вызывает интерес к изучению не только у философов, но и представителей других наук, таких как, психология, социология, лингвистика. Т. Г. Кучина полагает, что «комическое обязательно основывается на отступлении от нормы, на противоречии здравому смыслу и общепринятым представлениям» [4, с. 2]. По мнению лингвиста, эстетическое воздействие комического основано на принципе «контраста ожидаемого, диктуемого опытом, – и неожиданного, противоречащего ему» [4, с. 2]. Этот контраст и вызывает смех, как психологическую реакцию реципиента на комическое и юмор. Последний

© Сосой О. А., 2018

относится к одной из форм существования комического. При трактовке юмора наука о языке использует данные смежных дисциплин – психолингвистики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, что говорит о сложности данного явления.

Примером лексикографического описания понятия «Humor» в немецком словаре Duden является следующее:

1. Fähigkeit und Bereitschaft, auf bestimmte Dinge heiter und gelassen zu reagieren – способность и готовность весело и спокойно реагировать на определенные вещи; er hat, besitzt einen goldenen Humor – у него замечательное чувство юмора.

2. sprachliche, künstlerische o. ä. Äußerung einer von Humor bestimmten Geisteshaltung, Wesensart – лингвистическое, художественное или подобное выражение настроения, склада характера, определяемого юмором; der Kölner Humor – юмор жителей Кельна;

3. gute Laune, fröhliche Stimmung – хорошее расположение духа, веселое настроение; den Humor [nicht] verlieren – (не) потерять чувство юмора [11].

В Энциклопедии Брокгауза находим общее определение юмора: «heitere Gelassenheit gegenüber den Unzulänglichkeiten von Welt und Menschen und den Schwierigkeiten des Alltags [9] – веселая непринужденность по отношению к недостаткам мира и людей и трудностям повседневной жизни.

Одним из жанров юмористических текстов выступает анекдот: «короткий смешной рассказ, обычно высмеивающий кого-либо, что-либо, главный смысл и юмор которого понимаешь лишь в самом конце» [2].

В немецкой языковой культуре словом Witz немцы обозначают и шутку, и остроту, и то, что мы называем словом анекдот. То есть во всех случаях занимающий нас предмет номинируется более широким, родовым словом, гиперонимом, охватывающим несколько близких наименований.

В словаре Duden интерес для нас представляет следующее определение понятия Witz: [prägnant formulierte] kurze Geschichte, die mit einer unerwarteten Wendung, einem überraschenden Effekt, einer Pointe am Ende zum Lachen reizt – [точно сформулированная] короткая история, которая вызывает смех неожиданным поворотом, удивительным эффектом, кульминацией в конце [14].

Отечественные словари рассматривают анекдот не только как жанр городского фольклора, злободневный комический рассказ-миниатюру с неожиданной концовкой, своеобразную юмористическую, часто фривольную притчу, но и как «короткий рассказ об историческом лице, происшествии» [1] или как любопытную черту из жизни или характера известного лица [8].

В немецком языке подобная короткая, часто смешная история, метко характеризующая известную личность, социальный слой, эпоху и т. д., и обозначается словом Anekdote [10].

В лингвистике различают юмор ситуативный и языковой. В связи с этим и анекдоты делятся на ситуативные (предметные) и языковые (лингвистические). Комичность смешной, нелепой ситуации в предметном анекдоте (Sachwitz) не связана с языковым оформлением. Такой анекдот может быть переведен на другие языки, и в переводе будет достигнут комический эффект, эквивалентный оригиналу.

Обыгрывание тех или иных языковых средств лежит в основе лингвистического анекдота (Wortwitz). Комический эффект шутки в таком анекдоте будет зависеть от выбора используемых словесных конструкций. Но при восприятии языкового юмора читатель / слушатель должен обладать не только языковой компетенцией, но также интерактивной и социокультурной. Иными словами, он должен не только понимать язык, но и знать правила речевого взаимодействия и владеть фоновыми знаниями о реалиях другой культуры [6]. Таким образом, и ситуация, и ее языковое оформление тесным образом связаны друг с другом. «Никакая шутка в тексте не может считаться исключительно лингвистической, так как при ее восприятии мы не можем полностью абстрагироваться от общего контекста, то есть ситуации, в которую данная шутка включена в тексте, общего культурного фона, знаний о мироустройстве, законах логики» [5].

В данной работе будут рассмотрены Wortwitze, то есть языковые анекдоты-шутки, основанные на игре слов. Из всего тематического многообразия анекдотов анализу будут подвергнуты немецкие этнические языковые анекдоты, персонажами которых являются жители Германии.

Глазами других национальностей в комических текстах типа анекдот немцы предстают любителями пива, неумеренное потребление которого приводит к появлению большого живота (Bierbauch). Кроме того, предметом насмешки становится поведение немцев на отдыхе, когда они ведут себя грубо, агрессивно, демонстрируя плохие манеры. Немцы не считаются самыми жизнерадостными и смешными людьми – скорее наоборот. Но именно благодаря этому факту есть много

анекдотов, в которых высмеиваются качества, которыми так гордится большинство немцев: трудолюбие, пунктуальность, эффективность, надежность, чистота, дисциплина или корректность. Пунктуальность в анекдотах превращается в педантичность, дисциплина – в слепое повиновение, корректность – в слепое исполнение обязанностей. Другими причинами смеха над немцами являются их грубо звучащий язык, всезнайство, отсутствие романтики.

Над чем смеются сами немцы в своих языковых этноанекдотах? Анализ обнаруженного на интернет-сайтах материала исследования свидетельствует о том, что предметом их высмеивания становятся: ситуация в Германии с иностранцами, история страны, связанная с нацизмом и существованием двух немецких государств, коррупция, этнические группы – носители диалектов и некоторые другие.

Рассмотрим явления комизма, выраженные языковым кодом в анекдотах в соответствии с указанной тематикой, более подробно.

В следующем анекдоте комический эффект возникает на противоречии здравому смыслу и общепринятым представлениям, когда при ответе на вопрос о количестве иностранцев, проживающих в Германии, лишь 1 % опрошенных смог корректно ответить по-немецки. 99 % сделали это на ломаном немецком языке, то есть с сильной интерференцией, показав плохое знание этого языка.

Meinungsumfrage in einer deutschen Fußgängerzone: Leben in Deutschland zu viele Auusländer? 0,25 % der Befragten sagten: „Eindeutig, das ist ganz klar". 0,75 % der Befragten sagten: „Weiß nicht". 99 % der Befragten sagten: „Können Fraga widerhollen?" [20].

Гипербола, как стилистическая фигура, лежащая в основе данного анекдота и подчеркивающая абсурдность описываемой ситуации, в языковом плане подкрепляется нарушением языковой нормы. Смысл анекдота – показать, что иностранцев в Германии большое количество, и они не владеют немецким языком в достаточной степени.

Теме иностранцев в Германии посвящен и следующий языковой анекдот, в котором имя немецкой школьницы при проверке в первый школьный день искажается под влиянием большого количества иностранных имен в списке присутствующих и произносится похоже на предыдущие арабские имена, что создает комичность ситуации:

Erster Schultag in Berlin. Der Direktor ruft die Schüler auf:

„Mustapha El Ekhzeri?" – „Anwesend!"

„Achmed El Cabul?" – „Anwesend!"

„Kadir Sel Ohlmi?" – „Anwesend!"

„Mohammed Endahrha?" – „Anwesend!"

„Mel Ani Elsner?" – Stille im Klassenzimmer.

„Mel Ani Elsner?" – Stille im Klassenzimmer.

Ein letztes Mal: „Mel Ani Elsner?"

Jetzt steht ein Mädchen in der letzten Reihe auf und sagt: „Das bin wahrscheinlich ich. Aber mein Name wird MELANIE ELSNER ausgesprochen". [16].

На основе фонетических сближений комический эффект возникает и в следующем языковом анекдоте с использованием паронимов – слов, сходных по звучанию, но отличающихся лексическим значением:

„Schöne Wohnung." – „Danke." – „Ihre?" – „Nein, bin Deutscher, war noch nie in Irland." – „Die Wohnung?" – „Nein, die war auch noch nie in Irland." [15]

Предметом насмешки в данном случае выступает несообразительность одного из участников диалога, а для создания комического эффекта используется сходное звучание притяжательного местоимения Ihre – Ваша и существительного Ire – ирландец.

Часто парономазия встречается в анекдотах, состоящих из одной фразы и начинающихся со словосочетания Egal wie (Какая разница/ не имеет значения):

Egal wie laut du Bach hörst, Heiner hört Lauterbach.

Egal wie voll du bist, Rudi ist Völler.

Egal wie neu du bist, Manuel ist Neuer.

Egal wie dürr du bist, Albrecht war Dürer [17].

Как можно заметить, часть этих анекдотов содержит указание имен и фамилий известных немецких личностей прошлого и современности. Языковая игра строится на сходности по звучанию сравнительной степени прилагательных, содержащихся в первой части анекдота, и фамилий известных в немецком языковом пространстве людей во второй части. Чтобы понимать подобную словесную игру, необходимо владеть фоновыми знаниями о реалиях другой культуры, к которым в данном случае относятся имена собственные.

Семантический тип языковой игры представлен также и в следующих анекдотах, имеющих аналогичную структуру:

Egal wie dicht du bist, Goethe war Dichter.

Egal wie leer du im Kopf bist, manche Leute sind Lehrer.

Egal wie viele CDs du hast, Carl Benz hatte Mercedes.

Egal wie viel du kannst, Oliver Kahn mehr.
Egal wie fett du bist, mein Cousin ist Vetter.
Egal wie gut du fährst, Züge fahren Güter.
Egal wie gut es dir geht, Bill Gates besser.
Egal wie albern du bist, er ist Albaner [17].

В данном случае в качестве паронимов выступают сравнительная степень прилагательных в первой части анекдота и обозначение рода занятий, а также сходные по звучанию имена нарицательные и собственные во второй.

Креативное манипулирование семантикой можно наблюдать и в следующих примерах парономазии:

Egal wie gut du schläfst, Albert schläft wie Einstein.
Egal wie oft du ihn betrügst, Moritz Bleibtreu.
Egal wie sehr es schmerzt, Til bleibt Schweiger.
Egal wie viel Zucker du isst, Mark ist ein Zuckerberg
Egal was in seinem Pass steht, Albert ist Schweitzer.
Egal was du isst, Helmut ist Kohl.
Egal zur welcher Jahreszeit, bei Stallone ist Silvester [17].

Языковая игра в данных примерах приводит к столкновению смыслов и создает комический эффект, который будучи расшифрован получателем информации, «вызывает удовольствие семиотической природы и смех реципиента» [7, с. 111].

Немцы критически относятся к своему нацистскому прошлому. Нередко персонажем их анекдотов становится Адольф Гитлер. Словесная игра с использованием фонетических соответствий присутствует в анекдотах-вопросах:

Was ist Hitlers Lieblingssüßigkeit? – Nazipan.
Was ist Hitlers Lieblingsfrucht? – Die Rassisnuss.
Wo lebten Hitlers Fische? – Im dritten Teich.
Womit fliegt Hitler? – Mit einem Heilikopter.
Warum können Nazis das Internet nicht leiden? – Weil da so viele Links sind [19].

Средством создания комического эффекта в следующих языковых анекдотах о Гитлере, основанных на игре слов, выступает многозначность используемых лексем.

Короткий анекдот *Hitler hatte im Krieg die Oberhand* [21] имеет двойственное толкование. Словосочетание *die Oberhand haben* переводится как *иметь преимущество* и казалось бы не вызывает улыбку. Комический же эффект возникает при актуализации значения лексемы *die Oberhand,* которая содержит намек на нацистское приветствие с поднятием правой руки.

На лексико-семантическом варьировании значений слова Führer, выступающего компонентом сложного слова Führerschein, основывается и следующий языковой анекдот:

Fragt der Enkel den Opa: „Warum haben die Deutschen den 2. Weltkrieg verloren?“ Daraufhin der Opa: „Weil Hitler keinen Führerschein hatte.“ [21].

Актуализации подвергаются 3 значения лексемы Führer из 5, указанных в словаре Duden, а именно 1. jemand, der eine Organisation, Bewegung o Ä. leitet, 2. Adolf Hitler (zwischen 1933 und 1945 offizielle Bezeichnung [»Führer und Reichskanzler«]), 3. (österreichisch, schweizerisch, sonst selten) Fahrer, Lenker (eines [Kraft]fahrzeuges) [12].

Комический эффект вызывает зашифрованное языковым кодом обстоятельство, согласно которому у Гитлера не было свидетельства на управление страной, поэтому Германия и проиграла Вторую мировую войну.

В следующем языковом анекдоте-вопросе эффект комизма создается за счет использования антонимов aufgehen – untergehen и актуализации 2-х значений из 3-х в словаре Duden глагола untergehen: 1. hinter dem Horizont verschwinden, 2. zugrunde gehen, zerstört, vernichtet werden [13].

Was ist Unterschied zwischen Sonne und Adolf Hitler? – Die Sonne geht im Osten auf, Hitler ging im Osten unter [21].

В качестве анекдота о Гитлере встречается трансформированная идиома „nicht mehr alle Tassen im Schrank haben“ со значением «не все дома, не дружить с головой», где лексемы Tassen и Schrank в исходном выражении заменены на лексему ‘свастика’, которая в немецком варианте выглядит не как композит, а как словосочетание:

Hitler hatte auch nicht mehr Haken am Kreuz [21].

Языковой код, связанный с заменой используемых в исходном варианте идиомы лексем на ассоциируемые с нацистской символикой, создает комический эффект и способен вызвать улыбку у читающего/ слушающего.

Языковая игра присутствует и при трансформации пословицы „Wer A sagt, muss auch B sagen.“ – Wer A sagt, muss auch dolf sagen.“ [21].

Следующий языковой анекдот относится к так называемым Ossi Wessi Witze – анекдотам, персонажами которых являются жители новых и старых земель. В основе создания комического эффекта здесь лежит лексико-семантическое варьирование многозначных лексем Messe и fasten:

„Leipzig ist zur ersten heiligen Stadt des gesamten Sowjetblocks ernannt worden.“–

„Warum?“ – „Das liegt doch klar auf der Hand. Zwei Messen jedes Jahr, und dazwischen wird gefastet.“ [22].

Лейпциг находится на территории бывшей ГДР, которая входила в Восточный блок просоветских стран Центральной и Восточной Европы во главе с Советским Союзом. Город знаменит выставочной и торговой ярмаркой. Первая диалогическая реплика языкового анекдота уже содержит указание на необычность ситуации и ее связь с религией: Дрезден был назван первым священным городом всего Советского блока. Логично было бы связать упоминание о двух Messen с католическим богослужением, но преуменьшение их количества и частота проведения заставляют слушателя соотнести лексему Messe с Лейпцигской ярмаркой, организуемой 2 раза в год весной и осенью. Первое значение глагола fasten – ‘поститься’, то есть соблюдать религиозное традиционное воздержание от приема пищи, перекрывается вторым его значением – ‘соблюдать голодную диету’. Последнее обстоятельство содержит намек на сложную экономическую ситуацию в Восточной Германии, то есть со стилистической точки зрения в основе этого языкового анекдота лежит аллюзия.

Креативное использование многозначной лексемы встречаем и в следующем языковом анекдоте-вопросе политической тематики:

Was ist der Unterschied zwischen dem Bundestag und einer Telefonzelle? – In der Telefonzelle muss man erst wählen, dann zahlen [22].

Чтобы уловить суть данного анекдота, слушателю необходимо декодировать семантическую двуплановость обыгрываемой ситуации, используя второе значение глагола wählen ‘выбирать, избирать, голосовать’, и понять, что выборы в немецкий парламент связаны с коррупцией: чтобы быть избранным, нужно сначала заплатить.

Часто персонажами немецких языковых анекдотов становятся жители различных частей Германии, в частности восточные фризы – жители региона в Нижней Саксонии на крайнем северо-западе страны. В анекдотах они предстают глупыми и ограниченными.

Комический эффект в следующих анекдотах-вопросах возникает на основе лексико-семантического варьирования значений содержащихся в них многозначных лексем:

Warum streuen Ostfriesen Pfeffer auf den Fernseher? – Damit das Bild schärfer wird [22].

Здесь актуализируются значения прилагательного scharf ‘острый’ и ‘четкий, отчетливый’.

Warum klettern Ostfriesen Anfang Dezember nur noch durch das Fenster? – Weil Weihnachten vor der Tür steht [22].

Происходит обыгрывание прямого и переносного значений выражения „vor der Tür stehen“ – ‘стоять у двери’ и ‘быть не за горами’.

Warum nimmt ein Ostfriese ein Messer mit aufs Boot? – Damit er in See stechen kann [22].

Языковая игра в данном случае основана на столкновении значения глагола stechen ‘колоть’ (ножом) и его как составной части фразеологического оборота *in See stechen* – ‘выходить в море‘.

В следующем языковом анекдоте гиперболизируется глупость одного из персонажей, в роли которых выступают жители Восточной Фризии:

Zwei Ostfriesen sind zu den Fallschirmspringern beordert und dürfen zum ersten Mal springen. Der erste hüpft aus dem Flugzeug, dann der zweite. Als der zweite den ersten Ostfriesen überholt, sieht er, dass dieser gar keinen Schirm hat. Er ruft ihm zu: „Wo hast du denn deinen Schirm?“ – „Wieso, regnet es?“ [22].

Для создания комического эффекта в данном случае прибегают к языковой игре на основе творческого использования семантики многозначной лексемы Schirm, которая, с одной стороны, является сокращенной формой от слова Fallschirm – парашют, а с другой стороны, обозначает зонт.

Жители севера и юга Германии также часто становятся героями языковых анекдотов:

Ein Deutscher steht im Aufzug. Ein Bayer betritt den Aufzug und sagt zum Deutschen: „Grüß Gott!“ Antwortet der Norddeutsche: „So hoch fahr ich aber nicht!“ [23].

Показывая свое остроумие, и тем самым дистанцируясь от жителя Баварии, северный немец трактует традиционное приветствие, распространенное в некоторых частях южной Германии и Австрии, как повелительную форму глагола grüßen – здороваться. Тем самым он сообщает, что не собирается ехать так высоко, имеется в виду на небеса, и встречаться с Господом Богом, то есть умирать.

Проанализированные немецкие этнические языковые анекдоты, персонажами которых выступают жители Германии, основываются на языковой игре. Комизм ситуации в них передается с помощью языкового кода, который сложно перевести на другие языки без потери смысла. В качестве элементов, подлежащих расшифровке в исследуемых языковых анекдотах, чаще всего выступают многозначные лексемы, буквальные и

переносные значения слов и словосочетаний, трансформации пословиц, паронимы.

Языковые анекдоты, являющиеся порождением индивидуального или «народного» речетворчества, опираются на лингвокреативный тип мышления их создателей, когда языковой потенциал используется для творческого отступления от стандарта, интересны для изучения и будут понятны читателям или слушателям в том случае, если последние, как и творцы языковой игры, будут обладать лингвокреативным мышлением. Это значит, что они будут перерабатывать полученную информацию, декодируя ее в соответствии с фоновыми знаниями о реалиях другой культуры.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/a/anekdot.html.

2. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://www.baldatop.ru/dictionary/search?dic=dmitriev&word=юмор.

3. Куприянова, Н. В., Меркурьева, В. Б. Реализация комического эффекта в немецких этноанекдотах с использованием диалекта [Текст] / Н. В. Куприянова, В. Б. Меркурьева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 76-82.

4. Кучина, Т. Г. Основные виды комического. Приемы создания комического эффекта в литературе и искусстве [Электронный ресурс]. – URL: https://slovesnik.org/images/docs/sirius/kuchina-t-g-komicheskoe-v-literature-lekciya.pdf.

5. Лилиенталь, Г. Г. К вопросу о возможности разграничения лингвистического и ситуативного юмора [Электронный ресурс]. – URL: http://vestnikphil.spbu.ru/sites/default/files/LilientalGG.pdf

6. Лингвистическая природа комического эффекта [Электронный ресурс]. – URL: https://lektsii.org/16-81023.html.

7. Миловская, Н. Д. О типах языковой игры и их актуальных реализациях в немецком языковом бытовом анекдоте политической тематики [Текст] / Н. Д. Миловская // Научный диалог, 2013. – № 10 (22). – С. 109-117.

8. Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/533332-anekdot

9. Brockhaus Enzyklopädie: Deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://brockhaus.de/ecs/enzy/article/humor.

10. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Anekdote.

11. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Humor_Stimmung_Frohsinn.

12. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Fuehrer.

13. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/untergehen.

14. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Witz

15. debeste.de [Электронный ресурс]. – URL: http://debeste.de/24522/Schöne-Wohnung. – (Дата обращения: 11.08.2018).

16. de.webfail.at [Электронный ресурс]. – URL: http://de.webfail.at/text/558

17. Die besten Egal-wie-Witze [Электронный ресурс]. – URL: http://www.teilenswert.de/witze/kurzwitze/3009-egal-wie-dicht-du-bist.

18. Flachwitze Betsenliste [Электронный ресурс]. – URL: https://www. 1a-flachwitze.de/.

19. 100 Hitler-Witze [Электронный ресурс]. – URL: https://schlechtewitze.com/hitler?skip=40.

20. Lustiger Witz aus der Kategorie Deutsche [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lachmeister.de/lustiger-witz/meinungsumfrage-in-einer-deutschen-fussgaengerzone-leben-in-deutschland-zu-viele.html.

21. Schlechte Witze [Электронный ресурс]. – URL: https://schlechtewitze.com/.

22. Willis-Witze [Электронный ресурс]. – URL: https://www.willis-witze.de/DDR–Witze/Leipzig-ist-zur-ersten-heiligen-Stadt-de,witz-8276.html.

23. Wortspiele&Sprachspiele [Электронный ресурс]. – URL: https://www.programmwechsel.de/wortspiele/.

Reference List

1. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' = Great encyclopedic dictionary [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/a/anekdot.html.

2. Dmitriev, D. V. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of Russian [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.baldatop.ru/dictionary/search?dic=dmitriev&word=jumor.

3. Kuprijanova, N. V., Merkur'eva, V. B. Realizacija komicheskogo jeffekta v nemeckih jetnoanekdotah s ispol'zovaniem dialekta = Realization of a comic effect in the German ethnojokes with use of a dialect [Tekst] / N. V. Kuprijanova, V. B. Merkur'eva // Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija = Bulletin of NSU. Series: Linguistics and cross-cultural communication, 2012. – T. 10. – Vyp. 1. – S. 76-82.

4. Kuchina, T. G. Osnovnye vidy komicheskogo. Priemy sozdanija komicheskogo jeffekta v literature i iskusstve = Main types of comic. Methods to create a

comic effect in literature and art [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://slovesnik.org/images/docs/sirius/kuchina-t-g-komicheskoe-v-literature-lekciya.pdf.

5. Liliental', G. G. K voprosu o vozmozhnosti razgranichenija lingvisticheskogo i situativnogo jumora = To a question of a possibility to differentiate linguistic and situational humour [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://vestnikphil.spbu.ru/sites/default/files/LilientalGG.pdf

6. Lingvisticheskaja priroda komicheskogo jeffekta = Linguistic nature of comic effect [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://lektsii.org/16-81023.html.

7. Milovskaja, N. D. O tipah jazykovoj igry i ih aktual'nyh realizacijah v nemeckom jazykovom bytovom anekdote politicheskoj tematiki = On types of a language game and their relevant realization in the German language household joke of political subject [Tekst] / N. D. Milovskaja // Nauchnyj dialog, 2013. – № 10 (22). – S. 109-117.

8. Slovar' inostrannyh slov russkogo jazyka = Dictionary of Russian foreign words [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/533332-anekdot

9. Brockhaus Enzyklopädie: Deutsches Wörterbuch [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://brockhaus.de/ecs/enzy/article/humor.

10. Deutsches Universalwörterbuch [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Anekdote.

11. Deutsches Universalwörterbuch [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Humor_Stimmung_Frohsinn.

12. Deutsches Universalwörterbuch [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Fuehrer.

13. Deutsches Universalwörterbuch [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/untergehen.

14. Deutsches Universalwörterbuch [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Witz

15. debeste.de [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://debeste.de/24522/Schöne-Wohnung. – (Data obrashhenija: 11.08.2018).

16. de.webfail.at [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://de.webfail.at/text/558

17. Die besten Egal-wie-Witze [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.teilenswert.de/witze/kurzwitze/3009-egal-wie-dicht-du-bist.

18. Flachwitze Betsenliste [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www. 1a-flachwitze.de/. – (Data obrashhenija: 11.08.2018).

19. 100 Hitler-Witze [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://schlechtewitze.com/hitler?skip=40. – (Data obrashhenija: 13.08.2018).

20. Lustiger Witz aus der Kategorie Deutsche [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.lachmeister.de/lustiger-witz/meinungsumfrage-in-einer-deutschen-fussgaengerzone-leben-in-deutschland-zu-viele.html.

21. Schlechte Witze [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://schlechtewitze.com/.

22. Willis-Witze [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.willis-witze.de/DDR–Witze/Leipzig-ist-zur-ersten-heiligen-Stadt-de,witz-8276.html. –

23. Wortspiele&Sprachspiele [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.programmwechsel.de/wortspiele/.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

УДК 81'366.58

В. В. Бейм

https://orcid.org/0000-0002-2043-4995

Рисунок темпоральной сетки гороскопа (на материале немецкого языка)

Темой статьи является темпоральная структура гороскопа, анализируемая по модели темпоральной сетки. Темпоральная сетка – это совокупность средств морфологического, синтаксического и словообразовательного уровня, обеспечивающих ориентацию читателя во временном аспекте текста. Выбор модели темпоральной сетки обусловлен тем, что материалом исследования выступают тексты одного жанра – гороскопа. Темпоральная сетка включает в себя следующие характеристики: состав сетки, рисунок сетки, ритм смены глагольных форм и обусловленность сетки жанровыми характеристиками. Состав темпоральной сетки гороскопа образуется с помощью языковых средств выражения времени, подразделяемых согласно их роли в тексте на доминирующие, второстепенные и периферийные средства. Последовательная смена языковых средств выражения временных отношений формирует рисунок темпоральной сетки, под которым понимается графическое отражение движения от одной временной формы к другой. В гороскопе можно выделить как политемпоральные, так и монотемпоральные сетки. Наиболее распространенным рисунком темпоральной сетки гороскопа является тип «качели», при котором наблюдаются различные переходы глагольных форм из сферы настоящего в сферу будущего и прошедшего времени. В гороскопе используются также рисунок «маятник», образованный двумя глагольными формами, между которыми и в рамках которых происходит движение, и смешанный рисунок «цепочка-пунктир», образованный одной глагольной формой на протяжении всего текста гороскопа. При анализе темпоральной сетки гороскопа языковые средства дополняются неязыковыми характеристиками, что дает более полную картину темпоральной структуры гороскопа. Материалом исследования послужили тексты гороскопов немецких молодежных журналов Bravo и Popcorn, а также журналов для женщин Brigitte и Gala.

Ключевые слова: гороскоп, прогностический текст, текстовая категория, темпоральная сетка, рисунок темпоральной сетки, глагольные формы с семантикой времени, немецкий язык.

V. V. Beym

The Drawing of a Temporal Network of a Horoscope (on the German material)

The topic of the article is the temporal structure of the German horoscope. The model «the temporal network» is taken for the analysis of the temporal structure of a certain type text or genre. The temporal network is a complex of morphological, syntactical and derivational means, which help the narratee to be oriented in the temporal text-aspects. The temporal network is formed by language temporal means, the pattern of the network, the rhythm of the change of the verbal means and genre characteristics. The language temporal means are classified according to their roles in text: the core zone, the circumnuclear zone, the periphery. The temporal network of the horoscope is formed by the language temporal means, and their change with each other forms the pattern of the temporal network. The pattern of the temporal network is a graphic of the move from one verbal means to the next. There are both polytemporal and monotemporal networks in the horoscope text. The most common pattern of the temporal network is the type «swing», where there are different changes of verbal forms from the present to the future and to the past tense. The types of the pattern of the temporal network «pendulum» and «chain-dashes» are also used in the horoscope. So while analyzing the temporal network of the horoscope the language means are added by the extralinguistic characteristics and it makes the temporal structure of the horoscope completer. The texts of the German horoscopes were used as a material of the study: the horoscopes of the magazines for young people Bravo and Popcorn, for women Brigitte and Gala.

Keywords: horoscope, prognostic text, textual category, temporal network, pattern of the temporal network, verbal temporal forms, German language.

Тексты гороскопов содержат прогноз, поэтому одной из их особенностей является направленность в будущее. Исходя из этого, темпоральность представляется ведущей текстовой категорией жанра гороскопа, посредством которой осуществляется соотношение содержания текста с осью времени [6, с. 536-537].

Для анализа структуры темпоральности лингвистами применяются различные модели: полевая модель [5, с. 41; 9; 10, с. 65; 2, с. 13], модель пространственно-временного континуума [4, с. 92], модель аспектуально-темпорального комплекса [3, с. 67], модель сетки [7; 8, с. 86]. Данные модели отличаются тем, что темпоральность может рассматриваться как отдельный феномен, так и в качестве составной части определенного комплекса. Кроме того, различие моделей заключается и в материале исследования: например, термин «тем-

© Бейм В. В., 2018

поральная сетка» относится к определенному типу текста, жанру, в то время как «грамматико-лексическое поле времени» или «поле темпоральности» объединяет все имеющиеся в языке средства выражения времени и, следовательно, более подходит для описания темпоральной системы языка в целом.

Для анализа темпоральной структуры отдельного типа текста (в данной статье – гороскопа) представляется целесообразным использовать модель темпоральной сетки. Таким образом, объектом исследования статьи выступает темпоральная сетка гороскопа, предметом исследования – рисунок темпоральной сетки. Материалом исследования послужили тексты гороскопов немецких молодежных журналов Bravo и Popcorn, а также журналов для женщин Brigitte и Gala.

Под термином «темпоральная сетка» понимается, к примеру, совокупность языковых средств морфологического, синтаксического и словообразовательного уровня, обеспечивающих ориентацию читателя во временном аспекте текста [7, с. 41]. Считаем возможным применить данный термин также и для анализа темпоральной структуры гороскопа, так как в данном случае исследуется конкретный жанр, имеющий свои особенности. По мнению П. В. Бобковой, каждый текст имеет темпоральную сетку, которая служит для связности текста в целом и для временной ориентации читателя [1, с. 122].

Темпоральная сетка гороскопа включает в себя следующие характеристики:

1. состав сетки (языковые средства):

− доминирующие средства, образующие ядро темпоральной сетки;

− второстепенные средства, образующие приядерную зону;

− средства, образующие периферийную зону.

2. рисунок сетки;

3. ритм смены глагольных форм;

4. обусловленность сетки характеристиками жанра.

Безусловно, языковые средства составляют основу темпоральной сетки и играют тем самым главную роль при создании темпоральной структуры текста. Однако стоит учитывать не только то, какие языковые средства для этого используются, но и то, каким образом они выстраиваются относительно друг друга. Для этого целесообразно рассмотреть такую характеристику темпоральной сетки, как ее рисунок. Согласно Л. А. Ноздриной, рисунок темпоральной сетки – это графическое отражение движения от одной временной формы к другой. Если на горизонтальной оси расположить все временные формы, а по вертикали показывать переход от одной временной формы к другой, то фиксирование всех встречающихся в тексте переходов даст рисунок сетки [7, с. 42].

Для анализа темпоральной сетки гороскопа нами несколько модифицирован принцип оформления ее рисунка. Во-первых, в гороскопе узлы данных переходов образуют не временные формы, а их значения: например, временная форма презенса индикатива может быть представлена значениями актуального настоящего, расширенного настоящего, будущего времени. Во-вторых, при анализе рисунка темпоральной сетки учитываются также и иные глагольные формы: формы императива и конъюнктива, инфинитивные структуры. В-третьих, все глагольные формы графически распределяются на три группы: формы со значением прошедшего времени, формы со значением настоящего времени, формы со значением будущего времени.

В зависимости от количества временных средств и их смены друг с другом выделяется несколько рисунков темпоральной сетки: «качели», «маятник», «стрела», «цепочка», «пунктир» [7, с. 42]. В гороскопе можно выделить как политемпоральные сетки, представленные рисунками «качели» и «маятник», так и монотемпоральные сетки, оформленные рисунками «цепочка», «пунктир». Политемпоральные сетки образованы различными глагольными формами, сменяющими друг друга, а монотемпоральные сетки – одной формой.

Наиболее частотным типом рисунка темпоральной сетки в гороскопе является рисунок «качели», при использовании которого наблюдаются разнообразные переходы от одной глагольной формы к другой.

(1) Ein Uranus-Pluto-Quadrat ***bringt*** *neue Ideen und Motivation. Das* ***sind*** *keine sachten Prozesse, bei denen man gemütlich* ***abwarten kann****. Ihr Herz* ***ersehnt*** *Hingabe und Begeisterung, der Kosmos* ***hilft zu klären****, wo Sie* ***sich*** *von Ihren Wünschen zu weit* ***entfernt****, zu sehr im Gegenüber* ***verloren haben****. Ins Gleichgewicht* ***zu kommen gilt*** *auch im Beruf: Wenn Sie sich zu sehr* ***angepasst haben****,* ***kann*** *es zu Temperamentsausbrüchen* ***kommen****. Man* ***muss*** *mit Ihnen* ***rechnen****!* [Brigitte 2013, Nr. 11, S. 188].

Рисунок темпоральной сетки примера (1) можно представить следующим образом:

Рисунок 1. Рисунок «качели»
темпоральной сетки гороскопа в примере (1)

Основу рисунка темпоральной сетки в примере (1) создают формы презенса в значении расширенного настоящего. Две ретроспективные вставки образуются с помощью форм перфекта. Для создания проспективных вставок используются форма футурального презенса и зависимые инфинитивы. Пунктирная линия на рисунке между графами настоящего и будущего времени обозначает плавность перехода от одного значения к другому. Разнообразие глагольных форм создает динамику текста и взаимосвязь прогноза с событиями прошлого.

Для выражения прогнозируемых событий используется также рисунок «маятник». В нем участвуют две временные формы, между которыми и в рамках которых происходит движение. В примере (2) употребляется временная пара «презенс в значении расширенного настоящего – императив».

(2) FLIRT: Du ***bist*** *im Moment genervt von ihm?* ***Rede*** *mit ihm über das, was dich* ***stört****.*

FRIENDS: YEAH! Eine coole Party mit deinen Freunden ***steht an****.* ***Habt*** *Spaß.*

FEELINGS: Daheim ***hängt*** *der Haussegen etwas schief. Vielleicht* ***kannst*** *du* ***vermitteln****…*

GLÜCKSTAGE: 09.05. + 29.05. [Popcorn 2017, Nr. 6, S. 63].

Рисунок темпоральной сетки примера (2) выглядит следующим образом:

Рисунок 2. Рисунок «маятник»
темпоральной сетки гороскопа в примере (2)

Формы презенса в значении расширенного настоящего используются по всему тексту, создавая тем самым основу темпоральной сетки и ориентируя читателя на прогнозируемый период. С помощью презентных форм автор сообщает прогноз, а после него дает советы, выраженные с помощью императива.

Рисунками монотемпоральных сеток, оформленными одной глагольной формой с семантикой времени, являются «цепочка» и «пунктир». Данные сетки отличаются друг от друга тем, что при «цепочке» действия взаимосвязаны друг с другом и развиваются последовательно, а при «пунктире» наблюдается параллельное описании событий. В исследуемых нами гороскопах отдельные примеры данных сеток не были обнаружены, однако в гороскопах для молодежи может использоваться смешанный тип рисунка темпоральной сетки «цепочка-пунктир».

(3) LIEBE: Du und dein Schatz ***könnt*** *jetzt noch enger* ***zusammenrücken*** *und eure Liebe noch mehr* ***vertiefen*** *– vorausgesetzt, ihr* ***nehmt*** *euch Zeit füreinander und* ***hört*** *dem anderen* ***zu****!*

FREUNDE: Warum ***machst*** *du deinen Freunden gegenüber so auf dicke Hose? Du* ***musst*** *niemanden* ***beeindrucken****!*

SCHULE: Du ***kannst*** *deine guten Vorsätze für dieses Jahr* ***einhalten****. Allerdings* ***musst*** *du ein bisschen mehr Ehrgeiz an den Tag* ***legen****…* [Bravo 2016, Nr. 3, S. 94].

Рисунок 3. Рисунок «цепочка-пунктир»
темпоральной сетки гороскопа в примере (3)

На протяжении всего текста в примере (3) используются только формы презенса в значении расширенного настоящего, однако поскольку весь текст гороскопа разделен на части «любовь», «друзья», «школа», то прогнозируемые события развиваются одновременно, а события в рамках части «любовь» – последовательно.

Рисунок темпоральной сетки «стрела», оформленный двумя средствами с их однократной сменой, в исследуемых текстах не представлен. Это

может быть связано с тем, что в целом тексте для выражения временных отношений используются разнообразные средства, и авторы отдают предпочтение именно таким сеткам.

Таким образом, понятие «темпоральная сетка гороскопа» включает в себя также и ее рисунок, ритм смены глагольных форм. Тем самым языковые средства дополняются неязыковыми характеристиками и дают более полную картину темпоральной сетки. В гороскопе наиболее частотным является рисунок темпоральной сетки «качели», оформленный разнообразными переходами глагольных форм. Для выражения прогноза используются также рисунок политемпоральной сетки «маятник» и рисунок монотемпоральной сетки «цепочка-пунктир».

Библиографический список

1. Бобкова, П. В. Темпоральная структура текста газетного политического дневника (на материале британской прессы) [Текст] / П. В. Бобкова // Вестник МГЛУ, 2013. – № 17 (677). – С. 114-125.

2. Боднарук, Е. В. Категория футуральности в немецком языке [Текст] / Е. В. Боднарук. – Архангельск : САФУ, 2016. – 152 с.

3. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени [Текст] / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 260 с.

4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 1981. – 144 с.

5. Гулыга, Е. В., Шендельс, Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.

6. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / М. Н. Кожина. – М. : «Флинта», «Наука», 2003.

7. Ноздрина, Л. А. О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений [Текст] / Л. А. Ноздрина // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 39-46.

8. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика) [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.

9. Шубик, С. А. Поле футуральности в истории немецкого языка [Текст] / С. А. Шубик // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб. : Наука, 2005. – С. 244-251.

10. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

Reference List

1. Bobkova, P. V. Temporal'naja struktura teksta gazetnogo politicheskogo dnevnika (na materiale britanskoj pressy) = Temporal structure of the political diary newspaper text (on material of the British press) [Tekst] / P. V. Bobkova // Vestnik MGLU = Bulletin of MSLU, 2013. – № 17 (677). – S. 114-125.

2. Bodnaruk, E. V. Kategorija futural'nosti v nemeckom jazyke = Category of futureness in German [Tekst] / E. V. Bodnaruk. – Arhangel'sk : SAFU, 2016. – 152 s.

3. Bondarko, A. V. Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija idei vremeni = Fundamentals of functional grammar: Language interpretation of the idea of time [Tekst] / A. V. Bondarko. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 260 s.

4. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of a linguistic research [Tekst] / I. R. Gal'perin. – Izd. 5-e, stereotipnoe. – M. : KomKniga, 1981. – 144 s.

5. Gulyga, E. V., Shendel's, E. I. Grammatiko-leksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke = Grammatical and lexical fields in modern German [Tekst] / E. V. Gulyga, E. I. Shendel's. – M. : Prosveshhenie, 1969. – 184 s.

6. Kozhina, M. N. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of Russian [Tekst] / M. N. Kozhina. – M. : «Flinta», «Nauka», 2003.

7. Nozdrina, L. A. O kategorial'nom statuse nekotoryh lingvisticheskih javlenij = On the categorial status of some linguistic phenomena [Tekst] / L. A. Nozdrina // Vestnik VGU. Serija Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija = Bulletin of VSU. Linguistics series and cross-cultural communication. – 2001. – № 2. – S. 39-46.

8. Turaeva, Z. Ja. Lingvistika teksta: (Tekst: struktura i semantika) = Text linguistics: (Text: structure and semantics) [Tekst] : ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostr. jaz.» / Z. Ja. Turaeva. – M. : Prosveshhenie, 1986. – 127 s.

9. Shubik, S. A. Pole futural'nosti v istorii nemeckogo jazyka = The field of futureness in the history of German [Tekst] / S. A. Shubik // Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury = Problems of functional grammar. Field structures. – SPb. : Nauka, 2005. – S. 244-251.

10. Shhur, G. S. Teorii polja v lingvistike = Theories of the field in linguistics [Tekst] / G. S. Shhur. – M. : Nauka, 1974. – 255 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10210

УДК 811.11

М. М. Кондратенко

https://orcid.org/0000-0002-8777-541X

Славянские заимствования в южнонемецкой лексике традиционной культуры (на материале говоров немецких переселенцев)

Статья выполнена в рамках научного проекта «Лексика народной мифологии Баварии как источник сопоставительных славяно-германских этнолингвистических исследований», реализованного в исследовательском центре «Немецкий язык в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе» университета г. Регенсбург (Германия) при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD)

Статья основывается на результатах исследования в области славяно-германского диалектного взаимодействия, а именно: на выявлении заимствований в говорах немецких переселенцев. В основе анализируемого лексического материала лежат прежде всего данные «Атласа немецких диалектов в Чехии» («Atlas der deutschen Mundarten in Tschechien»), а также некоторые наименования персонажей народной мифологии, зафиксированные в говорах выходцев из Австрии (носителей среднебаварского диалекта) в Карпатах. Собранный материал позволил сделать выводы о тематических группах слов, наиболее подверженных влиянию славянских диалектов, а также об ареальных аспектах процесса заимствования. В семантической сфере «народная мифология» отмечена тенденция к обозначению с помощью заимствованной лексики тех персонажей со сверхъестественными способностями, которые негативно воздействуют на людей. Среди наименований объектов растительного и животного мира в количественном отношении выделяются заимствованные наименования ягод и насекомых. Для изучаемых немецких говоров характерна манифестация с помощью заимствованной лексики в первую очередь не центральных, родовых семем («животные», «растения», «фрукты»), а периферийных. Изучение славянских языковых элементов в немецких диалектах позволяет в ряде случаев выявить критерии определения их источника. Так, на возможное происхождение заимствований из нижне- или верхнелужицкого языков может указывать наличие таковых в верхнесаксонских и/или силезских немецких говорах, помимо южнонемецких. Выбор именно диалектных данных обусловлен тем, что исследование в рамках определенной группы говоров (например, выходцев из Зальцкаммергута в Австрии) позволяет более точно стратифицировать этнолингвистические явления и тем самым повысить системность и достоверность выводов.

Ключевые слова: этнолингвистика; немецкая диалектология; обозначения растений и животных; диалект и традиционная культура; семантическая реконструкция.

Kondratenko M. M. Slavic Borrowings in the South German Lexicon of Traditional Culture (on the material of German immigrants' dialects)

The article is based on the research results in the field of the Slavic-Germanic dialect interaction, namely: in identification of borrowings in the German immigrants' dialects. First of all data of «The atlas of the German dialects in the Czech Republic» («Atlas der deutschen Mundarten in Tschechien») and also some names of national mythology characters recorded in Austrian natives' dialects (bearers of the Middle Bavaria dialect) in the Carpathians are the cornerstone of the analyzed lexical material. Collected material allowed us to draw conclusions on theme groups of the words which are mostly influenced by Slavic dialects and also on areal aspects of the process of borrowing. In the semantic sphere «the national mythology» there is noted a tendency to designation by means of the borrowed lexicon of those characters with supernatural abilities which negatively influence people. The borrowed names of berries and insects are in a quantitative sense distinguished from names of objects of plant and animal life. The demonstration by means of the borrowed lexicon first of all not of the central, patrimonial sememes («animals», «plants», «fruits»), but the peripheral one is characteristic of the learned German dialects. Studying of the Slavic language elements in the German dialects allows us to reveal criteria to define their source in some cases. So, the fact of borrowings from lower or Upper Sorbian languages can point out the presence of those in Upper Saxon and/or Silesian German dialects besides the South German. The choice of dialect data is caused by the fact that the research within a certain group of dialects (for example, natives of Salzkammergut in Austria) allows us to stratify more precisely ethnolinguistic phenomena and by that to increase systemacity and reliability of conclusions.

Keywords: ethnolinguistics; German dialectology; designations of plants and animals; dialect and traditional culture; semantic reconstruction.

© Кондратенко М. М., 2018

Славяно-германские исследования представляют собой уже ставший традиционным раздел компаративистики. В центре внимания лингвистов оказывается взаимодействие немецкого и западнославянских [4; 11; 15; 19], немецкого и восточнославянских [21; 24] языков. В ряде случаев речь идет об отдельных аспектах данного взаимодействия, в частности об особенностях калькирования [17] или о фразеологических заимствованиях [14]. Однако до сих пор эти штудии посвящены преимущественно немецким заимствованиям в славянских языках. В последнее время появились работы, в которых отражены итоги изучения воздействия славянских языков на немецкий. Здесь стоит назвать труды польских лингвистов Я. Сятковского [20] и М. Стаховского [22]. Однако работы именно в этом направлении еще не столь многочисленны.

Особый интерес вызывает выявление семантических сфер немецких диалектов, в которые проникают славянские элементы, а также ответ на вопрос, из каких славянских языков они происходят. Чтобы прояснить эти аспекты, в качестве объекта исследования были использованы обозначения животных и растений, зафиксированные в говорах немецких переселенцев на территории Чехии. Выбор тематики обусловлен тем, что в этой группе лексики хорошо проявляются особенности номинации реалем традиционной культуры.

Что касается предпочтительного материала для анализа, то диалектные данные представляются заслуживающими наибольшего внимания, поскольку именно они свидетельствуют о результатах непосредственного общения носителей языка в отличие от данных литературного языка, которые сильно опосредованы влиянием книжной культуры.

Исторически выделяются несколько зон как старых, так и относительно новых (начиная с XVIII в.) славяно-немецких контактов. Среди них можно отметить, помимо Силезии, Чехии, территорию Карпат, где проживало значительное по количеству немецкоязычное население, переселившееся в основном из Зальцкаммергута, зоны южнонемецких (среднебаварских) говоров [8, с. 69]. Эти диалектные области представляют собой важный источник сведений для изучения языковой и культурной интерференции.

Так, некоторые особенности процесса заимствований можно отметить в немецких говорах, бытовавших в Карпатах. Их количество довольно значительно как в сфере профессиональной (связанной с деревообработкой), так и ритуальной лексики: высохший ствол дерева получал наименование *suchar* (от словацкого слова со значением «сухой») [9, с. 425]; пасхальная трапеза (*Osterfrühstück*) называлась здесь *Paska*, а особый хлеб, специально выпекаемый для нее – *Kolatsch* или *Kulatsch*. Среди различных произведений устного народного творчества выделялась *Kaska* (*Geschichte*) [9, с. 19]. Интересно, что в Карпатах (район современной границы Румынии и Украины) женщина, обладавшая способностью колдовать или даром предсказывать, в немецких говорах именовалась *Russnatschka* (diminutiv от *Russka* «украинская (русинская) женщина»). Такой персонаж народной демонологии, как оборотень (нем. *Werwolf*), получал в данном регионе (называемом по-немецки *Wassertal*) заимствованное обозначение *tår Trikulitsch* [9, с. 435]. Этот человек обычно относился к девятому по счету внебрачному поколению. Если он три раза перекувыркнется над кротовиной, то благодаря дьявольской силе превратится в волка или другого зверя. Согласно поверьям, им обычно был украинец (или румын). Таким образом, в заимствованиях, проникающих в лексику традиционной духовной культуры выходцев из альпийской части Австрии, можно отметить характерную тенденцию рассматривать «злую» силу как чужую и обозначать ее с помощью заимствования.

Значительный по объему и очень важный для исследования междиалектной интерференции материал предоставляют данные немецких (в основном баварских по происхождению) говоров в Чехии. В них представлены славянские заимствования, различные по ареальным, словообразовательным, семантическим и культурным критериям.

1. Словообразовательные особенности заимствований

Славянское влияние в немецких говорах проявляется в использовании некоторых заимствованных служебных морфем. Так, для наименования остатка яблока используются лексема *Butzka* (здесь и далее славянские заимствования в немецких диалектах Чехии даются по [2]). Эту форму можно рассмотреть как гибридную между нем. *Butzen* и чеш. *pecka*, обозначающей косточку яблока [23, с. 1143]. Здесь речь идет о говорах в южной части Богемии, которые в большей степени, чем немецкие диалекты в других регионах, находились под влиянием окружаюх их чешских.

Обозначение огурца *Gurka* также можно считать чешским заимствованием, так как окончание –а необычно для немецкого материала, но является употребительным в чешском, где стандартное обозначение огурца – *okurka*. К чешскому влиянию нужно отнести и форму с протетическим w: *wokurke* [23, с. 1088].

Для паука отмечено гибридное наименование *Spinnepuuk*, включающее чешскую и немецкую составные части. В чешских говорах согласно [3, II, Karte 57] для обозначения паука характерна форма *pouk, púk*.

2. Лексические заимствования

2.1. Наименования растений

В обозначениях стебля растений можно предположить чешское происхождение лексем *Stebel* und *Stiebler*, поскольку *stéblo* [6, II, с. 1055] в данном значении является нормативным, а *stýblo* – разговорным словом в чешском языке [3, III, 174/65]. В немецком материале для подобных форм не удается получить объяснения.

Для наименования колоса в южной и западной Моравии встречается редкая форма *Klass*, в которой содержится явное указание на чешское происхождение, поскольку по-чешски эта реалема называется именно так – *klas* [23, с. 654].

Форма *Jassan*, отмеченная в южной Моравии для обозначения ясеня, восходит к чешскому *jasan* [23, с. 567].

В качестве дополнительного варианта названия ольхи в северной и западной Богемии появляется форма *Olsche* и композит *Olschenbaum*. В чешском это дерево называется *olše* [23, с. 1089].

Интерференция с чешским возможна в южноморавском обозначении еловых иголок *Budlitschken*, так как в чешских говорах встречается *bodličí* [3, II, 186/72], что можно перевести на немецкий как «колючка, жало» (чеш. *bodec* обладает именно этим значением) [23, с. 89]. Здесь речь идет о производном от чешского диминутива *bodlička* [23, с. 89].

В обозначениях папоротника отмечена лексема *Borotitz*. Возможно, в этом случае мы имеем дело с народной этимологией применительно к *borovice* «сосна» [23, с. 97], если учесть, что высокий папоротник растет прежде всего в светлых сосновых лесах.

Примером одного из самых известных заимствований служит *Bramboren* «картофель», восходящее к чешскому *brambory*, которое, в свою очередь, связано с немецким топонимом Бранденбург [7, с. 75]. Славянское происхождение (из чешского или польского) имеет также *Kapuste, Kapust*, уменьш. *Kapustel* «савойская капуста».

Особенно много заимствований отмечено в немецких говорах в Чехии в семантической сфере «ягоды». С помощью чешской по происхождению лексики манифестируется целый ряд семем.

Ежевика. *Ostruschini*. Данное слово имеет чешское происхождение, так как *ostružiny* Pl., *ostružina* [23, с. 1106]) обозначает именно эту ягоду, причем i/y в конце формы не типично для немецкого языка, но в чешском является обычным выражением множественного числа.

Черника. *Haffere*. Это слово заимствовано из пограничных со словацкими моравских говоров и звучит там как *hafera* [3, II, 232/96]. Можно предположить, что эта форма заимствована в свою очередь из словацкого языка, где она далее возводится к венгерскому *áfonya*. Для обозначения черники в этой диалектной зоне также используется *Boruhfke* из чешского *borůvka* [23, с. 97].

Брусника. *Brussinen, Brussinkerlein* выводятся из чешского слова *brusinka* [6, I, с. 83].

Karlatke для обозначения сливы возводится к чешскому *karlátko, karlátka* [23, с. 633], причем диалектная форма в Моравии часто звучит как *kadlátka*. Подобное обозначение народная этимология связывает с императором Карлом IV, который якобы поощрял разведение сливы. Если принять это объяснение, то *karlatke* можно перевести как уменьшительную форму от имени Карл.

Шиповник. *Schipker* и *Schiepel*. Обе формы имеют чешское происхождение: *šípek*, Pl. *šípky* [6, II, с. 1166).

2.2. Обозначения животных

Бык. Вариант *Bieck* (*Wääjk*) (мена b и w распространена в немецких говорах) происходит из чешского *býk* [23, с. 128], как и название вола *Wuhl* в северо-западной зоне моравских говоров из *vůl* [23, с. 1678].

Для обозначения козы и козла в некоторых немецких говорах южной Моравии используются чешские слова *koza* и *kosel* [23, с. 742], а также композит *Kosabock*, что подтверждается у Келльнера [10, с. 368]. Единичным вариантом обозначения является *Zapp* (восточная Моравия). Вероятнее, это слово было заимствовано из соседних северо-восточных чешских говоров, поскольку именно в том регионе Чехии козел обозначается как *cap* [3, III, 462/208]. Кроме того, в соседнем словацком *cap* обычное слово для обозначения козла [12, I, с. 171; 16, I, с. 155]. В словаре немецких силезских говоров лексема *Zapp* дается в качестве ругательства [13, с. 1520].

Название кабана *Baschke* может быть связано с подзывным словом *basch-basch* для свиней и с *pašík, pašek*. Эти формы встречаются спорадиче-

ски в чешских говорах в Богемии и реже – в Моравии [3, III, 464/209].

Шкура животного, мех периодически обозначаются в южной Моравии как *Baraniza*. Это слово происходит из чешского (*beranice* [23, с. 56]) и обозначает мех овцы или шапку из этого меха. Заимствование восходит по своему звуковому облику к моравско-словацкой пограничной зоне.

Наименование гуся *Hußer* возникло под чешским влиянием, поскольку в чешском *houser* обладает именно этим значением [23, с. 459] и появляется прежде всего в диалектах Моравии [3, III, 524/240]. Это относится и к гибридной форме *Houßerer*. Обозначение маленького гуся *Husserlein* также восходит к чешскому *husa* «гусь» [23, с. 490] и *house/housátko* «маленький гусь» [23, с. 458]. При этом используется немецкий суффикс диминутива.

Одно из обозначений утки *Katsche* является славянским; так, в говорах Моравии утку называют *kačena* [3, III, 536-37/246]. В польском зафиксировано *kaczka*, в лужицком *kačka* [18, II, с. 476], что не позволяет исключать возможности заимствования из этого региона. Название селезня *Katscher* является также чешским, поскольку там встречается *kačer* в данном значении [3, III, 538/247]. Так же, как и в названиях гуся, здесь отмечены гибридные наименования со славянским корнем и немецким суффиксом: *Katscherer* und *Katscherich*.

Чешским по происхождению является название крота *Kreeter*, поскольку связь с каким-нибудь немецким словом установить не представляется возможным, а в чешском крот – *krtek* [23, с. 768].

К заимствованиям из чешского следует также отнести названия ласки *Lassitschka* в северо-западной Моравии из *lasička* [23, с. 818], лягушки – *Schabba* из чеш. *žába* [23, с. 1780] или pol. *żaba* (в словаре верхнесаксонского диалекта [25, I, с. 689] это заимствование объясняется лужицким влиянием – из *žaba* [18, 4, с. 1937]); сороки – *Stracka* из *straka* [23, с. 1458] в западной Богемии и южной Моравии.

В немецких говорах в Чехии были широко распространены заимствованные наименования различных насекомых.

Оса. Формы *Wossa* und *Wossaak* возникли явно под влиянием чешского *vosa* [23, с. 1666]. Суффикс –ák указывает на форму мужского рода, слово распространено прежде всего в говорах Южной Моравии [3, II, 140/50].

Шершень. Наименование *Srschaak* возводится к чешскому *sršeň* [23, с. 1442]. Диалектный чешский вариант, характерный для данной местности, может звучать как *sršák* [3, II, 142/51].

Шмель. В немецких говорах в Чехии была отмечена единичная форма *Tschmelaak*, восходящая к чешскому *čmelák* [23, с. 194]. К этой же группе заимствований можно отнести обозначения бабочки *Mottil* из чешского *motýl* [23, с. 951]; моли *Molle* из *mol* [23, с. 945]; комара *Kommahr* из *komár* [23, с. 696];

Овод, слепень. *Howado* и *Owahden* указывают на чешские формы: *ovád* в литературном языке [23, с. 1113] и *hovado* в диалектах Моравии [3, II, 148/53].

Муравей. *Mrawenzen* из *mravenec* [23, с. 954].

Клещ. Вариант *Pieahk* представляет собой заимствование из чешского *piják* «клещ» [6, II, 88].

Основной целью настоящей статьи было выявление групп южнонемецкой диалектной лексики, которые оказываются наиболее подвержены заимствованиям из славянских говоров.

Исследование показало, что славянские заимствования представлены на 52 картах из 199 карт и комментариев «Атласа немецких диалектов в Чехии», что составляет одну четверть от всех картографируемых значений. Таким образом, количество заимствований довольно значительно. Большинство из них восходят к чешскому языку.

Можно отметить некоторые закономерности в заимствованиях из чешского: не фиксируется заимствованная лексика с родовым значением (то есть обозначающая как таковые цветы, овощи, фрукты, грибы). Наибольшие по своему составу тематические группы заимствований в семантических сферах «флора» и «фауна» составляют обозначения ягод и насекомых. Помимо названных выше примеров в немецких говорах Чехии отмечены заимствованные названия ржи, льна, кормовой свеклы, ивы, мха, фиалки, а в обозначениях животных – овцы, петуха, индюка, улитки.

С точки зрения ареального аспекта заимствований, или географии их источников, в говорах немецких переселенцев в Чехии выделяются заимствования из не славянских языков, но общие для немецких и славянских говоров. Так, лексема *kukuruz* «кукуруза» пришла, очевидно, с балканского полуострова и проникла как в немецкие, так и в чешские говоры. *Dorschen* «кормовая свекла» наряду с чешским *tuřín* «брюква», «турнепс» [23, с. 1582] восходит предположительно к греческому *thyrsus* «ствол, палка», то есть первоначально речь шла, по-видимому, о растении с крепким стеблем. Это означает, что данная лексема на границе Богемии и Моравии претерпела семантический сдвиг.

Один из вариантов обозначания гвоздики *Karafolaat* можно возвести к чешскому *karafiát* [23, с. 631], хотя не славянское происхождение этой лексемы не вызывает сомнения.

Отдельные примеры в немецких говорах в Чехии отражают тенденцию к заимствованию номинаций, маркированных повышенным социальным престижем. Так, обозначение букета *Strauß* (как в литературном немецком) имеет параллельный вариант *Bukett* и уменьшит. *Bukettlein*. Заимствование служит для различения «обычного» и «лучшего» букета. В местности Обер-Георгенталь (Ober-Georgenthal) лексема *Bukettl* употреблялась по отношению к «лучшему».

Кроме того, для некоторых заимствований можно предположить польское или лужицкое происхождение.

Buraak «кормовая свекла» происходит из польского *burak*. В польском это распространенное обозначение для свеклы [1, с. 323]. В чешском языке данное слово также присутствует и рассматривается как заимствование [23, с. 125].

Достаточно распространена в немецких говорах Чехии возникшая под славянским влиянием форма *šiška* (diminutiv *Schischkerla*) *«еловая шишка»*. Соответствующая лексема представлена и в чешском языке [23, с. 1497]. Однако можно предположить и лужицкое влияние, поскольку существует аналогичное лужицкое слово [18, III, с. 1349). Кроме того, версия о лужицком происхождении подкрепляется наличием подобного заимствования в верхнесаксонских говорах [25, 4, с. 360) и немецких говорах Силезии [13, 3, с. 1364].

Библиографический список

1. Aniół-Kwiatkowska, J. Wielojęzyczny słownik florystyczny / J. Aniół-Kwiatkowska. – Wrocław, 2003.

2. Atlas der deutschen Mundarten in Tschechien. Band VI. Lexik I: Pflanzen und Tiere / Tübingen: Francke Verlag, 2014.

3. Balhar, J. Český jazykový atlas. 5 Bde / J. Balhar. – Praha, 1992-2005.

4. Hentschel, G. Intensität und Extensität deutsch-polnischer Sprachkontakte von den mittelarterlichen Anfängen bis ins 20. Jahrhundert am Beispiel deutscher Lehnwörter im Polnischen / G. Hentschel // Unsere sprachlichen Nachbarn in Europa. Die Kontaktbeziehungen zwischen Deutsch und seinen Grenznachbarn. – 2009. – Bochum : Brockmeyer. – S. 155-171.

5. Hentschel, G., Menzel T. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Teschener Dialekt des Polnischen / G. Hentschel, T. Menzel // Studia Slavica Oldenburgensia, Band 10. – Oldenburg, 2003.

6. Herzer, J., Prach, V. Českoněmecký slovník. 2 Bde / J. Herzer, V. Prach. – Praha, 1909-1920.

7. Holub, J., Kopečný, F. Etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, F. Kopečný. – Praha, 1952.

8. Ilk, A.-J. Die mythische Erzählwelt des Wassertales. Herausgegeben vom Adalbert-Stiftung-Institut des Landes Oberösterreich / A.-J. Ilk. – Linz, 2010.

9. Ilk, A.-J. Die Unsterblichkeit der Wildfrauen. Schriften zur Literatur und Sprache in Oberösterreich, Band 21. Herausgegeben vom Adalbert-Stifter-Institut des Landes Oberösterreich / A.-J. Ilk. – Linz, 2017.

10. Kellner, G. Die Mundart von Morbes. Morbes: Werden und Wirken einer deutschen Sprachinselgemeinde in Mähren / G. Kellner. – Brno, 1997.

11. Łaziński, M. Słownik zapożyczeń niemieckich w polszczyźnie. Słowa bez granic / M. Łaziński. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2008.

12. Majtán, M., Blanár, V., Kotelič, I. Historický slovník slovenskeho jazyka. 7 Bde / M. Majtán, V. Blanár, I. Kotelič. – Bratislava, 1991-2008.

13. Mitzka, W. Schlesisches Wörterbuch, 3 Bde / W. Mitzka. – Berlin, 1962-1965.

14. Mokienko, V. M. Phraseologische Germanismen im Russischen / V. M. Mokienko // Zeitschrift für Slavistik, 37 (1). – 1993. – S. 129-150.

15. Newerkla, S. M. Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch / S. M. Newerkla. – Frankfurt am Main, 2004.

16. Peciar, Š. Slovník slovenskeho jazyka. 6 Bde / Š. Peciar. – Bratislava, 1959-1968.

17. Ráduly, Z. O kalkach niemeckich w językach słowiańskich / Z. Ráduly // Studia Slavica Hungarica. 48 (1-3). – S. 235-243.

18. Schuster-Šewc, H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache, 5 Bde / H. Schuster-Šewc. – Bautzen, 1980-1996.

19. Siatkowski, J. Interferencje językowe na Warmii i Mazurach / J. Siatkowski // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 21. – 1983. – S. 103-115.

20. Siatkowski, J. Studia nad słowiańsko-niemieckimi kontaktami językowymi / J. Siatkowski. – Warszawa : Uniwersytet Warszawski, 2015.

21. Squires, C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen mit einer Vergleichstudie über die Hanse in England. Niederdeutsche Studien / C. Squires. – Köln : Böhlau, 2009.

22. Stachowski, M. Slavische Spuren des niederdeutschen Vogelnamens Heister «Elster» / M. Stachowski // Die Welt der Slaven, LVII (2), 2012. – S. 344-350.

23. Trávníček, F. Slovník jazyka českého / F. Trávníček. – Praha, 1952.

24. Wilpert, C. Die deutschen Lehnwörter im Huzulischen / C. Wilpert. – Würzburg, 2003.

25. Wörterbuch der obersächsischen Mundarten. 4 Bde / Berlin, 1994-2003.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10211

УДК 811

Е. А. Глебова

https://orcid.org/0000-0002-2284-631X

Концепт медийной глобализации на материале англоязычных СМИ

Данная статья рассматривает концепт медийной глобализации в концептосфере лингвокультурного концепта «глобализация» посредством анализа его понятийной, образной и ценностной составляющих. Рассмотрение понятийной составляющей исследуемого концепта стало возможным благодаря изучению современных медиаисточников и медиаплощадок, делающих обмен процесса информации в мире простым и в то же время всеохватным. Образная составляющая концепта медийной глобализации раскрылась в публицистических текстах преимущественно через метафоры неуправляемого природного процесса, позволяя прочувствовать масшабность и стихийность исследуемого концепта в своей реализации. Ценностная составляющая представлена двумя группами взглядов на процесс медийной глобализации. С одной стороны, средства мультимедиа способствуют процессу познания и общения с окружающим миром; с другой же стороны, обнажается кризис идентичности личности, неспособной справиться с высокоскоростной технологичностью этого мира. Источниками материала исследования послужили фрагменты печатных текстов периодических американских и английских изданий, содержащих апелляцию к изучаемому концепту. Целью данного исследования является изучение концепта медийной глобализации на материале англоязычных средств массовой информации. Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи: 1) исследовать концепт глобализации в англоязычных СМИ и 2) выявить и проанализировать концепт медийной глобализации, составляющий содержание концептосферы концепта «глобализация». В качестве основных методов исследования применялись интерпретативный, стилистический и количественный методы. Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем лингвокультурной концептологии и проблем глобалистики. Показана сложность и противоречивость феномена глобализации в концептуальной картине мира.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, глобализация, медиа, медийная глобализация, лигвокультурный, англоязычные СМИ.

E. A. Glebova

Concept of Media Globalization on the material of English-language media

The article under consideration studies the concept of media globalization in the concept-sphere of the linguocultural concept «globalization» through its conceptual, figurative and value-based components. The study of the conceptual component became possible due to the research of modern media sources and media outlets that make information exchange process easy but inclusive in the world. The figurative component of the media globalization concept revealed in publicistic texts mainly through metaphors of uncontrolled natural processes allowing to feel all immensity and spontaneity of the concept under analysis. The value-based component is presented by two opinion groups. On the one hand, multimedia means contribute to the process of perception and communication with the world around; but on the other hand, we find the identity crisis of a personality not able to cope with high-speed technologies of this world. The main sources of the research are excerpts of printed texts in American and English periodical press, appealing to the concept under analysis. The **objective** of the research is to analyze the concept of media globalization on the basis of English-language mass media. To achieve the purpose, the following **points** were determined: 1) to study the concept of globalization in English-language mass media and 2) to find and analyze the concept of media globalization, a constituent part in the concept-sphere of the concept «globalization». The main **methods** are the interpretation analysis, stylistic and quantitative methods. The **theoretical implications** of the research are the contribution to the development of linguocultural conceptology and globalistics problems. The complexity and discrepancy of the phenomenon of globalization is shown in the conceptual picture of the world.

Keywords: concept, concept-sphere, globalization, media, media globalization, linguocultural, English-language mass media.

Введение

Важнейшая характеристика современной мировой системы – это глобализация, являющая собой многомерный процесс, реализацию которого можно одновременно проследить на разных уровнях: и на уровне рынка, финансов и производства, и на уровне коммуникаций. Глобализация в сфере коммуникаций представляет собой беспрепятственное круглосуточное движение информационных потоков, в которых циркулирует медиаконтент вне зависимости от национальной принадлежности его создателей. В связи с этим нам представляется правомерным исследовать данный процесс с лингвокультурологической точки зре-

© Глебова Е. А., 2018

ния, фокусируя наше пристальное внимание на составляющем концептосферу лингвокультурного концепта «глобализация» концепте медийной глобализации.

Тема глобализации является объектом обсуждения в средствах массовой информации англоязычных культур, преимущественно, в текстах информационно-аналитического содержания. Принимая во внимание реализацию идеологической функции данными средствами массовой информации и способствуя тем самым формированию лингвокультурного концепта глобализации в общественном сознании, проведем наше исследование на периодических американских и английских изданиях.

Материалы и методы

В ходе исследования было проанализировано свыше 200 фрагментов информационно-аналитических текстов следующих английских изданий *The Times (2004, 2006, 2007, 2008), The Guardian (2007), The Sunday Times (2004, 2008), The Economist (2006, 2007, 2008) …* и американских изданий *The New York Times (1998, 2004, 2006, 2007, 2008), The San Francisco Chronicle (2007, 2008), The USA Today (2006, 2007)….* Изучению подверглись фрагменты печатных текстов, содержащих апелляцию к концепту медийной глобализации.

На основе количественного анализа (частотности апелляции к концептам в фрагментах печатных текстов) можно констатировать, что исследуемый концепт раскрывается через концепт информационных технологий (около 110 фрагментов статей) и концепт стирания границ (около 80 фрагментов статей).

Рассмотрим лингвокультурный концепт медийной глобализации, подвергнув анализу его понятийный, образный и ценностный компоненты.

Понятийная составляющая концепта медийной глобализации

Исследуемый нами концепт, концепт медийной глобализации, эксплицируется посредством таких сочетаний, как «медиаконгломераты», «глобализированные средства коммуникации», глобальная медиаиндустрия, медиаландшафт и др.: *media conglomerates, globalized media, global media industry, media landscape* … Это, с одной стороны, указывает на масштабность и всеохватность процесса медийности и отражает, с другой стороны, существенные изменения, произошедшие в нашем сознании в восприятии окружающего нас информационного пространства и его смыслового наполнения.

Если проанализировать основные факторы, содействующие глобализации информационного пространства мирового информационного сообщества, то среди них можно выделить следующие:

1. Развитие глобальной системы телевидения и радиовещания на основе использования спутниковых систем связи, покрывающих сегодня всю поверхность земного шара. Благодаря этому практически в любой точке нашей планеты сегодня обеспечивается прием нескольких телевизионных и радиопрограмм крупнейших мировых теле- и радиокомпаний (такие медиагиганты, как CNN, BBC, Euronews…), которые работают круглосуточно и передают важнейшие новости, а также сведения из области экономики, науки, образования и культуры.

2. Развитие глобальных информационно-телекоммуникационных сетей. Ярким примером здесь является сеть Интернет, которая сегодня охватывает практически весь земной шар и количество пользователей в которой продолжает непрерывно возрастать. Любая информация может проделать маршрут в 15.000 миль за секунды: *“The globalization paradigm emphasizes the fact that information can now travel 15,000 miles in an instant”* [3]. Если радиовещанию потребовалось 40 лет, чтобы завоевать аудиторию в 50 миллионов человек, телевидению – 15 лет, то глобальной сети WWW – всего 3 года [14, с. 11-15].

3. Глобализация телефонной связи, в том числе мобильной. По мобильному телефону уже сегодня можно связаться с абонентами во многих развитых странах мира, а через несколько лет эта сеть будет охватывать уже всю нашу планету.

4. Появление принципиально новых средств и технологий для информационных коммуникаций. Здесь, прежде всего, необходимо отметить персональные цифровые коммуникаторы, представляющие собой портативные устройства, обеспечивающие интеграцию функций мобильного телефона, терминала сети Интернет и миниатюрной видеокамеры. Кроме того, очень быстро развиваются технологии интернет-телефонии и цифровые возможности обычных телевизионных приемников [2].

Таким образом, проанализированная выше информация позволяет нам определить понятийную составляющую концепта медийной глобализации, как совокупность медиаисточников и медиаплощадок, направленных на упрощение обмена информацией и расширение коммуникативного про-

странства в международном масштабе.

Образная составляющая концепта медийной глобализации

При рассмотрении образной составляющей исследуемого концепта возникает картинка «глобальной деревни»: *«technological advances have created the impression of a "global village"»* [9]. Под глобальной деревней имеется в виду все современное общество и как оно воспроизводится с помощью «электрических» средств общения (телевидения, радио, кино, телекоммуникаций): «*the world viewed as a community in which distance and isolation have been dramatically reduced by electronic media (as television and the Internet)»* [11]. Мир в восприятии людей сжимается и сужается до имеющей четко очерченные границы «деревни». Данная метафора отражает и унификацию мирового пространства. Глобализация средств массовой информации создает единую медиареальность для всех жителей нашей планеты, поскольку международные информационные агентства повествуют, как правило, об одних и тех же событиях, формируя впоследствии культуру индивидов разных стран и стирая межкультурные границы. Это демонстрируют следующие эпитеты, акцентирующие внимание на процессах взаимосвязи людей и стран: "*a world* ***dominated by*** *our technology"* [16], "*all the countries of the world when thought of as being* ***closely connected*** *by modern communication…"*[5], "*we live in a globalized world of complex media* ***connectivity"*** [8], "*Media globalization may even be leading the way toward development of a broadly held moral consensus. At the very least it is provoking necessary conversations about issues that affect everyone in our* ***interconnected world*****"** [17].

Концепт медийной глобализации не только масштабен в своей реализации, но и стихиен. Метафора неуправляемого природного процесса, волны, показывает, как индивиды разных стран становятся постепенно вовлеченными и включенными в единую медиареальность. Вне зависимости от нашей воли мы все начинаем погружаться в океан под названием «медийность»: "*This new world of online entertainment may be far from flat, and a new* ***wave*** *of media globalization may, at best, prove to be* ***a ripple,*** *a consequence of the disruptive* ***undulations*** *of technology and media capital and innovation in the digital age»* [7, с. 115].

Метафора воина «*a global* ***warrior,*** *armed with mobile phones and laptop…»* [18] доказывает, что современный человек уже не мыслит себя без использования информационно-технологических средств. Вооружившись мобильным телефоном, ноутбуком, он чувствует себя неким «супергероем», способным ответить на любой вызов информационного общества.

Чувствуя «сверхсилу», современный человек мобилен и легко перемещается в географическом пространстве. Он живет и работает в самолетах и аэропорту, проводит за день деловые встречи в разных часовых зонах и почти никогда не видит свою семью. Он своего рода представитель нового класса людей, именуемый как «астронавт 21 века» [18]. Оксюморон «*a new floating class that lives* ***everywhere*** *and nowhere»* [18] усиливает утрату значений территории и расстояния, человек превращается в «гражданина мира», живущего везде и в то же время нигде.

Медийная глобализация сравнивается с процессами мировой важности, оказавшими влияние на жизнь людей и развитие государств, оставившими след в мировой истории. Сравнения апеллируют к изобретению печатного станка, значимости индустриальной революции и формам государственного правления и др. И это не случайно, поскольку медиа проникает во все сферы человеческой жизни, насыщая и наполняя их новыми смыслами: «*[Media globalization] … will be seen in time as one of those fundamental shifts or inflection points, like Gutenberg's* ***invention of the printing press, the rise of the nation-state,*** *or the* ***Industrial Revolution****–each of which, in its day produced changes in the role of individuals, the role and form of government, the ways business was done and wars were fought, the role of women, the forms religion and art took, and the way science and research were conducted, not to mention the political labels that we as a civilization have assigned to ourselves and our enemies»* [7, с. 120].

Автор убежден, что медийная глобализация уже оказывает влияние и продолжит существенным образом воздействовать на способ организации жизни людей: « *… media globalization currently does, and will continue to have a profound impact on the way people conduct their lives …»* [7, с. 213]. В связи с этим возникает вопрос о положительности или отрицательности данного влияния. С этой целью и рассмотрим ценностный компонент концепта медийной глобализации.

Ценностная составляющая концепта медийной глобализации

Анализируемый материал позволяет выделить две группы взглядов на процесс медиаглобализации.

Проглобалисты отмечают, что интернет, СМИ и мультимедиа являются главным источниками получения знаний и средствами передачи информации в современном мире, неоценимыми помощниками в процессе освоения окружающего мира и в процессе общения с ним: «…*fast* ***global communication,*** *online commerce, the ability to find the answer to almost any question on the web using a search engine and the many other wonders of the internet*…» [16]. Интернет дает возможности для экономического развития в индустриях, такой, например, как туризм: "*The internet may also facilitate opportunities for economic development in industries such as tourism"* [19]. Интернет и мобильная связь помогают и развивающимся странам в улучшении информационной инфраструктуры: *«The internet and technologies such as mobile telephony allow developing countries to leapfrog steps in their development of infrastructure»* и в повышении уровня доходов людей посредством доступа к различным базам данных в поисках работы: «*... technological upgrading is important for development, it provides a unique opportunity for low-income countries to raise per capita income»* [19].

С другой же стороны, антиглобалисты указывают на то, что появление интернета и компьютерных технологий притупляет не только наше реальное видение мира, но и нашу мозговую деятельность: «…*computer technologies changes people's awareness of themselves, of one another, and of their relationship with the world. A machine that appears to think challenges our notions not only of time and distance, but of mind»* [6]. Кроме того, интернет способствует порождению неравенства между людьми, поскольку преимущественно развитые страны принимают участие в информационной революции, а следовательно, имеют больше возможностей воспользоваться благами сети WWW: «*The internet is also creating new gaps between the rich and the poor. Rich countries have much greater access to the internet and communications services generally. We are moving from an industrial age, in which wealth was created by manufacturing, to an information age in which wealth is created by the development of information goods and services, ranging from media, to education and software. Poor countries are not taking part in this information revolution and are falling further behind»* [19].

К отрицательным последствиям глобализированной медиасистемы **«globalized media system»** исследователи С. Лякич и З. Рутович относят такие явления, как коммерциализация интересов в обществе, стереотипизация и унификация культуры, детрадиционализация культурных норм и ценностей, что, в свою очередь, обнажает кризис идентичности [13, с. 233-243].

Современный человек живет в так называемой «оцифрованной эстетизированной реальности» (*digitalized aestheticized reality* – термин З. Рутович). Это реальность, в которой высокотехнологичный проект *Google* знает ответы на все вопросы, интересующее человечество. Утрачивают значение библиотеки и книги, человеческое общение отодвигается на второй план. Поисковая система очень проста в использовании, и, самое главное, она всегда под рукой, то есть доступна (при наличии выхода в интернет). Такие понятия, как «легкость» и «удобство», становятся главными постулатами в жизни человека под влиянием процесса «гуглизации мира» (термин принадлежит исследователю Н. Карр) [4, с. 20].

Появляется новое поколение молодежи – «поколение С» или «поколение коммуникации» (*generation communication* – термин Л. Стейн), для которого очень важно «быть на связи» всегда и везде, то есть жить в режиме «*always-on*» [15, с. 12]. Реальная коммуникация все больше вытесняется онлайновым общением с виртуальными «френдами», что лишь имитирует подлинные отношения и обнажает потребность в настоящей дружбе. Длительное пребывание в условиях виртуальной реальности приводит к негативным психологическим, социальным и экзистенциальным нарушениям. Кроме того, это порождает различные интернет-зависимости и недуги. Например, британское издание «The Guardian» еще в 2007 г. осветило такой сетевой недуг, как «вилфинг» – «*wilfing*» (аббревиатура от фразы «*What was I looking for*?» – «Что же я искал?»). Симптоматику бесцельного нахождения в сети (переход с одного ресурса на другой и непонимание, какая информация нужна на самом деле) имеют две трети из общего числа британских пользователей сети Интернет, а по затратам времени это эквивалентно двум рабочим дням в месяц [10].

Привлекает интерес исследователей, например ученых П. Найэр и В. Буряк [1], и проблема огромного количества информации в эпоху медийной глобализации. Коммуникативные революции, такие как *«Facebook Revolution», «Blogging revolution», «Facebook Revolution»*; а также обеспечиваемая ими и средствами массовой информации скорость, адресность, вездесущность и оперативность получения необходимой информации ввергают человека в состоянии информационного коллапса (так называемый «информационный пе-

редоз» – термин встретился в работе исследователя П. Найэр) [12, с. 52]. Человек оказывается бессильным перед мегаинформационными массивами, что приводит к стрессовым состояниям и эмоциональному перенапряжению.

Результаты и выводы

Таким образом, анализ фрагментов печатных текстов периодических американских и английских изданий показал, что концепт медийной глобализации раскрывается через такие концепты концептосферы глобализации, как концепт информационных технологий и концепт стирания границ.

Четкое эксплицирование концепта медийной глобализации в печатных текстах периодических американских и английских изданий указывает на масштабность и упрощение обмена информацией, что ведет к расширению международного коммуникативного пространства.

Концепт медийной глобализации о фрагментах печатных текстов в основном раскрывается благодаря метафоричным образам (метафоры глобальной деревни, природного процесса, воина …), что демонстрирует стихийность и всеохватность явления медийной глобализации, проникающей во все сферы человеческой жизни и наполняя их новыми смыслами.

Оценить исследуемое явление крайне сложно. Поскольку, с одной стороны, получение необходимой информации для человека становится очень легким и быстрым процессом. С другой же стороны, человек становится заложником мегаинформации и часто не в состоянии с ней справиться ни эмоционально, ни когнитивно. В исследованных нами фрагментах печатных изданий преобладают отрицательные коннотации данного процесса.

В заключение хочется отметить, что медиаглобализация посредством научно-технической революции преобразует человеческое восприятие мира. Расширяется информационное пространство, что неизбежно приводит к изменениям в концептосферах культуры. Материал исследования показывает, что под воздействием глобализации появляются новые концепты и трансформируются уже существующие на уровне понятийной, образной и ценностной составляющих концептов, что объясняется стремлением общества не только понять новые явления, но и выработать определенное отношение к ним.

Библиографический список

1. Буряк, В. В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст [Текст] : монография / В. В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.

2. Колин, К. К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция [Электронный ресурс] / К. К. Колин // Глобализация: синергетический подход. – URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm

3. Brooks, D. OP–ED COLUMNIST; The Cognitive Age // The New York Times, May 2, 2008. – URL: https://www.nytimes.com/2008/05/02/opinion/02brooks.html (accessed: 20.08.2018)

4. Carr, N. The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google / N. Carr. – NY. : W. W. Norton & Company; 2009. – 304 p.

5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary CALD. – URL: http://dictionary.cambridge.org/define.asp?key=33176&dict=CALD

6. Discovery, April 2007. – URL: http://discovermagazine.com/2007/apr (accessed: 20.08.2018)

7. Friedman, T. L. The world is flat: A brief history of the twenty-first century / T. L. Friedman. – New York, NY : Farrar, Straus and Giroux, 2005. – 488 p.

8. Hepp A. Networks of the media: Media cultures, connectivity and globalization / A. Hepp. – URL: http://www.eurozine.com/articles/2004-07-08-hepp-en.html

9. Is the World Really Becoming a “Global Village”? – Режим доступа: http://www.chillibreeze.com/articles/global-village.asp

10. Lewis P. Wilfing on the web, the new British pastime / P. Lewis // The Guardian, 10th April, 2007. – URL: https://www.theguardian.com/technology/2007/apr/10/news.newmedia (accessed: 20.08.2018)

11. Merriam-Webster Dictionary Online. – URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary

12. Nayar, P. K. Virtual Worlds: Culture and Politics in the Age of Cybertechnology / P. K. Nayar – London : Sage, 2004. – 343 p

13. Rutovic Z. Economic aspects of media globalization / Z. Rutovic // Journal of International Studies. – 2016. – Vol. 9, N. 2. – P. 233-243.

14. Shabir G., Safdar G., Jamil T., Bano S. Mass Media, Communication and Globalization with the Perspective of 21st Century / G. Shabir et al // New Media and Mass Communication. – 2015. – Vol. 34. P. 11-15.

15. Stein, L. Generation Communication: For Teens Who Want to Get Ahead in the World / L. Stein – Teaneck, NJ : Paradoxical Press, 2011. – 60 p.

16. The Economist, July 29th – August 4th 2006. – URL: https://www.economist.com/printedition/covers?print_region=76977

17. The Sunday Times, December 16th 2007. – URL: http://times-e-

edi-
tions.newspaperdirect.com/epaper/viewer.aspx?newspaper=sunday+times&cid=1107&google=1

18. The Times, January 20th 2003. – URL: https://www.thetimes.co.uk/

19. What is the role of the internet and communications technology in globalisation? – Режим доступа: http://www.globalisationguide.org/

Reference List

1. Burjak, V. V. Dinamika kul'tury v jepohu globalizacii: noosfernyj kontekst = Dynamics of culture during a globalization era: noosphere context [Tekst] : monografija / V. V. Burjak. – Simferopol' : DIAJPI, 2011. – 462 s.

2. Kolin, K. K. Informacionnaja globalizacija obshhestva i gumanitarnaja revoljucija = Information globalization of society and humanitarian revolution [Jelektronnyj resurs] / K. K. Kolin // Globalizacija: sinergeticheskij podhod = Globalization: synergetic approach. – URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm

3. Brooks, D. OP–ED COLUMNIST; The Cognitive Age // The New York Times, May 2, 2008. – URL: https://www.nytimes.com/2008/05/02/opinion/02brooks.html (accessed: 20.08.2018)

4. Carr, N. The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google / N. Carr. – NY. : W. W. Norton & Company; 2009. – 304 p.

5. Sambridge Advanced Learner's Dictionary CALD. – URL: http://dictionary.cambridge.org/define.asp?key=33176&dict=CALD

6. Discovery, April 2007. – URL: http://discovermagazine.com/2007/apr (accessed: 20.08.2018)

7. Friedman, T. L. The world is flat: A brief history of the twenty-first century / T. L. Friedman. – New York, NY : Farrar, Straus and Giroux, 2005. – 488 p.

8. Hepp A. Networks of the media: Media cultures, connectivity and globalization / A. Hepp. – URL: http://www.eurozine.com/articles/2004-07-08-hepp-en.html

9. Is the World Really Becoming a “Global Village”? – Rezhim dostupa: http://www.chillibreeze.com/articles/global-village.asp

10. Lewis P. Wilfing on the web, the new British pastime / P. Lewis // The Guardian, 10th April, 2007. – URL: https://www.theguardian.com/technology/2007/apr/10/news.newmedia (accessed: 20.08.2018)

11. Merriam-Webster Dictionary Online. – URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary

12. Nayar, P. K. Virtual Worlds: Culture and Politics in the Age of Cybertechnology / P. K. Nayar – London : Sage, 2004. – 343 p

13. Rutovic Z. Economic aspects of media globalization / Z. Rutovic // Journal of International Studies. – 2016. – Vol. 9, N. 2. – P. 233-243.

14. Shabir G., Safdar G., Jamil T., Bano S. Mass Media, Communication and Globalization with the Perspective of 21st Century / G. Shabir et al // New Media and Mass Communication. – 2015. – Vol. 34. P. 11-15.

15. Stein, L. Generation Communication: For Teens Who Want to Get Ahead in the World / L. Stein – Teaneck, NJ : Paradoxical Press, 2011. – 60 p.

16. The Economist, July 29th – August 4th 2006. – URL: https://www.economist.com/printedition/covers?print_region=76977

17. The Sunday Times, December 16th 2007. – URL: http://times-e-
edi-
tions.newspaperdirect.com/epaper/viewer.aspx?newspaper=sunday+times&cid=1107&google=1

18. The Times, January 20th 2003. – URL: https://www.thetimes.co.uk/

19. What is the role of the internet and communications technology in globalisation? – Rezhim dostupa: http://www.globalisationguide.org/

Дата поступления статьи в редакцию: 14.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теоретические аспекты культурных процессов

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10212

УДК 009

О. А. Воронина

https://orcid.org/0000 0002 1122 2886

Символизм женственности и мужественности в русской культуре

В статье на основе анализа русской философии XIX в., классической литературы, массовой культурной пропаганды советского времени рассматривается тема гендерного символизма. Идущая из русского фольклора архаическая символика Матушки-Святорусской земли сохраняется в русской культуре на протяжении веков. Мифологема Матушки-Руси связывает воедино несколько символических феноменов: сакральное/святое, женское / материнское, землю/природу как источник жизни и землю / Родину как пространство национального бытования. В конце XIX в. эта мифологема получила новое «метафизическое» обоснование в работах русских философов славянофильского и религиозного направлений. Русская идея и русский мессианизм апеллировали к таким ценностям, как задушевность женского/материнского начала, привязанность к родной земле, пассивное смирение, милосердие и жертвенность. Отвержение западной рациональной маскулинности (воплощаемой в том числе в понятиях государства и права) и возвеличивание русской национальной задушевности (воплощаемой в мифологеме Матушки-Руси) стали составными частями концепта «русской идеи» и национального самосознания. Однако, как считает автор, это рождает ряд противоречий. С одной стороны, в такой символической картине мужское начало выступает только в статусе «сына великой матери», при необходимости отдающего ради нее свою жизнь. Эта символическая девальвация маскулинности и «маскулинных» (западных) ценностей способствует архаизации общественного сознания, где русская нация воспринимается не как объединение сограждан на основе права и закона, а как «одна большая семья». С другой стороны, символическое возвеличивание женственности вовсе не означает высокую оценку женской субъектности в трудах философов и писателей и не приводит к соблюдению принципа гендерного равенства в политике российского государства.

Ключевые слова: архетип, символ, традиция, божественное, мифологема, культура, природа, гендер, женственность, матрифокальность, мужественность, рациональность, душа, русская идея.

CULTURAL SCIENCE

Theoretical aspects of cultural processes

O. A. Voronina

Symbolism of Femininity and Masculinity in Russian Culture

The article deals with the theme of gender symbolism on the basis of the analysis of Russian philosophy of the 19th century, classical Russian literature, mass cultural propaganda of the Soviet and post-Soviet time. The archaic symbolism of the Mother-the Holy Russian land, coming from Russian folklore, has been preserved in Russian culture for centuries. The mythologeme of Mother Russia links together several symbolic phenomena: sacral / sacred, female / maternal, earth / nature as a source of life and earth / Motherland as a space of national existence. In the late of XIX century this mythologeme received a new «metaphysical» justification in the works of Russian philosophers of Slavophile and religious trends. The Russian idea and Russian messianism appealed to such values as the sincerity of the women / maternal principle, attachment to the native land, passive humility, mercy and sacrifice. The rejection of Western rational masculinity (embodied in the concepts of state and law) and the exaltation of Russian national sincerity (embodied in the mythology of Mother Russia) have become integral parts of the concept «Russian idea» and national consciousness. However, according to the author, this gives rise to a number of contradictions. On the one hand, in such a symbolic picture the masculinity appears only in the status of «son of a great mother», if necessary, giving his life for her. This symbolic devaluation of masculinity and «masculine» (Western) values contributes to the archaization of public consciousness, where the Russian nation is

© Воронина О. А., 2018

perceived not as an association of citizens on the basis of law, but as «one big family». On the other hand, the symbolic exaltation of femininity in the works of philosophers and writers does not mean a high assessment of woman subjectivity, and does not lead to compliance with the principle of gender equality in the policy of the modern Russian state.

Keywords: archetype, symbol, tradition, divine, mythologeme, culture, nature, gender, femininity, matrifocality, masculinity, rationality, soul, Russian idea.

В статье речь пойдет о возможности понимания некоторых особенностей духовной культуры России с точки зрения глубоких, часто неосознанных, парадигмальных фигур надындивидуального сознания – в частности, гендерных символов. В гуманитарной науке до сих пор не выработана общепризнанная трактовка этого понятия. Его многозначность дает мне основания использовать широкое понимание символа юнгианском смысле – как архетипического образа, во многом имеющего метафорический характер. Термин гендер также имеет многозначную трактовку в литературе. В самом общем виде гендер обозначает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от такой биологической характеристики, как пол. Конструируя нормативные для данной культуры модели женственности и мужественности, общество конструирует как собственно гендерные различия между людьми, так и соответствующий гендерный порядок. В построении гендерной системы важную роль играют не только социальные факторы, гораздо более значимым оказывается символический, или собственно культурный аспект. Мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы символического порядка (Ж. Лакан). Бинарный символизм мужского и женского выполняет классифицирующую роль в построении модели мира. Встроенность мужского и женского как онтологических начал (то есть первичных бытийных принципов) в систему других базовых категорий трансформирует и их собственный, первоначально природно-биологический смысл. Гендер становится культурной метафорой.

Символ или архетип матери-богини-природы имеет глубокие корни в культуре. В архаическом и мифологическом сознании преобладает культ материнства и рождения, «мать предшествует сыну, как женское предшествует мужскому. Женское первично, в то время как мужская созидательность появляется лишь впоследствии в качестве вторичного явления. Вначале появляется женщина, а мужчина «рождается». В этом – корень той вековой концепции бессмертной матери, которая соединяется со смертным отцом. Она остается вечно неизменной, в то время как от мужчины до бесконечности множатся поколения. Всегда неизменная Великая Мать соединяется с каждым новым мужчиной. Она существует прежде творения, возникает как причина, как первичная дарительница жизни. Женщина в первую очередь мать, а мужчина – сын» [11, с. 70].

В русских сказках, былинах, поверьях, ритуалах Великая Богиня архаических эпох предстает в образе Мать-сыра земля. Женственность символически презентируется как мать, как родная земля (родина этимологически происходит от слова род*И*ны, то есть роды) и как *божественное*. Темные сакральные силы природы-женственности воплощаются в образах русалок, ведьм и Бабы-Яги. Мужчина в русских былинах предстает как богатырь, *сын* Матушки-Руси, чья задача – оберегать ее как источник жизни и защищать ее честь. Например, татаро-монгольское нашествие представлялось в литературе XIII–XV вв. как поругание «чести Русской земли».

Даже после утверждения православия в России языческие материнские культы и верования не потеряли своего влияния. В средневековой светской литературе земля описывается как живое существо в образе матери («Повесть о Меркурии Смоленском», XV век), а ее защитники называются «русскими сынами – сыновьями Земли русской» («Слово о полку Игореве», «Сказание о мамаевом побоище»). Сакральное материнское начало приписывается не только Руси как земле и стране, но и другим важным для национального бытия природно-культурным факторам – матушка Волга, матушка Москва.

Коннотация нации и женщины, опирающаяся на национальные мифы, характерна для многих обществ в период становления национального государства. Но только в архаических и аграрных обществах образ матери символизирует коллективный дух нации: Матушка-Русь, Мать Ирландия, Мать Индия [26].

Мифологема Матушки-Руси связывает воедино несколько символических феноменов: сакральное / святое, женское / материнское, землю / природу как источник жизни и землю/Родину как пространство национального бытования. «Родина – живое… существо <…> Мы любим нашу родную, древнюю, исконную мать…» [21, с. 164]. Результатом такого мировосприятия становится сакрализация территории. Н. Бердяев отмечал, что

«очень сильна в русском народе религия земли…Земля – последняя заступница. Основная категория – материнство» [3]. Г. П. Федотов аккумулирует эти идеи в словах о том, что земля – «это русская «Вечная Женственность», … мать, а не дева; рождающая, а не девственная…» [19, с. 25].

Важную роль в утверждении женского как божественного сыграла Софиология В. С. Соловьева. В его концепции Бог – это, безусловно, Отец, ОН, мужское начало. Но «душа мира» в духе средневековой мистики ассоциируется у него с образом Вечной Женственности, с Премудростью, с Софией. Совершенство мира достигается посредством божественной брачной мистерии, в которой участвуют три элемента: «обоготворенная природа» (женское начало), человеко-бог (мужское начало) и София – Вечная Премудрость (результат слияния мужского-божественного-природного-женского-духовного) начал [15, с. 335].

Форсированное использование образа феминной Руси философами, богословами, публицистами-демократами, писателями в XIX в. принято рассматривать как символический вызов рациональному (то есть маскулинному) западному автократическому государственному порядку. Со времен Петра I антиномия западной рациональной маскулинности (воплощаемая в том числе в понятиях государства и права) и русской душевности (воплощаемой в мифологеме Матушки-Руси) была составной частью концепта русской идеи [7].

Русская идея и русский мессианизм апеллируют к тем качествам и ценностям, которые в системе бинарного мышления принято считать не рациональными (то есть не мужскими), что представлено в работах и высказываниях русских философов (А. С. Хомякова, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, П. Е. Астафьева, П. А. Бакунина). Следует подчеркнуть, что произведения многих из этих мыслителей, запрещенные при советской власти, в постсоветской России стали играть особую роль, поскольку, по мнению многих исследователей и просто читателей, именно в этих трудах представлена «настоящая русская культура и традиция», которая была прервана большевизмом.

Русские писатели также приписывали женщине как символу материнства святость и спасение России. Н. А. Некрасов во многом заложил основания для неославянофильского возврата к фольклору, который на рубеже XIX–XX веков получает развитие в литературе как важный способ критики культуры и цивилизации. В поэзии Некрасова образ России отражает фольклорное представление о Матушке Руси: женственность, пассивность, природность. Ф. М. Достоевский также представил нам образы смиренных – и тем самым высокоморальных, по мнению писателя – женщин, которые именно этими качествами могут спасти Россию («Красота спасет мир, Россию спасет женщина»). В произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого мы обнаруживаем антиномию «высокое-низкое» в изображении любви и, соответственно, женских образов. У Достоевского это, например, Аглая и Настасья Филипповна; у Толского – Кити и Анна Каренина, Наташа Ростова и Элен Куракина.

Для А. Блока Россия – не столько мать, сколько Прекрасная дама, муза, невеста, жена (О, Русь моя! Жена моя). Для А. Белого Россия – это Красавица и Мировая душа [2, с. 333], В. И. Иванов связывает любовь к России с «обретением невесты» [8, с. 350]. «Роза мира» Д. Л. Андреева также утверждает мистическую связь России и Божественного женского начала [1, с. 251]. Именно на основании таких взглядов возник известный тезис о «женственности» России и «матрифокальности» русской культуры [4, 27, 28].

Как видим, символ материнства и связанных с ним качеств является основным для русской национальной культуры. Образ матушки коннотирует к семейной ситуации, в которой существует строгий порядок отношений домочадцев. Но поскольку этот образ в России содержит архаические черты архетипа Великой Богини, очевидно, что все остальные «члены семьи» подчиняются ее воле – она их породила, вскормила, она же ими и владеет / распоряжается. Начиная с былин и по наше время мифологема Матушки-Святорусской Земли соотносится с символикой своих детей, сынов.

Очевидно, что «Божественное *материнство*» как «сердце русской религиозности» [20, с. 362] влечет за собой принижение отцовского/мужского/рационального начала. Н. Бердяев отмечал, что русское православие – это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы. Многие западные исследователи также отмечают, что «русский начисто лишен отношения к Богу *Отцу*» [23, с. 308]. По их мнению, религиозные верования русских основаны на обожествлении женственного природного начала, в то время как европейское религиозное сознание базируется на тезисе, что мир создан богом-отцом [24, с. 182]. По мнению Н. А. Бердяева, это обусловлено тем, что для русских Христос «остается судьей» и народ стремится укрыться от страшного Бога за

матерью-землей, в «складках одежды Богородицы» [4, с. 48, 77.]. Г. П. Федотов утверждал, что «Родина, материнство связаны с языком, с песней, сказкой, с народностью и неопределимой, но могущественной жизнью бессознательного. Отечество, отцовство – с долгом и правом, с социально-государственной, сознательной жизнью» [18, с. 324]. По его мнению, отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина-мать – с матерью-землей. Материнское милосердие предполагает почти слепую любовь к своим чадам, нетребовательность к ним, принятие детей такими, каковы они есть. Н. Г. Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous», ссылаясь на описания любовных свиданий в романах И. С. Тургенева, написал, что мужчина в них «или дитя, или идиот», что не соответствует представлению о мужском начале как деятельном, рациональном и властном [22, с. 414].

Из многозначной символики Матушки-Святорусской земли с неизбежностью вытекает еще одно следствие. Такая ценностно нагруженная символическая система безусловно нуждается в защите, каких бы жертв это не потребовало: «Веления Матери-Родины непререкаемы. Жертвы для этой матери-Родины неотвратимы. У кого есть родина, тот, умирая если не за нее, то хотя бы только в ней, умирает всегда уютно, как бы ребенок засыпая в мягкой и теплой постельке» [10, с. 426-427].

Конечно, этими архаичными установками не исчерпывается сложная система гендерного символизма. В характерной для нашего мышления логике бинарных оппозиций мужское – это то, что противоположно женскому (или бабьему, по выражению Н. Бердяева). Поэтому вслед за Платоном мужское начало трактовалось как содержание, наполняющее женскую форму, или, иными словами, оформление, оплодотворение, одухотворение (А. Белый, Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, П. Флоренский). Поскольку женское начало считалось безликим, родовым, коллективным, пассивным, то мужское – личным, индивидуальным, властным и подлинно человеческим. Как писал В. Розанов, «Мужчина – Я. Женщина – твоя» [13, с. 161]... «Я мужчины – с гору величиной, «Я» женское …да оно просто прислонено к мужскому» [13, с. 163]. Как видим, несмотря на идеализацию материнского начала как метафизического и космического принципа, в отношении к женщинам как человеческим существам русские философы придерживаются мнения об их не-субъектности, неразумности, несамостоятельности. Так, если в теологии пола В. Соловьева прославляется женское начало Софии-Премудрости Божьей, то в «Смысле любви» он пишет: «…**человек** должен творить и созидать **свое женское дополнение** (выделено мною – О. В.). Что мужчина представляет активное, а женщина – пассивное начало, что первый должен образовательно влиять на ум и характер второй – это положения азбучные…» [16, с. 529]. Избранник, пишет В. Соловьев в другой работе, воспринимается женщиной как спаситель, который должен открыть ей и осуществить смысл ее жизни [14, с. 491]. При этом утверждаемое русскими философами отсутствие индивидуально-личностного начала в женщине отнюдь не оценивается ими негативно. По их мнению, именно оно позволяет феминному началу быть посредником, медиатором и цементирующим началом между другими «Я», то есть мужчинами (Розанов, Бердяев, Булгаков, Флоренский).

И, разумеется, обладание полом и приверженность «половой стихии» приписывается только женщинам: «Женщина вся пол, ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек» [5, с. 432]. Л. Н. Толстой пишет: «Женщина – так и говорят легенды – орудие дьявола. Она вообще глупа, но дьявол дает ей на подержание свой ум, когда она на него работает. Смотришь, сделала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сделать гадости, а как только нужна не гадость, не может понять самой простой вещи, не соображает дальше настоящей минуты и нет ни выдержки, ни терпения, кроме деторождения и детоухаживания» [17, с. 208]. Нормативность маскулинности утверждает другой русский философ: «…полнота человеческих сил и способностей раскрыта была в истории преимущественно мужчиною, и все, раскрывшееся в мужчине и им утвержденное вне сферы непосредственных влияний пола, мы условились считать нормативно-человеческим» [9, с. 380].

Довольно цитат, я думаю, картина представлена ясно. Подводя итоги краткого обзора представлений русских философов и писателей-классиков о мужском и женском началах, подчеркнем, что в космическом и метафизическом смыслах мужское трактуется как аполлоновское начало формы, идеи, логоса, культуры, личности, разума, права и закона. Женское – это прежде всего материнское начало материи, природы, пола, рода, семьи, бессознательного, эмоционального, смиренного, милосердного. Но если речь шла о женщинах как

людях, то считалось, что «Женщина существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа» [5, с. 432]. Как видим, в России идеи о мессионизме материнского начала спокойно соседствуют с бытовым презрением к женщинам. Такая вот гендерная метафизика.

Не стоит думать, что символика Родины как матери осталась далеко в прошлом. Несмотря на радикальные идеологические изменения после революции 1917 г., роль женщин символически определялась как «матерей революции», поскольку пропаганда нередко апеллировала к архетипическим образам и символам, понятным неграмотному населению. Однако основное внедрение архетипа матери в советскую культуру и искусство соцреализма произошло в 30-е гг. XX в. Это позволяло новой власти укорениться на почве русской матрифокальной традиции. Образ страны рисуется через мифологему Большой семьи, где мать – это родина, отец народов – Сталин, а народ – героические сыны («сталинские соколы») и счастливые дочери. Культ Родины и земли утверждается в новых советских жанрах искусства. Так, в живописи тех лет использовался архетип мать-сыра земля – например, в картинах А. Дейнеки «Купающиеся девушки» (1933), Т. Гапоненко «На обед к матерям» (1935) и А. Пластова «Колхозный праздник» (1937) [12].

В 1930-1940-е гг. массовая лирическая песня вытесняет идеологически перегруженные и аскетичные революционные песни. Лирическая массовая песня, создаваемая профессиональными советскими композиторами и поэтами, сочетала в себе элементы фольклора, песенного джаза и легкого марша. «Новая песня» транслировала любовь к стране, гордость свободных рабочих, счастливое детство и юность. В центре мифологии, создаваемой посредством песен, находится образ Родины, связанный имплицитно с материнским началом. «Не ты ль весь век была в плену, / Родная мать, земля сырая» (Исаковский). «Как невесту, родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать» (кинофильм «Цирк»). Народу в массовой песне отводится роль героических сыновей и дочерей: «Идем, идем, веселые подруги, / Страна, как мать, зовет и любит нас!». Вечная молодость советских героев иногда регрессирует до инфантилизма «Мы можем петь и смеяться, как дети» («Марш веселых ребят») или «И жарко любим и поем, как дети» («Марш энтузиастов»). «Неисчерпаемое материнство» земли (М. Элиаде) отражено в песенной лирике «Цветут необозримые / Колхозные поля. / Огромная, любимая, / Лежит моя земля». Или – «Не зря у нас растут цветы и дети / И колосятся тучные поля!».

Очевидно, что Родина представлена в советском мифе в фольклорном образе Матушки. Это необъятная страна с цветущими полями, которая открывает молодежи широкие дороги в даль светлую. Молодежь, мать-земля и мудрый «отец народов» составляют счастливую Большую семью. Как едко заметил немецкий исследователь, – «Родина поет, а хлеб растет» [6, с. 61].

Символ матушки Руси широко использовался в патриотической пропаганде 1941-1945 гг. В плакатах того времени Родина предстает как Богиня-Мать, призывающая сыновей на войну, и как поруганная матушка-земля, которую необходимо защищать. Символическая система использовала маскулинные и феминные образы-концепты: война называлась Великой отечественной, а земля, которую защищали – Родиной. В критической ситуации власть идентифицирует себя с «матерью», приписывая себе функцию «порождения» и, соответственно, связанные с нею права посылать «сынов» на бой. Архетип матери использовался в пропагандистских целях: «Тянемся так же, как дети и мы / К партии-матери, встав к ней под знамя» (П. Кудрявцев).

Матриархаика советского времени очевидна и при анализе монументального искусства – будь то скульптуры Родины-матери, оформление московского метрополитена и, особенно, архитектура изобилия и плодородия на всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Не случайно фонтан Дружба народов на этой выставке (ВДНХ) сконструирован в виде снопа пшеницы, вокруг которого расположены золоченые женские фигуры в национальных костюмах с дарами природы в руках. В логике советского гендерного символизма женщина, нация и природа – понятия одного порядка.

В формировании новых советских типов маскулинности и феминности определяющую роль играли идеология и экономика гипермаскулинного милитаризованного государства. Советский мужчина мог реализовать свою маскулинность только в одном качестве – воина на службе Родине, который безоговорочно и самоотверженно участвует в реализации любых государственных проектов – будь то война, индустриализация, коллективизация, «битва за урожай», «покорение целины» или космоса. Главным и основополагающим свойством такой маскулинности была идентичность воина-защитника *советского государства,* посто-

янно готового отдать жизнь за Родину (или Отечество). Этот «смертельный ореол» советской маскулинности внедрялся в сознание через советские СМИ, литературные произведения, песни и кинофильмы. Реализовать иные сценарии маскулинности, в том числе и кормильца семьи, было для подавляющего числа мужчин невозможно. Именно этим и обусловлен начавшийся в позднесоветский период кризис маскулинности, который сопровождался всем известным призывом демографа Б. Урланиса «беречь мужчин».

В постсоветское время мифологема материнства получила новую поддержку и в связи с ростом национального самосознания (и, соответственно, внимания к трудам русских философов XIX в.), и в связи с экономическим кризисом, когда женщины самоотверженно взяли на себя бремя заботы о семьях. И в наше время не утратили, к сожалению, слова Н. Коржавина. написанные им в 1960-е гг.: «Ей жить бы хотелось иначе / Носить драгоценный наряд… / А кони – все скачут и скачут. / А избы – горят и горят» («Вариации из Некрасова»). С началом нового века апелляция к материнскому долгу становится одной из доминант в гендерной политике государства.

Библиографический список

1. Андреев, Д. Л. Роза мира [Текст] / Д. Л. Андреев. – М., 1992. – С. 251.

2. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М., 1994. – С. 333.

3. Бердяев, Н. «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX» [Текст] / Н. Бердяев. – Париж, 1940. – С. 17.

4. Бердяев, Н. А. Русская идея [Текст] / Н. Бердяев // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 10.

5. Бердяев, Н. А. Философия свободы; Смысл творчества [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1989. – С. 432.

6. Гюнтер, Х. Поющая Родина. Советская массовая песня как выражение архетипа матери [Текст] / Х. Гюнтер // Вопросы литературы, 1997, июль-август. – С. 61.

7. Здравомыслова, О. М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России [Текст] / О. М. Здравомыслова // Общественные науки и современность. – М., 2000. – № 4.

8. Иванов, В. Родное и вселенское [Текст] / В. Иванов. – М., 1994. – С. 350.

9. Иванов, В. И. Дионис и прадионисийство [Текст] / В. Иванов. – СПб., 1994. – С. 380.

10. Лосев, А. Ф. Родина [Текст] // Русская идея / А. Ф. Лосев. – М., 1992. – С. 426-427.

11. Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания [Текст] / Э. Нойман. – Москва-Киев, 1998. – С. 70.

12. Рамм-Вебер, С. Искусство сталинской эпохи [Текст] / С. Рамм-Вебер // Пол, гендер, культура / под ред. Э. Шоре. – М. : РГГУ, 2003. – С. 267-285.

13. Розанов, В. В. В мире неясного и нерешенного [Текст] / В. В. Розанов. – М., 1995. – С. 161.

14. Соловьев, В. С. Оправдание добра [Текст] / В. С. Соловьев. – М., 1990. – Т. 1. – С. 491.

15. Соловьев, В. С. Россия и Вселенская церковь [Текст] / В. С. Соловьев. – М., 1911. – С. 335.

16. Соловьев, В. С. Смысл любви [Текст] / В. С. Соловьев. – М., 1990. – Т. 2. – С. 529.

17. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. [Текст] : В 90 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1935-1958. – Т. 53. – С. 208.

18. Федотов, Г. П. Мать-земля: к религиозной космологии русского народа [Текст] / Г. П. Федотов // Путь, 1935. – № 46. – С. 3-18.

19. Федотов, Г. П. Русская религиозность [Текст] : Собр. соч. в 12 томах. Т. 10 / Г. П. Федотов. – М., 2001. – С. 25.

20. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России [Текст] : В 2 т. Т. 2 / Г. П. Федотов. – СПб., 1991. – С. 362.

21. Франк, С. Л. Крушение миров [Текст] / С. Л. Франк. – М., 1990. – С. 164.

22. Чернышевский, Н. Г. Собр. соч. В 5 т. Т. 5 [Текст] / Н. Г. Чернышевский. – М., 1974. – Т. 5. – С. 414.

23. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] : Соч. в 2 т. Т. 2 / О. Шпенглер. – М., 1996-1998. – С. 308.

24. Шубарт, В. Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. – М., 1997. – С. 182.

25. Matthews C. Sophia, Goddess of Wisdom: the Divine Feminine from Black Goddess to World Soul / C. Matthews. – L., 1991. – 288 P.

26. Yuval-Davis N. Gender and Nation / N. Yuval-Davis. – L., 1997. – 168 P.

Reference List

1. Andreev, D. L. Roza mira = Rose of the World [Tekst] / D. L. Andreev. – M., 1992. – S. 251.

2. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie = Symbolism as outlook [Tekst] / A. Belyj. – M., 1994. – S. 333.

3. Berdjaev, N. «Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX» = «Russian idea. Main problems of the Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century» [Tekst] / N. Berdjaev. – Parizh, 1940. – S. 17.

4. Berdjaev, N. A. Russkaja ideja = Russian idea [Tekst] / N. Berdjaev // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture: Filosofy russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja = On Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian post-October abroad. – M., 1990. – S. 10.

5. Berdjaev, N. A. Filosofija svobody; Smysl tvorchestva = Freedom philosophy; Sense of creativity [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1989. – S. 432.

6. Gjunter, H. Pojushhaja Rodina. Sovetskaja masso-

vaja pesnja kak vyrazhenie arhetipa materi = Singing Motherland. Soviet mass song as expression of an archetype of mother [Tekst] / H. Gjunter // Voprosy literatury = Voprosy literatury 1997, ijul'-avgust. – S. 61.

7. Zdravomyslova, O. M. «Russkaja ideja»: antinomija zhenstvennosti i muzhestvennosti v nacional'nom obraze Rossii = «Russian idea»: antinomy of femininity and courage in the national image of Russia [Tekst] / O. M. Zdravomyslova // «Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Obshchestvennye nauki i sovremennost. – M., 2000. – № 4.

8. Ivanov, V. Rodnoe i vselenskoe = Native and universal [Tekst] / V. Ivanov. – M., 1994. – S. 350.

9. Ivanov, V. I. Dionis i pradionisijstvo = Dionysus and great Dionysusism [Tekst] / V. Ivanov. – SPb., 1994. – S. 380.

10. Losev, A. F. Rodina = Homeland [Tekst] // Russkaja ideja = Russian idea / A. F. Losev. – M., 1992. – S. 426-427.

11. Nojmann, Je. Proishozhdenie i razvitie soznanija = Origin and development of consciousness [Tekst] / Je. Nojman. – Moskva-Kiev, 1998. – S. 70.

12. Ramm-Veber, S. Iskusstvo stalinskoj jepohi = Art of the Stalin era [Tekst] / S. Ramm-Veber // Pol, gender, kul'tura = Sex, gender, culture / pod red. Je. Shore. – M. : RGGU, 2003. – S. 267-285.

13. Rozanov, V. V. V mire nejasnogo i nereshennogo = In the world of ambiguous and unresolved [Tekst] / V. V. Rozanov. – M., 1995. – S. 161.

14. Solov'ev, V. S. Opravdanie dobra = Justification of good [Tekst] / V. S. Solov'ev. – M., 1990. – T. 1. – S. 491.

15. Solov'ev, V. S. Rossija i Vselenskaja cerkov' = Russia and Universal church [Tekst] / V. S. Solov'ev. – M., 1911. – S. 335.

16. Solov'ev, V. S. Smysl ljubvi = Sense of love [Tekst] / V. S. Solov'ev. – M., 1990. – T. 2. – S. 529.

17. Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works [Tekst] : V 90 t. / L. N. Tolstoj. – M., 1935-1958. – T. 53. – S. 208.

18. Fedotov, G. P. Mat'-zemlja: k religioznoj kosmologii russkogo naroda = Mother-earth: to religious cosmology of the Russian people [Tekst] / G. P. Fedotov // Put' = Put, 1935. – № 46. – S. 3-18.

19. Fedotov, G. P. Russkaja religioznost' = Russian religiousness [Tekst] : Sobr. soch. v 12 tomah. T. 10 / G. P. Fedotov. – M., 2001. – S. 25.

20. Fedotov, G. P. Sud'ba i grehi Rossii = Destiny and sins of Russia [Tekst] : V 2 t. T. 2 / G. P. Fedotov. – SPb., 1991. – S. 362.

21. Frank, S. L. Krushenie mirov = Crash of worlds [Tekst] / S. L. Frank. – M., 1990. – S. 164.

22. Chernyshevskij, N. G. Sobranie sochinenij = Collected works [Tekst] : v 5 t. T. 5 / N. G. Chernyshevskij. – M., 1974. – T. 5. – S. 414.

23. Shpengler, O. Zakat Evropy = The Decline of the West [Tekst] : Soch. v 2 t. T. 2 / O. Shpengler. – M., 1996-1998. – S. 308.

24. Shubart, V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and soul of the East [Tekst] / V. Shubart. – M., 1997. – S. 182.

25. Matthews C. Sophia, Goddess of Wisdom: the Divine Feminine from Black Goddess to World Soul / C. Matthews. – L., 1991. – 288 P.

26. Yuval-Davis N. Gender and Nation / N. Yuval-Davis. – L., 1997. – 168 P.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10213

УДК 32:008.2

Л. А. Тюкина

https://orcid.org/0000-0002-5676-2325

Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры

В статье рассматриваются теоретические вопросы изучения индивидуальных и коллективных воспоминаний как основы формирования культуры современного общества. Индивидуальные воспоминания формируются у каждой отдельной личности благодаря ее участию в культурных процессах. Субъектом памяти и воспоминания всегда остается один человек, но он зависим от «социальных рамок» коллектива, организующих его память. Человек помнит только то, что может сообщить и для каких воспоминаний может найти место в рамках коллективной памяти. Материалом для анализа служат труды отечественных и зарубежных философов, культурологов и социологов. Дается краткая характеристика индивидуальных воспоминаний и их корреляции с понятием коллективной памяти с точки зрения отечественных и зарубежных исследователей. Затрагивается роль памяти и воспоминаний в процессах формирования общественного сознания и национальной идентичности того или иного народа. На примерах трудов историков и философов представлены функции коллективной и индивидуальной памяти. Кроме того, выделяется отдельное понятие «коммуникативная память». Рассматривается вопрос влияния на структуру памяти различных событий, происходящих в обществе: изменения в политическом строе, общественный уклад, традиции и т. д. Прослеживаются трансформации, происходящие в структуре коллективной памяти народа, в разных поколениях. Кроме этого, объясняется взаимосвязь между коллективной и культурной памятью народа. Особое внимание уделяется тому, что память живет благодаря коммуникации. Если исчезает общение, связь между поколениями, неизбежно наступит забвение, несущее тяжкие последствия для народа в целом. Поэтому в статье объясняется необходимость исследования культуры индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти на современном этапе.

Ключевые слова: индивидуальные воспоминания, коллективные воспоминания, культура, память, механизмы формирования, М. Хальбвакс, Я. Ассманн, И. Г. Дройзен, А. Варбурга.

L. A. Tyukina

Individual and Collective Memoirs as a Basis for Forming Culture

The article discusses the theoretical issues of studying individual and collective memories as the basis for the formation of the culture of modern society. Individual memories are formed by each individual through its participation in cultural processes. The subject of memory and memories is always one person, but he is dependent on the «social framework» of the team that organizes his memory. A person remembers only what he can tell and for what memories he can find a place within the collective memory. The material for the analysis is the works by domestic and foreign philosophers, cultural studies and sociologists. A brief description of individual memories and their correlation with the concept of collective memory from the point of view of domestic and foreign researchers is given. The role of memory and memories in the processes of formation of public consciousness and national identity of a particular people is affected. The examples of the works of historians and philosophers present the functions of collective and individual memory. In addition, a separate notion of «communicative memory» is highlighted. The question of the influence on the memory structure of various events taking place in society is being considered: changes in the political system, social structure, traditions, etc. The transformations taking place in the structure of the collective memory of the people, in different generations, are traced. In addition, due to the relationship between the collective and cultural memory of the people. Particular attention is paid to the fact that memory lives through communication. If communication, particularly communication between generations disappears, oblivion inevitably occurs, with grave consequences for the people as a whole. Therefore, the article explains the need to study the culture of individual memories and collective memory at the present stage.

Keywords: individual memories, collective memories, culture, memory, mechanisms of formation, M. Halbwachs, J. Assmann, J. G. Droysen, and A. Warburg.

Главной функцией культуры является обеспечение человечеству не только долгого, но и безопасного, комфортного существования. Вместе с тем последствиями культурной эволюции являются войны, экологический кризис, эпидемии и многие другие неблагоприятные факторы. Только культура и определяет человеческое бытие, поскольку не природа человека является создателем культуры, а, напротив, культура налагает свой отпечаток на то или иное человеческое сообщество.

Проблемы выстраивания эффективных межкультурных коммуникаций актуализируются на основе социального опыта, хранящегося в историческом сознании людей той или иной страны.

© Тюкина Л. А., 2018

Важной особенностью в данном случае представляется механизм формирования культуры коллективной памяти. Помогая удержать события прошлого, коллективная память служит, прежде всего, целям и задачам построения культуры современного государства, что оказывается достаточно сложным в условиях быстрых изменений в обществе, политике, экономике.

В последнее время наблюдается повышенный интерес к данной проблематике. Отправной точкой в разработке культуры индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти стали труды зарубежных авторов М. Хальбвакса, Я. Ассманна, И. Г. Дройзена, А. Варбурга [12; 13; 1; 17; 25]. В отечественной науке данная тема находится в центре внимания исследователей Ю. М. Лотмана, Л. П. Репиной, Н. В. Гришина, В. Н. Бадмаева и многих других [2; 6; 7; 11; 4].

В середине XIX в. немецкий историк И. Г. Дройзен сформулировал мысль о том, что воспоминания проявляются как сущность и потребность человека и общества, и в этом смысле – предмет и признак истории [17, с. 19]. Французский философ и социолог М. Хальбвакс, продолжил тему воспоминаний в истории, отметив, что в общественном сознании манифестируются коллективные воспоминания, суть которых обусловлена современностью реконструкции прошлого. Воспоминания могут рассматриваться как коллективный социальный феномен (М. Хальбвакс называет это «коллективной памятью»), необходимый для жизни и выживания общества, будучи тем общим, что конституирует общество как таковое, является залогом его идентичности [13, с. 8].

Немецкий историк искусства А. Варбург интерпретировал произведения искусства как «изобразительные символы» культуры, созданные в «определенном кругу» и манифестирующие «свою культурную идентичность» с ним в определенную эпоху [25, с. 56-57]. Для А. Варбурга исходным пунктом постановки проблемы была «деталь», благодаря которой создавалось представление о вещи или явлении в целом, и его целью было обоснование науки о «средствах выражения», об «изобразительных проявлениях» смысла культуры на основе изучения таких «деталей». Автор рассматривал искусство в неразрывной функциональной связи с религией, и этот «антропологический аспект» истории искусства служил ему средством познания «основополагающих структур истории человечества» [25, с. 84].

Таким образом, значение теорий «коллективной памяти» философа М. Хальбвакса и «социальной памяти» историка искусства А. Варбурга – при том, что они по-разному формулировали исследовательскую проблему – состоит прежде всего в том, что они вывели проблему конституирования и континуитета надындивидуального «знания», «памяти» из области биологии в сферу культуры.

Понятия «память», «воспоминания» подразумевают значительную степень субъективности, поскольку выбор того, что и как запомнить из событий прошлого, обязательно включает оценочные суждения. Соответственно, коллективная память потенциально играет функциональную роль в обществе, что делает ее не только популярным орудием во время политических дебатов о роли различных событий, но и является опасным орудием преднамеренного искажения или фальсификации истории.

Необходимость исследования культуры индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти на современном этапе вызвано, по мнению немецкого исследователя С. Моллер, тремя основными причинами [19]:

− процессами исторической трансформации роли памяти в результате смены поколений;

− быстрой сменой медиатехнологий (влиянием на людей технических, электронных и цифровых революций в XX веке);

− научно-историческими факторами формирования памяти (в частности, использованием постмодернистских теорий), то есть теми воспоминаниями, которые память актуализирует. Память в данном смысле имеет виртуальный и реальный уровень. Восприятие внешних воздействий приводит к возникновению процесса возбуждения в коре головного мозга, формируя определенные образы в сознании человека [19]. В этом случае возникает не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого [4, с. 18]. Память избирательна, выделяя одни факты, она предает забвению другие [2, с. 78]. Тем самым, в исследованиях памяти важно выделять типы памяти, связанные с индивидуальным и коллективным характером формирования культурных воспоминаний.

Для того, чтобы коллектив мог сохранить свои воспоминания навсегда и передать их, он должен иметь возможность полагаться на носителей памяти, которые обладают как компетентностью, так и возможностью данный слабый поток рассеянных различных групповых воспоминаний трансформировать в «фиксированный, прочный» поток организованных и совместных воспоминаний [1, с. 11]. Данный процесс оказывается чрезвычайно важным, если свидетели не могут быть включены в коммуникативную передачу новому поколению сведений. Согласно Я. Ассману, культурная па-

мять формируется в качестве парадигмы коллективной памяти, следовательно, культурно-сформированные воспоминания отличаются тем, что они всегда относятся к группе («это мы» или мы «мы не такие») и реконструированы с точки зрения настоящего [1, с. 11].

Выделяя взаимосвязанные между собой индивидуальную память, основанную на личном опыте, и память коллективную, М. Хальбвакс впервые обратил внимание на изучение памяти в рамках коллективного (социального) измерения, а не только индивидуального автобиографического опыта. Исследователь отмечал в своих работах отсутствие статичности сохранения и постоянной трансформации образов прошлого группы. Он первым предложил трактовку памяти как социально обусловленного элемента общественного сознания и коллективной идентичности. М. Хальбвакс считал, что нельзя рассматривать память как нечто, присущее лишь «сугубо индивидуальному телу или сознанию», что существует совершенно уникальный культурный феномен формирования группового сознания, исследование которого требует междисциплинарного подхода.

Вместе с тем следует остановиться на формировании индивидуальных воспоминаний, которые являются первоосновой коллективных воспоминаний. Индивидуальная память формируется в процессе социализации – через коммуникацию и культурное взаимодействие в рамках социальных групп. Субъектом памяти и воспоминания всегда остается один человек, но он зависим от «социальных рамок» коллектива, организующих его память. В том случае, если коммуникация прекращается или изменяются референциальные рамки коммуникативной реальности, возникает феномен забвения. Человек помнит только то, что может сообщить и для чего может найти место в рамках коллективной памяти. Коллективная память в данном случае является уникальной комбинацией индивидуальных воспоминаний, вместилищем событий, связанных с культурой той или иной группы.

С. Моллер отмечает, что для культуры формирования исторической памяти важны три процесса:

1) «забвение прошлого» (потеря возможности воспроизведения, а иногда даже узнавания ранее запомненного);

2) различные интерпретации фактов и событий;

3) актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими культурными проблемами.

Каждый человек является потенциальным свидетелем. Неважно, когда и где он родился, он уже является участником исторического процесса. Личный опыт отдельно взятого человека может стать первоосновой определенного этапа современной истории [16, с. 15]. Событие, которое переживается несколькими людьми одновременно, не будет запоминаться единообразно. Каждый человек по-своему воспринимает реальные события, формируя их смысл на основе предыдущих социальных переживаний [20, с. 333]. Процесс запоминания является столь же избирательным, как и восприятие, систематизируя воспоминания в сознании человека [20, с. 350].

М. Хальбвакс предложил использовать такие понятия как «акт воспоминания в истории», «коллективные воспоминания», объединяя их в «коллективную память». Коллективная память, согласно позиции исследователя, рассматривается как общественный феномен, необходимый в социальной практике для выживания общества. Коллективная память является, с точки зрения исследователя, залогом идентичности общества. Предлагая свою концепцию памяти, он исходит из того, что индивиду доступны два вида памяти – индивидуальная и коллективная. Используя «коллективные представления» Э. Дюркгейма, автор переносит изучение памяти в окружающий индивида социально-культурный контекст. С одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личной жизни, с другой – он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти воспоминания, затрагивающие его группу. Данные виды памяти часто проникают друг в друга, но не смешиваются. Индивидуальная и коллективная память развиваются по собственным законам. Первая может опереться на коллективную, когда необходимо уточнить какое-либо воспоминание. Если индивидуальные воспоминания попадают в коллективную память, они меняются и уже не являются сознанием личности [13, с. 8].

М. Хальбвакс эти два типа памяти называет и по-другому: внутренняя, личная, автобиографическая и внешняя, социальная, историческая [12, с. 7]. Первая, безусловно, использует вторую, так как жизнь человека – это часть истории, вторая – шире первой и более суха, и схематична. Чтобы уточнить разницу между двумя видами памяти, ученый обращается к феномену социально-культурного времени [13, с. 10]. «Наши жизни расположены на поверхности обществ, они повторяют их движение и испытывают на себе последствия их сотрясений. Но то или иное событие занимает свое место в ряду исторических фактов лишь через некоторое время после того, как оно происходит. Стало быть, мы можем привязать различные фазы нашей жизни к событиям нацио-

нального масштаба лишь задним числом» [13, с. 10]. Важно отметить, что никогда не будет двух человек, которые занимают одинаковые позиции в одних и тех же сообществах социальной памяти.

Функция коллективной памяти заключается в объединении как материальных, так и нематериальных символов, усиливая взаимодействие между индивидуумом и группой. События далекого прошлого на самом деле не так удалены от современности, просто существует два разных типа памяти, коммуникативная и культурная. Коммуникативная память имеет отношение к событиям последних 80-100 лет, она жива, пока живы свидетели событий. Это по большей части устная история, которая слабо организована, экспертов в ней нет. Культурная память имеет явную структуру, выражается в искусстве, праздниках, обрядах. У этого вида памяти есть свои «профессионалы»: в более примитивных обществах это шаманы или барды, в более современных их роль играют писатели, художники и ученые. Культурная память хранит в себе историю происхождения и вообще древние сведения [1, с. 52]. Впрочем, в современных обществах граница пролегает не так жестко, как в некоторых древних.

Дж. К. Олик считает, что культура как основа социальной памяти, выраженная в публичных практиках, символах и объектах, является ядром коллективной памяти [20, с. 338]. Индивидуальные воспоминания, которые были собраны и обобщены – будь то в контексте устного обзора истории или репрезентативного опроса на национальном уровне – включены в область собранной памяти, потому что в данном случае культура выступает в роли категории субъективного описания смысла. Данный контраст собранной и коллективной памяти также отражает терминологическое различие в коммуникативной и культурной памяти.

Воспоминания являются формой и выражением коммуникаций. Коммуникации не являются ситуациями, которые откладываются, они постоянно меняются [16, с. 19]. Коммуникативная память, согласно Я. Ассману, это память, которая охватывает нынешнее прошлое – период, который все еще присутствует через свидетелей и их воспоминания. Этот период, в котором человек может поделиться своими биографическими воспоминаниями со своими современниками, управляем. Это эквивалентно трем-четырем поколениям (как было отмечено выше, около 80 лет) и поэтому называется «кратковременной памятью общества» [1, с. 21].

Коммуникативная память основана на социальном взаимодействии. Предпосылкой его передачи является «окружающая среда пространственной близости, регулярное взаимодействие, общие формы жизни и общие переживания» [1, с. 22]. Если такие условия соблюдены, то данная форма воспоминания в какой-то мере устанавливается независимо от повседневного общения. Для того, чтобы человек понял другого человека в своем индивидуальном мышлении и его индивидуальной памяти, нужно поставить его в зависимость от разных групп, к которым он принадлежит одновременно, и для определения местоположения в каждой группе. Таким образом, коллективная память не обязательно должна пониматься как метафора или как своего рода коллективная психика. Субъектом памяти и памяти всегда является индивид, так же как индивидуальная память всегда является социальным явлением. Уникальным в каждой отдельной памяти является тот факт, что никогда не будет двух человек, которые занимают одинаковые позиции в одних и тех же сообществах культурной памяти.

Память индивида структурируется и включается в память той общности, к которой человек принадлежит и ее атрибутам. К их числу относятся памятники – архитектурное наследие, стиль которого воздействует на индивида на протяжении всей его жизни; пейзажи; даты исторических событий и исторические личности, о которых человек постоянно слышит; традиции и обычаи; различные правила общения; фольклор; музыка и даже гастрономические привычки.

М. Полляк считает, что можно понимать эти различные атрибуты-ориентиры как определенные эмпирические индикаторы коллективной памяти каждой группы, памяти «структурированной и иерархизированной, памяти, которая, определяя то, что объединяет в группу и одновременно отличает ее от других групп, порождает и закрепляет чувство причастности, принадлежности к группе, дает почувствовать наличие социокультурных границ» [9, с. 191]. Коллективная память играет позитивную роль в усилении социальной сплоченности не путем принуждения, а через эмоциональную аффективную групповую связь.

В своей работе «Память, забвенье, молчанье» М. Полляк анализирует коллективную память в свете политических событий в разных странах мира в XX веке. Он выделяет ряд этапов в развитии и изменении коллективной памяти. В частности, он отмечает, что «извержение информации, дотоле сдерживающейся под спудом памяти, …молчание … невинных жертв, лишенных социальных опор, насильственно мобилизованные воспоминания» – все это «свидетельства замечательной живучести в течение десятилетий, если не веков, индивидуальной и групповой памяти.

Противостоя наиболее узаконенной, институционализированной национальной памяти, эти воспоминания скрываются в недрах семьи, в ассоциациях, ячейках общения, аффективного и/или политического» [9, с. 203].

Границы между зонами молчания, забвения и бессознательного отталкивания образов памяти неопределенны, размыты и к тому же постоянно смещаются. Запрещенные, невыраженные и постыдные воспоминания передаются по неформальным групповым каналам общения, так как общество в целом их не замечает. При этом воспоминания претерпевают изменения в зависимости от ожидаемой реакции окружающих, материальных условий передачи информации (письменно, официально, закрыто) и характера отношений, установившихся между поколениями.

Если говорить о коллективной памяти на уровне отдельного индивида, то «сконцентрированная индивидом история общества поддается множеству способов представления в зависимости от контекста, в котором рассказ находится» [9, с. 213]. При описании долгих периодов жизни, когда один и тот же человек много раз обращается к ограниченному числу событий, это явление фиксируется даже в интонации [21, с. 15]. В каждом жизнеописании есть твердое ядро, путеводная нить, лейтмотив [5]. Пересказывая свою жизнь, каждый индивид пытается все упорядочить с помощью установления логических связей между ключевыми событиями (которые тем самым приобретают все более застывшую или стереотипизированную форму), а также восстановить непрерывность хронологического порядка. С помощью такой реконструктивной деятельности, направленной на самого себя, «человек пытается определить свое место в обществе и взаимосвязи с другими людьми» [5].

Память, базируясь на символах, служит для социальной группы формой самоопределения и ориентиром на будущее, стала важным интеллектуальным достижением, которое с 1980-х гг. расширило наше представление о культуре и процессах ее трансформации. Итак, культура создает транспоколенческое пространство знаний и систему координат, посредством которых носители этой культуры оформляют собственный опыт. Поэтому история не есть нечто окончательно ушедшее и интересующее только историков. Как показал исследователь мозга Э. Кандель, «память, сообразуясь с раздражителем, сработавшим в прошлом, помогает справиться с задачами настоящего, чтобы выжить в будущем» [16, с. 16]. В культуре память также «обеспечивает ориентацию в настоящем ради будущих действий» [16, с. 75].

Исследователям неизвестна культура, которая не формировала бы тем или иным способом стратегию и практику своей культурной памяти. У западных культур существует разделение труда применительно к прошлому, которым занимаются такие институции, как библиотеки, архивы и музеи, чтобы использовать прошлое как духовное богатство, художественный ресурс, объект познания и предмет различных дискурсов. Личное воспоминание и забвение всегда интегрируются в более широкие контексты памяти и забвения. Не только каждый индивидуум выбирает для себя, что он желает или не желает помнить, но и члены социальной группы сообща решают, что должно сохраниться для будущего, оставаясь доступным потомкам. В этом смысле постоянно определяется и будет определяться будущее памяти, какие события следует оставить в памяти. Принятие селективных решений культурной памяти обычно берет на себя меньшинство, однако в демократическом обществе этот процесс сопровождается публичным обсуждением.

Подводя итоги, отметим, что коллективная память представляет собой массив информации, основанной на индивидуальных воспоминаниях. Индивидуальная память формируется в каждой отдельной личности благодаря ее участию в процессах коммуникации. Память живет благодаря данному процессу. Если коммуникация прекращается или изменяются рамки коммуникативной реальности, то следует забвение. Человек помнит только то, что может сообщить и для чего может найти место в рамках коллективной памяти.

Поскольку индивидуальная память является уникальной комбинацией индивидуальных воспоминаний, а коллективная память, в свою очередь, – это такая человеческая способность, которая позволяет человеку создавать и поддерживать социум, то коллективные воспоминания накладываются на воспоминания индивидуальные, обеспечивая нам гораздо более удобный и надежный контроль над последними; но для этого необходимо, чтобы уже существовали личные воспоминания. В таком случае индивидуальная память действовала бы впустую.

Таким образом, абстрактное понятие «культурная память» подразумевает широкий спектр культурных практик – консервация следов, архивирование документов, коллекционирование произведений искусства и антикварных предметов с возможностью их реактивации посредством медийной репрезентации и педагогической работы. Культурная память является не только пассивной накопительной памятью, она включает в себя реактивацию прошлого и возможность его широкого

усвоения активной функциональной памятью. Важную роль играют при этом структуры перцепции, благодаря которым действуют вторичные процессы индивидуального и культурного восприятия. Все это отличает культурную память от абстрактного фонда энциклопедического знания, которое обладает универсальной значимостью, но не соотнесено с конкретной идентичностью. Однако в условиях демократии партиципация является скорее опцией, нежели обязанностью. Партиципация осуществляет переход от «Я» к «Мы», формируя множество различных социальных групп. Сложность данного феномена отражена в религии, философии, литературе, искусстве.

Библиографический список

1. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

2. Бадмаев, В. Н. Ментальность и историческая память [Текст] / В. Н. Бадмаев // Вестн. Калмыц. ун-та, 2012. – Вып. 1 (13). – С. 78-84.

3. Васильев, А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия [Текст] / А. Васильев // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. – М., 2009. – Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему.

4. Гришина, Н. В. Школа В. О. Ключевского в исторической науке и российской культуре [Текст] / Н. В. Гришина. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – 288 с.

5. Емельянова, Т. П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания [Электронный ресурс] / Т. П. Емельянова. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/

6. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени [Текст] / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.

7. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – С. 201-203.

8. Нора, П. Проблематика мест памяти [Текст] / П. Нора // Нора П., Озуф М., Ж. де Пюимеж, Винок М. Франция-память. – СПб. : Изд-во С. Петерб. ун-та, 1999. – С. 17-40.

9. Полляк, М. Память, забвенье, молчание [Текст] / М. Полляк // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. – М. : Прогресс-Культура. – С. 191-216.

10. Рикер, П. Память, история, забвение [Текст] / П. Рикер. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

11. Репина, Л. П. Категория «историческое сознание» в историко-историографическом исследовании [Текст] / Л. П. Репина // Чтения памяти М. А. Барга / под ред. М. С. Бобкова. – М. : ИВИ РАН, 2006. – С. 158-168.

12. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Текст] / М. Хальбвакс; пер. с фр. М. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа – М. : Новое издательство, 2005. – 108 с.

13. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Текст] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С. 8.

14. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти [Текст] / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.

15. Vgl. Aleida, Assmann, Gedächtnis, Erinnerung, in: Klaus Bergmann u.a. (Hrsg.), Handbuch der Geschichtsdidaktik, Seelze-Velber, 1997. – S. 33-37

16. Droysen J. G. Historik / Hg. v. P. Leyh. Stuttgart. – Bad Cannstatt, 1977.

17. Giesecke D., Welzer H. Das Menschenmögliche. Zur Renovierung der deutschen Erinnerungskultur. Hamburg, 2012.

18. Vgl. Hans Günter, Hockerts, Zugänge zur Zeitgeschichte: Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 28/2001. – S. 15-30.

19. Moller, S. Erinnerung und Gedächtnis, Version: 1.0, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 12. 4.2010. – Режис доступа: http://docupedia.de/zg/Erinnerung_und_Gedächtnis.

20. Jeffrey K., Olick, Collective Memory: The Two Cultures, in: Sociological Theory 17 (1999). – S. 333-348.

21. James W., Pennebaker, Becky, L. Banasik, On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology, in: James W. Pennebaker/Dario Paez/Bernard Rimé (Hrsg.), Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives, New Jersey 1997. – S. 3-19.

22. Vgl. Siegfried J., Schmidt, Gedächtnisforschungen: Positionen, Probleme, Perspektiven, in: ders. (Hrsg.), Gedächtnis. Probleme und Perspektiven der interdisziplinären Gedächtnisforschung, Frankfurt a. M. 1991. – S. 9-55.

23. Daniel L., Schacter, Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit, Reinbek bei Hamburg 1999.

24. Siehe Howard Schuman/Jacqueline Scott, Generations and Collective Memories, in: American Sociological Review 54 (1989). – S. 359-381.

25. Warburg A. Ausgewдhlte Schriften und Wrdigungen / D. Wuttke (ed.). 2nd edn. Baden-Baden, 1980.

26. Harald Welzer, Die Medialität des menschlichen Gedächtnisses, in: Bios 21 (2008). – S. 15-27.

Reference List

1. Assman, Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity

[Tekst] / Ja. Assman. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 368 s.

2. Badmaev, V. N. Mental'nost' i istoricheskaja pamjat' = Mentality and historical memory [Tekst] / V. N. Badmaev // Vestn. Kalmyc. un-ta = Bulletin of Kalmykia university 2012. – Vyp. 1 (13). – S. 78-84.

3. Vasil'ev, A. Memorializacija i zabvenie kak mehanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobrazija = Memorilization and oblivion as mechanisms to produce cultural unity and variety [Tekst] / A. Vasil'ev // Fundamental'nye problemy kul'turologii: sb. st. po materialam kongressa = Fundamental problems of culturology: collection of articles on materials of the Congress / otv. red. D. L. Spivak. – M., 2009. – T. 6: Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushhemu.

4. Grishina, N. V. Shkola V. O. Kljuchevskogo v istoricheskoj nauke i rossijskoj kul'ture = V. O. Klyuchevsky's school in historical science and Russian culture [Tekst] / N. V. Grishina. – Cheljabinsk : Jenciklopedija, 2010. – 288 s.

5. Emel'janova, T. P. Kollektivnaja pamjat' v kontekste obydennogo politicheskogo soznanija = Collective memory in the context of ordinary political consciousness [Jelektronnyj resurs] / T. P. Emel'janova. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/

6. Istorija i pamjat': istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni = History and memory: historical culture of Europe prior to the beginning of Modern times [Tekst] / pod red. L. P. Repinoj. – M. : Krug#, 2006. – 768 s.

7. Lotman, Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii = Memory in culturological presentation [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury = Lotman Yu. M. Selected articles: In 3 v. V. 1: Articles on semiotics and typology of culture. – Tallin : Aleksandra, 1992. – S. 201-203.

8. Nora, P. Problematika mest pamjati = Perspective of memory places [Tekst] / P. Nora // Nora P., Ozuf M., Zh. de Pjuimezh, Vinok M. Francija-pamjat' = France-memory. – SPb. : Izd-vo S. Peterb. un-ta, 1999. – S. 17-40.

9. Polljak, M. Pamjat', zabven'e, molchanie = Memory, oblivion, silence [Tekst] / M. Polljak // Psihoanaliz i nauki o cheloveke = Psychoanalysis and sciences about the person / pod red. N. S. Avtonomovoj, V. S. Stepina. – M. : Progress-Kul'tura. – S. 191-216.

10. Rikjor, P. Pamjat', istorija, zabvenie = Memory, oblivion, silence [Tekst] / P. Rikjor. – M. : Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. – 728 s.

11. Repina, L. P. Kategorija «istoricheskoe soznanie» v istoriko-istoriograficheskom issledovanii = Category «historical consciousness» in a historical and historiographic research [Tekst] / L. P. Repina // Chtenija pamjati M. A. Barga = Readings in memory of M. A. Borg / pod red. M. S. Bobkova. – M. : IVI RAN, 2006. – S. 158-168.

12. Hal'bvaks, M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' = Collective and historical memory [Tekst] / M. Hal'bvaks; per. s fr. M. Gabovicha // Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossija, Germanija, Evropa = Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe. – M. : Novoe izdatel'stvo, 2005. – 108 s.

13. Hal'bvaks, M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' = Collective and historical memory [Tekst] / M. Hal'bvaks // Neprikosnovennyj zapas = Neprikosnovenyj zapas – 2005. – № 2-3. – S. 8.

14. Hal'bvaks, M. Social'nye ramki pamjati = Social framework of memory [Tekst] / M. Hal'bvaks; per. s fr. i vstupitel'naja stat'ja S. N. Zenkina. – M. : Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 s.

15. Vgl. Aleida, Assmann, Gedächtnis, Erinnerung, in: Klaus Bergmann u.a. (Hrsg.), Handbuch der Geschichtsdidaktik, Seelze-Velber, 1997. – S. 33-37

16. Droysen J. G. Historik / Hg. v. P. Leyh. Stuttgart. – Bad Cannstatt, 1977.

17. Giesecke D., Welzer H. Das Menschenmögliche. Zur Renovierung der deutschen Erinnerungskultur. Hamburg, 2012.

18. Vgl. Hans Günter, Hockerts, Zugänge zur Zeitgeschichte: Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 28/2001. – S. 15-30.

19. Moller, S. Erinnerung und Gedächtnis, Version: 1.0, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 12. 4.2010. – Rezhis dostupa: http://docupedia.de/zg/Erinnerung_und_Gedächtnis.

20. Jeffrey K., Olick, Collective Memory: The Two Cultures, in: Sociological Theory 17 (1999). – S. 333-348.

21. James W., Pennebaker, Becky, L. Banasik, On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology, in: James W. Pennebaker/Dario Paez/Bernard Rimé (Hrsg.), Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives, New Jersey 1997. – S. 3-19.

22. Vgl. Siegfried J., Schmidt, Gedächtnisforschungen: Positionen, Probleme, Perspektiven, in: ders. (Hrsg.), Gedächtnis. Probleme und Perspektiven der interdisziplinären Gedächtnisforschung, Frankfurt a. M. 1991. – S. 9-55.

23. Daniel L., Schacter, Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit, Reinbek bei Hamburg 1999.

24. Siehe Howard Schuman/Jacqueline Scott, Generations and Collective Memories, in: American Sociological Review 54 (1989). – S. 359-381.

25. Warburg A. Ausgewdhlte Schriften und Wrdigungen / D. Wuttke (ed.). 2nd edn. Baden-Baden, 1980.

26. Harald Welzer, Die Medialität des menschlichen Gedächtnisses, in: Bios 21 (2008). – S. 15-27.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10214

УДК 304.2; 316.62

Лепехин Н. Н.

https://orcid.org/0000-0001-9160-0519

Протанская Е. С.

https://orcid.org/0000-0001-6587-8234

Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление

Авторами обозначается новое направление научных исследований на стыке ряда дисциплин – культурная суггестология. Обращение к истории теоретического осмысления представителями разных наук феномена внушения, суггестивных практик, начиная с рубежа XIX-XX вв., к попыткам его философского обоснования позволяет сделать вывод о постоянном интересе к проблеме и значении суггестивной коммуникации в культурогенезе и формировании субъекта культуры. Открытый Б. Ф. Поршневым механизм взаимосвязи суггестии, контрсуггестии и контрконтрсуггестии рассматривается на примере культурных процессов, при этом отмечается недооценка значимости данного механизма в контексте последующих исследований. Оценка практики суггестивных коммуникаций, отражающая полемику на фоне политического противостояния, не снимает проблемы анализа их психологических механизмов. Раскрывается значение суггестивной коммуникации, включающей осознаваемые и неосознаваемые формы влияния, для процессов культурной идентификации, рефлексии, аккультурации, формировании установок конформизма и нонконформизма. На примерах российских и зарубежных источников показана противоречивость результатов психологических экспериментов в отношении оценки суггестивного взаимодействия. Поддерживается концепция мультифасетности суггестивности, согласно которой независимые друг от друга формы суггестивности порождаются спецификой конкретной культурной ситуации и коммуникативного контекста. Наряду с суггестией, формирующей культуру, контрсуггестия формирует ценность культурных новообразований и определяет динамику развития субъекта культуры – отказ от подчинения нормам трансформируется в их развитие и формирование нового синтеза. Преодоление узких рамок психологического, социологического, политологического и других аспектов в исследовании суггестивной проблематики возможно на основе межнаучного подхода, создающего предпосылки для оценки многообразия суггестивных практик в процессах культурогенеза. Актуальность интеграции взаимосвязанных проблем в междисциплинарное научное направление обосновывается примерами как асоциальной суггестии, так и позитивным опытом контрконтрсуггестивного синтеза, что предполагает многоаспектное исследование его теоретических и практических перспектив.

Ключевые слова: психология суггестии и суггестивности, мультифасетная суггестивность, контрсуггестивное культурное развитие, культурная идентификация, субъект культуры, культурная суггестология.

N. N. Lepekhin, E. S. Protanskaia

Suggestology in the Context of Cultural Genesis as a Scientific Direction

The authors designate a new direction of scientific research at the junction of a number of disciplines: cultural suggestology. Appeal to the history of theoretical understanding by representatives of different sciences of the phenomenon of suggestion, suggestive practices, starting from the turn of the 19-20th century, to attempts at its philosophical substantiation allows us to conclude that there is a constant interest in the problem and the value of suggestive communication in cultural genesis and the formation of a cultural subject. The open by B. F. Porshnev mechanism of interrelation of suggestion, counter-suggestion and counter counter-suggestion is considered on the example of cultural processes, and there is underestimation of its practical significance in the context of subsequent studies. Evaluation of the practice of suggestive communications, reflecting the controversy against the backdrop of political confrontation, does not remove the problem of analyzing their psychological mechanisms. The meaning of suggestive communication, including conscious and unconscious forms of influence, is revealed for the processes of cultural identification, reflection, acculturation, formation of attitudes of conformism and non-conformism. The examples of Russian and foreign sources show the inconsistency of the results of psychological experiments regarding the evaluation of suggestive interaction. The concept of multi-facet of suggestiveness is supported, according to which the forms of suggestiveness that are independent of each other are generated by the specifics of a particular cultural situation and communicative context. Along with the suggestion that forms the culture, the counter-suggestion forms the value of cultural new formations and determines the dynamics of the development of the culture subject – the refusal to obey the norms is transformed into their development and the formation of a new synthesis. Overcoming the narrow framework of psychological, sociological, political and other aspects in the study of suggestion issues is probably possible being based on the inter-scientific approach, creating prerequisites for assessing the diversity of

© Лепехин Н. Н., Протанская Е. С., 2018

suggestive practices in the processes of cultural genesis. The relevance of the integration of interrelated problems in the interdisciplinary scientific direction is justified by examples of both asocial suggestion and positive experience of counter-counter-suggestion synthesis, which implies a multidimensional study of its theoretical and practical perspectives.

Keywords: psychology of suggestion and suggestibility, multi-faceted suggestibility, countersuggestion of cultural development, cultural identification, subject of culture, cultural suggestology.

Суггестивная коммуникация в различных формах стала неотъемлемым атрибутом формирования массового сознания. Различные формы и механизмы суггестии используются в зависимости от коммуникативного контекста – внушением «политически выгодных» мыслей наполнены СМИ, суггестию используют реклама и PR, учителя в школе, воспитатели в детских садах, родители по отношению к детям.

Особую актуальность имеет анализ влияния суггестивного воздействия на развитие индивида как субъекта культуры. Формирование субъекта культуры требует от участников процесса понимания и овладения конструктивными механизмами суггестивного взаимодействия. От осознанности их использования, понимания рамок свободы и ограничений зависит как содержание культурогенеза, так и духовное здоровье вовлеченных [10].

Неслучайно проблема суггестии и ее влияния на культурное развитие была поставлена на рубеже XIX-XX вв., в период развертывания глобализационных процессов и массовизации культур, обнаживший потребность в коммуникативных рычагах влияния. Широкую известность получила книга Сидиса «Психология внушения» с характерным подзаголовком – «исследование подсознательной природы человека и общества», в которой автор обратил внимание на роль внушения и внушаемости в феноменологии широкого спектра массовых явлений, включая проявления паники в толпе, «ментальные эпидемии» и демонофобии в средневековой Европе, финансовые кризисы и биржевые паники, массовые ожидания «конца света» и т. д. [26].

В. М. Бехтерев в 1897 г. поставил проблему изучения роли суггестии в социуме: «… внушение служит важным фактором нашей общественной жизни и должно быть предметом изучения не одних только врачей, но и всех вообще лиц, изучающих условия общественной жизни и законы ее проявления. Здесь … открывается одна из важных страниц общественной психологии, которая представляет собою обширное и мало еще разработанное поле научных исследований» [1, с. 3-4]. Определение Бехтерева не потеряло актуальности в современную эпоху «Большой деревни» и масс медиа: «… внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны воздействующего лица и которое может происходить или незаметно для внушаемого лица, или даже с его ведома и согласия» [2, с. 15-16].

В работе «Внушение и воспитание» Бехтерев подчеркивает, что взаимодействие взрослых с ребенком и, особенно, детей друг с другом содержит негативные элементы не только внушающего, но и заражающего влияния: детские психические эпидемии, вспышки немотивированного насилия, навязывание суицидальных настроений (аналогий современного «Синего Кита»), распространение сексуальных перверзий и т. п. И приводит слова Фореля: «Добрая часть педагогики покоится на правильно понятом и выполняемом внушении», отмечая, что для получения позитивного эффекта педагогическая суггестия не должна быть шаблонной, а изучение как позитивной, так и негативной суггестивности в педагогической, семейной и детской среде особенно актуально [2, с. 171-196].

Однако, в 20-30 гг. как в России, так и за рубежом понятие суггестии, за исключением области клинической гипнотерапии, было выведено за рамки научного анализа, а в общественных науках стало политкорректно замалчиваться. На Западе по причине очевидной связи суггестии с нацистской пропагандой, а в России вследствие суггестивности коммунистической доктрины: *«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!»*. Политический контекст проблемы привел к двойным стандартам, вследствие чего тезис о том, что «у них пропаганда, а у нас убеждение» до сих пор является ведущим в американских учебниках [24, p 33-35].

В результате в культурологии, за исключением идей Б. Ф. Поршнева, в последние 60 лет прошлого века глубокий научный интерес к проблеме суггестии был утрачен, и она превратилась в падчерицу психологических исследований [16, p. 3-55]. В общественных науках понятие «suggestion – внушения» было вытеснено понятием «persuasion – убеждения», описывающим процесс с аналогичными функциями и целевой направленностью, но с декларируемым атрибутом сознательности действий как субъекта, так и объекта коммуникации. Из интерпретаций разных исследователей можно обнаружить, что основным со-

держанием как «suggestion», так и «persuasion» остается реализация намеренного влияния через коммуникацию, при этом границ в отношении манипулятивности влияния и степени свободы выбора у объекта убеждения, как правило, не очерчивается [21, p. 2-3]. Так, автор одного из руководств по методам убеждения сначала определяет, что «люди – это марионетки», а овладение методами убеждения нужно для того, чтобы «стать успешным (и этичным) кукловодом в мире людей-марионеток», затем, очевидно с целью декларации приверженности этическим стандартам психолога, пытается провести различие между убеждением и манипуляцией [19, p. 1-2].

Р. Перлофф, автор многократно переизданной книги, посвященной процессуальным и содержательным аспектам убеждения, вынужден был отметить частичное перекрытие (overlap) убеждения (persuasion) принуждением (coercion). Они оба представляют собой не два изолированных способа влияния, а общий континуум действий, обеспечивающих эффективность влияния... Рассматривая негативные аспекты использования приемов влияния: вербовочной пропаганды сторонников ISIS, пропаганды (Сев. Корея), манипулирования массовыми суицидами в культовых сектах (Храм народов, Небесные врата), автор интерпретирует эти ситуации как совокупность убеждения и принуждения, при этом понятие суггестии и анализ приемов суггестивного воздействия в данных примерах им никак не рассматривается [24, p. 32].

Это не случайно, поскольку феномен суггестии с неизбежностью ставит вопрос о приемах коммуникации, направленных на неосознаваемую мотивационную сферу реципиента, но сторонники концепции убеждения оставляют за рамками анализ бессознательных механизмов влияния, упрощенно сводя проблему к сознательному восприятию и наличию свободы действий у реципиента.

В отличие от осознаваемого воздействия, суггестивная коммуникация может создавать полную иллюзию свободы выбора или, наоборот, отсутствия свободы действий, и именно в такой иллюзорности проявляется сила суггестивного влияния, побуждающая одного или более реципиентов изменить без критической рефлексии их суждения, мнения, установки и т. п., или даже поведение. Результаты суггестии нерациональны, или даже иррациональны, обходят контроль сознания и критическую рефлексию со стороны воспринимающего субъекта [14, p. 1077].

Вопрос о степени осознанности убеждающего воздействия и роли суггестивного влияния в сфере общественного сознания и культуры по-прежнему остается дискуссионным. Исследователи не находят существенных различий между психологическим содержанием убеждения и суггестии, поскольку оба концепта пересекаются со смежными понятиями – подчинение, убеждение, подражание, социальное влияние или гипноз –, или же объединяют их в предмете «влияние» без дальнейшей дифференциации [15, p. IX]. Для различения характера влияния Шваненберг выделяет у реципиента два состояния: восприимчивость («receptivity»), включающую внимание и понимание, и уступчивость («yielding»), к которой и адресована суггестивная форма коммуникации. Любая коммуникация предполагает оба процесса, а различие между убеждением и внушением заключается только в соотношении восприимчивости и уступчивости, присутствующих у реципиента в данный момент. [25, p. 263-278].

Отмечается, что «суггестия осуществляется на основе коммуникации, обрамление и структура которой позволяет обойти понимание и критическую рефлексию, благодаря чему происходит неосознаваемые изменения когнитивных (мнений, интерпретаций фактов, воспоминаний), эмоциональных (самоотчетов о внутреннем состоянии) и волевых состояний (желаний, стремлений и т. д.), а также поведения» [20, p. 722]. В конкретном акте коммуникации «суггестивные эффекты всегда конкурируют с ослабляющим влиянием контроля со стороны сознания воспринимающего субъекта» [17, p. 104].

В последнее десятилетие интерес к предмету суггестии драматически вырос, особенно в контексте изучения культуры неформальных сообществ в реальной и виртуальной среде. Выдвинута концепция трехфакторной модели суггестивности, включающей директивную, недирективную, социальную форму сугестивности – убеждение, конформность, внушаемость посредством вопросов и др., в связи с чем предпринят ряд исследований факторной структуры и взаимосвязи различных форм суггестивности, а также клинической гипнабельности и внушаемости в социальной среде [27; 28, p. 283-309]. Для проверки трехфакторной модели суггестивности использовались данные, полученные по девяти отдельным тестовым шкалам: гипнабельности, прогрессирующей разницы веса, теста маятника, теста запаха, теста раскачивания тела, плацебо-воздействия, внушающих вопросов, убеждаемости. Корреляционный анализ обнаружил только слабую значимую взаимосвязь между убеждаемостью и суггестивно-

стью посредством вопросов (+0.228, $p < 0.05$), а также убеждаемостью и гипнабельностью (+0.118, $p < 0.05$). Факторный анализ не обнаружил статистического подтверждения ни в отношении трех-, ни двух-, ни однофакторной модели. Опираясь на совокупность результатов данного и предыдущих исследований, авторы пришли к выводу: каждый суггестивный ответ респондента выявляет не его общую склонность к суггестивности, а только узко специфическую суггестивную реакцию на конкретный тестовый стимул [28, p. 298-299].

Высказывалось предположение о наличии раздельных форм тактильной, аудиальной, визуальной и ольфакторной суггестивности, однако факторный анализ данных, полученных по восьми различным шкалам сенсорной суггестивности, не выявил наличия ни четырехфакторной, ни двухфакторной, ни однофакторной структуры сенсорной внушаемости. Иными словами, положительный или отрицательный ответ респондента на один из сенсорных тестов внушения не позволяет предсказать его ответ на другой суггестивный тест, даже если для последнего будет использовать тот же самый сенсорный канал [28, p. 298-302].

Гипнотическая отзывчивость в ответ на клиническую суггестию (гипноз) также является самостоятельным независимым феноменом, и ее проявления не могут быть пролонгированы на суггестивность респондента в других сферах общения и наоборот, а отзывчивость респондентов на директивное суггестивное воздействие не коррелирует с их реакциями в случае недирективной суггестивной коммуникации [28, p. 297-298].

Со времен Бине (1900 г.) довольно укорененным как в научном сообществе, так и в массовом сознании является представление о так называемой личной внушаемости как персональной черты, и соответственно, возможности диагностики «внушаемых» и «невнушаемых» индивидов. В исследовании Перез с соавторами была предпринята попытка установить взаимосвязи между факторами Big Five и 12-тью шкалами, измеряющими различные проявления внушаемости. Последующий регрессионный анализ показал, что ни один из пяти личностных факторов не является предиктором внушаемости. На основании результатов данного и ряда исследований других авторов был сделан вывод, что не существует фактов, подтверждающих роль какой-либо личностной черты в качестве устойчивого предиктора внушаемости [28, p. 302-303].

Таким образом, когда культурологи и психологи привлекают понятие суггестии для объяснения изменений сознания и аттитюдов, отклонений в логических суждениях, памяти, иллюзий в сенсорной сфере, они должны иметь в виду, что описывают скорее поведенческую реакцию на конкретную специфическую ситуацию, но не диспозицию как свойство индивида реагировать подобным образом в других ситуациях. Социальная внушаемость является самостоятельным проявлениям суггестивности, причем каждый акт ее в повседневной жизни вызывается конкретными условиями культурного контекста и коммуникативного взаимодействия. На основе изучения различных видов внушаемости и выявленного широкого спектра индивидуальных различий в восприятии суггестии признается, что как суггестия, так и индивидуальная суггестивность являются *«мультифасетным предметом научного анализа»* [17, p. 100].

Концепция мультифасетности суггестии позволяет сделать ряд выводов, актуальных для понимания роли суггестии в аспекте культурного развития и культурной идентификации. Во-первых, разные формы суггестии – сенсорной, директивной, недирективной, идеомоторной, суггестивности через вопросы, конформной, корассуждения (co-judge suggestions), непрямой через убеждение, плацебо-эффекта, а также многих других форм вызывают некоррелирующие между собой и обособленные реакции (ответы) индивида, проявляющиеся в межличностном общении с разной степенью выраженности. Таким образом, одна форма суггестии может вызвать у индивида суггестивный ответ, в то время как другая – контрсуггестивный.

Во-вторых, в суггестивном влиянии имеют значение культурные требования контекста ситуации, взаимные ролевые ожидания и различия в социальном статусе партнеров («характеристики-требования»), например, в системах врач – пациент, учитель – ученик, ученый-исследователь – участник эксперимента [22, p. 469-470]. Ошеломляющие результаты экспериментов Зимбардо и Милгрема были предопределены не моральной и не личностной предрасположенностью участников, но контекстом эксперимента, в восприятии которого доминировали статус университетской науки, авторитет ученых, добровольность участия, обязательство перед экспериментатором и т. п.

Эффект «характеристик-требований» не обязательно проявляется в намерении сознательного суггестивного влияния, но он так или иначе присутствует в контексте коммуникации, например, студента – преподавателя. Социальные коммуни-

кации в менеджменте, образовании, медицине, рекламе, пространстве культуры усиливают суггестивность воздействия, благодаря политическому, образовательному, культурному статусу коммуникатора, уменьшая критическую оценку его реципиентом. Следует признать, что суггестия присутствует как в повседневной жизни, так и во всех видах коммуникации, «предназначенных для влияния в отношении того, что думают люди» [20, p. 723]. Контекстность коммуникации, как отмечает Холл зависит от культурных традиций, исторически сложившихся в разных частях света, при этом культурное своеобразие обусловлено формами реализации суггестивных и контрсуггестивных практик, принятых в разных культурах [18].

В-третьих, вопреки устоявшемуся воззрению, внушаемость не является одной из типологических персональных черт человека (как например, экстраверсия), выраженность которой может варьировать от одного индивида к другому и нельзя сказать, что кто-то типологически определенно поддается внушению, а кто-то – нет [28, p. 303-304]. Не личностная предрасположенность, а факторы культурного контекста и социально-психологических характеристик ситуации определяют вероятность большей или меньшей внушаемости в различных коммуникативных ситуациях социальной жизни. Данное положение было всесторонне подтверждено уже в экспериментах Росса и Нисбетта [8] и в дальнейшем ярко популяризировано Чалдини [13].

Таким образом, основная сложность анализа проявлений суггестии в аспекте культурного развития и формирования культурной идентичности заключается в том, что в различных сферах человеческой деятельности существуют разнообразные формы суггестивного влияния. Отношение индивида к ним, с одной стороны, в значительной степени обусловлено культурным контекстом, а с другой, сугубо индивидуализировано.

Вслед за Лебоном, Тардом, Бехтеревым и Сидисом, социологи традиционно включают суггестию в число факторов, обуславливающих стихийное и иррациональное поведение человека в составе неорганизованных больших групп, в условиях драматических обстоятельств, угрожающих свободе и жизни человека., например, паника, воинская агрессия и др. На фоне негативной суггестивности мало обращается внимание на роль суггестии в формировании организованных общностей и институтов, и, в целом – культурно-социальной и духовной идентичности [6]. В свете концепции «мультифасетности суггестии», вывод о том, что в «современном, цивилизованном обществе суггестия утратила свое господствующее положение» [12, с. 8], является преждевременным. Процессы сознательного убеждения (persuasion) лишь частично объясняют характер как социализации, так и культурной идентификации в современных общественных институтах.

Согласно Б. Ф. Поршневу, функция речи заключается в обеспечении влияния на другого, и, следовательно, любая коммуникация является «инфлюативной коммуникацией». «Исходное свойство человеческой речи – выполняемая словом функция внушения (суггестии)» [9, с. 11]. «Внушение по определению есть внушение чего-то, что противостоит показаниям и импульсам со стороны первой сигнальной системы» [9, с. 14].

При отсутствии конфликта между чувством и словом суггестия тождественна полному доверию к внушаемому действию или состоянию, которое опирается на принадлежность обоих участников данного акта или отношения к одному «мы» – к социально-психической общности, противопоставляемой отношением к «они» [9, с. 14]. Состояние доверия является основополагающим для формирования культурной идентичности «мы». Следует говорить не об уходе суггестии со сцены культурогенеза, но о приспособлении ее форм и механизмов, которые присутствуют в воспитании, межпоколенной социализации, культурной идентификации. «Суггестия не исчезает в ходе истории – она наблюдается в видоизменениях по мере роста и усложнения контрсуггестии». «Традиция, обычай, культ, ритуал, всякое заучивание правил, текстов, церемонии, стереотипов, выражения эмоций – все это в истории народов Земли было весьма действенным средством истребить самовольство и самоуправство, то есть задушить в зародыше негативизм поведения» [9, с. 17, 21-22]. Инновационное развитие в природопользовании, индустрии, изобретательстве, образовании, искусстве, науке, идеологии и других сферах невозможно без защитных психических «антидействий», «необходимой антитезы» – контрсуггестии. Психическая независимость и рождение «внутреннего мира» индивидуальности, способной выступить с осознанных нонконформистских позиций достигается личным переходом от суггестивного содержания к контрсуггестии [9, с. 16].

Данный механизм лежит в основе возникновения эмоциональных и когнитивных эффектов в малой группе: «мы и они», «группового фаворитизма», эффекта волны, «group think», ошибки ложного согласия и других, динамика которых

проявляется не только в микросреде, но и при формировании социальных общностей: профессиональных групп, политических партий, национальных групп, и наконец, приверженцев культурных традиций. Это сопровождается контрсуггестивным лингвистическим обособлением на фонологическом уровне (ср. Пески́ – Пе́ски; Славя́нск – Сла́вянск), на лексическом, синтаксическом и логическом уровнях в виде словоупотребления, жаргонизмов, диалектов, формирования своего языка.

Контрсуггестия выступает, с одной стороны, как фактор самоопределения субъекта культуры, а с другой – как фактор развития культуры индивидуальности. «Разнообразие человеческой культуры выросло из дивергенции суггесторов и контрсуггесторов, из необходимости … уходить от навязанных ими форм взаимодействия и создавать свои новые» [9, с. 17-23]. Репродукция: шаблон, норма, традиция, обряд, этикет, культурная привычка – как результат суггестивного влияния культуры – создает контекст общения и облегчает взаимопонимание, само существование человека в культуре, и в тоже время контрсуггестия, противоречащая традиции, подчас создает если не прорыв, то новую область свободы, о чем пишет Ю. М. Лотман [7]. Исследования телевизионных форм интерактивной коммуникации показывают, что суггестия и контрсуггестия обуславливают эволюцию индивидуальных форм коммуникации, средств массовой информации и общественных институтов [4].

Контрсуггестия ограничивается рождением новой культурной традиции – контрконтрсуггестии – «коллективных представлений», новых культурных форм, разнообразных способов и приемов социализации и аккультурации индивида, которые выступают как креативный синтез, фактор инновационного развития – поиска новых форм, новых моделей развития, творческой адаптации социальных и культурных институтов к условиям необходимых перемен [9, с. 24-27]. Для народов, переживших эпоху столкновений «гугенотов» и «католиков», «юга» и «севера», «белых» и «красных» творческая социальная контрконтрсуггестия, преодолевающая негативную идентичность, является спасительным синтезом, воссоздающим национальное самосознание и новую социокультурную идентичность взамен утраченных в пепле гражданских войн [3].

Возрастание значения индивидуальности в обществе, признание субъекта культуры сопровождается социальным принятием контрсуггестии и возникновением домов молодежи, клубов по интересам, многочисленных субкультурных сообществ, а также смягчением критики в отношении протестных форм поведения и образа жизни. Однако проблемой остаются открытая агрессивность контрсуггестеров и трудность диалога с ними, о чем, в частности, красноречиво поведали Берджес в книге «Заводной апельсин» и снятый по роману фильм Кубрика, запрещенный к прокату, несмотря на получения Оскара, из-за заразительности противоправного поведения героев.

Современное общество пытается искать компромисс – входить в положение тинейджеров, увеличивать верхнюю границу молодежного возраста, смягчать образовательные требования, признавать молодежные стили языка и культуры и т. п. Однако уже В. Шаламовым была отмечена опасность романтизации и принятия (даже условного) норм девиантного и криминального поведения. Еще раньше проблема ложного компромисса была осмыслена и блокирована А. С. Макаренко: «Как можно больше уважения и как можно больше требовательности!». Макаренко противопоставил криминальному опыту подростков, вольно или невольно усвоивших контрсуггестивную форму асоциального поведения, не нормы обычной социальности, а контрконтрсуггестию – не только отрицание криминальной социализации, но и шанс достижения превосходства над предшествующими для них вариантами самореализации – обывателя и вора. Идентичность колонистов формировалась путем обретения достоинства самодостаточного профессионала, свободно действующего в группе товарищей, совместно ставящих и реализующих захватывающие цели. Новаторство Макаренко, несмотря на высокую оценку со стороны ЮНЕСКО, до сих вызывает полемику. Сегодня подростки наиболее уязвимы перед криминалом в соцсетях, где их вербуют в сообщества, ведущие к суициду («синий кит»), или опасно увлекают романтикой преступного мира в АУЕ (арестантский уклад един), религиозные секты.

Суггестивная коммуникация как предпосылка культурогенеза и формирования субъекта культуры исследуется сегодня разными научными дисциплинами, но до сих пор не получила межпредметного статуса. Интересная работа Н. Д. Субботиной «Суггестия и контрсуггестия в обществе» [11], написанная с использованием значительного пласта материалов может рассматриваться как описание суггестивных и контрсуггестивных механизмов в фундаментальных формах культуры. Однако констатации различия по-

следствий суггестии и контрсуггестии недостаточно, поскольку не определены современные перспективы взаимодействия данных явлений в форме контрконтрсуггестии. Практика суггестивной коммуникации в различных областях культуры – межличностном общении, деятельности СМИ, дипломатии, образовании, рекламе, вопреки нарастающему потоку вопросов о противоречивости ее последствий, до сих пор не получила интегрального осмысления. Суггестия является непременным атрибутом культурного регулирования и культурной идентификации, но как показывают исследования массовой коммуникации ее современные формы нуждаются в совершенствовании для преодоления негативизма со стороны современного субъекта культуры [5]. Поэтому механизмы суггестии во всем их многообразии: формирование осознанной убежденности, социального, директивного и недирективного влияния, импринтинга социальных и культурных норм, требуют изучения их влияния на процессы культурогенеза и формирования субъекта культуры [10].

Поле исследования этих взаимосвязанных проблем настолько обширно, что создает предпосылки для научного направления, условно обозначаемого нами как *культурная суггестология,* объединяющего подходы культурной антропологии и культурологии, социальной и возрастной психологии, этнолингвистики, педагогики и других наук. В рамках данного направления предлагается развертывание проблематики:

− механизмов суггестии, контрсуггестии и контрконтрсуггестии в контексте развития морали, философии, науки, искусства, политики для оценки их современного позитивного потенциала;

− перспективных стратегий контрконтрсуггестии для формирования субъекта культуры и культуры региональных социальных групп;

− воспитательных и образовательных практик в контексте различных культур и субкультур на предмет выявления потенциала позитивной суггестивности;

− влияния контрсуггестивности на развитие креативных свойств субъекта культуры и возникновения инновационных культурных практик;

− потенциала коммуникативных технологий в аспекте развития индивидуальности и формирования субъекта культуры.

Библиографический список

1. Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни [Текст] / В. М. Бехтерев. – СПб. : Изд. К. Л. Риккера, 1903. – 144 с.

2. Бехтерев, В. М. Гипноз, внушение, телепатия [Текст] / В. М. Бехтерев. – М. : Мысль, 1994. – 364 с.

3. Гудков, Л. Негативная идентичность: статьи 1997-2002 годов [Текст] / Л. Гудков. – М. : Новое литературное обозрение : ВЦИОМ-А, 2004. – 816 с.

4. Егорченкова, Н. Б. Суггестивное и контрсуггестивное поведение участников мультимодальной интеракции [Текст] / Н. Б. Егорченкова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 135-142.

5. Ежова, Е. Н. Сенсорно-суггестивная аргументация в медийно-рекламном тексте [Текст] / Е. Н. Ежова // Проблемы массовой коммуникации : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации». – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2010. – С. 79-82.

6. Лепехин, Н. Н. Проблема духовной идентичности организационной культуры в России [Текст] / Н. Н. Лепехин // Ежегодник Российского психологического общества : материалы 3-го Всероссийского съезда психологов, 25-28 июня 2003 г. : в 8 т. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – Т. 5. – С. 113-118.

7. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992) [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2010. – 704 с.

8. Росс, Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии [Текст] / Л. Росс, Р. Нисбетт; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 429 с.

9. Поршнев, Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) [Текст] / Б. Ф. Поршнев // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. – М. : Наука, 1971. – С. 7-35.

10. Протанская, Е. С. Этнокультурное просвещение детей в формировании ценностей современной России [Текст] / Е. С. Протанская // Вестник СПбГУКИ. – 2017. – № 4 (33) / декабрь. – С. 24-31.

11. Субботина, Н. Д. Социально-философский анализ контрсуггестии [Текст] / Н. Д. Субботина // Гуманитарный вектор. – 2008. – № 4. – С. 8-19.

12. Субботина, Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе [Текст] / Н. Д. Субботина. – М. : Изд-во «Ленанд», 2014. – 208 с.

13. Чалдини, Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся [Текст] / Р. Чалдини. – СПб. : Питер, 2010. – 336 с.

14. Eysenck, H. J. Encyclopedia of psychology / H. J. Eysenck, W. J. Arnold & R. Meili (1975). – Bungay, Suffolk : Fontana, 1975. – Vol. II. – 1186 p.

15. Gheorghiu, V. A. Suggestion and suggestibility: Theory and research / V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck, R. Rosenthal, K. Fiedler, W. E. Edmonston, Jr., P. W. Sheehan (Eds.). – New York, NY, US : Springer-Verlag Publishing, 1989. – XIX, 376 p.

16. Gheorghiu, V. A. The development of research on suggestibility: Critical considerations / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. Eysenck, R. Rosenthal (Eds.) // Suggestion and Suggestibility: Theory and Research. – New York : Plenum Press, JCM, 1989. – P. 3-55.

17. Gheorghiu, V. The difficulty in explaining suggestion: some conceivable solutions / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.) // Suggestion and Suggestibility. – Berlin : Springer-Verlag, 1989b. – P. 99-112.

18. Hall, E. Beyond Culture / E. Hall. – N. Y. : Anchor Books Edition, 1989. – 298 p.

19. Kolenda, N. Methods of Persuasion: How to Use Psychology to Influence Human Behavior / N. Kolenda. – Kolenda Entertainment, LLC, 2013. – 240 p.

20. Lacewing, M. The problem of suggestion in psychoanalysis: an analysis and solution / M. Lacewing // Philosophical Psychology. – 2013. – 26 / September. – P. 718-743.

21. O'Keefe, D. J. Persuasion: Theory and research / D. J. O'Keefe. – Los Angeles, CA: Sage Publications, 2016. – 408 p.

22. Orne, M. T. Demand characteristics / M. T. Orne & W. G. Whitehouse // Encyclopedia of Psychology / In A. E. Kazdin (Eds.). – Washington, D. C. : American Psychological Association, 2000. – P. 469-470.

23. Perez N. A. Hypnotizability, suggestibility and personality / Paper presented at the 56th Annual Conference of the Society for Clinical and Experimental Hypnosis / N. A. Perez, S. Brown, C. Compton and M. R. Nash. – Charleston, SC, 2005.

24. Perloff, R. M. The dynamics of persuasion: Communication and attitudes in the 21st century (6th ed.) / R. M. Perloff. – New York : Routledge, 2017. – 648 p.

25. Schwanenberg, E. Suggestion as social biasing of meaning tests / E. Schwanenberg // Suggestion and Suggestibility / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.). – Berlin : Springer-Verlag, 1989. – P. 263-278.

26. Sidis, Boris. The Psychology of Suggestion: A Research into the Subconscious Nature of Man and Society / Boris Sidis. – New York : D. Appleton & comp., 1898. – 386 p.

27. Tasso, Anthony F. Suggestion and Suggestibility: A Factor Analysis : PhD diss. / Anthony F. Tasso; University of Tennessee. – 2004. – URL: http://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/4587.

28. Tasso, A. F. Parsing everyday suggestibility: what does it tell us about hypnosis? The Oxford Handbook of Hypnosis: Theory, Research, and Practice / A. F. Tasso, N. A. Perez; edited by Amanda J. Barnier and Michael R. Nash. – 2008. – P. 283-309.

Reference List

1. Behterev, V. M. Vnushenie i ego rol' v obshhestvennoj zhizni = Suggestion and its role in public life [Tekst]] / V. M. Behterev. – SPb. : Izd. K. L. Rikkera, 1903. – 144 s.

2. Behterev, V. M. Gipnoz, vnushenie, telepatija = Hypnosis, suggestion, telepathy [Tekst] / V. M. Behterev. – M. : Mysl', 1994. – 364 s.

3. Gudkov, L. Negativnaja identichnost': stat'i 1997-2002 godov = Negative identity: Articles of 1997-2002 years [Tekst] / L. Gudkov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie : VCIOM–A, 2004. – 816 s.

4. Egorchenkova, N. B. Suggestivnoe i kontrsuggestivnoe povedenie uchastnikov mul'timodal'noj interakcii = Suggestive and countersuggestive behavior of participants of multimodal interaction [Tekst] / N. B. Egorchenkova // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Jazykoznanie = Bulletin of Volgograd state university. Series 2, Linguistics. – 2013. – № 3 (19). – S. 135-142.

5. Ezhova, E. N. Sensorno-suggestivnaja argumentacija v medijno-reklamnom tekste = The sensory and suggestive argument in the media and advertizing text [Tekst] / E. N. Ezhova // Problemy massovoj kommunikacii : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Problemy massovoj kommunikacii» = Problems of mass communication: materials of the All-Russian scientific and practical conference "Problems of Mass Communication". – Voronezh : Izd-vo VGU, 2010. – S. 79-82.

6. Lepehin, N. N. Problema duhovnoj identichnosti organizacionnoj kul'tury v Rossii = Problem of spiritual identity of organizational culture in Russia [Tekst] / N. N. Lepehin // Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva : materialy 3-go Vserossijskogo s#ezda psihologov, 25-28 ijunja 2003 g. : v 8 t. = Yearbook of the Russian psychological society: materials of the 3rd All-Russian congress of psychologists, on June 25-28, 2003: in 8 v. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2003. – T. 5. – S. 113-118.

7. Lotman, Ju. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki (1968-1992) = Semiosphere. Culture and explosion. Inside of thinking worlds. Articles. Researches. Notes (1968-1992) [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo-SPb, 2010. – 704 s.

8. Ross, L. Chelovek i situacija. Perspektivy social'noj psihologii = Person and situation. Prospects of social psychology [Tekst] / L. Ross, R. Nisbett; pod red. E. N. Emel'janova, B. C. Maguna. – M. : Aspekt Press, 1999. – 429 s.

9. Porshnev, B. F. Kontrsuggestija i istorija (Jelementarnoe social'no-psihologicheskoe javlenie i ego transformacii v razvitii chelovechestva) = Countersuggestion and history (The elementary social and psychological phenomenon and its transformations in development of humanity) [Tekst] / B. F. Porshnev // Istorija i psihologija = History and psychology / pod red. B. F. Porshneva, L. I. Ancyferovoj. – M. : Nauka, 1971. – S. 7-35.

10. Protanskaja, E. S. Jetnokul'turnoe prosveshhenie detej v formirovanii cennostej sovremennoj Rossii = Ethnocultural education of children in formation of values of modern Russia [Tekst] / E. S. Protanskaja // Vestnik SPbGUKI = Bulletin of SPbSUCA – 2017. – № 4 (33) / dekabr'. – S. 24-31.

11. Subbotina, N. D. Social'no-filosofskij analiz

kontrsuggestii = Social and philosophical analysis of countersuggestion [Tekst] / N. D. Subbotina // Gumanitarnyj vektor = Gumanitarny vektor. – 2008. – № 4. – S. 8-19.

12. Subbotina, N. D. Suggestija i kontrsuggestija v obshhestve = Suggestion and countersuggestion in society [Tekst] / N. D. Subbotina. – M. : Izd-vo «Lenand», 2014. – 208 s.

13. Chaldini, R. Psihologija vlijanija. Ubezhdaj, vozdejstvuj, zashhishhajsja = Influence psychology. Convince, influence, be protected [Tekst] / R. Chaldini. – SPb. : Piter, 2010. – 336 s.

14. Eysenck, H. J. Encyclopedia of psychology / H. J. Eysenck, W. J. Arnold & R. Meili (1975). – Bungay, Suffolk : Fontana, 1975. – Vol. II. – 1186 p.

15. Gheorghiu, V. A. Suggestion and suggestibility: Theory and research / V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck, R. Rosenthal, K. Fiedler, W. E. Edmonston, Jr., P. W. Sheehan (Eds.). – New York, NY, US : Springer-Verlag Publishing, 1989. – XIX, 376 p.

16. Gheorghiu, V. A. The development of research on suggestibility: Critical considerations / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. Eysenck, R. Rosenthal (Eds.) // Suggestion and Suggestibility: Theory and Research. – New York : Plenum Press, JCM, 1989. – P. 3-55.

17. Gheorghiu, V. The difficulty in explaining suggestion: some conceivable solutions / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.) // Suggestion and Suggestibility. – Berlin : Springer-Verlag, 1989b. – P. 99-112.

18. Hall, E. Beyond Culture / E. Hall. – N. Y. : Anchor Books Edition, 1989. – 298 p.

19. Kolenda, N. Methods of Persuasion: How to Use Psychology to Influence Human Behavior / N. Kolenda. – Kolenda Entertainment, LLC, 2013. – 240 p.

20. Lacewing, M. The problem of suggestion in psychoanalysis: an analysis and solution / M. Lacewing // Philosophical Psychology. – 2013. – 26 / September. – P. 718-743.

21. O'Keefe, D. J. Persuasion: Theory and research / D. J. O'Keefe. – Los Angeles, CA: Sage Publications, 2016. – 408 p.

22. Orne, M. T. Demand characteristics / M. T. Orne & W. G. Whitehouse // Encyclopedia of Psychology / In A. E. Kazdin (Eds.). – Washington, D. C. : American Psychological Association, 2000. – P. 469-470.

23. Perez N. A. Hypnotizability, suggestibility and personality / Paper presented at the 56th Annual Conference of the Society for Clinical and Experimental Hypnosis / N. A. Perez, S. Brown, C. Compton and M. R. Nash. – Charleston, SC, 2005.

24. Perloff, R. M. The dynamics of persuasion: Communication and attitudes in the 21st century (6th ed.) / R. M. Perloff. – New York : Routledge, 2017. – 648 p.

25. Schwanenberg, E. Suggestion as social biasing of meaning tests / E. Schwanenberg // Suggestion and Suggestibility / In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.). – Berlin : Springer-Verlag, 1989. – P. 263-278.

26. Sidis, Boris. The Psychology of Suggestion: A Research into the Subconscious Nature of Man and Society / Boris Sidis. – New York : D. Appleton & comp., 1898. – 386 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

УДК 128

В. И. Можегов

https://orcid.org/0000-0002-5033-0206

Открытие Пушкина-мыслителя в работах С. Франка

Первым, кто указал на Пушкина как *наиумнейшего человека своего времени* и *вождя умственного поколения*, имеющего свою миссию по России, был Гоголь. Достоевский вслед за Гоголем указал на всечеловеческий характер пушкинского гения. Но лишь через 60 лет после гибели поэта Мережковский впервые заговорит о Пушкине как о великом мыслителе и мудреце. И лишь спустя 40 лет после Мережковского появятся работы С. Франка, в которых мировоззрение поэта будет подвергнуто тщательному феноменологическому анализу. В работах С. Франка Пушкин предстает редчайшим в истории типом всеобъемлющего поэта-мудреца, «истинно великим мыслителем», указавшем России эволюционный, не катастрофический путь развития. Основной религиозно-метафизической установкой Пушкина С. Франк называет «благоволение», сочувствие всему живому на земле. Философ отмечает, что пушкинский мир – это огромный лабиринт духа, «который кажется необъятным и неупорядоченным – так много в нем комнат и переходов, – но который все же построен по определенному стройному плану» и исследование которого должно стать важнейшей задачей русской культуры. Русская мысль после Пушкина, считает С. Франк, пошла не пушкинскими путями. Гоголь и Достоевский повели ее по пути «борьбы со злом» и «пророческого обличения». Однако не укорененная в последнем «благоволении», такая борьба (будучи вполне законной) может обратиться в сатанинский бунт против мира и его Творца. По мнению С. Франка, забыв заветы Пушкина, Россия с неумолимой последовательностью пришла к большевизму. Пушкин и сегодня остается величайшим русским мыслителем. Но и спустя 180 лет после гибели поэта задача «познания Пушкина» все еще не решена и остается как никогда актуальной.

Ключевые слова: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Мережковский, С. Франк, философия, метафизика, универсализм

V. I. Mozhegov

Revealing of Pushkin the Thinker in S. Frank's Works

The first to point out Pushkin as «the most intelligent man of his time» and «the leader of the intellectual generation» with a special mission in Russia was Gogol. Dostoevsky in his «Pushkin Speech» will point, following Gogol, to the universal human character of Pushkin's genius. But it was only 60 years after the death of the poet when Merezhkovsky first talked about Pushkin as a great thinker and sage. And only 40 years after Merezhkovsky, works by S. Frank will appear, in which Pushkin's worldview will be subjected to a thorough phenomenological analysis. In the works by S. Frank, Pushkin emerges as the exceptional type of the all-encompassing poet-sage in history, «a truly great thinker» who envisioned evolutionary, not catastrophic development path for Russia. However, Pushkin the thinker remained unheeded by the intellectual elite of his time. The Russian thought did not follow Pushkin's path, and as a result, a revolutionary catastrophe ensued. This is the central thesis of S. Frank's works on Pushkin. But even today, 180 years after the death of the poet, the task of «knowing Pushkin» is still not solved and remains more urgent than ever.

Keywords: Pushkin, Gogol, Dostoevsky, Merezhkovsky, S. Frank, philosophy, metaphysics, universalism.

Первым, кто заговорил о русской поэзии в интонациях почти библейских, а о Пушкине как *наиумнейшем человеке своего времени* и *вожде умственного поколения*, имеющим свою миссию по России, был Гоголь. («Избранные места из переписки с друзьями») [5, с. 276]. Однако яростно-обскурантистская отповедь Белинского, последовавшая на гоголевскую «Переписку» [3], надолго отбила у русской публицистики желание залетать «во области заочны» и вообще искать в поэзии глубокие смыслы.

Вплотную подобрался к теме Пушкин-мыслитель лишь М. Катков, большая часть статьи «Пушкин» (1856) [9] которого посвящена отношениям философии и поэзии. Впрочем, о мысли самого Пушкина в ней сказано мало. Так же и Достоевский, провозглашая в своей знаменитой речи 1880 г. [8, с. 129-149] Пушкина «учителем мудрости», не проникает в мировоззрение поэта дальше общих тезисов о его универсальности и всечеловечности. Всерьез обратит внимание на собственную мысль Пушкина лишь П. В. Анненков в статье «Общественные идеалы Пушкина» (1888) [2]. И лишь Мережковский впервые заговорит о Пушкине как великом мыслителе и мудреце. Его статья «Пушкин» (1896) войдет в символистский сборник «Философские течения русской поэзии» [11], а в следующем году станет заключительной главой книги «Вечные спутники» (1897) [10]. И, наконец, спустя 40 лет после появления статьи

© Можегов В. И., 2018

Мережковского и спустя 20 лет после революционной катастрофы появятся работы С. Франка «Пушкин как политический мыслитель» [13] и «О задачах познания Пушкина» [14, с. 77-126], в которых в полный голос будет заявлена тема Пушкина-мыслителя, а само мировоззрение поэта подвергнуто тщательному феноменологическому анализу. Назвав Пушкина «истинно великим мыслителем», С. Франк призовет русскую культурную элиту вникнуть, наконец, в «духовное содержание пушкинского творчества», доселе непонятное и недооцененное, и поставит конкретные задачи «познания Пушкина».

Что же конкретно говорит в своих статьях С. Франк? Пушкин – редчайший в истории тип всеобъемлющего поэта-мудреца, поэта-мыслителя. Но даже если бы до нас не дошло ни одно его поэтическое произведение и «мы могли судить о Пушкине только по его письмам, прозаическим работам и наброскам и по достоверно переданным нам устным высказываниям, то и этого материала, при внимательном отношении к нему, было бы достаточно, чтобы признать Пушкина самым замечательным русским умом 19-го века». Франк присовокупляет, кстати, и мнение М. О. Гершензона [7]: если бы от всего Пушкина до нас дошло только его письмо Чаадаеву, в котором он оспаривает тезис об «историческом ничтожестве России», этого было бы достаточно, чтобы усмотреть его гениальность.

Конечно, Пушкин – не традиционный философ и не такой поэт-философ, как, например, Баратынский или Тютчев. У него нет своей «системы», нет «рассуждений» и «теорий». Немецкую метафизику он презирает за отвлеченность, как и всякое, оторванное от конкретности «умозрение». «О нем можно было бы сказать то же, что Гете сказал о самом себе, именно, что он был лишен особого органа для „философии" – и притом на том же основании: на основании прирожденного, инстинктивного сознания, что всякая теория „сера" по сравнению с „златым древом жизни"», – замечает С. Франк, – или, «что реальность укладывается в любую теорию лишь на тот лад, на какой живое тело подходит ко всякому кресту, на котором оно распинается» [6, с. 428].

Пушкин не мастер отвлеченного познания. Основное свойство его мысли заключается в ее жизненной проницательности. Его исторические, политические и историософские мысли и обобщения укладываются непосредственно в общие рамки его жизненной мудрости. А его поэзии свойствен тот «неумышленный, гениально-наивный символизм», который всегда свойствен истинной поэзии. Итак, Пушкин – «мыслитель-мудрец» [6, с. 427], «наивный мудрец – ведатель жизни»: «Его познание объективного бытия никогда не стремится открыть основу реальности, „вещь в себе" позади явлений; оно всегда имманентно явлениям жизни, просто их воспроизводит, но именно поэтому, рисуя полновесным словом картину жизни, пронизывает ее соками духовной жизни и открывает конкретное существо явлений полнее и глубже всякого философа» [6, с. 442].

Пушкинская мудрость «никогда не есть ни только субъективное настроение, ни только объективная теория бытия. Она, в качестве истинной, совершенной поэзии, есть откровение бытия – сама реальность, обретшая голос и повествующая о самой себе. Она есть то последнее живое знание или знание-жизнь, в котором не субъективное сознание данной личности что-нибудь знает и сообщает нам о жизни, а сама жизнь в стихии слова сознает себя и являет нам себя осознанной и опознанной» [6, с. 443]. «Это живое ведение или, вернее, эта самопознавшая себя жизнь не исчерпывается никакими „мыслями" или „идеями". Ее идеальное содержание выразимо лишь в комплексе противоборствующих и взаимно уравновешивающих друг друга идей…» [6, с. 443]. «Мысль его есть „как бы самооткровение самой конкретной жизни", его „жизненная мудрость построена на принципе совпадения противоположностей (coincidentia oppositorum), единства разнородных и противоборствующих потенций бытия"» [6, с. 443].

Сама пушкинская универсальность – это не только «всеприятие» и перевоплощение в души иных народов, о которых говорит Достоевский, но универсализм внутреннего духовного мира, какая-то почти безграничная широта духа, бесконечная широта духовного горизонта: «Душа его раскрыта для всего – для радостей жизни и для мрачного уныния и тоски, для гармонии и для дисгармонии в жизни, для диких, безумных страстей и мудрого стоического спокойствия, для одиночества и для общения, для аристократической утонченности и для простоты народной жизни, эпикуреизма и жертвенного героизма, для квиетизма и для творческой энергии, для гордости и для смирения, для непреклонного отстаивания свободы и для мудрого понимания смысла власти и подчинения» [6, с. 445]. И в этой своей потрясающей универсальности Пушкин в самом глубоком смысле слова «сверхпартиен», «он не замыкается ни в каком „миросозерцании", ни в каком духовном направлении, ни в какой односторонней теории… Вот

почему «все попытки приписать Пушкину какое-либо однозначное, отвлеченно-определенное отношение к проблемам жизни, отыскать у него „миросозерцание", основанное на каком-либо одном принципе, заранее безнадежны и методологически превратны».

Как на два примера такой односторонности С. Франк указывает на Достоевского и Конст. Леонтьева: «Даже такой человек, как Достоевский, не удержался от соблазна, – как ядовито замечает Конст. Леонтьев – превратить героического, чувственного, языческого Пушкина в смиренного христианина" (причем не нужно забывать, что эта противоположная характеристика Леонтьева так же одностороння)». [6, 446]

Но Пушкин – продолжает С. Франк, – поэт не только необычайно широкий, но и глубоко трагический. Это трагическое содержание часто остается незамеченным. Совершенство его поэзии как бы заслоняет глубину ее содержания. Но главное: трагедия оказывается преодолена достигнутым им духовным просветлением. Здесь Пушкину ведом и «такой глубинный слой духовной жизни, который уже выходит за пределы трагизма и по самому своему существу исполнен покоя и светлой радости». [15, с. 170]

Пушкинский мир философ называет огромным лабиринтом духа, «в котором легко заплутаться, и который кажется необъятным и неупорядоченным – так много в нем комнат и переходов, – но который все же построен по определенному стройному плану» [6, с. 447] и исследование которого должно стать важнейшей задачей русской культуры.

Однако, продолжает С. Франк, до сих пор невероятная глубина и сила пушкинской мысли оказывались за гранью внимания исследователей. С интересом исследуя «самые узкие и грубые, самые фантастические общественно-этические построения русских умов», они, до сих пор, молча проходили мимо Пушкина. В итоге, «история русских иллюзий и фантазий» оказалась изучена гораздо более основательно, чем история русской здравой мысли, воплощенной в Пушкине [6, с. 397].

Итак, русская мысль после Пушкина пошла не пушкинскими путями, красноречивым итогом чего и стала революционная катастрофа. Таков центральный тезис «пушкинского похода» С. Франка, на протяжении 1930-1940-х гг. опубликовавшего более десятка пушкинских статей, пять из которых позднее вошли в книгу «Этюды о Пушкине» [16].

Судьбе послепушкинской России, не узнавшей своего пророка, С. Франк посвящает особую работу «Пушкин и духовный путь России» [17]. Пушкин, говорит здесь философ, понял одну очень важную вещь, некую тайну мироздания, заключающуюся в том, что зло не может быть просто устранено из человеческого бытия. Со злом нельзя бороться, просто объявив ему войну (выйдя на «битву со злом», как призывал Гоголь). Однако, зло можно победить приятием его, как части своей вины, своего собственного зла, и тем самым угасить его, преодолев смирением. Именно таким и был духовный акт Пушкина, принимающего все бытие со всем его злом и добром, без остатка, до такой степени, что даже был готов (единственный в русской литературе) принять «дьявола рядом с папой». Его душа одинаково готова была оправдать и нравственную и беспутную жизнь, поскольку и той и другой открыты пути духовного возрождения, дорога домой. Он не покушался изменить мир, ощущая стоящую за всем тайну бытия и струящийся за всеми его проявлениями тихий свет. В нем не было «негодования на зло». Вооруженный таким смиренным всеприятием, он встречал зло щитом «мудрого невежества» и оставался невредимым: новое познание зла не обременяло его.

Основной религиозно-метафизической установкой Пушкина было «благоволение» (его собственное слово), сочувствие всему живому на земле. Последнее отмечали и его друзья: «В нем было более любви, нежели негодования» (кн. Вяземский) [4, с. 80]; выше всего он «ставил в человеке качество благоволения ко всем» (П. А. Плетнев) [12]. Такова была духовная правда, откровение Пушкина, которое он принес России. Однако, продолжает С. Франк, «Русское сознание тотчас же после Пушкина пошло – первоначально и в самых глубоких своих выражениях тоже по религиозным мотивам – по пути негодования на мировое зло, обличения зла и борьбы с ним (Гоголь, Лермонтов, Достоевский). Оно все стоит под знаком проблемы теодицеи. Оно мучится невыносимым и неразрешимым противоречием между несовершенством эмпирического мира и идеалом Божьей правды, Божьим замыслом мира. Оно все проникнуто мировой скорбью (в точном, буквальном смысле этого понятия) и духом борьбы за правду. Пушкин же «на битву не вышел», как справедливо говорит Гоголь. Но не по «слабости души» (он умел твердо отстаивать свои убеждения и был, как известно, во всех отношениях храбр почти до безумия), а потому, что позиция

«битвы» не соответствовала его основной духовной установке. Поэтический гений Пушкина совпадал с духовной раскрытостью к восприятию Божественного происхождения и Божественного смысла мирового бытия» [6, с. 495-496]. И можно сказать, – заключает С. Франк, – что весь трагизм духовного пути России за сто лет, отделяющих нас от Пушкина, в конечном счете определен тем, что этот завет Пушкина был забыт и отвергнут. Конечно, оговаривается Франк, правомерны обе установки. Негодование на зло, его обличение, борьба с ним столь же законны и необходимы в человеческой жизни, как благостное и радостное приятие Божественного существа и смысла мира. Но там где «борьба со злом» не укоренены в этом последнем «благоволении», «в приятии Божественного религиозного корня», там она может превратиться в чистую злобу и ненависть. Тогда «пророческое обличение становится сатанинским бунтом против мира и – в пределе – против его Творца, и совершается таинственное и жуткое, как бы химическое превращение первоначального добра в чистое зло, в бессильную и в своем бессилии тем более жестокую потугу разрушения мира. Это и есть итог пути, по которому пошла Россия, забывшая заветы Пушкина. Путь, по которому повели Россию такие религиозные умы, как Гоголь и Достоевский, против их воли, но с неумолимой последовательностью, привел в конечном итоге, – через это внутреннее перерождение, которое на нем почти неизбежно и действительно совершилось, – к большевизму» [6, с. 497], – заключает С. Франк.

Конечно, сказать, что Гоголь и Достоевский привели Россию к большевизму – кажется, несколько слишком. Но в главном философ, кажется, прав. И не только Гоголь (С. Т. Аксаков считал, например, что «смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа» [1, с. 370]), но и Лермонтов, и Достоевский, и Толстой оказались несколько духовно дезориентированы вне идеального пушкинского духовного «камертона», и, в конце концов, просто не справились с управлением. Солнце Пушкина закатилось слишком рано. Без него и сама Россия потеряла свое равновесие и… пошла вслед за Радищевым с его странными обидами и невнятными бормотаниями, и Белинским, с его пылким сердцем и односторонним, неглубоким умом. Русская мысль не смогла подняться к тому синтетическому восприятию исторической реальности, на который был способен пушкинский гений. Она не увидела гениального творческого синтеза «России и Европы», «западничества» и «славянофильства», предложенного Пушкиным, его здорового консерватизма, сочетающегося «с напряженным требованием свободного культурного развития… и независимости личности» [6, с. 398]. Не увидела, наконец, и его совершенно необычной для того времени политической формулы, в которой монархия, сословное государство, консерватизм и свобода выступают как целокупное единство, противостоящее деспотизму и радикализму «демократии» и «якобинства». Будучи, «величайшим русским политическим мыслителем XIX века» [6, с. 398] Пушкин, увы, «не оказал почти никакого влияния на историю русской мысли, русской духовной культуры» [6, с. 396], – заключает С. Франк.

Трудно не согласится с последним тезисом, как и с тем, что эту ситуацию необходимо менять. Кто-то метко заметил, что Пушкин по-настоящему открывается либо восприятию совсем младенческому, либо – уже прошедшему через трагедию. Можно сказать, что XX век России и стал такой общенародной трагедией, до сих пор не преодоленной. В этом контексте задача «познания Пушкина», поставленная русским философом 80 лет назад, оказывается предельно актуальной, а цена ее решения – предельно высокой.

Библиографический список

1. Аксаков, С. Т. История моего знакомства с Гоголем [Текст] / С. Т. Аксаков. – М. : Правда, 1966. – 408 с.

2. Анненков, П. В. Общественные идеалы А. С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта: Пушкин в Александровскую эпоху [Текст] / сост. А. И. Гарусов. – Минск : Лимариус, 1998. – 360 с.

3. Белинский, В. Г. Письмо к Гоголю [Текст] / В. Г. Белинский; редакция, предисловие и примечания Н. Ф. Бельчикова. – М. : Художественная литература, 1936.

4. Вяземский, П. А. «Цыганы», поэма Пушкина [Текст] / П. А. Вяземский // Эстетика и литературная критика. – М. : Искусство, 1984. – С. 74-87.

5. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений в 14 т. [Текст] / Николай Гоголь. Статьи. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1937-1952. – Т. 8. – 811 с.

6. Гальцева, Р. А. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. [Текст] / составление, вступительная статья, библиографические справки Р. А. Гальцевой. – М. : Книга, 1990. – 527 с.

7. Гершензон, М. О. Мудрость Пушкина [Текст] / М. О. Гершензон, Избранное // сост. И. Л. Беленький : Биографии и Мемуары. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2015.

8. Достоевский, Ф. М. Пушкинская речь [Текст] / Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30

т. // АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984. – Т. 26. – 518 с.

9. Катков, М. Н. Пушкин: Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века [Текст] / подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. – М. : Искусство, 1982. – 544 с.

10. Мережковский, Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы [Текст] // Литературные памятники. – М. : Наука, 2007. – 907 с.

11. Перцов, П. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи [Текст] / сост. П. Перцов. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1896. – 394 с.

12. Плетнев, П. А. Из переписки с Я. К. Гротом [Текст] // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. : Т. 2. – СПб. : Академический проект, 1998. – 290 с.

13. Франк, С. Пушкин как политический мыслитель [Текст] / С. Л. Франк; С предисловием и дополнениями П. Б. Струве. – Белград, 1937.

14. Франк, С. Л. О задачах познания Пушкина [Текст] // С. Л. Франк Этюды о Пушкине – М. : Согласие, 1999.

15. Франк С. Л. Светлая печаль [Текст] / С. Л. Франк Этюды о Пушкине – М. : Согласие, 1999.

16. Франк, С. Л. Этюды о Пушкине [Текст] / С. Л. Франк. – Мюнхен, 1957.

17. Франк, С. Л. Пушкин и духовный путь России [Текст] / в кн. Досье : Приложение к «Литературной газете», июнь (Мир Пушкина). – М., 1990.

Reference List

1. Aksakov, S. T. Istorija moego znakomstva s Gogolem = History of my acquaintance with Gogol [Tekst] / S. T. Aksakov. – M. : Pravda, 1966. – 408 s.

2. Annenkov, P. V. Obshhestvennye idealy A. S. Pushkina. Iz poslednih let zhizni pojeta: Pushkin v Aleksandrovskuju jepohu = Public ideals of A. S. Pushkin. From last years of the poet's life: Pushkin during the Aleksandr era [Tekst] / sost. A. I. Garusov. – Minsk : Limarius, 1998. – 360 s.

3. Belinskij, V. G. Pis'mo k Gogolju = The letter to Gogol [Tekst] / V. G. Belinskij; redakcija, predislovie i primechanija N. F. Bel'chikova. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1936.

4. Vjazemskij, P. A. «Cygany», pojema Pushkina = «The Gypsies», poem by Pushkin [Tekst] / P. A. Vjazemskij // Jestetika i literaturnaja kritika = Esthetics and literary criticism – M. : Iskusstvo, 1984. – S. 74-87.

5. Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij v 14 t. = Complete set of works in 14 v. [Tekst] / Nikolaj Gogol'. Stat'i. – M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1937-1952. – T. 8. – 811 s.

6. Gal'ceva, R. A. Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. Konec XIX – pervaja polovina XX vv. = Pushkin in the Russian philosophical criticism. The end of the XIX – the first half of the XX centuries. [Tekst] / sostavlenie, vstupitel'naja stat'ja, bibliograficheskie spravki R. A. Gal'cevoj. – M. : Kniga, 1990. – 527 s.

7. Gershenzon, M. O. Mudrost' Pushkina = Pushkin's wisdom [Tekst] / M. O. Gershenzon, Izbrannoe // sost. I. L. Belen'kij : Biografii i Memuary = author I. L. Belenky: Biographies and Memoirs – M. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015.

8. Dostoevskij, F. M. Pushkinskaja rech' = Pushkin speech [Tekst] / F. M. Dostoevskij. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. // AN SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom) = Academy of Sciences of the USSR, the Institute of the Russian literature (Pushkin House). – L. : Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1984. – T. 26. – 518 s.

9. Katkov, M. N. Pushkin: Russkaja jestetika i kritika 40-50-h godov XIX veka = Pushkin: Russian esthetics and criticism of the 40-50-s years of the XIX century [Tekst] / podgot. teksta, sost., vstup. stat'ja i primech. V. K. Kantora i A. L. Ospovata. – M. : Iskusstvo, 1982. – 544 s.

10. Merezhkovskij, D. S. Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury = Eternal satellites. Portraits from the world literature [Tekst] // Literaturnye pamjatniki. – M. : Nauka, 2007. – 907 s.

11. Percov, P. Filosofskie techenija russkoj pojezii. Izbrannye stihotvorenija i kriticheskie stat'i = Philosophical schools of thought of the Russian poetry. Selected poems and critiques [Tekst] / sost. P. Percov. – SPb. : Tipografija M. Merkusheva, 1896. – 394 s.

12. Pletnjov, P. A. Iz perepiski s Ja. K. Grotom From correspondence with Ya.K. Grot [Tekst] // Pushkin v vospominanijah sovremennikov. V 2-h t. : T. 2. = Pushkin in contemporaries' memoirs. In 2 v.: V. 2. – SPb. : Akademicheskij proekt, 1998. – 290 s.

13. Frank, S. Pushkin kak politicheskij myslitel' = Pushkin as a political thinker [Tekst] / S. L. Frank; S predisloviem i dopolnenijami P. B. Struve. – Belgrad, 1937.

14. Frank, S. L. O zadachah poznanija Pushkina = On problems of learning Pushkin [Tekst] // S. L. Frank Jetjudy o Pushkine = Etudes about Pushkin. – M. : Soglasie, 1999.

15. Frank S. L. Svetlaja pechal' = Light grief [Tekst] / S. L. Frank Jetjudy o Pushkine = Etudes about Pushkin – M. : Soglasie, 1999.

16. Frank, S. L. Jetjudy o Pushkine = Etudes about Pushkin [Tekst] / S. L. Frank. – Mjunhen, 1957.

17. Frank, S. L. Pushkin i duhovnyj put' Rossii = Pushkin and spiritual way of Russia [Tekst] / v kn. Dos'e : Prilozhenie k «Literaturnoj gazete», ijun' (Mir Pushkina). – M., 1990.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

УДК 94

А. А. Лихоманова

https://orcid.org/0000-0002-6424-8537

Национально-государственные идеи А. С. Пушкина в поэме «Медный всадник»

В статье осмысляются национально-государственные идеи А. С. Пушкина, развиваемые в поэме «Медный всадник». Дан сравнительный анализ представлений Пушкина о России до Петра Великого и современного ему государства, роли Петра в преобразовании страны. В статье дана интерпретация суждений Пушкина о геополитических интересах России, о взаимоотношениях маленького человека и власти. По Пушкину, скульптурный памятник Петру Великому верно создавал образ волевого, сильного царя, основателя города у моря, думающего о славе России. В представлении поэта, Петр I был патриотом, защищавшим право России на свой суверенитет, доказывавшим необходимость поддерживать высокую боеспособность ее вооруженных сил, важность развития торговли. Пушкин оценивал реформаторскую деятельность царя как значимую для России, поскольку она обеспечивала ее независимость, укрепление государственности, рост международного авторитета державы, формирование новой культуры общества, отражающей современные его потребности. Он высоко оценивал строительство Петербурга. Доказывается, что Пушкин видел значение новой столицы не только для развития экономики и городской среды, но и защиты геополитических интересов России. Петербург в сознании Пушкина был олицетворением новой великой России. Пушкина отличало развитое гражданское и государственное сознание. Заявляя в своей поэме о значимости для маленького человека ценностей любви и семьи, он понимал и необходимость положительно воспринимать геополитику государства, если она отстаивает суверенитет и интересы отечества. Будучи одним из создателей культуры «русской европейскости», основанной на гуманном отношении к человеку, он осуждал невнимание, безразличие власти к личности. Пушкин – и государственник по своему мышлению, и свободолюбивая личность, уважающая права человека на его частную жизнь.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, поэма «Медный всадник», история России, Петр I, Петербург, Александр I, национально-государственная идентичность.

A. A. Likhomanova

«The Bronze Horseman» by A. S. Pushkin: National and State Ideas of the Poet

In the article are presented the national and state ideas of Pushkin, which are developed in the poem «The Bronze Horseman». A comparative analysis of Pushkin's ideas about Russia before Peter the Great and the modern state, the role of Peter in the transformation of the country is given. The article gives an interpretation of Pushkin's judgments about the geopolitical interests of Russia, about the relationship of a small man and power. According to Pushkin, the sculptural monument to Peter the Great faithfully created the image of a strong-willed, strong king, the founder of the city by the sea, thinking about the glory of Russia. In the view of the poet, Peter I was a patriot who defended Russia's right to its sovereignty, proving the need to maintain the high combat capability of its armed forces, the importance of trade. Pushkin estimated the Tsar's reformist activity as significant for Russia, as it ensured its independence, strengthening of statehood, growth of the internationally authority of the state, formation of a new culture of the society, reflecting its modern needs. He highly appreciates the construction of St. Petersburg. It is proved that Pushkin saw the importance of the new capital city not only for the development of the economy and the urban environment, but also for the protection of geopolitical interests of Russia. Petersburg in Pushkin's view was the personification of a new great Russia. Pushkin distinguished civic and national consciousness. Stating in his poem about the importance of the values of love and family for the little man, he also understood the need to perceive positively the geopolitics of the state, if it defends the sovereignty and interests of the Motherland. Being one of the founders of the culture of «Russian europeanness», based on a humane attitude to man, he condemned the inattention, indifference of the authorities to the individual. Pushkin is both a statesman in his thinking and a freedom-loving person who respects human rights to his private life.

Keywords: A. S. Pushkin, poem «The Bronze Horseman», history of Russia, Peter the Great, St. Petersburg, Alexander I, national and state identity.

Одним из основных направлений современной исторической науки является изучение национально-культурной идентичности общества в разные периоды его развития. Под идентичностью принято понимать представления, выработанные обобщенным групповым опытом предыдущих поколений и усваиваемые индивидом в процессе социализации [8, с. 12]. Данный опыт аккумулируется в индивидуальной и коллективной памяти. По мнению Л. П. Репиной, «именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего» [8, с. 12]. А. Мегилл в книге

© Лихоманова А. А., 2018

«Историческая эпистемология» определяет связь памяти с историей: «…память делает для нас возможной базовую концептуальную предпосылку историописания, поскольку без памяти не было бы переживания времени, а без временного опыта мы не могли бы располагать события и „экзистенциалы" в прошлом, вместо того чтобы рассматривать их в актуальном или вечном настоящем» [4, с. 104]. Образы прошлого транслируются через систему образования [8, с. 12] Историческая память содержит актуальный набор культурных символов, она представляет собой постоянно обновляемую структуру или непрерывный процесс, утверждают методологи [8, с. 12]. Идентичность социума поддерживается путем усвоения общепринятых представлений о своем воображаемом прошлом.

Значительную роль в формировании национально-культурной идентичности играют произведения искусства. Создавая эмоционально-окрашенные образы прошлого, культурные символы, они влияют на развитие исторического сознания, становление системы ценностей не только современников, но и потомков. А. С. Пушкин в ряде своих произведений развивал национально-государственные идеи, дал оценку многих исторических событий. Его интерпретация российского исторического процесса и политики власти вызвала значительный интерес у русских мыслителей и историков [5, 10, 11, 12].

А. С. Пушкин в произведении «Медный всадник» создал образы России, Петербурга, Петра I, Александра I, в контексте своей системы ценностей раскрыл проблему взаимоотношений государства и маленького человека в России. Поэма была написана в 1833 г. (издана посмертно в 1837 г.). Она имела огромное влияние на историческое сознание современников и потомков. Анализ созданных поэтом образов императоров и России позволяет выявить черты национально-государственного сознания поэта.

Русские интеллектуалы стремились понять идеи Пушкина, развиваемые в поэме «Медный всадник». Главной темой этого произведения они считали проблему конфликта между всевластным правителем и маленьким человеком. В. Г. Белинский, выучивший поэзию Пушкина, трактовал мысль поэта как признание значимости интересов государства, но власть, не думавшая о личности, могла обречь ее на гибель. «Белинский сочувствовал человеку, гибнущему по воле царя Петра, и не развивал идею смирения человека перед государством» [9, с. 207]. Белинский считал, что творчество гения Пушкина было важнейшей составляющей рождающейся мыслительной жизни в России [2, с. 33]. Литератора и историка Иванова-Разумника интересовал вопрос «На чьей стороне симпатии Пушкина»? [3, с. 164, 165]. «*Личность не только погибает, но и побеждается государством*, и Пушкин как бы предлагает личности смириться перед поглощающим ее Левиафаном, олицетворенным в образе Медного всадника. С одной стороны – Петр, гигант на бронзовом коне, властно вздергивающий уздой железной Россию на дыбы, властно подавляющий права личности ради блага всего государства, властно воздвигающий „из тьмы лесов, из топи блат" огромный город на гибель сотням и тысячам отдельных личностей; с другой стороны – представитель этих последних, единичная и добровольно бесцветная личность, быть может, даже слишком бесцветная, почти ничтожная, но противопоставляемая стихийной общественной силе гиганта из меди и бронзы» [3, с. 164, 165]. Е. Л. Сараева считает, «что Иванов-Разумник ошибался, называя героя поэмы Евгения „бесцветным", „ничтожным". У Пушкина нет уничижительных оценок Евгения. Наоборот, поэт, представляя систему ценностей своего героя, заявлял о праве человека на уважение его чести, достоинства, на мечту о любви, семье, детях, внуках…». [9, с. 207].

Проблематика «Медного всадника» имеет исторические и социокультурные составляющие. Одна из основных тем поэмы – роль Петра I в создании Петербурга. Основание Петербурга – дискуссионная проблема, обсуждаемая русскими интеллектуалами первой половины XIX в. В сознании многих русских людей того времени, Петербург был воплощением петровской политики заимствования европейского опыта. Однако Пушкин в поэме предложил свое понимание строительства и исторической роли Петербурга как города, обеспечивающего защиту геополитических интересов России (в современной терминологии) как великой державы. В отличие от многих, воспринимавших Петербург как образец подражательной политики власти, Пушкин понимал, что Петр, строя город, навеки закреплял земли Невы за Россией, превращая ее в морскую державу, защищая независимость государства.

А. С. Пушкин развивал свою мысль о значении Петербурга, создавая контрасты между берегами Невы до строительства крепости и столичным городом через сто лет. Он начал свое повествование с описания невских берегов после возращения

их русскими войсками в годы Северной войны со Швецией в начале XVIII века. Они представлялись ему малозаселенными, плохо освоенными: берега «мшистые», «топкие»; одинокие бедные челны плавали по реке. Жизнь местных жителей была нищенской, убогой: «*Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца*» [7, с. 126]. Поэт считал, что не привлекательная в хозяйственном отношении земля имела важное стратегическое значение и именно поэтому она была выбрана Петром для строительства нового города: «*Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен / На зло надменному соседу*» [7, с. 126]. Согласно Пушкину, Россия превращалась в мощную страну в противостоянии с сильным военным соперником – Швецией. Оценка поэтом шведов как надменных должна была подчеркнуть низкий авторитет России в Европе, не считавшейся с восточным соседом. Строка «*грозить мы будем шведам*», по Пушкину, означала предстоящее наращивание Россией своей военной мощи, необходимой для защиты своей земли. Как видно, поэт развивал идею значимости поддержания военной силы отечества в условиях внешней угрозы ее суверенитету и имиджу.

А. С. Пушкин в поэте объяснял, что строительство города превращало страну в морскую державу, расширяло взаимодействие с Западом. Грандиозность замысла Петра он раскрывает строкой: «*Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно…*» [7, с. 126]. Пушкин не только считал верным выбор Петром места для новой столицы, он был вдохновлен его планами расширения торговых и культурных связей со многими странами: «*Ногою твердой стать при море. / Сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам, / И запируем на просторе*» [7, с. 126]. Поэт, таким образом, определял важное военно-политическое, экономическое и культурное значение строительства новой столицы. Деятельность Петра по сближению с западными странами он считал исторически оправданной, способствующей ее развитию. Эта мысль раскрывается в следующих его строках: «*…корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся*» [7, с. 127].

Образ Петра, созданный Пушкиным уже в начале поэмы, – мудрый, волевой правитель, думы которого были устремлены в будущее, монарх выбрал новое направление развития России, изменил ее геополитический статус, страна преодолела замкнутость, вышла на морские просторы, чтобы стать их хозяином: «*Стоял он, дум великих полн / И вдаль глядел*». Поэт ценил в Петре его заботу о России, его стремление превратить отечество в самостоятельное, сильное, богатое государство, создать потенциал для его динамичного развития в перспективе. В этом, по мнению Пушкина, и заключалось величие Петра. Поэт отмечал, что царь жил не в мире иллюзий, а продумывал шаги по воплощению своего волевого решения, действовал в соответствии с реалистичным замыслом. Пушкин считал, что соседи не были заинтересованы в возвышении России: «*на зло… соседу*». Слова Пушкина о том, что Россия строительством города закрепляет за собой ранее принадлежавшие ей земли и будет «*грозить*» шведам с целью не допустить со стороны противника реванша, – свидетельство того, что отечество должно обладать военной мощью, превосходящей возможности недоброжелательного соседа, а русская армия обязана надежно защищать страну. Пушкин подчеркнул, что Россия не преследовала агрессивные цели, а защищала свои национальные интересы. Он одобрительно оценивал стремление Петра изменить геополитическое положение России.

Замысел Петра построить город на берегах Невы был успешно реализован, считал Пушкин. Через столетие «*юный град*» стал дивно красивым: «*…краса и диво*», «*вознесся пышно, горделиво*», «*По оживленным берегам / Громады стройные теснятся дворцов и башен*», «*в гранит оделася Нева*», «*мосты повисли над водами*» [7, с. 127]. Образ города Пушкин рисовал, напоминая о ранее заболоченных невских землях («*топи блат*», «*где прежде финский рыболов, / Печальный пасынок природы, / Один у низких берегов / Бросал в неведомые воды / Свой ветхий невод*») [7, с. 127]. Низкие берега оделись в гранит, вместо убогих хижин стояли дворцы.

Сравнение поэтом «*юного града*», Петербурга, и «*старой*» Москвы усиливало значимость северной столицы. Эпитетом «*старая*» Пушкин подчеркивал, что Москва уже не обладала былым политическим величием, когда она прежде создавала единое российское государство, ее историческая роль в прошлом, она уже не являлась политическим центром страны. Но в Москве происходили коронации новых царей, поэтому Пушкин назвал Москву «*порфироносной вдовой*», имеющей царственный облик, но потерявшей прежнее влияние на Россию. Для Пушкина, Петербург – олицетворение новой жизни, новых идеалов, нового исторического самосознания, новой России. «*И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, /*

Как перед новою царицей / Порфироносная вдова» [7, с. 127].

А. С. Пушкин намеренно не привел в поэме официальное название города, видимо, потому что слово имело немецкий корень. Единожды он переименовал его в Петроград, используя русское слово град. Для него новая столица – воплощение замысла Петра, его творение, он признавался в любви к городу: «*Люблю тебя, Петра творенье*», «*град Петров*» [7, с. 127]. Поэт восторгался его внешним обликом. Эстетическое восприятие прекрасного вида столицы создается любованием поэтом оградами, мостами, пристанями, башнями, улицами: «*Люблю твой строгий, стройный вид, / Невы державное теченье, / Береговой ее гранит, / Твоих оград узор чугунный, / Твоих задумчивых ночей / Прозрачный сумрак, блеск безлунный…*» [7, с. 127].

Но не только внешний облик Петербурга был притягателен для поэта. Этот город, в его понимании, был символом военных побед России: «*…люблю воинственную живость*», «*лоскутья сих знамен победных…на сквозь простреленных в бою*», «*люблю, военная столица*». Согласно мысли поэта, город гарантирует безопасность государства. Поэт формирует у читателя чувство национальной гордости за свое отечество, его военные успехи. Он понимал, что победа над Швецией имела огромное стратегическое значение для развития страны. Мысль поэта «*победу над врагом Россия снова торжествует*», несомненно, формируют национально-патриотическое сознание русских людей. Пушкин верил в силу русского оружия, будущие победы.

Строительство города на топких берегах Невы Пушкин оценивал как победу над стихией природы. Это, с его точки зрения, позволяло характеризовать Петра как решительного, настойчивого правителя, не отступавшего перед сложными задачами. В противостоянии с природой Петр вышел победителем: «*Да умирится же с тобой / И побежденная стихия…*» [7, с. 128].

В трактовке А. С. Пушкина, «*град Петров*» является национальным наследием, а не только транслятором западной культуры, как думали «почвенники». Город должен стоять вечно. Великая Россия не может позволить кому-либо «*тревожить вечный сон Петра*». Поэт неоднократно использовал слово «*неколебимо*», развивая мысль о преуспевании города и страны в веках. В толковом словаре С. И. Ожегова дано определение: непоколебимый – такой, что нельзя поколебать, стойкий, надежный [6, с. 538]. Пушкин писал: «*Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо как Россия…*» [7, с. 128]. Он сопрягает мысль о неколебимости стояния города и России. В его понимании, новая столица стала политическим, культурным и военным центром отечества, символом его благополучия и мощи.

Другая важнейшая тема поэмы – взаимоотношения «маленького человека» и большого города, личности и власти. Главный герой поэмы, молодой чиновник Евгений, намеренно не имеет отличительных особенностей, синтезирует в себе черты усредненного образа петербуржца из социальных низов. Не случайно именно к чиновничеству Пушкин отнес своего героя. Как писал позднее В. Г. Белинский в статье «Петербург и Москва», главное «петербургское сословие» – чиновничество: «В Петербурге все служит, все хлопочет о месте или об определении на службу» [1, с. 208]. Евгений был молодым человеком, мелким чиновником, служил всего два года, жил один в съемной комнате, приехал в столицу из провинциального городка Коломны устроить свою жизнь: «*Живет в Коломне; где-то служит, / Дичится знатных и не тужит / Ни о почиющей родне, / Ни о забытой старине*» [7, с. 129]. Евгений мечтал о «*прибавлении ума и денег*», завидуя богатым чиновникам – «*праздным счастливцам*»: «*Ума недальнего, ленивцы, / Которым жизнь куда легка*!» [7, с. 129]. У него не было богатых родственников и знакомых, которые могли бы ему помочь продвинуться по службе. Жизненные ценности героя достаточно прозаичны, характерны для многих обывателей. Пушкин в описании образа жизни Евгения дал емкую характеристику бедных петербургских чиновников, которым трудно было без связей сделать удачную карьеру. Однако Пушкин характеризует Евгения не столько как чиновника, а как личность, имеющую представления о чести и достоинстве, честном труде, мечтающую о любви, семье, детях, внуках, доме, уюте, счастье. Евгений собирался обеспечивать благополучие будущей семьи своим трудом: «*…трудом / Он должен был себе доставить / И независимость и честь…*» [7, с. 129]. Отсутствие денег заставляло Евгения откладывать женитьбу на любимой Параше, скромной бедной девушке. Пушкин, по-видимому, не случайно выбрал русское имя возлюбленной Евгения, желая подчеркнуть, что его героиня воспитывалась в русской культуре. Мечты Евгения, раскрывающие его личные и семейные ценности, гендерные представления были связаны с его любимой девушкой, которой он хотел быть верен, с нею он собирался жить «*рука с рукой*» до гроба. В его будущей семье должны царить мир и согласие

(«*приют смиренный*»), разделение обязанностей: мужчина материально содержит семью, а женщина растит детей и заботится о доме.

«…я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой –
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят…
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят…» [7, с. 130].

Евгений понимал, что необходимо «*трудиться день и ночь*», чтобы устроить «*приют смиренный*». Жениться молодой человек мог, только будучи материально обеспеченным, ему следовало получить должность, как тогда говорили, «место». Но без протежирования со стороны влиятельных людей он мог мечтать лишь о «*местечке*» – низком чине. Согласно мечтам героя поэмы, основными вехами его жизни должны были стать служба, обеспечивающая стабильное материальное положение, брак, рождение детей [7, с. 130]. В системе жизненных приоритетов Евгения преобладали семейные ценности: любовь до гроба, семья, совместное с женой воспитание детей, счастливая супружеская жизнь, согласие. Важнейшая цель жизни, как следует из текста, – рождение и воспитание детей. Одно поколение должно прийти на смену другому: «*и внуки нас похоронят*».

Жизнь героя поэмы была разрушена в дни природной стихии 1824 года, когда вышедшая из берегов Нева затопила домик, где жили Параша с матерью, женщины погибли, их смерть потрясла Евгения, потерявшего рассудок. Характеризуя наводнение, автор использовал много глаголов, создававших представление о силе стихии, уничтожавшей жизнь: река – «*наглое буйство*» – «*ломит, режет, / Крушит и грабит*», она «*рвалась*», «*вздувалась*», «*ревела*», «*кинулась*», «*торжеством победы полны, / Еще кипели злобно волны*». Пушкин сравнил реку со свирепой шайкой, ищущей добычу. Природная стихия вызывала чувство страха, тревоги, делая перед нею человека бессильным. Ущерб, нанесенный стихией городу и людям, Пушкин определял существительными, обозначавшими материальные ценности:

«Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты…» [7, с. 131].

Пушкин понимал горе простых людей, безвыходность сложившейся ситуации: «*Увы! все гибнет: кров и пища! / Где будет взять*?» [7, с. 131]. Поэт отметил религиозное восприятие людьми этого несчастья как гнева Бога за людские грехи: народ «*зрит божий гнев и казни ждет*». Пушкин ни слова не написал о материальных потерях Евгения, видимо потому, что имущество уже не представляло для юноши никакой ценности после гибели любимой девушки. Нам представляется, что Пушкин видел своего героя после трагедии сумасшедшим, поскольку жизнь Евгения не имела смысла, ранее связанного с Парашей. Евгению не нужна была жизнь без любимой, семьи, детей. В трагические минуты стали явными главные жизненные ценности героя, определяемые его духовной культурой; ему важны были не деньги, не вещи, а любимые люди, а «*там оне, / вдова и дочь, его Параша, / его мечта…*». Основной ценностью героя и самого поэта была семья. Поэт, усиливая безвыходное положение «несчастного» Евгения, написал дважды «*бедный*», проявляя сострадание к горю маленького человека, лишенного разума, смысла жизни, средств к существованию. Евгений стал «*ни зверь ни человек, / Ни то ни се, ни житель света, / Ни призрак мертвый…*» [7, с. 136]. По Пушкину, петровская «*воля роковая*» – строительство города у моря – обернулась трагедией для простого человека. В воображении «*безумца бедного*» «Медный всадник» преследовал Евгения: «*За ним повсюду Всадник Медный / С тяжелым топотом скакал*» [7, с. 138] Этот страх героя поэмы – выражение реального конфликта между державцем «*полумира*», российским самодержавием и простым человеком.

В поэме Пушкина созданы на контрасте образы двух царей – деятельного Петра I и нерешительного Александра I. В представлении поэта, Петр одолел стихию, а Александр наблюдал за бедствием наводнения. Пушкин не называет имени Государя, лишь определяя его царствование оценкой «*со славой правил*», подчеркивая его заслуги перед отчеством в войне 1812 г. Реакцию Александра на наводнение он описал словами: «*молвил*», «сел», «*глядел*», подчеркивая созерцательность монарха, не верившего в возможность победить стихию, отстоять город от наводнения. Пушкин вложил в уста Александра слова: «*С божией стихией царям не совладеть*». Это смирение Александра перед буйством природы стало прямым противопоставлением Петру, который

вопреки неблагоприятным природным условиям построил город. Поэт создал образ бездеятельного Александра, подавленного, испытывавшего скорбь: «*…сел / И в думе скорбными очами / На злое бедствие глядел*» [7, с. 132].

В восприятии Пушкина, скульптурный памятник Петру верно создавал образ «*властелина судьбы*» – волевого царя – основателя города у моря, думающего о славе России: «*…кумир на бронзовом коне*».

«Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался…
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!» [7, с. 137]

Памятник стоит в «*вышине*» «*неколебимо*», символизируя значимость деяний Петра. Величие царя-реформатора, с точки зрения поэта, не померкло со временем, оно было осознано русским обществом. Пушкин отметил в поэме, что Петр жесткими мерами преобразовывал страну. Скульптурный лик царя, поднявшего «*Россию на дыбы*», грозный.

В представлении поэта, Петр думал о судьбе отечества. Он положительно оценивал усилия царя по превращению России в морскую державу, укреплению государственности, независимости, повышению ее авторитета, формированию новой культуры. Поэт отводил Петербургу ключевую роль в упрочении позиций России в европейском пространстве. Однако он ставил и проблему цены прогресса. Будучи одним из создателей культуры «русской европейскости», основанной на гуманном отношении к человеку, он осуждал невнимание, безразличие власти к личности.

А. С. Пушкина отличало развитое гражданское и государственное сознание. Заявляя в своей поэме о значимости для маленького человека ценностей любви и семьи, он доказывал и необходимость положительного восприятия геополитики государства, если она отстаивает суверенитет и интересы отечества. Ориентация на национальные интересы родины влияла на осмысление Пушкиным роли государства в истории страны. Поэт – и государственник по своему мышлению, и свободолюбивая личность, уважающая права человека на его частную жизнь.

Идеи А. С. Пушкина, несомненно, повлияли на формирование национально-государственного сознания русского общества. Высокий авторитет поэта, глубина его мысли усиливали интерес образованных людей к его творчеству, обеспечивали восприятие его идей. В культурную память интеллектуалов, знавших наизусть многие строки из текстов Пушкина, вошли его мысли о Петре I и Петербурге, необходимости строительства города и превращения его в новый культурно-политический центр страны. Для петербургского общества, занятого преимущественно службой, была важна актуализация традиционных семейных ценностей, являвшихся, в сознании поэта, приоритетными в жизни простого человека.

Представления Пушкина о замыслах и деятельности Петра – идеи о государственно-национальных интересах России. Популярность пушкинских строк – свидетельство значительного влияния поэта на формирование национально-культурной идентичности русских людей, одобрения ими его трактовки замысла царя-реформатора и мнений о России как великой военно-морской державе.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Петербург и Москва [Текст] / В. Г. Белинский // Москва – Петербург: pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания: антология. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. – С. 185-214.

2. Белинский, В. Г. Россия до Петра Великого [Текст] / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в 9 т. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки, март 1841 – март 1842; подготовка текста В. Э. Бограда, статья Ю. В. Манна, примеч. А. Л. Осповата и Л. С. Пустильник. – М. : Художественная литература, 1979. – С. 7-63.

3. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли : в 3 т. Т. 1. [Текст] / Иванов-Разумник; подготовка текста, послесл. и примеч. И. Е. Задорожнюка и Э. Г. Лаврик. – М. : Республика; ТЕРРА, 1997. – 416 с.

4. Мегилл, А. Историческая эпистемология: научная монография [Текст] / А. Мегилл. – М. : Канон+; РООИ Реабилитация, 2007. – 480 с.

5. Неклюдова, М. С., Осповат, А. Л. Окно в Европу: Источниковедческий этюд к Медному Всаднику [Текст] / М. С. Неклюдова, А. Л. Осповат // Лотмановский сборник. Вып. 1. – М. : ИЦ – Гранат, 1997. – 488 с.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.

7. Пушкин, А. С. Поэмы [Текст] / А. С. Пушкин. – Новосибирск : Изд-во Сиб. универ., 2009. – 141 с.

8. Репина, Л. П. Историческая память и национальная идентичность [Текст] / Л. П. Репина // Диалог со временем, № 54. – М. : ИВИ, 2016. – С. 9-15.

9. Сараева, Е. Л. Русская интеллигенция в рефлексии Иванова-Разумника [Текст] : монография / Е. Л. Сараева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. –

463 с.

10. Соловьев, Е. А. Петр Великий и русская историческая мысль XIX – начала XX вв. [Текст] / Е. А. Соловьев // Отечественная история, № 4. – М. : Наука, 2006. – С. 112-123.

11. Франк, С. Пушкин как политический мыслитель [Текст] / С. Франк // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. в. – М. : Книга, 1990. – С. 396-421.

12. Франк, С. Пушкин об отношениях между Россией и Европой [Текст] / С. Франк // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. в. – М. : Книга, 1990. – С. 452-465.

Reference List

1. Belinskij, V. G. Peterburg i Moskva = St. Petersburg and Moscow [Tekst] / V. G. Belinskij // Moskva – Peterburg: pro et contra: dialog kul'tur v istorii nacional'nogo samosoznanija: antologija = Moscow – St. Petersburg: pro et contra: dialogue of cultures in the history of national consciousness: anthology – SPb. : Izd-vo RHGI, 2000. – S. 185-214.

Belinskij, V. G. Rossija do Petra Velikogo = Russia before Peter the Great [Tekst] / V. G. Belinskij // Sobranie sochinenij v 9 t. T. 4. Stat'i, recenzii i zametki, mart 1841 – mart 1842; podgotovka teksta V. Je. Bograda, stat'ja Ju. V. Manna, primech. A. L. Ospovata i L. S. Pustil'nik. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1979. – S. 7-63.

1. Ivanov-Razumnik. Istorija russkoj obshhestvennoj mysli : v 3 t. T. 1 = History of the Russian social thought: in 3 v. V. 1. [Tekst] / Ivanov-Razumnik; podgotovka teksta, poslesl. i primech. I. E. Zadorozhnjuka i Je. G. Lavrik. – M. : Respublika; TERRA, 1997. – 416 s.

2. Megill, A. Istoricheskaja jepistemologija: nauchnaja monografija = Historical epistomology: scientific monograph [Tekst] / A. Megill. – M. : Kanon+; ROOI Reabilitacija, 2007. – 480 s.

3. Nekljudova, M. S., Ospovat, A. L. Okno v Evropu: Istochnikovedcheskij jetjud k Mednomu Vsadniku = Window to Europe: The source study etude to the Bronze Horseman [Tekst] / M. S. Nekljudova, A. L. Ospovat // Lotmanovskij sbornik. Vyp. 1 = Lotman collection. Issue 1. – M. : IC – Granat, 1997. – 488 s.

4. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of Russian [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova // Ros. akad. nauk, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova = Russian academy of sciences, the Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov. – 4-e izd., dop. – M. : Azbukovnik, 2000. – 940 s.

5. Pushkin, A. S. Pojemy = Poems [Tekst] / A. S. Pushkin. – Novosibirsk : Izd-vo Sib. univer., 2009. – 141 s.

6. Repina, L. P. Istoricheskaja pamjat' i nacional'naja identichnost' = Historical memory and national identity [Tekst] / L. P. Repina // Dialog so vremenem = Dialogue with time, № 54. – M. : IVI, 2016. – S. 9-15.

7. Saraeva, E. L. Russkaja intelligencija v refleksii Ivanova-Razumnika = Russian intelligentsia in Ivanov-Razumnik's reflection [Tekst] : monografija / E. L. Saraeva. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2014. – 463 s.

8. Solov'ev, E. A. Petr Velikij i russkaja istoricheskaja mysl' XIX – nachala XX vv. = Peter the Great and the Russian historical thought of the XIX – the beginning of the XX centuries. [Tekst] / E. A. Solov'ev // Otechestvennaja istorija, № 4 = National history, No. 4 – M. : Nauka, 2006. – C. 112-123.

9. Frank, S. Pushkin kak politicheskij myslitel' = Pushkin as a political thinker [Tekst] / S. Frank // Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. Konec XIX – pervaja polovina XX vv. = Pushkin in the Russian philosophical criticism. The end of the XIX – the first half of the XX centuries. – M. : Kniga, 1990. – S. 396-421.

10. Frank, S. Pushkin ob otnoshenijah mezhdu Rossiej i Evropoj [Tekst] / S. Frank // Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. Konec XIX – pervaja polovina XX vv. – M. : Kniga, 1990. – S. 452-465.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10215

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов

https://orcid. org/0000-0002-6890-7894

Вождь и масса в ситуации романтической и термидорианской фазы в истории революции

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. Главное в ней – анализ психологического аспекта революции 1917 г. и ее последствий для российской истории. По мысли автора, сталинский период нельзя считать самостоятельным периодом в советской истории. Хотя, как кажется, революция и гражданская война закончились, и начинается построение социалистического государства, что можно считать новым и самостоятельным по отношению к революции периодом, на самом деле, то, что считалось построением социализма, все же является постреволюционным периодом, а, еще точнее, реакцией как заключительным этапом революции. На этом этапе продолжают развертываться процессы, вызванные той революционной вспышкой, что произошла в 1917 г. Русская революция, как и все революции вообще, заканчивается периодом реакции. Сталинский период – это и есть период реакции и реальности того, что мы называем тоталитарным режимом. Поскольку же в политическом, а в еще большей степени в публицистическом отношении этот период хорошо осмыслен, то автор в данной статье касается исключительно психологического аспекта этого периода. Он ставит перед собой целью объяснить, почему на этом этапе революционной истории к власти приходит человек, который, как констатирует Л. Троцкий, считается менее известным, чем те революционные вожди, которые заявили о себе на раннем, то есть романтическом, этапе революции. Отвечая на этот вопрос, автор как культуролог видит необходимость обратить внимание на возникшие в революционных процессах психологические комплексы, в частности, на ментальность массы. Эта ментальность – результат многовекового исторического опыта, в котором можно уловить как позитивные, так и негативные, а еще точнее, консервативные тенденции. Следует отметить, что в психологическом отношении революция 1917 г. наименее изучена. Пытаясь заострить внимание именно на этом аспекте, автор статьи констатирует, что свойственная массе революционная ментальность, которую историки обычно называют «разиновщиной», вспыхнув в революции 1917 г. и проявившись в последующем развертывании гражданской войны, сменилась консервативным комплексом – потребностью в порядке и в сильном лидере или вожде. Соответственно, порядок, каким видит его масса, как раз и связан с сильным и жестоким лидером, требующим всеобщего и беспрекословного повиновения. Взрыв этого консервативного комплекса, что окрашивает в особые психологические тона период реакции в истории революции, означает только то, что вместо свободы, являющейся целью революции, возникает несвобода, а вместе с ней в истории развертывается регресс. Этот регресс предстает в форме спровоцированного революцией нового «варварства». То, что начинает происходить в постреволюционной реальности, упраздняет все романтические идеи о революции, которыми жили целые поколения русских людей, пытающихся реализовать мечту о лучшей жизни, справедливости и свободе.

Ключевые слова: революция, период реакции, Сталин, постреволюционный период, творческий ответ, психоанализ, кризис идентичности, ментальность, масса, вождь, древние пласты культуры, новое варварство, реабилитация имперского комплекса, воля к власти, вторая мировая война.

N. A. Khrenov

The Leader and the Masses in the Situation of the Romantic and Thermidorian Phase in the History of Revolution

The article continues a series of publications in the field of the cultural and philosophical research of the Russian revolution and a post-revolutionary era in the history of Russia as civilizations. The main thing is the analysis of the psychological aspect of the Revolution of 1917 and its consequences for the subsequent Russian history. According to the author, the Stalin period cannot be considered the independent period in the Soviet history. Though, apparently, revolution and civil war ended, and creation of the socialist state begins that it is possible to consider the period, new and independent in relation to revolution, actually, what was considered as a creation of socialism, nevertheless is the post-revolutionary period, and, even more precisely, reaction as the final stage of revolution. At this stage the processes caused by that revolutionary flash that happened in 1917 continue to be developed. The Russian revolution, as well as all revolutions in general, comes to the end with the reaction period. The Stalin period is the period of reaction and reality of what we call a totalitarian regime. As in political, and in a bigger degree in the publicistic relation this period is well comprehended, the author in this article concerns exclusively a psychological aspect of this period. He sets before himself the purpose to explain why at this stage of revolutionary history the person who as L. Trotsky states, is considered less famous, than those revolutionary leaders who declared themselves at an early, i.e. romantic stage of revolution, comes to the power.

© Хренов Н. А., 2018

Answering this question, the author as the culturologist sees need to pay attention to the psychological complexes which arose in revolutionary processes, in particular, to mentality of the masses. This mentality is a result of centuries-old historical experience in which it is possible to catch both positive, and negative, and, even more precisely, conservative trends. It should be noted that the Revolution of 1917 is least studied in the psychological relation. Trying to focus attention on this aspect, the author of the article notes that revolutionary mentality peculiar to the masses which historians usually call «razinovshchina», having flashed in the revolution of 1917 and having shown in the subsequent expansion of the civil war, was replaced by a conservative complex – the need for order and for the strong leader or the vozhd. Respectively, the order how the masses sees it, just and is connected with the strong and cruel leader demanding general and implicit obedience. Explosion of this conservative complex that paints in special psychological tone the reaction period in the history of revolution, means only that instead of freedom, which is the revolution purpose, there is unfreedom, and together with it regress develops in the history. This regress appears in the form of the new «barbarity» provoked by revolution. What begins to occur in post-revolutionary reality abolishes all romantic ideas about revolution which were important for the whole generations of the Russian people trying to realize a dream of the better life, justice and freedom.

Keywords: revolution, the reaction period, Stalin, the post-revolutionary period, the creative answer, psychoanalysis, crisis of identity, mentality, the masses, the leader, ancient layers of culture, new barbarity, rehabilitation of an imperial complex, will to the power, World War II.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть психологический аспект русской революции, причем, в ее заключительной фазе. Эта фаза соотносится с периодом вхождения Сталина во власть. Разумеется, можно утверждать, что возникли новые обстоятельства, которые этому способствовали. Нельзя сбрасывать со счетов также Сталина как психологический тип. В новой ситуации он оказался востребованным. Но в данной статье мы акцент ставим на психологии массы, которая во многом способствовала приходу к власти именно такого психологического типа вождя, каким был Сталин.

Видимо, ни в характере, ни в поступках Сталина ничего невозможно понять, если не принимать во внимание кардинально изменяющуюся ситуацию, как и исключительность творческого ответа, который в меняющейся ситуации нужно было давать. Ясно, что политические лидеры типа Ленина и Троцкого, столь открытые массе, да, собственно, и явившиеся порождениями возбужденной массы, должны были уйти со сцены. Революционное своеволие закончилось. Тогда-то и начали восхождение те, кто в ситуации единства возбужденной массы и пламенных трибунов оставался в тени. Л. Троцкий свидетельствует, что Сталина невозможно представить «выступающим под открытым небом перед полком: для этого у него не было никаких данных» [10]. Конечно, Сталин все же выступал перед массой и в печати, но, как утверждает Л. Троцкий, это не было его стихией. «Он был редактором центрального органа не потому, что был писателем по природе, а потому, что не был оратором и вообще не был приспособлен для открытой арены. Он не написал ни одной статьи, которая привлекла бы к себе внимание; не поставил на обсуждение ни одного нового вопроса, не ввел в оборот ни одного лозунга» [10].

Конечно, здесь нужно читать между строк. Давая характеристику Сталина, Л. Троцкий одновременно дает характеристику и себе, причем, исключительно позитивную. Он набрасывает портрет Сталина, фиксируя в нем отсутствие того, чем обладает он сам, а именно, блестящий ораторский талант, позволяющий ему эффективно воздействовать на возбужденную массу. Таким талантом обладал и Л. Троцкий, и В. Ленин. Выдвижению их в лидеры, способные вести за собой массу, влиять на нее, во многом способствовала ситуация, а именно, ситуация революционного энтузиазма и подъема. Это и есть романтическая фаза революции. Этих вождей выделила масса. Они ее произведение. Они оказались более способными зажигать массу, но и зажигаться той страстью, которая кипела в людях, находящихся под воздействием ressentiment. Им дано было в намагниченной массе улавливать эмоции, подхватывать неоформленные в слове и лозунге настроения массы и излагать их в предельно эмоциональной, понятной и зажигающей форме. Они – гениальные импровизаторы. Их стихия – контакт с наэлектризованной революционными настроениями массой.

Можно утверждать, что эти вожди были созданы массой, находящейся в ситуации революционного подъема в состоянии выхода из себя. Но поскольку они были выражением бессознательной стихии массы, то именно они и сами могли воздействовать на массу, формировать ее в соответствии с требованиями момента. В ситуации революционного подъема, который ведь никогда не бывает длительным, возникает совершенно исключительная психология. Она исчезает как только революционное возбуждение угасает. Тогда наступает новая ситуация, и в этой ситуации магия вождей, произносящих пламенные, зажигательные речи, исчезает. Они уходят в тень или перерождаются. Но любопытно, что уход вождей,

выразивших психологию революционного подъема, происходит на фоне возвышения тех из революционеров, которые в ситуации революционного подъема оказывались в тени. В новой ситуации они берут реванш и оказываются в центре внимания. Контакт этих новых вождей с массой будет совершенно другим. Здесь стихия уступает место регламентации, а свобода заменяется подчинением. В этом случае исчезает атмосфера единения массы с вождем, которое возникает стихийно и естественно. Вождь нового типа, утверждая на словах единство с массой и, следовательно, как бы продолжая традицию, сформированную предшествующими вождями, на деле оказывается по отношению к массе на дистанции. Новый вождь в изменившейся ситуации массе уже не доверяет.

Любопытно, что в биографии Сталина, написанной Л. Троцким, эта закономерность улавливается. В ситуации, когда Ленин и Троцкий оказываются в зените славы, когда они мгновенно реагируют на актуальные и постоянно меняющиеся настроения массы, Сталин продолжает оставаться неизвестным. Так, реагируя на заключение Енукидзе по поводу того, что Сталин не искал личной популярности, Л. Троцкий пишет: «Этот мотив, повторяющийся во многих официальных воспоминаниях, имеет своей целью объяснить, почему Сталин до самого прихода к власти оставался неизвестным народным массам, даже широким кругам партии. Неверно, однако, будто он не искал популярности. Он жадно искал ее, но не умел найти» [9]. Однако это объяснение непопулярности и неизвестности Сталина Л. Троцкий сводит лишь к личным качествам Сталина. Так, он сочувственно цитирует высказывание меньшевика Суханова, на которого Сталин производил впечатление «серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно» [9].

Но дело, конечно, не только в личных качествах Сталина. Любого вождя как харизматическую личность создает масса. Сталин, несомненно, тоже вождь. А, следовательно, он – тоже произведение массы, но только массы, оказавшейся уже в ситуации не революционного подъема, а революционного упадка. Массы, разочаровавшиеся в революции и оказавшейся в тупике. А, следовательно, в ее сознании происходит переоценка и самой революции, и ее идеалов, а также и вождей, призывавших ее к тому, что не осуществилось и осуществиться не могло. В этот момент разочарования происходит и переоценка массой самой себя. То, что казалось подвигом и героизмом, начинает восприниматься дикостью и насилием. Масса, ведомая вождями, стремилась к свободе и гармонии, но пришла к хаосу и смуте. Ощутив опасность, масса стремится преодолеть хаос и нуждается в вождях иного плана, способных наводить порядок. Такие вожди приходят, подтверждая истину, открытую еще древними философами и снова в XX веке подтверждающуюся. Эта истина гласит: каждый шаг на пути к свободе порождает возвратное, регрессивное движение, приводя к еще большей несвободе, чем была раньше. Не говорит ли такое признание лидера многое не только о личности самого лидера, но и о той массе, которая позволила ему выдвинуться и даже не только позволила ему выдвинуться, но и способствовала его выдвижению и возвеличению? Не получил ли выражение в деятельности Сталина какой-то значимый и присущий самой массе комплекс? Без предрасположенности массы именно к такому лидеру подобного феномена в русской истории произойти не могло.

У новых вождей доверия к массе уже нет. У них нет той открытости, которая царила на митингах, на которых пламенные ораторы произносили свои гипнотически воздействующие речи. Эти новые вожди, казалось, прошли историческую школу Макиавелли. Они уже массе не доверяют. В новой ситуации обратная связь между массой и вождем исчезает. Связь становится односторонней. Вождь склонен ввести настроения массы в определенные границы и их контролировать. Сталин – тот самый претендент на роль необходимого для новой ситуации вождя. Новый вождь уже не доверяет массе, ибо догадывается об анархическом ее комплексе. Он догадывается, что анархизм может уничтожить любую регламентацию. Поэтому он опирается уже не на свой энтузиазм или даже фанатизм и не на свою веру, а на аппарат, на организацию, то есть на бюрократию. Новый вождь не идеализирует массу. Он как скульптор хочет придать массе любую форму. Поэтому Сталину и не удалось играть первую роль в медовый месяц революции, как это удавалось Ленину и Троцкому. Между ним и массой непосредственного контакта быть не могло потому, что оратор – идеалист, оратор – энтузиаст, вступая в контакт с массой, способен пробудить лучшие стороны массы. Это романтическое восприятие революции.

Что же касается Сталина, то именно к этому – то он и не был способен. Здесь невозможно не процитировать Л. Троцкого. «В течение 1917 года, когда все агитаторы партии, начиная с Ленина, ходили с сорванными голосами – пишет он – Сталин вообще не выступал на народных собраниях. Не иначе могло обстоять дело и в 1905 году. Коба

не был оратором даже в том скромном масштабе, в каком ораторами были другие молодые кавказские революционеры, Кнушанц, Зубаров, Каменев, Церетели. Он мог не без успеха изложить в закрытом собрании партии мысли, которые он твердо усвоил. Но в нем не было ни одной жилки агитатора. Он с трудом выжимал из себя фразы без колорита, без теплоты, без ударения. Органическая слабость его натуры, оборотная сторона его силы заключалась в полной неспособности зажечься, подняться над уровнем будней, создать живую связь между собой и аудиторией, пробудить в ней лучшую часть ее самой. Не загораясь сам, он не мог зажечь других. Холодной злобы недостаточно, чтобы овладеть душой масс» [9].

Естественно, что до середины 20-х годов мало кто мог думать, что Сталин – один из тех, кто станет главной фигурой в государстве («никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже до 23-24 годов» [10]). Более того, даже если кто-то его и знал, то отзывался так, как отзывался, например, старый большевик И. Смирнов, которого цитирует Л. Троцкий: «Сталин – кандидат в диктаторы? Да ведь это совсем серый и ничтожный человек. Это посредственность, серое ничтожество!» [10]. Но это все же случилось – Сталин стал главным лицом в государстве. Это требует объяснения. Л. Троцкий, который, казалось, о Сталине знал все, объяснить этого не способен. «В конце 1925 года, – пишет Л. Троцкий – Сталин говорит еще о вождях в третьем лице и восстанавливает против них партию. Он вызывает аплодисменты среднего слоя бюрократии, что отказывает вождям в поклонах. В это время он уже был диктатором. Он был диктатором, но не чувствовал себя вождем, никто его вождем не признавал. Он был диктатором не силою своей личности, а силою аппарата, который порвал со старыми вождями» [10].

Следующая веха в восхождении Сталина – 1925 год, когда проходил Х1У съезд партии, на котором он впервые читает политический доклад. Л. Троцкий комментирует это как событие, ведь аппарат уже в руках Сталина («Он диктатор. Страна этого не знает. Аппарату поручается сообщить ей об этом» [10]. Вот тут-то как раз и оказывается неизбежной параллель между действиями Сталина и некоторыми итальянскими князьями эпохи Ренессанса, которую позволил себе Л. Троцкий.

Когда Н. Макиавелли описывает действия Агафокла – царя Сиракуз, вышедшего из самого низкого и презренного состояния, то этот сын горшечника очень напоминает другого князя или государя, каким был Сталин. Аналогия срабатывает, ведь Агафокл удерживал власть с помощью насилия. Н. Макиавелли описывает, как Агафокл собрал народ и сенат Сиракуз, «как будто имея в виду обсудить некоторые касающиеся республики дела, и по данному знаку велел своим солдатам перебить всех сенаторов и самых богатых людей из народа; когда их таким образом не стало, он захватил и удержал господство над этим городом без всякого сопротивления граждан» [3]. В отличие от Агафокла, Сталин не убивал всех одновременно и в одном месте. Но убивал всех, кого подозревал в критическом отношении к себе или к возводимому им государству. И, надо полагать, убил он явно не меньше, чем убил Агафокл из Сиракуз.

В новой ситуации разочарования в содеянном выходят из тени те личности из сообщества революционеров, что дотоле оставались неизвестными. На первоначальном этапе революции они достичь успеха не могли. К власти должны были прийти совсем другие люди. Они должны были выразить новые настроения массы. Их ждали, ибо все были загипнотизированы аналогией с французским термидором, под которым, как известно, следует понимать контрреволюционный переворот. Речь идет о 27 июле 1794 года, когда в Великой Французской революции начался кризис революции, после которого постепенно начался возврат к развитию до того сдерживаемых якобинцами буржуазных отношений. Правда, этим революционный процесс не закончился. Перерождение революции с 9 ноября 1799 года вошло в новую фазу, известную как военный переворот или брюмер, в результате чего к власти пришел Наполеон. Начался этап диктатуры, опирающейся на военные силы, бюрократию, полицию. Разумеется, не только Сталин, но еще и Ленин протекание революции в России сопоставляли с фазами, проходимыми Великой Французской революцией, будучи уверенными в неизбежности термидора. Так, В. Ленин еще до введения нэпа, который мог бы свидетельствовать о русском термидоре, если бы при реабилитации собственности и частнохозяйственного капитала власть выпала из рук революционного правительства, набрасывал заметки: «Термидор»? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим» [2].

Но если термидора в России все же не случилось, а была лишь его угроза, то вот что касается брюмера, связанного с властью, бюрократией и крайним огосударствлением, то он все-таки имел

место, начиная с сталинского курса 1928-29-го годов [1]. Вот как, например, этот процесс движения к термидору в России воспринимался взглядом из эмиграции. Издаваемый в Париже журнал «Смена вех» в 1921 году приводил вопрос Ллойда – Джорджа «В каком месяце календаря французской революции находится сейчас Россия?», заданный Красину. Но, кажется, вопрос опережал события. Как констатировалось в журнале: «В России происходят периодические чистки партии коммунистов, но до той кровожадной внутренней борьбы, которая велась между якобинцами 1794 года, дело не доходит, и что-то не слышно про Сен-Жюстов, в присутствии своих товарищей строчащих их обвинительные акты. Страсти, честолюбия, соревнования, вскипавшие на почве галльских темпераментов, как-то теряют свою остроту на славянских просторах. На «термидор» в собственном смысле надежды в России плохи» [8]. Но этот вопрос многих внутри России тревожил. В 1927 году в журнале «Революция и культура» утверждалось, что в России нет основания для термидора, как нет тех сил, которые бы могли его совершить [4]. Но это, естественно, не так. Это была столь актуальная тема, что ее пришлось затрагивать даже на Х1У съезде ВКП (б) в 1925 году, хотя, как свидетельствуют исследователи, впервые слово «термидор» в России выходит из кулуарного подполья лишь в 1927 году [1].

Так, во время съезда делегатом Лариным было зачитано письмо одного члена партии, в котором излагалось мнение одного из делегатов съезда от Ленинградской партийной организации – Залуцкого. В этом письме говорилось следующее: «Один исторический пример должен быть у нас сейчас в центре внимания: это – термидорианский путь развития Великой Французской революции… В погоне за развитием производительных сил во что бы то ни стало, они (то есть ЦК) развязывают рост частнособственнических отношений, ничего этому росту не противопоставляя. Бухарин выбрасывает лозунг «Крестьяне, обогащайтесь». Кулачество растет, крепнет, а они этого не видят или даже скрывают, затушевывают. Строят мещанское государство, то, что Ленин называл «царством крестьянской ограниченности», а они называют строительством социализма. Умные сменовеховцы, вроде Устрялова, лучше, чем наши «вожди» учитывают обстановку. Они видят слабость наших верхов и, оказывая давление на госаппарат и некоторые слои в партии, помогают им, толкая революцию к термидору» [12].

Поскольку Залуцкого обвинили в том, что он усматривает в деятельности ЦК термидорианское перерождение, ему пришлось от этого отрекаться, что он сделал в своем заявлении. «Я здесь заявляю перед съездом, что я не говорил и не мог говорить о термидорианском перерождении ЦК. Я говорил о четырех социальных или политических группировках, которые имеют вполне законченную политическую физиономию… Я говорил, что после поражений и побед на фронтах гражданской войны эти группировки вынуждены были изменить свою тактику политической борьбы и перейти от вооруженной борьбы к методам мирного характера и методам воздействия на внутренние процессы политического развития в нашей стране, используя его в своих интересах, что это по сути дела является тем, что Милюков и устряловцы зовут «термидорианской тактикой», толканием страны на термидорианское перерождение. Я об этих силах говорил и выражал беспокойство, что эту внутреннюю тенденцию, которая является довольно тонкой работой, на мой взгляд, мы еще слабо, очень несовершенно вскрываем перед рабочими массами» [12].

Сложность ситуации заключалась в том, что на словах Сталин подавал себя представителем старой гвардии большевиков, каким он и был (как же, ведь он часто отбывал срок в ссылках), а в реальности пытался реализовать новый курс, который с идеалами представителей старой гвардии расходился. Казалось, что именно сам Сталин и может стать вождем термидора, а также заодно и брюмера, то есть диктатором. То, что он пытался уловить в своей среде, он реализовал сам. Он сам стал Наполеоном Бонапартом, хотя пытался спроецировать эту роль на других, пугая возможным перерождением революции в диктатуру как партию, так и массы. Между тем, несмотря на то, что перерождение происходило и измена революционным идеалам имела место, пропаганда подавала его образ как верного соратника Ленина и выразителя установок партии. Ну, как же он – не верный представитель дела Ленина, когда он общался с Лениным, выполнял его поручения, отбывал сроки в ссылке и т. д.? Там, где это не подтверждалось, пришлось переписывать историю и делать из него главную фигуру во всех основных событиях совершающейся революции. Как это делалось – об этом очень подробно и тщательно проанализировано у Л. Троцкого.

Чем сильнее обозначалась новая ситуация, тем очевидней было расхождение между Сталиным как реальным человеком и Сталиным как проекцией

возникшего в сознании массы образа Сталина. Сталин отдавал отчет в этом расхождении, что лишь свидетельствует об его интеллектуальном потенциале. Об этой трезвости Сталина в понимании того, как его воспринимает масса, свидетельствует его размолвка с сыном Василием после того, как тот попытался воспользоваться его фамилией. «Ты не Сталин, и я не Сталин – сказал он сыну – Сталин – это Советская власть! Сталин – это то, что пишут о нем в газетах и каким его изображают на портретах. Это не ты, и даже не я!» [6].

Несмотря на это, Сталин не противодействует все нарастающему стремлению утвердить беспрецедентность его харизмы, что приобретает уже мифологические формы. Касаясь роли личности в истории и приводя в пример этому тезису деятельность Петра 1, В. Розанов писал: « Явление Петра в истории нашей сводится в итоге в существе своем к появлению громадной личности, которая заменила собою нацию и заставила всю Россию прожить 25 лет не столько механико-историческою, сколько лично- биографической жизнью» [7]. Если не принимать в расчет масштабы личности Петра 1 и Сталина (хотя Сталин вдохновлялся образом Петра 1, о чем свидетельствовало появление романов и фильмов о Петре в эпоху Сталина), то наблюдениями В. Розанова можно воспользоваться. Смысл диктатуры в том и состоит, что вся жизнь государства превращается в биографическое измерение жизни вождя. Побывавший в СССР в 1937 году Л. Фейхтвангер обратил внимание на колоссальный бюст Сталина на выставке Рембрандта [12]. Но это мотивируется: вождь имел отношение ко всему, что происходило в обществе и искусстве.

Образ Сталина в сознании массы приобретает такие формы, что любые исторические аналогии при осмыслении его деятельности будут весьма приблизительными. Может быть, наиболее глубинными мотивировками его действий могут быть лишь мифологические мотивировки. Не случайно Н. Хрущев в своем знаменитом докладе, произнесенном на XX-м съезде партии, говоря о Сталине, позволил себе соотнести его образ с богом. Сталин, в самом деле, может быть соотнесен с языческим божеством из греческой мифологии Кроносом, который согласно Ф. Шеллингу, « есть тот, кто не терпит никакого иного бога кроме себя, утверждает себя в единоличном обладании реальным бытием, которое он не желает делить ни с кем другим» [13]. Как утверждает Ф. Шеллинг, до появления жестокого и неблагосклонного к человеческому роду Кроноса никогда не совершалось кровавых человеческих жертвоприношений. Известно, что Кронос приносит в жертву даже своих сыновей. Уничтожается все, что угрожает единственности этого бога. Но только ли этим мотивом исчерпывается смысл жертвоприношений? Как заключает Ф. Шеллинг, «то дикое, неблагосклонное к культивированной человеческой жизни, что есть в Кроносе, происходит не из его настоящего бытия, но имеет происхождение гораздо более далекое, ведет начало от его древней природы» [13].

Однако эта всепоглощающая воля к истреблению не исчерпывает смысл Кроноса. Ведь он в то же время дает надежду на мир и спасение. С Кроносом связана вера в лучшее будущее. Люди опасаются того, что Кронос перестанет быть богом и окончательно примет «свою прежнюю абсолютно истребляющую природу». «Этот страх, – пишет Ф. Шеллинг – возникает в особенности во времена великих общенародных бедствий, несущих угрозу существованию всего государства,… когда вследствие тяжелого военного поражения или опустошительной эпидемии чумы распространяется панический ужас, карфагенский народ больше всего боится возвращения прежних времен» [13]. Но ведь кризис революции в конце 20-х годов, то есть термидор как раз и создавал такую опасность возвращения в прошлое. И оно, кстати, происходит и произойдет незаметно в формах огосударствления всего и вся, а, следовательно, в формах империи. Старая империя угасла. Но Сталин ее возродит. Только массе это будет преподнесено как величайшая победа вождя. Страх перед возвращением к прошлому вспыхнет снова в связи с приближением второй мировой войны. И вот вывод Ф. Шеллинга, который подтверждает, как исторические события могут демонстрировать мифологический прообраз. «В самых древних обрядах, в наиболее древних выражениях поэтического искусства, – пишет он – можно наблюдать, насколько твердо и уверено человечество, однажды совершив выход из доисторического состояния, придерживается раз и навсегда завоеванного гражданско-исторического образа жизни, и насколько близким еще для него является воспоминание о прежнем состоянии и связанный с ним страх вновь потерять свое нынешнее бытие и попасть под власть собственного прошлого. Именно этот страх заставлял приносить жертвы богу. Тем самым, бога упрашивали оставаться Кроносом и не возвращаться к прошлому» [13].

Состояние страны в период нэпа является лишь слабым напоминанием о том, что в свое время произошло во Франции. Термидора не про-

изошло, но он все же намечался. Однако логика термидора в постреволюционной истории хотя и просматривается, но смысла сталинского курса и «творческого ответа» Сталина не исчерпывает. Она затрагивает глубинные пласты российской истории, возвращает к ее архетипам, а потому аналогии с французской революцией явно не могут объяснить, что же все-таки произошло с Россией в эпоху сталинской диктатуры. «Творческий ответ» можно рассматривать, исходя из потребностей уже не только революции, а выживания общества, оказавшегося в ситуации тупика и хаоса.

В самом деле, революция позволила изжить романтические и утопические настроения. Она разрушила все институты старой империи и для того, чтобы продолжить существование, необходимо было преодолевать хаос и наводить порядок, а, следовательно, и строить общество на новых основаниях. С этой точки зрения революция как идеальное состояние общества начала уходить в прошлое. Если общество оказывалось снова в кризисе, то уже не до идеалов революции. Нужно было решать проблему выживания людей. С этой точки зрения вполне допустимо было и то, что выпадало из сознания пламенных революционеров. Иначе говоря, в этом случае следовало исходить уже не из интересов революции, а из интересов общества, а, точнее, государства. Этот вопрос стоял уже перед Лениным. Реагируя на кризис революции, он заставил себя пойти на попятный, сделать уступки и объявить новую экономическую политику. Но такая уступка была сделана лишь в экономической сфере.

В последующей истории Сталину придется делать и следующие, более серьезные уступки, позволяющие утверждать, что он явился не продолжателем революции, а ее похоронщиком. Чем очевидней оказывается предательство Сталина по отношению к революции и к старой гвардии большевиков, принесших свои жизни в жертву ради того, чтобы разрушить империю, тем больше оснований говорить о новом «творческом ответе» Сталина на Вызов истории. Потому что смысл «творческого ответа» вождя следовало было осмыслить уже не с точки зрения революции, а с точки зрения того противостояния, которое развертывается на протяжении всей истории – противостояния Запада и Востока, а, следовательно, и противостояния России и Запада.

Если смысл революции с этим противостоянием цивилизаций связывать, то роль Сталина в последующей истории вовсе не предстанет такой уж и предательской по отношению к революции. Но она не покажется таковой только в том смысле, если ее значение мы сведем исключительно к противостоянию цивилизаций и не будем принимать во внимание внутренних для России проблем. Хотя и внутренние, и внешние проблемы революции тесно между собой связаны. Ведь «творческий ответ» Сталина был связан с отказом от либеральных идей и с возвращением к тоталитарной структуре государства. С точки зрения Сталина это было единственным выходом из создавшегося положения. Но, с другой стороны, невозможно утверждать, что Сталин был яростным сторонником тоталитаризма как единственного варианта. Источники свидетельствуют, что у него были и другие варианты.

Так, по мнению американского исследователя Д. Робертса, когда после второй мировой войны он стал определять политику в странах восточной Европы, его целью было утверждение в этих странах народной демократии, а вовсе не советизации и большевизации этих стран, как, в конечном счете, и получилось. Но эта несостоятельность структур народной демократии произошла явно не по вине Сталина, а в силу складывающихся в мире обстоятельств и, в частности, развертывания «холодной войны». Только так можно было обеспечить победу в том противостоянии, напряженность которого в XX веке после 1917 года повысилась. Впрочем, сама революция тоже была следствием этой напряженности, имеющей место в результате давления на Россию Запада, что отмечает А. Тойнби. Возврат к тоталитарной структуре, позаимствованной в историческом архиве как единственное с точки зрения Сталина, что способно вывести из тупика и не проиграть, по сути, обесценил все достижения революции, способные изменить жизнь русских. Чудовищная регламентация жизни и запрет на любое свободное выражение мысли имели место на протяжении десятилетий. Они оставались реальными даже после второй мировой войны.

Однако именно это как раз и свидетельствует о том, что такая ситуация не может продолжаться длительное время. Когда А. Тойнби говорит о причинах распада и исчезновения Византии, в качестве такой причины он указывает на эту регламентацию государства, на тоталитарные императивы власти. Собственно, если оценивать сталинский курс в больших длительностях, то получается, что этот его «творческий ответ», реальный и эффективный в период мировой войны, оказался причиной последующего распада созданной им империи. Иначе говоря, то, что спасает, является

одновременно и тем, что является причиной распада, что мы и наблюдали, если иметь в виду сталинский «творческий ответ», в последних десятилетиях XX века. Только этот распад наступает не сразу, а спустя какое-то время.

Сегодня деятельность Сталина должна быть осмыслена не только с точки зрения интересов революции или интересов общества, а с точки зрения перспектив существования цивилизации. При этом совершенно не важно, осознавал ли сам Сталин, что предпринимаемые им решения относятся именно к такой постановке вопроса. Важно сегодня поставить вопрос именно так. Исчерпывается ли смысл принесения в жертву огромного числа населения, в том числе, и представителей партии и даже лучших ее представителей лишь стремлением Сталина захватить и сохранить за собой власть, как это представляет Л. Троцкий в своей незаконченной биографии Сталина, над которой он трудился в 1940 году, пока его не убьет агент Сталина Рамон Меркадер, или же оправдание такому жертвоприношению лежит в какой-то иной плоскости? Но даже если действиями Сталина и руководило стремление сосредоточить в своих руках неограниченную власть и ее удержать, то не лежит ли за этим стремлением еще какая-то мотивировка, скажем, мотивировка макиавеллистского характера. Ведь он мог субъективно думать, что единоличная власть – это единственное средство возведения и утверждения жесткой государственности в ее имперских формах как гарантии выживания цивилизации.

Сталин не мог не думать о том, что ему предстоит выиграть следующий акт в той драме, которая началась революцией 1917 года по вине лично его Сталина, как и его соратников по партии. Несомненно, он готовился к этому акту, с чудовищной жестокостью выжигая каленым железом все, что хоть как-то может этому помешать. На этот раз он уже не уклонялся от прямого участия, как это имело место в самых значимых событиях революционной истории, а осознавал, что именно он и является в заключительном акте драмы главным действующим лицом. Разнообразная деятельность Сталина в годы войны поражает. Он совмещал в своем лице все самые важные государственные посты. Не удивительно, что некоторые иностранные деятели приходили к выводу о том, что если бы не Сталин, ни Россия, ни коммунизм не смогли бы выиграть войну с Гитлером [6].

Но даже если согласиться с тем, что, жертвуя миллионами людей, Сталин стремился удержать в ситуации термидора власть, то нельзя избежать ответа на вопрос – руководствовался ли он при этом исключительно личным, эгоистическим стремлением, усиливаемым комплексом неполноценности, сформировавшимся у него за долгие годы революционной действительности, как это фиксирует Л. Троцкий, констатируя его гипертрофированный вождизм как гигантскую сверхкомпенсацию? «При исключительном, поистине дьявольском честолюбии и столь же исключительной воле, – пишет Л. Троцкий – он отличался общей посредственностью умственных качеств. Из этого основного противоречия – флегматичности натуры – выросла осторожность, вкрадчивость, хитрость, получившие, в свою очередь, сверхъестественное развитие. Мы имеем здесь ту сверхкомпенсацию, которая нередко в биологическом мире заполняет органическую слабость. Отсюда же из этого противоречия, которое через всю его жизнь проходило, взялась и зависть – внутренняя не заживающая рана – и ее молочная сестра – мстительность» [10].

Или же, даже если с этим и согласиться, то нельзя ли допустить, что власть у Сталина ассоциировалась вовсе не с личным возвышением, а с фанатической верой в революционные идеалы, ради спасения которых он сначала добился, опираясь на усиливающийся бюрократический аппарат, власти, а затем стремился ее удержать? Может быть, единовластие Сталина было не следствием его зоологического эгоизма, а единственным способом, как он мог думать, сохранить место России в мировой истории? Конечно, чтобы эти задачи разрешить, могли быть испробованы и использованы разные средства. Единственным средством Сталин мог видеть лишь единоличную власть, опирающуюся на жесткую административную систему, на бюрократический аппарат.

Вообще, применительно к Сталину наивно формулировать мысль о верности революционному идеалу, когда, как доказывает Л. Троцкий, Сталин на разных этапах революционной истории отнюдь не торопился совершать революцию, а очень часто в ответственные моменты вообще уходил в тень, чтобы не засветиться. Скорее уж применительно к Сталину можно говорить не о верности революционным идеалам, а о необходимости сохранения цивилизации. Ведь не мог же Сталин не знать, что совершенная в России революция, понимаемая большевиками как запальник для мировой революции, перепугала западное мещанство, которое неизбежно выставит щит против красной чумы, что, собственно, в скором времени и случится. Так что к концу 20-х годов во-

прос стоял уже не о верности революционным идеалам, а о спасении цивилизации.

Казалось бы, применительно к Сталину не лишнее говорить и о верности революционным идеалам. Разве, казалось бы, не доказывает клятва Сталина о верности делу Ленина одновременно и верность революционным идеалам? Но на самом деле, такая верность делу Ленина у Сталина как раз и отсутствовала. Как пишет Л. Троцкий, Сталин канонизировал Ленина лишь после его смерти, используя эту манифестируемую им верность Ленину как ступеньку на своем пути к власти. Тут все дело в том, что революция оказывалась, в том числе, и провалом в архаику. Это проявляется в той ауре, которой масса наделяет вождя. Констатируя восприятие членами общества сложившейся после революции ситуации как беспредела, французский социальный психолог, последователь Г. Лебона С. Московичи пишет о возникающей потребности в лидере, обладающем харизматическими признаками. Обычно такими лидерами становятся маргиналы, иностранцы или прибывшие из периферии – Наполеон с Корсики, Гитлер из Австрии, Сталин из Грузии.

С. Московичи обращает внимание на противоречие. Ведь в обществах, стремящихся воплотить идеал демократии, такие харизматические личности, кажется, уходят в историю. Но реальность опровергает такое заключение. «Этот тип вождя не исключение – пишет С. Московичи – но он кажется архаичным по существу. Похоже, он свойствен обществам прошлых веков, а в наше время интерес к нему скорее исторический. Но не видим ли мы, что он сохранился и распространяется вопреки ожиданиям» [5]. С. Московичи реабилитирует замысел Г. Лебона, пытавшегося в Х1Х веке аргументировать потребность в разработке специальной дисциплины – психологии масс. Не случайно, высказывая мысль о явлении новых «культурных героев» на арене политической истории XX века, он цитирует то место из Г. Лебона, в котором говорится, что тип героя, которого любят толпы, всегда будет типом Цезаря («Его блеск соблазняет их, его авторитет им импонирует. А его меч внушает страх» [5].

Констатируя выброс архаики в сознании массы, в особенности в кризисной ситуации, С. Московичи с помощью этого выброса архаики пытается объяснить известный лозунг «Сталин – это сегодняшний Ленин», во многом определивший психологию культа личности. С помощью факта смерти Ленин был сакрализован, а, следовательно, приобрел архаическую ауру первопредка, то есть стал религиозной фигурой. Представляя Сталина преемником Ленина, масса наделяет образ Сталина той же сакральной аурой, что ассоциировалась с Лениным. Частью этой пропаганды был и кинематограф, в котором эта тема перенесения ауры мертвого вождя на вождя живого постоянно присутствовала. В наиболее яркой форме она была выражена в фильме М. Чиаурели «Клятва». Смерть Ленина массовым сознанием воспринималась в духе архаических и мифологических образцов. «Конечно, эти идеи чужды марксизму – пишет С. Московичи – Но они не были чужды ни реальности, ни психологии толп. А те, в свою очередь, привели к тому, что после его смерти наследники объявили его имя священным, набальзамировали и выставили его тело перед Кремлем как святую реликвию и бессмертного бога. Известно, что его вдова и часть руководителей воспротивились этому шагу, имеющему отношение скорее к религии царей и фараонов, чем к науке Карла Маркса» [5].

В начале 30-х годов в Москве было издано известное сочинение Н. Макиавелли «Государь», что, наверное, не случайно. У Н. Макиавелли есть такое суждение. «Опыт показывает, что великие дела совершают те, которые умеют подчинять себе людей посредством хитрости или насилия… Когда дело идет о спасении отечества, нельзя обращать внимание ни на какие трудности и на то, справедливо ли это или несправедливо, гуманно или жестоко, похвально, заслуживает порицания, но, оставляя в стороне все другие критерии, надо прибегать исключительно к тому средству, которое может спасти жизнь и сохранить свободу отечества» [9]. По сути, Н. Макиавелли провозглашал ради выживания государства принесение в жертву морали. Но именно этот принцип и был реализован Сталиным. «Все низшие стороны интеллекта (храбрость, выдержка, осторожность, способность играть на худших сторонах человеческой души) развиты в нем чудовищно. Чтобы создать такой аппарат, нужно было знание человека и его потайных пружин, знание не универсальное, а особое, знание человека с худших сторон и умение играть на этих худших сторонах. Нужно было желание играть на них, настойчивость, неутомимость желания, продиктованная сильной волей и неудержимым, непреодолимым честолюбием. Нужна была полная свобода от принципов, и нужно было отсутствие исторического воображения» [10]. Все это и в самом деле характеризует тот психологический тип, который представляет Сталин.

Библиографический список

1. Козлов, В., Плимак, Е. Концепция советского термидора [Текст] / В. Козлов, Е. Плимак // Знамя, 1990. – № 7. – С. 167.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43 [Текст] / В. И. Ленин. – С. 403.
3. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве [Текст] / Н. Макиавелли. – М., 1996. – С. 61.
4. Моносов, С. О термидоре [Текст] / С. Моносов // Революция и культура, 1927. – № 2. – С. 34.
5. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс [Текст] / С. Московичи. – М., 1996. – С. 354, 415.
6. Робертс, Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны» [Текст] / Д. Робертс. – М., 2014. – С. 447, 579.
7. Розанов, В. Когда начальство ушло [Текст] / В. Розанов. – СПб., 1910. – С. 75.
8. Смена вех [Текст]. – Париж, 1921. – № 9. – С. 5.
9. Троцкий, Л. Сталин. В 2-х т. : Т. 1 [Текст] / Л. Троцкий. – М., 1990.
10. Троцкий, Л. Сталин. В 2-х т. : Т. 2 [Текст] / Л. Троцкий. – М., 1990.
11. Фейхвангер, Л. Москва [Текст] / Л. Фейхвангер. – М., 1937. – С. 59.
12. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет [Текст]. – М.-Л., 1926. – С. 230, 358.
13. Шеллинг, Ф. Философия мифологии. Т. 2. Монотеизм. Философия [Текст] / Ф. Шеллинг. – СПб., 2013. – С. 228, 252-253.

Reference List

1. Kozlov, V., Plimak, E. Koncepcija sovetskogo termidora = Concept of the Soviet thermidor [Tekst] / V. Kozlov, E. Plimak // Znamja, 1990. – № 7. – S. 167.
2. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 43 = Complete set of works. V. 43 [Tekst] / V. I. Lenin. – S. 403.
3. Makiavelli, N. Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livija. O voennom iskusstve = Sovereign. Reasonings on the first decade of Tit Libya. About military art [Tekst] / N. Makiavelli. – M., 1996. – S. 61.
4. Monosov, S. O termidore = On thermidor [Tekst] / S. Monosov // Revoljucija i kul'tura = Revolyutsiya i kultura, 1927. – № 2. – S. 34.
5. Moskovichi, S. Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass = The century of crowds. The historical treatise on psychology of the masses [Tekst] / S. Moskovichi. – M., 1996. – S. 354, 415.
6. Roberts, D. Iosif Stalin. Ot Vtoroj mirovoj do «holodnoj vojny» = Joseph Stalin. From the World War II before «The Cold War» [Tekst] / D. Roberts. – M., 2014. – S. 447, 579.
7. Rozanov, V. Kogda nachal'stvo ushlo = When the administration left [Tekst] / V. Rozanov. – SPb., 1910. – S. 75.
8. Smena veh = Change of milestones [Tekst]. – Parizh, 1921. – № 9. – S. 5.
9. Trockij, L. Stalin. V 2-h t. : T. 1 = Stalin. In 2 v.: V. 1 [Tekst] / L. Trockij. – M., 1990.
10. Trockij, L. Stalin. V 2-h t. : T. 2 = Stalin. In 2 v.: V. 2 [Tekst] / L. Trockij. – M., 1990.
11. Fejhvanger, L. Moskva = Moscow [Tekst] / L. Fejhvanger. – M., 1937. – S. 59.
12. HIV s#ezd Vsesojuznoj kommunisticheskoj partii (b). Stenograficheskij otchet = The XIV congress of the All-Union Communist Party (b). Stenographic report [Tekst]. – M.-L., 1926. – S. 230, 358.
13. Shelling, F. Filosofija mifologii. T. 2. Monoteizm. Filosofija = Mythology philosophy. V. 2. Monotheism. Philosophy [Tekst] / F. Shelling. – SPb., 2013. – S. 228, 252-253.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10216

УДК 008

Т. И. Ерохина

https://orcid.org/0000-0002-8328-2546

Максим Горький: культурный герой и память культуры

В статье рассматриваются особенности мифологизации личности М. Горького в советской культуре, которая, по мнению автора, была не только связана с мифотворчеством, реализуемым самим писателем, но и обусловлена историко-культурным контекстом отечественной культуры начала XX в., а также идеологическими установками советского периода. Автор отмечает двойственность и амбивалентность личности М. Горького, чья биография и деятельность могут быть представлены в советской мифосистеме как жизнь и подвиги культурного героя. В центре внимания – механизмы формирования культурной памяти и забвения, функционирующие в культурном континууме и в сознании человека, в семиотическом аспекте и аспекте культурной идентичности, а также в контексте мифокритики. Акцентируя внимание на качественном и амбивалентном характере действия механизмов культурной памяти, автор отмечает, что личность М. Горького представлена и на уровне сохранения памяти (посредством сакрализации имени писателя, идеологической пропагандой его творчества в советский период), и на уровне забвения (попытки забвения). В статье обозначены основные тенденции трактовки образа писателя в русской культуре, основанные на анализе биографии писателя, а также воспоминаниях современников и мнении современных критиков. Автор осмысливает место личности и творчества М. Горького в памяти культуры в соотношении с концептами «постпамять» и «контрпамять», отмечая эволюцию и трансформацию памяти о М. Горьком в отечественной культуре. Формирование контрпамяти обусловлено культурной травмой поколения советской эпохи, в то время как постпамять осмысливает феномен личности как символ историко-культурной эпохи.

Ключевые слова: Максим Горький, мифологизация, культурный герой, культурная память, забвение, постпамять, контрпамять, амбивалентность.

T. I. Erokhina

Maxim Gorky: a Cultural Hero and Memory of Culture

The article considers the features of mythologization of Maxim Gorky`s person in the Soviet culture, which, in the author`s opinion, was connected not only with mythologization, realizable by the writer, but it was deterministic of the history-cultural context of native culture in the XX century and ideological principles of the Soviet period. The author of the article notices duality and ambivalence of Gorky`s person, whose biography and activity can be represented as a life and feats of the cultural hero in the Soviet mythosystem. In the center of attention there is the mechanism of the cultural memory formation. It in relation to Maxim Gorky appears both and at the level of memory saving (by sacralization of the writer`s name, the ideological propaganda of his art in the Soviet period) and at the level of oblivion (by the attempt of oblivion). The article considers the main tendencies of rendering of the writer's image in the Russian culture. It is established on the analyses of Gorky's biography and on contemporary's memoirs and on critic's opinions. The author makes sense of Gorky`s art and the person's place in the memory of culture by a ratio of concepts «postmemory» and «countermemory», noting the difficulties and the ambiguousness of formation and transformation of memory about Maksim Gorky in the native culture.

Keywords: Maxim Gorky, mythologization, cultural hero, cultural memory, oblivion, postmemory, countermemory, ambivalence.

«Горький имел одну несчастную любовь:
он безнадежно вздыхал по… культуре.
Безнадежно, потому что как раз эта
Прекрасная Дама
ему не отвечала взаимностью.
И кажется, он это чувствовал»
(З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский).

Максим Горький – фигура парадоксальная. Дискуссии о его творчестве, роли и месте в русской литературе, истории русской культуры остаются острыми и актуальными, порождая новые теории и практики анализа биографии и творчества писателя.

Романтический герой, участник новой мифологии начала XX в. и советского периода, создатель нового типа героя (будь то знаменитые «босяки» или новые «прометеи» наподобие Данко), загадочный персонаж, закрепившийся в советской критике как один из самых революционных писателей (сокол и буревестник русской революции),

© Ерохина Т. И., 2018

идеолог нового метода социалистического реализма и «Несвоевременных мыслей», резко критикующий деятельность советской власти и Ленина, самая известная и популярная личность рубежа XIX–XX веков и один из самых нелюбимых, а потому забытых писателей постперестроечного периода – перечень противоречий и выстраиваемых бинарных оппозиций можно продолжать. Но все они, характеризуя сложность и многогранность личности М. Горького, не дают ответа на главный вопрос: каковы конкретные, сработавшие в случае с Горьким механизмы культурной памяти и забвения, создающие мифы культурных героев и способствующие демифологизации?

Невероятную популярность М. Горького при его жизни вплоть до последней четверти XX века зачастую объясняют образно и метафорически: Горький – герой, рожденный в нужное время и нужном месте, он вызван к жизни самим временем и создан этим же временем, смоделирован внешними обстоятельствами, которые требовали именно такого героя – героя из народа, романтизированного и исключительного, свободного и противоречивого.

История культуры демонстрирует нам множество примеров признания тех или иных писателей современниками и / или почти полное их забвение потомками: Николай Виленкин (Минский), Семен Надсон, Михаил Арцыбашев – были едва ли не самыми известными и модными поэтами и писателями начала XX века и оказались практически забытыми и невостребованными современной читательской аудиторией. В. Короленко, Вс. Гаршин и многие другие – имена, за которыми в современном литературоведении закрепилось определение «писателей второго ряда» (В. Хализев, [10]), то есть писателей, не выдержавших конкуренцию с теми авторами, которые оказались в «первом ряду» (например, И. Бунин и А. Куприн).

Ситуация, сложившаяся с М. Горьким, – особая. Его место в данном контексте остается неопределенным и спорным: писательское мастерство М. Горького неоднократно подвергалось резкой критике (чаще всего упрекали в стереотипности, схематичности, отсутствии вкуса), тем не менее, несмотря на переоценку творческого наследия писателя (в частности – практически полное забвение романа «Мать» как одного из самых «прореволюционных» романов), рассказы и драматургия М. Горького сохранили свое место в школьной программе и остаются востребованными современной культурой (особенно в современном театре).

В этой связи и сформулирована проблема, которая обращена к осмыслению памяти культуры и механизмов, ее формирующих. И речь в данном случае идет не о временн***о***м механизме (механизме времени, который требует наличия временн***о***й дистанции, позволяющей, спустя не менее пятидесяти лет, в полной мере выявить ценностный характер того или иного явления культуры). В центре нашего внимания – механизмы культурной памяти и забвения, которые существуют в культурном континууме и в сознании человека и функционируют самостоятельно, независимо от уровня таланта той или иной личности и ее признания современниками.

Опираясь на методологию анализа механизмов культурной памяти в семиотическим аспекте и аспекте культурной идентичности (Я. Ассман, М. Бахтин, Л. С. Выготский, А. В. Григорьев, Э. Дюркгейм, Т. С. Злотникова, Ю. М. Лотман, И. В. Малыгина, К. Э. Разлогов, П. Рикер, М. Хальбавкс, П. Хаттон, М. Хирш, А. С. Чикишева, В. О. Чистякова и др.), отметим, что наиболее важными для нас стали положения Ю. М. Лотмана, рассматривавшего культуру как *пространство памяти, в котором тексты культур сохраняются и актуализируются* [6], а также представление о том, что креативная память «сохраняет прошедшее как пребывающее» [6, с. 201].

Кроме того, отметим, что память культуры – это, прежде всего, память коллективная. Она обладает особыми характеристиками и свойствами, поскольку «удерживает образы событий и лиц с отчетливой *позитивной или негативной окраской* (курсив мой – Т. Е.) [2, с. 43]. Таким образом, память структурирует «полярные образы триумфа и страдания, жертвенных и победоносных героев, коварных и жестоких врагов» [2, с. 43].

В этом контексте очевидно, что образы прошлого лишаются исторических деталей, мифологизируются и существуют в определенной системе ценностей (подробнее эта тема была раскрыта автором в статье «Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе» [5]): культурная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности при помощи «маркеров, «излучающих» смыслы, нормы и эмоции» [2, с. 43].

Культурная память ориентирована на присутствие в ней неопровержимо значимых героев. Следуя логике мифокритики, главными действующими персонажами мифа являются боги и герои (как полубоги), чем и обусловлено внимание куль-

турной памяти к тем образам, которые могут претендовать на качества и функции данных персонажей.

Обозначение места М. Горького в советской мифосистеме – задача, не имеющая однозначного решения. Безусловно, М. Горький претендует на роль героя, поскольку биография писателя («из» народа, «в» народе, сохранявшего так или иначе черты народного персонажа, с оканьем, с безграмотностью письма, о чем неоднократно сообщали современники и биографы) полностью соответствовала мифологическим канонам биографии героя. Двойственность происхождения («полубог» – «отмеченный» партией, Лениным, затем – Сталиным; «получеловек» – выходец из народа, сохранявший всю жизнь принадлежность или видимость принадлежности человека из народа), романтизация и обращение к мифологическим образам, а главное – деяния героя, трактуемые в контексте советской мифологии как подвиги, – все это способствовало созданию в отечественной культуре мифа о М. Горьком как культурном герое.

Культурный герой – персонаж мифов, создающий или приносящий людям культурные дары. Культурный герой мог мыслиться и как реальная историческая фигура, и как аккумуляция человеческих достижений. Однако, как замечает Е. Ермолин [4], принципиальный смысл деятельности и функции культурного героя зафиксированы очень четко и пересмотру не подвергались: культурный герой личностно представляет идеи гармонии, порядка, причем реализует эти идеи в своей деятельности, в развитии от хаоса к космосу. В историческом контексте, образ культурного героя ассоциируется в культурной памяти с выдающейся исторической личностью, деятельность которой имеет *позитивный смысл* с точки зрения господствующих нравов, общественных критериев морали, эстетики и вкуса [4].

Роль культурных героев в социальном плане сложно переоценить: культурный герой является не только образцом для подражания, он демонстрирует возможность достижения цели. Именно поэтому формирование пантеона культурных героев прошлого и настоящего происходит в результате совместных усилий идеологических институтов, авангардных социокультурных групп и массового сознания, сориентированного на различные критерии [4].

Горький, с нашей точки зрения, вполне может быть идентифицирован как *культурный герой, сформированный временем*. Писатель быстро получил мировую известность. По словам А. В. Луначарского, «уже первое появление, первые успехи Горького обратили на него пристальное внимание Европы. Поражало то, что это выходец из «низов». Поражала его разнообразная «многострадальная» биография. Особенно поражал только ему присущий тон – и в его гневных разоблачениях того ада, который общество устроило своим «низам», и в полетах его мечты к грандиозному и лучезарному человеческому счастью» [7].

В начале XX века слава Максима Горького была сопоставима с популярностью А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. Уже в 1902 году 34-летний Максим Горький был избран в почетные академики Императорской Академии наук, и хотя его избрание было аннулировано (в следствие неблагонадежности писателя), общеизвестный факт, что в качестве протеста от членства в Академии отказались А. Чехов и В. Короленко, еще раз подтверждают и популярность, и известность М. Горького.

Обратим внимание на то, что память культуры сохранила факты несомненной благосклонности общественного мнения к писателю, а не просто спонтанно возникавшие восторги или хулу: он пять раз был номинирован на Нобелевскую премию, в советский период был самым издаваемым советским писателем (с 1918 по 1986 гг.).

А если обратиться к еще одному механизму сохранения культурной памяти – механизму закрепления имени героя в культуре посредством «освящения», сакрализации места, наименования, созданию памятников герою, то мы обнаружим, что имя М. Горького до сих пор остается одним из самых «закрепленных» в культуре. Именем Горького названы многочисленные населенные пункты (поселки, села, деревни), улицы, библиотеки, самолеты и круизные лайнеры, станции метро, киностудия, многочисленные театры (Москва, Краснодар, Самара, Оренбург, Магадан, Симферополь, Ташкент, Волгоград, Минск и др.), парки и школы, вузы и дворцы культуры, водохранилища и заводы. Памятники М. Горькому установлены во многих городах и выполнены в традициях советской иконизации (напоминающей образы Ленина). Отметим, что все вышеперечисленные примеры сакрализации имени остались в культуре практически неизменными – исключением стало переименование (фактически возвращение) Горького в Нижний Новгород.

Вместе с тем, несмотря на «закрепленность» в памяти культуры, восприятие М. Горького в отечественной культуре – в научной литературе, в критике, в массовом сознании – продолжает оста-

ваться неустойчивым и неоднозначным.

Показательно, что зарубежные авторы были более доброжелательны к М. Горькому, признавая, что он – писатель с мировым именем. Его корреспондентами были Г. Уэллс, Р. Роллан, Б. Шоу. М. Горького сравнивали и ставили в один ряд с Т. Драйзером, Дж. Лондоном, А. Барбюсом, А. Франсом. Р. Роллан считал, что М. Горький «словно высокая арка, переброшенная между двумя мирами – прошлым и будущим, а также между Россией и Западом» (из письма Р. Роллана к А. М. Горькому от 18 марта 1918 г.). По-видимому, это объясняется тем, что для европейских и американских авторов М. Горький стал воплощением героя нового времени, борца за справедливость, защитником идеалов свободы и гуманизма – и эти характеристики были лишены негативной идеологической коннотации, сформированной в силу назойливости и навязчивости включения Горького в сознание публики в постсоветский период.

На наш взгляд, парадоксальность места М. Горького в памяти культуры обусловлена тем, что, будучи культурным (мифологическим) героем, писатель не стал воплощением культурного героя как героя исторического (реального). И, несмотря на то, что Горький как культурный герой, моделируемый властью, идеологией, не в полной мере совпадал с ценностями этой же власти и идеологии (не случайно «Несвоевременные мысли» были изъяты из литературного наследия и возвращены читателям в период перестройки), все же переоценка роли М. Горького, а именно – демифологизация культурного героя – стала последствием переоценки роли Октябрьской революции. Можно согласиться с мнением В. Пьецуха о том, что значимость Горького как писателя в советскую эпоху была гипертрофирована с идеологических позиций: «В сущности, Горький не был ни хитрецом, ни злодеем, ни ментором, впавшим в детство, а был он нормальный русский идеалист, склонный додумывать жизнь в радостном направлении, начиная с того момента, где она принимает нежелательные черты» [9], и, по нашему мнению, возник обратный процесс – процесс сознательного «забывания» М. Горького.

Вероятно, как мы уже отмечали выше, это связано с не всегда точно расставленными акцентами в биографии М. Горького, который, несмотря на деяния понятного и достойного народной любви культурного героя, которые заключались, в том числе, в его щедрости и готовности помочь (в числе спасенных или тех, кому эта помощь оказывалась – В. Розанов, А. Платонов и др.), оказался слишком близок к официально сформированному пантеону «советских божеств»: «Колоссальная трагедия Горького в том, что он, который на равных общался с Толстым и Чеховым, Короленко и Розановым, Блоком и Гумилевым, в конце жизни встал на одну доску со всеми этими «галифе». Вы можете себе представить душевный диалог Чехова и Ягоды? Абсурд! А Горький вполне душевно общался с Ягодой, который был «свой» в его доме. Можете себе представить конструктивную беседу Толстого и Сталина? Дикость! А Горький за шесть дней до смерти обсуждает с вождем будущее русской литературы» [1].

Абивалентность фигуры и судьбы М. Горького сегодня (скорее всего, к счастью) не дает возможности возвести его ни в сан героя (пусть даже героя революции), ни в сан мученика (пострадавшего от советской власти). А культурная память, как мы отмечали, требует однозначности истолкования образа героя. Именно амбивалентность писателя стала не всегда артикулированным, но очевидным, ключевым лейтмотивом воспоминаний о М. Горьком современников.

Приведем два примера, ставших, на наш взгляд, наиболее характерными и знаковыми. Это воспоминание Е. Чирикова: «Он – Янус: одно его лицо славянского типа с резким выражением доброты, мягкости, сентиментальности, широты порыва и размаха, расплывчатости в степных далях и волжских ширях; другое лицо азиатского типа, с резко выраженной жестокостью, твердостью, безжалостностью, хитростью, лукавством и с деспотическими наклонностями своего „я“. Первое лицо воплотилось в художнике, второе – в революции» [13]; и столь же показательное воспоминание В. Вересаева: «Сам Горький очень резко обвинял Толстого в желании будто бы сочинять свое житие, но сам он в этом повинен гораздо больше. Уже при жизни о нем стали создаваться легенды, им не опровергавшиеся, уже при жизни писались казенно-хвалебные биографии и столь же хвалебные воспоминания, где он выводился в виде героической фигуры, самоотверженного бойца за идеалы человечества, цельным, сильным и безупречным в моральном отношении человеком. И только долгим и кропотливым трудом позднейших исследователей, если до них дойдут более объективные воспоминания о нем, будет восстановлена подлинная фигура Горького. Человек очень крупный, яро ненавидевший мир притеснения и рабства, страстно мечтавший о свободе и счастье человека, обладавший даром искреннего художе-

ственного умиления, он был в то же время изумительно двуличен (когда будет полно опубликована вся его переписка, самый пристрастный исследователь ахнет от размера этой двуличности); очень злопамятный; жадно любивший славу и восхваления, но умевший надевать на себя личину великой скромности; сильно любивший деньги и самый изысканный комфорт; яростно гремел против мещанства, а сам не жил как мещанин только потому, что жил как владетельный принц» [13].

Не комментируя явную предвзятость авторов данных высказываний, отметим, что спецификой действия механизмов культурной памяти по отношению к М. Горькому также становится амбивалентность и противоречивость, поскольку указанные выше мнения предлагают оценку не только и не столько личности и творчеству М. Горького, сколько демонстрируют вариант демифологизации культурного героя. И в этой связи мы вновь вынуждены обращаться к проблемам культурной памяти, акцентируя внимание на концепты «контрпамять» и «постпамять» [5].

Ссылаясь на определение постпамяти, представленное М. Хирш («Постпамять описывает, какое отношение имеют последующие поколения к личным, коллективным и культурным травмам, которым подверглось поколение предыдущее; к тому, что они «помнят» только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли» [12]), а также на определение контрпамяти, предложенное П. Хаттоном (Контрпамять – память, предлагающая альтернативную версию исторических событий, отрицающая общепринятые представления о прошлом [см. 11].), отметим, что, по нашему мнению, память о М. Горьком в современной культуре формируется, в первую очередь, в контексте постпамяти.

Культурная травма, пережитая поколениями, для которых М. Горький был символом русской революции, а произведения писателя не только были обязательными для изучения в школе и вузе, но и осмысливались однозначно, упрощенно, исключительно в контексте социалистического реализма – эта культурная память создает миф о М. Горьком как писателе, незаслуженно признанном и явно переоцененном. Но формирование контрпамяти само по себе не является свидетельством объективной аксиологии творчества Горького.

Напротив, изучение реакции и оценок на творчество М. Горького поколения, воспитанного в постсоветский период, свидетельствует, что негативные коннотации в отношении творчества и биографии писателя не сформировались, и мы обнаруживаем действие механизмов контрпамяти, которая ориентирована на создание альтернативной версии исторических событий, и в которой феномен личности рассматривается как символ историко-культурной эпохи. Не случайно, на вопрос, что следует знать современному поколению о М. Горьком Д. Московская отвечает: «Биографию в контексте времени. Константин Федин, которому, как и Осоргину, не занимать тонкости и наблюдательности, заметил: «В мировой литературе мы знаем немало великих биографий. Биография Горького принадлежит к ним, но вместе с тем резко отличается от всех них своею сверкающей новизной. Это была жизнь, как в зеркале отразившая в себе историческую смену эпох». Биография, взятая в контексте эпохи, все расставляет по своим местам, дает возможность оценить феномен личности и творчества писателя» [3].

Таким образом, на сегодняшний день механизмы постпамяти и контрпамяти по отношению к личности и творчеству М. Горького не сформировались в полной мере, более того – они не только взаимодействуют, но и противопоставлены друг другу, что позволяет нам предположить, что культурная память о М. Горьком все еще находится в процессе трансформации.

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва : РИО ЯГПУ, 2018 [8].

Библиографический список

1. Басинский, П. Кому мешал Максим Горький? [Электронный ресурс] / П. Басинский. – URL: http://www.aif.ru/culture/person/26033

2. Васильев, А. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа [Текст] / А. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография, 2 издание. – М. : Совпадение, 2015. – С. 29-57.

3. Вернуть Горького [Электронный ресурс]. – URL: https://www.postkomsg.com/interview/216936/

4. Ермолин, Е. А. Культурный герой [Электронный ресурс] / Е. А. Ермолин. – URL: //http://www.academia.edu/31229887

5. Ерохина, Т. И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе [Текст] / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник, 2017. – № 5. – С. 269-274.

6. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х т. – Т. 1. – Таллин : Александра, 1992. –

С. 200-202.

7. Луначарский, А. В. Мировой писатель [Электронный ресурс] / А. В. Луначарский. – URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/lunacharskij-mirovoj-pisatel.htm

8. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения : по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5-7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва : РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.

9. Пьецух, В. Горький Горький [Электронный ресурс] / В. Пьецух. – URL: https://public.wikireading.ru/84656

10. Хализев, В. Е. Колебания литературных репутаций. Безвестные и забытые авторы и произведения [Текст] / В. Е. Хализев // Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2002. – С. 172-175.

11. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти [Электронный ресурс] / П. Х. Хаттон. – URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks / History/hatt/index.php.

12. Хирш, М. Что такое постпамять. Перевод К. Харланова [Электронный ресурс] / М. Хирш. – URL: urokiistorii.ru/node / 5327.

13. Фокин, П. Е. Максим Горький [Электронный ресурс] / П. Е. Фокин. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX веков. Том 2. К-Р – Режим доступа: https://biography.wikireading.ru/49395

Reference List

1. Basinskij, P. Komu meshal Maksim Gor'kij? = Who was disturbed by Maxim Gorky? [Jelektronnyj resurs] / P. Basinskij. – URL: http://www.aif.ru/culture/person/26033

2. Vasil'ev, A. Kul'turnaja pamjat' / zabvenie i nacional'naja identichnost': teoreticheskie osnovanija analiza = Cultural memory / oblivion and national identity: theoretical bases of the analysis [Tekst] / A. Vasil'ev // Kul'turnaja pamjat' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti Rossii v XXI veke : kollektivnaja monografija, 2 izdanie = Cultural memory in the context of formation of national identity of Russia in the XXI century: collective monograph, the 2nd edition. – M. : Sovpadenie, 2015. – S. 29-57.

3. Vernut' Gor'kogo = To return Gorky [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.postkomsg.com/interview/216936/

4. Ermolin, E. A. Kul'turnyj geroj = Cultural hero [Jelektronnyj resurs] / E. A. Ermolin. – URL: //http://www.academia.edu/31229887

5. Erohina, T. I. Fenomen pamjati v massovoj kul'ture: kontrpamjat' i postpamjat' v otechestvennom kinematografe = The memory phenomenon in popular culture: countermemory and post-memory in national cinema [Tekst] / T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2017. – № 5. – S. 269-274.

6. Lotman, Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii = Memory in culturological presentation [Tekst] / Ju. M. Lotman // Izbrannye stat'i = Selected articles : v 3-h t. – T. 1. – Tallin : Aleksandra, 1992. – S. 200-202.

7. Lunacharskij, A. V. Mirovoj pisatel' = World writer [Jelektronnyj resurs] / A. V. Lunacharskij. – URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/lunacharskij-mirovoj-pisatel.htm

8. Problemy rossijskogo samosoznanija: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and the Russian province. To the 150 anniversary since the birth [Jaroslavl', 5-7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.]. – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.

9. P'ecuh, V. Gor'kij = Gorky [Jelektronnyj resurs] / V. P'ecuh. – URL: https://public.wikireading.ru/84656

10. Halizev, V. E. Kolebanija literaturnyh reputacij. Bezvestnye i zabytye avtory i proizvedenija = Fluctuations of literary reputations. Unknown and forgotten authors and works [Tekst] / V. E. Halizev // Teorija literatury. 3-e izd., ispr. i dop. = Theory of literature. The 3rd edition, corrected and added. – M. : Vyssh. shk., 2002. – S. 172-175.

11. Hatton, P. H. Istorija kak iskusstvo pamjati = History as memory art [Jelektronnyj resurs] / P. H. Hatton. – URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks / History/hatt/index.php.

12. Hirsh, M. Chto takoe postpamjat'. Perevod K. Harlanova = What is post-memory. Translation by K. Kharlanov [Jelektronnyj resurs] / M. Hirsh. – URL: urokiistorii.ru/node / 5327.

13. Fokin, P. E. Maksim Gor'kij = Maxim Gorky [Jelektronnyj resurs] / P. E. Fokin. Serebrjanyj vek. Portretnaja galereja kul'turnyh geroev rubezha XIX–XX vekov. Tom 2. K–R – Rezhim dostupa: https://biography.wikireading.ru/49395

Дата поступления статьи в редакцию: 19.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

Исторические аспекты культурных процессов

УДК 930.85

Н. Ф. Бабурина

https://orcid.org/0000-0001-7814-6665

В. В. Полетаева

https://orcid.org/0000-0002-8488-4266

Мода как отражение социальной структуры Российской империи XIX столетия (на примере дворянского сословия)

В статье рассматривается возможность использования одежды в качестве источника для изучения социальной структуры российского общества XIX столетия. В указанный период времени костюм являлся знаком, демонстрировавшим социальный статус человека. Он отражал уровень материального благосостояния своего владельца, его политические и идеологические взгляды, духовные ценности и образ жизни. На внешний облик жителей Российской империи в девятнадцатом столетии огромное влияние оказывали события, происходившие в ту эпоху в нашей стране, – Отечественная война 1812 г., восстание декабристов, отмена крепостного права.

Особое внимание в статье уделяется характеристике дворянского костюма. Его отличительной чертой являлось заимствование западных форм одежды, которые изготавливались из дорогой материи и дополнялись изысканными аксессуарами. Внешний облик русских дворян на протяжении XIX в. во многом зависел от капризов европейской моды. Их гардероб в это время постоянно пополнялся новыми элементами одежды. Значительные изменения произошли в женском дворянском костюме. Однако далеко не все представители привилегированного сословия положительно относились к широкому распространению западных форм одежды среди русских дворян: некоторые из них выражали крайнее недовольство их излишним увлечением европейскими модами.

Ценным источником для изучения костюма жителей Российской империи XIX в. являются литературные произведения, созданные в указанный период времени. В статье приводятся отрывки из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума», романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», И. С. Тургенева «Отцы и дети», Л. Н. Толстого «Война и мир», в которых содержится описание внешнего облика их героев – представителей высшего общества Российской империи XIX столетия.

Ключевые слова: мода, костюм, Российская империя, XIX век, социальная структура, дворянство, художественная литература.

Historical aspects of cultural processes

N. F. Baburina, V. V. Poletaeva

Fashion as Reflection of the Social Structure of the Russian Empire in the XIX century (on the example of nobility)

In the article the possibility to use clothes as a source for studying a social structure of the Russian society of the XIX of century is considered. During the specified time period the costume was a sign showing a social status of the person. It reflected the level of material well-being of the owner, his political and ideological views, cultural wealth and a way of life. The events which took place during that era in our country – the Patriotic war of 1812, the Decembrist revolt, cancellation of the serfdom had a huge impact on appearance of residents of the Russian Empire in the nineteenth century.

In the article special attention is given to the characteristic of a noble costume. Its distinctive feature was borrowings from the western dress codes which were made of expensive cloth and were complemented with refined accessories. The appearance of the Russian noblemen throughout the 19th century in many respects depended on whims of the European fashion. Their clothes constantly were replenished at this time with new elements of clothes. Significant changes occurred in a women's noble costume. However not all representatives of the exclusive estate were positive to wide circulation of the western dress codes among the Russian noblemen: some of them showed extreme discontent with their excessive interest in European fashion.

Valuable source for studying a costume of residents of the Russian Empire of the XIX century are literary works written during the specified time period. Fragments are presented in the article from A. S. Griboedov's play «Woe from Wit», A. S. Pushkin's novel «Eugene Onegin», I. S. Turgenev's novel «Fathers and children», L. N. Tolstoy's novel «War and peace» which contain the description of appearance of their heroes – representatives of society of the Russian Empire of the XIX century .

Keywords: fashion, costume, Russian Empire, the XIX century, social structure, nobility, fiction.

© Бабурина Н. Ф., Полетаева В. В., 2018

С давних пор одежда играет важную роль в жизни людей. Как и много лет назад, сегодня она помогает им спастись от неблагоприятных погодных условий – холода и зноя, дождя или ветра, выполняя свою основную (защитную) функцию. Но вместе с тем одежда является своеобразным знаком, символом, отражающим социально-экономическое положение и духовное состояние человека. Определенным образом подобранные элементы костюма позволяют ему продемонстрировать в обществе свой социальный статус, свое настроение, эмоциональное состояние, эстетические ценности и даже отношение к миру. Однако следует отметить, что в настоящее время значение одежды как знака значительно уменьшилось и в нашей стране, и за рубежом. В современном мире далеко не все богатые и обеспеченные люди в повседневной жизни носят дорогую одежду, тогда как некоторые представители так называемого среднего класса, стремясь поднять свой социальный статус, нередко отдают предпочтение вещам ведущих марок и фирм. Поэтому сегодня нам не всегда удастся безошибочно определить социальное положение человека, в отличие от предшествующих столетий, когда при помощи костюма и отдельных его элементов можно было узнать не только о его происхождении и месте в социальной иерархии, но и о его политических и идеологических воззрениях, эстетическом вкусе и духовных ценностях. В те, не столь далекие от нас времена, одежда была «лицом» человека, сословия и в то же самое время социокультурным портретом всей эпохи, на котором ярко отражались все изменения, происходившие в нашей стране в тот или иной исторический период.

Период XIX – начала XX века в российской истории по праву можно назвать эпохой кардинальных перемен и значимых событий, определивших будущее развитие нашего государства. К их числу относится и победоносная Отечественная война с Наполеоном 1812 года, и восстание декабристов, и крестьянская реформа Александра II. Кроме того, в это время произошли коренные изменения в экономике Российской империи. Все это оказало влияние на образ жизни людей, а значит и на их внешний вид, на их костюм.

В начале XIX столетия усилилось воздействие Европы на русскую моду, что главным образом проявилось в одежде дворян. В первые же дни царствования Александра I они сменили старомодные кафтаны на английские фраки, а камзолы – на французские жилеты. Современник происходивших в то время событий Ф. Ф. Вигель в своих мемуарах писал, что «Первое употребление, которое сделали молодые люди из данной им воли, была перемена костюма: не прошло двух дней после известия о кончине Павла, круглые шляпы явились на улицах; дня через четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещение с них не было снято; впрочем, и в Петербурге все перерядились в несколько дней. К концу апреля кое-где еще встречались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людях самых бедных» [2, с. 125].

В костюме представительниц привилегированного сословия российского общества тоже произошли заметные перемены. На смену пышным платьям пришли легкие французские туники, напоминавшие наряды античных красавиц. Поверх них в холодную погоду российские модницы обычно надевали английский спенсер или набрасывали шерстяные шали, которые, по воспоминаниям Марты Вильмот, путешествовавшей по России в начале XIX столетия, здесь были «в большой моде, и чем их больше, тем больше Вас уважают» [5, с. 238].

Вероятно, распространению европейских костюмов в среде российского дворянства способствовало дарованное им Александром I разрешение на выезд за границу [14, с. 57], запрет на который был введен в годы правления Павла I, и Заграничные походы императора, во время которых дворяне близко познакомились с жизнью населения Западной Европы. Однако далеко не все представители знатных фамилий приняли модные нововведения. Среди них был и граф Федор Васильевич Ростопчин, происходивший из старинного дворянского рода. В своих произведениях он выступал против пагубного, на его взгляд, влияния французов, призывая своих соотечественников «… опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: «Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси» [19, с. 420]. Осуждая излишнее увлечение представительниц высшего сословия российского общества французскими одеждами в начале XIX века, он от лица своего героя – дворянина Силы Андреевича Богатырева – писал: «Господи помилуй! … Одеты – как мать наша Ева в раю, сущие вывески торговой бани либо мясного ряду. … Ох, тяжело! Дай, Боже, сто лет здравствовать Государю нашему, а жаль дубины Петра Великого: взять бы ее хоть на недельку из кунсткамеры да выбить дурь из дураков и дур» [19, с. 421].

Отрицательное отношение представителей части дворянского общества к распространению европейских элементов одежды нашло свое отражение и в произведениях классической русской литературы. Так, главные герои знаменитой комедии «Горе от ума», написанной А. С. Грибоедовым в начале 20-х годов XIX столетия, представители двух противоположных друг другу кругов дворянского общества Павел Афанасьевич Фамусов и Александр Андреевич Чацкий придерживались схожей точки зрения в отношении распространения в России европейского платья. Непримиримые враги во многом они оба, как ни странно, крайне негативно высказывались о чрезмерном увлечении особ дворянского происхождения западными модами. В беседе со своей дочерью Софией Фамусов критикует излишнее пристрастие русских дам к французским платьям:

«А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы: Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!» [4].

Чацкий также выражает свое отношение к заимствованию западных форм одежды крайне негативно:

«Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад –
И нравы, и язык, и старину святую
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!» [4].

Огромное влияние на дворянский костюм в период правления Александра I оказала Отечественная война 1812 года. Подъем национальных чувств и патриотических настроений в это время проявлялся не только в непосредственном участии в сражениях и пожертвовании денежных средств на ведение боевых действий, но и в отказе от употребления в речи французских слов и выражений и возвращении к традиционному русскому костюму. Русские провинциальные дворяне, как пишет Ф. Ф. Вигель, «в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Многие из них почти все оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки» [2, с. 21], которые в начале XIX века составляли основу традиционного народного костюма Российской империи. Однако увлечение национальным платьем продлилось недолго, и в обиход вскоре вновь вернулись элементы европейского костюма.

В последние годы правления императора Александра I коренных изменений в костюме мужской части дворянского общества не произошло. Они по-прежнему носили фраки, сюртуки и пришедшие на смену коротким штанам кюлотам в XIX столетии длинные панталоны, которые дворяне сначала заправляли в сапоги и только в 20-е годы стали надевать поверх них. Неотъемлемым элементом костюма дворян были головные уборы, среди которых наибольшей популярностью пользовались двухугольная шляпа «веллингтон», цилиндр с широкими полями «а ля боливар» и шляпа с узкими полями «морильо», получившие свои названия в честь английского лорда А. Веллингтона, лидера освободительного движения в Латинской Америке Симона Боливара и его противника Пабло Морильо. При этом можно предположить, что в двух последних случаях шляпа являлась для них не просто модным аксессуаром, но и средством выражения их собственных политических взглядов и убеждений, на которые они ориентировались при ее выборе. Так, например, в первой главе своего знаменитого романа «Евгений Онегин», написанной в 20-е годы XIX века, А. С. Пушкин облачает главного героя в шляпу «боливар». Рассказывая читателям о повседневной жизни Онегина, он кратко характеризует его внешний облик:

«Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед» [17].

Что касается женского костюма, то на смену легким туникам вновь пришли пышные платья и корсеты, поверх которых знатные дамы надевали редингтоны и тюрлюрлю – длинные накидки из шуршащей шелковой ткани. В качестве же аксессуаров к своим нарядам они использовали разнообразные шляпы, небольшие шарфы из легкой материи – эшарпы – и перчатки, которые указывали на принадлежность человека к богатой и именитой фамилии.

В первые годы правления Николая I западноевропейские моды продолжали оказывать значительное влияние на внешний облик русских дворян. Мужчины по-прежнему носили английские фраки и французские жилеты, длинные панталоны и галстуки, способов завязывания которых существовало бесчисленное множество. Ярким представителем дворянской моды тех лет был уже упоминавшийся ранее герой романа А. С. Пушкина – Евгений Онегин. Подобранный «В последнем вкусе» [17] костюм Онегина включал в себя панталоны, фрак и жилет.

Однако стоит отметить, что, хотя основные элементы костюма русского дворянина, получившие распространение в предшествующий период, и не исчезли из его гардероба в 30-50-е годы XIX века, но претерпели некоторые изменения. Так, в начале четвертого десятилетия портные, следуя модным тенденциям, начали изготавливать фраки с пышными у плеча рукавами. Носить верхнюю одежду в прохладное время года с ними было невозможно, поэтому большой популярностью среди дворян стали пользоваться разнообразные плащи и накидки, например, длинная и широкая альмавива, которую по существовавшей в то время традиции надевали, закидывая одну ее полу на плечо [11, с. 22]. Однако довольно быстро увлечение пышными рукавами прошло, а вместе с этим пропала и необходимость носить просторную верхнюю одежду. Поэтому в начале 40-х годов XIX столетия представители привилегированного сословия, выходя из дома, облачались в сшитый по фигуре редингтон или каррик, отличительной чертой которого было обилие воротничков, а также пальто, различных моделей которого в середине века появилось великое множество.

В период правления Николая I широкие пышные рукава или, как их называли, буфы были неотъемлемой частью и женского дворянского платья. В 30-е годы они увеличились настолько, что Н. В. Гоголь, являвшийся свидетелем всех этих модных нововведений, сравнивал их с воздухоплавательными шарами, благодаря которым «дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина» [3]. Поэтому представительницы прекрасной половины дворянского сословия, как и их спутники, в качестве верхней одежды предпочитали использовать всевозможные плащи и накидки – летом кружевные мантильи, а зимой – просторные клоки, манто и капоты.

Вслед за рукавами во второй четверти XIX века более пышными стали и юбки дворянских платьев. Для достижения подобного эффекта молодые девушки и женщины либо надевали под верхнюю юбку еще несколько, либо пришивали к ее подолу руло – небольшой, набитый ватой валик, который придавал платью определенный объем [9, с. 172], пока в начале 50-х годов в моду не вошел популярный в Европе кринолин, представлявший собой конструкцию из соединенных друг с другом обручей, предназначенную для придания пышности платью. С этого времени и на протяжении почти двух десятилетий он являлся обязательной частью костюма российских дворянок, несмотря на причиняемые им барышням неудобства в их повседневной жизни.

Таким образом, в николаевскую эпоху европейские формы одежды господствовали в гардеробах представителей отечественной аристократии обоих полов. Однако, начиная с 30-х годов, в их костюмах стали появляться некоторые элементы национального русского платья, причем определенное влияние на их распространение оказал сам император. В 1834 году по распоряжению Николая I был принят указ, в соответствии с которым женщинам, находившимся при дворе, предписывалось носить платье определенного фасона и цвета, а также «Всемъ вообще Дамамъ, какъ Придворнымъ, такъ и приезжающим ко Двору, иметь повойникъ или кокошникъ произвольнаго цвета, с белымъ вуалемъ, а Девицамъ повязку, равнымъ образомъ произвольнаго цвета и также съ вуалемъ» [16, с. 182]. Вряд ли подобным образом правящий император хотел повысить интерес дворян к народной культуре, главным выразителем которой были крестьяне, сблизить два этих противоположных друг другу по образу жизни сословия. Скорее всего, так он хотел предотвратить распространение революционных идей, которые вместе с модными тенденциями могли проникнуть в Россию из охваченной ими Франции, в которой под их влиянием в 1830 году была свергнута династия Бурбонов. Кстати, приехавший в Россию в 1839 году французский маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин, увидев благородных дам в таком наряде на балу, писал, что их костюм «импозантен и вместе с тем старомоден» [18, с. 471]. Он сравнивал покрывавший их головы кокошник с мужской шляпой, украшенной драгоценными камнями, которая, по его мнению, «придает женскому облику оттенок благородства и оригинальности, очень идет к красивым лицам и более уродует некрасивые» [18, с. 471].

Однако заимствование элементов народного костюма Николай I поддерживал не всегда. Так,

увлечение дворян, разделявших идеи славянофилов, которые выступали за сохранение самобытности России, ее традиционных ценностей и культуры, национальным русским платьем негативно оценивалось правящими кругами. У них вызывало раздражение ношение представителями этого течения общественной мысли зипунов, косовороток, поддевок и мурмолок, которые в первой половине XIX века считались типичной одеждой крестьянского сословия. Одним из первых в них переоделся К. С. Аксаков, который, по воспоминаниям русского писателя И. И. Панаева, однажды «наделал в Москве большого шуму, появись в смазных сапогах, красной рубахе и в мурмолке» [15].

Недовольны власти были и привычкой славянофилов отпускать бороды. По их мнению, распространение этого обычая стало результатом следования западным модам. Стремясь оградить своих поданных от пагубного влияния Европы, в конце 40-х годов XIX века охваченной революциями, Николай I распорядился объявить всем губернским предводителям дворянства, что «Его Величество почитает недостойным русскому дворянину увлекаться слепым подражаниям всем западным затеям так называемой моды, и что ношение бороды тем более неприлично, что всем дворянам предоставлено право ношения мундира, при котором отнюдь не дозволяется иметь бороду» [24]. Исходя из этого, получается, что славянофилы как это ни странно, являлись проводниками модных тенденций западных стран, хотя для них самих борода была символом «народности, сближения с крестьянством и купечеством» [6, с. 94].

После смерти императора Николая I 1855 году на российский престол взошел его сын Александр, в годы правления которого в нашей стране была проведена одна из самых масштабных реформ за всю ее историю. Именно при нем был разработан и принят документ, даровавший долгожданную свободу миллионам крестьян, находившимся долгое время под властью помещиков. Однако значение этого проекта для дальнейшей судьбы Российской империи не ограничивалось одной лишь только ликвидацией крепостного права, в благодарность за которую Александр II получил от своего народа имя «Освободитель». Он оказал значительное влияние на экономическую, социальную и политическую жизнь страны, что в свою очередь отразилось и внешнем облике ее жителей. Фактически крестьянская реформа 1861 года стала вектором, определявшим развитие сословных форм одежды на протяжении второй половины XIX – начала XX века.

Наименьшим образом происходившие в то время внутри государства изменения повлияли на мужской костюм дворянского сословия. Как и прежде, его обладатели следовали европейской моде, поэтому повседневный наряд аристократа традиционно состоял из сюртука и панталон, для обозначения которых, начиная со второй половины XIX века, все чаще стало употребляться слово брюки. Вместе с тем в этот период времени появились и новые формы мужской одежды – визитка и пиджак, который довольно быстро занял почетное место в будничном гардеробе российских дворян, вытеснив из него в начале нового столетия популярный в предшествующие годы сюртук. Широкое распространение в первые годы правления Николая II получил и смокинг, который представители привилегированного сословия, как и потерявший свою былую популярность, но не вышедший из употребления фрак, надевали, собираясь отправиться на званый обед или в театр [12, с. 146].

Обязательной составляющей мужского дворянского костюма продолжал оставаться головной убор. В повседневной жизни аристократы, как правило, носили цилиндры и котелки, вошедшие в обиход российских модников в середине 80-х годов XIX века, а летом отдавали предпочтение соломенным шляпам-канотье или панамам. Кроме того, неизменной деталью туалета любого мужчины из светского общества были перчатки, которые по-прежнему являлись отличительным признаком принадлежности человека к элитарным слоям населения.

Завершала образ дворянина обувь – сапоги или пришедшие им на смену ботинки. Они появились в России еще при отце Царя-Освободителя – императоре Николае I, однако широкое распространение получили уже после его смерти. Стоит отметить, что первоначально ботинки изготавливали только из кожи черного цвета, и лишь в начале XX века их начали шить из материала светлых тонов.

Портрет типичного дворянина тех лет отражает внешний облик одного из главных героев романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» Павла Петровича Кирсанова. Он предстает перед читателями то «одетый в темный английский съют, модный низенький галстух и лаковые полусапожки» [22], то облаченный в «легкий клетчатый пиджак и белые, как снег, панталоны» [22]. Все эти элементы одежды, присутствующие в гардеробе Павла Пет-

ровича, были характерны для мужского дворянского костюма второй половины XIX века.

В отличие от мужского в женском дворянском костюме произошло немало значительных изменений. Во-первых, кринолин, вернувшийся в гардероб российских аристократок в начале 50-х годов и занимавший в нем почетное место на протяжении почти двух десятилетий, вновь ушел в прошлое. Его сменил заимствованный у француженок турнюр [26, p. 24], представлявший собой «специальное приспособление в виде ватной подушечки или конструкции из жесткой простеганной либо туго накрахмаленной ткани, размещавшееся на спине ниже талии» [12, с. 157]. Несмотря на то, что ему удалось довольно быстро завоевать дамские сердца, спустя 20 лет он вышел из употребления, тем самым повторив судьбу своего предшественника. Конечно, во многом это было связано с капризами такой непостоянной и переменчивой моды. Однако вместе с тем можно предположить, что еще одной причиной отказа от платьев с турнюром стала масса хлопот и неудобств, которые он доставлял своим владелицам. Они вынуждены были прибегать к специальным хитростям даже для того, чтобы просто присесть на стул. Кроме того, при его ношении им приходилось сильно выгибать спину, а это наносило огромный вред здоровью женщин.

Еще одной обязательной деталью женского костюма второй половины XIX века, губительно воздействующей на ее самочувствие, был корсет. Последствиями его постоянного употребления были «Деформация грудной клетки, атрофия мышц, патология внутренних органов и связанные с этим констипации, метеоризм, тошнота и рвота», а также «общая слабость, головокружение, головные боли, раздражительность и т. д.» [20, с. 16]. Несмотря на все свои недостатки, корсет на протяжении долгого времени оставался неизменным атрибутом женского дворянского платья: только в конце первого десятилетия XX века знатные барышни окончательно отказались от его использования в своих нарядах. В это же время в моду вошло платье-костюм, состоящее из блузки, жакета и юбки, длина которой постепенно все больше укорачивалась, достигнув в 1912 году уровня подъема ступни [1, с. 97].

От холода, дождя или ветра дворянки спасались при помощи различных видов верхней одежды – широких плащей-бурнусов, пальто, моделей которого существовало бесчисленное множество, и накидок – безрукавных перелин и ротонд.

При выборе костюма для представительниц привилегированного сословия была важна каждая мелочь, поэтому они уделяли огромное внимание аксессуарам, среди которых особое место в их гардеробе по-прежнему занимали головные уборы. Однако стоит отметить, что столь полюбившиеся модницам шляпки всевозможных фасонов, которые они носили и зимой, и летом, зачастую доставляли массу неудобств окружающим. Дело в том, что они фиксировались на голове при помощи специальных шпилек или булавок, длина которых достигала тридцати и более сантиметров. Нередко при густом скоплении народа их острые концы «царапали лица … и даже выкалывали глаза» [8] людям, находившимся рядом с обладательницей подобного украшения. Но это обстоятельство никак не отразилось на популярности шляп, и вплоть до 1917 года они продолжали оставаться неотъемлемым атрибутом повседневного женского дворянского платья. Только после прихода большевиков к власти шляпы носить перестали, так как это могло стоить их владельцам жизни, ведь в глазах многих они являлись символом ненавистных богачей-аристократов, довольствовавшихся своей властью и проводивших свободное время не в тяжелых трудах, а в празднествах и увеселениях.

Также неизменными спутниками светских дам и на прогулке, и дома были перчатки, находиться без которых для них считалось верхом неприличия. Существовали даже специальные правила их ношения. Так, например, считалось, что «Перчатки непременно следуетъ одевать до выхода изъ дома» [23, с. 393], к отступлению от этой нормы современники относились как к проявлению дурного тона. Войдя в помещение, женщина должна была оставаться в перчатках, снимать их разрешалось только во время обеда или игры на фортепиано. Даже петь и танцевать светским дамам приходилось в них, поскольку, с точки зрения представителей высшего общества той эпохи, делать это «без перчатокъ или только въ одной въ высшей степени неприлично» [23, с. 394].

Стоит также отметить, что перчатки, являясь модным аксессуаром, выполняли не только декоративную, но и практическую функцию – они защищали руки аристократок от солнца, прямого воздействия которого знатные барышни всяческим образом избегали, поскольку наличие загара в девятнадцатом столетии указывало на крестьянское происхождение девушки, занимавшейся тяжелым физическим трудом под палящими лучами небесного светила [19, с. 140]. С этой же целью,

но уже для сохранения белоснежного цвета кожи лица дворянки использовали зонтики, которые обязательно брали с собой летом на пешие прогулки.

Зимними аксессуарами, демонстрировавшими принадлежность их владелицы к знатной фамилии, были меховые шарфы – горжетка, надевавшаяся как воротник поверх пальто, и получившее широкое распространение в Российской империи во второй половине XIX века боа, которое присутствовало и в костюмном ансамбле жительниц Европы, относящихся к высшему обществу [25, p. 128]. Последнее изготавливали также из перьев птиц и носили, набрасывая его на плечи или обматывая вокруг шеи. Руки же от холода и ветра привилегированные особы прятали в теплые муфты.

Гораздо больше внимания в годы правления Александра II, его сына и внука дворянки стали уделять своей обуви, что было связано с изменением длины платьев и юбок, которая постепенно стала укорачиваться. В холодное время года барышни отдавали предпочтение сапожкам или ботинкам, а летом носили туфли. Причем обязательным элементом всей женской обуви, независимо от ее вида, в рассматриваемый период времени был каблук различной высоты и формы. Так, «розовые туфли на высоких выгнутых каблуках» [21] дополняли нежное тюлевое платье Кити, в котором героиня романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» приехала на бал. Сама Каренина на этом вечере была «в черном, низко срезанном бархатном платье» [21], а ее шею украшала жемчужная нить. Эти элементы их костюмов указывали на принадлежность обеих героинь к высшему обществу той эпохи.

Однако, как и в предшествующие десятилетия, далеко не все представители дворянского сословия придерживались европейского стиля в одежде. Среди них были и те, кто сознательно отвергал излюбленные аристократами дорогие ткани и изящные украшения. Они принадлежали к числу сторонников нигилизма – течения, зародившегося в России в 60-е годы XIX века. Его последователи не признавали многие сохранявшиеся в то время в российском обществе нормы и ценности, рассматривая их как «наследие крепостнического прошлого» [10, с. 61]. Отрицая его пережитки, они в свою очередь выступали за провозглашение равенства всех сословий и призывали к уважению человеческой личности.

В отличие от основной массы представителей знатных фамилий дворяне-нигилисты в повседневной жизни носили рубахи-косоворотки и брюки, заправленные в сапоги, что сближало их с выходцами из народа. Впоследствии эти же элементы крестьянской одежды вошли в обиход и участников народнического движения. С их помощью они наглядно демонстрировали свои политические взгляды и убеждения.

В костюме женщин, разделявших идеи нигилизма, отсутствовали популярные в то время корсеты и кринолины, изысканные аксессуары и драгоценности. Напротив, он, как правило, состоял из простого платья или неширокой юбки и блузки-гарибальдийки чаще всего красного цвета, получившей свое название в честь лидера освободительного движения Италии Джузеппе Гарибальди. Кроме того, стремясь продемонстрировать свою независимость, самостоятельность и равенство с противоположным полом, нигилистки носили мужские шляпы и сапоги и подобно им коротко стригли волосы. С. В. Ковалевская, современница рассматриваемых событий, в своей повести «Нигилист» описывает их портрет следующим образом: «…одеваются просто, словно как будто и не женщины, а мужчины. И говорят, и держатся они тоже по-мужски; все только о дельном, о серьезном толкуют; и спорят, и горячатся, и папиросы курят. А главное, что еще смешнее, у всех у них обстрижены волосы» [13, с. 165-166].

Итак, в XIX веке костюм являлся визитной карточкой человека, зеркалом, в котором ясно отражалась социальная структура Российской империи. Представители привилегированного сословия, стремясь быть похожими на своих западных соседей, облачались в европейские одежды. Элегантные костюмы, изысканные аксессуары и утонченные украшения подчеркивали знатное происхождение своих владельцев, символизировали их принадлежность к высшему свету. Внешний облик дворян свидетельствовал об уровне их благосостояния, положении в обществе и образе жизни.

Библиографический список

1. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры [Текст] : учебное пособие / Л. В. Беловинский. – М. : Издательство МГУК, 1995. – Часть I. – 112 с.

2. Вигель, Ф. Ф. Записки. В 2-х томах : Т. 1 [Текст] / Ф. Ф. Вигель. – М. : Артель писателей «Круг», 1928. – 356 с.

3. Гоголь, Н. В. Невский проспект [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – URL: http://www.ilibrary.ru/text/1332/p. 1/index.html

4. Грибоедов, А. С. Горе от ума [Электронный ресурс] / А. С. Грибоедов. – URL: http://www.ilibrary.ru/text/5/p. 1/index.html

5. Е. Р. Дашкова. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России [Текст] / под общей редакцией С. С. Дмитриева. – М. : Издательство Московского университета, 1987. – 493 с.

6. Егоров, Б. Ф. Старшие славянофилы о власти и обществе [Текст] / Б. Ф. Егоров // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источники. – СПб. : «Нестор-История», 2009. – С. 90-102.

7. Ефимова, Л. В., Алешина, Т. С. Самонин, С. Ю. Костюм в России. XV – начало XX века [Текст] / Л. В. Ефимова, Т. С. Алешина, С. Ю. Самонин. – М. : Арт-Родник, 2000. – 235 с.

8. Засосов, Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов [Электронный ресурс] / Д. А. Засосов, В. И. Пызин. – Л. : Лениздат, 1991. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/23349/12/Zasosov%2C_Pyzin_-_Iz_zhizni_Peterburga_1890-1910-h_godov.html

9. Захаржевская, Р. В. История костюма: От Античности до современности [Текст] / Р. В. Захаржевская. – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 288 с.

10. Ицкович, М. А. Субкультура русского нигилизма 1860-х годов и ее социальная направленность [Текст] / М. А. Ицкович // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 6. – С. 61-65.

11. Кирсанова, Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм вещь и образ в русской литературе [Текст] / Р. М. Кирсанова. – М. : Книга, 1989. – 289 с.

12. Кирсанова, Р. М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века [Текст] / Р. М. Кирсанова. – М. : Артист. Режиссер. Театр; Калининград: Янтарный сказ, 1997. – 383 с.

13. Ковалевская, С. В. Воспоминания. Повести [Текст] / С. В. Ковалевская. – М. : «Наука», 1974. – 560 с.

14. Корнилов, А. А. Курс истории России XIX века [Текст] / А. А. Корнилов. – М. : «Высшая школа», 1993. – 448 с.

15. Панаев, И. И. Литературные воспоминания [Электронный ресурс] / И. И. Панаев. – URL: http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_0140.shtml

16. Полное собрание законов Российской империи [Текст]: собрание второе. Том IX. Отделение первое. 1834. От № 6685 – 7379. – СПб. : Типография II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1855. – 891 с.

17. Пушкин, А. С. Евгений Онегин [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – URL: https://ilibrary.ru/text/436/p. 2/index.html

18. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев [Текст] / сост. Ю. А. Лимонов. – Л. : Лениздат, 1991. – 719 с.

19. Ростопчин, Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце [Текст] / отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 704 с.

20. Руга, В., Кокорев, А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX – начале XX в. [Текст] / В. Руга, А. Кокорев. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 221 с.

21. Толстой, Л. Н. Анна Каренина [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой. – URL: https://ilibrary.ru/text/1099/p. 22/index.html

22. Тургенев, И. С. Отцы и дети [Электронный ресурс] / И. С. Тургенев. – URL: https://ilibrary.ru/text/96/p. 4/index.html

23. Хороший тон: сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной [Текст]. – М. : Советский писатель, 1991. – 544 с.

24. Щербакова, Е. И., Сидорова, М. В. Л. В. Дубельт. Записки для сведения. 1849. Научная публикация документов [Электронный ресурс] / Е. И. Щербакова, М. В. Сидорова. – URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=148413

25. Bachman M., Hansmann C. Dolls. The wide world over / Manfred Bachman, Claus Hansman. – Edition Leipzig, 1977. – 204 p.

26. Steele, Ph. The Nineteenth Century: A History Of Fashion and Costume: Volume 7 / Phillip Steele. – 64 p.

Reference List

1. Belovinskij, L. V. Istorija russkoj material'noj kul'tury = History of the Russian material culture [Tekst] : uchebnoe posobie / L. V. Belovinskij. – M. : Izdatel'stvo MGUK, 1995. – Chast' I. – 112 s.

2. Vigel', F. F. Zapiski. V 2-h tomah : T. 1 = Notes. In 2 volumes: V. 1 [Tekst] / F. F. Vigel'. – M. : Artel' pisatelej «Krug», 1928. – 356 s.

3. Gogol', N. V. Nevskij prospekt = Nevsky Avenue [Jelektronnyj resurs] / N. V. Gogol'. – URL: http://www.ilibrary.ru/text/1332/p. 1/index.html

4. Griboedov, A. S. Gore ot uma = Woe from Wit [Jelektronnyj resurs] / A. S. Griboedov. – URL: http://www.ilibrary.ru/text/5/p. 1/index.html

5. E. R. Dashkova. Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii = E. R. Dashkova. Notes. Letters of sisters M. and K. Vilmot from Russia [Tekst] / pod obshhej redakciej S. S. Dmitrieva. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987. – 493 s.

6. Egorov, B. F. Starshie slavjanofily o vlasti i obshhestve = Senior Slavophiles about the power and society [Tekst] / B. F. Egorov // Vlast', obshhestvo i reformy v Rossii v XIX – nachale XX v.: issledovanija, istoriografija, istochniki = The power, society and reforms in Russia in the XIX – the beginning of the XX century: researches, historiography, sources – SPb. : «Nestor-Istorija», 2009. – S. 90-102.

7. Efimova, L. V., Aleshina, T. S. Samonin, S. Ju. Kostjum v Rossii. XV – nachalo XX veka = Costume in Russia. The XV – the beginning of the XX century

[Tekst] / L. V. Efimova, T. S. Aleshina, S. Ju. Samonin. – M. : Art-Rodnik, 2000. – 235 s.

8. Zasosov, D. A., Pyzin V. I. Iz zhizni Peterburga 1890-1910-h godov = From life of St. Petersburg in 1890-1910-s [Jelektronnyj resurs] / D. A. Zasosov, V. I. Pyzin. – L. : Lenizdat, 1991. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/23349/12/Zasosov%2C_Pyzin_-_Iz_zhizni_Peterburga_1890-1910-h_godov.html

9. Zaharzhevskaja, R. V. Istorija kostjuma: Ot Antichnosti do sovremennosti = History of costume: From Antiquity to the present [Tekst] / R. V. Zaharzhevskaja. – M. : RIPOL klassik, 2005. – 288 s.

10. Ickovich, M. A. Subkul'tura russkogo nigilizma 1860-h godov i ejo social'naja napravlennost' = Subculture of the Russian nihilism in 1860-s and its social orientation [Tekst] / M. A. Ickovich // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk = News of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. – 2009. – T. 11. – № 6. – S. 61-65.

11. Kirsanova, R. M. Rozovaja ksandrejka i dradedamovyj platok: Kostjum veshh' i obraz v russkoj literature = Pink ksandreyka and dradedamov scarf: A costume a thing and an image in the Russian literature [Tekst] / R. M. Kirsanova. – M. : Kniga, 1989. – 289 s.

12. Kirsanova, R. M. Scenicheskij kostjum i teatral'naja publika v Rossii XIX veka = Scenic costume and theatrical public in Russia the XIX century [Tekst] / R. M. Kirsanova. – M. : Artist. Rezhisser. Teatr; Kaliningrad: Jantarnyj skaz, 1997. – 383 s.

13. Kovalevskaja, S. V. Vospominanija. Povesti = Memoirs. Stories [Tekst] / S. V. Kovalevskaja. – M. : «Nauka», 1974. – 560 s.

14. Kornilov, A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka = Course of Russian history of the XIX century [Tekst] / A. A. Kornilov. – M. : «Vysshaja shkola», 1993. – 448 s.

15. Panaev, I. I. Literaturnye vospominanija = Literary memoirs [Jelektronnyj resurs] / I. I. Panaev. – URL: http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_0140.shtml

16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = Complete collection of laws of the Russian Empire [Tekst]: sobranie vtoroe. Tom IX. Otdelenie pervoe. 1834. Ot № 6685 – 7379. – SPb. : Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj EGO IMPERATORSKOGO VELIChESTVA Kanceljarii, 1855. – 891 s.

17. Pushkin, A. S. Evgenij Onegin = Eugene Onegin [Jelektronnyj resurs] / A. S. Pushkin. – URL: https://ilibrary.ru/text/436/p. 2/index.html

18. Rossija pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev = Russia of the first half of the XIX century with foreigners' eyes [Tekst] / sost. Ju. A. Limonov. – L. : Lenizdat, 1991. – 719 s.

19. Rostopchin, F. V. Mysli vsluh na Krasnom kryl'ce = Thoughts aloud on the Red porch [Tekst] / otv. red. O. A. Platonov. – M. : Institut russkoj civilizacii, 2014. – 704 s.

20. Ruga, V., Kokorev, A. Baryshni i damy. Povsednevnaja zhizn' moskvichek v seredine XIX – nachale XX v. = Young ladies and ladies. Everyday life of Muscovites in the middle of the XIX – the beginning of the XX century. [Tekst] / V. Ruga, A. Kokorev. – M. : OLMA Media Grupp, 2014. – 221 s.

21. Tolstoj, L. N. Anna Karenina = Anna Karenina [Jelektronnyj resurs] / L. N. Tolstoj. – URL: https://ilibrary.ru/text/1099/p. 22/index.html

22. Turgenev, I. S. Otcy i deti = Fathers and children [Jelektronnyj resurs] / I. S. Turgenev. – URL: https://ilibrary.ru/text/96/p. 4/index.html

23. Horoshij ton: sbornik pravil i sovetov na vse sluchai zhizni, obshhestvennoj i semejnoj = Good form: collection of rules and advice for all occasions, public and family [Tekst]. – M. : Sovetskij pisatel', 1991. – 544 s.

24. Shherbakova, E. I., Sidorova, M. V. L. V. Dubel't. Zapiski dlja svedenija. 1849. Nauchnaja publikacija dokumentov = L. V. Dubelt. Notes for information. 1849. Scientific publication of documents [Jelektronnyj resurs] / E. I. Shherbakova, M. V. Sidorova. – URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=148413

25. Bachman M., Hansmann C. Dolls. The wide world over / Manfred Bachman, Claus Hansman. – Edition Leipzig, 1977. – 204 p.

26. Steele, Ph. The Nineteenth Century: A History Of Fashion and Costume: Volume 7 / Phillip Steele. – 64 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10217

УДК 0008

В. И. Пефтиев

https://orcid.org/0000-0001-6356-7651

А. П. Чехов и его современники в контексте общественных дискуссий рубежа XIX–XX вв.

Рубеж XIX–XX вв. в России – особый период в жизни и творчестве А. П. Чехова. Он предстает как зрелый художник слова, «точечно» вовлеченный в общественные дискуссии 1894-1904 гг, сочленяющий свое мироощущение с чувствами и размышлениями современников и в унисон, и в контрасте.

Концептуальное сопровождение статьи включает концепт А. А. Потебни «сгущения мысли», тезисы и аргументы М. М. Бахтина (диалогичность и хронотоп), исследования по структуре дискурса (диалог самосознания, внутренняя и произнесенная речь).

Отмечены акции А. П. Чехова по оказанию помощи голодающим, больным, земским школам, поддержка петиции об отмене предварительной цензуры, сложение с себя звания почетного академика, публичное выступление в защиту А. Дрейфуса. Кровавая Ходынка оставила тягостный след в мироощущении А. П. Чехова; сохранились также воспоминания о его мрачных предчувствиях в связи с началом войны с Японией.

Представлен обзор воспоминаний современников о А. П. Чехове, дополненный новейшими биографиями (А. П. Кузичева, Д. Рейфилд, Н. А. Дмитриева, Н. А. Кожевникова и др.). Однако еще имеются купюры в письмах А. П. Чехова и в воспоминаниях его современников, не включенные в собрание сочинений. Многие документы и материалы эпохи Чехова не извлечены из архивов России и Европы и не вовлечены в научный оборот.

В статье обозначены максимы послания Чехова (писателя – «долгожителя») нам, поколению начала XXI в. Неукротимость духа и благие дела судят о людях по их поведению после Вашей кончины. У писателя особая миссия – улавливать настроения эпохи, перемены в самочувствии своих читателей, а способность к предчувствию катастроф присуща лишь гениям.

Ключевые слова: рубеж XIX–XX вв. в России, диалог, структура дискурса, А. А. Потебня, М. М. Бахтин, А. П. Чехов.

V. I. Peftiev

A. P. Chekhov and His Contemporaries in the Context of Public Discussions at the turn of the 19-20th century

The turn of the 19-20th centuries in Russia is a special period in A. P. Chekhov's life and creativity. He appears as the mature literary artist who is «pointwise» involved in public discussions of 1894-1904, jointing the attitude with feelings and reflections of contemporaries and in unison and in contrast.

Conceptual support of the article includes A. A. Potebnya's concept of «condensation of a thought», M. M. Bakhtin's theses and arguments (dialogicity and chronotope), researches on the structure of discourse (dialogue of consciousness, the internal and spoken speech).

A. P. Chekhov's actions in helping the starving, sick, territorial schools are celebrated, also he supported the petition about cancellation of preliminary censorship, put from himself a rank of the honorary academician, publicly spoke out in defense of A. Dreyfus. Bloody Khodynka left a burdensome mark in A. P. Chekhov's attitude; also there are kept memories of his gloomy presentiments in connection with the beginning of the war with Japan.

The review of contemporaries' memories on A. P. Chekhov is submitted, supplemented with the latest biographies (A. P. Kuzicheva, D. Reifield, N. A. Dmitrieva, N. A. Kozhevnikova, etc.). However still there are notes in A. P. Chekhov's letters and in memoirs of his contemporaries, not included in collected works. Many documents and materials of the era of Chekhov are not taken from archives of Russia and Europe and not involved into the scientific turn.

In the article are designated maxims of the message of Chekhov (writer – «long-liver») to us, the generation of the beginning of the 21st century. Invincibility of spirit and good causes judge people on their behavior after your death. The writer has a special mission – to catch moods of the era, change in readers' health, and the ability to have presentiment accidents is inherent only to geniuses.

Keywords: the turn of the 19-20th centuries in Russia, dialogue, structure of discourse, A. A. Potebnya, M. M. Bakhtin, A. P. Chekhov.

© Пефтиев В. И., 2018

А. П. Чехов (1860-1904) – противоречивый и неисчерпаемый гений русской прозы и драматургии. О его жизни и творчестве к настоящему времени известно почти все. В этом «почти все» есть купюры в письмах А. П. Чехова и в воспоминаниях его современников, не включенные в собрания сочинений. Многие документы и материалы эпохи А. П. Чехова не извлечены из архивов и не вовлечены в научный оборот: много утеряно навсегда или хранится в частных собраниях, затерялось в архивах Европы.

Реализация этих целевых установок немыслима без обращения к выбранным местам из британской (Дональд Рейфилд) и российской (Алевтина Кузичева) версий биографии нашего классика. Д. Рейфилд усердно проштудировал Фонды отдела рукописей (ОР) РГБ и РГАЛИ. Скрупулезный и язвительный, он снял табу с нецеломудренных высказываний А. П. Чехова о близких ему женщинах, знакомых и критиках. Источниковедческая база трудов Д. Рейфилда впечатляет и должна быть воспринята с должным уважением [9]. Алевтина Кузичева ведет незримый, ненавязчивый и сослагательный спор с коллегой из Великобритании. Ей не присуща мания дотошно докапываться до деталей и подробностей пульсирующей хроники взаимоотношений Чехова с родными и близкими, женщинами, критиками-соперниками, попутчиками. Автор юбилейной монографии (к 150-летию со дня рождения А. П. Чехова) проследила нити и следы взаимовлияния экзистенционального опыта писателя и литературных произведений [6].

Возможны разные комбинации известных и доступных источников по Чехову. Нами избрано маленькое поле в чеховиане, а именно отклики Чехова и его современников на общественные дискуссии в России рубежа XIX–XX вв. (1894-1904).

Выбор этого десятилетия объясняем трояко. А. П. Чехов предстает:

а) как зрелый художник слова: россыпь повестей и рассказов и цикл пьес с неоднозначной сценической судьбой; шедевры Чехова для каждого читателя и/или зрителя;

б) отход от позиции наблюдателя, дистанцирование от суеты сует в литературе и обществе ради «точечной» вовлеченности в дискуссии по поводу экстраординарных событий в России и Европе;

в) аналитик настроений и действий «конца эпохи» (fin de siècle) с надеждами и тревогами, сочленения своих мироощущений с чувствами и размышлениями своих современников; это сочленение то в унисон, а то и в контрасте.

Передислокация информации и аналитики о Чехове – важный, но начальный шаг в «дорожной карте» научных изысканий. Далее маршрут упирается в методологию анализа, обработки и интерпретации полученных данных, а в завершение эссе – авторское заключение.

Речь, слово и мысль – несущие конструкции в языкознании и литературоведении. От перемены места, инструментов наблюдения и позиции самого наблюдателя возникают концепты, творцами которых по справедливости называют В. Гумбольдта (его последователь в России – А. А. Потебня), М. М. Бахтина, французских и немецких экзистенциалистов (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, Р. Барта, М. Фуко и др.). Вводимые ими идеи и понятия формируют концептуальное сопровождение данной статьи. Из сочинения М. Мерло-Понти мы заимствуем тезис: слово, речь – это оформление последней фазы восприятия [7, с. 263].

В труде «Мысль и язык» (1862) А. А. Потебня (1835-1891), ныне полузабытый филолог-славист, вводит концепт «сгущения мысли». Его признаки нижеследующие: произведение искусства не есть что-то раз и навсегда созданное, а «нечто постоянно создающееся», его досоздают и пересоздают читатели, зрители, слушатели – все, на кого оно действует. Произведение, действующее длительно (А. П. Чехов как писатель-долгожитель), то есть воспринимаемое многими поколениями, обладает, по выражению А. А. Потебни, «неисчерпаемым возможным содержанием». Но «на слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли» [8, с. 181, 183].

Идея саморазвития текста трансформировалась в концепцию диалога и диалогичности М. М. Бахтина (1895-1975). В большом сочинении «Слово о романе» (1934-1935 гг.) харизма художественного артефакта (поэзия и проза) объясняется множеством голосов, которые не замкнуты и не глухи друг для друга, а постоянно отражаются друг в друге, слышат и отвечают. Каждое конкретное высказывание речевого субъекта является точкой приложения как центростремительных, так и центробежных сил. Стилистика как бы заключает высказывание в темницу одного контекста. Слово погружается в неисчерпаемое богатство и противоречивое многообразие самого предмета; слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете [1, с. 85, 87, 91, 93]. Цитату

М. М. Бахтина можно было бы продолжить, например, говорящий человек и его слово в романе.

Французские философы-стилисты, упомянутые выше, обосновали феномен и понятие «дискурс». Определений заглавного слова (discours, речь) множество. В статье используется его значение как послание автора обществу, его субъектам. Новейшие исследования в экзистенциализме и литературоведении заостряют внимание на структуре дискурса. В этой связи появились новые термины: внутренняя и произнесенная речь (Н. А. Кожевникова); диалог самосознания; слово о себе (l'écriture de soi) и др. В этом раздвоении дискурса лучше всего изучена произнесенная речь (текст). Что же касается внутренней речи, то она мобильна, разноречива, (во времени, пространстве и контексте) и часто спонтанна. Ее приходится перепроверять, подвергать «перекрестному допросу» письмами и воспоминаниями современников, а также летописью жизни и творчества (заслуга текстологов).

И последняя концептуальная новация в литературоведении и культурологии – хронотоп (в дословном переводе – время пространства). Термин «хронотоп» перекочевал из математического естествознания и обоснован в теории относительности Эйнштейна. М. М. Бахтин в специальном очерке (написан в 1937-1938 гг.) под хронотопом понимает «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в пространстве времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 235]. В очень упрощенном варианте эти установки реализуются при анализе вовлеченности А. П. Чехова в общественные дискуссии рубежа XIX–XX вв.

Литературный дебют А. Чехонте в 80-е годы сопровождался градом упреков, а то и обвинений в «отсутствии направления» (отказе присоединиться к тогдашним течениям в литературе и политике), в случайном выборе «тем». Критики и коллеги не могли или не хотели понять глубинную сущность личности «новичка»: не быть пророком, публичным человеком (в отличие от Н. А. Некрасова), никого не поучать. По мудрой оценке проф. С. Н. Булгакова: «Чехов – это человек, не сгибающийся перед неправдой, высоко парящий над обыденщиной идеализма, непримиримый с ложью и злом в себе и вокруг себя» [2, с. 47]. Чехова вдохновляла загадка человека для самого себя. Чехов как писатель «без направления» тем не менее олицетворял, по словам иностранца – француза де Вогюэ, «молодое поколение, которое не хотело повторять избитые мысли и красоваться на деревянных скакунах старого времени, размахивая картонным мечом народничества» [3, с. 7]. Свое независимое кредо А. П. Чехов изложил в письме к А. Н. Плещееву от 4 октября 1888 г.: «Я не либерал, не консерватор, не постепенновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником – и только…» [11, Т. 11, с. 263].

С 1902 г. литературный процесс у Чехова идет в рваном ритме. Бывали недели и даже месяцы, когда болезни, погода и посетители затрудняли, а то и вовсе прекращали сочинительство. Наступил и надлом с выбором: «Погибнуть или жениться!» [6, с. 575]. Пребывание для лечения в Ницце и Баденвейлере не помогли. Шедевры двух-трех последних лет – «Виш-невый сад» и «Архиерей».

Собеседниками и корреспондентами Чехова были представители всех слоев российского общества, кроме царедворцев и аристократов. Чехова не беспокоило его плебейское происхождение. Ему писали и с ним общались сотни, если не тысяча друзей, знакомых, посетителей. Поиски таковых продолжаются. Особое место в ближайшем окружении А. П. Чехова занимал А. С. Суворин. Перипетии общения и переписки А. П. Чехова с Алексеем Сергеевичем Сувориным (1834-1912, журналист и издатель) похлеще остросюжетного детектива. Начиналось с покровительства и взаимных исповедей. Не один раз из-за слабоволия Суворина общение давало трещины. После смерти А. П. Чехова последовал пасквиль через посредника: «Чехов – певец среднего сословия! Никогда большим писателем не был и не будет» (Из дневниковых записей Ивана Щеглова, 29 июля 1908 г.) [9, с. 782].

Изнурительная и многодневная поездка на о. Сахалин, знакомство с ужасным бытом каторжан и местных и в завершение издание книги – это и личный, и общественно-значимый подвиг А. П. Чехова. После этого рубежа общественная активность идет по нарастающей кривой, хотя и с зигзагами. Напомним известные и забытые эпизоды общественной активности писателя, ранее предпочтившего дистанцироваться от общественных дискуссий и дел.

Регулярные посылки книг из России и Ниццы для школьной библиотеки родного города Таганрог. Гласный Серпуховского земского собрания на три года (с 1894 г.). Финансирование из личных

денег строительства и ремонта школ в селах Талежь, Новоселки, Мелихово. Участие во всероссийской переписи населения (1897). Сбор средств для голодающих, больных чахоткой и холерой. Официальное признание заслуг: бронзовая медаль (1897) и орден Станислава 3-ей степени за труды по народному просвещению (декабрь 1899 г.). Бесплатная медицинская помощь крестьянам (юродивый или святой?).

В 1895 г. Чехов подписал петицию московских и петербургских писателей Николаю II об отмене предварительной цензуры. Новый император отверг инициативу писателей, на-помнив о том, что их вожделения приведут к брожению умов, как в 70-е годы. А. С. Суворин отказался от подписи [6, с. 30].

В 1902 г. с разрывом в один месяц (25 августа) Чехов поддержал призыв В. Г. Короленко отказаться от звания почетного академика в знак протеста против своеволия властей в отношении М. Горького.

Сердечный отклик вызвал у А. П. Чехова пересмотр дела французского офицера Альфреда Дрейфуса (еврея), ложно обвиненного в государственной измене и приговоренного к каторге. Находясь в Париже с середины апреля 1898 г., А. П. Чехов дал интервью на французском языке еврейскому журналисту Бернару Лазару, встретился с братом осужденного Матье и его компаньоном Жаком Меркерти. Он намеревался встретиться с Эмилем Золя, автором знаменитого воззвания к президенту Франции «Я обвиняю!», но постеснялся своего французского языка и ограничился приветствием. В дни процесса над А. Дрейфусом перечитал трактат Вольтера о веротерпимости. А. П. Чехов стал лучше понимать аргументы В. Г. Короленко, выступившего в защиту удмуртов. Их обвиняли в человеческих жертвоприношениях. А. П. Чехова коробили антисемитские высказывания газеты «Новое время» А. С. Суворина и нападки на Э. Золя. Первая четкая политическая позиция А. П. Чехова [9, с. 500, 585-594].

Выборочный фильтр воспоминаний современников об А. П. Чехове позволяет уяснить, как неоднозначно и мучительно формировались его взгляды на актуальные темы общественных дискуссий той эпохи. В список попали Ходынка, голод и война с Японией.

А. П. Чехов никогда не забывал кровавую трагедию на Ходынке (18 мая 1896 г., давка во время раздачи царских подарков, погибло или изувечено почти две тысячи человек). Через неделю Чехов с Сувориным посетил Ваганьковское кладбище. На следующий день уехал в Мелихово. Еще две недели во сне его преследовали мертвецы. Об увиденном почти не говорил. Несколько дней не подходил к письменному столу. Ходынка стала для него физическим и душевным потрясением. Обе памятные даты (Ходынка и Голод), видимо, причастны к мистическому предчувствию катастроф, замеченному многими современниками у позднего Чехова.

1899 год выдался тяжелым, мрачным, беспокойным. Голод в Поволжье. Помощь голодающим мизерная (порыв благотворительности сдулся быстро). Радикальные химеры и иллюзии среди бывших народников, социал-демократов, кадетов и прочей оппозиции. В этом контексте понятен скептицизм А. П. Чехова и его жесткие слова в адрес интеллигенции (22 февраля 1899 г. из письма земскому врачу И. И. Орлову): «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» [12, с. 304].

Начало войны с Японией. Владимир Леонардович Книппер (1876-1942) запомнил поразившую его фразу Чехова из доверительного разговора: «Володя, никогда не говорите так, вы очевидно, не подумали. Ведь наша победа означала бы укрепление самодержавия, укрепление того гнета, в котором мы задыхаемся. Неужели вы *этого* (курсив в тексте – В. П.) хотите». «Я был сражен и уехал пристыженный, глубоко задумавшись над этими словами и тем волнением и силой, с которыми они были сказаны Антоном Павловичем» [10, с. 611].

Как видим, реакции А. П. Чехова на злобу дня непубличны, ненавязчивы, осмотрительны. Сдержанная манера поведения Чехова не свойственна поляризованному российскому обществу, который веками действовал по привычке «кто не с нами, тот против нас». Загадка (парадокс, аномалия) для психологов, социологов, культурологов, историков: как в крестьянско-мещанской по происхождению среде возник и созрел аристократ по духу?

Другой комментарий услышал редактор Ялтинской газеты «Крымский курьер» А. Я. Бесчинский (весна 1904 г.). В передаче журналиста слова А. П. Чехова означали: «Он сознавал, что неудачная война может дать толчок к коренным реформам, но ему не хотелось и поражения». Годы спустя эта беседа была воспроизведена в газете «Приазовская речь» (1910, № 48, 17 февраля). См.: [10, с. 708].

Дилемма между патриотизмом и критикой царизма не раз повторялась в истории России, например, по поводу Крымской войны 1854-1855 гг. С нею сталкивались П. Я. Чаадаев, Ф. И. Тютчев, А. И. Герцен и др. Информация к вдумчивым и неспешным размышлениям.

Каковы же максимы послания Чехова нам, поколению начала XXI века? Неукротимость духа и благие дела – в этом смысл жизни каждой отдельной личности внутри народа (трудящихся).

Бессмертие – это суеверие, вздор или факт? Чехов давал разные ответы. Вдумчиво прочитайте его последний шедевр «Архиерей» (1902) и сделайте свой выбор.

Судят о людях по их поведению после Вашей кончины. На поминки в квартиру Чеховых пришла некогда строптивая Лика Мизинова. Одетая в траур, она встала у окна и два часа провела у него, молча вглядываясь вдаль. Лидия Авилова была лишь одной из рассеянных по свету прихожан церкви Антона Чехова, которые оплакивали его до самого конца своих дней [9, с. 781, 787].

Здравый смысл для каждого человека – это хорошо. Быть причастным к науке – еще лучше. Миссия писателя особая – улавливать настроение эпохи, перемены настроения своих читателей. Литератор и драматург С. С. Мамонтов из разговора с А. П. Чеховым(1903) запомнил такие провидческие слова: «Нагрянут в России такие события, которые все перевернут вверх дном. Мы переживаем такое время, какое переживали наши отцы накануне Крымской кампании. Только нас ожидает еще худшая катастрофа». [6, с. 797]. Способность к предвидению присуща лишь гениям.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Худ.лит., 1975. – 502 с.

2. Булгаков, С. Н. Чехов, как мыслитель [Текст] / С. Н. Булгаков. – СПб., 1910. – 47 с.

3. Вогюэ, Е.-М.де. Антон Чехов. Критический очерк [Текст] / пер.с фр. – М., 1904. – 44 с.

4. Дмитриева, Н. А. Послание Чехова [Текст] / Н. А. Дмитриева. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 21.

5. Кожевникова, Н. А. Стиль Чехова [Текст] / Н. А. Кожевникова. – М. : Азбуковиана, 2011. – 487 с.

6. Кузичева, А. П. Чехов. Жизнь «отдельной личности» [Текст] / А. П. Кузичева. – М. : Мол. гв.: ЖЗЛ, 2010. – 847 с.

7. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия [Текст] / М. Мерло-Понти / пер.с фр. – СПб. : Ювента, Наука, 1999. – 606 с.

8. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.

9. Рейфилд, Д. Жизнь Антона Чехова [Текст] / Д. Рейфилд / пер. англ. – Незав. газета, 2005. – 864 с.

10. Чехов в воспоминаниях современников [Текст]. – М. Худ. лит., 1987. – 735 с.

11. Чехов, А. П. Собр. соч. В 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Худ. лит., 1956.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i jestetiki = Questions of literature and esthetics [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hud.lit., 1975. – 502 s.

2. Bulgakov, S. N. Chehov, kak myslitel' = Chekhov as a thinker [Tekst] / S. N. Bulgakov. – SPb., 1910. – 47 s.

3. Vogjuje, E.-M.de. Anton Chehov. Kriticheskij ocherk = Anton Chekhov. Critical essay [Tekst] / per.s fr. – M., 1904. – 44 s.

4. Dmitrieva, N. A. Poslanie Chehova = Chekhov's message [Tekst] / N. A. Dmitrieva. – M. : Progress-Tradicija, 2007. – S. 21.

5. Kozhevnikova, N. A. Stil' Chehova = Chekhov's style [Tekst] / N. A. Kozhevnikova. – M. : Azbukoviana, 2011. – 487 s.

6. Kuzicheva, A. P. Chehov. Zhizn' «otdel'noj lichnosti» = Life of «one person» [Tekst] / A. P. Kuzicheva. – M. : Mol. gv.: ZhZL, 2010. – 847 s.

7. Merlo-Ponti, M. Fenomenologija vosprijatija = Phenomenology of perception [Tekst] / M. Merlo-Ponti / per.s fr. – SPb. : Juventa, Nauka, 1999. – 606 s.

8. Potebnja, A. A. Jestetika i pojetika Esthetics and poetics [Tekst] / A. A. Potebnja. – M. : Iskusstvo, 1976. – 614 s.

9. Rejfild, D. Zhizn' Antona Chehova = Anton Chekhov's life [Tekst] / D. Rejfild / per. angl. – Nezav. gazeta, 2005. – 864 s.

10. Chehov v vospominanijah sovremennikov = Chekhov in contemporaries' memoirs [Tekst]. – M. Hud. lit., 1987. – 735 s.

11. Chehov, A. P. Sobranie sochinenij v 12 t. = Collected works in 12 v. / A. P. Chehov. – M. : Hud. lit., 1956.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

УДК 929

О. В. Розина

https://orcid.org/0000-0002-0437-7724

Историко-культурологическая реконструкция мест ссылки Николая II

Проблема гибели Российской империи и отречение от власти императора Николая II продолжает интересовать российских и зарубежных исследователей. Актуализация данной проблематики обусловлена поисками цивилизационной идентичности в условиях современного мирового противостояния. В историографии продолжаются дискуссии о личности последнего российского императора, истории его отречения от престола, ссылки вместе с семьей, их расстрела в подвале екатеринбургского Ипатьевского дома и последующей канонизации, особенно усилившиеся в связи со столетием печального события. Данная статья посвящена одному из аспектов истории Дома Романовых – воссозданию маршрута и эпизодов ссылки императора Николая II и его семьи в Царское село, Тюмень, Тобольск и Екатеринбург. На основе анализа опубликованных источников личного характера: дневников императора Николая II, писем императрицы и детей, воспоминаний современников – автор воссоздает картину этапов ссылки царственных страстотерпцев, реконструируя историко-культурное состояние мест пребывания, обращая внимание на их состояние в исторической перспективе и в наши дни. Результаты данного исследования позволяют не только посмотреть на маршрут передвижения арестованных в его историко-географическом измерении, но и увидеть духовную составляющую жизни царской семьи в период ссылки, путь арестованных Николая II, Александры Федоровны, их детей Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и Алексея как крестный путь к святости и последующему церковному прославлению.

Ключевые слова: Николай II, император, императрица Александра Федоровна, царская семья, ссылка, страстотерпцы, канонизация

O. V. Rozina

Historical and Culturological Reconstruction of Places of Nicholas II's Deportation

The problem of the ruin of the Russian Empire and the abdication of Emperor Nicholas II remains interesting to Russian and foreign researchers. The actualization of this problem is due to the search for civilizational identity in the modern world confrontation. In historiography, discussions continue about the personality of the last Russian Emperor, the history of his abdication, exile with his family, their execution in the basement of the Ekaterinburg Ipatievsky house and subsequent canonization, especially intensified in connection with the anniversary events of a century ago. This article is devoted to one of the aspects of the history of the house of Romanov – the reconstruction of the route and episodes of the exile of Emperor Nicholas II and his family in Tsarskoye Selo, Tyumen, Tobolsk and Ekaterinburg. Based on the analysis of published sources of personal origin: diaries of Emperor Nicholas II, letters of the Empress and children, memories of contemporaries, the author recreates the details of exile of Royal martyrs, reconstructing the historical and cultural state of the places of residence, paying attention to their state in the historical perspective and in our days. The results of this study allow us to look at the route of the arrested not only in its historical and geographical dimension, but also to see the spiritual component of the life of the Tsar family during exile, the life of arrested Nicholas II, Alexandra Feodorovna, their children Olga, Tatiyana, Mariya, Anastasiya and Alexsei as the way of the cross to holiness and subsequent Church glorification.

Keywords: Nicholas II, Emperor, Empress Alexandra Feodorovna, Tsar family, exile, martyrs, canonization.

В данной статье мы не будем касаться причин, приведших к смене государственной власти в России в феврале, а затем и в октябре 1917 г., а также проблем внутренней и внешней политики последнего императора – это задачи иного исследования. Рассмотрим лишь отдельные эпизоды последних месяцев его жизни и жизни его близких, связанных с заключением, ссылкой и гибелью в подвале известного Ипатьевского дома Екатеринбурга, обратив внимание на современно состояние мест пребывания царской семьи.

Каким бы ни было наше личное отношение к личности императора и его отречению от престола, но сам Николай II и его семья канонизированы (прославлены) первоначально Русской Православной Церковью Заграницей (РПЦЗ, 1981 г.), а затем и Русской Православной Церковью (2000 г.) и официально почитаются ныне как «Царственные страстотерпцы». Архиерейский собор Русской Православной Церкви 3 февраля 2016 г. принял решение об общецерковном прославлении одного из слуг семьи – доктора Е. С. Боткина, расстрелянного вместе с царской семьей и ранее (в 1981 г.) также канонизированного РПЦЗ. Путь любого святого – путь мученичества, аналог Крестного пути Иисуса Христа, закончившегося

© Розина О. В., 2018

на Голгофе, поэтому дорога к подвалу дома Ипатьева также путь к скорбному месту земной кончины.

Царский путь на Голгофу начался вскоре после 2 (15) марта 1917 г., считающейся датой отречения императора Николая II в вагоне царского поезда на станции Псков. «Кругом измена, трусость и обман! – эти известные слова из его дневника могут быть дополнены оценкой генерала от кавалерии В. В. Сахарова (помощника августейшего главнокомандующего Румынским фронтом короля Фердинанда I). В своей телеграмме Николаю II он назвал Государственную думу «разбойной кучкой людей», которая «предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей» [3].

С 6 (19) марта по 1(15) августа императорская семья («семья полковника Николая Романова») находилась под арестом в Александровском дворце Царского села, куда государь прибыл 9 (22) марта из Могилева после символического прощания с армией в ставке. Семья переживала трудные дни, связанные не только с изменением статуса и неопределенностью настоящего и будущего положения, но и по причине тяжелой болезни детей: от эпидемии кори все они заболели. Сохранились фотографии девочек, наголо обритых по причине болезни и дневниковые записи императора. Так, за 10 (23) марта он пишет: «Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все вместе, радует и утешает... Вечер провели вместе» [2].

В тот год Благовещение совпало с Лазаревой субботой (25 марта / 7 апреля): «В небывалых условиях провели этот праздник – арестованные в своем доме и без малейшей возможности сообщаться с Мам'а и со своими!» [2]. Но, несмотря на стесненные условия существования, он пишет в день Пасхи (2 / 15 апреля): «День стоял лучезарный, настоящий праздничный. Утром погулял. Перед завтраком христосовался со всеми служащими, а Аликс давала им фарфор[овые] яйца, сохранившиеся из прежних запасов» [2]. Император не смог ответить взаимностью: впервые после 1895 г. он не подарил супруге пасхальное яйцо из «императорской серии» фирмы К. Фаберже.

Арестованным не было предъявлено обвинений, но была создана Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия, которая должна была «обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред национальным интересам страны» [6, с. 29]. Комендантом дворца, как известно, был назначен штаб-ротмистр П. П. Коцебу, начальником караула – полковник Е. С. Кобылинский. Конечно, были и насмешки охраны, и воровство солдат, но были и сочувствие к арестованным, их смирение и терпение. Созданная Комиссия не нашла состава преступления («измены царя») и лишь «единственно в чем можно было упрекнуть государя – это в неумении разбираться в людях... Всегда легче ввести в заблуждение человека чистого, чем человека дурного, способного на обман. Государь был бесспорно человеком чистым» – полагал член президиума Комиссии Александр Романов [1, с. 249].

Александровский дворец – место рождения Николая II (1868 г.) и место первого заточения царской семьи – ныне на реставрации. Несколько лет назад можно было посетить лишь некоторые залы и издалека увидеть Федоровский собор – домовую церковь семьи. Часть интерьеров того периода утрачена. Но на действовавшей до января 2018 года выставке, посвященной 220-летию Александровского дворца, представлены подлинные предметы быта царской семьи – одежда, детские игрушки, личные вещи, фотографии.

Последний день пребывания пусть в непривычной, но все же знакомой обстановке Александровского дворца был напряженным: отъезд несколько раз откладывался. Из дневника императора: «Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец в 5 ч. появился Кер[енский] и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александ[ровской] станции. Вошли в поезд у переезда… Покинули Ц.[арское] С.[ело] в 6.10 утра.» [2]. Это было 01/15 августа 1917 г.

Поездов было два – с царской семьей, свитой, прислугой и охраной. На всех станциях окна закрывались шторами, на маленьких иногда делали короткие остановки для пополнения запасов угля и воды, более длительные стоянки – только в поле.

Как писал судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, расследовавший убийство царской семьи: «на станции Тюмень семья села на пароход „Русь” и прибыла в Тобольск 19 августа в 4 часа дня» [6, с. 41]. Эту краткую запись дополняют дневники Николая II: «4-го августа. Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром. Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон со стрелками – встречались, как со старыми знакомыми. Тащились не-

вероятно медленно, чтобы прибыть в Тюмень поздно, в 11½ час. Там поезд подошел почти к пристани, так что пришлось только спуститься на пароход. Наш называется „Русь". Началась перегрузка вещей, продолжавшаяся всю ночь. Бедный Алексей опять лег Бог знает когда! Стукотня и грохот длились всю ночь и очень помешали заснуть мне. Отошли от Тюмени около 6 час.!» [2].

Над этой пристанью на р. Туре, левом притоке Тобола, возвышается Богородично-Рождественский Ильинский женский монастырь, основанный еще в XVII в. Каменная церковь обители во имя пророка Ильи и Покрова Пресвятой Богородицы, которую, возможно, могла видеть царская семья была воздвигнута в 1836 году и до 1895 года называлась Покровской, а затем Ильинской. Но к 1917 году храм изменил свой первоначальный облик: в 1894-1895 годах по благословению епископа Тобольского и Сибирского Агафангела была проведена реставрация. Церковь приобрела черты популярного тогда русско-византийского стиля, были перестоен купол и колокольня. Неизвестно могли ли царственные узники подняться по ступенькам от пристани к монастырю, скорее всего, нет. Поэтому вряд ли они могли видеть иконостас в стиле эпохи Возрождения, новый каменный пол и украшенные живописью стены. Это потом, в 1930 году, Ильинская церковь будет закрыта, верхние ярусы колокольни разобраны, уничтожен иконостас и сняты колокола, а в 1935 году в храме откроется ломбард. Но полное разорение наступит позже: в 1942 году территорию монастыря передадут «Водликертресту» (Тюменскому ликеро-водочному заводу), конвейер которого, устроенный прямо в алтаре, до 2002 года будет разливать ликеро-водочные изделия. Но тогда, в 1917 году, с высокого берега Туры, прямо от монастыря, открывался живописный вид на реку, нижнюю часть города и не сохранившуюся до нашего времени пристань.

Возрождение Богородично-Рождественской Ильинской обители началось в январе 2003 года, но еще в течении 3-х лет завод продолжал работать, а пришедшие сестры – молится в одном из пустующих заводских помещений. Там же и спали – прямо на матрасах, разложенных на полу. Потом еще в течении нескольких лет сестры вместе с матушкой-настоятельницей Ниной (Схулухия) очищали обитель от осколков битого стекла, деревянных ящиков, железа, мусора и всего, что напоминало в заводе.

Ныне это один из красивейших уголков в центре Тюмени. При монастыре существует социальный приют для детей «Отрада», где они обучаются пению, танцам, урало-сибирской росписи, вышиванию, кройке и шитью. Трудно забыть спектакль «Двенадцать месяцев», показанный детьми в дни моего пребывания там: на фотографиях радостные лица разновозрастных артистов в сшитых ими самими костюмах и матушка Нина – удивительно добрая, трудолюбивая и внимательная ко всем. На месте бывшей пристани по благословению митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия (Капалина) поставлен Поклонный крест и камень, на котором – вышеприведенная надпись из дневника Николая II. У Креста совершаются молебны, поются тропари и ежедневно проходит крестный ход.

Путь царской Голгофы проходил по реке Туре, с которой начался поход Ермака на Сибирь, практически вдоль Государевой (Бабиновской) дороги, известной еще с XVI в. Река Тура после Тюмени в целом спокойная, русло петляет среди открытых песчаных берегов, слегка поросших лесом, мимо нескольких небольших и более крупных сел, которые могли видеть и пассажиры парохода «Русь» – Есаулово, Чикчи, Ярково, Салаирка, Созоново, Дубровное, Покровское и др.

В ночь с 5 (19) на 6 (20) августа 1917 года пароход «Русь» вышел из Туры в Тобол. Как записал в дневнике император свое впечатление, «река шире, и берега выше» [2]. Действительно, Тобол – самый многоводный приток Иртыша, при впадении в который и возник в 1587 году город Тобольск – «столица Сибири». «Город на Троицком мысу» – родина Д. И. Менделеева, композитора А. А. Алябьева и художника В. Г. Перова. Через Тобольск проходили торговые пути из европейской России в Китай и Среднюю Азию. Путями изгнаний здесь проходили представители российской знати и участники дворцовых переворотов – А. Д. Меньшиков, князья Долгорукие, канцлер А. Остерман, фельдмаршал Бирон, Миних. В различное время Тюремный замок Тобольска вынуждено посетили А. Н. Радищев, Ф. М. Достоевский, М. И. Михайлов, М. В. Петрашевский, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко, а в ссылке жили многие декабристы, семеро из них остались здесь навсегда: А. П. Барятинский, Ф. Б. Вольф, С. Г. Краснокутский, В. К. Кюхельбекер, А. М. Муравьев, С. М. Семенов, Ф. М. Башмаков – их могилы находятся на Завальном кладбище города. Но в начале XX в. в связи с изменением характера освоения Сибири город потерял свое былое экономическое и политическое значение, поэтому царская семья застала лишь остатки былого вели-

чия.

Город расположен на Троицком мысу (стрелке при впадении Тобола в Иртыш) на двух уровнях. На высоком берегу Иртыша – исторический, административный и духовный центр – Кремль, духовная консистория, архиерейский дом, здание присутственных мест, тюрьма. Под горой, в низине около реки – гражданские и духовные учебные заведения, городская дума и управа, гостиный двор, рынки, магазины, банки, полицейское управление. Верхняя и нижняя части города соединяются тремя взвозами – Казачьим, Никольским и Прямским (Софийским, Базарным).

В начале XX в. городе было много деревянных домов с декоративным убранством фасадов, резьбой и ажурным металлическим кружевом, но при этом сохранялись черты сельского быта – огороды, домашний скот, птица. Многие улицы имели деревянную мостовую, с 1908 года стало появляться электрическое освещение, несколько ранее – городской водопровод. В 1910 году в Тобольске действовало 4 кинотеатра, насчитывалось 27 православных церквей и Знаменский мужской монастырь [7]. В этот губернский город и прибыл пароход «Русь» 6 (20) августа 1917 года, а царственные узники пробыли в нем до 13 (27) апреля 1918 года – чуть больше 8 месяцев.

Николаю II, еще молодому цесаревичу, уже однажды пришлось побывать в Тобольске, когда он возвращался в столицу после восточного путешествия. Тогда 10 (24) июля 1891 году пароход «Николай» с наследником на борту был встречен колокольным звоном. Сейчас тоже «на берегу стояло много народу, – значит, знали о нашем прибытии. Вспомнил вид на собор и дома на горе» – записал он в дневнике [2].

Царскую семью разметили в нижней части города в бывшем губернаторском доме, но не сразу: там шел ремонт, поэтому почти неделю пришлось жить на пароходе. Дом был каменный, но весьма старый, построенный еще купцом и откупщиком Куклиным в 1778 году. С 1817 года, после разорения владельца, строение перешло в казну и использовалось для проживания генерал-губернатора, а затем губернатора и приезжавших в город высоких особ. Так, именно в этом доме три дня во время путешествия жил наследник престола Александр Николаевич – будущий император Александр II.

В доме было 18 комнат, имелись водопровод и электрическое освещение, но не было канализации и, несмотря на недавний ремонт, как писал император, «все имеет старый, заброшенный вид» [2].

По свидетельству комиссара Временного правительства при отряде Особого назначения в Тобольске В. С. Панкратова, «до наступления холодов любопытство тоболян находило себе удовлетворение в том, что они могли видеть бывшую царскую семью на балконе. Обыкновенно в ясные дни вся семья, чаще после обеда, выходила на балкон, откуда открывался вид на городской сад, на нагорную часть города и вдоль улицы Свободы. Проходящие по улице вначале с большим любопытством засматривались на семью Николая Александровича» [4, с. 22]. Сам же император любил пилить дрова, гулял с детьми по дворику дома («садику»), преподавал сыну историю, читал (в основном произведения Лескова). Александра Федоровна на балконе занималась рукоделием или тоже читала (в основном, Библию или творения святых Отцов). Благо та осень выдалась теплой, и семья подолгу могла находиться на воздухе. Вообще тобольский период оказался самым спокойным и почти безмятежным за все время сибирской ссылки. Дети практически не болели, во дворе были устроены качели и турник, выкопан прудик для уток.

Семья имела возможность под конвоем посещать церковь – недалеко был Благовещенский храм. Дочь царя Татьяна Александровна писала А. А. Вырубовой 9 (22) декабря 1917 года: «по Воскресеньям когда пускают ходить в ближайшую церковь Благовещения, в 8 час. утра, идем пешком (через) городской сад, кругом конечно стоят солдаты стрелки, приехавшие с нами. Обедню служат для нас отдельно в прав. приделе, а для всех – потом. По праздникам к сожалению приходится иметь дома молебен и обедницу; например, 6-го декабря (6/19 декабря день памяти свт. Николая Мирлийского – тезоименитство императора – О. Р.) пришлось быть дома. Грустно было в такой большой праздник не быть в церкви, но что же, не всегда можно делать, что хочешь, правда? Надеюсь, что Ты можешь много ходить в церкви, если здоровье не мешает» [5, с. 146]. Но 25 декабря (7 января) 1918 года дьякон во время праздничного богослужения имел неосторожность пропеть царю и императрице «Многая лета», что было расценено как политическая провокация. С этого времени все службы проходили дома, вместо певчих пели императрица и дочери.

Жители Тобольска не только с любопытством наблюдали за узниками. Временное правительство все время сокращало средства на содержание арестованных и их охраны, а с приходом к власти большевиков ситуация еще больше обострилась.

10 (23) февраля 1918 года из Москвы пришла телеграмма: «у народа нет средств содержать царскую семью. Она должна жить на свои средства. Советская же власть дает ей квартиру, отопление, освещение и солдатский паек» [цит. по: 6, с. 78]. Но уже 28 февраля (13 марта) Николай II записал в дневнике: «В последние дни мы начали получать масло, кофе, печение к чаю и варения от разных добрых людей, узнавших о сокращении у нас расходов на продовольствие. Так трогательно!» [2]. И как это разительно отличалось от хамского поведения охраны, оскорбительных надписей, обысков и запретов.

В годовщину отречения от престола 2 (15) марта 1917 года государь запишет в дневнике: «Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто, как Бог! Да будет воля Его святая!» [2]. С теми же чувствами Александра Федоровна писала 8 (21) апреля А. А. Вырубовой: «Сколько несчастных жертв! Невинные, но они счастливее на том свете. Хотя гроза приближается – на душе мирно – все по воле Божией. Он все к лучшему делает. Только на него уповать. Слава Ему» [5, с. 309]. И несколько ранее (9/22 января 1918 года) тому же адресату: «Странность в русском характере – человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется – безхарактерность. В сущности – большие, темные дети. Известно, что во время больших войн больше разыгрываются все страсти. Ужас, что творится, как убивают, лгут, крадут, сажают в тюрьмы – но надо перенести, очиститься, переродиться».[5, с. 193]

13 (26) апреля 1918 года, в самом конце Великого поста, часть семьи (Николай II, Александра Федоровна, Мария Николаевна) и несколько слуг не по своей воле покинули Тобольск. Остальные дети и прислуга были вывезены из города позже отчасти из-за предосторожностей новой власти, отчасти по болезни наследника Алексея.

Еще недавно в бывшем губернаторском доме был расположен кабинет-музей императора Николая II. Это единственный мемориальный памятник царского заточения. По фотографиям и воспоминаниям была воссоздана обстановка рабочего кабинета, но вещей, принадлежавших царской семье, там практически не было. Ныне задние находится на реставрации, а экспозиция перенесена в помещения Дворца наместника, расположенного в верхней части города.

По дороге из Тобольска в Екатеринбург было несколько остановок для ночлега и для перепряжки лошадей. Одна из таких остановок оказалась в селе Покровском – родине Григория Распутина, сыгравшего свою роль в жизни царской семьи. 14 (27) апреля 1918 года была Лазарева суббота, и государь записал в дневнике: «В селе Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна» [2]. Почти 8 месяцев назад, проплывая на пароходе «Русь» мимо Покровского, он также записал в дневнике: «вчера перед обедом проходили мимо села Покровского, – родина Григория» [2]. Но дом со стороны реки был не виден.

Григорий Ефимович Распутин родился и прожил в Покровском первые 28 лет жизни. В 1990 году семья тюменцев Владимира Любомировича и Марии Юрьевны Смирновых открыла частный музей в доме, напротив того места, где до февраля 1980 года стояла изба Распутиных, разобранная по решению Ярковского РК КПСС. В музее находятся личные вещь семьи Распутина, его письма и записки, а также некоторые предметы из царской семьи. В 2009 году музей переехал в новое здание, рядом с прежним. В феврале 2016 года в селе Покровском на так называемых «Распутинских полях» (земле, которую обрабатывали Распутины) был освещен историко-культурный центр «Казанский» – филиал московского Царского музея «Наша эпоха», а 22 сентября этого же года состоялось его официальное открытие. Новый музей расширил экспозицию.

14 (27) апреля 1918 года арестованные вновь оказались в Тюмени «в 9¼ при красивой луне с целым эскадроном, окружившим наши повозки при въезде в город. Приятно было попасть в поезд, хотя и не очень чистый; сами мы и наши вещи имели отчаянно грязный вид» [2].

Путешествие продолжилось на поезде, праздник Входа Господня в Иерусалим, или Вербное воскресенье (15/28 апреля 1918 года), Романовы и приближенные лица провели в вагоне литерного поезда № 42, направлявшегося в сторону Омска. Но маршрут следования менялся и, наконец, утром 17 (30) апреля – в Великой вторник Страстной седмицы – арестованные прибыли в Екатеринбург и были размещены в печально известном доме инженера Ипатьева. Дом имел водопровод, электричество, канализацию и телефонную связь. Как записал в дневнике Николай II, «дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие

комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей… Вокруг дома построен очень высокий досчатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже» [2]. Последнюю земную Пасху встретили в под звуки выстрелов: «Весь вечер и часть ночи слышен был треск фейерверка, кот[орый] пускали в разных частях города» – записал император утром 22 апреля (5 мая) [25]. Правда, накануне вечером удалось пригласить священника и дьякона: «Они отслужили заутреню скоро и хорошо; большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать „Христос воскресе”» [2].

Вскоре окна закрасили известью, открывать их можно было только по особому распоряжению, на чердаках соседних домов установили пулеметы. 10 (23 мая), почти после месячной разлуки, семья воссоединилась: в Екатеринбург были привезены остававшиеся в Тобольске дети – Ольга, Мария, Анастасия и Алексей, а также некоторые слуги. И путь на Голгофу продолжился вместе.

Внешне все выглядело как обычно: короткие прогулки, чтение книг, дни рождения детей и 50-летний юбилей императора. Церковных служб не было, поэтому молились, как могли, сами. Но общее напряжение возрастало. 28 мая (10 июня) император записал в дневнике: «В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них» [2].

Двухэтажный «Дом особого назначения» был построен 80-е гг. XIX в. Он находился на крутом склоне между Вознесенской улицей и одноименным переулком и поэтому имел достаточно обширный подвал. В 1908 году его приобрел инженер Н. Н. Ипатьев, но новая власть реквизировала особняк для размещения царской семьи. Именно в подвале этого дома в ночь с 3 (16) на 4 (17) июля 1918 года приняли мученическую смерть Николай II, императрица, дети и прислуга – всего 11 человек. Странное совпадение: Ипатьевский монастырь в Костроме – начало царствования династии Романовых и Ипатьевский дом в Екатеринбурге – ее трагический конец…

Как известно, дом Ипатьева был разрушен в сентябре 1977 году. Но молитвенная память о страстотерпцах в народе никогда не прекращалась. В 1990 году был сооружен первоначально деревянный, а затем металлический памятный крест. Затем построена деревянная часовня во имя преподобномученицы Елизаветы Федоровны и возник проект храма, в котором имелось бы символическое место расстрела царской семьи. В итоге был построен и в 2003 году освящен двухъярусный Храм на Крови (Храм-памятник на Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших) в русско-византийском стиле с пятью куполами. Рядом с ним – также двухъярусная скульптурная группа царской семьи, изображающая трагические минуты ее спуска в подвал – к месту своей гибели. В нижней части храма – расстрельная комната, алтарь в которой находится рядом с местом расстрела.

Так закончилась Царская Голгофа, начавшаяся в вагоне литерного поезда на станции Псков. Менее полутора лет длилась ссылка царской семьи. Но путь, проделанный ими – это не только 3 тыс. верст от Санкт-Петербурга до Тобольска и Екатеринбурга на лошадях, поездах и пароходах. Это путь к святости, в Царство Небесное через терпение, смирение и прощение.

Библиографические сноски

1. Воспоминания Александра Романова [Текст] // Радзинский Э. «Господи… спаси и усмири Россию» Николай II: жизнь и смерть. – М., 2003. – 512 с.

2. Дневники императора Николая II. Том II. 1905-1917 [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/nikolay_II_imperator/dnevniki_imperatora_nikolaya_II_tom_II_1905_1917.html#1826652

3. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев [Электронный ресурс]. – URL: http://www.golubinski.ru/history/otrechenie.htm

4. Панкратов, В. С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний [Текст] / В. С. Панкратов. – М. : СП «Слово», 1990. – 64 с.

5. Письма святых царственных мучеников из заточения, 3-е изд. испр. и доп. [Текст]. – СПб. : Православное общество почитателей прп. Іосифа Волоцкаго, 1998. – 528 с.

6. Соколов, Н. А. Убийство царской семьи [Текст] / Н. А. Соколов. – М. : Лествица, 2003. – 384 с.

7. Тоболяков, В. П. Какой была подгора в начале 20-го века (прогулки по предреволюционному городу [Электронный ресурс] / В. П. Тоболяков. – URL: http://www.old-tobolsk.ru/index.php/kak-vyglyadela-tobolskaya-podgora-v-nachale-20-go-veka

Reference List

1. Vospominanija Aleksandra Romanova = Alexander Romanov's memoirs [Tekst] // Radzinskij Je. «Gospodi… spasi i usmiri Rossiju» Nikolaj II: zhizn' i smert' = Radzinsky E. «My God … save and pacify Russia» Nicholas II: life and death. – M., 2003. – 512 s.

2. Dnevniki imperatora Nikolaja II. Tom II. 1905-1917 = Diaries of Emperor Nicholas II. Volume II. 1905-1917 [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://royallib.com/read/nikolay_II_imperator/dnevniki_imperatora_nikolaya_II_tom_II_1905_1917.html#1826652

3. Otrechenie Nikolaja II. Vospominanija ochevidcev = Nicholas II's renunciation. Memoirs of eyewitnesses [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.golubinski.ru/history/otrechenie.htm

4. Pankratov, V. S. S carem v Tobol'ske. Iz vospominanij = With the tsar in Tobolsk. From memoirs [Tekst] / V. S. Pankratov. – M. : SP «Slovo», 1990. – 64 s.

5. Pis'ma svjatyh carstvennyh muchenikov iz zatochenija, 3-e izd. ispr. i dop. = Letters of Saint regal martyrs from imprisonment, the 3rd edition, corrected and added. [Tekst]. – SPb. : Pravoslavnoe obshhestvo pochitatelej prp. Iosifa Volockago, 1998. – 528 s.

6. Sokolov, N. A. Ubijstvo carskoj sem'i = Murder of the imperial family [Tekst] / N. A. Sokolov. – M. : Lestvica, 2003. – 384 s.

7. Toboljakov, V. P. Kakoj byla podgora v nachale 20-go veka (progulki po predrevoljucionnomu gorodu = What was podgora at the beginning of the 20th century (walks in the prerevolutionary city [Jelektronnyj resurs] / V. P. Toboljakov. – URL: http://www.old-tobolsk.ru/index.php/kak-vyglyadela-tobolskaya-podgora-v-nachale-20-go-veka

Дата поступления статьи в редакцию: 14.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10218

УДК 008.001.14

С. Г. Осьмачко

https://orcid.org/0000-0001-9304-0757

Культурологические проблемы взаимодействия мифа и стереотипа в современном общественном сознании

Рассмотрены проблемы сущности мифа, его роль в сознании человека и в регуляции общественных отношений. Миф рассматривается как нечто обозначающее, рассмотрены основные компоненты содержания мифа (вера, знание и пр.), показан характер взаимоотношений между ними. Рассмотрена связь мифов и архетипов (К. Г. Юнг). Особое внимание уделено политической мифологии, его негативной и позитивной составляющим. Дана оценка системе сталинской политической мифологии, показаны причины ее широкого распространения в сознании человека тоталитарного типа, роль манипуляций, вытеснения знания верой и пр. Мифы представлены как система замещений истины. Показано, каким образом миф проникает в сознание человека и социальной группы, становится основой мироощущения, психологических и пр. установок. Объяснено, почему предрассудок выступает формой стойкости мифа. Показана разница мифологической реализации общества демократического и автократического типов. Описаны механизмы мифологического овладения массами: через систему государственной (национальной) идеологии; через систему верований мифологического типа; через систему СМИ, формирующих общественное мнение в интересах определенного заказчика; через систему политических органов и движений, созданных в интересах определенного типа политического участия; через систему социально ориентированных воздействий в адрес конкретных групп населения; через организованную систему советского «престижа». Дана оценка роли стереотипов, в том числе в политической реальности. Представлена оценка стереотипов как средств конструирования (не отражения) социальной реальности. Стереотипы представлены, в первую очередь, как средства легитимации правящего режима, существующей политико-правовой системы. Выделены причины и особенности стереотипизации политических отношений в тоталитарном и демократическом обществах.

Ключевые слова: культура, идеология, миф, стереотип, сталинизм, тоталитаризм.

S. G. Osmachko

Culturological Problems in Interaction of the Myth and Stereotype in Modern Public Consciousness

Problems of the essence of the myth, its role in consciousness of the person and in regulation of the public relations are considered. The myth is considered as something designating, the main components of contents of the myth are considered (belief, knowledge and so forth), the nature of relationship between them is presented. Communication of myths and archetypes is considered (K. G. Jung). Special attention is paid to political mythology, its negative and positive components. An assessment is given to the system of Stalin political mythology, the reasons of its wide circulation in consciousness of the person of the totalitarian type, a role of manipulations, replacement of knowledge by belief and so forth are shown. Myths are presented as the system of replacements of the truth. It is shown how the myth gets into consciousness of the person and social group, becomes a basis of attitude, psychological and other ideas. It is explained why the prejudice acts as a form of firmness of the myth. The difference of mythological realization of society of democratic and autocratic types is shown. Mechanisms of mythological possession by the masses are described: through the system of the state (national) ideology; through the system of beliefs of the mythological type; through the system of the media forming public opinion for the benefit of a certain customer; through the system of the political bodies and movements created for the benefit of a certain type of political participation; through the system of socially oriented address influences to specific groups of the population; through the organized system of Soviet «prestige».

An assessment of the role of stereotypes, including in political reality is given. Assessment of stereotypes as means of designing (not reflection) of social reality is presented. Stereotypes are presented, first of all, as means of legitimation of ruling regime, the existing political and legal system. The reasons and features of stereotypification of the political relations in totalitarian and in democratic societies are allocated.

Keywords: culture, ideology, myth, stereotype, Stalinism, totalitarianism.

В этой статье мы продолжим [7, с. 216-226] рассмотрение основных механизмов релизации культуры в социуме, обратив особое внимание на такие ее явления, как **мифы и стереотипы**.

Эта тема представляется в современных условиях достаточно *актуальной.* Прежде всего, играет особую роль тот этап общественного развития, который переживает Россия в настоящее время.

© Осьмачко С. Г., 2018

«Переходный процесс», «процесс трансформации», «реформы», «обретение нового качества социального состояния» и пр., – такого рода оценки употребляются для определения актуального типа социальных связей. В любом случае, сложность переживаемого этапа предполагает особо тщательный, внимательный и взвешенный подход к определению того положительного содержания в нашем недавнем (и не только) прошлом, которое может и должно быть использовано в создании нового «общественного здания».

В диалектической философии подобного рода идеи определяются как «снятие» – форма реализации «отрицания отрицания». Г. Гегель – принципиальный основатель развернутой системы диалектики – расматривал бытие как систему ступеней, вытекающих друг из друга и наследующих друг у друга; затем им был сформулирован основной диалектический *закон отрицания отрицания* для объяснения второй стадии развития объекта или процесса – своего рода антитеза его исходному состоянию, в рамках которого сохранившее положительное значение содержание из прошлого переносится как необходимое в настоящее и в будущее (собственно снятие) [4, с. 217-218].

Иными словами, одна из важнейших социальных проблем современности может быть сформулирована следующим образом: в каком виде и какое содержание нашего исторического прошлого может успешно «работать» в интересах проводимых реформ?

Мифы и стереотипы в данном аспекте суть – сгустки общественно-политической и пр. мысли, опыта (частично осмысленного и нет). Их позитивное использование – залог успеха аналитической реформаторской деятельности.

С другой стороны, мифы и стереотипы являются весьма живучими проявлениями общественного сознания. Их живучесть – в их типичности. Речь идет о том, что в разноплановых идеях, доктринах и пр. на первый план выходит то, что социально самодостаточно и целостно с точки зрения содержания. Этот типический фрагмент национального самосознания М. М. Бахтин определял как «целостное основание» [3, с. 145]. Правильная методология типологического подхода не позволит «с водой выплеснуть и ребенка», отказаться от учета положительного и пр.

Рассмотрим основные черты мифов и стереотипов.

Миф – базисный элемент человеческой культуры. По мнению Р. Барта миф есть «символическая языковая форма вечных моделей личных и общественных связей; архаичный элемент человеческой культуры» [2, с. 174].

Традиционно выделяют три *уровня мифологического*:

− архаично-традиционный миф;

− «новая» научная мифология;

− «мифоописание» общего социального порядка.

Если представить вышеперечисленные уровни как наслаивающиеся друг на друга пласты, то архаично-традиционный срез мифологии лежит в основе (здесь он наиболее близок к архетипу); это очевидно наименее подвижный и наиболее древний уровень мыслительной, эмоциональной и пр. реализации культурных отношений (например, «добрый царь – недобрые бояре» и т. п.).

В качестве примера «новой» научной мифологии мы можем взять советский опыт. Выделим несколько мифов того периода: «КПСС – руководящая и направляющая сила советского общества!», «Национальный вопрос – в том виде, в каком он достался нам от царского режима – успешно решен!», «Советские Вооруженныке Силы непобедимы!», «Советские люди – герои и первопроходцы!» и мн. др.

В капиталистическом мире времен холодной войны действовали стереотипы, зеркально отражающие советскую практику: «Коммунизм – враг мира и прогресса!», «Репрессии, подавление инакомыслия, нарушение прав человека – характерные черты СССР!» и пр.

Миф есть что-то обозначающее; его содержание можно назвать обозначаемым; они связаны между собой естественным образом, но не отображают друг друга зеркально; тем не менее, в системе мифологических значимостей *объект и предмет мифа* принимаются за совокупность фактов. Это свойство мифа (опосредованное отражение окружающего) в полной мере используется идеологией. Последняя «поворачивает» содержание мифа в желаемом для правящего класса агитационно-пропагандистском направлении.

Чтобы понять, почему те или иные мифы бывают исключительно эффективны в политическом применении, следует обратиться к понятию *«архетип»*. Данный термин широко используется в аналитической психологии К. Г. Юнга. «Архетип, – писал К. Г. Юнг, – это образ, который постоянно повторяется в ходе исторического развития везде, где проявляется творческое воображение. Следовательно, это, по существу, – мифологический образ. Если мы подвергаем эти образы более тщательному исследованию, то обнаружит-

ся, что они формировались под воздействием многочисленного опыта наших предков, то есть являются психологическими останками их опыта» [12, с. 126].

В соответствии со взглядами К. Г. Юнга, «культуры, утратившие свои архетипы, обречены на гибель, поскольку именно архетипы возвращают нас к истокам в изначальное время, придавая смысл настоящему»; и далее: «современный человек на самом деле – это курьезная смесь характерных черт, проиобретенных на разных стадиях многовекового процесса умственного развития» [12, с. 16]. Отталкиваясь от понятия «архетипа», К. Г. Юнг видел в нем источник общечеловеческой символики, в том числе собственно мифов и сновидений [13, с. 167].

В нвашем понимании миф и есть конкретное социально-историческое проявление архетипа; в самом общем виде их можно понимать как синонимы.

Разновидностью мифа является *миф политический – устойчивые, ложные, некритические, эмоционально окрашенные образы, представления о политических событиях, явлениях и процессах.*

В отличие от мифа вообще, политический миф преимущественно негативен по содержанию и по практическому применению. Почему так?

Во-первых, политический миф – это мощное средство для манипулирования политическим сознанием.

Во-вторых, политические мифы нужны, как правило, в период социально-политической негативности, кризисов (именно миф позволяет упорядочить и объяснить непонятные, новые, а то и нежелательные для человека или группы политические явления и процессы). Достаточно вспомнить современную традиционно негативную оценку событий 1990-х годов и происходящее сегодня возобновление многих мифологем советского типа; оказывается эти замшелые и, казалось бы, никому не нужные догмы давно ушли в мир иной; но нет, – вождизм, скепсис по отношению к рынку, западным ценностям вообще, возобновление темы враждебного военно-политического окружения, милитаризация духа и пр. не просто вспоминаются, но и получают дальнейшее развитие;

В-третьих, рост политической мифологизации, в нашем понимании, есть неоспоримое свидетельство недемократического характера политического режима.

Подобного рода процессы стимулируются архаичностью, ретроградностью социума, чрезвычайно тяготеющего к решению политических проблем средствами политической пропаганды. Стереотипное мышление больших социальных групп наиболее легко усваивается теоретически неразвитым, и даже – примитивным – мышлением. Данный тип когнитивности чаще всего основан на так называемом бинарном («черно-белом» мышлении); в данном контексте истина представляется упрощенной сущностью, она легко укладывается в логические перечисления (во-первых, во-вторых и пр.). Понятно, почему это было выгодно тоталитарной власти – теоретически примитивным сознанием легче манипулировать.

Миф показывает не само действие (зеркальное отражение), а представление о нем, в котором замещается и вытесняется содержание (признаки) объективной реальности, ее подлинное значение. Таким образом, миф есть субъективный образ реального политического процесса. Более того, культура в массе своих базовых смыслов, вступает в обращение именно посредством мифа.

Думается, что есть определенная обратно пропорциональная связь между теоретическим уровнем мифа, его сложностью и насыщенностью и характером прооводимой политики. «Тупые» мифы, примитивные и посредственные, порой «работают» в интересах политической линии лучше и надежнее, чем сложные конструкции и базисные смыслополагания.

Наше общественное сознание сегодня с удовольствием «проглатывает» мифы о великом вожде, о мудрой политике, об ожидании перемен и пр. Эти мифы «широко культивируются в массе, официально приводятся как сильный аргумент легитимации существующей власти и политики» [9, с. 184].

Миф становится достоянием колективного сознания, он формирует определенные мироощущения, психологические и идеологические установки, обладающие *стойкостью предрассудка.* Возьмем, к примеру, рейтинги популярности высших руководителей: в стране нарастает экономическое неблагополучие, явно не решаются многие социальные проблемы, зато растет пенсионный возраст и незаконный отток капитала, совершаются неблагоразумные триллионные вложения и пр., но люди искренне верят в социально паталогические сверхвысокие рейтинговые показатели.

В данном случае опять «работает» миф; он устанавливает *вымышленные* причинно-следственные связи между реальными объектами, а то и просто порождает *ложные* объекты осмысления (например, сверхгероические образы «крутых» политических лиц, на деле совершенно заурядных,

или многочисленные, под копирку писанные легенды о «славном прошлом», которые обязательно следует разместить в обязательном же для всех и едином учебнике, где все написано «правильно» и пр.), соединяет действительное с вымышленным, вносит вымышленное содержание в подлинную ткань политических отношений.

Миф заменяет, упрощает реальное знание; поэтому к нему обращаются, чаще всего, слабые и порочные политики, малоэффективная власть.

В демократических обществах, где более развиты свобода слова, гласность и т. п., люди, как правило, *знают,* что делать, а не просто *верят* в правильность избранного пути; то есть люди мыслят более реалистически и не склонны верить в чудо. «Просто верить» – привилегия туземцев.

Соотношение веры и знания в процессе отражения окружающего и самого себя – сложнейшая гносеологическая проблема. При ее практической постановке у властных структур велики соблазны педалировать элеименты веры в собственное всемогущество, в исключительную правильность своих действий, то есть – в персональную и групповую незаменимость и пр. И в то же время многие руководители совсем не стремяться просвещать подчиненных, во избежание «ненужных» или «неправильных» вопросов.

В свое время И. В. Сталин, беседуя с главным редактором газеты «Правда» П. Н. Поспеловым, заявил: «Марксизм – религия рабочего класса, его символ веры» [6, с. 341].

Интересную характеристику религиозности советской идеологии, активно применяемой в целях «политического просвещения широких народных масс», дал Н. А. Бердяев: «Можно установить следующие черты марксизма: строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое может быть только истолковываемо, но не подвергнуто сомнению; разделение мира на две части – верующих-верных и неверующих-неверных; иереархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; перенесение совести на высший орган коммунистической партии, на собор; тоталитаризм, свойственный всем религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации). Религиозным является и учение о скачке из царства необходимости в црство свободы» [1, с. 305].

Подробную характеристику политической доктрины современной Русской православной церкви можно найти в некоторых современных издания [8].

Таким образом, мы уверены, что мифологизация (как и идеологизация) не направлены на постижение истины, они базируются на неверифицируемых основах и во многом иррациональны.

Возникает вопрос, какими путями мифы проникают в общественное сознание? К числу основных механизмов этого процесса (в тоталитарном и посттоталитарном обществе) можно отнести следующее:

1. Система государственной (национальной) идеологии, соответствующей пропаганды и агитации, в которых сосредоточены основные содержательные тезисы, выгодные правящей элите; своеобразный оселок политической благонадежности («наш – не наш)»; четкое и жесткое предписание в отношении политического поведения; создание административно-командной вертикали идеологических органов.

2. Система верований мифологического типа; в ее основе – национализированный государственно-исторический патриотизм, социальная антирыночная и антидемократическая демагогия, квазирелигиозность марксизма-ленинизма (ненормальное преобладание компонента веры над компонентом знания), уравнительность в решении социальных проблем, кумиромания, вождизм и пр.; все вышеперечисленное решительно упрощает социальные ориентации упрощенно мыслящего советского и постсоветского социума.

3. Система СМИ, формирующая общественное мнение в интересах определенного заказчика. Итоговые контенты СМИ и мифы весьма подобны, при этом они усиливают влияние друг на друга и на социум. В условиях массовой коммуникации СМИ погружают человека в миф; «массовая коммуникация в любой конкретной социальной форме своей деятельности способна быть, пожалуй, мощнейшим стимулятором образования мифов» [11, с. 183].

В целях мифологизации СМИ используют такие приемы, как:

− «мозаичная» (выборочная) подача ранжированных сообщений;

− «нанизывание» информационных сообщений на линейную (безвариантную) перспективу;

− причнно-следственная подмена;

− достижение резонанса повторяющихся сообщений в массовом сознании (к примеру, взрыв патриотизма под лозунгом «Крым наш!» или «Лучший чемпионат мира по футболу в исто-

рии!» и пр.); такие вспышки духа освещают окружающее в выгодном свете и позволяют держать в темноте нерешенные проблемы).

Все вышеперечисленные способы-приемы сегодня активно использует отечественное телевидение.

4. Система политических органов и движений, обеспечивающих формальное, декоративное политическое участие большинства далеких от политики представителей населения. Является ли первомайская демонстрация, например в 1975 г., формой политического участия граждан? Пожалуй, нет, поскольку в СССР были возможны лишь демонстрации «за», но не «против» доминирующей политической линии. Для того, чтобы демонстрации были реальной формой политического участия, они должны проводиться в условиях свободы слова, собраний, многопартийности и пр.

5. Система социально ориентированных адресных воздействий на сознание определенных групп населения. Например, на молодежь легче всего воздействовать в рамках системы образования. Здесь мы наблюдаем в советской практике определенную «субкультуру детства» (универсализация воспиательных воздействий в адрес детей, внедрение в их сознание стандартизированных норм личностной культуры, идеологически ориентированных миропредставлений и тп. (вспомните общешкольные линейки, вынос знамени и барабанный бой, клич «К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!» и ответ «Всегда готов!», или «Комсомол верный и надежный помошник партии» и мн. др.).

Для реализации вышеназванной субкультуры была нужна соответствующая массовая общеобразовательная школа, стандартизирующая научные, философско-религиозные и исторические представления на основе типовых программ и редуцирующая их к упрощенным формам детско-юношеского сознания и понимания.

6. Система организации и стимулирования т. н. «советского престижа» (через дефицит, спрос, общий стандарт потребления, предпочтительные формы досуга и пр.). В данном случае речь идет и о материальном, и о духовном потреблении (были «правильные» и «неправильные» книги, фильмы, прически, брюки и пр.).

Благодаря всему вышеперечисленному *в советское время культура в весьма значительной степени была заменена (вытеснена) мертвой марскиситско-ленинской идеологической схемой*.

В аспекте функциональной реализации острым наконечником копья мифа выступает стереотип. *Стереотипы – это «формы, в которые действия и мысли людей сводятся к простейшим схемам и реакциям»* [10, с. 648]; или «стандартизированный, схематизированный и упрощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического явления» [9, с. 360].

Считается, что данный термин был введен в научный оборот в 1922 г. американским журналистом и исследователем У. Липпманом. В работе того же года «Общественное мнение» он писал: «Стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, освоении им предшествующего социального опыта». И далее: «Система стереотипов представляет собой социальную реальность» [4, с. 362]. Иными словами, У. Липпман понимал стереотипы как нечто передовое и типическое.

Стереотипы закрепляют в человеческом сознании элементарные связи поведенческих и мыслительных актов, а так же сохраняют устойчивость этих связей в меняющихся ситуациях. В социальном смысле стереотипы представляют собой социальные связи, зхакрепляющие в психике людей определенные общественные формы, чем поддерживается некая струтурность социального взаимодействия.

Стереотипы действуют как некие психические и поведенческие автоматизмы, которые представителями различных научных школ трактуются то, как форма билогической наследственности (своего рода инстинкты), то как форма социальной наследственности (архетипы). По нашему мнению оба вышеприведенных сведения маловероятны; *стереотипы – скорее форма редуцирования духовной культуры черз миф и т. п.*

Логические правила срабатывания стереотипов могут быть классифицированы следующим образом:

− по классификации предметов («свое – чужое»);

− по самоопределению личности и группы («мы – они»);

− по «шкалированию» пространств («правые – левые», «красные – белые»).

По мнению Ю. М. Лотмана, стереотип – это «минимальная организация, включающая бинарную систему, состоящую из двух семиотических механизмов, находящихся в отношении непереводимости и одновременно подобных друг другу, поскольку каждый своими средствами модернизирует одну и ту же внесемиотическую реальность» [5, с. 370].

Важно понять, что стереотипы являются скорее не столько *средством отражения, сколько средством конструирования социальных взаимодействий*; повторим, что стереотипы имеют искусственное происхождение и создаются в интересах манипулирования сознанием и поведением людей.

Почему стереотипы столь живучи, столь употребимы?

Прежде всего, это средство манипулирования общественным сознанием, «процесс гранулирования слциально-политической информации, имеющий целью вызвать в народе однородную массовую, единообразную стереотипическую реакцию» [4, с. 364].

Распроостраненности стереотипов в немалой степени способствует то, что они являются мощным (не всегда бесполезным) средством экономичности познавательных процессов. Сложные истины, представленные в системе нескольких упрощенных стереотипов, легко «встраиваются» в неискушенный мозг недавно научившегося читать человека. Например, знавшие достаточно близко И. В. Сталина, отмечали его осбенную склонность к стереотипному мышлению (достаточно вспомнить его выступления, буквально набитые «перечислительными» фрагментами – во-первых, во-вторых и т. п.).

Людей с элементарным мышлением в стереотипах привлекает возможная точность познавательного процесса, его аналитичность, некритичность и содержательная однозначность.

В поведенческом отношении навязываемый (предлагаемый) стереотип предлагает маргинализированной, тоталитаризированной личности некий тип «правильного» поведения. Личность часто не знает, как оптимально позиционировать себя в социуме, каким оценкам и поведенческим актам отдавать предпочтение и пр. Именно здесь компас стереотипа для людей важнее всего.

Парадоксально, но факт – *такую ситуацию тоталитаристская личность воспринимает как ситуацию свободы.* Формально в данном контексте стереотипы выступают в роли психоэмоционального стабилизатора мыслительно-аналитической деятельности.

Стпреотипы имеют и негативное значение:

− они примитивизируют мыслительный процесс, формируют так называемое «плоскостное» (в данном случае – не объемное) политическое мышление;

− стереотипы основываются на предубеждениях, ограничениях; *сведение сложного к простому упрощает восприятие, но порождает неадекватность того же восприятия;*

− стереотипное политическое поведение не может адекватно реагировать на изменения (особенно усложнения) политических отношений, поскольку *стереотип в содержательном отношении предельно узок;*

− в тоталитарном обществе следование требованиям официально утвержденного (одобренного) стереотипа строго обязательно; отклонения жестко и неотвратимо наказываются.

Как «улучшить» последствия стереотипизации, исключить возможность возобновления тоталитарных схем?

По нашему мнению следует:

− допускать значительно большую степень свободы политического мышления и поведения (это может быть только частью общей линии на демократизацию политических отношений в стране, создание правового, демократического и социального государства и пр.);

− осуществлять линию на деморализацию стереотипов (изымать из их содержания избыточно предписывающие или запрещающие фрагменты; в противном случае стереотипы начинают иметь самодовлеющее значение, а это в большей степени свойственно первобытным обществам, чем информационным).

Именно эти позиции дают основания для разрушения устаревших стереотипов, возобновления творческих сил и способностей человека.

Таким образом, в нашем понимании миф является базисныым элементом человеческой культуры. Он основывается на архетипическом уровне, и чем больше в мифологии архетипического, тем более длительно существует данная мифологическая система (и наоборот). Существует такая разновидность мифологии, как политическая мифология. Это, как правило, негативная – консервативная и недемократическая – система в мифологии социума. Миф отражает не само событие, а то, как оно представляется в общественном сознании. Поэтому многие методологические системы включают мифологию в систему форм общественного сознания. Далее, стереотип является феноменом человеческой жизнедеятельности; в его содержании вера преобладает над знанием. Основу стереотипизации составляет дефицит надежной, проверенной информации. Если продолжить известный афоризм, что информация есть прекращенное многообразие, то *стереотип есть однообразие без достаточной информации*. Стереотип выступает мощнейшим оружием в деле

манипулирования общественным созанием, или сознанием отдельного человека. Любая идеология представляет собой совокупность стереотипов.

Библиографический список

1. Бердяев 1. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Политиздат, 1990. – 573 с.

2. Барт, Р. Мифология [Текст] / Р. Барт. – М. : Академический проект, 2017. – 351 с.

3. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Народ, 1986. – 258 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 800 с.

5. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст] / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 3. – 457 с.

6. Наше Отечество. Опыт политической истории [Текст]. – М. : Терра, 1991. – Ч. II. – 571 с.

7. Осьмачко, С. Г. Политико-правовое положение Русской православной церкви в современной Российской Федерации [Текст] : монография / С. Г. Осьмачко. – Ярославль : МУБиНТ, 2014. – 128 с.

8. Политология: энциклопедический словарь [Текст] / общая редакция и состав. Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993. – 431 с.

9. Современный философский словарь [Текст]. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая жизнь, 2015. – 823 с.

10. Социальная философия: словарь [Текст]. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая жизнь, 2005. – 624 с.

11. Юнг, К. Г. Человек и его символы [Текст] // Медков С. Б. Серебряные нити. – М., 2016. – 274 с.

12. Юнг, К. Г. Либидо, его метаморфозы и символы [Текст] / К. Г. Юнг. – СПб. : Меридиан, 1994. – 415 с.

Reference List

1. Berdjaev, N. A. Sud'ba Rossii = Fate of Russia [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : Politizdat, 1990. – 573 s.

2. Bart, R. Mifologija = Mythology [Tekst] / R. Bart. – M. : Akademicheskij proekt, 2017. – 351 s.

3. Bahtin, M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i = Literary critiques [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Narod, 1986. – 258 s.

4. Gegel', G. V. F. Nauka logiki = Logic science [Tekst] / G. V. F. Gegel'. – SPb. : Nauka, 1993. – 800 s.

5. Lotman, Ju. M. Izbrannye stat'i = Selected articles [Tekst] / Ju. M. Lotman. – Tallin, 1992. – T. 3. – 457 s.

6. Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoj istorii = Our Homeland. Experience of political history [Tekst]. – M. : Terra, 1991. – Ch. II. – 571 s.

7. Os'machko, S. G. Politiko-pravovoe polozhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v sovremennoj Rossijskoj Federacii = Political legal status of Russian Orthodox Church in the modern Russian Federation [Tekst] : monografija / S. G. Os'machko. – Jaroslavl' : MUBiNT, 2014. – 128 s.

8. Politologija: jenciklopedicheskij slovar' = Political science: encyclopedic dictionary [Tekst] / obshhaja redakcija i sostav. Ju. I. Aver'janov. – M. : Izd-vo Moskovskogo kommercheskogo un-ta, 1993. – 431 s.

9. Sovremennyj filosofskij slovar' = Modern philosophical dictionary [Tekst]. – M. : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja zhizn', 2015. – 823 s.

10. Social'naja filosofija: slovar' = Social philosophy: dictionary [Tekst]. – M. : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja zhizn', 2005. – 624 s.

11. Jung, K. G. Chelovek i ego simvoly = Person and his symbols [Tekst] // Medkov S. B. Serebrjanye niti. – M., 2016. – 274 s.

12. Jung, K. G. Libido, ego metamorfozy i simvoly = Libido, its metamorphoses and symbols [Tekst] / K. G. Jung. – SPb. : Meridian, 1994. – 415 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10219

УДК 008.001.14

С. Г. Осьмачко

https://orcid.org/0000-0001-9304-0757

О. А. Артамонова

https://orcid.org/0000-0002-4715-7326

Культура и идеология: некоторые проблемы взаимовлияния

Рассмотрены проблемы сущности культуры, затруднения при определении данного термина с точки зрения различных подходов, в том числе как преобразование социальных стандартов, уход от отжившего и устарелого. Оценен культурный плюрализм, тема множественности культур, в том числе в аспекте культурной революции в понимании большевиков. Оценено противоречие между культурой и обществом, показаны условия, при которых они не совпадают (или совпадают) друг с другом. Переход от дореволюционной культуры к новой, советской оценен как культурный шок, показаны его последствия и проявления (в социальном и психологическом аспектах). Определены функции культуры, показано, что именно в советской практике 1930-х гг. и в наше время затрудняет их реализацию. Рассмотрена политическая культура как часть культуры общества, оценены подходы к определению данного термина.

Рассмотрено значение идеологии в жизни общества; идеология представлена как своеобразный редукционный механизм, сводящий объективную реальность и культуру воедино. Показаны различия в подходах разного рода теоретиков к определению понятия идеология. Высказана авторская точка зрения о том, что структурным центром идеологий выступают не идеи, а идеалы. Определена острейшая необходимость критического подхода к любой идеологической системе. Идеология рассмотрена как часть культуры, культурная система. Показано значение идеологического негативизма, его контрпродуктивная роль проявлена через формирование т. н. образа врага. Дана общая оценка сталинской идеологической системе.

Ключевые слова: культура, духовная культура, политическая культура, идеалы, культурная революция, культурный шок, идеология, сталинизм, тоталитаризм, негативизм, политическое воображение.

S. G. Osmachko, O. A. Artamonova

Culture and Ideology: Some Problems of Interference

Here are considered problems of the essence of culture, difficulty in determining this term in terms of various approaches including as transformation of social standards, leaving from become obsolete and old-fashioned. The cultural pluralism, a subject of plurality of cultures, including in the aspect of the cultural revolution in understanding of Bolsheviks is estimated. The contradiction between culture and society is estimated, conditions under which they do not coincide (or coincide) with each other are presented. Transition from pre-revolutionary culture to new, Soviet is estimated as cultural shock, its consequences and manifestations are shown (in social and psychological aspects). Functions of culture are defined, it is shown what in particular in the Soviet practice of the 1930-s years and nowadays complicates their realization. Political culture as a part of society culture is considered, approaches to define this term are estimated.

The value of ideology in life of society is considered; the ideology is presented as the peculiar reducing mechanism bringing objective reality and culture together. Differences in any approaches of theorists are shown to define the concept ideology. The author's point of view is stated that not the ideas, but ideals act as the structural center of ideologies. The sharpest need of the critical approach to any ideological system is defined. The ideology is considered as a part of culture, a cultural system. The value of ideological negativism is presented, its counterproductive role is shown through formation of so-called the enemy's image. The general assessment is given to the Stalin ideological system.

Keywords: culture, spiritual culture, political culture, ideals, cultural revolution, cultural shock, ideology, Stalinism, totalitarianism, negativism, political imagination.

Русская интеллигенция в массе своей всегда гордилась национальной культурой. Действительно, дворянская культура, культура серебряного века и прочие «высоты» культурного ландшафта не просто являются предметом национальной гордости, они составляют основу лучшей части народного духа и выступают в качестве обязательной предпосылки к достижению единства нации.

© Осьмачко С. Г., Артамонова О. А., 2018

В чем сущность культуры? Сегодня существует более сотни ее определений, но сущность проблемы вряд ли прояснена до конца. Культура трактуется

− как «форма человеческой деятельности по воспроизведению и обновлению социального бытия, а также включаемые в данную деятельность продукты и результаты» [23, с. 226];

− культура – это «абстрактный объект, используемый в теоретических построениях ряда научных дисциплин для описания организации социума» [20, с. 306];

− в самом общем смысле «культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, которые отражают активную творческую деятельность людей в освоении мира в ходе исторического развития человеческого общества» [13, с. 116];

− культура – это «уровень образованности, воспитанности людей, а также – уровень овладения любой отраслью знаний или деятельности» [19, с. 284] и т. д., и т. п.

Культура определяется как преобразование стандартов, как адаптация человека и общества, как преодоление социальной инерции, как накопленный опыт, как самоорганизация общества и т. д.

Столь значительная множественность определений культуры свидетельствует о *множественности культур.* Например, в России существовали различные формы национальных, сословных, религиозных и т. п. культур. Мы видим за этим «культурным плюрализмом» потребность Человека осознать свою *самость* в противопоставлении собственной человеческой сущности сущностям иных людей и обществ. Логично предположить, что при таком подходе *культура есть информация,* которая передается внегенетическим (собственно социальным) путем.

Большевики во главе с В. И. Лениным и его последователями приняли на вооружение доктрину культурной революции, которая полностью игнорировала вышеупомянутую множественность терминологических (сущностных, практико-политических) культурных ассоциаций.

Термин «культурная революция» впервые был использован В. И. Лениным в работе «О кооперации» (1902 г.). Вождь писал: «Наши противники не раз говорили, что мы предприняли безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошибались в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» [20, с. 377].

Культурная революция понималась В. И. Лениным как составная часть социалистического строительства, создания социалистической культуры, ликвидации культурной отсталости и монополии культуры буржуазии и дворян.

В марксистско-ленинской теории *культурной революции* отводились следующие задачи:

− приобщение трудящихся к той части мировой культуры, которая считалась приемлемой с точки зрения коммунистической идеологии;

− выработка новой социалистической культуры;

− перевоспитание старой буржуазной интеллигенции и воспитание новой социалистической интеллигенции;

− преодоление старой идеологии и утверждение марксистско-ленинской идеологии;

− создание социалистической литературы и искусства.

Не будем отрицать того факта, что «красная культура» имела некоторые несомненные достижения. К ним можно отнести

− ликвидацию неграмотности, которая допускала определенное приобщение населения к новым культурным образцам;

− создание сети «очагов культуры» – библиотек, клубов, музеев и пр.

Но главное было не в этом – интенсивная «промывка мозгов», насаждение коммунистических идеалов и теорий как единственно верных, уничтожение инакомыслия и т. п. полностью ликвидировали положительное значение красного культуртрегерства.

Мы полагаем, что претворение в жизнь программ культурной революции привело к перманентному кризису культуры, в основе которого лежало *противоречие между культурой и обществом.* В каком-то смысле эта противоречивость нормальна, учитывая сложность социальных субъектов; но общество и культура могут совпадать, а могут и не совпадать; реальная жизнь и ее культурное преломление (порой принципиально) различны между собой.

Адаптация социума к новым (в данном случае – советским) условиям существования вызвала определенного рода стресс, который К. Оберег называл «*культурным шоком*» [2, с. 172]. Культурный шок – это стрессовое воздействие иной культуры на человека и общество; разрушение

устоявшихся социальных условий в результате столкновения с другой культурой [1, с. 178].

Массовое и насильственное внедрение в социальную практику коммунистической идеологии однозначно породило ситуацию культурного шока. К наиболее характерным его чертам можно отнести, например,

− маргинализацию большинства населения, когда все «бывшие», лишенцы и т. д. утратили социальный статус, льготы и привилегии:

− крестьяне, выброшенные в город железной логикой индустриализации, ненавидели этот город, имели в его отношении устойчивые контркультурные установки (в отношении бытовой, поведенческой, городской и производственной культуры);

− маргинализированная часть общества оказалась неспособной справиться с ситуацией перехода, она испытывала чувство социальной и личной неполноценности, тревогу, переходящую в негодование и даже в отвращение;

− нарушение ролевых ожиданий и самоидентификации (многие утратили традиционную среду обитания и собственность);

− подобного рода переживания порождали у людей настроения отверженности, деградирующего одиночества и пр.

Все вышеперечисленные затруднения общекультурного плана являлись порождением затрудненной психологической адаптации (у крестьян, новых бюрократии, рабочих, специалистов и пр.). Судите сами:

− к концу 1930-х годов 91 % рабочих имели только начальное образование;

− численность рабочих (вместе со служащими) в 1928-1940 гг. увеличилась с 9 до 23 млн чел.;

− крестьяне в условиях начавшейся с декабря 1932 г. паспортизации оказались «гражданами второго сорта», лишенными многих социальных благ и прав;

− городское население Советского Союза в 1926-1929 гг. выросло с 18 до 33 % (а в промышленных центрах – в 5-6 раз);

− детская смертность в СССР в 1940 г. была выше, чем в 1929 г., несмотря на то, что количество больниц в этот период утроилось, а число врачей – удвоилось [14, с. 90-91].

Вышеприведенные свидетельства социального неблагополучия как нельзя лучше характеризуют многие стороны культурного кризиса, охватившего страну в начале XX века и продолжавшегося де-факто все годы существования Советов (и не только).

Социально-философской основой культуры всегда является гуманистическое начало, опора на общечеловеческие ценности, поскольку коммунизм решительно порвал с этими позитивными смыслами и характеристиками и ориентировался на диктатуру узко понимаемых классовых ценностей, отсталую обрядность и общинные базисные подходы, постольку количественное выражение культурных процессов имело столь ничтожный уровень.

Традиционно выделяются следующие *функции культуры:*

− человекотворческая (гуманистическая);
− информационная;
− познавательная (гносеологическая);
− оценочная (аксиологическая);
− регулятивная (нормативная);
− сигнификативная (знания);
− праксиологическая (деятельности).

Их подробный разбор не входит в задачи нашего исследования. Но функции реализуются не сами по себе, а через *механизмы закономерностей функционирования культуры.* К ним можно отнести преемственность, устойчивость в передаче культурных традиций, самобытность и уникальность, единство национального и общечеловеческого.

В нашей стране эти механизмы функционировали с большими помехами:

− большевики принципиально отказались от дореволюционной культуры, поэтому вести речь о преемственности культурного начала нет оснований;

− то же касалось и передачи культурных традиций: из их многообразия выбиралось то, что «подходило» идеалам коммунистического строительства, оправдывало большевистскую культурную полититку;

− самостоятельность и уникальность культуры в коммунистической традиции основывались, прежде всего, на «народном» подходе; такой лубочно-балалаечный подход выхолащивал и обеднял содержание национальной культуры;

− в культурно-политическом отношении СССР позиционировал себя в качестве носителя передовой коммунистической идеи, страны, первой осуществившей социалистическую революцию и т. п.; с этой точки зрения он принципиально не мог обеспечить единство национального и общечеловеческого содержательных компонентов своей культурной политики.

Мы полагаем, что с диалектической точки зрения *культура может быть представлена как постоянное несовпадение:* нечто отмирающее, уходящее в прошлое, в культурную память (процес отрицания) и нечто нарождающееся, становящееся здесь и сейчас, впитывающее что-то из прошлого (снятие). То, что отрицается, меняет культуру принципиально.

Иными словами, культура – это всегда некое усовершенствование, изменение, уход от себя через разрешение существующих противорчий. Куда уж тут деться марксизму-ленинизму, сталинизму? Они настолько догматичны и некритичны к себе, что выпадают из актуализированного контента культуры, из ее поля еще до собственной исторической гибели. В сухом остатке их идеологической шумихи – лозунги, стереотипы, мифы и пр., накрепко усвоенные неразвитым сознанием.

Особенно следует отметить значение *политической культуры* (понятие введено в научный оборот в 1950 г. американским политологом Г. Алмондом). Политическая культура представляет собой «совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, касающихся взаимоотношений граждан и власти» [13, с. 168]. Иными словами, политическая культура есть то, что служит упорядочению политического опыта и урегулированию политического поведения граждан.

Содержательно политическая культура включает политические опыт, сознание и поведение. Общеизвестна существующая классификация типов политической культуры:

− Г. Алмонд и С. Верба, с точки зрения сравнительного подхода, выделяют патриархальный, подданический и активистский типы политической культуры;

− К. Поппер, с точки зрения коммуникативного подхода, выделяет закрытую и открытую политические культуры;

− Е. Вятр, с точки зрения типов политического реагирования, выделяет тоталитарную, авторитарную и демократическую политические культуры.

Как взаимосвязаны духовная культура (нормы, правила, эталоны, законы, учения, ритуалы, символы, мифы, знания, идеи, обычаи, язык и пр.) и *идеология.* Именно культура определяет идеологию. Если сегодня в России доминируют подданический (патриархальный), закрытый и авторитарный типы политической культуры, то никакие вялые прививки демократии (перестройка, гласность, политические реформы 1990-х годов и пр.) не возымеют серьезного значения. Удалось только повернуть политически активное меньшинство населения в сторону гуманизма, цивилизирующих реформ. Но это было именно меньшинство населения; для большинства нужны более серьезные цивилизаторские реформы, более серьезные перемены.

Н. А. Бердяев полагал, что объективация (реализация) духовной культуры происходит через религию, науку, образование, искусство, язык и письменность. Он не выделял среди процессов объективации, например, идеологию; но это предполагается априори; особенно когда речь идет о политическом поведении массы.

В 1947 г. Н. А. Бердяев писал: «Истина совсем не есть познание объекта, истина есть победа над объективностью, то есть иллюзорностью, призрачностью объективности. Истина совсем ничего не значит, как ничего не отражает реальность духа. Истина – духовна, она в духе и есть победа духа над бездуховной объективностью мира, – мира вещей. Дух не есть эпифеномен чего-либо, все есть эпифеномен духа. Истина есть пробуждение духа, приобщение к духу» [5, с. 24].

Исходя из вышесказанного, мы не можем установить крепкую связь духовной культуры и окружающего мира (мир – культура); существуют некие промежуточные механизмы между миром и культурой. К ним мы отнесем идеологию, миф и стереотип. В случае совпадения мира и промежуточных механизмов мир живет относительно свободно и упорядоченно; несовпадение же объективного мира с идеологией, мифом, стереотипом ведет к самообману и историческому поражению. Мы полагаем, что это экзистенциальное несовпадение стало главной (и весьма предсказуемой) причиной падения в 1991 г. такого колосса, как Советский Союз.

Если духовную культуру можно уподобить тучному дождевому облаку, готовому пролиться на плодоносную землю, то идеология – тень этого облака, сухая и безликая, слепо следующая за тучей.

Существует несколько классических определений идеологии:

− «идея или совокупность идей, преломленных в абстрактно-историческом сознании определенного народа или социальной группы» [20, с. 57];

− «нормативно нагруженная система идей, которая создается для выражения и легитимации политических интересов той или иной группы» [22, с. 235];

– «совокупность концепций, согласно которым современное общество находится в ситуации «конца идеологий» [1, с. 64].

Большое число определений идеологии связано с тем, что на эту дефиницию влияют политический контекст, теоретические рамки, философские допущения, общие политологические тенденции и мн. др. Современные исследователи феномена идеологии Р. Гесс и Д. Томпсон выделяют дескриптивный, негативный и позитивный подходы к определению термина идеология:

– дескриптивный: идеология – относительно хорошо систематизированный набор категорий, претворение в жизнь которых обеспечивает «рамки» для убеждений, мотивов, поведения индивидов (Р. Гесс);

– позитивный: идеология – это способность «вдохновлять» группу или класс на проведение в жизнь политических интересов, желательных для социального целого;

– негативный: идеология – это критическое осмысление реальности [22, с. 235].

В нашем понимании, **идеология –** это система взглядов и идей, в которых выражается отношение к той или иной действительности; взгляды, интересы, цели, намерения, умонастроения людей, классов, партий, субьектов политики и власти, поколений, общественных движений, деятелей искусства и мн. др.

Термин «идеология» ввел в научный оборот французский ученый и философ Антуан-Луи-Клод Дестют, граф де Траси в работе «Элементы идеологии». В его понимании, идеология – это наука об идеях, система идей, способных восстановить единство науки; эта точка зрения была впервые заявлена им 20 июня 1796 г., когда граф де Траси выступил в Национальном институте науки с докладом «Проект идеологии», а чуть позже была описана в вышеназванной книге [2, с. 159].

К. Маркс рассматривал идеологию как «ложное сознание», выражающее интересы определенного класса, социальной группы, которые выдаются за общенародные [12, с. 7]. Для многих современных политических режимов планировать идеологическое воздействие на население (пусть даже на уровне гносеологии) – значит произвольно конструировать тезисы.

Несколько иначе рассматривал идеологию Ф. Энгельс, выделяя истинную и ложную ее разновидности. Первая представляла собой обьяснение явлений через их исходный момент, первопричину, подлинную сущность. Вторая представляет собой обьяснение уже свершившихся событий с целью их истолкования и оправдания, что порождает конструирование «мнимой реальности», которая выдается за действительность [25, с. 97].

Соответственно, идеи Ф. Энгельса дают методологические основания для функционального разделения идеологий по основаниям, например, пропаганды гуманитарных начал, или, напротив, идейного оправдания сталинских репрессий и т. п.

В таком аспекте мы можем оценивать все современные политические идеологии – традиционализм, консерватизм, либерализм, социализм (утопический и партийный), марксизм, анархизм, революционную демократию, национализм и пр.

Но если какая-то идеология в какой-то стране содержит лживые фрагменты (или полностью лжива в базовых константах), то мы можем, констатируя ее отстраненность (опредленную дистанцию) от истины, говорить о возможности «идеологического предвидения». Речь идет (в положительном смысле) об «идеологических особенностях предвидящего политического лидерства» (Д. Дидро). Такой идеологический посыл работает в интересах формирования положительного образа, например, лидера страны (вождя нации и т. п.), веры во всемогущество его разума, способного предвидеть и блокировать негатив политического существования.

Несколько по-другому относился к проблеме идеологии В. И. Ленин. В работе «Что делать?» (1902 г.) он настаивал на острой необходимости внедрения в сознание рабочих, всех трудящихся «единственно правильной идеологии», видел главную задачу в «развитии политического сознания рабочих» [9, с. 57].

Нам представляется, что одной из главных ошибок В. И. Ленина в отношении идеологии было его утверждение, что «субъективные» интересы отдельного класса (пролетариата) вполне могут и должны выражать интересы всего общества. Идеология, в данном контексте, может быть рассмотрена как прямой и жесткий инструмент политики, как орудие индивидуальной и социальной манипуляции.

Вспомним безупречное выражение К. Маркса: «Теория становится материальной силой тогда, когда она овладевает массами» [11, с. 57]. Логика этой небольшой цитаты отвергает логику В. И. Ленина: идеология меньшинства населения не может увлечь большинство населения; это возможно только путем установления единомыслия в России, цензуры и прочих «прелестей» тоталита-

ризма. Тем более, что *основным структурным элементом идеологии выступают не идеи, а идеалы.*

В связи с вышесказанным политическая идеология в любом конкретном обществе должна обязательно подвергаться объективной критике (в разных аспектах):

− в генетическом – идеология рассматривается как результат самолегитимации определенных структур власти;

− в операциональном – как нечто искажающее реальность;

− в структурном – как превращенная форма сознания.

Некритический подход к идеологии порожает методологические ошибки, которые угрожают самому существованию социума. Здесь мы вплотную подходим к проблеме функций идеологии. По мнению немецкого историка и социолога О. Лемберга, к ним относятся:

− интеграция социальных групп;
− структурирование социального пространства;
− функции мироовоззренческая;
− этическая;
− продуцирования [7, с. 100].

В функциональном аспекте идеология является «проектом интерпретации социального мира, в котором содержатся схемы идентификации, нормы и ориентиры, позволяющие людям “обнаруживать” себя в социальном пространстве, оценивать текущее положение дел и видеть перспективы его изменения в будущем» [22, с. 236].

Поэтому К. Гирц определил идеологию как «культурную систему», задающую качественные характеристики и режимы воспроизводства социального хронотопа» [6, с. 474].

Что представляет собой политическая идеология сталинизма с точки зрения вышеприведенных аргументов?

Подробную характеристику традиционной советской идеологии – марксизма-ленинизма – мы приводили ранее [14, с. 93-99; 15]. В данном контексте мы обратим внимание на такие черты сталинской идеологии, как, например, *бинарный политический негативизм.* По нашему мнению, он представляет собой устойчивое свойство политической культуры рассматривать политическую реальность исключительно через призму бинарных, тотально взаимопротивоположных сущностей (добро – зло, цивилизация – варварство, Восток – Запад и др.), сводить политику исключительно к борьбе, к отрицанию, в свою очередь, ограниченному лишь инверсией критикуемой политической реальности.

Из принципа негативизма выделяются некоторые (в первую очередь, агитационно-пропагандистские) максимы: «принцип толпы» («Кто не с нами, тот против нас!»); «принцип бескомпромиссности» («Кто кого!»); принцип «выживает сильнейший»!

По нашему мнению, политический негативизм принципиально непродуктивен, причем именно в современных условиях, когда успех в политических отношениях определяется способностью вести диалог, договариваться, торговать и пр. Негативизм поверхностен, вторичен, в чистом виде он является первобытной (даже не феодальной) сущностью, способом оценки себя и окружающих. В аресенале современной политики имеется множество более конструктивных форм политического диалога.

Негативизм и формируемый на его основе *образ врага* (политико-идеологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о политической среде в целом) в отношении перспективного политического развития не могут быть полезны.

Многие авторы вполне современно оценивают сущность сталинизма в политической сфере: «В области политической теории сталинизм не создал принципиально ничего нового, за исключением «теорий» о победе социализма в одной стране и об усилении классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. Идеологический арсенал сталинизма представляет собой пеструю мешанину из обрывков марксистских положений, ложно истолкованных исторических мифов и фальсификаций и грубых политических ярлыков, с помощью которых отвергалось все новое и прогрессивное в общественной мысли, искусстве, гуманитарных и даже естественных науках (осуждение генетики, кибернетики и мн. др.)» [19, с. 363].

Сотрудник Института философии РАН В. С. Семенов, между прочим, явный сторонник коммунистической идеи, тем не менее вынужден высказываться определенно критически: «Послеленинские партийные “вожди” отличались, к сожалению, бахвальством, демагогией, теоретической и практической слабостью. Они не опирались в должной степени на творческую социальную науку, от которой они были далеки и которую, видимо, даже боялись». И далее: «Наихудший в развитии СССР период – сталинский, основывающийся на волевом и жестком властвовании вождя, применяющего против несогласных, спо-

рящих, имеющих свое собственное мнение, часто против одаренных, просто самобытных, честных и открытых людей жесточайшие и массовые репрессии»; «Власть Сталина – тип авторитарного единовластия, перерастающего в диктатуру. Все решает один генсек или президент, он (что чаще всего и бывает) неразвитый и серый, малокультурный, но с волевыми загибами и фантазиями, а то и просто невежда, хам и самодур» [21, с. 93].

Конечно, подобного рода политическая культура не обладает даром научного предвидения, которое часто называют *политическим воображением.* В нашем понимании, это интуитивно-рациональный элемент, определяющий оценки политической ситуации, курса и пр.

Мы полагаем, что указанный тип воображения является обязательным условием научного, осознанного планирования политического и социально-экономического развития. Еще Д. Дидро называл перспективное мышление важнейшей особенностью «предвидящего политического лидерства». В. И. Ленин писал о «последней мечте», как важнейшем элементе выработки политических программ («Что делать?»).

Изначально В. И. Ленин цитирует Д. И. Писарева: «Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядывается в жизнь, сравнивает свои наблюдения со своими воздушными замками и вообще добросовестно работает на осуществление своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно» [18, с. 147-149].

По поводу этой оценки В. И. Ленин замечает: «Вот такого-то рода мечтателей, к несчастью, слишком мало в нашем движении» [10, с. 173].

Иными словами, политическое воображение может быть сильным фактором политики, но только если оно реально и объективно соответствует окружающей ситуации. В таком случае, как говорил в своих лекциях (почти столетней давности) доцент Московского университета И. Г. Шварц, «разум, все предвидящий и понимающий, можно уподобить Духу» [24, с. 71].

Анализируя отечественный (и не только) исторический опыт, мы приходим к выводу, что если политическое воображение оказывается плодом фантазии, а не реального отражения окружающего мира, то оно превращается в некачественный *миф* и – для социума – становится исключительно опасным, поскольку может порождать необоснованные надежды на слабость противника, переоценку своих сил и мн. др. (достаточно вспомнить поражения РККА в 1941-1942 гг., хотя до войны население воспитывалось в вере в исключительную боеспособность армии и мн. др.).

Завершая тему идеологии, отметим, что в XX веке она переживала как приливы, так и отливы. С конца 1950-х годов в мировой науке нарастало негативное отношение к любой идеологии вообще (концепция деидеологизации). В первую очередь, это было связано с осмыслением опыта организации обществ, функционировавших по типу социальных машин (тоталитарные нацистская Германия, СССР в 1930-1950-е годы и пр.). Вспомним, что, когда СССР еще существовал, и (в глазах мирового сообщества) существовал под флагом «империи зла», его политическое устройство часто определялось как «идеократическая империя» (власть марксистско-ленинской идеологии являлась одной из скреп, наряду с компартией и силовыми ведомствами обспечивавших устойчивость советской политической системы).

Теоретиками деидеологизации выступали французский философ, политолог и публицист Р. Арон (1905-1983 гг.), автор книги «Опиум интеллектуала» (1935 г.); американский философ Д. Белл (1913-2001 гг.) – работа «Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-х годах» (1960 г.); американский футуролог Ф. Фукуяма (1952 г.) – работа «Конец истории и последний человек» (1985 г.).

Но оказалось, что идеологию списывать со счетов еще рано. Д. Белл изначально утверждавший, что «любая идеология – прислуга политиканов» [4, с. 127], позже пришел к мысли, что «борьба идеологий возобновляется, конец идеологии как гигантская историческая смена убеждений себя исчерпала» [3, с. 170].

К числу наиболее известных теоретиков реидеологизации можно отнести Я. Бариона и О. Лемберга (особенно работа последнего «Идеология и общество» 1971 г.). В их понимании, идеология – редукционный механизм соединения культуры и реального мира.

Таким образом, культура – одно из самых сложных и важных гуманитарных и обществоведческих понятий, в содержании культуры предполагается определение некоего уровня развития, системы ценностей, характера достижения и пр. Сегодня все эти, безусловно, правильные характеристики культуры следует дополнить информационной составляющей, даже – информационно-технологической. И тогда мы подходим вплотную

к теме множественности культурных начал. Этот культурный плюрализм, культурная множественность предполагают признание наличия множества культур, что исключает претензии одной из них на правильность и исключительность. В данном контексте культурная революция, по В. И. Ленину, есть прямой и непосредственный путь к тоталитаризму и отрицанию демократии. Кроме того, такой подход обязательно приведет к разрыву культурной преемственности в развитии общества.

Библиографический список

1. Аарон, Р. Опиум интеллектуалов [Текст] / Р. Аарон. – М. : АСТ, 2015. – 480 с.

2. Антуан Дестют де Траси. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова [Текст] / Антуан Дестют де Траси. – М. : Академический проект, 2018. – 255 с.

3. Белл, Д. Возникновение истории в новом столетии (предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии») [Текст] // Новый мир, 2002. – № 10. – С. 169-171.

4. Белл, Д. Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-х годах [Текст] / Д. Белл. – М. : Социс, 2007. – 512 с.

5. Бердяев, Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация [Текст] // Царство духа и царство кесаря. – М. : Слово, 1995. – С. 7-213.

6. Гирц, К. Интерпретация культур [Текст] / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.

7. Лемберг, О. Идеология и общество [Текст] / О. Лемберг. – М. : Горизонт, 1974. – 274 с.

8. Ленин, В. И. О кооперации [Текст] // Полное собрание сочинений. – Т. 45. – С. 369-377.

9. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст] / В. И. Ленин. – Т. 6. – С. 6-217.

10. Ленин, В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения [Текст] // Полное собрание сочинений. – Т. 6. – С. 171-173.

11. Маркс, К. К критике гегелевской философии права [Текст] / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1957. – 369 с.

12. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 13. – 116 с.

13. Новейший культурологический словарь: термины, биографические справки, иллюстрации [Текст]. – Ростов/н/Д. : Феникс, 2010. – 411 с.

14. Осьмачко, С. Г. Социально-экономические и политические процессы в СССР в конце 20-х – 30-е годы [Текст] / С. Г. Осьмачко. – Ярославль : ЯЗРКУ ПВО, 1993. – 127 с.

15. Осьмачко, С. Г. Культурный стереотип и контркультурное поведение советского человека (на примере дисциплинирования военнослужащих действующей армии (1929-1940 гг.) [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 2. – С. 264-270.

16. Осьмачко, С. Г. Менталитет русских: некоторые проблемы определения состояния и оценки: Межвузовский сборник [Текст] // Актуальные проблемы вузов ВВС – М. : МО РФ, 2007. – Вып. 12. – С. 153-164.

17. Осьмачко, С. Г. Марксизм-ленинизм: проблемы официоза в контексте идейно-теоретического развития советского общества конце 20-х – 30-е годы [Текст] // Вестник Ярославского зенитного ракетного института противовоздушной обороны: Сборник научных трудов / ЯЗРИ ПВО. – Ярославль, 2001. – Вып. 2. – С. 83-88 и др.

18. Писарев, Д. И. Промахи нашей мысли [Текст] // Сочинения. – Т. 3. – 1956. – С. 107-211.

19. Политология: Энциклопедический словарь [Текст] / Общая редакция и составление Ю. А. Аверьянов. – М. : Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993. – 431 с.

20. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2 [Текст]. – М. : Владос, 2006. – 720 с.

21. Семенов, В. С. Уроки ХЪХ века и путь в XXI век. (Социально-филоософский анализ и прогноз) [Текст] : монография / В. С. Семенов. – М. : РАН, 2007. – 411 с.

22. Современный философский словарь [Текст]. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 823 с.

23. Социальная философия: Словарь [Текст]. – М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2018. – 624 с.

24. Шварц, И. Г. Лекции [Текст] / И. Г. Шварц. – Донецк : типография Вектор, 2008. – 172 с.

25. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг [Текст] // К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – Т. 20. – 797 с.

Reference List

1. Aaron, R. Opium intellektualov = Opium of intellectuals [Tekst] / R. Aaron. – M. : AST, 2015. – 480 s.

2. Antuan Destjut de Trasi. Osnovy ideologii. Ideologija v sobstvennom smysle slova = Fundamentals of ideology. Ideology in the sense of the world [Tekst] / Antuan Destjut de Trasi. – M. : Akademicheskij proekt, 2018. – 255 s.

3. Bell, D. Vozniknovenie istorii v novom stoletii (predislovie k novomu izdaniju knigi «Konec ideologii») = Emergence of history in a new century (the preface to the new edition of the book «End of Ideology») [Tekst] // Novyj mir = Novy mir 2002. – № 10. – S. 169-171.

4. Bell, D. Konec ideologii. Istoshhenie politicheskih idej v 50-h godah = End of ideology. Exhaustion of political ideas in 50-s [Tekst] / D. Bell. – M. : Socis, 2007. – 512 s.

5. Berdjaev, N. A. Opyt jeshatologicheskoj metafiziki. Tvorchestvo i ob#ektivacija = Experience of eschatological metaphysics. Creativity and objectivization [Tekst] // Carstvo duha i carstvo kesarja = Kingdom of spirit and kingdom of the Caesar. – M. : Slovo, 1995. – S. 7-213.

6. Girc, K. Interpretacija kul'tur = Interpretation of cultures [Tekst] / K. Girc. – M. : ROSSPJeN, 2004. – 560 s.

7. Lemberg, O. Ideologija i obshhestvo = Ideology and society [Tekst] / O. Lemberg. – M. : Gorizont, 1974. – 274 s.

8. Lenin, V. I. O kooperacii = On cooperation [Tekst] // Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works. – T. 45. – S. 369-377.

9. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works [Tekst] / V. I. Lenin. – T. 6. – S. 6-217.

10. Lenin, V. I. Chto delat'? Nabolevshie voprosy nashego dvizhenija = What should be done? Urgent problems of our movement [Tekst] // Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works. – T. 6. – S. 171-173.

11. Marks, K. K kritike gegelevskoj filosofii prava = To criticism of Hegelian legal philosophy [Tekst] / K. Marks. – M. : Politizdat, 1957. – 369 s.

12. Marks, K., Jengel's, F. Sochinenija = Compositions [Tekst] / K. Marks, F. Jengel's. – T. 13. – 116 s.

13. Novejshij kul'turologicheskij slovar': terminy, biograficheskie spravki, illjustracii = The latest culturological dictionary: terms, biographical backgrounds, illustrations [Tekst]. – Rostov/n/D. : Feniks, 2010. – 411 s.

14. Os'machko, S. G. Social'no-jekonomicheskie i politicheskie processy v SSSR v konce 20-h – 30-e gody = Social and economic and political processes in the USSR in late 20-s – 30-s [Tekst] / S. G. Os'machko. – Jaroslavl' : JaZRKU PVO, 1993. – 127 s.

15. Os'machko, S. G. Kul'turnyj stereotip i kontrkul'turnoe povedenie sovetskogo cheloveka (na primere disciplinirovanija voennosluzhashhih dejstvujushhej armii (1929-1940 gg.) = Cultural stereotype and countercultural behavior of the Soviet person (on the example of disciplining the military personnel of the field army (1929-1940) [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhsky philological bulletin – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – № 2. – S. 264-270.

16. Os'machko, S. G. Mentalitet russkih: nekotorye problemy opredelenija sostojanija i ocenki: Mezhvuzovskij sbornik = Mentality of Russians: some problems of defining state and assessment: Interuniversity collection [Tekst] // Aktual'nye problemy vuzov VVS = Current problems of higher education institutions of the Air Force – M. : MO RF, 2007. – Vyp. 12. – S. 153-164.

17. Os'machko, S. G. Marksizm-leninizm: problemy oficioza v kontekste idejno-teoreticheskogo razvitija sovetskogo obshhestva konce 20-h – 30-e gody = Marxism-Leninism: semi-official organ problems in the context of ideological and theoretical development of the Soviet society the end of the 20-s – the 30-s [Tekst] // Vestnik Jaroslavskogo zenitnogo raketnogo instituta protivovozdushnoj oborony: Sbornik nauchnyh trudov = Bulletin of Yaroslavl antiaircraft rocket institute of air defense: Collection of scientific works / JaZRI PVO. – Jaroslavl', 2001. – Vyp. 2. – S. 83-88 i dr.

18. Pisarev, D. I. Promahi nashej mysli = Misses of our thought [Tekst] // Sochinenija = Compositions – T. 3. – 1956. – S. 107-211.

19. Politologija: Jenciklopedicheskij slovar' = Political science: Encyclopedic dictionary [Tekst] / Obshhaja redakcija i sostavlenie Ju. A. Aver'janov. – M. : Izd-vo Moskovskogo kommercheskogo un-ta, 1993. – 431 s.

20. Rossijskij gumanitarnyj jenciklopedicheskij slovar': V 3 t. T. 2 = Russian humanitarian encyclopedic dictionary: In 3 v. V. 2 [Tekst]. – M. : Vlados, 2006. – 720 s.

21. Semenov, V. S. Uroki HH veka i put' v HHI vek. (Social'no-filoosofskij analiz i prognoz) = Lessons of the XX century and way to the XXI century. (Social and philosophical analysis and forecast) [Tekst] : monografija / V. S. Semenov. – M. : RAN, 2007. – 411 s.

22. Sovremennyj filosofskij slovar' = Modern philosophical dictionary [Tekst]. – M. : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2015. – 823 s.

23. Social'naja filosofija: Slovar' = Social philosophy: Dictionary [Tekst]. – M. : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2018. – 624 s.

24. Shvarc, I. G. Lekcii = Lectures [Tekst] / I. G. Shvarc. – Doneck : tipografija Vektor, 2008. – 172 s.

Jengel's, F. Anti-Djuring = Anti-Dühring [Tekst] // K. Marks, F. Jengel's Soch. – T. 20. – 797 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10220

УДК 94 (47)

Ю. С. Никифоров

https://orcid.org/0000-0002-4253-4532

Роль «устной истории» в изучении региональных элит позднего социализма

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950-1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»

В статье оцениваются возможности устной истории в изучении советских региональных элит позднего социализма (1950-1980 гг.). Гипотезой является предположение о том, что интервью как метод устной истории является эффективным способом исследования указанной проблемы.

В статье анализируются возможности исследования периода, который в СССР определялся как эпоха «развитого социализма», а в современной российской историографии часто используется термин «застой». Некоторые исследователи используют понятие «централизованное индустриальное общество». Наиболее адекватным представляется термин «позднесоветский период» или «поздний социализм» – «период примерно тридцать лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая».

В статье делается вывод о возможности реконструировать картину регионального развития СССР 1960-1980-х гг. через интервьюирование представителей местной элиты. Выделяются ключевые аспекты взаимодействия регионов с союзным центром на уровне местной партийной, советской и хозяйственной элиты через призму устной истории. Представляется перечень вопросов для интервьюирования различных представителей элиты. При интервьюировании региональной элиты использовался перечень вопросов, который варьировался в зависимости от личности и статуса интервьюируемого. Вопросы условно делятся на 2 блока. Во-первых, вопросы, касающиеся особенностей профессиональной и общественно-политической деятельности, карьеры. Во-вторых, вопросы, дающие срез исторической памяти региональной элиты относительно особенностей взаимодействия с центром на уровне партийных и советских органов власти, хозяйственных структур.

Ключевые слова: региональные элиты, СССР, коммуникативные практики, архивные документы, историческая память, советская провинция, поздний социализм, лоббизм.

Yu. S. Nikiforov

Role of «Oral History» in Study of Late Socialism Regional Elite

In the article possibilities of oral history in study of the Soviet regional elite of late socialism (1950-1980) are estimated. A hypothesis is the assumption that the interview as a method of oral history is an effective way to research the specified problem.

In the article are analyzed possibilities of researching the period which in the USSR was defined as an era of «developed socialism», and in modern Russian historiography the term «stagnation» is often used. Some researchers use the concept «centralized industrial society». The term «late Soviet period» or «late socialism» seems to be the most adequate. – «the period about thirty years of the Soviet history since the end of the Stalin period prior to perestroika (reorganization) (the beginning of the 1950-s – the middle of the 1980-s) when the Soviet system was perceived by most of the Soviet citizens and most of foreign observers as a powerful and unshakable system».

In the article the conclusion is drawn about an opportunity to reconstruct a picture of regional development of the USSR in 1960-1980-s by means of interviewing local elite representatives. Key aspects of interaction of regions with the allied center at the level of local party, Soviet and economic elite are distinguished, it is possible through the prism of oral history. The list of questions for interviewing various representatives of elite is submitted. When interviewing regional elite the list of questions was used, which varied depending on the personality and the status of the interviewee. Questions conditionally are divided into 2 blocks. Firstly, the questions concerning features of professional and social and political activity, career. Secondly, the questions giving a review of historical memory of regional elite concerning features of interaction with the center at the level of party and Soviet authorities, economic structures.

Keywords: regional elite, USSR, communicative practices, archival documents, historical memory, Soviet province, late socialism, lobbyism.

© Никифоров Ю. С., 2018

Профессиональный историк должен работать с источниками. Чаще всего под таковыми подразумеваются традиционные письменные источники-тексты, которые в повседневном профессиональном общении именуются также документами (позитивистское утверждение «история пишется по документам») [20, с. 12]. Подобную фразу-аксиому усваивает любой студент исторического факультета с первого курса университета.

Наиболее точно профессиональные компетенции историка сформулировал российский историк-медиевист П. Ю. Уваров, указав на 3 священных коровы историографии (источники, хронологические рамки, методы исследования), позиционируя линию о том, что историков можно делить «на работающих с источниками и не работающих с оными» [20, с. 4-5; 12]. Действительно, умение грамотно анализировать и интерпретировать исторические источники – основная компетенция историка, часть его профессиональной культуры [11, 14]. В тоже время английский историк Р. Коллингвуд указывал и на такую важную компетенцию историка как умение задавать вопросы, уподобляя его профессиональную деятельность работе сыщика [7]. Конечно же, прежде всего историк должен уметь, выражаясь языком Коллингвуда, «допрашивать» исторический источник.

Однако для изучения событий новейшей истории можно обращаться и к междисциплинарным методам. Интервью, анкетирование, опрос – все эти методы вполне применимы и в историческом исследовании. В этом смысле замечательным инструментарием для ученого является устная история – одно из перспективных направлений исторической науки за рубежом и в России [13, 15, 17, 18, 19, 23].

Актуальным в свете возможностей *методологии устной истории* представляется обратиться к эпохе конца 1960 – начала1980-х гг., по которой все чаще ностальгируют в кино и литературе, историографии [9, 24]. К этому периоду, который официально в СССР определялся как эпоха «развитого социализма», с подачи М. С. Горбачева был прикреплен достаточно спорный и критикуемый в современной историографии термин-ярлык «застой». В частности, некоторые исследователи предлагают использовать для обозначения рассматриваемой эпохи понятие «централизованное индустриальное общество» [1]. Наиболее адекватным представляется термин позднесоветский или поздний социализм – «период примерно тридцать лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [24, с. 36].

В свете развития новых направлений исторической науки (новая политическая история, интеллектуальная история, новая культурная история, устная история, memory studies и др.) важно прикоснуться к региональному срезу новейшей отечественной истории 1950-1980-х гг. О ее проблемах могут рассказать не только архивные документы, которые часто засекречены, но и представители региональной элиты прошлого. *Гипотезой* является предположение о том, что интервью как метод устной истории является исходным и весьма эффективным способом исследования событий новейшей отечественной истории, в том числе советских региональных элит.

Термин *«региональная элита»,* который сформировался и активно используется последние 25 лет, будет искусственно экстраполирован на предыдущую советскую эпоху 1950-1980 гг. Его применение будет базироваться на идеях В. П. Мохова [8]. Наиболее удачными представляются дефиниции термина, которые подразумевают «совокупность людей, занимающих высокие посты в государственной власти и экономике, устойчивая общность с глубокими связями входящих в нее людей, имеющих общие интересы и доступ к рычагам реальной власти»; «слой людей, которые ответственны за принятие решений, имеющих наиболее важное общественное значение» [2, 5].

Состав региональной (провинциальной / местной) элиты будет определяться следующими элементами, которые образуют своеобразные руководящие региональные сети в терминологии О. В. Хлевнюка [22]:

1) Партийная и советская элита.
2) Хозяйственная элита.
3) Научно-техническая элита.
4) Художественно-творческая элита.

Наряду с понятием «региональная элита» в исследовании планируется использоваться термин «советская провинция». На регионы СССР 1950-1980-х гг. экстраполируется понятие «провинция», которое вышло на первый план в современных социально-гуманитарных исследованиях, во многом заменив прежние понятия, связанные с административно-территориальным делением.

Проблема провинции широко затронута в исследованиях научно-образовательного центра «Культуроцентричность научно-образовательной

деятельности» при ЯГПУ им. К. Д. Ушинского под руководством профессора Т. С. Злотниковой в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России. 2009-2013 гг.». Данный вопрос с культурологической и историко-культурной точки зрения рассмотрен в статьях и монографиях Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, Л. П. Киященко [3, 4].

Термин *провинция* по-разному трактуется исследователями. В. Л. Каганским провинция характеризуется как «база, базовая территория, средина, средняя зона, ядро, ядро типичности». С его точки зрения, провинция – «относительно самодостаточная, внутренне связная нецентростремительная средняя зона, удаленная от краев и крайностей. Балансир и база системы. Части провинции более связаны друг с другом, нежели с иными элементами. Основа единства – соприродность частей. (Провинция – как бы особый слой и аспект Центра, Центр без статуса центрирования системы, дальних связей и космополитизма; Центр, живущий сам собою, в себе и для себя). Провинция – квазиизотропное пространство немногих относительно равноправных (преимущественно) горизонтальных направлений, она полицентрична» [6, с. 78].

Исследователи Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Л. П. Киященко [4] сосредотачивают внимание на термине «русская провинция» как метафоре. Они указывают на сложное наполнение метафоры «русская провинция» компонентами (хронотоп, пространство, время, ойкумена, рубежи, личность, интеллигент, текст, символ, повседневность, столица, скука.). Метафора «русская провинция», по их мнению, «образует живой образ динамически самонастраивающейся русской ментальности, органично выражающей себя в творческой активности и в повседневности с их неизбывной любовью к России и тревогой о ее судьбе» [4]. Подчеркнем, что термин «провинция» применительно к советской эпохе является искусственным конструктом.

Очень ценным для нашей работы является историко-культурный постулат Й. Фрида, который выделил 20 факторов критического анализа памяти, релевантных для исторической науки: «активное или пассивное участие; интуитивное использование уже закодированных нейрально образов; повторение (ведет к канонизации); установочные исходные данные знания (вопрос, стресс и т. п.); количество и интенсивность вспоминаемых событий; оценка, выборка, деконструкция поступающих данных органов чувств; конструкция воспоминаний с помощью отобранных данных; эмоциональное самопозиционирование (стыд, самогероизация и т. п.); готовность к канонизации воспоминаний; контаминация нескольких событий одного рода; телескопия; перезапись факторов одного рода из различных эпизодов в своеобразные смешанные конструкции; сведение растянутых во времени событий к единственному моменту, жесту, а возможно, и слову; многозначность поступающих сигналов; временнáя и качественная инверсия; кодирование восприятия в ситуативных социальных, психических или нейрональных условиях; воспроизведение при ситуативных условиях; синдром уверенности; бессознательное «списывание» первичных и вторичных факторов деформации; жизненный возраст» [21, 25]. Ценность данной теории в том, что она позволяет через учет этих факторов верифицировать ошибки автобиографической памяти.

Интервью позволяет определить общие тенденции и ключевые точки для последующего углубленного анализа первоисточников, прежде всего архивных материалов и документов. Одним из самых удачных трудов, выполненных *в духе устной истории*, следует признать интервью М. Л. Размолодина у многолетнего первого секретаря Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенкова [1]. Реконструировать картину развития Нечерноземья 1960-1980-х гг., ключевые аспекты взаимодействия регионов с союзным центром на уровне местной партийной, советской и хозяйственной элиты можно через призму устной истории. Посредством интервьюирования представляется возможным решить ряд задач:

Выделить спектр персон, которые могут быть отнесены к региональной элите;

1. Очертить круг тенденций развития регионов Нечерноземья;

2. Выявить характер и особенности взаимодействия центра и местной власти;

3. Проанализировать влияние исследуемой эпохи на дальнейшее развитие региона [12].

В ходе исследования целесообразно применение *неформализованного полуструктурированного фокусированного интервью* [15, с. 38-39]. Данный метод представляется вполне оправданным и активно используется прибалтийскими исследователями позднесоветского периода [26]. При интервьюировании региональной элиты использовался следующий ниже примерный перечень вопросов, который варьировался в зависимости от личности и статуса интервьюируемого. Вопросы условно

делятся по 2-м блокам. Во-первых, вопросы, касающиеся особенностей профессиональной и общественно-политической деятельности, карьеры. Во-вторых, вопросы, дающие срез исторической памяти региональной элиты относительно особенностей взаимодействия с центром на уровне партийных и советских органов власти, хозяйственных структур. Итак, очертим *первый блок вопросов*:

1. Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве и юности? О какой профессии Вы думали / мечтали в детстве?

2. Когда и где началась Ваша учеба? Получали ли Вы дополнительное образование (академия, высшая партийная школа и т. п.).

3. Как складывалась Ваша трудовая / профессиональная деятельность?

4. Расскажите, пожалуйста, о Вашей партийной, общественно-политической карьере? Когда и где она началась? Какую первую руководящую должность Вы заняли?

5. Как складывалась Ваша карьера в советскую эпоху 1950-1980-е гг.?

6. Как отразился распад СССР на Вашей жизни и карьере? Как сложилась Ваша жизнь и карьера после 1991 г.?

7. Кого из старших товарищей Вы вспоминаете с благодарностью? Благодаря кому Вам удалось достичь каких-то высот в жизни?

Второй блок вопросов более насыщен различными тапами вопросов:

1. Кого бы Вы причислили к крупнейшим и наиболее успешным представителям региональной элиты 1950-1980-х гг.? (партийной, советской, хозяйственной, научно-педагогической, культурной и др.)?

2. Кому из региональных лидеров (партийных, хозяйственных и др.) удалось проявить себя и на общесоюзном уровне в 1950-1980-х гг.: перейти на работу в ЦК КПСС? в Совмин СССР или РСФСР? другие общесоюзные структуры?

3. Кто из представителей региональной элиты 1950-1980-х гг. продолжил карьеру в 1990-2000-х гг. на региональном и /или федеральном уровне?

4. Расскажите, пожалуйста, что представляли собой партийные и советские органы власти области 1950-1980-х гг.? Кто входил в обком? Какие функции выполняли: за что отвечали и что курировали различные секретари обкома (1-й, 2-й, 3-й, 4-й…)? Какую роль партийные комитеты играли на предприятиях?

5. Можно ли говорить о таком явлении как «семейственность», «клановость» в региональном руководстве 1950-1980-х гг.?

6. Расскажите, пожалуйста, о системе подбора и формирования руководящих кадров области 1950-1980-х гг. Оцените степень их сменяемости? Насколько справедливой и эффективной была эта система, на Ваш взгляд? Существовали ли формальные и/или неформальные «фильтры» – ограничители, препятствовавшие вхождению в руководящие кадры города, области, предприятия / учреждения?

7. С какими проблемами сталкивались партийные и хозяйственные руководители области в 1950-1980-х гг.? Приходилось ли Вам сталкиваться с ресурсными проблемами (дефицитом сырья, товаров, кадров; снабжение) при реализации того или иного проекта, строительстве объекта? Как удавалось решить эти проблемы? Как решались эти проблемы?

8. Как Вы считаете, насколько эффективно взаимодействовала региональная элита с Центром (ЦК КПСС, Совмином СССР и РСФСР, Госпланом и др. структурами) в 1950-1980-х гг.?

9. Какие бы Вы назвали примеры успешного лоббирования интересов области 1950-1980-х гг. в сфере экономики, образования, культуры, экологии и т. д.?

10. Что, по Вашему мнению, позволяло добиваться положительных результатов во взаимодействии региона с Центром?

11. Согласны ли Вы с мнением о том, что время Брежнева было «золотым веком» для местной государственно-партийной власти?

12. Расскажите, пожалуйста, какие были у обкома неформальные связи в Центре? Влиятельные покровители в ЦК, Политбюро, Совмине, Госплане и других структурах? В чем проявлялось это покровительство? Какие примеры вмешательства подобных лиц в решение региональных вопросов / проблем Вы бы назвали?

13. Какую роль, на Ваш взгляд, играло Политбюро? Совет министров? Кто Вам запомнился из членов Политбюро и Совета министров 1950-1980-х гг.? Почему?

14. Согласны ли Вы с определением времени правления Брежнева как эпохи «застоя»?

15. Можно ли говорить о каких-либо ошибках, недостатках, просчетах руководства области 1950-1980-х гг., в том числе во взаимодействии с высшим руководством СССР? Насколько фатальными / случайными / эпизодическими они были для дальнейшего развития региона? Решение ка-

ких из них, на Ваш взгляд, продолжало оставаться в актуальным 1990-2000-е гг.? Остается ли они актуальными в настоящее время?

16. Как бы Вы оценили границы самостоятельности / независимости региональных руководителей 1950-1980-х (обкома, директоров предприятий) от Центра (ЦК, Политбюро, Совмина, Госплана и т. д.) гг. в принятии управленческих и кадровых решений, хозяйственной деятельности?

17. Какие инициативы, проекты Центра (Москвы) в 1950-1980-х гг. вызывали непонимание, отторжение регионального руководства? Существовала ли возможность игнорировать / не выполнять или «тормозить» отдельные директивы Центра (ЦК, Политбюро, Совмина, Госплана и т. д.) в 1950-1980-х гг.?

18. Визиты [10] каких высоких гостей из Центра (Москвы) Вам запомнились? Участвовали ли Вы в мероприятиях, связанных с их приездом? Каковы были последствия этих вояжей для области и ее руководства?

19. Охарактеризуйте, пожалуйста, профессиональные / деловые и личные / человеческие качества ведущих лидеров региональной элиты (секретарей обкома, руководителей облисполкома, директоров предприятий и др.) 1950-1980-х гг.? Оказывали ли они влияние на развитие области в целом? на взаимодействии с центром? На взаимоотношения с соседними регионами?

20. Можно ли, на Ваш взгляд, выделить характерные, отличительные черты, принципы взаимодействия региональных лидеров (партийных и хозяйственных) внутри региона, с регионами-соседями, с центром?

21. Оцените, пожалуйста, роль региональных лидеров эпохи 1950-1980-х гг.: в развитии региона 1950-1980-х гг. (в сферах экономики, культуры, науки, образования)? в формировании ее общероссийского имиджа, повлиявшего на образ региона 1990-2000-х гг.? [12].

Таким образом, *спектр вопросов*, подготовленных для интервьюирования, охватывает широкий круг тем от структуры и механизмов регионального руководства до успехов и проблем региона. Особый интерес представляла тема взаимодействия региона с центром, лоббизма, «выбивания» лимитов – финансовых и ресурсных.

Библиографический список

1. Ващук А. С., Булдыгерова Л. Н. Политическая элита СССР во второй половине 1960-х–1970-е гг. и ее влияние на социально-экономическое развитие [Текст] / А. С. Ващук., Л. Н. Булдыгерова // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 105-118.

2. Головинова, Ю. В. Партийно-административная элита СССР в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. [Текст] / Ю. В. Головинова // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 74-77.

3. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Новиков, М. В. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах [Текст] / под ред. Т. С. Злотниковой. – Ярославль, 2013. – 292 с.

4. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Киященко, Л. П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Л. П. Киященко // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 126-136.

5. Исаев, Б. А. Введение в политическую теорию [Текст] / Б. А. Исаев. – СПб. : Питер, 2013. – 630 с.

6. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство [Текст] / В. Л. Каганский. – М., 2001. – 780 с.

7. Коллингвуд, Р. Идея истории [Текст] / Р. Коллингвуд. – М. : Наука, 1991. – 635 с.

8. Мохов, В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990) [Текст] / В. П. Мохов. – Пермь, 1998. – 258 с.

9. Надкарни, М., Шевченко, О. Политика ностальгии: сравнительный анализ постсоциалистических практик [Текст] / М. Надкарни, О. Шевченко // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – С. 487-521.

10. Никифоров, Ю. С. Визит Н. С. Хрущева в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении [Текст] / Ю. С. Никифоров // Российская история. – 2016. – № 4. – С. 56-72.

11. Никифоров, Ю. С. Историки «русской школы» о методологии и культуре исторического исследования [Текст] / Ю. С. Никифоров // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – С. 40-44.

12. Никифоров, Ю. С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти [Текст] / Ю. С. Никифоров. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 79 с.

13. Нитхаммер, Л. Вопросы к немецкой памяти [Текст] / Л. Нитхаммер. – М. : Новое издательство, 2013. – 536 с.

14. Новиков, М. В., Перфилова Т. Б. Культура исследовательской деятельности историка: интерпретация источников В. П. Бузескулом [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник, 2010. – № 3. – С. 7-22.

15. Обнорская, Н. В. Устная история [Текст] / Н. В. Обнорская // Социальная история. – Ярославль : ЯрГУ, 2016. – С. 38-39.

16. Размолодин, М. Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенкова. Интервью с бывшим 1-м

секретарем Ярославского обкома КПСС [Текст] / М. Л. Размолодин. – Ярославль : ЛИЯ, 1995. – 176 с.

17. Соколова, М. В. Теоретические и педагогические основания устной истории [Текст] / М. В. Соколова. – Ярославль, 2011. – 163 с.

18. Томпсон, П. Голос прошлого [Текст] / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.

19. Тош Д. Стремление к истине [Текст] / Д. Тош. – М. : «Весь мир», 2000. – 296 с.

20. Уваров, П. Ю., Соколов, А. Б., Курилла, И. И., Тихонов, В. В., Дурновцев, В. И. «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» [Текст] / П. Ю. Уваров, А. Б. Соколов, И. И. Курилла и др. // Российская история, 2013. – № 1. – С. 4-12.

21. Фрид, Й. Память и историческая наука. Обращение к свидетельствам памяти: историк – о сложных темах профессионализации исторической науки [Электронный ресурс]. – http://gefter.ru/archive/19510

22. Хлевнюк, О. В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты [Текст] / О. В. Хлевнюк // Отечественная история. – 2007. – № 3. – С. 31-49.

23. Щеглова, Т. К. Устная история [Текст] / Т. К. Щеглова. – Барнаул, 2010. – 354 с.

24. Юрчак, А. Все было навечно, пока не кончилось: последнее советское поколение [Текст] / А. Юрчак. – М., 2014. – 664 с.

25. Fried J. Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorik / Fried J. – München, 2012. – 113 p.

26. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijosirdinamikos (1968-1988) / V. Ivanauskas. – Vilnius, 2011. – 646 p.

Reference List

1. Vashhuk A. S., Buldygerova L. N. Politicheskaja jelita SSSR vo vtoroj polovine 1960-h–1970-e gg. i ee vlijanie na social'no-jekonomicheskoe razvitie = Political elite of the USSR in the second half of 1960-s-1970-s and its influence on social and economic development [Tekst] / A. S. Vashhuk., L. N. Buldygerova // Osnovnye tendencii gosudarstvennogo i obshhestvennogo razvitija Rossii: istorija i sovremennost' = Top trends of the state and social development of Russia: history and present – 2015. – № 1. – S. 105-118.

2. Golovinova, Ju. V. Partijno-administrativnaja jelita SSSR v otechestvennoj istoriografii rubezha XX–XXI vv. = Party and administrative elite of the USSR in national historiography at the turn of the 20-21st centuries. [Tekst] / Ju. V. Golovinova // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Altai state university – 2011. – № 4. – S. 74-77.

3. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Letina, N. N., Novikov, M. V. Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizacionnom diskursah = Model of culture of the Russian province in authentic, historical and typological and globalization discourses [Tekst] / pod red. T. S. Zlotnikovoj. – Jaroslavl', 2013. – 292 s.

4. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Letina, N. N., Kijashhenko, L. P. Russkaja provincija v filosofskom diskurse: konceptualizacija metafory = The Russian province in philosophical discourse: conceptualization of a metaphor [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, N. N. Letina, L. P. Kijashhenko // Voprosy filosofii = Voprosy filosofii – 2014. – № 11. – S. 126-136.

5. Isaev, B. A. Vvedenie v politicheskuju teoriju = Introduction to the political theory [Tekst] / B. A. Isaev. – SPb. : Piter, 2013. – 630 s.

6. Kaganskij, V. L. Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo = Cultural landscape and Soviet ecumene [Tekst] / V. L. Kaganskij. – M., 2001. – 780 s.

7. Kollingvud, R. Ideja istorii = Idea of history [Tekst] / R. Kollingvud. – M. : Nauka, 1991. – 635 s.

8. Mohov, V. P. Jevoljucija regional'noj politicheskoj jelity Rossii (1950-1990) = Evolution of regional political elite in Russia (1950-1990) [Tekst] / V. P. Mohov. – Perm', 1998. – 258 s.

9. Nadkarni, M., Shevchenko, O. Politika nostal'gii: sravnitel'nyj analiz postsocialisticheskih praktik = Policy of nostalgia: a comparative analysis of post-socialist practices [Tekst] / M. Nadkarni, O. Shevchenko // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – S. 487-521.

10. Nikiforov, Ju. S. Vizit N. S. Hrushheva v Jaroslavl' v 1963 g.: obraz vlasti v regional'nom izmerenii = N. S. Khrushchev's visit to Yaroslavl in 1963: the image of the power in regional measurement [Tekst] / Ju.S. Nikiforov // Rossijskaja istorija = Rossijskaya istoriya – 2016. – № 4. – S. 56-72.

11. Nikiforov, Ju. S. Istoriki «russkoj shkoly» o metodologii i kul'ture istoricheskogo issledovanija = Historians of "the Russian school" about methodology and the culture of a historical research [Tekst] / Ju. S. Nikiforov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2012. – № 4. – S. 40-44.

12. Nikiforov, Ju. S. Novejshaja otechestvennaja istorija v zerkale interv'ju regional'noj jelity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamjati = The contemporary national history in the mirror of the interview of regional elite: from the USSR to Russia through the prism of cultural memory [Tekst] / Ju. S. Nikiforov. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – 79 s.

13. Nithammer, L. Voprosy k nemeckoj pamjati = Questions to the German memory [Tekst] / L. Nithammer. – M. : Novoe izdatel'stvo, 2013. – 536 s.

14. Novikov, M. V., Perfilova T. B. Kul'tura issledovatel'skoj dejatel'nosti istorika: interpretacija istochnikov V. P. Buzeskulom = Culture of research activity of the historian: interpretation of sources by V. P. Buzeskul [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin 2010. – № 3. – S. 7-22.

15. Obnorskaja, N. V. Ustnaja istorija = Oral history [Tekst] / N. V. Obnorskaja // Social'naja istorija = Social history – Jaroslavl' : JarGU, 2016. – C. 38-39.

16. Razmolodin, M. L. Jepizody iz zhizni i dejatel'nosti F. I. Loshhenkova. Interv'ju s byvshim 1-m

sekretarem Jaroslavskogo obkoma KPSS = Episodes from F. I. Loshchenkov's life and activity. Interview with the former 1st secretary of the Yaroslavl regional committee of CPSU [Tekst] / M. L. Razmolodin. – Jaroslavl' : LIJa, 1995. – 176 s.

17. Sokolova, M. V. Teoreticheskie i pedagogicheskie osnovanija ustnoj istorii = Theoretical and pedagogical bases of oral history [Tekst] / M. V. Sokolova. – Jaroslavl', 2011. – 163 s.

18. Tompson, P. Golos proshlogo = Voice of the past [Tekst] / P. Tompson. – M., 2003. – 368 s.

19. Tosh D. Stremlenie k istine = Aspiration to the truth [Tekst] / D. Tosh. – M. : «Ves' mir», 2000. – 296 s.

20. Uvarov, P. Ju., Sokolov, A. B., Kurilla, I. I., Tihonov, V. V., Durnovcev, V. I. Nauchnoe soobshhestvo istorikov Rossii: 20 let peremen = Scientific community of historians in Russia: 20 years of changes [Tekst] / P. Ju. Uvarov, A. B. Sokolov, I. I. Kurilla i dr. // Rossijskaja istorija = Rossijskaya istoriya, 2013. – № 1. – S. 4-12.

21. Frid, J. Pamjat' i istoricheskaja nauka. Obrashhenie k svidetel'stvam pamjati: istorik – o slozhnyh temah professionalizacii istoricheskoj nauki = Memory and historical science. Appeal to the evidences of memory: the historian – about difficult subjects of professionalizing of the historical science [Jelektronnyj resurs]. – http://gefter.ru/archive/19510

22. Hlevnjuk, O. V. Regional'naja vlast' v SSSR v 1953 – konce 1950-h godov. Ustojchivost' i konflikty = The regional power in the USSR in 1953 – the end of the 1950-s. Stability and conflicts [Tekst] / O. V. Hlevnjuk // Otechestvennaja istorija = Otechestvennaya istoriya. – 2007. – № 3. – S. 31-49.

23. Shheglova, T. K. Ustnaja istorija = Oral history [Tekst] / T. K. Shheglova. – Barnaul, 2010. – 354 s.

24. Jurchak, A. Vse bylo navechno, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie = Everything was forever, till came to the end: last Soviet generation [Tekst] / A. Jurchak. – M., 2014. – 664 c.

25. Fried J. Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorik / Fried J. – München, 2012. – 113 p.

26. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijosirdinamikos (1968-1988) / V. Ivanauskas. – Vilnius, 2011. – 646 r.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.09.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10221

УДК 008: 316.7/33

Плуженская Л. В.

https://orcid.org/0000-0002-8276-1705

Панова Е. А.

https://orcid.org/0000 0001 9549 6317

Моделирование локального бренда исторического города

В статье актуализируется проблема моделирования городского дискурса как символического ресурса территории. В условиях глобализации, вызывающей конкурентную борьбу территорий за ограниченные и свободно перемещающиеся ресурсы, точное позиционирование бренда на основе реализации процесса «совокупный средовой субъект – городская идентичность – городской дискурс – городской текст – атрибутика бренда» становится обязательным условием успешного развития исторического города. Теоретическую основу осмысление феномена бренда исторического города и его прагматики составляют структурно-семиотические и проектно-коммуникативные концепции «городских текстов». Раскрытие городской идентичности и образа – бренда – города происходит через архитектурные памятники, информационные (городские) тексты, объекты изобразительного и визуального искусства, фотографии, детские рисунки, которые способствуют организации культурной и пространственно-временной среды.

Этот визуальный компонент имиджа города играет особую роль в символическом капитале конкретной территории, выступая носителем дополнительной информации о культурных ценностях горожан. Понимание города как культурного ландшафта определенной территории раскрывает целый спектр ресурсов, обеспечивающих развитие социума. Культурный контекст городской среды расширяет ее функциональность, наделяя ее помимо присущих ей утилитарно-потребительских характеристик еще качеством носителя культурных кодов.

Рассматривая панораму исторического города как самостоятельную знаково-символическую реальность и социальные условия производства интерпретаций образов, отражающих эту реальность, становится возможным уловить их взаимосвязь и представить ее как «урбанистический гипертекст». Современный реальный «урбанистический гипертекст» состоит из отдельных фрагментов, подобных дневниковым записям городской бытийности. С композиционной точки зрения такой текст следует рассматривать как слабоструктурированную систему, элементы которой слабо формализованы, а система в целом не обладает качеством целостности и единства, что затрудняет его прочтение и понимание города как бренда.

Ключевые слова: бренд города, городская среда, медиа, семиотика, городской дискурс, городской текст, средства выразительности.

L. V. Pluzhenskaya, E. A. Panova

Modeling of a Local Brand of the Historic Town

In the article the problem of modeling a town discourse as a symbolical resource of the territory is updated. In conditions of globalization causing competition of territories for limited and freely moving resources, exact positioning of a brand on the basis of the process realization «a cumulative environmental subject – town identity – town discourse – town text – attributes of the brand becomes an indispensable condition of successful development of the historic town. A theoretical basis judgment of the phenomenon of the historic town brand and its pragmatics make structural-semiotics and project-communicative concepts of «town texts». Disclosure of the town identity and image – the brand – of the town is done by means of architectural monuments, information (town) texts, objects of the fine and visual arts, photo, children's drawings which promote the organization of the cultural and space-time environment.

This visual component of the town image plays a special role in the symbolical capital of the certain territory, acting as a bearer of additional information on citizens' cultural values. Understanding of the town as cultural landscape of a certain territory reveals the whole range of resources providing development of society. The cultural context of the urban environment expands its functionality, allocating it besides utilitarian and consumer characteristics giving the quality of the carrier of cultural codes.

Considering panorama of the historic town as an independent sign and symbolical reality and social conditions of producing interpretations of images reflecting this reality it becomes possible to catch their interrelation and to present it as «the urbanistic hypertext». The modern real «urbanistic hypertext» consists of separate fragments similar to diaries of town being. From the composite point of view this text should be considered as a semistructured system which elements are poorly formalized, and the system in general has no quality of integrity and unity that complicates its reading and understanding of the town as a brand.

Keywords: town brand, urban environment, media, semiotics, town discourse, town text, means of expressiveness.

© Плуженская Л. В., Панова Е. А., 2018

Обращение к феноменологии городских текстов имеет в теории коммуникации достаточно устоявшуюся научную традицию. Однако современные темпы развития урбанистики настоятельно требуют осмысления прагматических и синтактических аспектов анализа интертекстуальности городской среды. Способы и приемы формирования гудвилла (Goodwill) территориального бренда гарантированно обеспечивает сбор туристической ренты практически с любой географической точки, к которой обращается внимание человека. Проблемы возникают в оценке стоимости затрат на брендинг территории, особенно при разработке бренда города – сложном социокультурном феномене. Это актуализирует проблематику технологизации коммуникативных практик капитализации городской среды. Становясь в современной глобальной системе предметом конкуренции городов, бренд города как маркетинговый статус отражает ландшафтную, культурную и индивидуальную идентичность городской среды.

Внутреннее разнообразие теоретической урбанистики вызывает трудности в планировании исследований городской среды, сопряженные с вопросами определения подходов к отбору материалов, структуре описания и оценке состояния этой области знания. Одним из принципов, который используется в современной урбанистике, является принцип тематизации и каталогизации предметных областей исследований. Именно этот принцип был использован С. Лоу при обзоре антропологии городов, построенном на материале, в котором были представлены основные метафоры города, отражающие тематику исследований [21]. Этот же принцип использовали в своих исследованиях Э. Сойя и Дж. Р. Шорт. Э. Сойя в книге «Постметрополис» приводит анализ тематических областей «дискурсов о постметрополисе» [15]. Городской дискурс стал также предметом исследования видного американского урбаниста Дж. Р. Шорта. В своем труде ученый рассматривает его как «продаваемый текст» [22]. Социальный географ и урбанист Эдвард Сойя, ссылаясь на теорию гиперреальности Ж. Бодрийяра, указывает, что сегодня имидж города как определенной географической точки следует рассматривать как символический капитал конкретной территории, который может обладать значительно большим весом по отношению к действительной стоимости реальной территории [15, с. 134].

Понимание города как культурного ландшафта определенной территории раскрывает целый спектр возможностей, которые могут быть задействованы в управлении развитием социума этой территории. Знание территориального средового пространства и его свойств не являются свойством самой территории как объекта проектирования. Оно проявляется только в культурных процессах, которые в совокупности с территорией составляют сложноструктурированный пространственно-средовой социокультурный урбанизированный объект – город. Культурный контекст городской среды расширяет ее функциональность, поскольку наделяет ее помимо присущего ей утилитарного смысла еще и знаково-символической функцией.

Маршалл Маклюэн [13] указывает еще на одно свойство урбанистического пространства – медийность: если любую трансляцию человеческой мысли вовне трактовать как медиа, то городскую среду, являющуюся квинтессенцией коллективного человеческого ресурса, безусловно, следует рассматривать как средство массовой коммуникации. В связи с этим Т. В. Белько концентрирует нас на медийных свойствах городской среды, аналогичных другим типам массмедиа: «В средние века города выполняли свою медийную функцию <….>. В проектной основе медиадизайна лежит творческий аппарат когнетики. <….> Медиадизайнер апеллирует в первую очередь к когнитивному бессознательному: продукт является успешным тогда, когда он не заставляет потребителя включать сознание для его приобретения и применения. Он должен использоваться в привычных ситуациях, в которых повторяются однотипные действия, выполняемые автоматически, по привычке, посредством бессознательных процессов» [4, с. 1055].

Опираясь на весьма внушительный исходный материал существующих исследований истории городской среды, который исследователь обозначил как первое измерение городского пространства – материальную среду – Firstspace, Сойя систематизирует и каталогизирует знания о сущностных городских характеристиках, которые охватывают второе измерение – Secondspace. Но для описания и выявления свойств живого, проживаемого в настоящий момент пространства, выделенного в отдельную категорию – Thirdspace, ученый использовал прием, ранее использованный Хаймором, – составление *коллажа* из художественных текстов, стихов, песен, газетных публикаций и т. п. [15]. Труд прочтения и интерпретации коллажа автор предоставил читателям, что вполне соответствует духу современных тенденций в эпистемологии наук, отражающих пути поиска возможностей познания в условиях постмо-

дернизма. Особенно показательной для этого направления – отказа от концептуального методологически определенного проекта исследования и составления подборки частных описаний – является работа Лоу [21], которая демонстрирует схожее несогласие с претенциозностью всеохватности (признания возможности) одномоментного присутствия множественных миров, различных форм воображения и «флюидных» результатов и знаний.

Заслуга Бена Хаймора [19] состоит не столько в уже ставшем привычным разделении городского мира на «материальное измерение», к которому относятся земля, улицы, дома, транспорт, и «идеальное, символическое измерение», детерминированное повествованиями о городе, его образами, «ментальными картами», туристическими фотографиями, детскими рисунками и их позиционировании, сколько в его стремлении детального осмысления видов города как *самостоятельной смысловой реальности* и *социальных условий производства* отображений этих самых cityscape, а также попытках отыскать (или сконструировать) *метод прочтения смыслов* этой реальности, ее интерпретаций и постижении значений, которые в ней существуют, и уловить связь этих значений с тем, что происходит в «актуальной» реальности города. При этом Хаймор акцентирует наше внимание на то, что само прочтение он понимает как проведение исследования, а исследовательским материалом являются «урбанистические тексты культуры» – именно описания, подобные дневниковым записям – городов или городской реальности, а не продукты какого-либо целеположенного конструирования. Эти описания включают кинематографические материалы, художественные повествования, объекты изобразительного и визуального искусства как отвечающие принципиальным требованиям: они должны быть идентифицированы как текст и поддаваться прочтению. Основные усилия были направлены на определение методологии прочтения урбанистических текстов. По заявлению Хаймора, методология становится для него практикой – «практикой делания (practice of doing) культурологических исследований города, прочтения различных текстуальных объектов и такого их рассмотрения, каковое представляло бы их как отражающие и преломляющие культурный материал, из которого они сделаны» [19, с. 111]. Как считает Никита Харламов, исследование Хаймора «дает негативный ответ на два поставленных в начале вопроса: вопрос о внятности (legibility) и вопрос о свойстве актуального и воображаемого не поддаваться попыткам упрощения и прояснения» [18]. Отсутствие модели прочтения городского интертекста как единой схемы порядка критики, в которой реализуется всеобъясняющий принцип *происходящего* в городе, и наличие разнообразных и многочисленных описаний и нарративов городской реальности как многочисленных текстовых фрагментов позволяют понять, *что именно происходит* в сегодняшних городах, а именно суть городской мобильности как элемента городской идентичности в части поведенческих характеристик.

Более того, этнограф Марк Оже также утверждает, что «город существует благодаря сфере воображаемого» [14]. Оже выделяет три типа города: город-встреча, город-память и город-фикция, который появляется в результате возникновения фиктивных образов и экранных отражений. Такие воображаемые образы конкретной территории и его населения как городского сообщества Ж. Бодрийяр называет городами-симулякрами [5]. Ученый отмечает, что в информационную эпоху города-симулякры становятся доминирующим типом городов, востребованным современной экономической практикой, обеспечивающей развитие общества в целом, и обеспеченным неограниченностью тиражирования и масштабирования. Массовое производство впечатлений от городских реалий обеспечивает механизм массовой коммуникации, в котором фиксируется воображаемое, символическое «не понятие…., но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному» [14]. Так, исследователь разграничивает город как материальный носитель информации (городскую среду) и город как интерпретацию аудитории (семиотическую систему), в воображении которой существует некий образ – «Urban imaginary».

Концепт «Urban imaginary» носит междисциплинарный характер и позволяет научным коллективам культурологов, социологов, урбанистов, архитекторов, маркетологов, пиарменов, искусствоведов, дизайнеров, экономистов-проектировщиков и программистов социокультурной реальности закрепить представления социальных общностей любого масштаба (от малых до массовых) о городских пространствах в эпоху глобализации [22].

Организация проведения городских исследований («urban stadies») позволяет изучать процессы возникновения, интеграции, детерминации как совокупного средового субъекта, так и коллективного ощущения связанности с городским пространством через отдельные процедуры совместного воображения различных интерпретаций. Именно акты обобщенного воображения скрепляют пространственно-временные информационные фрагменты городской среды в единый локус городского дискурса и локус городского текста.

Город как образ «существует только в наших головах или в рассуждениях тех, кто работает в области различных видов искусства и средств массовой информации: телевидение, пресса, театр, радио, кино, романы, DVD-дисках» [23, с. 2]. Основанием к изучению предмета городских исследований стало появление трудов Бенедиктина Андерсона. В своей работе «Воображаемые сообщества» [2, с. 23] ученый акцентирует наше внимание на том, что люди в состоянии вообразить любое сообщество, в котором нет прямых контактов. Архетипические и стереотипические представления людей о других людях и их поведении детерминируют чувство общности в группе, а воображение запускает механизм появления символических связей между людьми как субъектными компонентами семиотической системы.

Традиции осмысления городской среды как семиотической системы сложились в отечественной гуманитарной науке в начале XX в. Первыми исследованиями стали труды Н. П. Анцифирова, посвященные изучению петербургских образов и мотивов в литературных произведениях XIX–XX вв. Исследователь обозначил двойственность художественного произведения, выраженную в историко-культурном и эстетическом подходах к его оценке, подходах, которые по мнению автора, не исключают, а, напротив, взаимодополняют друг друга [3]. Актуализировав тему топики при анализе литературных произведений, Н. П. Анцифиров выделил в обширном понятии «городская среда» локус образа места.

Само понятие «городского текста», а именно понятие «петербургский текст», вошло в научный оборот в 1984 г. благодаря работам В. Н. Топорова «Петербург и Петербургский текст русской литературы» [16] и Ю. М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [9]. При изучении проблематики «памяти места» как сверхтекстовой реальности В. Н. Топорову удалось выявить устойчивую семантику формальной организации текста, которая независимо от авторской интенции способна обозначить набор возможных и релевантных вариантов раскрытия темы, что указало на наличие в тексте семантического ядра, программирующего определенный порядок в реализации содержательных структур текста. [8]. В. Н. Топорову «петербургский текст» представляется «сверхнасыщенной реальностью», «мифом и сферой символического», в которых текст становится мистическим двойником реального места. Являя собой одновременно и репрезентацию, и репрезентуемое, и текст, и Петербург как конкретное пространство, «петербургский текст» идентифицируется как мифологема – реальный сверхтекст, детерминированный внетекстовой эмпирической реальностью.

Таким образом, исследователь обозначает характерное свойство городского текста – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально. Негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли, чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самодостаточны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам «высокой» культуры <…> Срок жизни этих текстов короток, и время поглощает их, – сразу же, если сказанное не услышано и запомнено» [16].

По мысли Ю. М. Лотмана, человек неизбежно создает вокруг себя организованную пространственно-временную среду, где пространство существует, наделяется жизненным ритмом в силу взаимной соотнесенности наполняющих его вещей. Человек, находясь в нем, «сканирует» окружающее пространство и «читает» его по вещным знакам [9]. Таким образом, ученый задает условия: для того чтобы читать «город как текст, нужно ощутить семиотическую фактуру культуры, уловить возникающие знаковые смыслы и стоящие за ними денотаты. Денотат является непременной предпосылкой существования знака, он его во многом детерминирует, облегчает, в какой-то степени, чтение семиотических кодов культуры и истории» [10], [11]. Заслуга Лотмана заключается в раскрытии знаково-символической природы культуры и механизмов ее трансляции на основе применения семиотического метода и теории информации. Любая созданная семиотическая модель города – «это остановленная временная точка», и она просто не может быть адекватной реальности и тождественной нашему представлению о ней. Однако любая искусственно созданная модель очень удобна для исследований. Отсюда следует вывод, что **любая семиотическая модель города ограничена либо в пространстве, либо во времени**. Анализ специфики городского текста, представленный в работах Ю. М. Лотмана, позволил ученому сделать вывод о том, что город представляет собой не только текст, но и механизм порождения текстов. Исходя из заданных Ю. М. Лотманом условий существования семиотических систем, можно обозначить следующие концепции семиотических моделей различных типов городских текстов:

− город как пространство, в котором город выступает носителем синхронных знаков природного ландшафта и объектов материальной культуры ;

− город как время, в котором город генерирует и сохраняет диахронные тексты историко-культурных дискурсов города;

− город как имя, репрезентующий городские мифологемы и интерпретации совокупного средового субъекта. [12].

Исследование города как текста позволило обозначить такие характеристики, как:

− кодовая гетерогенность – «непременная зашифрованность несколькими кодами;

− семиотическая неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовать единый текст;

− способность текста накапливать и постоянно регенерировать свою историю» [9, с. 3].

«….реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сополагаться как бы синхронно» [12, с. 285]. Таким образом, по мнению Ю. М. Лотмана, «символическое бытие предшествовало материальному. **Код предшествовал тексту**» » [9: 3]. Более того, каждый город обладает собственной текстовой составляющей.

В. В. Абдашев следующим образом объясняет рождение «городских текстов»: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношения к нему» [1].

Заслуга Лотмана заключается в раскрытии знаково-символической природы культуры и механизмов ее трансляции на основе применения теории информации и использовании семиотического метода при проведении исследования. Использованный принцип позволил расширить и уточнить эксплуатационные функции городской среды, выделив медийную составляющую в отдельную значимую категорию. Таким образом исследователи смогли выявить и обозначить функционал городского текста. В своей работе «Ярославский текст как семиотическая система» Т. И. Ерохина обозначает следующие «функции текста города: информационная <….>. Общение между аудиторией и культурной традицией <….>. Общение читателя с самим собою <….>. Общение читателя с текстом <….>. Общение между текстом и культурным контестом» [6, с. 267].

В целом городское пространство сегодня в силу его сложности и интегрированности является носителем свойства клиповости. И восприятие городской среды стало дискретным, мозаичным, и как следствие, изменился способ усвоения информации: он стал бессюжетным, фрагментарным. Сюжет городской среды традиционно формировался архитектурными средствами выразительности. Сегодня основные объемы визуальной информации эксплуатируют не столько архитектурно (стилистически)-пространственные изобразительные средства, сколько декоративно-графические изобразительные средства, что переместило медийные акценты с архитектурных доминант на городские системы визуальных коммуникаций. Т. В. Белько отмечает принципиальное конструктивное изменение визуального ритма города: «<….> визуальный ритм города формируется не пространством и формами, которыми оперирует архитектура, а чередованием знаков визуальной коммуникации» [4, с. 1058]. Соображение, высказанное Белько, подтверждается исследованиями Е. А. Забурдонской: «Подчинение формы требованиям места и времени делало ее индивидуальной и неповторимой чаще средствами декорирования на выразительной основе стиля, требующим, в свою очередь, тщательной проектной подготовки. <….> Однонаправленность временной координаты пути подчеркнута особым вниманием среды к текстовой графике» [7, с. 98].

Наиболее целостное отражение синхронного характера организационной структуры систем визуальных коммуникаций в городском пространстве с доминирующим временным параметром находит в популярных (ставших массовыми) явлениях графической художественной культуры: видах (образах) города на фотографиях, рисунках, открытках, марках, почтовых конвертах, комиксах, рекламе во всем разнообразии ее жанров.

Идентификация городской среды как локального текста и интертекстуальной системы, обладающей мифологенным характером, четкое артикулирование информационно-коммуникационной функциональности городской среды позволяет детализировать процесс брендирования территории и однозначно решить проблему выбора выразительно-изобразительных средств имиджевой

рекламы, постановка которой заявлена в работе Л. В. Уховой «Творец в рекламе – больше, чем творец?»: «… что целесообразнее и эффективнее использовать в рекламном тексте, чтобы усилить его продающие способности, – стереотип как упрощенный схематизированный образ социальных объектов и событий, обладающий значительной устойчивостью, или креатив как способ, напротив, нестандартно представить нужную рекламодателю идею» [17, с. 71].

Выбор проводится последовательно: сначала на основе выявленных приоритетов совокупного средового субъекта обозначается архетип, соответствующий ожиданиям адресата и позволяющий наиболее полно выразить идею в концепте имени, – это задает Целостность – концепт проектного образа ;

Затем определяется стереотип, свойства которого позволяют обозначить стилевые доминанты – идентификаторы культурной идентичности совокупного средового субъекта в концепте времени, моделирующих образ бренда;

Затем используется креатив как выбор комплекса изобразительных средств, конструирующих образ бренда в вербальных и визуальных изобразительных средствах.

Таким образом, мы можем зафиксировать модель процесса разработки концепции локального бренда как городского дискурса («Urban imaginary») совокупного средового субъекта.

Библиографический список

1. Абдашев, В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века [Электронный ресурс] / В. В. Абдашев. – URL: httm:// www.dissertcat.com/cjntent/permskii-tekst- v-russkoi-kulture – i – literature – xx – veka

2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст] / Б. Андерсон. – М. : КАНОН – пресс – Ц, 2001. – 288 с.

3. Анцифиров, Н. П. Душа Петербурга [Электронный ресурс] / Н. П. Анцифиров. – URL: http: // fanread.ru/book/1709938;

4. Белько, Т. В. Эволюция визуальных коммуникаций городской среды. / [Текст] / Т. В. Белько // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 14, № 2 (4). – 2012. – С. 1053-1057.

5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.

6. Ерохина, Т. И. Ярославский текст как семиотическая система [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2014. – № 4. – Том 1. – С. 264-268.

7. Заева-Бурдонская, Е. А. Стилевая парадигма дизайна в системе исторической городской среды [Текст] / Е. А. Заева-Бурдонская // Мир науки, культуры, образования, 2008. – № 5 (12). – С. 94-99.

8. Калинин, И. «Петербургский текст» московской филологии [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2. – URL: http: // magazines.russ.ru:

9. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города [Текст] / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры Ученые записки Тартусского государственного университета. 644. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. – Тарту, 1984. – С. 30-45.

10. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1999.

11. Лотман, Ю. М. Актуальные проблемы семиотики культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1987. – 150 с.

12. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2000.

13. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева [Текст] / Г. М. Маклюэн. – Жуковский : «КАНОН – пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

14. Оже, М. От города воображаемого к городу фикции [Электронный ресурс] / М. Оже // Художественный журнал, 1999. – № 24. – URL: http:// www.guelman.ru/xz/362//xx24/x2402.htm

15. Сойя, Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов [Текст] / Э. Сойя. – М. : Логос, 2003. – № 6 (40). – С. 133-150.

16. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» [Текст] / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал, Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259-367.

17. Ухова, Л. В. Творец в рекламе – больше, чем творец? [Текст] // Л. В. Ухова // Ярославский педагогический вестник, 2015. – № 1. – Том 1. – С. 66-73.

18. Харламов, Н. Городские виды, реальные и воображаемые [Электронный ресурс] // Синий диван, 2008. – № 12. – URL: http:// sinijdivan.narod.ru //sd12rez3.htm;

19. Highmore, B. Cityscapes: Cultural Readings in the Material and Symbolic City. – Houndmills and London: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p. ;

20. John Rennie Short. Urban Theory: A Critical Assessment. – New York : Palgrave Macmillan, 2006. – 258 pp.

21. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London and New York: Routledge, 2004.;

22. Other Cities, other worlds: Urban Imaginaries in Globalizing Age (2008). – Durham, North Caroina : Duke University Press. – 336 p.

23. Urban Imaginaries: Locating the Modern City (2007) / Cinar A., Bender T. – University of Minnesota Press, Minneapolis, London. – 290 p.

Reference List

1. Abdashev, V. V. Permskij tekst v russkoj kul'ture i literature HH veka = The Perm text in the Russian culture and literature of the XX century [Jelektronnyj resurs] / V. V. Abdashev. – URL: httm:// www.dissertcat.com/cjntent/permskii-tekst- v-russkoi-kulture – i – literature – xx – veka

2. Anderson, B. Voobrazhaemye soobshhestva = The imagined communities [Tekst] / B. Anderson. – M. : KANON – press – C, 2001. – 288 s.

3. Ancifirov, N. P. Dusha Peterburga = Soul of St. Petersburg [Jelektronnyj resurs] / N. P. Ancifirov. – URL: http: // fanread.ru/book/1709938;

4. Bel'ko, T. V. Jevoljucija vizual'nyh kommunikacij gorodskoj sredy = Evolution of visual communications of the urban environment [Tekst] / T. V. Bel'ko // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk = News of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. – T. 14, № 2 (4). – 2012. – S. 1053-1057.

5. Bodrijjar, Zh. Simvolicheskij obmen i smert' = Symbolical exchange and death [Tekst] / Zh. Bodrijjar. – M. : Dobrosvet, 2000. – 387 s.

6. Erohina, T. I. Jaroslavskij tekst kak semioticheskaja sistema = The Yaroslavl text as a semiotics system [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2014. – № 4. – Tom 1. – S. 264-268.

7. Zaeva-Burdonskaja, E. A. Stilevaja paradigma dizajna v sisteme istoricheskoj gorodskoj sredy = Style paradigm of design in the system of the historical urban environment [Tekst] / E. A. Zaeva-Burdonskaja // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija = Mir nauki, kultury, obrazovaniya 2008. – № 5 (12). – S. 94-99.

8. Kalinin, I. «Peterburgskij tekst» moskovskoj filologii = «St. Petersburg text» of Moscow philology [Jelektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas = Neprikosnovennyj zapas. – 2009. – № 2. – URL: http: // magazines.russ.ru:

9. Lotman, Ju. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda = Symbolics of St. Petersburg and problem of semiotics of the city [Tekst] / Ju. M. Lotman // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta. 644. Trudy po znakovym sistemam. Vyp. XVIII = Semiotics of the city and city culture Scientific notes of Tartu state university. 644. Works on sign systems. Issue XVIII. – Tartu, 1984. – S. 30-45.

10. Lotman, Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija = In the thinking worlds. The person – the text – semiosphere – history [Tekst] / Ju. M. Lotman. – M., 1999.

11. Lotman, Ju. M. Aktual'nye problemy semiotiki kul'tury = Current problems of semiotics of culture [Tekst] / Ju. M. Lotman. – Tartu, 1987. – 150 s.

12. Lotman, Ju. M. Semiosfera = Semiosphere [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo – SPb, 2000.

13. Makljujen, G. M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka = Understanding of media: external expansions of the person [Tekst] / per. s angl. V. G. Nikolaeva / G. M. Makljujen. – Zhukovskij : «KANON – press-C», «Kuchkovo pole», 2003. – 464 s.

14. Ozhe, M. Ot goroda voobrazhaemogo k gorodu fikcii = From the city imagined to the city of fiction [Jelektronnyj resurs] / M. Ozhe // Hudozhestvennyj zhurnal = Khudozhestvennyj zhurnal, 1999. – № 24. – URL: http:// www.guelman.ru/xz/362//xx24/x2402.htm

15. Sojja, Je. Postmetropolis. Kriticheskie issledovanija gorodov i regionov = Post-metropolis. Critical researches of cities and regions [Tekst] / Je. Sojja. – M. : Logos, 2003. – № 6 (40). – S. 133-150.

16. Toporov, V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» = St. Petersburg and "St. Petersburg text of the Russian literature" [Tekst] / V. N. Toporov // Mif. Ritual, Simvol. Obraz: issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: izbrannoe = Myth. Ritual, Symbol. Image: researches in the field of mythopoetic: selected. – M. : Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. – S. 259-367.

17. Uhova, L. V. Tvorec v reklame – bol'she, chem tvorec? = Is the creator in advertizing more than the creator? [Tekst] // L. V. Uhova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2015. – № 1. – Tom 1. – S. 66-73.

18. Harlamov, N. Gorodskie vidy, real'nye i voobrazhaemye = Urban views, real and imagined [Jelektronnyj resurs] // Sinij divan = Sinij divan, 2008. – № 12. – URL: http:// sinijdivan.narod.ru //sd12rez3.htm;

19. Highmore, B. Cityscapes: Cultural Readings in the Material and Symbolic City. – Houndmills and London: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p.

20. John Rennie Short. Urban Theory: A Critical Assessment. – New York : Palgrave Macmillan, 2006. – 258 pp.

21. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London and New York: Routledge, 2004.;

22. Other Cities, other worlds: Urban Imaginaries in Globalizing Age (2008). – Durham, North Caroina : Duke University Press. – 336 p.

23. Urban Imaginaries: Locating the Modern City (2007) / Cinar A., Bender T. – University of Minnesota Press, Minneapolis, London. – 290 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10222

УДК 81:39

Ж. К. Гапонова

https://orcid.org/0000-0001-9248-226X

Самоидентификация провинциала в массовом сознании современной России

Выполнено по гранту РНФ № 14-18-01833-II

В статье предпринята попытка осуществить междисциплинарный лингвокультурологический подход к лексеме-понятию *провинциал*, так как интерес к теме русской провинции способствовал тому, что, обрастая различными коннотациями, слово стало концептуально значимым для массового сознания. Ответ на вопрос о том, кто такой русский провинциал, дается на основе результатов специально проведенного опроса, в котором приняли участие 150 человек (возраст от 19 до 40 лет, половина из них – коренные жители Москвы и Санкт-Петербурга, другая часть – жители Ярославской области). Стереотипные представления о русском провинциале выражаются в бинарных оппозициях, имплицитно присутствующих в многообразных ассоциативных связях, полученных в результате эксперимента: 1) житель столицы – житель других городов (вариация: представитель столицы – представитель регионов); 2) центр – периферия; 3) город – деревня (включая атрибуты деревенской жизни); 4) образование – отсутствие образования или его невысокий уровень; 5) чувство стиля в одежде (имиджевая характеристика) – отсутствие чувства стиля; 6) образ жизни, ориентированный на достижение успеха, – пассивное существование; 7) внутренняя гармония – дисгармония; 8) динамичность – статичность; 9) лень – активная деятельность. Портрет русского провинциала, составленный на материале проведенного опроса, а также в результате сравнения полученных данных с материалами интернет-источников, современной публицистики и литературы, показал, что русский провинциал – это человек, парадоксально сочетающий в себе разнополюсные характеристики: гордость своим происхождением с одновременным ощущением собственной неполноценности, неиссякаемое трудолюбие с мощной недооценкой себя. *Русский провинциал*, безусловно, емкое и концептуально значимое понятие для понимания русского менталитета и русской культуры.

Ключевые слова: русский провинциал, русская провинция, массовое сознание, опрос, ассоциации, бинарные оппозиции.

Zh. K. Gaponova

Self-Identification of the Provincial in Mass Consciousness of Modern Russia

In the article an attempt is made to carry out a cross-disciplinary linguoculturological approach to the lexeme-concept the provincial as the interest in the subject of the Russian province promoted that, acquiring various connotations, the word became conceptually significant for mass consciousness. The answer to the question of who the Russian provincial is, is given on the basis of results of the specially conducted survey in which 150 people participated (age from 19 to 40 years, a half of them – original residents of Moscow and St. Petersburg, the other part – residents of the Yaroslavl region). Stereotypic ideas of the Russian provincial are expressed in the binary oppositions which are implicitly present at the diverse associative communications received as a result of the experiment: 1) the resident of the capital – the resident of other cities (a variation: the representative of the capital – the representative of regions); 2) the center – the periphery; 3) the city – the village (including attributes of rural life); 4) education – lack of education or its low level; 5) sense of style in clothes (image characteristic) – lack of the sense of style; 6) the way of life focused on achievement of success – passive existence; 7) internal harmony – disharmony; 8) dynamism – static character; 9) laziness – vigorous activity. The portrait of the Russian provincial made on material of the conducted survey and also as a result of comparison of the obtained data with materials of Internet sources, modern journalism and literature, showed that the Russian provincial is the person who is paradoxically combining different poles characteristics: pride of the origin with simultaneous feeling of own inferiority, inexhaustible diligence with powerful underestimation. The Russian provincial, certainly, is a capacious and conceptually significant concept for understanding of the Russian mentality and the Russian culture.

Keywords: Russian provincial, Russian province, mass consciousness, survey, associations, binary oppositions.

Тема русской провинции и, соответственно, осознания себя или другого провинциалом остается актуальной в исследованиях культурологов уже не одно десятилетие, однако трансформируются представления об этом понятии, расширяются границы его толкования и определения, ему даются новые оценочные характеристики. В данной статье мы попытаемся осуществить лингвокультурологический подход к лексеме-понятию *провинциал*, так как, на наш взгляд, интерес к теме

© Гапонова Ж. К., 2018

русской провинции, не угасающий в научной среде исследователей-культурологов, историков, социологов, способствовал тому, что, обрастая различными коннотациями, слово стало концептуально значимым для русского менталитета. Особый смысл имеет интересующая нас лексема для массового сознания, которое в России достаточно часто нагружает его отрицательными коннотациями, и для массовой культуры, в которой представление о провинциале (образ, типаж, маска), об особенностях повседневной жизни в провинции и сама мысль о провинциальной среде являются имплицитно значимыми, но парадоксально замалчиваемыми.

Ярославскими культурологами достаточно давно и детально исследуется *русская провинция* как специфический и соотносимый с мировой культурной традицией феномен [9]. В 2007 году впервые в советской и постсоветской практике создания энциклопедий появилась статья «*Провинция*», написанная Т. С. Злотниковой для издания «Культурология. Энциклопедия» [5]. Метафора «русская провинция», по мнению наших ярославских коллег и других исследователей, «может наполняться различными содержаниями в зависимости от своей пары, с которой вступает в разъясняющее сопоставление, причем как содержательное, так и смысловое наполнение будет обоюдным, обновляющим [7, с. 126]. При этом русская провинция «включает в себя ряд парадоксов, в которых интегрированы философские (мировоззренческие, трансцендентные) и эстетические (художественно-образные) составляющие», а личность русского провинциала воплощает «глубоко противоречивые духовные основы жизни России» [6]. В настоящее время речь может идти даже о специальном разделе культурологии – провинциологии.

Соотносимым как в культурологическом, так и в лингвистическом планах с метафорой «*русская провинция*» является словосочетание «*русский провинциал*». Повторим, в настоящем исследовании нас интересует лингвокультурологический аспект бытования понятия, которое стало концептом.

С точки зрения словообразования слово *провинциал* является суффиксальным образованием от *провинция*. Следует сразу заметить, что если лексема и концепт *провинция* в течение последних 30 лет (когда осуществился резонанс поисков начала XX века) достаточно активно были востребованы в академических исследованиях, публицистике и художественных практиках, то лексема и концепт *провинциал* оказались в тени исходного по отношению к ним понятия.

Кто же такой *русский провинциал*? Ответ на этот вопрос мы пытаемся дать, представив результаты специально проведенного в интересах данного исследования опроса (март-май 2018 г.), который был направлен на выявление представлений о русском провинциале. В опросе приняли участие 150 человек (возраст от 19 до 40 лет, почти половина из них – коренные жители Москвы и Санкт-Петербурга, другая часть – жители Ярославской области). Отдельно стоит отметить, что все участники опроса или уже имеют высшее образование (2/3 из них работает в сфере образования), или его получают.

Респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов:

− *Назовите 2-3 синонима (слова, близкие по значению) к слову «провинциальный»;*

− *Подберите несколько прилагательных к слову «провинциал»;*

− *Назовите занятия, которым Вы отдадите предпочтение в свободное время;*

− *Узн**а**ете ли Вы провинциала в толпе?;*

− *Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Вы или Ваши дети поучились в учебном заведении под названием «Провинциальный колледж»?;*

− *Ранжируйте ценности из ряда предложенных в порядке значимости для Вас (при необходимости предложите свои варианты)…*

Кроме того, респондентам было предложено поучаствовать в свободном ассоциативном эксперименте, связанном с осмыслением слова-стимула *провинциал* (в течение 1 минуты респонденты записывали ассоциации, возникавшие у них спонтанно). Несмотря на то, что исследователи достаточно давно обращаются к психолингвистической методике ассоциативного эксперимента [2], созданы специальные ассоциативные словари, позволяющие в течение короткого времени узнавать реакции на различный стимульный материал (например: *личность, город, деревня* и многие другие) [12], отмечаем: к сожалению, представления о *провинциале* нам не удалось найти в имеющихся материалах. Ассоциации, полученные в результате организованного нами опроса, достаточно разноплановы: нейтральные с точки зрения оценочных характеристик; имеющие как положительные, так и отрицательные коннотации. Для нас представляют интерес ассоциации, которые повторяются хотя бы в двух анкетах и свидетельствуют о клишированности взглядов на русского провинциала.

На основе полученных данных, отражающих оценочные, рефлексивные и культурологические оценки/комментарии, связанные с указанным словом-стимулом, мы ниже представим, каким обра-

зом идентифицирует себя провинциал и каким он видится столичным жителям, не-провинциалам. Деление на провинциалов и не-провинциалов мы осуществили благодаря субъективно детерминированным, но именно поэтому неформально, сущностно информативным ответам на последний вопрос анкеты: «*Считаете ли Вы себя провинциалом?*» Самоидентификация выборки такова: провинциалами считают себя почти 2/3 респондентов, среди которых присутствуют коренные жители Москвы и Санкт-Петербурга. Таким образом, в анкетировании завуалированно для респондентов звучал вопрос «Кто я?», в результате ответа на который проявлялись социокультурные, гендерные, ценностные и другие характеристики личности, пытающейся себя идентифицировать через вербальный уровень – слово.

Согласно результатам проведенного нами в 2018 году опроса и полученным в ходе эксперимента данным, стереотипные представления о русском провинциале можно выразить в бинарных оппозициях, имплицитно присутствующих в полученных нами многообразных ассоциативных связях.

Соотносясь с проводившимся в течение нескольких лет исследованиями ярославских ученых, можем отметить, что результаты проведенного нами анкетирования в некоторой степени коррелируют с данными письменного опроса студентов ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, проведенного в 2013 году в рамках проекта «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах». В нем студентам «было предложено продолжить фразу „Чем русская провинция отличается от …" и аргументировать свой ответ» [9, с. 236].

Итак, в ходе анализа анкет и результатов ассоциативного эксперимента нами были обнаружены следующие бинарные оппозиции: 1) житель столицы – житель других городов (вариация: представитель столицы – представитель регионов); 2) центр – периферия; 3) город – деревня (включая атрибуты деревенской жизни). На наш взгляд, эти бинарные оппозиции в определенной степени дополняют друг друга, что проявляется в соответствующих ассоциациях.

Ассоциативное восприятие провинциала через пространственные локусы, причем часто вполне конкретные, вплоть до определенных населенных пунктов (*Ярославль, Рыбинск, Ростов, Переславль-Залесский, Гаврилов-Ям*), является самым распространенным: *деревня, уезд, село, маленький город, уездный город, окраина, периферия, за чертой, не столица; из глубинки; магазин за километр; рынок, церковь, изба, печь, пыль, деревянные дома, серые дома, домики, домишки*. В последних ассоциациях противопоставление городских высоток деревенским домам выражено в том числе и через уменьшительные суффиксы. Характерны для массового сознания прилагательные, с которыми сочетаются существительные и которые приобретают оценочную характеристику: *маленький, серый, уездный, деревянный*. Сюда же можно отнести ассоциации, свидетельствующие о восприятии провинциальной (а потому, по умолчанию, и деревенской) жизни, связанной с природными просторами, ощущением свободы от каких-либо пространственных границ: *раздолье, природа, лес, озеро, пруд, чистый воздух, луг, костер.*

Рассмотрим ассоциации, которые мы отнесли к следующим бинарным оппозициям: 4) *плохая речь, говор, привычки, выбиться в люди, деревню из него не вывести, простой как пять рублей, дурные манеры* (образование – отсутствие образования или его невысокий уровень); 5) *сарафан, не в моде, блестки, стразы, неухоженные ногти, желтые зубы, небрежность, неэлегантность, безвкусица* (чувство стиля в одежде (имиджевая характеристика) – отсутствие чувства стиля); 6) *сериал, огород/дача, грядки, спокойная жизнь, диван, Обломов, «Обыкновенная история»* (образ жизни, ориентированный на достижение успеха, – пассивное существование); 7) *насмешки, удивление, одиночество, множество мыслей, сравнение, романтика* (внутренняя гармония – дисгармония); 8) *приезжий, переезд, переехал, приехал, чужой, общежитие* (динамичность – статичность); 9) *трудяга, мало рабочих мест; бедность, бюджет, нищета, усталость* (лень – активная деятельность).

Во многих анкетах нам встретились попытки дать в качестве слов-ассоциаций на стимул *провинциал* тождественные, по мнению респондентов, лексемы-понятия. В результате выстроился следующий синонимический ряд: *регионал, приезжий, маленький человек; замкадыш, филистер, простак, чужак*. Как видим, некоторые из таких наименований содержат либо нейтральную – хотя без контекстов однозначно говорить об этом сложно – (*регионал, приезжий*), либо явно отрицательную оценку, вплоть до презрительной (*замкадыш*) и при этом по смыслу просто неграмотной (*филистер*). Представленные слова-ассоциации актуализируют различные аксиологические признаки слова *провинциал*: навсегда закреплен за определенным регионом (*регионал*); приехал на какое-то время или недавно, при этом неважно откуда (*приезжий*); отличающийся от остальных, чуждый какой-либо среде или кому-либо по духу / посторонний (*чужак*); человек с узкими взгляда-

ми, преданный рутине, невежественный (*филистер*); находящийся за пределами центра или столицы (*замкадыш*, причем слово явно вписывается в ряд лексем с суффиксом *–ыш-*, выражающих семантику пренебрежения, ср. *заморыш, подкидыш, оборвыш, опарыш* и т. п.). Большинство ассоциаций, воспринимаемых в качестве слов-синонимов к существительному *провинциал*, было предложено участниками опроса из Москвы и Санкт-Петербурга, где, по-видимому, деление на провинциалов / не-провинциалов выражено наиболее явно.

Репрезентативной, на наш взгляд, оказалась возможность сопоставить материалы, полученные в результате нашего собственного опроса, с обнаруженными и комплементарно соотносимыми данными интернет-статьи, в которой семь женщин из Москвы рассуждают о мужчинах-провинциалах (2017 г.): «… для меня провинциальность – это хамство, чванство, узость интересов, жадность, склочность» [1].

Проведенный нами опрос показывает: портрет провинциала, увиденного глазами столичных представителей получается непривлекательным, а провинциальный образ жизни описывается как «инертное, пассивное, безрадостное и беспросветное, полное равнодушия к себе и своим близким» существование. Важно отметить, что в суждениях о провинциалах звучат ноты упрека, осуждения: оценивая профессиональные компетенции провинциалов, представители столицы отмечают их неумение себя преподносить, «продавать», отсутствие «звездной болезни» у настоящих специалистов своего дела, более низкую самооценку по сравнению со столичными специалистами [1]. Как видим, отрицательные коннотации слова *провинциал* устойчивы для жителей столиц.

В проведенном нами опросе приоритеты, которые были выявлены в рейтинге ценностей провинциалов, прежде всего, связаны с семьей, детьми, собственным здоровьем и здоровьем близких, любовью, дружбой, сплоченностью, стремлением учиться. Полученные данные сопоставимы с результатами письменного социокультурного опроса, проведенного в 2014 году учеными научно-образовательного центра «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности» при ЯГПУ им. К. Д. Ушинского: «Серый, неуютный и даже устрашающий контекст окружающей действительности, по-видимому, формирует определенные характеристики, едва ли не менталитет провинциального жителя: „в основном он заключается в ведении собственного хозяйства, продолжении рода, а не самореализации”» [10].

В отличие от жителей столичных городов незначительная часть людей, принимающих участие в организованном нами опросе 2018 года и считающих себя провинциалами, среди первостепенных ценностных ориентаций выделила *успешность, работу/бизнес, материальное благополучие, попытки «выбиться в люди»*. Подобные ценностные ориентации, свидетельствуют, на наш взгляд, о подчас неосознаваемой возможности «вытолкнуть» провинциальное из своего представления о себе.

Анализ прилагательных, встречающихся в ответах на поставленные нами вопросы и явно свидетельствующих о конкретной положительной/отрицательной оценке провинциала, показал определенную тенденцию: преобладание слов с положительной коннотацией при наличии нейтральных и явно отрицательных характеристик; встречаются даже прямо противоположные определения. В зависимости от актуализации в массовом сознании современных жителей России соответствующего параметра (сформулированные нами бинарные оппозиции) выявляются следующие характеристики провинциала: *близкий к природе, глупый, готовый помочь, добрый, добрейший, жалостливый, забитый, заботливый, завистливый, замкнутый, искренний, интересующийся, малозарабатывающий, малообразованный, медленный, наглый, неосведомленный, неравнодушный к людям, нерешительный, неуклюжий, неэстетичный, общительный, обыденный, обыкновенный, обычный, открытый, отсталый, порядочный, пошлый, простодушный, свободный, серый, скромный, сонный, темный, тихий, усталый, уютный, хабалистый, эмоциональный*.

Особого внимания заслуживает анализ ответов на вопрос анкеты об отношении учебы собственной или своих детей в Провинциальном колледже – одном из самых известных и престижных учебных заведений г. Ярославля (практически во всех ответах, полученных в ходе нашего опроса и принадлежащих жителям Ярославской области, среди ассоциаций на слово-стимул *провинциал* присутствовала ассоциация «*Провинциальный колледж*»). Имплицитно стало очевидно, что само словосочетание «Провинциальный колледж» представляет собой некую антитезу, своего рода парадокс, возникающий в результате осмысления названия учебного заведения: слово *колледж*, отсылающее нас к британским элитарным учебным заведениям (причем в Ярославле «Провинциальный колледж» – это грамотно реализованный образовательный и, шире, интеллектуальный, социально-нравственный, просветительский проект, уникальный в своем роде, сопоставимый с Цар-

скосельским лицеем или Тенишевским училищем, где ученики объединялись сферой общих интересов), сочетается с прилагательным *провинциальный*, вызывающим в сознании русского человека, как показывают результаты опросов, не всегда положительные ассоциации. Появление такого учебного заведения в Ярославле, обладающего признаками элитарности (малочисленность, большой конкурс, высокие рейтинги по России), можно расценивать как своего рода желание преодолеть провинциальный комплекс. При этом ответы на вопрос о желании учиться в Провинциальном колледже были достаточно предсказуемы: жители Москвы и Петербурга отказались бы от такого предложения, мотивируя свое решение предпочтением столичного образования провинциальному (по-видимому, на формирование мнения относительно обучения в указанном заведении все-таки оказывала влияние элементарная неосведомленность относительно истории и статуса учебного заведения, поэтому прилагательное *провинциальный* приобретает в сознании жителей Москвы и Санкт-Петербурга в таком контексте дополнительный отрицательный оттенок значения). Практически все участники проведенного нами опроса, кто живет в Ярославской области, отмечают свое согласие на обучение в этом учебном заведении. Некоторые сопровождают положительный ответ словами «*с удовольствием, с интересом, хоть сейчас*».

Проанализировав ассоциации участников организованного нами опроса на слово-стимул *провинциал,* а также ответы на вопросы анкеты, мы продолжили контент-анализ сравнением понятий, представленных на уровне массового сознания, с теми, которые встречаются в современной художественной и публицистической литературе. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) дает возможность, исходя из имеющихся в базе текстов, выявить те характеристики, которые сопровождают это слово в различных контекстах, то есть составить своего рода художественно-публицистический портрет русского провинциала, выявив семантическое поле, не затронутое в ответах респондентов, реплики которых наглядно, но иногда достаточно поверхностно представляют массовое сознание.

Мы обнаружили, что употребление слова *провинциал* фиксируется НКРЯ с конца XVIII века [11]. Наибольшая частотность появления этого существительного отмечается лишь в конце 90-х – начале 2000-х годов. Современные примеры употребления анализируемой лексемы в сочетании с прилагательными актуализируют такие стереотипные представления о провинциале, как переезд в столицу из маленького города, деревни (*Наоборот, я горжусь и всегда гордился тем, что я – **деревенский человек**. **Провинциал**. Именно провинциалами прирастают богатства столиц <…> Но я – не он. Я – **провинциал! Приезжий*** [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]); простоту, бесхитростность (*В первое же утро за завтраком она объявила ему, что он – **неотесанный провинциал**, и что ему следует избавляться от украинского «хэканья» и учить испанский* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)]); отсутствие хороших манер и вкуса (*Барашек еще куда ни шло, ну цыгейка, но чтоб норка… **Явный провинциал**. **И чемодан, перетянутый брезентовыми ремнями*** [Александр Архангельский. Послание к Тимофею (2006)]); финансовую несостоятельность – бедность, как следствие – попытку закрепиться в столице посредством вступления в брак (*Не красавец, не герой, **нищий провинциал**, которому, очень может быть, **была нужна** не я, а моя однокомнатная **жилплощадь***. [Галина Щербакова. Моление о Еве (2000)]); удивительное трудолюбие (*К тому же **провинциал**, командированный в центр, **работает как зверь** – вдруг его оценят и не отпустят обратно в Пензу?* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]); боязнь выделиться из массы (*Больше всего на свете **провинциалочка боится быть собой: вести себя не так**, как ей удобно и хочется, а в соответствии с ожиданиями провинциального общества* // https://superlove.mirtesen.ru/blog/43595257898/Provintsialochki). Таким образом, художественно-публицистический портрет русского провинциала складывается из «говорящих» деталей вроде чемодана, перетянутого ремнями (возможно, эта деталь актуализирует не только внешний узнаваемый образ провинциала, но и его страхи быть обманутым или ограбленным по приезде в столицу), и эпитетов, нагруженных чаще отрицательными коннотациями, отражающими стереотипы массового сознания: *деревенский, нищий, простоватый*. Некоторые эпитеты оказываются достаточно емкими по семантике, т. к. включают в свое значение одновременно характеристики внешности, интеллектуальных способностей, черт характера, например: *В это время проживающий здесь же, на соседних улицах, **мрачный провинциал** Андрей Рубанов, выросший и осознавший себя в деревне Узуново, тощий, костлявый, **нервный**, скрипел зубами и хватался за любое предложение, сулящее лишний капиталец на кармане.* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]; *Там его ждал брат жены Петр, **дремучий провинциал** из Тюмени.* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)].

Особого внимания заслуживает такой пример:

– *Вы, наверное, хотите что-нибудь оригинальное. Рекомендуюресторан «Провинциал». Там не тольковкусно, но и интересно* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]. Провинциальное воспринимается как нечто экзотическое, оригинальное, любопытное, необычное, что является новым в восприятии провинции и провинциала по сравнению с данными, полученными в ходе организованного нами опроса.

Особенно ценными штрихами к портрету русского провинциала являются, на наш взгляд, материалы газетного подкорпуса НКРЯ (мы рассматривали материалы 2000-х годов), поскольку некоторые из них представляют собой выдержки из интервью, а следовательно, дают самопредставление тех, кто считает себя провинциалом. *Провинциал* предстает как емкое понятие, отражающее и даже равное соответствующему мироощущению и жизнеустроению, например: ***Провинциал*** *– это, если хотите,* ***целая философия жизни*** [Ольга Ермолаева. Леонид Филатов: «Это целая философия...» // «Известия», 2001.10.12]. Провинциалом называют того, кто не способен признать и восхититься новыми веяниями, исходящими от любого центра, как географического, так и культурного: *Кому не понравилось, тот* ***жалкий провинциал****. В столице театр на Таганке модернизирует «команда во главе с Дмитрием Волкостреловым, присланная департаментом культуры Москвы»* [Илья Смирнов. Алло! Это прачечная? // Известия, 2014.02.14]. Как показывает пример, в представлениях о провинциале актуализируются не только географические координаты пребывания человека, но и его малообразованность, отсутствие эстетического вкуса. При этом если провинциал вошел в «столичную тусовку» или каким-то образом прославился, то в газетах и журналах отмечаются такие его качества, как душевность, трудолюбие, стремление учиться, умение приспосабливаться к разным условиям, терпеливость, застенчивость и скромность, например: *Любящий всех и каждого молодой* ***провинциал*** *отнюдь не эгоист, он самая настоящая мировая душа, пусть и в масштабах коммуналки* [Анастасия Ким Блажен, кто смолоду был молод // РБК Daily, 2008.12.16]; *Я и сам* ***провинциал****, и хочу за нас, провинциалов, вступиться: не ради денег и славы приехали мы «покорять столицу», а чтобы получить здесь подобающее образование и эффективнее послужить отечественной культуре* [Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7, 2003.03.27].

Отношение к провинциалам неоднозначное, но, безусловно, оно меняется, как меняется определение и оценка себя самими провинциалами: *Мы в плену своих предрассудков. Я* ***провинциал****. Я знаю, что провинция сейчас при Путине поднимается* [Анна Балуева, Александр Гамов. Тимоти Колтон, профессор Гарвардского университета (США): «Народ не заметил, как Ельцин бросил пить» // Комсомольская правда, 2013.10.30].

Портрет русского провинциала, составленный на материале проведенного нами опроса, а также в результате сравнения полученных данных с материалами интернет-источников, современной публицистики и литературы, показал, что в массовом сознании, отрефлексированном его анонимными субъектами в обыденной жизни и авторами публицистических и художественных текстов, русский провинциал – это человек, парадоксально сочетающий в себе разнополюсные характеристики: гордость своим происхождением с одновременным ощущением собственной неполноценности, неиссякаемое трудолюбие с мощной недооценкой себя. Таким образом, *русский провинциал*, безусловно, емкое и концептуально значимое понятие для понимания русского менталитета и русской культуры, требующее пристального внимания и анализа.

Библиографический список

1. Бедарева, О. Что привлекает московских женщин в мужчинах из провинции и что отталкивает? Портрет провинциала эпохи интернета – честно и без купюр [Электронный ресурс]. – URL: https://www.executive.ru/career/lichnaya-effektivnost/1986492-7-priznakov-provintsiala-ispravte-eto-nemedlenno

2. Глухов, В. П. Основы психолингвистики [Текст] : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – М. : АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

3. Густякова, Д. Ю., Шахова, Е. А. Модель культуры русской провинции: социокультурное исследование в имперсональном и персональном дискурсах [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2013. – № 3. – Т. 1. – С. 225-229.

4. Злотникова, Т. С. Провинциальная культура как объект прикладной культурологии [Текст] // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / под ред. И. М. Быховской. – М., 2010.

5. Злотникова, Т. С. Провинция [Текст] // Культурология: энциклопедия. В 2 т. : Т. 2. – М., 2007.

6. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И. Глобализационный и аутентичный контексты российской массовой культуры [Текст] // Обсерватория культуры. – 2017. – № 14(3). – С. 268-277.

7. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н.,

Киященко, Л. П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры [Текст] // Вопросы философии, 2014. – № 11. – С. 125-136.

8. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Новиков, М. В. Человек в современной российской провинции (концепции и направления социокультурного исследования) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 218-223.

9. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах [Текст] : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013.

10. Летина, Н. Н., Еремин, А. В., Шапошников, В. А. Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции (по материалам социокультурного исследования) [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2014. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 259-263.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruscorpora.ru.

12. Русский ассоциативный словарь [Текст] : в 2 т. Т. I. От стимула к рекции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.

Reference List

1. Bedareva, O. Chto privlekaet moskovskih zhenshhin v muzhchinah iz provincii i chto ottalkivaet? Portret provinciala jepohi interneta – chestno i bez kupjur = What attracts Moscow women in men from the province and what pushes away? A portrait of the provincial of the era of the Internet – it is honest also uncensored [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.e-executive.ru/career/lichnaya-effektivnost/1986492-7-priznakov-provintsiala-ispravte-eto-nemedlenno

2. Gluhov, V. P. Osnovy psiholingvistiki = Fundamentals of psycholinguistics [Tekst] : ucheb. posobie dlja studentov pedvuzov / V. P. Gluhov. – M. : ACT: Astrel', 2005. – 351 s.

3. Gustjakova, D. Ju., Shahova, E. A. Model' kul'tury russkoj provincii: sociokul'turnoe issledovanie v impersonal'nom i personal'nom diskursah = The model of culture of the Russian province: a sociocultural research in impersonal and personal discourses [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2013. – № 3. – T. 1. – S. 225-229.

4. Zlotnikova, T. S. Provincial'naja kul'tura kak ob#ekt prikladnoj kul'turologii = Provincial culture as an object of applied cultural science [Tekst] // Kul'turologija: fundamental'nye osnovanija prikladnyh issledovanij = Culturology: fundamental bases of applied researches / pod red. I. M. Byhovskoj. – M., 2010.

5. Zlotnikova, T. S. Provincija = Province [Tekst] // Kul'turologija: jenciklopedija = Culturology: encyclopedia. V 2 t. : T. 2. – M., 2007.

6. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I. Globalizacionnyj i autentichnyj konteksty rossijskoj massovoj kul'tury = Globalization and authentic contexts of the Russian popular culture [Tekst] // Observatorija kul'tury = Observatoriya kultury. – 2017. – № 14(3). – S. 268-277.

7. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Letina, N. N., Kijashhenko, L. P. Russkaja provincija v filosofskom diskurse: konceptualizacija metafory = The Russian province in philosophical discourse: conceptualization of a metaphor [Tekst] // Voprosy filosofii = Voprosy filosofii, 2014. – № 11. – S. 125-136.

8. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Novikov, M. V. Chelovek v sovremennoj rossijskoj provincii (koncepcii i napravlenija sociokul'turnogo issledovanija) = The person in the modern Russian province (concepts and directions of a sociocultural research) [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin – 2014. – № 3. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 218-223.

9. Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizacionnom diskursah = The model of culture of the Russian province in authentic, historical and typological and globalization discourses [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj, N. N. Ljotinoj, M. V. Novikova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013.

10. Letina, N. N., Eremin, A. V., Shaposhnikov, V. A. Prioritety i perspektivy cheloveka v sovremennoj rossijskoj provincii (po materialam sociokul'turnogo issledovanija) = Priorities and prospects of the person in the modern Russian province (on materials of a sociocultural research) [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2014. – № 4. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 259-263.

11. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = Russian National Corpus [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.ruscorpora.ru.

12. Russkij associativnyj slovar' = Russian associative dictionary [Tekst] : v 2 t. T. I. Ot stimula k rekcii: Ok. 7000 stimulov / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov. – M. : AST–Astrel', 2002. – 784 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10223

УДК 32.019.5

О. Л. Цветкова

https://orcid.org/0000-0003-4297-3567

Генезис общества потребления в постсоветской России и культурное влияние США

В статье рассматриваются особенности культурного влияния США на Россию после распада Советского Союза. Анализируется концепция «мягкой силы» (идеология – внешняя политика – культура) в качестве философского основания осуществляемого влияния. При этом именно культуре, прежде всего массовой культуре, в триаде «мягкой силы» отводилась заглавная роль ретранслятора и глобального канала в процессе аксиологического инкорпорирования. Акцентируется внимание на том, что основным проводником «мягкой силы» выступало не государство, а общественные институты, включая образование, различные частные фонды и т. д. Этот процесс усугублялся кризисом идентичности россиян, связанным с турбулентностью постсоветских реалий. Особую роль в этом процессе сыграли СМИ в качестве символических медиа власти. Реклама становится как экономическим, так и политическим и культурным фактором, ее влияние на деполитизацию российского общества было решающим. Обещание «дивного нового мира» было исключительным искушением в измученной вечным дефицитом стране. Индустрия рекламы как фарватер массовой культуры конца XX в. – мощнейший конструктор по производству и навязыванию потребностей. Особую роль в создании медиареальности сыграла телевизионная реклама. К концу XX в. в России в полном объеме сформировалось общество потребления, в котором под эфемерной свободой «исключительного богатства выбора» завуалированно осуществляется тотальный контроль, преследующий глобальную цель – создание гомогенного общества, где каждый его член фрагментируется, стандартизируется и унифицируется в соответствии с латентным запросом системы мира транснациональных корпораций и «глобальной демократии». Были не только успешно внедрены установки и система ценностей американского образа жизни, но и сформированы фундаментальные установки общества потребления в России рубежа тысячелетий.

Ключевые слова: культурное влияние, «мягкая сила», потребности, статус, симулякр, бренд, реклама, стереотип, аномия, семиократия, массовая культура, обладание, ценность, глобализация.

O. L. Tsvetkova

Genesis of Consumer Society in Post-Soviet Russia and US Cultural Influence

The article discusses the features of US cultural influence on Russia after the collapse of the Soviet Union. The concept of «soft power» (ideology – foreign policy – culture) is analyzed as the philosophical basis of the influence exercised. At the same time, it was culture, first of all mass culture, that was given the triad of «soft power» the main role of the repeater and the global channel in the process of axiological incorporation. The attention is focused on the fact that the main conductor of «soft power» was not the state, but public institutions, including education, various private foundations, etc. This process was aggravated by the identity crisis of the Russians, associated with the turbulence of post-Soviet realities. The media played a special role in this process as symbolic media power. Advertising becomes both an economic, political and cultural factor, its influence on the depoliticization of Russian society was decisive. The promise of a «brave new world» was an exceptional temptation in a country tormented by perpetual scarcity. The advertising industry as the fairway of the mass culture of the end of the twentieth century is the most powerful designer in manufacturing and imposing needs. Television advertising played a special role in creating media reality. In Russia, by the end of the twentieth century, a consumer society had been fully formed, in which, under the ephemeral freedom of «exceptional wealth of choice», total control was exercised in pursuit of a global goal – the creation of a homogeneous society, where each member was fragmented, standardized, and unified in accordance with latent the request of the world system of transnational corporations and «global democracy». Ideas and the value system of not only the American way of life were successfully introduced, but also the fundamental attitudes of the consumer society in the turn of the millennium were formed.

Keywords: cultural influence, soft power, needs, status, simulacrum, brand, advertising, stereotype, mass culture, anomie, semiocracy, possession, value, globalization.

Последнее десятилетие XX в. характеризуется мощной экспансией США в самых различных сферах жизнедеятельности российского общества. Симптоматичным является и тот факт, что это влияние было сполна ощутимо представителями всех поколений. При этом наиболее зримо это влияние проявлялось на бытовом уровне, в повседневных практиках частной жизни.

Цель данной статьи состоит в анализе причин, механизмов и факторов американского культурно-

© Цветкова О. Л., 2018

го влияния на российскую действительность в период 90-х гг. XX в. и определении значения этого влияния в становлении общества потребления в России.

По мнению американиста И. Курилло, «в Америке после распада СССР в 1991 г. при Буше утвердился триумфализм… в новогоднем обращении к американскому народу после распада СССР Буш сказал: “Советского Союза больше нет, страны, которая была нашей угрозой, больше нет, это большая победа американского народа!”» [22].

В то же самое время полтора десятилетия – с конца 80-х и до середины 90-х гг. – на лицо был экзистенциальный кризис национального масштаба, когда Б. Н. Ельцин произнес сакраментальную фразу «Давайте национальную идею придумывать». Это четко свидетельствовало о кризисе идентичности и во весь рост репрезентировало проблему если не «потерянности», то «растерянности» в национальном масштабе точно. Была необходима «точка сборки», и такой «точкой сборки» в значительной степени стлал период «безоговорочной любви» к Америке, американскому образу жизни, пришедшийся на первую половину 90-х гг.

Создание новых принципов, новых основ отношений между Россией и США было начато при администрации Дж. Буша-старшего (1989-1993 гг.). Были подписаны Кэмп-Дэвидская декларация президентов России и США (1 февраля 1992 г.) и Хартия российско-американского партнерства и дружбы (19 июля 1992 г.). В этих исторических документах прописывалось, что обе стороны не будут рассматривать друг друга в качестве противников, а их отношения будут характеризоваться дружбой и партнерством, основанным на взаимном уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе.

При этом показательным моментом является тот факт, что такое понятие, как «партнерство», никак не определялось конкретно. Не упоминалось также о том, что это партнерство должно и будет строиться на фундаменте общих интересов. Но в них сполна прописывалась взаимная приверженность демократии и экономической свободе и красной нитью проходила мысль о необходимости формирования и развития сотрудничества в областях контроля над различного рода вооружением, противостоянии терроризму, борьбе с наркотрафиком и взаимодействии в сфере экологии.

Однако российская сторона в то время не сформулировала идею «ограниченного партнерства». В выдвинутой, явно преждевременно, идее «общих ценностей» вопрос о возможных препятствиях, подспудных противоречиях и «подводных камнях» даже не ставился [29].

В этот же период (1990) вышла в свет книга американского политолога Дж. Ная «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике», которая стала своеобразной точкой отсчета новой эры мировой политики. Концепт «мягкая сила» оказался не просто актуальным, он оказался в значительной степени пророческим. Начиная с 1991 г. стали развиваться необратимые процессы, приведшие к гибели сверхдержавы биполярного мира – Советский Союз распался [40].

В сложившихся условиях именно «мягкая сила» синергетического воздействия идеологии, внешней политики и культуры стала фундаментом инкорпорирования новых ценностей на постсоветском пространстве и, прежде всего, в России.

«”Мягкая сила” – это понуждение других хотеть результатов, которые вы хотели бы получить. <…> В тоже время это не то же самое, что воздействие или влияние, “мягкая сила” – больше, чем просто убеждение, уговаривание или способность подвигнуть сделать что-либо при помощи аргументов, хотя все это является важными элементами этой силы» [40].

При этом в значительной мере мягкую силу создает не государство, а общество – начиная с университетов и неправительственных фондов (НПО) и заканчивая Голливудом и поп-культурой [39].

В связи с этим необходимо отметить деятельность таких неправительственных фондов и организаций, как Фонд Макартура, Фонд Фулбрайта, Фонд Сороса и множества других, не столь масштабных организаций.

Первоочередной вопрос внешней политики любого государства – это, прежде всего, вопрос о системе ценностей. В свое время практика администрации Буша в ходе борьбы с терроризмом включала отступления от демократических и правовых норм, что дискредитировало политику Вашингтона и подрывало международное доверие к нему [27].

«Мягкая сила» напрямую не зависит от государства и государственных структур, и, следовательно, точно спрогнозировать последствия применения «мягкой силы» очень трудно, в отличие от «жесткой силы», непосредственно связанной с государственной политикой [41].

Особую роль в «мягкосиловом воздействии» играет культура. Известный американский теоретик постиндустриального общества Даниэл Белл

рассматривает культуру как фундаментальное связующее звено между самоидентичностью личности и ее терминальной системой ценностей, находящей выражение в морально-этических взглядах, эстетических предпочтениях, константах образа жизни. Культура при этом является сферой репрезентации эмоционального, когнитивного и эстетического начала жизни человека [35].

В первую очередь, это определение относится к массовой культуре. В настоящее время массовая культура стала тотальным культурным проектом, а также базисом формирующейся транснациональной культуры, ее истоком и почвой.

Это связано с тем, что возможность осуществления коммуникации на всех уровнях человеческого существования – индивидуальном / групповом / общественном – определяется генерализованными символическими медиа власти.

Что является первоначальным звеном символической власти? Безусловно, стереотип – упрощенное, заранее сформированное представление, не вытекающее из собственного опыта человека. Именно стереотипы являются кирпичиками, из которых строится индивидуальный опыт человека. «Они наполняют свежее видение старыми образами и накладываются на тот мир, который мы воспринимаем в своей памяти». При этом стереотип нерелевантен образу настоящей реальности, поскольку «стереотип однозначен; он делит мир на две категории – на «знакомое» и «незнакомое». Знакомое становится синонимом «хорошо», а незнакомое – синонимом «плохо». При этом стереотипы функционируют в «псевдо-окружающей среде» («pseudo-environment») современного человека [34].

В культуре выделяются различные факторы, тем или иным образом детерминирующие самые различные стороны жизнедеятельности современного человека. Массовая культура в этом плане выступает как определенный фактор стабилизации социальных структур. И происходит этот процесс, прежде всего, через практики потребления. Потребления на всех уровнях социального взаимодействия – уровне индивида, группы, общества. Для того чтобы понять корни этого процесса, обратимся к истории.

Потребности человека в том или ином виде являются отражением объективного мира в плоскости, которая связана с теми или иными кодами удовлетворенности / неудовлетворенности, причем этот континуум задается и опосредуется именно культурой. Безусловно, здесь также огромное влияние имеют первичные и вторичные референтные группы, степень конформности личности и т. д.

Появляется новый род потребителей, которые «не рвутся к тому, в чем они нуждаются, и не нуждаются в том, к чему они рвутся». Таково определение потребителя, данное племянником Зигмунда Фрейда, Эдвардом Бернейсом, в 20-е гг. XX в.

Бернейс разработал новую область гуманитарных технологий – PR (связи с общественностью). Сначала в статьях, а затем и в книгах он объяснял, что, несмотря на то, что естественные *потребности человека весьма ограниченны*, его *желания* по своей природе *безграничны.*

Соответственно, возможно выработать определенный механизм для воспроизводства потребностей. И действовать здесь необходимо не столько на рациональном, сколько на иррациональном уровне как индивидуального, так и коллективного бессознательного. Мотивы, фантазии, латентные желания должны начать править бал в полной мере.

Реклама, в свою очередь, как глобальный проводник идеологии консюмеризма должна апеллировать уже не к рациональному началу покупателей. Ее главная задача – сформулировать *послание,* наделяющее самые простые товары символическим смыслом. И при помощи этого символического смысла ретранслировать и осуществлять символическую власть.

«Вы превратили людей в неутомимые аппараты счастья (constantly moving happiness machines)», – сказал в 1928 г. Бернейсу президент Эдвард Гувер. Последний, в свою очередь, отлично осознавал, что превратил тем самым граждан, которые потенциально могли быть опасны для существующего режима, в безвредных потребителей.

О потреблении как гражданском принуждении говорил спустя тридцать лет в 1958 г. Дуайт Эйзенхауэр: «Правительство в свободном обществе лучше всего поощряет экономический рост, когда оно поощряет *усилия* индивидов и частных групп. «Thrift is unamerican», – говорил Уайт. – «Экономить – это не по-американски» [11].

Следовательно, потребитель, индивидуалист по определению, с самого начала противопоставлялся гражданину, был своеобразным «противоядием» от коллективного выражения коллективных же (групповых), от социально-политических требований [11].

Особую роль в этом процессе играет рекламная индустрия. С начала 90-х гг. в России, благодаря исключительному культурному влиянию Запада,

реклама поступательно стала приобретать характеристики полноценного социального института.

Таким образом, реклама становится как экономическим, так и политическим и культурным фактором. Влияние рекламы на деполитизацию российского общества было решающим. Обещание «дивного нового мира» было слишком мощным искушением в измученной вечным дефицитом стране.

Главная цель рекламы при этом – путем распространения эстетических, символических и социальных норм предписывать несуществующую ценность тому, что по своей сути в принципе никоим образом не подходит под определение ценности. Таким образом создается эффект символической подмены.

Как самый главный распространитель этих норм, образ торговой марки – бренд – участвует в захвате нематериальным капиталом власти над социальным пространством, повседневной культурой и человеческой фантазией. Бренд давно перешел границы экономики, маркетинга, став одним из ключевых концептов общества потребления. Современная «брендономика» – это уже не экономика плюс брендинг, это бренд плюс социальное пространство.

Абсолютно любое влияние есть в той или иной мере процесс осуществления власти. Так, например, М. Фуко рассматривает власть как отношения силы, исходящие из множественности разнородных и анонимных точек. При этом, по мысли французского социолога, власть пронизывает все общество и не имеет единого истока, будь то государство или отдельный институт. Любое дискурсивное пространство покрыто властными отношениями.

Трансформация онтологической природы власти особенно четко просматривается на примере культурной экспансии США с начала 90-х гг. Она происходила по нескольким направлениям. Во-первых, власть как «правление» в настоящее время уже не актуальна, как не актуальны отношения строгой иерархии и беспрекословного подчинения в большинстве социальных институтов современного общества. Во-вторых, власть утрачивает способность «обладания», прежде всего, ресурсами, возможностями на метауровне государственного устройства, но приобретает всепоглощающую способность репрессивно воздействовать на единичное бытие индивида, осуществляя символическое насилие по всем доступным направлениям.

При этом власть рождает новую социальность, бесконечно рутинизируя и обессмысливая повседневность путем внедрения определенных установок, способствующих переформатированию повседневных жизненных практик.

В начале и середине XX в. реклама на Западе продавала товары, а сейчас реклама продает эмоции и чувства. И потребности. Она продает и образ жизни, и отличительные знаки.

Знаки – это именно то, что продает реклама сейчас. Знаки престижа, знаки принадлежности, знаки существования. «Иметь – значит быть» – по такому принципу живет современный человек в обществе потребления благодаря влиянию рекламы.

Реклама, формирующая потребности, образы жизни, стили поведения, мнения и отношения, – это мощный институт власти, использующий самые различные медиа, посредством которых создают нужную производителю рекламы и рекламируемых товаров действительность.

Французский неомарксист Анри Лефевр отмечал в связи с этим: *«Индустрия образов, кинематограф, телевидение „отклоняют" повседневность, по временам предлагая ей картину ее самой, иногда – зрелище чего-то, в корне от нее отличающегося. К индустрии образов, безусловно и главным образом, можно отнести и рекламу. Чтобы повседневность, которую реклама продуцирует, стала „реальностью", реальность эта должна доминировать. И она, безусловно, доминирует»* [37].

Поскольку раньше внешний мир был тождественен человеку, реальность была просто реальностью. Сейчас же окружающий человека мир расширяется или сужается, в зависимости от того, какие транслируются образы (именно этот тезис является одним из основополагающих в социальной теории постмодернизма). А образы производит индустрия рекламы, взывая к жизни необходимые *симулякры*; симулякры приходят на смену аутентичным контекстам. И человеку, чтобы не оказаться «на обочине» и не стать маргиналом, приходится принудительно вводить себя в семиотический дискурс.

Понятие «*симулякр*» ввел французский социолог, культуролог и философ-постмодернист Жан Бодрийяр в своей книге «Система вещей» и обозначил его как «копия», не имеющая оригинала в действительности [7].

Таким образом, реклама делает нормативной всю нашу жизнь, транслируя необходимые образы, нетождественные действительности, посредством медиа в общество. Общество же эту власть медиа, соответственно, над собой признает, доб-

ровольно вступая в семиократический контекст и подчиняясь его правилам. «*Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок»,* – пишет французский социолог, философ и политолог XX в. Пьер Бурдье в своей книге «О символической власти» [9, с. 89].

Различные виды капитала сейчас трансмутируют в символический капитал без видимых затрат энергии. А власть знака повсеместна, как и сами знаки. В этой связи можно говорить о *семиократии,* власти знаков. Семиократия – это концепт, в котором существует современное общество. Тему семиократии в свое время начинал исследовать Бурдье, говоря о «символической власти», а так же Лефевр, упоминая повсеместность знаков.

Знаками сейчас является абсолютно все. Власть – знак; деньги, товары, люди, реклама.

«Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир».

При этом Бурдье отмечает, что символическая власть никогда и ни при каких условиях не воспринимается как произвол. Она – добровольно принимаемая [9, с. 96].

Власть символа признается, и власть символа осуществляется при содействии тех, кто ей подвержен и кто сам ее осуществляет. Властью навязываются произвольные средства познания и выражения социальной реальности.

Помимо семиократии, мы считаем уместным говорить о *медиакратии*, власти медиа. Поскольку именно через медиа (самые различные) транслируются символические смыслы, являющиеся «отражением», скорее даже, симулякром действительности, принимаемые обществом за реальность. Однако медиакратия – понятие более узкое, чем семиократия, поскольку семиократия охватывает и остальные системы власти тоже.

Исходя из всего вышеперечисленного, абсолютно справедливо будет заметить, что происходит глобальная *аномия* современного общества, капиталистического общества потребления.

И действительно, ввиду крайней степени символичности окружающего мира в целом человек осознает свое место в иерархии общества по тому, какими вещами владеет. «*Вещи – символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни»* [18, с. 264].

Говорить об аномии следует не только в контексте глобального замещения реальности, реальных отношений и товаров симулякрами, но и в контексте общества потребления.

Для этого следует вернуться к тому, что потребности создаются искусственно, являясь социальным, а не индивидуальным феноменом. Налаженная система производства товаров и услуг являет собой мощный способ господства. И технология рекламы стала необходима, чтобы потребности формировать, как мы уже говорили.

Раньше барьером, не дающим системе потребностей быть такой, какая она есть сейчас, и сдерживающим ее, были рамки культуры. В разных обществах это проявлялось по-разному: например, крестьянин в России приобретал в первую очередь то, что ему было действительно необходимо для того, чтобы выжить (рабочая лошадь или инструменты).

Сейчас же, в век глобализации, когда потребительская лихорадка охватывает практически все обеспеченные страны мира, когда происходит так называемый «экспорт потребностей» (потребности, обусловленные условиями одной культуры и созданные в ней, становятся потребностями другой культуры и наоборот), эти культурные и нормативные барьеры практически стерты. Поэтому положение изменилось. Вот выводы социологов (2010 г.): *«Обобщение полученных данных позволило сделать вывод о том, что в молодежной среде стали доминировать престижно-потребительские установки и ориентации. Их преобладание во многих отношениях стало естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных (и квазирыночных) принципов в экономику».*

В результате со временем у людей, в особенности у молодежи, утвердился ценностно-когнитивный диссонанс в связи с противоречием, возникшим между личными жизненными установками и установками, навязанными обществом, посредством рекламы в том числе.

Исследования, проведенные среди американской молодежи, показали закономерный результат: 93 % девочек-подростков называют шопинг в качестве своего любимого занятия; порядка 60 % студентов колледжей, говоря о жизненных ценностях, самым важным считают зарабатывание большого количества денег; в Вашингтонском университете, отвечая на вопрос «Что для вас самое важное в жизни?», 42 % ответили «хорошо выглядеть», 18 % – «быть всегда пьяным» и только 6 % – «получить знания о мире».

Несложно заметить, что вышеназванные стремления и занятия задаются в качестве лидирующих или, по крайней мере, топовых именно в рекламе (а также в других медиа, конечно: кинематографе, современной литературе и т. д.). Люди существуют в реальности, заданной рекламой, в реальности, в которой покупать, копить деньги и *иметь что-то,* является *нормой*, в квазиреальности, в которой потребительство становится предельной самоцелью.

И действительно, в ситуации постоянного мощного манипулятивного воздействия посредством всех возможных знаковых и кодовых систем человек живет с постоянным навязчивым желанием *чего-то.* Но главное, что желание обладать определяется желанием вписываться в социальную систему, в социальную иерархию, быть ее частью, а не выходить за рамки, поскольку обладание определенным набором вещей определяет статус. Поэтому получить, приобрести что-либо *любой ценой* – далеко не редкость, и люди зачастую поступаются некоторыми принципами и социально одобряемыми методами достижения цели. Система потребностей, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, обладает инерцией и имеет свойство воспроизводится даже при условии изоляции [18].

Реклама преподносит символы успеха, и эти символы успеха одинаковы для всех, когда в действительности они доступны ограниченному кругу лиц. Все же остальные, стремясь пробиться на верх социальной иерархии и испытывая в этом постоянною потребность (ведь «быть на вершине» также культивируется рекламой), вынуждены зачастую действовать неодобряемыми социумом методами. Но обратимся теперь ко второму полярному случаю несогласованности элементов культур. Он происходит тогда, когда средство достижения цели становится самоцелью. «*В таких группах первоначальные цели забыты и ритуалистическая приверженность к институционально предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости»* [26].

Чтобы говорить об этом случае, обратимся к основной и исторически первой – экономической – функции рекламы.

В современной рекламе главенствует символ, выраженный через интересный образ, – цепляющий восприятие, запоминающийся символ, тем не менее понятный на подсознательном уровне каждому, на кого этот рекламный продукт рассчитан, поскольку символы содержат в себе мифологическую сущность, которая, в свою очередь, является воплощением архетипа, первичной материи мыслеобраза человека. Х. Кафтанджиев, например, в своей книге «Семиотика Абсолюта» называет рекламу «экстензией нашего мифологического мышления» [20, с. 7-8]. Реклама доносит до зрителя определенный смысл, и смысл этот далеко не всегда (скорее даже редко) крутится вокруг рекламируемого товара. Он крутится вокруг формирования образа жизни, мыслей, ценностей потребителей.

В современном обществе, в капиталистическом обществе, некоторым творческим продуктам свойственно зачастую то, что производятся они ради самого процесса производства. Яркий пример: уличные художники, которые из процесса рисования картины устраивают целые шоу, тогда как ценность конечного продукта отодвигается на второй план. Если говорить о рекламе, то происходит некоторая трансформация рекламного дискурса. Реклама формирует определенные потребности и показывает товар в выгодном свете – это безусловно. Но, кроме этого, во всей красе она показывает *себя.* Свою сущность.

Ранее же реклама была лишь средством достижения цели – то есть средством формирования интереса к товару и повышения уровня продаж изначально, позднее – средством формирования потребностей.

Ситуация, при которой средство достижения цели становится самоцелью, является вторым полярным случаем несогласованности элементов культуры в терминах Роберта Мертона, что в очередной раз доказывает, что современная реклама провоцирует аномию.

Занимающая центральное, главенствующее место среди символических систем власти, реклама меняется вместе с изменением общества и меняет его сама. Если раньше реклама представляла товар, удовлетворяющий имеющуюся потребность, то теперь она эту потребность формирует и преподносит товар, который потребность удовлетворит.

Если раньше говорилось либо только об экономической составляющей рекламы, то есть о рекламе как средства продажи, либо только о рекламе как искусстве, в которой речь о самом товаре практически не шла, то теперь мы видим, как две функции удачно соединяются вместе, и к ним прибавляется еще одна – «реклама рекламы»: рекламы как явления.

Если изначально в рекламных текстах преобладали индексы и иконические знаки, то в рекламе рубежа веков главенствует символ, система

символов, которые зрители, привыкшие к миру символов вокруг себя, без проблем считывают.

Современная реклама – это реклама семиократического общества, включенная в повседневные практики потребителя, грамотно выстроенная специалистами, понимающими технологию создания такой рекламы, реклама, наполненная символами и вкладывающая эти символы в необычные неожиданные образы.

Объективные потребности, трансформируясь и диверсифицируясь под воздействием социокультурного, приобретают более-менее серьезные деформации. То, что казалось истинным, становится насквозь ложным и наоборот.

При этом культурное влияние США особым образом формировало определенный вид потребностей в формирующемся в России обществе потребления. Речь идет о статусных потребностях.

Статусные потребности – это объективно необходимые условия для сохранения и развития позиции в том или ином социокультурном поле.

В связи с этим американское культурное влияние в последние десятилетие XX в. может рассматриваться как стратегия социального управления. В массовой культуре начинает доминировать исключительно оценочное видение себя со стороны – имиджевые характеристики.

Этот процесс происходил в недрах Западной цивилизации в течение почти векового периода. Российское общество этот поступательный процесс начало преодолевать в условиях исключительной компрессии – фактически за одно десятилетие 90-х гг.

С начала 90-х гг. в России вследствие американского влияния активно развивается капиталистический способ производства. Очень важное обстоятельство состоит в том, что «развлекательный» характер потребления становится основополагающим.

Массовое производство в итоге привело к символизации потребления. Как убедительно показал Ж. Бодрийяр, товар стал на порядок более отчужденным. Символы, заложенные производителем в продукт благодаря средствам рекламы, претендуют на замещение реальности.

Постепенно развитие массовой культуры и средств массовой коммуникации приводят к выводу потребительских стандартов на качественно иной уровень. Индустрия рекламы как фарватер массовой культуры конца XX в. – мощнейший конструктор по производству, а скорее, навязыванию потребностей. Реклама стала неотъемлемой частью общественной жизни, практически сформированным институтом, только со становлением «общества изобилия».

Свобода выбора как таковая трансформируется и становится синонимом свободы потребительского выбора, – когда принятие решений и последующие действия детерминируются не тем, чего хочет человек, а тем, что ему предлагает (чаще всего, за деньги) «мир как супермаркет» [30].

Таким образом, «бедное по своему сознанию общество присваивает денежный эквивалент любой ценности, коммерциализирует вещи совсем нематериальные» [23], не осознавая, что тем самым не упрощает ситуацию выбора, а все больше отдаляет себя от самой свободы выбора. Или, как в свое время проницательно заметил представитель Франкфуртской школы Герберт Маркузе, «… для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, но то, что может быть выбрано и что действительно им выбирается» [25, с. 111].

Желание потреблять ради удовольствия начинает переходить все существующие грани. Это относится к абсолютному большинству благ, которые находятся в зоне досягаемости российского человека, живущего в конце XX в.

Именно об этом пишет Зигмунт Бауман: *«Жизнь, организованная вокруг потребления, должна обходиться без норм: она направляется соблазнами, постоянно возникающими и изменчивыми желаниями, а не нормативной регуляцией»* [3].

Таким образом, стиль жизни гораздо более пластичен и динамичен, чем довольно устойчивый и предельно консервативный статус.

«Образ жизни и потребления – это необходимость, выскочить за пределы которой можно, лишь покидая пределы поля, породившего соответствующие формы жизнедеятельности» [17]. Искомый образ жизни по американскому прототипу был успешно инкорпорирован в Россию.

Культура в силу своей полисемиотической природы в каждой эпохе структурирует определенный тип личности. Обезличенный индивид с невыраженным началом структурируется именно массовой культурой.

В 2013 г. Бюро экономического анализа / Bureau of Economic Analysis (BEA) и Национальный фонд искусств / National Endowment for the Arts (NEA) обнародовали отчет о деятельности в области культуры и искусств / Arts and Cultural Production Satellite Account (ACPSA). Согласно предоставленным данным, валовый внутренний продукт (ВВП) США в 2011 г. на 3,2 % (504 млрд.

долларов) формировался именной сферой культуры и искусств. Речь идет прежде всего о кино- и видеопроизводстве, рекламных услугах, производстве контента для кабельного телевидения, а также дистрибьюции, издательском бизнесе и исполнительском искусстве [21].

Мозаичный характер культуры, обусловленный предельной визуализацией реальности, также имеет исключительно американские корни.

И особая роль в этом процессе отводится Голливуду и американскому шоу-бизнесу в целом.

Именно кинофильмы, произведенные в Голливуде, составляют большинство проката в России на протяжении трех последних десятилетей. Двуединая функция американского кинематографа – пропагандистская и коммуникационная – блестяще ретранслирует самый главный американский миф – миф о «великой американской мечте». Суггестивная сила этого влияния особенно заметна на примере молодого поколения. Показательным является и тот факт, что большинство американской кинопродукции – это уровень кич- и мидкультуры массового общества.

По данным ЮНЕСКО, США производят 75 % мирового объема телепрограмм, более 60 % кинофильмов, 90 % коммерческой информации, 70 % торговой рекламы. Это является прямым следствием того, что культурный и информационный рынок России находится фактически под контролем американских массмедиа.

Американская киноиндустрия, ставшая полноценной отраслью промышленного (капиталистического) способа производства, идет в авангарде коммерциализации мировой кинокультуры.

Полномасштабный опрос общественного мнения, проведенный в 2010 году ЮНЕСКО, показал, что 39 % жителей европеских стран определяют американское культурное влияние как негативное. Среди россиян этот процент равен 45 % (самый большой негативизм у греков – 58 %).

При этом главным достоянием американской культуры респонденты посчитали не литературу и музыку, а именно кинематограф – 40 %, на втором месте – спорт – 12 %. Весьма показательна оценка самих американцев. Так, по их мнению – 32 % – американские телешоу и телефильмы – это худшее, что только существует в американской культуре на сегодня [1].

Известный американист Э. А. Иванян по этому поводу заметил: «Действительно, Россию в буквальном смысле заполонили американские «звезды» эстрады преимущественно песенного жанра, гастролирующие в Европе и «по дороге» заезжающие в Россию. На книжный рынок сотнями тысяч экземпляров «выбрасываются» сочинения бесчисленного множества американских авторов – «триллеры», «саспенсы», «дамские романы» и «детективы». На киноэкранах ежегодно показывается огромное количество фильмов аналогичного жанра» [16].

Американская культурная индустрия коренным образом повлияла на формирование социокультурных констант новой идентичности российского общества.

Особое значение в распространении массовой культуры в последнее десятилетие XX в. придавалось системе массмедиа, в первую очередь, такому элементу, как телевидение.

Именно телевидение, в отличие от фотографии и кинематографа, навсегда и полностью трансформировало пределы между «коммуникацией присутствия» (когда индивид является субъектом коммуникации) и «коммуникацией отсутствия», когда индивид стал объектом воздействия.

Справедливости ради надо заметить, что это присутствие «отсутствующих» при отдаленных событиях были достигнуты еще в эпоху господства радио как осевого СМИ. Однако всецелое погружение в «новую реальность», абсолютная полноценность ее репрезентации стало возможным только благодаря телевидению.

Именно телевидение, по мысли Пьера Бурдье, стало основным агентом символической власти – власти классификаций и номинирования (наименования), власти узурпированного права формировать и навязывать определенные социальные представления, убеждения и установки, власть моделировать актуальные модели социума [9].

Понятие символической власти наиболее полно было разработано Бурдье, однако истоки этой теории, равно как и теории повестки дня, фрейминга и т. д., было впервые артикулировано выдающимся американским журналистом Уолтером Липпманом [24].

Липпман впервые сформулировал многократно с тех пор повторявшийся тезис о том, что большая часть мира находится за пределами достижимости современного человека («beyond our reach»), поэтому он в принципе не в состоянии осуществить верификацию тех сведений, которые доходят до него через средства массовой коммуникации [14].

Как отмечал американский социолог Зигмунт Бауман, «если что-то повторяется довольно часто, то оно становится знакомым, а знакомое обладает свойством самообъяснения; оно не создает затруд-

нений и не вызывает любопытства и, таким образом, остается невидимым, неразличимым» [3].

При этом главной особенностью телевизионной медиареальности становится ритуализация социальной практики, в том числе в форме суда, когда каждое современное отечественное ток-шоу предлагает аудитории присоединиться к своей позиции – обвинителей, защитников, свидетелей. Благодаря прямой трансляции ритуала реализуется его мифологический потенциал.

Современные мифы, которые, в отличие от мифов естественных – тех, которые объясняли и «скрепляли» действительность социокультурного поля, – создаются (конструируются) искусственно. Основная цель современных конструкторов-мифотворцев заключается в переформатировании образа действительности (подмене реальности) в заданном направлении.

Степень мифологизированности современного социума и ее чрезмерная акцентуация, вызывающая порождение страха, стала одной из ведущих характеристик массового сознания.

Таким образом, именно современная система СМИ способствует порождению социального страха, который генерализуется на трех уровнях человеческого существования.

Первом – индивидуальном, когда иррациональная природа страха порождает проявление семантических образов, транслируемых СМИ различных фобий. Втором – групповом, когда система доминирующего конформизма, также задаваемого медиа, порождает страх перед любым проявлением аутентичности, когда любое отклонение от канонических групповых норм автоматически инициирует процесс исключения, а аномия становится рутиной социальной жизни. Третьем – уровне массового сознания, где любая реплика о развитии современного технократического общества неизменно артикулируется в увязке с определенной социальной проблемой.

Реальность – гиперреальность – ирреальность современности определяют возможность параллельных миров внутри атомарной индивидуальности, определяет возможность задавать множественные параметры жизненному сценарию, играть взаимоисключающие социальные роли.

Технологии и техники манипулятивного воздействия на массовое сознание детерминируют высокую степень информационно-психологической репрессивности современного общества. При этом ставится под вопрос не только стремление к свободе, но и существование формальных свобод. На современного человека воздействует непрерывный поток убеждающих сообщений, изменяющий и способствующий переформированию его интеллектуальной, эмоционально-волевой и деятельностной сферы.

Властные и коммуникативные интересы тех, кто транслирует информацию, в значительной мере способствуют тому, что степень ее искажения становится критичным. Вследствие этого индивид погружается в бесконечность домыслов, недосказанностей, слухов, догадок.

Применительно к политической сфере человек, как правило, бессознательно воспринимает те или иные ретранслируемые стереотипные образы, структурирующие тот или иной имидж, кроме того, внимают месседжу заранее сконструированных речей.

Добровольное и молчаливое принятие этих процессов определяет конформистское начало, а неприятие связано со снижением степени доверия человека различным медиумам. В связи с этим можно утверждать, что стремление к свободе современного человека – это целенаправленная деятельность, ориентированная на нейтрализацию репрессивного воздействия различного рода информационно-психологических потоков, транслирующих непрерывное символическое насилие.

Потребительская культура в глобальном аспекте связана с упрощенной рациональностью, транслируемой через специфические механизмы макдональдизации.

В конечном счете, идеология потребления планомерно низводит культуру к набору элементарных действий под лозунгом «потребляй и да будет тебе счастье».

Социоультурное поле строиится по принципу включения/исключения на предмет возможности обладания соответствующими благами / товарами / фетишами.

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы.

Необходимо формирование определенной системы ценностей, которая сможет противостоять крайнему иррационализму современной цивилизации, с ее исключительной мифологичностью, которая в своем пределе оборачивается абсолютным симулякром общества потребления.

Постепенно начала формироваться и распространяться философия экстремальной «кажимости», когда вопреки всем законам здравого смысла и элементарной логики человек настолько разотождествляется с собственной природой, что, в конечном счете, теряет самого себя на всех уровнях собственного существования.

В России к концу XX в. в полном объеме сформировалось общество потребления, в котором проявился его репрессивный характер, когда под эфемерной свободой «исключительного богатства выбора» завуалированно осуществляется тотальный контроль, преследующий одну-единственную цель – создание абсолютно гомогенного общества, где каждый его член фрагментируется, стандартизируется и унифицируется в соответствии с тщательно завуалированным запросом системы мира транснациональных корпораций и «глобальной демократии».

Кроме того, американское культурное влияние на российское общество на рубеже веков позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, преобладание квантитативных – количественных характеристик в сфере культуры. Во-вторых, исключительное иррациональное начало массовой культуры (предельная мифологизированность и неоархаика). В-третьих, квалитативные характеристики на строго гарантированном уровне. И наконец, в-четвертых, предустановленная готовность к употреблению.

Библиографический список

1. Аналитический портал [Электронный ресурс] // Исследование GFK: политическое и культурное влияние США на мир с точки зрения жителей 19 стран. – URL: http://gtmarket.ru/news/state/2009/06/19/2034

2. Бауман, З. Мыслить социологически [Текст] / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. – М., 1996. – 255 с.

3. Бауман, З.Текучая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция Зигмунта Баумана. 06 мая 2011 [Электронный ресурс] / З. Бауман. – URL: www.polit.ru/topic/video/

4. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Медиум», 1995.

5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.

6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Рипол-классик, 2015. – 240 с.

7. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Изд-во РУДОМИНО, 2001.

8. Бурдье, П. О телевидении и журналистике [Текст] / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. – М., 2002. – 160 с.

9. Бурдье, П. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдье. – М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. – 87-96 с.

10. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. − М., 1984.

11. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал [Текст] / А. Горц. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – С. 70.

12. Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор. – М. : Логос, 1999. – 224 с.

13. Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов [Текст] / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург : УрО РАН, 1999.

14. Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как устанавливается повестка дня? [Текст] / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001.

15. Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. Установление повестки дня: теория и технология [Текст] / Издание 2-е, переработанное и дополненное. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2005.

16. Иванян, Э. А. Культурный аспект российско-американских отношений [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – URL: http://www.rusus.ru/

17. Ильин, В. И. Поведение потребителей [Текст] / В. И. Ильин. – СПб. : Питер, 2000.

18. Кара-Мурза, С. Г. Аномия в России: причины и проявления [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Изд-во Научный эксперт, 2013. – 264 с.

19. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2004.

20. Кафтанджиев, Х. Семиотика абсолюта [Текст] / Х. Кафтанджиев. – М. : Изд-во РИП-холдинг, 2006. – 354 с.

21. Культура напрямую влияет на экономику [Электронный ресурс]. – URL: http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?

22. Курилло, И. Российско-американские отношения в исторической ретроспективе [Электронный ресурс] / И. Курилло. – URL: https://eu.spb.ru/news/17771-rossijsko-amerikanskie-otnosheniya-v-istoricheskoj-retrospektive

23. Леонова, А. Общество проблематичного взаимодействия [Текст] // Индекс: досье на цензуру. 22/2005.

24. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. – М. : Изд-во ин-та Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

25. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества [Текст] / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина. − М. : ООО Издательство АСТ, 2003. − С. 111.

26. Мертон, Р. Социальная структура и аномия [Текст] / Р. Мертон. – М. : Изд-во Прогресс, 1966. – С. 299-313.

27. Морозов, Ю. В. Применение Соединенными Штатами «мягкосилового арсенала» в современном мире / Ю. В. Морозов. – URL: http://www.rusus.ru/?act= search&text_search EA%F3 %EB%FC%F2 %F3 %F0&search_page=8

28. Най, Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. С. Най. – Новосибирск / Москва, 2006.

29. Подлесный, П. Т. Эволюция российско-американских отношений после Холодной войны: от «партнерства» к новой конфронтации (1992-2012 годы) [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – № 3, 2015. – URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=456

30. Уэльбек, М. Мир как супермаркет [Текст] / пер. с франц. Н. Кулиш. – М. : Издательство Ad Marginem, 2003.

31. Черныш, М. Россия держит марку [Электронный ресурс] // Контекст. − № 5. − 2000. − Режим доступа: http://www.soob.ru/

32. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века [Текст] / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003.

33. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций [Текст] / Р. Харрис. – СПб., 2002

34. Шустина, И. В. Приемы скрытого воздействия в политической риторике [Текст] // Материалы конференции «Чтения Ушинского», 2016. – С. 156-161.

35. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – New York, 1976. – P. 36.

36. Huntington, S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press. – Norman and London, 1991.

37. Lefebvre, H., Levich, C. Everyday and Everydayness. – Yale French Studies. − 1987. – Vol. 73. − P. 7−11.

38. Lurie, A. The Language of Clothes. The Definitive Guide to People Watching through the Ages. – Hamlyn Paperback, 1983.

39. Nye, J. S. What China and Russia Don't Get About Soft Power. «Foreign Policy», 30/04/2013. – URL: http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html

40. Nye, J. S, Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York, 1990. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York : Public Affairs, 2004.

41. Nye, J. S. (Jr.) The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective. Foreign Affairs, November/December 2010. – pp. 1-10.

Reference List

1. Analiticheskij portal = Analytical portal [Jelektronnyj resurs] // Issledovanie GFK: politicheskoe i kul'turnoe vlijanie SShA na mir s tochki zrenija zhitelej 19 stran = Research GFK: political and cultural influence of the USA on the world from the point of view of residents of 19 countries – Rezhim dostupa: http://gtmarket.ru/news/state/2009/06/19/2034

2. Bauman, Z. Myslit' sociologicheski = To think sociologically [Tekst] / per. s angl. pod red. A. F. Filippova. – M., 1996. – 255 s.

3. Bauman, 3. Tekuchaja modernost': vzgljad iz 2011 goda. Lekcija Zigmunta Baumana. 06 maja 2011 = Fluid modernity: a look from 2011. Zygmunt Bauman's lecture. May 06, 2011 [Jelektronnyj resurs] / Z. Bauman. – URL: www.polit.ru/topic/video/

4. Berger, P., Lukman, T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija = Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology [Tekst] / P. Berger, T. Lukman. – M. : «Medium», 1995.

5. Bodrijjar, Zh. Simvolicheskij obmen i smert' = Symbolical exchange and death [Tekst] / Zh. Bodrijjar. – M. : Dobrosvet, 2000. – 387 s.

6. Bodrijjar, Zh. Simuljakry i simuljacija = Simulacras and simulation [Tekst] / Zh. Bodrijjar. – M. : Ripol-klassik, 2015. – 240 s.

7. Bodrijjar, Zh. Sistema veshhej = System of things [Tekst] / Zh. Bodrijjar. – M. : Izd-vo RUDOMINO, 2001.

8. Burd'e, P. O televidenii i zhurnalistike = About television and journalism [Tekst] / per. s fr. T. Anisimovoj, Ju. Markovoj; otv. red., predisl. N. Shmatko. – M., 2002. – 160 s.

9. Burd'e, P. Sociologija social'nogo prostranstva = Sociology of social space [Tekst] / P. Burd'e. – M. : In-t jeksperimental'noj sociologii; SPb. : Aletejja, 2007. – 87-96 s.

10. Veblen, T. Teorija prazdnogo klassa = The theory of the idle class [Tekst] / T. Veblen. − M., 1984.

11. Gorc, A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital = Non-material. Knowledge, cost and capital [Tekst] / A. Gorc. – M. : Izd. dom GU VShJe, 2010. – S. 70.

12. Debor, G. Obshhestvo spektaklja = Society of performance [Tekst] / G. Debor. – M. : Logos, 1999. – 224 s.

13. D'jakova, E. G., Trahtenberg, A. D. Massovaja kommunikacija i problema konstruirovanija real'nosti: analiz osnovnyh teoreticheskih podhodov = Mass communication and problem of designing reality: the analysis of the main theoretical approaches [Tekst] / E. G. D'jakova, A. D. Trahtenberg. – Ekaterinburg : UrO RAN, 1999.

14. D'jakova, E. G., Trahtenberg, A. D. Massovaja kommunikacija: modeli vlijanija. Kak ustanavlivaetsja povestka dnja? = Mass communication: influence models. How is the agenda established? [Tekst] / E. G. D'jakova, A. D. Trahtenberg. – Ekaterinburg : Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 2001.

15. D'jakova, E. G., Trahtenberg, A. D. Ustanovlenie povestki dnja: teorija i tehnologija = Establishment of the agenda: theory and technology [Tekst] / Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. – Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2005.

16. Ivanjan, Je. A. Kul'turnyj aspekt rossijsko-amerikanskih otnoshenij = Cultural aspect of the Russian-American relations [Jelektronnyj resurs] // Rossija i Amerika v XXI veke: jelektronnyj nauchnyj zhurnal = Russia and America in the XXI century: online scientific magazine. – URL: http://www.rusus.ru/

17. Il'in, V. I. Povedenie potrebitelej = Consumer behavior [Tekst] / V. I. Il'in. – SPb. : Piter, 2000.

18. Kara-Murza, S. G. Anomija v Rossii: prichiny i projavlenija = Anomy in Russia: reasons and manifestations [Tekst] / S. G. Kara-Murza. – M. : Izd-vo Nauchnyj jekspert, 2013. – 264 s.

19. Kara-Murza, S. Manipuljacija soznaniem = Manipulation with consciousness [Tekst] / S. G. Kara-Murza. – M., 2004.

20. Kaftandzhiev, H. Semiotika absoljuta = Absolute semiotics [Tekst] / H. Kaftandzhiev. – M. : Izd-vo RIP-holding, 2006. – 354 s.

21. Kul'tura naprjamuju vlijaet na jekonomiku = Culture directly influences economy [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?

22. Kurillo, I. Rossijsko-amerikanskie otnoshenija v istoricheskoj retrospektive = The Russian-American relations in a historical retrospective [Jelektronnyj resurs] / I. Kurillo. – URL: https://eu.spb.ru/news/17771-rossijsko-amerikanskie-otnosheniya-v-istoricheskoj-retrospektive

23. Leonova, A. Obshhestvo problematichnogo vzaimodejstvija = Society of problematic interaction [Tekst] // Indeks: dos'e na cenzuru. 22/2005.

24. Lippman, U. Obshhestvennoe mnenie = Public opinion [Tekst] / U. Lippman. – M. : Izd-vo in-ta Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004. – 384 s.

25. Markuze, G. Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideo¬logii razvitogo industrial'nogo obshhestva = Eros and civilization. One-dimensional person: A research of Social structure and anomy of the developed industrial society [Tekst] / per. s angl., poslesl., primech. A. A. Judina. − M. : OOO Izdatel'stvo ACT, 2003. − S. 111.

26. Merton, R. Social'naja struktura i anomija = Social structure and anomy [Tekst] / R. Merton. – M. : Izd-vo Progress, 1966. – S. 299-313.

27. Morozov, Ju. V. Primenenie Soedinennymi Shtatami «mjagkosilovogo arsenala» v sovremennom mire = Use by the United States of "soft-power arsenal" in the modern world [Jelektronnyj resurs] / Ju. V. Morozov. – URL: http://www.rusus.ru/?act=search&text_search EA%F3 %EB%FC%F2 %F3 %F0&search_page=8

28. Naj, Dzh. S. Gibkaja vlast'. Kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike = Flexible power. How to achieve success in world politics [Tekst] / Dzh. S. Naj. – Novosibirsk / Moskva, 2006.

29. Podlesnyj, P. T. Jevoljucija rossijsko-amerikanskih otnoshenij posle Holodnoj vojny: ot «partnerstva» k novoj konfrontacii (1992-2012 gody) = Evolution of the Russian-American relations after the Cold War: from «partnership» to new confrontation (1992-2012) [Jelektronnyj resurs] // Rossija i Amerika v XXI veke: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. – № 3, 2015. – URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=456

30. Ujel'bek, M. Mir kak supermarket = World as a supermarket [Tekst] / per. s franc. N. Kulish. – M. : Izdatel'stvo Ad Marginem, 2003.

31. Chernysh, M. Rossija derzhit marku = Russia maintains the reputation [Jelektronnyj resurs] // Kontekst = Kontekst− № 5. − 2000. − Rezhim dostupa: http://www.soob.ru/

32. Hantington, S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce HH veka = The third wave. Democratization at the end of the XX century [Tekst] / S. Hantington. – M. : ROSSPJeN, 2003.

33. Harris, R. Psihologija massovyh kommunikacij = Psychology of mass communications [Tekst] / R. Harris. – SPb., 2002

34. Shustina, I. V. Priemy skrytogo vozdejstvija v politicheskoj ritorike = Methods of hidden influence in political rhetoric [Tekst] // Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo» = Materials of the conference «Ushinsky Readings», 2016. – S. 156-161.

35. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – New York, 1976. – R. 36.

36. Huntington, S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press. – Norman and London, 1991.

37. Lefebvre, H., Levich, C. Everyday and Everydayness. – Yale French Studies. − 1987. – Vol. 73. − P. 7−11.

38. Lurie, A. The Language of Clothes. The Definitive Guide to People Watching through the Ages. – Hamlyn Paperback, 1983.

39. Nye, J. S. What China and Russia Don't Get About Soft Power. «Foreign Policy», 30/04/2013. – URL: http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html

40. Nye, J. S, Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York, 1990. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York : Public Affairs, 2004.

41. Nye, J. S. (Jr.) The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective. Foreign Affairs, November/December 2010. – pp. 1-10.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.08.2018
Дата принятия статьи к печати: 11.10.2018

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Историческая прагматика. Использование языка во времени

SCIENTIFIC LIFE

Historical pragmatics. Use of language in time

16-17 февраля 2018 г. в Падуанском университете (The University of Padua, Italy) – одном из старейших университетов Европы (основан в 1222 г.) – состоялась международная научная конференция «Использование языка во времени. Историческая прагматика» («Language use Across Time: What you didn't Know you've Always Wanted to Know about Historical Pragmatics»). Организатором конференции выступил Департамент лингвистических и литературоведческих исследований (профессора Анна Беттони, Сара Джезуато, Чечилия Полетто). В конференции приняли участие более 30 ученых из 14 стран мира. Участники конференции исследовали различные проблемы: вежливость, письменные дискурсивные практики, стратегии взаимодействия, историографию, феминистские речи и др. Материал докладов был связан с исследованием на нескольких языках: английском, французском, иврите, японском, корейском, латинском, китайском, португальском, русском, испанском и других.

С пленарным докладом «Методы в исторической прагматике: исследование речевого акта» выступил профессор **Андреас Юкер** (Клэр-Холл, Кембридж, Цюрихский университет). Он сконцентрировал внимание на приветствиях, имеющих обычно небольшой набор языковых форм, и комплиментах, которые, как правило, могут быть реализованы разными способами, а также провел категоризацию метакоммуникационных выражений. Кроме того, Андреас Юкер выступил с лекцией «От «Я кричу во все горло Вам mercy» до «Упс, извините»: извинения в истории английского». Профессор отметил, что извинения обычно предполагают ответственность за фактическое или предполагаемое правонарушение, и показал, как развились извинения в истории английского языка с 1810 по 2010 гг. Современные английские извинения, как правило, реализуются как классическим набором формул (sorry, excuse, apologise, pardon), так и новыми формами («oops, sorry», «my bad» и другие). По его мнению, на протяжении столетий изменились не только модели реализации извинений, но и их функциональный спектр.

Профессор **Ирма Таавитсайнен** (Университет Хельсинки, Финляндия) выступила с лекцией «Динамика жанра в позднем современном английском: социальная прагматическая оценка». Она исследовала жанры медицинской литературы периода королевского общества (1662-1800 гг.). По ее мнению, жанры являются динамическими культурными схемами и показывают, как медицинское знание распространялось в среде профессиональных врачей-аптекарей, представителей образованного общества и клиентов растущего медицинского рынка в период роста употребления медицинских услуг. Ирма Таавитсайнен высказала мнение, что новые медицинские жанры создавались для образованного общества. Очень часто использовалась пометка «эссе» как ярлык профессиональных медицинских текстов для ученых аудиторий, часто с коннотациями скромности. Другие медицинские тексты были реализованы в жанре «диссертация», «брошюра», «торжественная речь», «лекция».

Джордж Аарон Бродуелл (Университет Флориды) выступил с докладом «Реконструкция уважительного обращения в текстах народов Флориды XVII в.». Он посвятил свой доклад вымершему коренному языку Флориды – тимуква. Основываясь на переводах на язык Тимукуа европейских поучительных историй XVII в., он восстановил

© Биазио М., Никифоров Ю. С., 2018

систему почетной маркировки и социальную стратификацию коренных народов.

Май-Бритт Мосгьор Хансен (Манчестерский университет, Великобритания) в докладе «Циклы прагматизации: случай латинского nunc и французского or / maintenant» анализировал эволюцию латинских наречий, от старых до современных французских эквивалентов.

Юанюан ЙИН (Токийский университет, Япония) в докладе «Маркеры комментариев вне предложения на японском языке через формирование и развитие типа „niwa”» проанализировал формирование и развитие глагольных наречий, сравнив английский и японский языки.

Хюн Юнг Коо (Университет Сангмюн, Южная Корея) и **Сеонгха РХЕЕ / Сонга RHEE** (Университет иностранных языков Хангкук, Южная Корея) в докладе «От разговора с самим собой до грамматики: появление парадигм из самоцитируемых вопросов на корейском языке» отметили, что корейский имеет большой запас частиц и связок в конце предложения, которые становятся грамматическими маркерами, принадлежащими к семантическим областям уверенности, воли говорящего, оценки состояния дел.

Виктор Лара Бермехо (Университет Берна, Швейцария) и **Анна Гильхерме** (Новый университет Лиссабона, Португалия) в сообщении «Сложность в системе вежливости европейского португальского» исследовали португальский язык, сравнив его развитие в течение прошлого века на основе результатов полевых экспедиций и анализа диалектных атласов. Их исследование показало, что система множественного числа различается на севере и юге Португалии.

Эрик Мелак (Университет Поля Валери Монпелье-3, Франция), **Дебра Зиглер (**Университет Сорбонна Ноувелле, Париж-3, Франция**), Фолькер Гаст** (Университет Йены, ФРГ) в докладе «Either в конце предложения: незаконный ребенок нонконформизма» исследовали социально-исторические данные из предписывающих грамматик XVIII в., показав, что ограничения в конце предложения относятся к нестандартным диалектам того времени и объясняются различиями народной логики и более «изысканных» диалектов.

Акико Окамура (Университет Такасаки, Япония) в докладе «Влияла ли глобализация и распространение английского языка на аллокутивные формы в Японии?» исследовала использование японцами форм обращения между мужчинами и женщинами за последние сорок лет. Чтобы зафиксировать историческое изменение форм адреса между мужчинами и женщинами в формальном и неформальном контексте, она проанализировала данные из 3 источников: опросников, интервью и японских фильмов. Результаты ее исследования показали, что чаще всего мужчины и женщины использовали фамилии, чтобы называть своих одноклассников в школьном общении, двадцать лет назад, то есть до конца 1990-х гг. После рубежа веков первые имена стали использоваться чаще, чтобы показать знакомство в школе. А. Окамура отметила, что изменения совпали с глобализацией: мобильность людей и Интернет распространили английские аллокутивные формы, потеснив традиционные японские.

Seongha RHEE (Университет иностранных языков Хангкук, Южная Корея) в докладе «Путь правды: случай прагматикализации маркеров дискурса на корейском языке» осветила тему дискурсивных маркеров в корейском языке (cham 'правда', chammal 'истинное слово', cengmal 'правильное слово', cincca 'подлинная вещь', silun 'факт'), их семантическое и функциональное изменение в ходе их прагматикализации.

Джудит Родс (Университет Бирмингема, Великобритания) в докладе «Некоторые прагматические аспекты исторического создания миниатюр: отличительная особенность подхода квакеров» исследовала историческую практику административной миниатюры, разработанной квакерами в течение трех столетий. Она изучила коммуникативные модели, связанные с речевыми актами, и исследовала лингвистические обычаи, восходящие к концу XVII в., в частности употребление времен, индикаторы положения и др.

Стефан Шнайдер (Университет Граца, Австрия) в докладе «От глаголов до глагольных маркеров: историческое развитие на испанском языке» проанализировал 4 испанских когнитивных глагола (creo, imagino, pienso, supongo) в текстах Корпуса дель Нуэво (Instituto de Investigación Rafael Lapesadela Real Academia Española) и проследил их эволюцию от древнеиспанского до современного испанского. Его исследование показало, что каждый глагол проходит 2 прагматических этапа: глагол приобретает способность иметь предложение в качестве аргумента; глагол приобретает эпистемический смысл**.**

Хорст Симон (Свободный университет Берлина, ФРГ) и **Юлия Хуйбер** (Свободный университет Берлина, ФРГ) в докладе «Прагматическое осознание в XVII в.» исследовали 250 многоязычных учебников раннего нового времени для обу-

чения современным иностранным языкам. Они анализировали проявления вежливости, приветствия и другие типы речевого акта.

Витторио Тантуччи (Университет Ланкастера, Великобритания) в докладе «Эволюционный подход к семасиологическому изменению частицы «ba» в севернокитайском языке» исследовал эволюцию окончаний, начиная с династии Цин (1644-1911) до нынешнего времени. Он пришел к выводу, что окончание «ожидаемое действие» эволюционировало в «ожидаемую уверенность».

Рути Барденштейн (Тель-Авивский университет, Израиль) в докладе «Путь грамматизации дискурсивных маркеров: случай be'etsem ("на самом деле")» исследовала грамматизацию be'etsem от его раннего использования в Библии и Талмуде до современного иврита.

Даниэла Чезири (Венецианский университет «Ca 'Foscari», Италия) в докладе «Дискурсивная практика в феминистских речах: диахронный анализ с позднего нового периода до наших дней» анализировала 12 выступлений феминистских активистов, чтобы выявить повторяющиеся дискурсивные практики. Она установила диахроническую эволюцию этих практик с позднего нового периода до наших дней. Полученные данные показали, что речь феминисток характеризуется использованием терминов «женщины и права», а также конкретными социально-политическими аспектами (голосование и избирательное право, угнетение и власть, пол и образование и другие).

Нурия Калво Кортес (Мадридский университет Комплутенсе, Испания) в сообщении «Соблазнение и несчастье: вежливость в петициях британских слуг XVIII в. с незаконными детьми» проанализировала корпус из 50 ходатайств от женщин, которые просили, чтобы их приняли в лондонской Foundling Hospital. Ее данные показали, что уровень формальности ходатайств лишь слегка влиял на вежливость: руководства по написанию писем влияли на формулировки формальных ходатайств, некоторые различия в стратегиях вежливости не были определяющим фактором для идентификации авторов петиций.

Линда Геннис (Свободный университет Берлина, ФРГ) и **Таня Акерман** (Свободный университет Берлина, ФРГ) в докладе «В этом виновата кожа»: руководство по рассмотрению жалоб и обвинений в раннее новое время» рассмотрели асимметричные коммуникативные ситуации (торг, сбор долгов, жалобы клиентов) из разных учебников как реальные практики повседневных деловых переговоров раннего нового времени.

Северин Хоф (Университет Цюриха, Швейцария) в докладе «Языковая идеология в древнегреческой драме» исследовал оригинальный древний литературный текст трагедии Софокла «Аякс», проанализировав в пьесе сложные металингвистические высказывания о женском плаче.

Майк Ингам (Университет Линнан, Гонконг) в сообщении «Неоднозначность и семантические роли в Шекспире: к прагматике драматической интерпретации для говорящих на других языках» рассматривал трудности в расшифровке шекспировской стиховой драмы и ее современный контекст с педагогической точки зрения. Он проанализировал эмпирические данные опроса и творческой работы студентов.

Йоанна Копачик (Университет Глазго, Великобритания) в докладе «Дискурсивное построение оскорблений и клеветы» исследовала прагматическое пространство оскорблений в литературных и юридических текстах ранней новой Шотландии. Она проанализировала демаркацию литературного, преднамеренного оскорбления и юридически обязательного обвинения.

Гюнтер Мартин (Университет Цюриха, Швейцария) и **Федерика Юреша** (Цюрихский университет, Швейцария) в стендовом докладе «Тушение конфликтов: стратегии дискурса в греческих и римских трагедиях» исследовали заключительные словосочетания в древней трагедии. Они пришли к выводам, что согласно правилам жанра, трагедии касаются конфликтов, которые не находят мирного решения.

Марко Биазио (Падуанский университет, Италия) в стендовом докладе «Этикет глагольного вида: как и почему "просить" осталось неизменным» предположил, что отсутствие закрепленного видового коррелята древнерусского (протоимперфективного) глагола «просити» в директивных речевых актах можно объяснить отсутствием подходящего аллокутивного местоимения, которое выражает коммуникативную вежливость и социальное расстояние между собеседниками (современное уважительное Вы).

Гюнтер Мартин (Университет Цюриха, Швейцария), **Федерика Юреша (**Университет Цюриха, Швейцария), **Северин Хоф** (Университет Цюриха, Швейцария) в стендовом докладе «Прагматика диалога в древней трагедии» представили проект по изучению прагматики в трагедии Древней Греции и Рима.

Юрий Никифоров (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия) в стендовом докладе «Язык русского историка и культура

представления исторического текста на рубеже XIX–XX вв.: эволюция дискурсивных практик в исторической памяти» проанализировал влияние социального контекста и идеологии на язык историков «русской исторической школы».

Виктория Трубникова (Университет Падуи, Италия) в стендовом докладе «”Пожалуйста”, “спасибо”, “извините меня” – почему вы не можете вести себя естественным образом: лингвистическая вежливость в постреволюционной Советской России» провела дискурсивный анализ вымышленных диалогов в романе Михаила Булгакова «Собачье сердце», рассмотрев архетипы старой царской эпохи и большевистского режима на примере образов профессора Преображенского и Шарикова.

Клаудия Збенович (Колледж Хадасса, Иерусалим, Израиль) в стендовом докладе «Отслеживание причин прагматического изменения взаимодействия студентов и преподавателей: российский и израильский университетский дискурс в течение последних 70 лет» исследовала коммуникативные практики в университете, академический дискурс и увеличение неформальности во взаимодействии студентов с преподавателями. Основное внимание К. Збенович уделила эволюции риторических стратегий аргументации и формул вежливости.

Количество участников и качество докладов убедительно свидетельствовали об успехе прошедшего научного мероприятия и о необходимости расширения сферы научного действия исторической прагматики, которая как научная дисциплина появилась относительно недавно, но все больше и больше привлекает внимание ученых, принадлежащих к самым разнообразным научным специальностям. Надеемся, что эта научная конференция могла бы служить первым шагом к организации подобных симпозиумов как в западных, так и в восточных странах.

(Биазио М., Никифоров Ю. С.)

Детская книга: издательские стратегии и актуальные читательские практики

Children's book: publishing strategy and relevant reader's practices

Завершились Третьи Крыловские чтения (15-24 октября 2018 г.), организаторами которых уже традиционно являются Ярославский центр регионального литературоведения ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и Ярославская областная детская библиотека им. И. А. Крылова. В нынешнем году в число соорганизаторов вошел и созданный недавно в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского научно-просветительский проект «Русский логос».

Основным событием Чтений стала всероссийская научно-практическая конференция «Детская книга: издательские стратегии и актуальные читательские практики» (15-17 октября 2018 г.), посвященная уникальному событию – 100-летию со дня основания Ярославской областной детской библиотеки им. И. А. Крылова. В работе конференции приняли участие представители вузовской науки и специалисты в области детского чтения со всей страны – из Москвы, Ярославля, Архангельска, Брянска, Вологды, Иванова, Магадана, Орла, Рязани, Ялты, Арзамаса, Тутаева. Профессиональная аудитория составила около 180 человек.

Основными площадками первого дня конференции стали факультет русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и читальный зал Ярославской областной детской библиотеки им. И. А. Крылова. При открытии пленарного заседания участников и гостей конференции приветствовали проректор по научной работе ЯГПУ, к. пед. н., доцент Александр Михайлович Ходырев, заместитель директора департамента культуры Ярославской области Галина Анатольевна Сиротина, декан факультета русской филологии и культуры ЯГПУ к.пед. н. Светлана Юрьевна Родонова и Елена Витальевна Петрова – директор Ярославской областной детской библиотеки им. И. А. Крылова.

На пленарном заседании были представлены уникальные книгоиздательские проекты. К. пед. н. Елена Николаевна Мартынова представила «Красную азбуку природы Ярославского края», созданную в 2017 г. совместными усилиями ЯГПУ и Фонда содействия развитию Ярославля и Ярославской области. Издание, ставшее символом Года экологии на региональном уровне, исходно является учебным пособием по обучению первоклассников чтению, но также призвано познакомить юных ярославцев с представителями флоры и фауны, занесенными в «Красную книгу» Ярославской области, и шире – заложить основы экологического образования и воспитания, понимаемого авторами как целенаправленное воздействие на духовное развитие детей, формирование у них ценностных установок, нравственно-экологической позиции. Во время презентации проекта были проанализированы образовательный и воспитательный потенциал структурных компонентов Красной азбуки, обозначены проблемы современной детской учебной книги. Елена Витальевна Петрова, директор Ярославской областной детской библиотеки им. И. А. Крылова, познакомила собравшихся с юбилейным изданием «Сто историй о Крыловке», подготовленным на основе богатых архивных материалов и воспоминаний бывших читателей и сотрудников библиотеки. Заместитель директора Ярославской областной детской библиотеки Елена Владимировна Красулина на материалах «Литературного энциклопедического словаря Ярославской области», совместного проекта ЯГПУ и издательства «Академия 76», реализованного в 2018 г., выступила с обзором российских авторов XIX–XXI вв., пишущих для детей и связанных биографически и творчески с Ярославским краем. Ирина Александровна Никашкина, директор Орловской детской библиотеки им. М. М. Пришвина, представила выпущенную к 200-летию русского классика «Детскую тургениану Издательского дома „ОРЛИК”», в которую вошли редко издававшиеся или совсем неизвестные читателю произведения И. С. Тургенева – «Сказки» (2005), «Сказки Бежина луга» (2017), «Последний колдун» (2017), «Ночь в гостинице Большого Кабана» (2018). Эти книги уже стали заметным явлением не только местного краеведения, но и всей отечественной тургенианы.

Секретным кодом или новым типом коммуникации является язык современной молодежи? Над этим вопросом вместе с докладчиком, д. ф. н., руководителем научно-просветительского проекта «Русский логос», доцентом ЯГПУ Ларисой Вла-

© Сергеева А. Е., Скибинская О. Н., 2018

димировной Уховой, размышляли участники конференции. В письменной форме этот язык все чаще приобретает черты креолизованного текста, где словесные и несловесные знаки обладают равной значимостью; в роли несловесных знаков – с целью придать высказыванию эмоциональную окраску – выступают так называемые эмотиконы, более известные как смайлики. Однако сегодня можно констатировать и появление новой формы несловесного языка – эмоджи, с помощью которого молодежь не только выражает свои эмоции, но и отражает свои действия и состояния.

Заместитель директора по работе с детьми Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф. И. Тютчева, к. пед. н. Елена Михайловна Зезека представила доклад на тему «Поэты Земли Брянской: от замысла до воплощения».

Первый день конференции продолжился заседанием секции «Детское чтение: традиции и новации» (модераторы Е. В. Красулина и А. Е. Сергеева). Его открыло выступление Е. Н. Мартыновой, доцента кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, на тему: «Поддержка детского чтения в дошкольном образовательном учреждении». По мнению автора исследования, такая поддержка должна осуществляться на основе книговедческого, культурологического и системного подходов, которые требуют, во-первых, переключения внимания педагогов с текста на книгу как центральный предмет детской литературы, как предмет культурной развивающей среды, а во-вторых, создания модели развития дошкольного чтения, раскрывающей всю систему работы с книгой через организацию воспитательного, познавательного, творческого, краеведческого, семейного чтения, разработку соответствующих возрасту технологий.

Заведующая базовой кафедрой педагогических технологий дошкольного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Ялта), доцент Людмила Сергеевна Анисимова на основе имеющегося опыта в решении проблемы активизации патриотического воспитания в Республике Крым средствами детской литературы познакомила профессиональную аудиторию с ролью детской региональной литературы в развитии личности подрастающего поколения. В регионе работают более тридцати детских писателей, поэтов, лауреатов премий, конкурсов, авторов всероссийских детских журналов «Веселые картинки», «Мурзилка» и др.; многие их произведения посвящены природе родного края, истории, героическому прошлому Крыма. Вместе с тем полноценного методического продукта в виде программ, пособий, хрестоматий, включающих произведения крымских авторов, не представлено. Авторским вариантом решения данной проблемы является создание такого методического продукта и его внедрение в практику. Это возможно через теоретико-методологическое обоснование и проектирование целей, задач, содержания специальной программы и методических рекомендаций к ней.

В ходе выступления ее коллеги, доцента кафедры педагогического мастерства учителей начальных классов и воспитателей дошкольных заведений Академии Ирины Викторовны Осадчей, были выявлены и соотнесены педагогические средства, формы и методы включения детской книги в процесс нравственного воспитания личности ребенка. Отмечено, что одним из аспектов данного процесса может стать формирование ценностного отношения к детской книге, восприятию ее как источника вариантов жизненного опыта и поведения других людей в различных ситуациях.

Доклад главного библиотекаря Центральной детской библиотеки им. Ярослава Мудрого Централизованной системы детских библиотек г. Ярославля Марины Дмитриевны Даниловой «Алконост – птица светлой печали» было посвящено двум знаменательным датам – 100-летию издательства «Алконост» и 100-летию поэмы «Двенадцать». Основатель легендарного издательства С. М. Алянский стал другом Александра Блока в последние, тяжелые годы жизни поэта и написал о нем замечательные воспоминания – «Встречи с Александром Блоком». За короткий срок существования «Алконоста» в нем вышло 58 книг – произведения Андрея Белого, Александра Блока, Анны Ахматовой, Федора Сологуба, Вячеслава Иванова, Алексея Ремизова и др. Издания отличались высокой культурой художественного оформления и полиграфии. Томик произведений Блока (из посмертного собрания сочинений поэта), который открывает поэма «Двенадцать», был выпущен в 1923 г., в год закрытия «Алконоста».

Известный детский писатель, заведующая читальным залом филиала № 4 им. В. В. Терешковой Централизованной системы детских библиотек Ярославля Юлия Симбирская, постоянно проводит в библиотеке мероприятия по собственным книгам. В своем выступлении она раскрыла практические приемы удержания внимания ребенка через игру и использование оригинального визу-

ально-предметного ряда. Именно в таких условиях ребенок формирует свою личную реальность, связанную с конкретной книгой, раскрепощается психологически и чувствует себя «соавтором» произведения.

Заведующая залом делового чтения Архангельской областной детской библиотекой имени А. П. Гайдара Ольга Викторовна Кузнецова поделилась опытом привлечения подростков в зал делового чтения библиотеки, находящейся вдали от школ. Авторские разработки библиотекарей (кроссворды, квесты, электронные викторины) даже в условиях повсеместной доступности интернета позволили заинтересовать школьников поиском информации в печатных книгах познавательного характера, научить их пользоваться справочно-библиографическим аппаратом.

В центре выступления заместителя директора издательства ООО «Роща» (г. Иваново) Наталии Владимировны Соколовой оказался еще один интересный книгоиздательский проект – «Полное собрание русских сказок», который составили 16 томов народных сказок, ранее выходивших в свет лишь однажды – в XVIII, XIX и начале XX вв. Собрание открывает целый ряд имен собирателей фольклора, практически неизвестных современному читателю: В. А. Левшина, И. Худякова, И. Сахарова, Б. Броницина, Д. Зеленина, А. М. Смирнова-Кутачевского, А. Эрленвейна, Е. Чудинского, О. Э. Озаровской, Д. Н. Садовникова, Н. Е. Ончукова.

Заведующая информационно-библиотечным центром средней школы № 72 Ярославля, магистрант ЯГПУ Екатерина Алексеевна Вьютнова, исследовала проблему повышения информационной культуры современного школьника посредством функционального чтения. А завершило работу первого дня конференции выступление заведующей детским садом № 41 Ярославля, внештатного сотрудника кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ Ольги Валерьевны Агутиной об особенностях организации семейного чтения в дошкольном образовательном учреждении, выявленных исследователем на основе работы на базе ДОУ семейного читательского клуба. Была отмечена особая роль этой формы работы в возрождении традиций семейного чтения, приобщении детей к чтению книг, формировании общей и читательской культуры воспитанников и их родителей.

Основными площадками второго дня конференции стали факультет русской филологии и культуры ЯГПУ и Центральная библиотека ЦБС Тутаевского муниципального района.

В центре внимания участников секции «Издательские стратегии и творческие личности» (модераторы Л. В. Ухова и О. Н. Скибинская) традиционно были произведения отечественной и зарубежной классики, а также актуальная литература. Заседание секции открыло выступление Людмилы Дамяновой Митевой, главного ассистента, доктора кафедры англицистики и американистики Университета Велико Тырново (Болгария), на тему: «Юношество в современной литературе для молодых людей». В частности, исследователем был проанализирован цикл из шести романов Айдана Чемберса «Что такое любовь?» – романов-кроссоверов, то есть книг, которые нравятся как подросткам, так и взрослым. Такие произведения содержат множество специфических элементов: «взрослые» темы, персонажи не только юного возраста, осложненный язык текста и др. Менее дидактические, они демонстрируют более сложное отношение к растущему осознанию молодыми людьми окружающего мира.

В центре доклада к. пед. н., доцента Московского городского педагогического университета Любови Владимировны Банниковой была специфика репрезентации юмора в современной французской книжной иллюстрации для детей и его влияние на успешность произведения.

Д.ф. н., профессор ЯГПУ Николай Николаевич Иванов в соавторстве с студенткой педагогического факультета Анастасией Алексеевной Гуськовой предложил вниманию слушателей варианты работы с произведениями из круга детского чтения, которые условно можно объединить концептом так называемого «христианского текста». К последним принадлежат интерпретации Библии, агиография, легенды и другие жанры, произведения фольклора и литературы, имеющие художественно-типологическую общность – общность мотивов и архетипов, семантики, микрообразности. Исследователи предприняли попытку найти соотношение между тематическим и художественным своеобразием христианского текста, подобрать и апробировать те формы разборов, интерпретации, анализа, которые диктуются психолого-педагогическими характеристиками и эстетическими запросами учащихся.

К.ф. н., доцент кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ Маргарита Гелиевна Пономарева проследила традиции средневекового бестиария в повести Дарьи Вильке «На другом берегу утра. Бестиарий святого Фомы». Художественный

мир этого произведения двойственен: реальные события соположены миру средневекового бестиария, который концентрирует аллегорический пласт повествования, прорывающийся в реальный мир через христианские сюжеты. «Я» – «Он» представляют в этом тексте не только грамматические, но и аксиологически насыщенные категории, позволяющие увидеть не только противопоставленные друг другу позиции героев, но обратимость происходящих событий в притчу. Сближение мира человека и мира животных в «бестиарии» выявляет доминанты поведения героев и формирует образ мира, в котором «вечное» и «историческое» проникают друг в друга и позволяют увидеть метафорическую множественность превращений отдельных элементов. Ее коллега, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ Елена Викторовна Никкарева, исследовала мотив возвращения в Аркадию в фэнтези-циклах Н. Щербы «Часодеи» и «Лунастры».

Заведующая кафедрой русской филологии и журналистики Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан) Юлия Юрьевна Магерамова исследовала способы семантизации устаревшей лексики в романе Б. Акунина «Детская книга».

Обращаясь к региональной составляющей, руководитель Ярославского центра регионального литературоведения ЯГПУ доцент Ольга Николаевна Скибинская в своем выступлении обозначила и проанализировала стратегии регионального детского книгоиздания конца XX – начала XXI вв. на примере становления и развития частных издательств Ярославской области. К.ф. н., доцент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск) Алена Владимировна Давыдова представила один из частных этапов в многолетнем исследовании Северного текста русской литературы для детей – мотивный и образно-семантический анализ повести С. Багрова «Белые сени». В ее выступлении был подробно рассмотрен центральный для произведения образ северной деревни, данный в двух аспектах: в пространствах социального и природного космоса, которые объединяет художественное время, выстроенное по календарному принципу. Кроме того, был проанализирован мифопоэтический подтекст, соотнесенный в повести с детским мировосприятием.

Ее коллега по университету, к. ф. н., доцент Ольга Павловна Плахтиенко, познакомила профессиональную аудиторию с уникальным диалогом родственных душ – многолетней перепиской всемирно известного детского писателя Астрид Линдгрен с девочкой-подростком Сарой Юнгкранц, опубликованной в 2012 г. в Швеции и переведенной в 2017 г. в России. В докладе были выявлены основные проблемы, волновавшие Сару и находившие отклик в ответах Астрид Линдгрен: детство, одиночество, власть, насилие, творчество, жизнь, смерть. Письма Сары предстают как ценный психологический документ, в котором раскрывается внутренний мир подростка, позже – взрослеющей девушки. Переписка является ярким примером уважения и помощи взрослого ребенку, переживающему кризисы, ищущему свое место в мире.

К. пед. н., доцент ЯГПУ Ю. А. Филонова проанализировала приемы создания психологизма в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно». С помощью традиционных приемов изображения внутреннего мира – художественной детали, именования героя, способа повествования – писатель вызывает сочувствие и сопереживание больным и страдающим людям, детям и взрослым, показывает трагичность детства. Одним из наиболее ярких приемов психологической характеристики становится отсутствие имен собственных у главных героев, тогда как второстепенные персонажи имеют имена. Благодаря этому обобщающему приему повесть приобретает метафорическое звучание, а ее персонажи становятся героями вне конкретного времени. В заключение к. ф. н., доцент кафедры методики дошкольного и начального образования Арзамасского филиала ННГУ Елена Александровна Жесткова в соавторстве со студенткой Татьяной Николаевной Петровой проанализировали роль семьи в воспитании подрастающего поколения на материале произведений А. П. Гайдара – «Голубая чашка», «Чук и Гек» и повести «Тимур и его команда».

На площадке Центральной библиотеки ЦБС Тутаевского муниципального района в тот же день прошло заседание секции «Библиотека. Общество. Ребенок» (модераторы – Галина Владимировна Бокова, директор ЦБС Тутаевского МР, и Анна Евгеньевна Сергеева, заведующая научно-методическим отделом Ярославской областной детской библиотеки им. И. А. Крылова). Открыло заседание выступление Г. В. Боковой, представившей проект программы по обучению учащихся старших классов библиотечно-

библиографическим знаниям в помощь проектной деятельности, широко распространенной на сегодняшний день в учебном процессе. Программа будет реализована совместно со школой на базе ЦДБ им. Н. Н. Носова МУК «ЦБС» Тутаевского муниципального района.

Заместитель директора по работе с детьми, заведующая ЦДБ им. Н. Н. Носова ЦБС Тутаевского МР Ольга Николаевна Климычева, проанализировала положение дел с поддержкой и развитием детского чтения в Тутаевском муниципальном районе Ярославской области, рассмотрела традиционные и инновационные практики библиотечной работы, а также комплекс мероприятий по продвижению имени библиотеки как культурного ресурса, работающего на ее имидж.

Татьяна Александровна Красавина, заведующая детским отделом Константиновской библиотеки ЦБС Тутаевского МР, познакомила коллег с наработками по историческому краеведению. Речь идет об опыте сотрудничества Константиновской библиотеки с Ярославским клубом исторических реконструкций «Северная сага»: костюмный экскурс в историю Ярославского края, в частности, в полиэтничный археологический комплекс Верхневолжья IX – начала XI вв. Тимеревское поселение, познакомила детей и подростков с материальной культурой прошлого, с общественным строем Древней Руси.

Ее коллега, Светлана Николаевна Левагина, ведущий методист научно-методического отдела Ярославской областной юношеской библиотеки им. А. А. Суркова, исследовала своеобразие воздействия биографий великих людей, помогающих в решении задач возраста, на юношество поколения Z, в частности, краеведческий аспект книг об А. М. Опекушине как мотив к чтению. А заведующая инновационно-методическим отделом Вологодской областной детской библиотеки Юлия Александровна Симонова обозначила территорию творчества – «Опыт Вологодской областной детской библиотеки по приобщению детей к чтению». Проект «Библиомастерская», реализуемый вологжанами, предусматривает интегрированные занятия, на которых мастер-классы по рукоделию сочетаются с беседой о книгах и писателях, литературными викторинами. В областном «Чемпионате по детскому чтению» дети соревнуются в умении рассказать о книге и прочитать отрывок текста в видеоролике.

Завершило заседание секции выступление заместителя директора Рязанской областной детской библиотеки Светланы Станиславовны Вайло на тему: «Чтобы детям с книгой было интересно». Она познакомила профессиональное сообщество с долгосрочными социально-культурными проектами своих коллег – эффективными методическими приемами и авторскими находками, нацеленными на активное продвижение чтения в местное сообщество. Это прежде всего литературно-творческие квесты, Митяевские литературные чтения, городской конкурс чтецов, занятия с канистерапевтом, театр теней, дискуссионный клуб, фестиваль чтения и другие.

Выездное заседание третьего дня конференции прошло на базе Вятской сельской библиотеки – культурно-досугового центра сельского поселения Красный Профинтерн Некрасовского муниципального района. Подведение итогов конференции завершилось экскурсией по историко-культурному комплексу «Вятское» им. Е. А. Анкудиновой.

Кроме конференции, в программу Крыловский чтений вошли встречи юных читателей с ярославскими писателями Юлией Симбирской и Юрием Масловым, театрализованная игра «Басни дедушки Крылова» и мастер-класс «Уроки дедушки Крылова», которые специалисты отдела организационно-массовой работы областной детской библиотеки и педагоги провели для учащихся интерната № 9. Д. филол. н., доцент кафедры теории коммуникации и рекламы, руководитель научно-просветительского проекта «Русский логос» ЯГПУ Лариса Владимировна Ухова познакомила семиклассников МОУ СОШ № 71 с «Неизвестным Крыловым».

(Сергеева А. Е., Скибинская О. Н.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: lanfra87@mail.ru

Арбатская Елена Оттовна – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: magda2004@gmail.com

Артамонова Ольга Александровна – младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: lelyaartamonova91@mail.ru

Бабурина Наталья Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: beam11nataly@yandex.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., д. 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Бейм Виктория Валерьевна – преподаватель кафедры немецкой и французской филологии ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова». 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17. E-mail: beym.viktoriya@mail.ru

Белов Вадим Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2 (Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China). E-mail: e71mih@mail.ru

Воронина Ольга Александровна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры ФГБУН «Институт философии РАН». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: olga-voronina777@yandex.ru

Воронко Екатерина Петровна – аспирант кафедры немецкого языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119571 г. Москва, пр. Вернадского, д. 88. . E-mail: arbeit. 2014@mail.ru

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: jangap@yandex.ru

Глебова Екатерина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет». 400005, г. Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, д. 28. E-mail: eaglebova@mail.ru

Джумайло Ольга Анатольевна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, д. 93. E-mail: dzum2@yandex.ru

Ермолин Евгений Анатольевич – кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: ox-eye2@yandex.ru

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: tatyaner@yandex.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Кондратенко Михаил Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: mmkondratenko@gmail.com

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Леденев Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: aledenev@mail.ru

Лепехин Николай Николаевич – кандидат психологических наук, доцент факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. E-mail: lepehin-n@mail.ru

Лихоманова Анна Алексеевна – преподаватель ФГБОУ ВО «Рыбинский государственный авиационный технический университет имени П. А. Соловьева». 152934, г. Рыбинск, ул. Плеханова, д. 2. E-mail: anna.lik-R@yandex.ru

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Макеева Светлана Григорьевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: vvmaketi@rambler.ru

Малыгина Лидия Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: admlik-bez@gmail.com

Менькова Нелли Вениаминовна – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского филиала ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ имени А. С. Пушкина». 150014, г. Ярославль, ул. Чайковского, д. 9. E-mail: Nellvmen@yandex.ru

Можегов Владимир Ильич – соискатель ФГБУН «Институт философии РАН». 109240, г. Москва, Гончарная ул., д. 12 стр. 1. E-mail: ilichenator@gmail.com

Мокляк Владимир Иванович – преподаватель русского языка и литературы ГПОАУ ЯО «Ярославский колледж гостиничного и строительного сервиса». 150043, г. Ярославль, ул. Чкалова, д. 34. E-mail: matturino@rambler.ru

Нефедова Любовь Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119571 г. Москва, пр. Вернадского, д. 88. E-mail: nefedovalub@mail.ru

Никифоров Юрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: nikifor2108@yandex.ru

Осьмачко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: osmachko57@mail.ru

Панова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, преподаватель МУДО ДШИ имени Е. М. Стомпелева. 150006 г. Ярославль, ул. Спортивная, д. 4. E-mail: kesma@yandex.ru

Петрова Марина Валерьевна – доцент кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: petro_mar@mail.ru

Пефтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: keu08@yandex.ru

Плуженская Любовь Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: l.pluzhenskaya@yspu.org

Полетаева Виктория Валерьевна – начальник Центра содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: poletaeva-viktorija@rambler.ru

Протанская Елена Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры». 191186, г. Санкт- Петербург, Дворцовая наб., д. 2. E-mail: proels2007@yandex.ru

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: rvrazumov@list.ru.

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Сосой Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: osajar@mail.ru

Суханова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Тихомирова Анастасия Леонидовна – студентка 4 курса ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: nst.tih@yandex.ru

Тюкина Людмила Александровна – заведующая кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский пр., д. 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Цветкова Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: astra-211@ mail.ru

Цыбова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры французского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД». 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: icona-yar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreeva Valeriya Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Philology Department of FSBEI HE «Kostroma State University». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. E-mail: lanfra87@mail.ru

Arbatskaya Elena Ottovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of teh Journalism Department of FSAEI HE «Tumen State University». 625003, Tumen, Volodarsky Street, 6. E-mail: magda2004@gmail.com

Artamonova Olga Aleksandrovna – a junior research assistant of the Research Department of FSCEI HE «Yaroslavl Higher Military College of Antiaircraft Defense». 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: lelyaartamonova91@mail.ru

Baburina Nataliya Fiodorovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ways of Training History and Social Studies Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: beam11nataly@yandex.ru

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign Language and Speech Culture Department of FSCEI HE «Nizhni Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs». 603081, Nizhni Novgorod, Ankudinovskoe Highway, 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Beym Viktoriya Valerievna – A teacher of the German and French Philology Department of FSAEI HE «Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov». 163002, Archangelsk, Severnaya Dvina Embankment, 17. E-mail: beym.viktoriya@mail.ru

Belov Vadim Alekseevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the German Philology and Intercultural Communication Department of FSBEI HE «Cherepovets State University». 162600, Chereppovets, Lunacharsky Avenue, 5. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Boldyreva Elena Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign Languages Institute of South-West University, Chongqing, China. 400715, Tiansheng road, Nº 2, Beibei district Chongqing Municipality, China. E-mail: e71mih@mail.ru

Voronina Olga Aleksandrovna – Doctor of Philosophical Sciences, a leading researcher of the Sector of Culture Philosophy of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya Street, 12, Building 1. E-mail: olga-voronina777@yandex.ru

Voronko Ekaterina Petrovna – a post-graduate student of the German Language Department of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 88. E-mail: arbeit.2014@mail.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: jangap@yandex.ru

Glebova Ekaterina Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department of FSBEI HE «Volgograd State technical University ». 400005, Volgograd, Prospekt imeni V. I. Lenin, 28. E-mail: eaglebova@mail.ru

Dzhumaiylo Olga Anatolievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory and History of World Literature Department of FSAEI HE «Southern Federal University». 344006, Rostov-on-Don, Universitetsky Lane, 93. E-mail: dzum2@yandex.ru

Ermolin Evgeny Anatolievich – Candidate of Art Criticism, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Journalism and Publishing Business Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: ox-eye2@yandex.ru

Erokhina Tatiyana Iosifovna – Doctor of Culturology, Professor, Vice-Rector for Education of FSBEI HE «Yaroslavl State Theatrical Institute». 150000,Pervomaiskaya Street, 15/ 43. E-mail: tatyaner@yandex.ru

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory and Ways of Training Philological Sciences in Primary School of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Kondratenko Mikhail Mikhilovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Language Theory and German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: mmkondratenko@gmail.com

Kulakovsky Mikhail Nikolaevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Ledenev Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of History of Newest Russian Literature in Modern Literary Process of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: aledenev@mail.ru

Lepekhin Nikolai Nikolaevich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Psychology of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University». 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9. E-mail: lepehin-n@mail.ru

Likhomanova Anna Alekseevna – a teacher of FSBEI HE «Rybinsk State Aeronautic Technical University named after P. A. Soloviov». 152934, Rybinsk, Plekhanov Street, 2. E-mail: anna.lik-R@yandex.ru

Lukin Oleg Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Language Theory and the German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Makeeva Svetlana Grigorievna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Ways of Training Philological Disciplines in Primary School Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: vvmaketi@rambler.ru

Malygina Lidiya Evgenievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Stylistics Department of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: admlikbez@gmail.com

Menkova Nelli Veniaminovna – a senior teacher of the Philosophy and History Department of the Yaroslavl Office of SAEI HE LO «LSU named after A. S. Pushkin». E-mail: Nellvmen@yandex.ru

Mozhegov Vladimir Iliich – an applicant of FSBIS «the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya Street, 12, Building 1. E-mail: ilichenator@gmail.com

Moklyak Vladimir Ivanovich – a teacher of the Russian Language and Literature of SPEAI YaR «Yaroslavl College of Hotel and Constructional Service». 150043, Yaroslavl, Chkalov Street, 34. E-mail: matturino@rambler.ru

Nefedova Lubov Arkadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the German Language Department of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 88. E-mail: nefedovalub@mail.ru

Nikiforov Yury Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department, a scientific secretary of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky»._150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: nikifor2108@yandex.ru

Osmachko Sergey Grigorievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of the Research Department of FSCEI HE «Yaroslavl Higher Military College of Antiaircraft Defense». 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: osmachko57@mail.ru

Panova Elena Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, a teacher of MIPE CSI named after E. M. Stompelev. 150006, Yaroslavl, Sportivnaya Street, 4. E-mail: kesma@yandex.ru

Petrova Marina Valerievna – Associate Professor of the Journalism and Publishing Business Department FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: petro_mar@mail.ru

Peftiev Vladimir Iliich – Doctor of Economical Sciences, Professor of the Economic Theory and Management Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: keu08@yandex.ru

Pluzhenskaya Lubov Vitalievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertizing Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: l.pluzhenskaya@yspu.org

Poletaeva Victoriya Valerievna – Head of the Center of Assistance in Employment of Students and Employment of Graduates of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: poletaeva-viktorija@rambler.ru

Protanskaya Elena Sergeevna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Psychology and Pedagogics Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg State Institute of Culture». 191186, Saint-Petersburg, Dvortsovaya Embankment, 2. E-mail: proels2007@yandex.ru

Razumov Roman Viktorovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: rvrazumov@list.ru.

Rozina Olga Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of SEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Radio Street, 10 A. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Sosoi Olga Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Language Theory and German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: osajar@mail.ru

Sukhanova Irina Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Tikhomirova Anastasiya Leonidovna – a 4-year student of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: nst.tih@yandex.ru

Tukina Ludmila Aleksandrovna – Head of the Foreign Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Technical University». 150023, Yaroslalv, Moskovsky Avenue, 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, a leading researcher of Media and Mass Arts of the Sector of Entertaining Culture of FSBRI HE «The State Institute of Art Criticism». 125009, Moscow, Kozitsky Alley, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Tsvetkova Olga Leonidovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertizing Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: astra-211@ mail.ru

Tsybova Irina Aleksandrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Senior Researcher of the French Language Department of FSAEI HE «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation». 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Yurieva Tatiyana Vladimirovna – Doctor of Culturology, Professor of the Journalism and Publishing Business Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: icona-yar@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 38,5 п. л., 34,5 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 270. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 24.12.2018
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69